

Мифологическое драконоведение

Т.А. Копычева

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ДРАКОНОВЕДЕНИЕ

ББК 82.3(0)
К55

Копычева Т.А.
К55 Мифологическое драконоведение / Т.А. Копычева. — М. : Вече, 2007. —
312 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-1824-2

Берете ли вы в драконов? Не в персонажей мифов и легенд, а в реальных, из плоти и крови, живых существ? Автор этой книги, суммируя едва ли не все известные людям сведения о драконах (порой диаметрально противоположные), не заставляет читателя делать какие-то определенные выводы. Однако, узнав в деталях, как выглядят драконы, как они учатся летать; постигнув тонкости драконьей анатомии и их повадки; изучив историю их весьма непростых отношений с людьми, внимательный читатель, несомненно, приобретет уникальные познания в области драконоведения. Даже если не во всем поверит автору...

ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-9533-1824-2

© Копычева Т.А., 2007
© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Дракон, вместо того чтобы быть тварью, порожденной фантазией арийца, как следствие созерцания молний, освещавших пещеру, в которой он обитал, как это полагают некоторые мифологи, есть животное, которое однажды жило и влачило свои тяжёлые кольца-извивы, и, может быть, даже летало...

Ч. Гульд. «Мифические чудовища»¹

ДРАКОНЪ м., [греч. δράκων] диаволь, чортъ. || Сказочный крылатый змей. || Полукрылатая ящерица жаркихъ странъ. || Название одного севернаго созвездія. || *Морской драконъ*, рыбка *Trachinus draco*. **Драконовъ**, ему принадлежащій. *Драконова кровь*, смола дѣрева **драконникъ** [*Salatus Draco*], кроваваго цвета. *Драконова голова*, растен. *Dracoscephalum*. **Драконка** ж. растен. *Dracaena*. **Драконический мѣсяцъ** астрономич. время обращенія луны вкругъ земли, относительно къ восходящему углу луннаго пути.

В. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»

Эта книга — о драконах.

Вообще о драконах написано много книг, но, посмею предположить, эта — особенная.

Начнем с того, что это первая книга о драконах, написанная в России. В книге сделана попытка объединить и систематизировать информацию, собранную в различных источниках, отражающую зачастую диаметрально противоположные точки зрения на одно и то же явление и так или иначе связанную с драконами.

Стоит подчеркнуть, что образ дракона волновал многих исследователей на протяжении веков. Но, как правило, драконы в этих исследованиях никогда не получали центральной роли, а авторы зачастую не допускали мысли о реальности существования драконов, придумывая самые разнообразные объяснения происходящему, вместо того чтобы просто принять данный факт как реальность.

«Камни с неба падать не могут!» Двести лет назад Парижская академия наук вынесла этот вердикт. Теперь же о метеоритах слышал любой школьник, а процитированная фраза стала символом особого явления — стремления отмахнуться от всего, что не вписывается в стройную картину мира академической науки. Есть и другая фраза, не столь популярная, потому что вслух она, как правило, не произносится, но справедливость которой молчаливо признает подавляющее большинство взрослого населения планеты. Эта фраза звучит так: «Драконы бывают только в сказках». Кто знает, не окажется ли она со временем синонимом первой?

4

Упоминания о драконах сохранились у многих народов мира, во всех родственных языках различных языковых групп, врезаны в самое сердце древней истории.

Большинство приводимых фактов и свидетельств дошли до нас в виде древних преданий, которые, как можно было бы предположить, имеют определенную связь с еще более древними фактами. Как мы увидим в дальнейшем, легенды и мифы разных времен и разных народов несут в себе слишком много похожих или полностью совпадающих сюжетов, описаний и примет, связанных с драконами. Их слишком много и они слишком удивительны, чтобы от них можно было просто отмахнуться.

В данной книге драконы — главное действующее лицо. Они везде — в хрониках, легендах, мифах, сказках, картинах и скульптурах.

Некоторые вопросы, которым не нашлось фактического подтверждения, строятся на предположениях, по крайней мере не противоречащих здравому смыслу.

Основой для книги послужили материалы сайта «Dragon's Nest» (Гнездо драконов).

Открытый 16 декабря 1999 года, аккурат в канун года Дракона, в марте 2000 года сайт стал лауреатом Национальной Интел Интернет-премии в категории «Персональные страницы».

Шестилетняя работа над сайтом привела к тому, что мы имеем на данный момент, — сайт по широте, объему и глубине охвата материалов не имеет себе равных не только в Рунете, но и в Интернете.

Но совершенно очевидно, что усилиями одного человека создать такое чудо было бы невозможно, и хотя сайт формально авторский, по сути, соавторами его являются сотни людей, живущих в самых разных городах и странах, а автор сайта исполняет почетные обязанности систематизатора и хранителя.

Хочется выразить особую признательность авторам, часто имеющим научные степени, за изучение образа дракона в разных культурах и сферах человеческой жизни, что делает этот образ многогранным и чуть более реальным.

Эта книга посвящается всем людям и существам, чьими усилиями живет и процветает Гнездо драконов, тем, кто пишет по электронной почте и высказывается в форуме; тем, кто присылает материалы и оказывает материальную поддержку сайту; тем, кто хвалит, и тем, кто критикует. И пусть зачастую мы не знаем реальных имен друг друга, а только сетевые ники, это не мешает нам быть вместе.

Всего доброго, Tannin

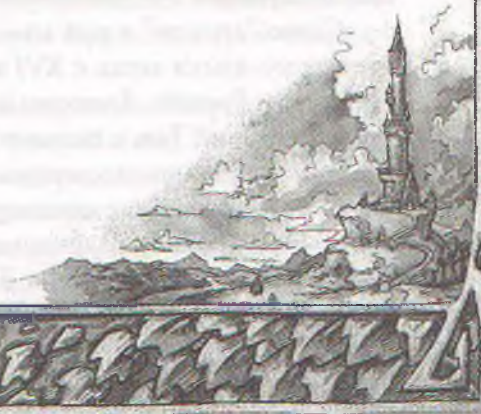
ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «ДРАКОН»

Прежде чем начать повествование, необходимо проследить истоки слова «дракон» и динамику его развития в различных языках и культурах, а также определиться в терминологии, уяснив особенности употребления слов «дракон», «змея» («змий») и «змея». Для этого прибегнем к помощи авторов, изучивших этот вопрос.

Как отмечает Andrew L. Sihler (Badger) в статье «Furwords», этимология слова «дракон» в европейских языках довольно хорошо прослеживается.

«В Лангведоке духи стихий назывались *drac*, во Франции *drogg*. Непосредственный источник — западно-римское (читай: французское) отражение латинского слова *draco*, *-onis* “дракон”, которое, в свою очередь, очевидно заимствовано от греческого *δράκων*, *-οντος*, обозначавшего некоего монст-

ра, обычно гигантскую змею, питона и т.п. Эта форма имеет форму причастия и, как мы увидим, может использоваться в качестве причастия. Однако поскольку греческой формой слова “драконесса” считается *δράκαινα*, то причастное окончание мужской формы — это переделка исходного имени существительного.

В древнегреческих текстах слово *δράκων* обозначало сказочное пресмыкающееся, относившееся к змеям. Общим названием змей было *ὄφις*. О принадлежности “дракона” к змеям говорит дважды употребленное поэтом Гесиодом (VIII—VII вв. до н.э.) в “Рождении богов” (“Теогонии”) словосочетание “змеи-дракон”.

В греческом языке *δράκων* означает “того, кто видит и наблюдает”. Греческая форма несомненно основана на корне, который хорошо просматривается, — *derk* — “смотреть, следить”. Он встречается в словах *δέδομαι* “ясно вижу” и *δέδορκα* “выследил”. Описания в мифах подчеркивают, что одна из особенностей драконов — они всегда на чеку и видят многое. Поэтому слово “видящий” идеально подходит, чтобы именовать одно из этих созданий — особенно в качестве эвфемизма (или, технически, “табуированного имени”: вы не хотите, чтобы они слышали, как вы говорите о них; по той же причине греки регулярно называли фурий Эвменид “милосердными” вместо их настоящего имени, Эринии).

Английское слово *dragon* заимствовано от французского и совпадает с ним по написанию: замена К на Г во французском языке часто случается при определенных условиях. (Сравните *aigu* и *acutus* “острый”, *vague* и *vacuus* “пустой”, *egal* и *aequalis* “равный”).

Само слово появилось в английском довольно поздно (в XIII в.), и, как иногда случается, в староанглийский язык это слово попало еще раньше из латыни (*draca*). Несомненно, в немецкий язык оно попало тоже достаточно рано, судя по старонемецкой форме *trahho*, демонстрирующей эффект сдвига второй согласной. Впоследствии первоначальная согласная испытала влияние со стороны исходного слова — в современном немецком это слово звучит, как *drache*².

Слово «змий», как и «змея», принадлежит к общеславянскому языковому фонду и, следовательно, восходит к глубокой древности.

Доцент исторических наук Г.И. Королев в статье «Змий или Дракон?» пишет следующее:

«Слово “дракон” в русском языке зафиксировано как заимствованное из греческого языка лишь с XVI в., а именно, начиная с текстов, переведенных Максимом Греком. Языковеды уже отмечали, что это слово употреблял Андрей Курбский. Так, в послании старцу Васьяну он писал: “О горе нам! Како не зрим прилежно мысленным своим оком древняго дракона, врага нашего бодрого, и никогда же спящаго... Он бо древле праотцем завистию во Едеме смерть сотвори”. Это вариация на тему библейского рассказа о змие — искустеле Адама и Евы (Быт. 3). “Дракон” Курбского означает то же, что и “змий” (“змея”). В одном из переводных романов (в списке XVII в.) отмечен

оборот: “Брунцвик... виде зверя льва и драка-змия”. “Драк” (вариант “дракона”) уточнен здесь как вид “змия”, или, иначе говоря, “драк” пояснен как “змий”.

Интересные данные о понимании переводчиками греческих слов *δράκων* и *φίς* дает Библия.

В Библии короля Иакова (1611 г.) 22 раза использовалось слово “дракон”, 3 раза — слово “змея”, 3 раза — “кит”, и один раз — “морское чудовище”.

В Библии 1663 г., воспроизводящей Острожскую Библию Ивана Федорова 1581 г., оба слова передавались “змием”. Так, в пророчестве о поражении (“низвержении”) злого существа это существо описано следующим образом: “змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана” (Апок. 12, 9). Тот же оборот содержится в исправленной Библии 1756 г. издания.

В синодальном переводе на русский язык (1876—1878 гг.), употребляемом и в современных переизданиях (например 1988 г.), стоят словосочетания “великий дракон”, “древний змий”, соответствующие греческому тексту со словами *δράκων* и *φίς*. Ясно, что речь идет об одном существе, которое в роли искушителя Евы (Быт. 3, 1) выступает под названием *φίς* — “змий” или “змея”. В Библии 1756 г. регулярно употребляется слово “змий”. Есть одно исключение. В рассказе о том, что Господь мечом поразит, словами перевода, “левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское” (Ис. 27, 1), в Библии 1756 г. для всех трех существ употреблено слово “драконт” соответственно греческому тексту. Отметим, что в 12-й главе Апокалипсиса, в которой говорится о том же самом пресмыкающемся, в переводе оно 5 раз названо драконом и 3 раза змием.

В древнерусских записях сказания “Чудо Георгия о змие” греческому *δράκων* соответствует “змий”. Описанный там змий, по выражению одной из рукописей XVI в., вышел из озера, “пушя грозный яд с пламенем огненным”. Это вполне привычный фольклорный образ огнедышащего “змея” (“дракона”).

В источниках XVIII в. тоже встречаются переводы иноязычного “дракона” русским “змий”. Так, в описании государственного герба, сделанного Ф. Санти в 1722 г. на французском языке, стоит *dragon*. В переводе же, сделанном, видимо, вскоре после сочинения Санти, это слово передано как “змий”. В книге профессора Ф.Г. Дильтея, напечатанной параллельно на французском и русском языках, в описании московского герба стоят слова *dracon* и “змея”. Для обозначения все той же фигуры слово “змий” употреблялось и независимо от переводческих нужд. Например, в описании герба Воейковых упоминается о “двух змиях” (“без крыл” и “с крыльями”).

Неясно, почему в XIX в. змия переименовали в дракона. Скорее всего потому, что слово “дракон” уже вошло в широкое употребление. Возможно, в переименовании проявилась начавшаяся тогда модернизация в геральдике, отчасти понимавшаяся как сближение с западноевропейскими геральдическими обычаями и терминами. Может быть, желали усилить различие в именовании дракона и реальной змеи. Не исключено, что слово “дракон” должно было грецизировать всадника и всю композицию.

История употребления слов “дракон” и “змий” показывает, что ими обозначалось одно и то же существо.

Разницу между изображениями “дракона” и “змия” усматривал Ю.В. Арсеньев. Имея в виду западноевропейский материал, Арсеньев характеризовал “дракона” как существо двулапое, с хвостом “вместо задних лап”, а “крылатого змея” — как существо о четырех лапах, забыв, видимо, упомянуть хвост. Отметим, что, подгоняя под приведенное различие между “драконом” и “змием”, Арсеньев назвал драконом казанское двулапое крылатое пресмыкающееся, в описании 1781 г. названное змием.

Проведенное Арсеньевым различие между существами по числу их лап несущественно и, во всяком случае, в русской эмблематической традиции отсутствует. Вообще именование московской гербовой фигуры «драконом» или «змием» так же зависело от сочинителей описаний, как и употребление этих слов в переводах древнегреческих произведений от переводчика, скажем, XX в.

Так, в трагедии Эсхила “Семеро против Фив” слово *δράκων* в изданиях 1937 и 1978 гг. передано “змеем” (в суждении Этеокла, что Паллада спасет город, и в характеристике Тидея). Во второй же строфе “Персов” в 1937 г. напечатано “змея”, а в 1978 г. — “дракон”. Различаются переводы *δράκωντόμαλλον* в “Просителях” — “поганных змиев” (в 1937 г.) и “клубок драконов” (в 1978 г.). В “Жертве у гроба” (или “Хозфорах”) в издании 1978 г. при справедливом сравнении женщин с Горгоной *δρακώδιν* переведено как “и змеи в волосах”. Сочинители описаний герба и переводчики пользовались теми словами, какие употреблялись в их время. Если в XIX—XX вв. были в обиходе одновременно два слова, то они выбирали одно из них.

В заключение “змеиность” дракона подтвердим его библейским родословием: “Из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон”, или, по-старинному, “от племени бо змиина изыдет пород аспидск, и пород их изыдет змия паряща” (Ис. 14, 29)³.

Теперь обратимся к исследованию «12-летний календарный цикл — древнейшая система исчисления времени народов Центральной Азии».

«У ряда тюркоязычных народов (казахи, киргизы, крымские татары, ставропольские трухмены и ногайцы) дракон обозначается словом *uluw*, у алтайцев и телеутов — в варианте *ult*, по-монгольски — *luu*, среди уйгуров, узбеков, туркмен и части казахов употребляется иное слово — *baltq*, т.е. “рыба”.

В кумандинском диалекте встречается обозначение *ker-baltq*. Слово *ker* в алтайском языке имеет значение “чудовище, страшно большой зверь”. Следовательно, словосочетание *ker-baltq* можно перевести на русский язык как “огромная, небывалых размеров рыба” или “ужасного вида водное существо”.

Генетическую связь тюркского *uluğ* и китайского *long* (в русской транскрипции лун) 龍 можно видеть не только в аспекте семантики, но и с учетом фонетических чередований, характерных для многих тюркских языков. Тюрк-

ское и китайское *uluw* и *long* — гомогенны и возникли в древнетюркском языке на базе первичного значения слова *uluğ* “большой, огромный; страшный” (зверь, животное) > “ящер; крокодил; дракон”.

Персы использовали слова *nāhāng* “кит; крокодил; акула; мифическое морское чудовище” и *temsab* “крокодил, кайман, аллигатор”.

В трудах известного ученого-востоковеда В.В. Бартольда есть перевод сочинения мусульманского писателя XI века Гардизи, в котором изложен древнетюркский сюжет.

Однажды, когда предводитель кимаков — шад стоял с народом своим на берегу Иртыша, из реки послышался голос, взывающий о помощи. Шад за волосы вытащил из воды свою будущую жену Хатун. Она рассказала, что *nehang* (крокодил, дракон) схватил ее с берега реки. Гардизи сообщает о почитании реки, вернее о поклонении местных племен божеству — водяному дракону: “Река — бог кимаков”.

В тюркских языках смысл слова *uluw* затемнен и трактуется по-разному, как водное или летающее животное, либо как хищник из семейства кошачьих.

Монгольское слово *luu* имеет следующие значения — “дракон” и “змея” и, по всей видимости, этимологически близко казахскому *uluw* и китайскому *long*, вьетнамскому *laung* — “дракон”. Однако для обозначения пятого циклического знака и года дракона китайцы используют циклический знак *chen* “чэнь” 辰.

В современных словарях казахского языка *uluw* переводится на русский язык как “улитка; моллюск”, ранее это слово означало “крокодил”. Здесь можно привести интересный факт из средневековой скандинавской культуры: свои боевые быстроходные суда викинги называли *drackar* — “драконами”, мелкие рыбацьи шнеки — “улитками” (*snecker* “змея”). Родственным этому слову является в английском языке лексема *snake* — “змея”.

Обращение к лингвистическому материалу и фольклору разных народов позволяет выявить архетипы сознания, отраженные в значениях слов. В частности, можно попытаться логически объединить понятия в широком диапазоне значений от “дракона” до “улитки”, связанные с этимологическими вариантами лексемы: *uluw* - *ult* - *luu* - *long* - *laung*.

Так, в дагестанских языках группа безногих пресмыкающихся (змеи), внешне схожих с ними низших животных и их онтогенетических форм (черви, гусеницы, личинки), обозначаются одним и тем же словом или однокоренными словами. Например, в андийском языке словом *berka* называют как змею, так и гусеницу; примеры из германских языков: древнеанглийское *wurm* “змея”, современное английское *worm* “червь”, старонемецкое *wurm* “червь; змея”. Можно указать также на то, что архаичные формы ныне графически различающихся между собой китайских иероглифов для обозначения понятий “червяк” и “змея” внешне были весьма схожи. Китайская лексема *chang-chong* “змея” образована из слов *chang* “длинный, долгий” + *chong* “червяк; насекомое”.

Приведем пример семантического изменения: в эвенкийском языке от лексемы *kulin* “змея” с помощью аффикса *-kan*, несущего значение уменьшительности, образовано новое слово *kulikan* “червяк, пиявка”. Эти древние ассоциации сохранились и использованы в произведении Дж. Р. Толкина “*Hobbit*”, и составители примечаний в специальной ремарке поясняют особенности языка гномов “*Mind that the Dwarves use the word worm as a derogatory term for dragon*” (Гномы используют слово “червяк” как синоним с пренебрежительным оттенком для “дракона”). Похожий мотив звучит в повести Р. Киплинга “*Маугли*” в диалоге огромного питона Каа с пантерой Багирой:

— Кроме того, они [Бандар-логи, народ обезьян] называли меня... желтой рыбой, кажется?

— ...Земляным червяком, — сказала Багира⁴.

Персидское слово *ājdāba* “дракон”, заимствованное через азербайджанцев малыми народами Дагестана, в цахурском языке сохранило исходное значение — *ājdagā* “дракон”, в арчинском, утратив первоначальный смысл, приблизилось к реальной действительности — *ījdāgi* “большая змея”.

Для сравнения: ассиро-вавилонское *buwawa* “чудовище” сохранилось в современном ассирийском языке как лексема *buwwa* “змея”.

В татарском фольклоре образы змеи и дракона близки. В некоторых народных сказках встречается составное название мифического персонажа — *ajdaba-yelan*. Парное слово в крымско-татарском языке *ajderba-yılan* имеет значение “змей-оборотень”. Существовало поверье, что змея, прожившая сто лет, обращается в дракона. В свою очередь, дракон по достижении тысячелетнего возраста становится оборотнем *yuha*.

В казахском языке слово *aydahar* - *ajdabar* - *ajdaba*: 1) большая водяная змея, обитающая в жарких странах; 2) переносное: враждебная для человека сила; 3) мифологическое: огромная смертоносная змея, встречающаяся в сказках.

В одной из глав своего письменного труда эмир Захир ад-дин Мухаммед Бабур (выходец из Ферганы, потомок эмира Тимура) писал о некоторых представителях экзотической фауны, виды которых обитали в завоеванных им землях Индии. Среди упомянутых разновидностей крокодилов есть *suw arslanī* — “водяной лев”, это название переведено словосочетанием *jaldī aydahar* — “крокодил с гребнем”.

В узбекском языке есть три заимствованных из фарси варианта слова, имеющего значение “мифическая большая змея”: *ājdār* - *ājdārbo* - *ājdābo*. Турецкие формы этой лексемы *ejder* - *ejderba* переводятся словом “дракон”.

В старой узбекской литературе, изобилующей арабизмами и фарсизмами, встречается выражение *mākārnāj-i dāryo*, которое переводится на современный узбекский язык как “большой дракон”.

Ученые-этимологи считают, что чешск. *uřtěr*, словацк. *uřter*, русское *ящер*, белорусское *яшчар* возникли из древнеславянского (y)*ařcerь* “змей”, которое

через праславянскую форму *ajtarъ* восходит к иранскому *ājitār* < *āji* + суффикс -*tār* (персидское *ājdār*, таджикское *ājder*, узбекское *ājdār* “дракон, змей”).

Мифический авестийский *Āji Dāhaka* в иранском эпосе известен как “царь-дракон Заххак”.

Образ крылатого дракона был на знаменах императорских войск, против которых в течение многих веков сражались соседние с Китаем народы. Видимо, этим объясняется восприятие дракона как отрицательного персонажа в культуре стран, расположенных к северу и западу от Поднебесной империи. Через фольклор тюркских народностей представления о враждебном драконе проникли на Запад»³.

ОПИСАНИЕ РАСЫ

Чудо находится в противоречии не с природой, а с тем, что нам известно о природе.

Святой Августин

ЭВОЛЮЦИЯ

Человек много выиграл, появившись на земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не уstraшили бы ни его мужества, ни его изобретательности.

А. Конан Дойль. «Затерянный мир»

Начнем с мнения нашего современника, драколога А. Склярова:

«В мифологических образах дракона поражает не только отсутствие реального живого прототипа в современной фауне, но и множественные черты сходства дракона с давно вымершими динозаврами.

Прежде всего — чисто внешнее сходство: крупные размеры тела со змеевидными чертами; длинный хвост; чешуйчатая шкура или сегментный панцирь с множественными шипами и выростами; крупные челюсти с острыми зубами; мощные ноги с когтями; иногда — перепончатые крылья. Все это нам знакомо по реконструированным образам динозавров.

Может ли существовать связь образа змея-дракона из древних мифов с динозаврами?.. Вопрос не так тривиален, как может показаться...

Скажем, по одной из самых распространенных официальных версий, мифологический змей-дракон обязан своим происхождением реальным находкам нашими предками ископаемых останков динозавров. Вроде бы просто и ясно... Но более внимательный анализ этой версии выявляет целый ряд ее недостатков.

Во-первых, мифы о змее-драконе распространены повсеместно, а легкодоступные останки динозавров находятся лишь в пустынных районах Центральной Азии (в других регионах ископаемые останки чаще всего обнаруживаются лишь под мощными слоями осадков — вряд ли древние люди так глубоко копали).

Во-вторых, очень близкое сходство различных образов змея-дракона в разных мифах имеет место на фоне чрезвычайного разнообразия ископаемых останков. Конечно, останки именно хищных динозавров с огромными зубами производят наибольшее впечатление на воображение человека, но ведь хищников в природе намного меньше, чем травоядных. Почему же в таком случае абсолютно нигде (!) в мифах нам не встречается образа змея-дракона как мирного вегетарианца?..

И в-третьих, реконструкция первоначального образа по ископаемым останкам является не таким уж простым делом даже для современных палеонтологов. Как же тогда наши далекие предки с их зачаточными знаниями естественных наук смогли не только довольно близко воспроизвести в образе змея-дракона облик динозавра, но и уверенно классифицировать его как пресмыкающегося?..»⁷

С одной стороны, насколько было известно до недавнего времени, не существует никаких пещерных изображений драконов. Пояснение этому можно найти в книге П. Дикинсона «Полет драконов»:

«Насколько известно, не существует никаких пещерных изображений драконов. На первый взгляд, учитывая близкие и едва ли не религиозные отношения, существовавшие между человеком и драконами в каменном веке, это может показаться странным. Но этому есть два объяснения. Первое — очень простое: в тех областях, где обитали в своих пещерах драконы, людей не было. Объяснение второе связано с назначением пещерных изображений. Все они были по преимуществу магическими. Изображались животные, с которыми охотники хотели встретиться, чтобы убить их и принести домой не только в качестве пищи. Например, саблезубый тигр, надо думать, был достаточно опасен, но его клыки служили знаками отваги, шкура его была атрибутом вождя племени, и даже мясо его при тщательном длительном пережевывании оказывалось вполне съедобным. Но ни один охотник не рвался лично встретиться с драконом, и в самом драконе не было ничего, что могло представлять какую-либо ценность для человека. Изображать же дракона, чтобы с помощью магии вызвать его “на себя”, было равносильно желанию навлечь огнедышащий кошмар на все племя»⁸.

На древней гравюре видно,
как человек оседлал динозавра

На камне Ики (слева) изображен астроном, наблюдающий звезды с помощью телескопа, а сзади него по небу мчится комета. На рисунках, скопированных с камней Ики (справа), показаны биологические метаморфозы стегозавра на пути к взрослой особи

Но вот в «Комсомольской правде» от 14.09.2005 г. читаем: «В Южной Америке археологи обнаружили на камнях фрески, сделанные представителями загадочной цивилизации, существовавшей 70 млн лет назад. На них изображены странные сюжеты: как люди приручают гигантских ящеров, делают сложные медицинские операции и даже... летят на космических кораблях.

Коллекция из 11 тысяч камней хранится в недавно открывшемся музее на Пласа-дес-Армас города Ика, расположенного в 350 км от Лимы — столицы Перу. Эти камни — размером от совсем небольших, с кулак, до 200-килограммовых валунов — со всех сторон покрыты тонко выгравированными рисунками. Сюжеты поражают воображение: как будто перед нами разворачиваются события, происходившие на Земле миллионы лет тому назад.

Вот люди охотятся на динозавров. Одни выпускают стрелы в ящеров, другие замахиваются на животное металлическим (!) топором. Вторые гарцуют верхом на трицератопсе, причем на спину рептилии наброшена попона, а наездники держат в руках курительные трубки. На другом камне изображен человек, летящий на птеродактиле, подгоняя его дубинкой. Еще более шокирующий рисунок: развитие стегозавра, обитавшего на Земле 18 млн лет назад, — от детеныша до взрослой особи. Это же какой древний биолог так тщательно наблюдал за развитием чудовищ?

Первооткрывателя камней, перуанского хирурга Луиса Кабреру, собравшего более 15 тысяч “черных камней”, конечно, тоже обвинили в фальсификации. Но проведенные исследования доказывают подлинность рисунков. Более того, еще в 1926 году о “черных камнях Ики” писал монах-иезуит Педро Симон. А спустя некоторое время стало известно, что перуанские археологи располагали первыми из них еще в XIX веке»⁹.

Фрески на камнях Ики весьма убедительно показывают, что люди на Земле были современниками динозавров, а уж стегозавр более напоминает именно дракона, чем стегозавра в его современной реконструкции.

15

Но Дикинсон продолжает:

«Эволюционное развитие — процесс неоднородный. Одни виды существ изменяются быстро, в то время как другие остаются неизменными на протяжении десятков миллионов лет. В мексиканских пещерах встречается слепая белая рыба, демонстрирующая, что примерно 250 000 лет назад у предков этой рыбы имелись нормальные глаза, а вырождение органа зрения вплоть до полной слепоты произошло сравнительно недавно. Это не означает, что любое значительное изменение непременно должно занимать четверть миллиона лет. Для каких-то изменений может потребоваться и более длительный период, а для других — гораздо меньший. В редких случаях хватало даже нескольких поколений.

Но есть любопытная закономерность, наблюдаемая даже у несходных видов. Медленная эволюция имеет место у простых родственных форм, вначале переживающих период стабильности, в течение которого эти формы не изменяются; затем внезапно у них начинается быстрое развитие большого числа очень сложных форм; и как раз в это время вся эта генеалогическая линия угасает. Например, известно семейство ископаемых аммоидных червей, десятки миллионов лет сохранявших форму простого завитка; затем, как будто по команде, они вдруг стали принимать формы петель, лент, двойных завитков, плетенки, спиралей и трубок; а затем все вымерли. Похоже на то, как если бы они как-то узнали, что их время прошло, и стали наугад искать некую невообразимую форму, которая позволила бы им продолжить существование.

То же произошло и с динозаврами. Девять десятых периода их господства на Земле они сохраняли простые формы: стройные, пропорциональные и функциональные, прекрасно соответствовавшие среде их обитания. Затем внезапно наступило буйство странных форм — тройные рога, гигантские гребни, гофрированные парусоподобные спинные плаватели. В это же время у них произошел еще один качественный скачок, связанный с попыткой приспособиться к новым условиям существования, в частности — к жизни в воздухе, следствием чего и стало появление птерозавров, драконов и птиц»¹⁰.

Как сообщает «Компьюлента» от 22.01.2003 г., профессор университета штата Монтана Кеннет Дайл в 2003 г. опубликовал в журнале «Science» статью, в которой высказывается новая гипотеза происхождения летающих динозавров и птиц. По его мнению, «предками летающих ящеров были двуно-

гие динозавры, использовавшие передние конечности в качестве антикрыльев. Это увеличивало их сцепление с землей и позволяло взбираться по крутым склонам с высокой скоростью. Использование крыльев для бега по наклонной поверхности характерно и для современных птиц. Чтобы доказать свою теорию, Дайл провел ускоренную киносъемку птенцов и взрослых особей куropатки. Оказалось, что, расправив крылья, птенцы могут взбираться на поверхность с углом наклона 50 градусов, а подростки способны подниматься по отвесной поверхности, а взрослые птицы не падают, даже если карабкаются на угол 105 градусов.

И лишь на новом витке эволюции передние конечности превратились в средство отрываться от земли и летать»¹¹.

Но вернемся к теории Дикинсона и драконам.

«В силу отсутствия каких-либо останков или окаменелостей невозможно достоверно восстановить стадии, пройденные драконами при их освоении воздушной среды. Тем не менее можно представить себе наиболее вероятную последовательность этих стадий.

До того как дракон воспарит, он нечто среднее между рыбами и черепахами. После того как он воспарит, его размеры определить невозможно.

The Yuan Kien Lei Han

Начнем хотя бы с размеров. По причинам, которые до сих пор остаются дискуссионными, многие динозавры были очень крупными животными. Затем, видимо, наступило время более мелких и быстрых существ. Одним из очевидных вариантов выживания для крупных животных было уменьшать свои размеры, что некоторым удалось, хотя большинство все же вымерло. Другой выход состоял в сохранении размеров при уменьшении веса, благодаря чему животное становилось более быстрым и в то же время снижались его энергетические затраты.

По одной из теорий, эти птерозавры достигали внушительных размеров потому, что в их биологических часах попросту не действовал механизм, который у других животных останавливает рост в определенном возрасте. Птерозавры росли до самой смерти.

А что с драконом? В период эволюционного безумия — вроде того, какое предшествовало исчезновению динозавров, — любой начавшийся процесс имеет тенденцию доходить до предела. Так и здесь: пока соседи по планете экспериментировали с рогами и складками, дракон становился все легче и легче. Кости — все более полыми и почти невесомыми. Массивный бронеподобный панцирь, присущий его предшественникам, сохранился лишь в районе головы.

Постепенно незначительные по дальности прыжки стали планированием, а планирование — полетом. На этой стадии становится особенно важным овладение контролем над телом, находящимся в воздухе.

Драконы никогда не были господствующими существами на планете. Но они, кажется, достигли естественного баланса, обретя свою экологическую нишу, и подобно птицам благополучно пережили исчезновение динозавров. Они никогда не были обитателями лесов — их тела нуждались в укромных пещерных логовах. С неизбежностью драконы оказались жителями утесов и скал, озирающими равнины в поисках подходящей добычи среди обширных стад травоядных. Сравнительно слабая защищенность пригодных для их проживания жилищ — особенность, которая, возможно, отличала и предшествовавших им динозавров. Таким образом, драконы стали одними из наиболее территориально собственнических существ. Это то, в чем сходятся все источники»¹².

17

Поскольку меловой период завершался, все рептилии, за исключением крокодилов, черепах, ящериц и змей, постепенно вымирали. Их таинственная массовая гибель — одна из неразгаданных загадок эволюции. Как могло такое разнообразие существ, многие из которых были безусловными гигантами, да еще и в самом расцвете развития, так сравнительно быстро исчезнуть с поверхности Земли?

Кай Петерсен. «Доисторическая жизнь на Земле»

Крокодилы, черепахи, ящерицы и змеи. Почему они пережили массовую гибель динозавров? Потому что могли жить и на суше и в воде. Многочисленные сведения о морских змеях позволяют сделать предположение, что драконы в процессе эволюции избрали водный образ жизни, и это позволило им пережить катаклизм.

Обычно предполагается, что мы имеем дело с множеством разнородных существ — летающие драконы, плавающие драконы, а также фигурирующие во многих историях гигантские ползающие змеи, неплавающие и нелетающие. Стоит также отметить что, согласно легендам, существовали драконы, которые обитали сразу в двух стихиях — в воздухе и воде. И хотя, возможно, существовали различные разновидности драконов, все они были очень сходны по своей природе.

Среди водных драконов наблюдалось многообразие видов: у некоторых особей крыльев не было вовсе, либо они были скорее похожи на плавники. Что касается лап, то их могло быть две, четыре, либо не быть вовсе. Описания многочисленных разновидностей морских драконов встречаются в различных свидетельствах, о них мы поговорим позже.

Можно предположить, что в процессе эволюции водный дракон, пережив катаклизм, уничтоживший динозавров, и сохранив крылья в рудиментарном виде, снова вышел на сушу и стал летать. Кроме того, на эволюционном пути дракон, наряду с умением летать, приобрел полезное качество выдыхать огонь, что было связано с особенностями его полета. Это подняло дракона на ступень выше всех остальных существ на Земле.

Вильям Бэзик. «Бегемот и Левиафан»

Икона, на которой изображена битва
св. Михаила с драконом

«Борьба дракона со львом».
Гравюра Андреа.
Национальная библиотека, Париж

И.Я. Билибин
Марка журнала «Золотое руно». 1906 г.

Дракон.
Иллюстрация
из детской книги
Франца Поччи,
1846 г.

Источник:
Г. Бидерман.
«Энциклопедия
символов»

19

Дошедшие до нас изображения драконов свидетельствуют об очень интересном факте.

Драконы обладали разным количеством конечностей.

У одних видов лап не было вовсе, только крылья, у других были крылья и пара лап, а у третьих — крылья и две пары лап!

Безусловно, наибольший интерес представляет дракон с четырьмя лапами и крыльями. Ни одно позвоночное на Земле не имеет шести конечностей. За исключением дракона.

Доктор биологических наук Б. Медников вместе с доктором биологических наук В.В. Мекшуткиным предпринял как-то попытку «проиграть» на ЭВМ процесс прогрессивной эволюции¹³. Один из основных выводов этого эксперимента: путь, по которому эволюция пойдет, предсказать невозможно.

Б. Медников пишет: «При каждой попытке моделировать эволюцию из одинакового исходного материала получались формы, всякий раз различные. Членистоногие, например, один раз вышли на сушу на трех парах ног (как насекомые), а в другой раз на четырех (как паукообразные). Рыбы вышли из воды в одном опыте на одной паре плавников, во втором — на двух парах, в третьем — на трех. В последнем случае потенциальными носителями разума оказались четвероногие с освобожденной парой передних конечностей — аналоги мифических кентавров.

ЭВМ как бы смеялась над попытками предсказать ее дальнейшие действия. А если вдуматься, так и должно быть, коль скоро эволюция идет путем естественного отбора ненаправленных, случайных изменений.

Да, отбор — направленный процесс, повышающий приспособленность к окружающей среде. Но приспособиться можно тысячами разных способов, а

какой материал для отбора возникнет в данном случае первым, — это уж дело случая».

Впрочем, летописи и описания встреч с драконами свидетельствуют о том, что все разновидности драконов сохранились вплоть до Средних веков, а некоторые, возможно, дожили и до наших дней.

Можно подумать, что существа типа драконов, у которых до определенного момента не было никаких естественных врагов, закономерно станут животными доминирующими и поэтому многочисленными; но путь дракона был настолько непростым, что оставался рискованным и в отсутствие врагов, а во многих областях мира конкуренция с более эффективными формами жизни сделала выживание драконов невозможным.

Более того, появление человека и развитие рода человеческого привело к постепенному уничтожению драконов. Отголоски последних баталий за сферы обитания мы как раз и находим в древних хрониках, эпосе и преданиях о драконах, из которых люди, как правило, выходили победителями.

Существует предположение, что динозавры и люди были современниками на протяжении длительного периода времени. Этому существуют весьма убедительные доказательства.

Отпечатки ног и лап в долине реки Пэлюкси, США, штат Техас.

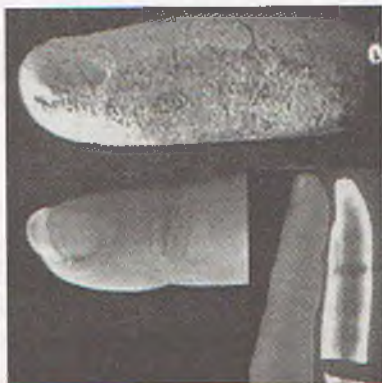
Фото с сайта www.anomal-zona.webzone.ru

Предоставим слово С.А. Головину, автору своеобразного исследования «Всемирный потоп: миф или реальность»:

«“Следы ног на теории эволюции” — так охарактеризовала газета “Стар Телеграм” от 17 июня 1982 года открытие, сделанное в долине реки Пэлюкси, в шести километрах от небольшого городка Глен Роуз, штат Техас. Поднявшаяся после ливневых дождей вода смыла часть осадочных пород, обнажив известняковый слой, возраст которого, согласно традиционной эволюционистской геохронологической шкале, должен быть составлять 108 миллионов (!) лет. На поверхности слоя обнаружилось множество отпечатков лап динозавров и ступней человека! Подобные отпечатки встречались и раньше (впервые — в 1910 году), но такое количество следов, оставленных динозаврами и людьми, обнаружено впервые. Были обнаружены и “двойные” отпечатки, когда динозавр ступал поверх человеческого следа, и наоборот — человек наступал в уже оставленный динозавром след»¹⁴.

Эту информацию уточняют А. Бутюгин и Л. Лагожина, авторы статьи «Следы “ужасных ящеров”»: «Эти следы [обнаруженные в долине реки Пэлюкси] считались подделкой до тех пор, пока физиолог Дэйл Петерсон не взялся проверить их подлинность. “Нет никакого сомнения, что мы имеем дело со следами человека, — считает он. — Характер распределения тяжести тела не оставляет места другим гипотезам: так ходит только человек!”»

Окаменевший палец человека,
бывшего современником динозавров.
Фото с сайта www.anomal-zona.webzone.ru

21

Тот же Петерсон исследовал еще один ископаемый образец, найденный среди костей динозавров (экспертиза подтвердила, что и возраст его совпадает с возрастом костей). По форме этот образец ничем не отличается от человеческого пальца. “Разумеется, такую форму может иметь и кусок дерева, — говорит физиолог, — но рентген показал наличие костей и связок. Это точно окаменевший палец”. Палец человека, бывшего современником “ужасных ящеров”»¹⁵

Обратимся еще и к совместной работе кандидата геолого-минералогических наук Р. Фурауя и киевского инженера Г. Бурганского: «В 1945 году мексиканский торговец Вальдемар Джульсруд, проезжая верхом в окрестностях города Акамбаро, увидел место, где сильные дожди размывали почву и обнажили какие-то глиняные изделия. Увлеченный собиратель древностей, он прихватил с собой одну из найденных фигурок, а позднее, наняв местного гончара... поручил [ему] собрать все, что удастся. Находка оказалась необыкновенно богатым собранием глиняных изделий и фигурок. К 1952 году Джульсруд собрал их более тридцати тысяч. Все статуэтки — некоторые достигали метровой высоты — были вылеплены из обожженной глины. Изображали они как людей, так и животных, причем среди них не было повторений. В преобладающем большинстве статуэтки изображали животных, неизвестных науке или... давно вымерших. В том числе динозавров, плезиозавров, бронтозавров. Кандидат исторических наук Г. Буслаев, комментируя статью французского исследователя Рональда Виллиса, не исключил возможность подделки коллекции Джульсруда. Однако в 1972 году три глиняные фигурки были обследованы в лаборатории Пенсильванского музея с помощью термолюминесцентного метода. “Мы были столь ошарашены неожиданно древним возрастом этих

фигурок, — пишет руководитель лаборатории Р. Фрелих, — что Марк Ган решил собственноручно проделать по 18 проб с каждой из фигурок, а это уже очень серьезный тест. Все три фигурки дали одну и ту же дату: 2500 лет до н.э. Лаборатория сочла возможным распространить эту датировку на всю коллекцию «Джувальсруда». Кроме того, занимавшийся изучением находок профессор Хэпгуд установил, что подобные статуэтки обнаружены не только в Акамбаро. Идентичные фигурки предлагали туристам жители местечка Сан-Мигель Альенде неподалеку от Акамбаро. Находили они фигурки в пирамидах, расположенных в этой местности»¹⁶.

Стоит отметить, что существует множество останков динозавров, но драконы сохранились только в памяти человечества. И тем не менее на Земле практически нет этносов, не сохранивших в литературе, фольклоре или изобразительном творчестве воспоминаний о гигантских драконах, монстрах и чудовищах. Причем точность изображения зачастую свидетельствует о том, что художник лично видел изображаемых существ, а не знает о них лишь понаслышке. Почему же не сохранилось никаких ископаемых останков драконов? На этот вопрос ответят следующие главы — об особенностях строения драконов.

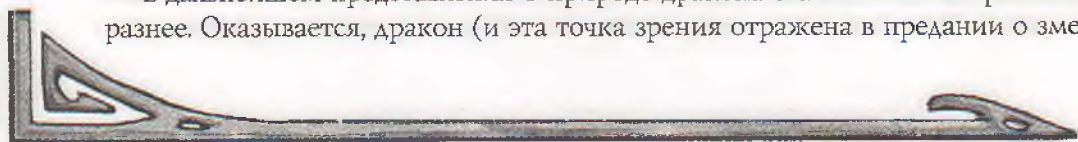
КАКИМИ БЫЛИ ДРАКОНЫ?

Поскольку никакие окаменелости найдены, вероятно, не будут, любая реконструкция структуры тела реального дракона строится на предположениях.

И в этом смысле здесь самое время предоставить слово Дж. Р.Р. Толкину, не только автору культового фантазийного эпоса «Властелин Колец», но и авторитетному ученому, исследователю древнеанглийской литературы:

«Каким представлялся дракон средневековому человеку? Наиболее полный ответ на этот вопрос можно найти в сочинении «О природе вещей» Фомы из Кантимпрэ (первая половина XIII в.). Согласно сведениям, собранным Фомой из книг Плиния Старшего (I в.), св. Августина (IV в.), кардинала Якова де Витри (ум. в 1241 г.), а также из «Книги о зверях и чудовищах» (VIII—IX вв.), дракон — существо весьма свирепое, которое, однако, не так сложно уничтожить.

В дальнейшем представления о природе дракона становились все разнообразнее. Оказывается, дракон (и эта точка зрения отражена в предании о змее

Фафнире, которого убивает Сигурд) — это оборотень, приобретающий звериный облик ввиду определенных качеств характера. Драконы могут иногда превращаться в людей и наоборот, люди становиться драконами. О подобных превращениях говорится в двух книгах: *“Императорских досугах”* Гервасия Тильсберийского, написанных как развлекательное чтение для коронованных особ, и *“Путешествии сэра Джона Мандевилля”*, романе первой половины XIV в., в котором нашли отражение легенды, привезенные крестоносцами с острова Кипр¹⁷.

23

Толкин, ссылаясь на средневекового автора Фому из Кантимпрэ и его книгу *«О природе вещей»*, повествует: «Дракон, согласно кардиналу Якову де Витри, — это самое большое из сухопутных животных. Ядом не обладает. На голове у него гребешок, пасть по сравнению с остальным телом маленькая, зажатая артериальными сосудами, при дыхании он высовывает язык и раскрывает рот, но зубами не убивает. Укус его наносит ужасный вред, поскольку, согласно Экспериментатору, дракон питается ядовитыми тварями. Если кого ударит хвостом, то убьет, и даже огромное тело слона не защищает его от подобной участи».

Согласно Плинию, «...весной дракон испытывает тошноту, с которой борется с помощью сока молочая. Он чаще всего обитает в пещерах посреди скал, а все из-за жара, столь необходимого телу, в особенности во время полета. Именно поэтому драконы водятся в местах, доступных солнцу, в наибольшей степени в странах восточных. Чаще всего их можно встретить в самых жарких местностях. Говорят, что вокруг Вавилонской башни, в самой Вавилонской башне, в Вавилонской пустыне и на развалинах города обитают огромные драконы, чей глас наводит на людей ужас. Они нередко достигают в длину двадцати локтей. Взгляд дракона непереносим для людей, поэтому некоторые умирают, едва встретившись с ним глазами. Когда дракон достигает старости и положенной величины, то может долгое время жить без пищи. Но во время еды с трудом насыщается, а все потому, что это очень холодное животное, и малая толика жара, которая в нем есть, не позволяет ему поглощать большие влажные тела. Мне представляется неестественным, что драконы живут и могут продолжать жить до наступления Конца Света, не употребляя никакой пищи, как, например, дракон, которого по повелению святого апостола Петра папа Сильвестр заключил внутри горы, расположенной в Риме. Полагаю, что это божественное чудо. Однако в *“Истории бриттов”* рассказывается о том, как были обнаружены два дракона, живущие под землей. Согласно Августину, в недрах земли обитал дракон, который, едва почуввав сильные порывы дождя и ветра, вылезал на поверхность и, как утверждают, принимался грести своими большими крыльями по воздуху, зачерпывая воздух и выбрасывая его, а крылья у него были покрыты кожей и распростерты вширь сообразно с величиною его тела. В местах своего обитания дракон отравляет воздух. Лап у него нет. Существует вид драконов, которые ползают, опираясь грудью о землю. Существует вид драконов, у которых есть лапы, но такие встречаются очень редко. Как пишет Аделин, из черепа дракона добывают камень

драконий, но он обладает ценностью только в том случае, если изъят из живого чудовища. Поэтому, когда дракон, ничего не подозревая, спит на жаре, ему одним ударом разрубает голову и так, пока он жив, достают оттуда руками камень. Язык и желчный пузырь дракона, сваренные в вине, приносят облегчение тем, кто страдает от демонов-инкубов, ибо от этого снадобья демоны покидают их тела»¹⁸.

Согласно Ле Гоффу, «у Исихора Севильского дракон трактуется, по сути, научным образом, не символически. Он “величайший из всех животных”: “Дракон больше всех гадюк или даже всех животных на Земле”. Две важные детали определяют его повадки: это животное одновременно подземное и надземное, которое любит покидать пещеры, где прячется, чтобы летать по воздуху; его сила сосредоточена не в его пасти, не в его зубах, а в его хвосте. Две научные проблемы занимают Исихора в отношении дракона. Первая — проблема того, что отделяет дракона от родственных животных, в первую очередь от змея. Ответ кажется ясным. Исихор, в основном используя Вергилия, устанавливает различие между змеем (*anguis*), “ползучий” (*serpens*) и драконом (*draco*): змей живет в море, “ползучий” — на земле, дракон — в воздухе. Но тут Исихор сталкивается с другой проблемой — обитания дракона. В самом деле, он не может не знать множества стихий, где обитает и движется дракон, и особенно его связей с водой, которые не проявляются ни в одном из вышеизложенных определений. Таким образом, он подходит к выделению особого типа дракона — морского дракона (*draco marinus*)»¹⁹.

Семиглавый дракон Апокалипсиса
с блудницей Вавилонской.
Ганс Бургкмайр, 1523 г.

Драконы по большей части имеют огромные размеры, они почти всегда рогаты, многоглавы и к тому же полиморфны. Например, Леонардо да Винчи предлагал изображать дракона так: «Голова дога, кошачьи глаза, уши филина, нос борзой, брови льва, виски петуха и шея водяной черепахи». Вероятно, великий художник имел в виду изображение западноевропейского дракона, потому что дракон восточный, по свидетельству древней китайской рукописи, выглядел немного иначе: «Дракон обладает способностью принимать различные облики, которые, однако, для нас непостижимы. Обычно его представляют с головой лошади, хвостом змеи, большими крыльями по бокам и четырьмя лапами, каждая — с четырьмя когтями».

Давайте подробнее познакомимся с восточными драконами.

Рельеф с изображением дракона Эпоха Цинь, III в. до н.э. (221—207 гг. до н.э.)
118 × 37 × 17 см. Кирпич. Сиань. Департамент культурных ценностей

В старинном трактате «Пан Цао Кан Му», который цитирует в своей книге Юань Кэ, облик луна (китайского дракона) описан через его девять подобий: «Голова, как у верблюда, рога, как у оленя, глаза, как у зайца, уши, как у коровы, шея, как у змеи, живот, как у морского зверя, чешуя, как у карпа, когти, как у ястреба, лапы, как у тигра... Чешуй у дракона восемьдесят одна — девятью девять, ведь девять самое счастливое число. Голос дракона звучит подобно удару гонга. По бокам пасти имеются усы. Под подбородком у дракона чешуи располагаются в противоположном большинству прочих направлений. Они выступают на двенадцать дюймов и способны насмерть поразить человека»²⁰.

Единство с силами природы было главным в жизни азиатских драконов. Правда, нельзя поспорить с тем, что китайские и японские драконы могли принимать человеческое или звериное обличье, а порой люди держали их в неволе, пленив или приручив. Исторгнутые из родной стихии драконы теряли, однако же, значительную часть своего естества, и жизнь их ограничивалась

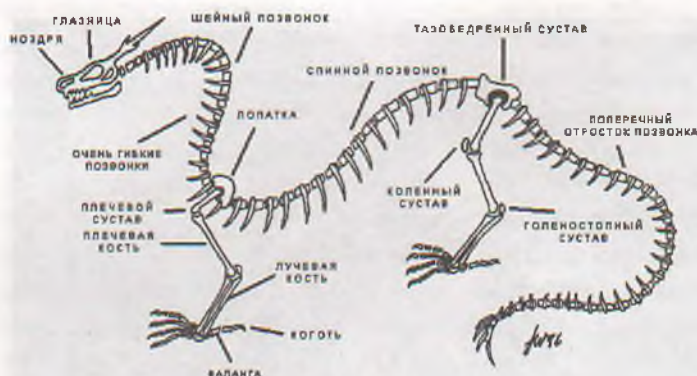

узким кругом не внушающих никакого почтения привычек, вроде как у шелковистых собачек, которых придворные дамы носили в рукаве платья.

Однако природа драконов, обитающих в своем родном, недоступном пониманию людей мире была куда сложнее, чем у животных или человека.

Восточные драконы существенно отличаются от западных своим строением. У них длинное змееподобное тело и обычно нет крыльев. Исключение составляют Императорские драконы — они крылатые. Несмотря на это, восточные драконы чувствуют себя привольно и в воздухе и в воде.

Восточный дракон имеет чрезвычайно длинную, тонкую скелетную структуру.

Скелет восточного дракона
Автор Jennifer Walker
1996, www.draconian.com

Чудесный гибкий
восточный дракон
в облаках.
Ширма с инкрустацией:
фрагмент XVII—XIX вв.
Дерево, лак, поделочный
камень, резьба,
инкрустация.
Шанхай, Городской музей

У него голова средних размеров, очень длинная шея, короткие ноги, небольшие бедра и длинный хвост. Подобное строение скелета предполагает очень высокую маневренность, как, например, у длинной змеи. Дракон может скручивать и поворачивать свое тело во все стороны.

Скелет дракона тонок и легок, поскольку ему не нужна дополнительная мышечная масса в виде мощных полетных мускулов. Восточный дракон зачастую не имеет крыльев, что, однако, не мешает ему подниматься в облака.

Восточные драконы изображаются с четырьмя лапами. У китайского дракона на лапах пять пальцев, у корейского — четыре, а у японского — всего лишь три.

Есть предание, что драконы появились в Китае и всегда имели пять пальцев. Дракон — дружелюбное существо, любящее попутешествовать. Но однако чем дальше уходит дракон от Китая, тем больше пальцев он теряет (есть мнение, что дракон отдает один свой палец в залог в знак добрых намерений). Так, когда он добрался до Кореи, у него уже оставалось четыре пальца, а когда он наконец добрался до Японии, он потерял еще один палец, и у него осталось только три. Это также объясняет, почему драконы так и не добрались до Европы и Америки — у них просто не хватило бы пальцев зайти так далеко.

В Японии относительно драконов думают примерно то же, что и в Китае. Но японцы абсолютно уверены, что дракон родом из Японии. Они согласны с тем, что дракон — существо, любящее путешествовать. С той лишь разницей, что чем дальше путешествует дракон, тем больше пальцев у него вырастает. И поэтому когда он добрался до Кореи, у него уже было четыре пальца, а когда он пришел в Китай, у него вырос пятый палец. Понятно, что дракон не пошел дальше Китая — все новые и новые пальцы мешали ему двигаться.

В Корее бытует аналогичная версия о происхождении драконов. Конечно же корейцы точно знают, что драконы впервые появились в Корее. Вероятно, просто потому, что и карате появилось в Корее. И у дракона изначально было четыре пальца. Но всякий раз, когда дракон движется на север или восток, он теряет пальцы, а когда на юг или запад — приобретает. Если бы он отправился на запад, в Европу, у него выросло бы столько пальцев, что он не смог бы двигаться. Если бы он направился на восток, в Америку, то он очень скоро потерял бы все пальцы и не смог ходить.

В следующий раз, когда вы увидите изображение восточного дракона, обратите особое внимание на количество его когтистых пальцев, и вы всегда сможете точно сказать, откуда он родом.

Синолог В.А. Сычев имеет свое мнение по поводу количества пальцев у дракона. До монгольского завоевания китайский дракон имел на каждой лапе по три (число Ян) пальца, а общее их число составляло 12, по аналогии со знаками Зодиака определявшееся как число Неба (то есть Ян).

Монголы, по существующей гипотезе, в попытках самоутвердиться сделали своего дракона «сильнее» китайского, наделив каждую его лапу четырьмя пальцами (уничтожив при этом традиционную символику их числа).

После победы китайцев над монголами и создания империи Мин дракон вновь претерпел метаморфозы — он стал пятикоготным, то есть во-первых,

Трехпалые драконы. Рельеф с изображением дракона.
Эпоха Цинь, III в. до н.э. (221—207 гг. до н.э.) 118 × 37 × 17 см. Кирпич.
Сиань, Департамент культурных ценностей

Четырехпалый дракон.
Храмовая ваза
с изображением
драконов среди облаков,
1351 г. Фарфор,
подглазурная роспись.
Эпоха Юань,
XIII—XIV вв.
(1280—1368 гг.)
Лондон,
Фонд китайского
искусства

«сильнее» монгольского и во-вторых, все же более «янским», поскольку 5 — число нечетное.

В империи Цин под управлением маньчжуров существовали две разновидности драконов — о пяти и о четырех когтях, называвшиеся соответственно лун и ман. Первый был по статусу старше второго и по правилам (которые иногда тем не менее нарушались) был атрибутом императора и его ближайших родственников и изображался на предназначенных для них предметах. Правда, существовали и пятикоготные маны, младшие по отношению к лунам, но внешне ничем от них не отличающиеся²¹.

Пятипалый дракон. Изогнувшийся дракон. Ансамбль Храма Неба.
Эпоха Мин, XIV—XVII вв. (1368—1644 гг.). Пекин

Дракон: вышивка. Эпоха Цин, XVII — начало XX в. (1644—1911 гг.). Шелк, вышивка.

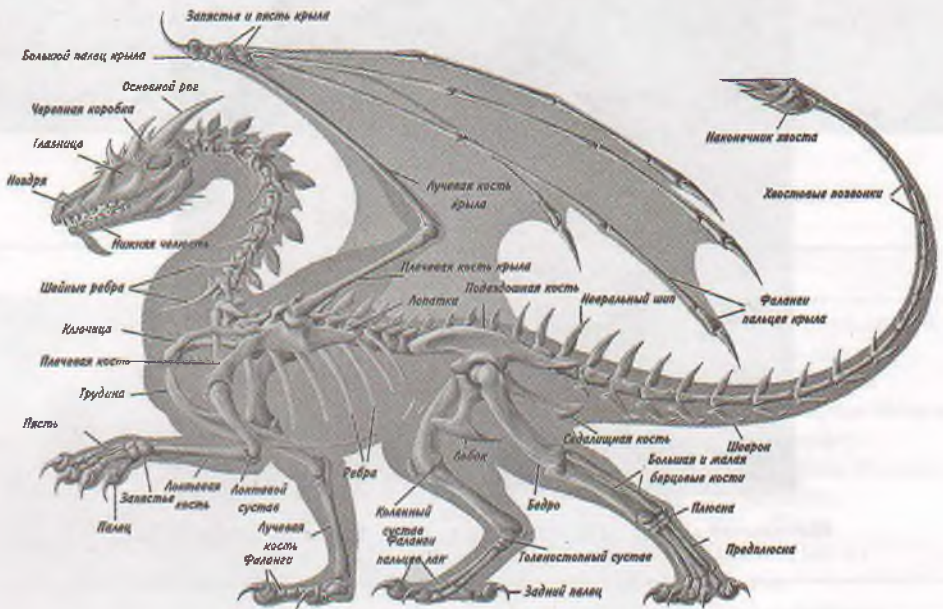

Но вернемся на Запад.
Западный дракон имеет прочную скелетную структуру:

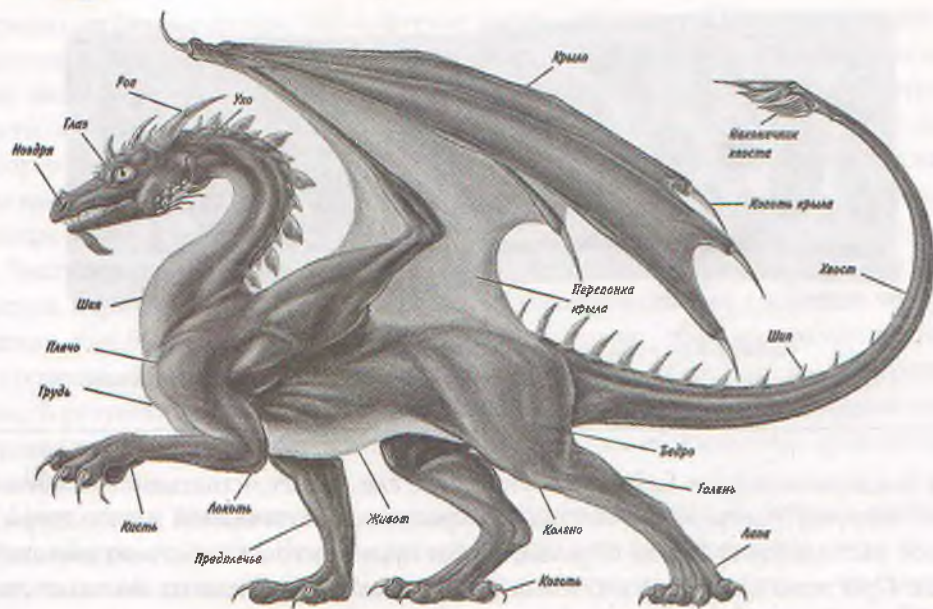
30

Строение Западного дракона, скелет. Автор Jennifer Walker, 1996. <http://www.draconian.com>

Строение Западного дракона. Автор Jennifer Walker, 1996. <http://www.draconian.com>

31

Строение Западного дракона. Автор Jennifer Walker, 1996. <http://www.draconian.com>

Большая голова, длинная шея, мощные плечи, толстые лапы, сильный, прочный хвост и очень большие крылья. Необыкновенным сочетанием прочности, жесткости и легкости характеризуются кости драконов.

Челюсть у дракона массивная и снабжена прочнейшими мускулами. Есть мнение, что дракон в состоянии вывихнуть свою челюсть так же, как это делают некоторые змеи, чтобы заглатывать большие куски добычи. Дракон имеет два типа зубов, что подразумевает всеядность, — он может есть как мясную, так и растительную пищу. Клыки и резцы очень длинные и острые как бритва, а коренные зубы предназначены для того, чтобы жевать пищу, а не проглатывать ее целыми кусками.

Кости плеча прочны, чтобы обеспечивать необходимую поддержку и опору для больших крыльев в полете. Кости «пальца» крыла очень длинные, чтобы туго натягивать тонкую полетную мембрану во время полета и управлять крылом.

Кроме того, можно, вероятно, по аналогии с птицами и позвоночными утверждать, что кости драконов не сплошные, а полые. Поэтому кости драконов очень легкие и имеют большие поверхности для прикрепления летательной мускулатуры. Внутри они полые, не заполнены костным мозгом, как у млекопитающих. В полости кости располагается сеть тон-

Реконструкция черепа дракона

Разрез кости птиц, на котором видны костные перекладки.
С их помощью достигается максимальная прочность при минимальном весе.
Источник: Михайлова А.К. «Строение птиц», www.morgans.ru

ких поддерживающих балок, особенно там, где скелет испытывает наибольшую нагрузку (например в местах прикрепления летательной мускулатуры). Балки расположены таким образом, чтобы противостоять действию внешней силы. При этом достигается стабилизация относительно тонких костных стенок без значительного увеличения веса.

В широких частях отдельных костей, таких как плечевая и бедренная, некоторые кости черепа и позвоночного столба, отдельные ребра, грудина (киль) и тазовые кости, расположены воздухоносные мешки, сообщающиеся с легкими полостями. Эти наполненные воздухом кости также способствуют уменьшению веса. Кость дракона можно представить в виде полого цилиндра, состоящего из тонкой твердой скорлупы, которая изнутри поддерживается тонкими костными пластинками и воздухом.

«Пневматичность» т.е. присутствие воздухоносных полостей в костях, явление в слабой степени свойственное многим позвоночным. Кости многих позвоночных, лежащие по соседству с носовой и барабанной полостями, бывают полыми и содержат воздухоносные выступы этих полостей. Такое же явление пневматичности представляют многие кости большинства птиц. У ископаемых летающих рептилий (*Ornithosauria*) были пневматичные кости, а равно, по-видимому, они были свойственны и некоторым *Dinosauria*, которые, однако, не обладали способностью к полету. Между птицами пневматичность костей свойственна большинству *Carinidae*, кроме, однако, чаек (*Larus*) и крачек (*Sterna*), летающих хорошо, а равно она сохранилась в слабой степени и у *Ratitae* (кроме *Apteryx*), совершенно потерявших способность к полету. Таким образом, хотя существует известное отношение между полетом и пневматичностью костей, отношение, обуславливаемое, естественно, большей легкостью пневматичной кости по сравнению с плотной, но тем не менее сама пневматичность возникла ранее, чем предки птиц приобрели способность к полету, и только с приобретением этой способности пневматичность получила более полное развитие; затем пневматичность сохранилась у птиц, утеравших способность летать; наконец, она вовсе не составляет необходимого условия для развития летательной способности, ибо как некоторые

хорошо летающие птицы, так и летучие мыши лишены ее. Обыкновенно пневматичными являются плечевые кости, коракоиды, грудина, а равно отдельные части позвоночника, ребер и заднего пояса. Реже пневматичны и другие кости, как то: кости переднего пояса и бедро. Иногда пневматичны лишь немногие кости, но иногда пневматичными являются даже фаланги пальцев, как это имеет место у пеликанов (*Pelicanus*) и носорогов (*Buceros*) и др. В пневматичные кости птиц заходят отростки воздухоносных или легочных мешков»²².

Чешуя (а также когти и рога) дракона состоят из плотно расположенных клеток кератина, волокнистого белка. У новорожденных драконов чешуя мягкая, как бумага или ткань, и постепенно твердеет, пока дракончик растет. В процессе метаболизма железо, получаемое из пищи, смешивается с кератином. В результате образуется чешуя замечательной прочности. Процесс затвердевания чешуи продолжается в течение года после появления дракончика из яйца.

Цвет чешуи изменяется от светлых оттенков в детстве до черного цвета у взрослой зрелой особи. Чешуя дракона никогда не бывает одного цвета. Если дракон синий, то его чешуя будет сиять всеми оттенками синего — от самого светлого до иссиня-черного. Спина обычно окрашена в темные тона, подбрюшье и внутренняя сторона крыльев — в более светлые. У здорового дракона чешуя сияет, а стоит ему заболеть или поголодать — становится тусклой и блеклой.

ПОЛЕТ ДРАКОНОВ

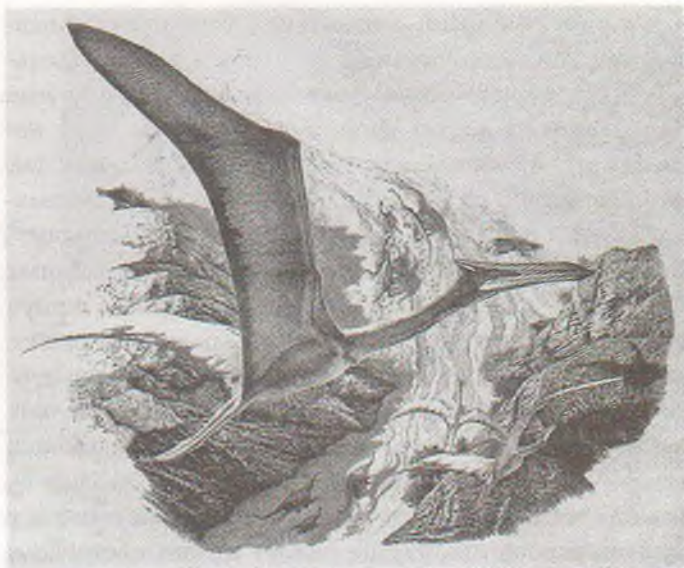
В этом вопросе, несомненно, одним из наиболее убедительных представляется мнение уже упоминавшегося ранее Питера Дикинсона:

«Полет любого существа зависит от двух связанных друг с другом факторов:

- 1) давление воздуха под крылом должно быть больше давления над крылом, и эта разница в давлениях обеспечивает необходимую подъемную силу;
- 2) подъемная сила должна превосходить общий вес существа.

В животном мире рекорд грузоподъемности принадлежит канадскому гусю и составляет около 6,2 кг веса на квадратный метр крыла. Для сравнения: ласточка каждым квадратным метром своих крыльев поднимает чуть более 400 г. Среди насекомых славится шмель, поднимающий 3,7 кг. Такая разница в подъемных силах объясняется особенностью строения перьев, позволяющих воздуху проходить сквозь них сверху вниз, но не обратно, благодаря чему и создается перепад давлений. Некоторые художники рисовали драконов с птичьими, т.е. покрытыми перьями крыльями, но это всегда выглядит неправдоподобно, потому разумнее предположить у дракона подъемную силу крыла эквивалентную шмелиной»²³.

Птерозавр как замечательный пример природной инженерии. Иллюстрация из книги «Когда динозавры правили Землей»

Но разумнее строить предположения о полете драконов, опираясь не на строение гусей и шмелей, а поинтересоваться, как же летали существа, более близкие драконам по строению, — птерозавры.

В 1975 г. в Биг-Бэнде (штат Техас) были обнаружены окаменелые останки, принадлежащие неизвестному птерозавру невероятной величины. С головой длиннее собственного тела и с размахом крыльев 12 метров, Кецалькоатль (*Quetzalcoaltus*) буквально ошеломил ученый мир. Многие ученые просто отказывались верить, что подобное существо было способно оторваться от земли.

Но как оказалось, 12 м — не предел, и как сообщает BBCRussian.com, «в сентябре 2005 года на научном фестивале в Дублине выставлены останки птерозавра, обитавшего в Мексике. Размах его крыльев составлял 18 м. При столь огромных размерах птерозавр поднимался в воздух без особых усилий. Его скелет был очень легким, тонкокостным и сами перепонки на крыльях были очень тонкими. Форма перепонки дополнительно поддерживалась сетью жестких, проходящих в коже волокон, ориентированных по тем же направлениям, что и стержни перьев у птиц или пальцы у летучих мышей. Этот каркас не позволял крылу спадаться, защищал его от износа и делал его более аэродинамичным. “Это замечательный пример “инженерии”, — говорит Дэвид Маррилл из университета Портсмута»²⁴.

При этом, согласно энциклопедии «Кругосвет», «птерозавры не планировали в воздухе, а использовали мощный машущий полет. Такой вывод позволяет сделать строение их снабженной килем грудины, плечевого пояса и костей передних конечностей.

У ранних птерозавров был длинный хвостовой отдел позвоночника, но более поздние формы практически бесхвостые. Утрата хвоста означала снижение устойчивости полета, но это компенсировалось развитием головного

мозга, по-видимому лучше контролировавшего движение в воздухе. Кроме того, укорочение тела повышало маневренность.

Крупные птерозавры, судя по содержимому их желудков, питались рыбой, что требует также умения ловко пикировать»²⁵.

В отличие от других рептилий у птерозавра не было чешуи, что также экономило ящеру «взлетную массу».

Как сообщает *Sparse Daily*, «палеонтолог Санкар Чаттерджи из Техасского технического университета и авиационный инженер Джой Темплин из Канадской национальной аэродинамической лаборатории провели детальное исследование полета птерозавров. В этой работе ученые впервые постарались самым тщательным образом соединить все известное об анатомии летающих ящеров с новейшими компьютерными моделями обтекания крыла. В результате исследователи пришли к выводу, что древние ящеры могли бы многому научить авиаконструкторов. Оказалось, что птерозавры были способны на длительный машущий полет с активным набором высоты и максимальной скоростью 15 м/с. Птерозавры могли в значительной степени менять форму крыльев во время полета, отклоняя четвертый палец, к которому у этих животных крепился конец крыла-перепонки. Также они могли сильно изменять кривизну поверхности крыла благодаря набору длинных мышечных волокон и сухожилий, составлявших «каркас» несущей поверхности. Но главное: крыло птерозавра было чувствительным сенсорным органом, позволявшим ящеру ощущать распределение давления воздуха по всей его поверхности, срыв потоков воздуха и т.д. При этом действовали особые каналы внутреннего уха ящера. Так что птерозавры были живым воплощением идеи «морфинг-самолета», к которой лишь теперь осторожно подходят авиаинженеры. Данная концепция предусматривает кардинальное развитие крыла с изменяемой стреловидностью, дающей очень большие возможности трансформации крыла в воздухе и активной адаптации аэродинамики машины к условиям полета»²⁶.

В «Компьютерре» читаем: «Главную загадку птерозавров — каким образом они могли отрываться от земли — решили специалисты по изучению летательных навыков у животных во главе с зоологом Мэттью Уилкинсоном.

Изучив скелеты древних крылатых ящеров, группа Уилкинсона пришла к выводу, что птерозавры использовали для увеличения вертикальной тяги так называемое переднее крыло. Мембрана крыла птерозавра простиралась между его передними и задними конечностями. С внешней части переднего края и изгиба крыла она поддерживалась чрезвычайно удлинённым «пальцем». Три когтеобразных пальца торчали из крыла перед соединением «запястья» птерозавра и тонкой костью, так называемым локтевым отростком, соединявшим и поддерживавшим подвижное переднее крыло.

На многих плоских окаменелостях эта кость была направлена к плечу. Это дало почву для предположений, что таким образом формируется край очень короткого переднего крыла. Однако тонкость и ограниченная подвижность локтевого отростка привели палеонтологов к выводу, что он мог немного об-

легчать взлет. Позднее окаменелости фрагментов запястья, найденные в Великобритании, заставили некоторых исследователей предположить, что птерозавры были в состоянии направлять локтевые отростки вниз и вперед, существенно распирая переднее крыло. У этой теории, однако, нашлись противники, утверждающие, что одних окаменелых фрагментов недостаточно для ее доказательства.

Команда Уилкинсона длительное время изучала датированные ранним мелом окаменелости, обнаруженные в Северо-Восточной Бразилии, а затем, чтобы подтвердить (или опровергнуть) свою гипотезу, Уилкинсон и его соратники просто соорудили модель крыла птерозавра с подвижным локтевым отростком и проверили его аэродинамические свойства. Оказалось, что такие крылья обладают исключительными аэродинамическими свойствами: подъемная сила благодаря переднему крылу возрастает на 30%. Из-за резкого изгиба переднего крыла взлет с места был возможен лишь по достижении невероятно большого угла атаки — угла, под которым крыло буквально “рассекало” воздух. “Даже гигантские птерозавры, возможно, были способны отрываться от земли просто расправив крылья, стоило в их сторону подуть лишь легкому ветерку, — считает Уилкинсон, — а улучшенная подъемная сила давала им возможность снизить скорость падения на 15%, позволяя совершить мягкую посадку”.

Палеонтолог портсмутского университета Даррэн Нэш (Великобритания) также уверен, что окаменелости мягких тканей птерозавров, обнаруженные в Китае, подтверждают наличие у летающих ящеров обширных предкрылок. “Если это на самом деле так, то, похоже, мы действительно можем создать для себя ясную картину того, как летали птерозавры”, — говорит он²⁷.

Но драконы — не птерозавры, хотя, имея большое сходство в строении, обладали также существенными отличиями. В частности, у драконов были достаточно массивные задние лапы, или даже две пары конечностей; кроме крыльев, хвост с костяным набалдашником, чешуя. Все это придавало дракону дополнительный вес. Трудно предположить, что драконы имели размер крыльев больше, чем у упомянутого выше мексиканского птерозавра. Значит, существовал еще какой-то фактор, позволяющий драконам летать.

Как же они все-таки летали?

Стоит отметить, что не все разновидности драконов могли летать. Но те, кто могли, обладали некими загадочными особенностями строения, по поводу которых вновь дадим слово Питеру Дикинсону.

«Из всех потомков динозавров выжили только птицы, и это подтверждает уверенность в том, что выбор способа полета оказался важнейшим и для эволюции драконов. При этом пример птиц доказывает, что именно от овладения полетом зависело будущее расы, и, видимо, резонно предположить, что Природой был опробован способ полета не только с помощью крыльев и оперения. На этой стадии эволюционного процесса перебираются едва ли не все возможные варианты, а история человеческих попыток освоения воздушной стихии показывает, что способы, основанные на использовании более легких, чем воз-

дух, газов — самые простые, и к тому же настолько непритязательны, что вполне могут оказаться более предпочтительными на ранних стадиях поиска»²⁸.

Таким образом, основное предположение состоит в том, что внутри дракона находились емкости с газом, который был легче воздуха. Аналогией может служить плавательный пузырь у рыб или воздушные мешки у птиц. При наполнении мешков средняя плотность дракона становилась меньше, газ сообщал дракону дополнительную выталкивающую силу и тело становилось легче, что облегчало полет. Однако не следует принимать дракона за воздушный шар.

Драконы обладали огромными сильными крыльями. Даже если предположить, что крылья драконов столь же уникальны по своему строению, как и крылья птерозавров, не стоит забывать, что драконы были тяжелее. А сколько историй об унесенных драконами людях? Очевидно, только крыльями здесь не обойтись.

Дракон не мог просто взмахнуть крыльями и взлететь. Как известно, большие птицы испытывают затруднения при взлете с ровного места, им приходится либо подпрыгивать, либо спрыгивать с возвышения и пытаться при этом захватить крыльями восходящий поток воздуха. Если воздух неподвижен, то полет превращается в простое планирование. С подобными трудностями не знакомы мелкие птицы, летучие мыши и насекомые, так как масса их тела достаточно мала.

Драконы были крупными существами, поэтому им, как и большим птицам, приходилось разгоняться, разбегаясь по земле, прежде чем взлететь.

Вероятно, что разбег осуществлялся на двух задних конечностях, потому что эта «приподнятая» форма разбега видится более привлекательной в том плане, что у разбегающегося таким образом дракона больше амплитуда взмаха крыльев, а также возможен дополнительный толчок задними лапами в момент отрыва от поверхности, то есть дракон немного подпрыгивал, взлетая.

Пользуясь специальными мышцами, предназначенными для изменения угла наклона крыла, драконы во время активного полета, энергично взмахивая, поворачивали крылья под углом к направлению движения воздуха, создавая тем самым дополнительную тягу. При пассивном полете крыло, подобно крылу самолета, просто режет воздух, но не использует силу встречного потока воздуха. Большие крылья также служили для планирования.

Драконы не умели летать с самого рождения. Летные мышцы молодых драконов были недостаточно развиты, летные полости с газом недостаточно объемны, чтобы дракон мог взлететь, разогнавшись, в вертикальном прыжке с ровной поверхности. Поэтому молодяку приходилось держаться вблизи скал или высоких уступов. И только прыгнув со скалы, молодые драконы старались поймать восходящий теплый поток воздуха, чтобы парить, подобно тому как на протяжении многих часов могут парить орлы. Требовалось несколько лет полетов, чтобы молодой дракон развил свои мышцы, чтобы летные полости стали достаточно объемны и дракон научился управляться со всем этим хозяйством.

Итак, как уже упоминалось выше, у драконов были особые летные полости, которые заполнялись газом, более легким, чем воздух.

Вновь обратимся к мнению Дикинсона:

«Полости эти были, конечно, связаны между собою клапанами, и благодаря этому во всем теле могло происходить перераспределение газа, что использовалось для сохранения равновесия и в других целях. Обычно газ в полостях находился под умеренным давлением, и вес дракона в воздухе оставался положительным. Для взлета мышцы полостей расслаблялись, а занимаемый газом объем увеличивался. В момент взмаха крыльями летные полости расширялись еще больше. Объем дракона увеличивался, но его масса оставалась прежней, в результате средняя плотность дракона становилась меньше.

Когда объем дракона увеличивался, надо уточнить, что это не было особенно заметно для постороннего наблюдателя, хотя в описаниях китайских драконов особо отмечается их способность изменять свои размеры»²⁹.

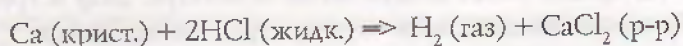
Каким газом были заполнены летные полости?

Существуют две точки зрения. Сторонники одной, и в частности Питер Дикинсон, полагают, что летные полости заполнялись водородом, сторонники другой голосуют за метан. Рассмотрим обе возможные версии.

Итак, водород.

«Очень легкий и к тому же достаточно распространенный газ, бурно воспламеняющийся в смеси с кислородом и уже присутствующий в доступной форме в пищеварительных системах всех позвоночных в виде соляной кислоты.

Простейшая формула необходимой химической реакции выглядит примерно так:

Соляная кислота вступает в реакцию с кальцием, в результате чего выделяется водород, а в качестве побочного продукта образуется водный раствор хлорида кальция (хлористый кальций).

Источником кальция могут служить кости, преимущественно состоящие из кальция. Или как альтернативный вариант — употребление в пищу минералов, богатых кальцием, например известняков»³⁰.

Расчеты показывают, что для получения 1 куб. м водорода необходимо около 5 кг кальция и чуть больше 3 кг чистой соляной кислоты. Такое количество кислоты имеет объем около 7 л.

Водорода объемом 1 куб. м достаточно, чтобы поднять в воздух 1,2 кг. Дракону необходимо гораздо больше водорода. А это, в свою очередь, влечет увеличение массы веществ, необходимых для реакции.

Кроме того, водород обладает крайне маленькой плотностью и, следовательно, занимает очень большой объем. Если предположить, что в летных полостях водород находится под давлением, то ситуация получается крайне взрывоопасной. Буквально. При сжатии любой газ нагревается и возможен взрыв.

А уж водород вообще очень взрывоопасен. Еще в средней школе демонстрировался опыт: учитель химии надувал мыльный пузырь водородом и, когда он взлетал, подносил к нему спичку. К общему восторгу, пузырь взрывался так, что девочки взвизгивали, а мальчишки начинали обсуждать технологию получения гремучего газа во внелабораторных условиях.

Все это делает водород крайне неподходящим газом для участия в жизненных процессах драконов.

39

Теперь рассмотрим действие метана.

Метан — природный газ. Метанобразующие бактерии живут без доступа воздуха. При этом происходит процесс сбраживания органических веществ, при котором 60—70% углерода превращаются в метан (CH_4), остальные — в углекислый газ и водород. При этом процесс идет с небольшим выделением тепла.

Что интересно, в Индии в настоящее время существует около 10 млн биологических установок, получающих метан описанным способом. А в Китае — около 70 млн! Это объясняется легкостью процесса получения метана, который в дальнейшем используется как топливо.

С попутным образованием газов идет пищеварительный процесс у бегемотов. Он осуществляется последовательно в четырнадцати желудках, что позволяет переваривать пищу практически без остатка. От избытка газов, образующихся в процессе пищеварения, бегемот избавляется, зевая и открывая при этом пасть на 150°. Этот интересный способ избавления от газов объясняется тем, что бегемоту совершенно не нужны газы внутри кишечника, потому что он не сможет погрузиться в воду.

Дракону же, напротив, все полученные в результате пищеварения газы были просто жизненно необходимы.

Подъемная сила метана в несколько раз меньше подъемной силы водорода и составляет 0,5 кг/м³ в нормальных условиях. Но стоит также отметить тот факт, что даже обычный нагретый воздух обладает определенной подъемной силой. Это позволяло заполнять им воздушные шары, которые могли поднимать достаточно солидный вес.

Поэтому нагретый метан (а внутри дракона метан будет нагретым) обладает довольно ощутимой подъемной силой. Кроме того, метан хорошо сжимается, при этом он не взрывоопасен.

Итак, будем исходить из предположения, что летные полости драконов были заполнены метаном и небольшим количеством водорода. Но было бы слишком нерационально использовать этот газ только для полета. Весь со-

временный мир использует метан совсем в других целях! Метан прекрасно горит, а мы помним, что драконы были также и огнедышащими.

Простой опыт иллюстрирует горение метана: если воздушный шарик наполнить метаном, а затем проткнуть раскаленной металлической проволокой, то метан будет сгорать ровным факелом, выходя из проделанного отверстия.

Стоит еще также вспомнить специфический запах метана, потому как зловоние — неотъемлемый атрибут физиологии драконов.

40

ОГНЕННОЕ ДЫХАНИЕ

Из смотрил его — жар, из дышил его — дым...

Л. Кэрролл. «Алиса в Зазеркалье»³¹

Эти драконы вырастают невероятно большими, а из пасть их далеко разносится плотное зловонное дыхание, подобное густому дыму, поднимающемуся при пожаре. Когда приходит их время, они собираются вместе и развивающимися крыльями начинают поднимать себя в воздух. Затем, по воле Божьей, став слишком тяжелыми, они падают в реку, вытекающую из Рая, и в ней гибнут. Те, кто живет рядом, ждут времени драконов, а когда видят, что все драконы пали, выжидают еще семьдесят дней. Затем спускаются и исследуют останки в поисках карбункула, гнездящегося во лбу дракона.

Иордан. «Чудеса Востока»

Огонь — это то, что делает дракона наиболее устрашающим. Эта адская отрывка пламени запросто превращает плоть и кости в пепел. И все же не все драконы умеют выдыхать огонь.

Как дыхание становится огненным?

Вновь дадим слово Дикинсону:

«Драконы выдыхали огонь, потому что это было им необходимо. Это было неотъемлемой частью их особого способа полета».

Иордан пишет, что драконы начинают поднимать себя в воздух, а потом, «став слишком тяжелыми», падают. Сразу ясно, что он описывает нечто, чего сам не понимает. Никакое животное, прошедшее долгий эволюционный путь по выработке собственного способа полета, не может ни с того ни с сего оказаться «слишком тяжелым» для нахождения в воздухе. Однако если предположить, что некогда увиденное кем-то из древних путешественников воздушное действие было не чем иным, как своего рода брачным танцем, то эта сцена в сочетании с предыдущей фразой о драконах, выдыхающих «зловонное дыхание», подобное дыму при пожаре, наполняется реальным смыслом.

Кстати, о дыме. Метан горит без дыма. Но при сгорании метана образуются углекислый газ и вода. На той высоте, где летали драконы, вода превращалась

в водяной пар, столь похожий на белый дым. Подобный эффект мы наблюдаем на примере выхлопных газов автомобиля в холодную погоду.

Стычки между двумя молодыми драконами, уже созревшими для полета, но еще не набравшими опыта участия в брачных поединках, были опасны для них не столько из-за вреда, который противники могли непосредственно причинить друг другу, сколько из-за риска израсходовать на выдох пламени в пылу поединка чрезмерное количество необходимого для полета газа, оперативно восполнить который внутренняя система драконьего газоснабжения была не в состоянии. Но именно в таких стычках постепенно и вырабатывался опыт, необходимый для победы в брачных играх.

Брачные состязания драконов не были схожи с принятыми у самцов общественных насекомых, состязающихся в преследовании новорожденной матки-«королевы». У драконов, видимо, это было чем-то более схожим с противостоянием готовящихся к спариванию оленей, в котором самцы сражаются друг с другом за право оплодотворить самок. Но если у оленей основным «аргументом» в таком поединке всегда были ветвистые рога, то у драконов — выдыхаемое ими пламя. Как в большинстве других подобных брачных состязаний, поединок носил прежде всего ритуальный характер, с незначительным причинением ущерба, и был по большей части чисто демонстративным — обильные клубы дыма, снопы пламени — такие же впечатляющие, как хвосты паваинов или соловьиные трели. Была, однако, и опасность. Если от избытка страсти дракон исторгал слишком много пламени, неэкономно расходуя удерживающий его в воздухе газ, то он терял свою подъемную силу, и если дракон был довольно молод и неопытен в обращении с крыльями, то он погибал, низвергнувшись с высоты наземь.

Он увидел в бледном свете луны огромную змею, более сотни локтей в длину, скользящую к нему на чреве своем. Глаза ее мерцали подобно двум изумрудам, а из ноздрей ее извергались потоки жаркого пламени. Он выхватил свой ятаган и нанес ей тяжкий удар, но она лишь громче зашипела, жгучим огнем вновь и вновь его опаляя, покуда дотла не сожгла.

Фирдоуси. «Шахнаме»³²

Хотелось бы уточнить еще одну деталь. Зачем драконам нужно было сжигать избыток своего газа, если куда естественнее его просто изрыгнуть или стравить, как это делают, к примеру бегемоты? Ответ заключен в другой известной привычке драконов. Большую часть времени они скрывались в темных холодных пещерах. Можно предположить, что они были в состоянии контролировать объем газа, вырабатываемого у них внутри, но при этом существовали верхняя и нижняя границы такого контроля, ведь основной метаболический процесс не может быть полностью прекращен без губительных последствий для организма. Поэтому даже в покое пещеры драконы время от времени избавлялись от газа. И если этот газ горюч, то при невозможности

каким-либо контролируемым способом сжигать накапливающийся в организме метан внутри пещеры будет образовываться чрезвычайно опасная взрывчатая смесь. А там, где для повышения жизнеспособности существу требуется определенная адаптация организма, такая адаптация происходит.

Если драконам было жизненно необходимо как-то воспламенить выдыхаемый ими метан, то природа наверняка предусмотрела вполне безопасный для них способ воспламенения.

42

Какой именно способ? Сразу приходят в голову идеи, так или иначе связанные с электрической искрой, поскольку известные нам существа типа электрического угря, способные вырабатывать напряжение, необходимое для возникновения искры, специализируются именно на электричестве. Однако трудно допустить какую-либо адаптивную способность, не связанную с преобладающей спецификой формы существования животного, поэтому более вероятным кажется, что и система воспламенения у драконов была химической. В неявном виде нечто подобное существует в природе.

Например, жуки-бомбардиры семейства *Brachinus* располагают удивительным защитным механизмом³³.

Уточним, насекомое, не превышающее 2 см в длину, в специальных мускульных мешочках хранит смесь гидрохинона с крепким (25%) раствором перекиси водорода, не вступающих в реакцию в нормальных условиях. В случае же опасности смесь эта поступает в «реакторную камеру», расположенную в задней части тела жука и содержащую особый фермент, выполняющий роль катализатора. Происходит мгновенная взрывоподобная реакция окисления, и в обидчика выстреливается реактивная струя раскаленного газа.

Казалось бы, надежность такой системы близка к нулю, однако еще не было случая, чтобы жук дал осечку или погиб от преждевременной реакции.

Наличие у драконов некоего ядовитого жгучего фермента, служащего для воспламенения выходящих газов, подтверждается многочисленными историями, в которых говорится, что «дракон плевался ядом».

Сборник житий святых, составленный генуэзским епископом Яковом Ворягинским в конце XIII в. из-за огромной популярности получил название «Золотая легенда». О драконах в «Золотой легенде» часто говорится, что они «отравляют воздух, отчего многие люди болеют, а некоторые даже умирают. Другие драконы заражают источник, и те, кто пьет из этого источника, также заболевают или умирают».

Здесь уместно уточнить, что синильную (цианистую) кислоту получают из метана в присутствии платины как катализатора. Всем известна чрезвычайная ядовитость солей-цианидов. Не исключено, что в процессе метаболизма драконов образовывались вещества, содержащие цианиды, отсюда такая ядовитость выделений дракона, самим своим существованием отравлявших все вокруг.

Вернемся к повествованию Дикинсона. «Вне зависимости от механизма воспламенения газа драконы выдыхали пламя, потому что нуждались в этом. Привычка скрываться в укромных надежных пещерах была чрезвычайно су-

существенна для их выживания, но если бы взрывчатые газы, производимые этими существами, воспламенялись спонтанно, пещеры стали бы попросту опасными для их обитателей. Огненное дыхание в качестве средства защиты, нападения и сексуального привлечения самок сформировалось у них на основе того, что уже существовало как часть присущего им способа полета.

Воителю каменного века, столкнувшемуся с такими впечатляющими всплесками ярости в недрах пещеры, огонь должен был представляться основным признаком дракона, однако подобно всему остальному в природе, пусть и странному внешне, этот признак также развился как логическое продолжение свойств более важных.

Очевидно, что количество накопленного газа зависело от того, как питался дракон, поэтому в голодное время драконы теряли возможность выдыхать пламя, что делало их более уязвимыми. Молодые драконы приобретали способность выдыхать огонь постепенно, осваивая полет и развивая свои летные полости.

Особо надо бы сказать о ноздрях. Выдыхание пламени требовало очень хорошо защищенных дыхательных отверстий, а вероятная необходимость держать воспламеняющиеся газы, пока они не выйдут за пределы тела, отдельно от кислорода могла привести к развитию совершенно раздельных каналов для дыхания огненного и дыхания простого. В этом случае реальные ноздри должны были быть намного меньше и в целом незаметны»⁴.

КРОВЬ ДРАКОНОВ

Был человек по имени Уинкелридт, некогда изгнанный из этого Города за убийство. Этот человек пообещал, что если ему даруют прощение и вновь восстановят в правах, то он сразится с этим Драконом и с Божьей помощью уничтожит его. Что и было ему обещано с превеликим удовлетворением. Он был возвращен домой и в сопровождении многих людей отправился на битву с Драконом, которого он перехитрил и умертвил, после чего от радости и в знак победы он поднял свой меч, измаанный кровью Дракона, но кровь стекла с его меча вниз на тело его, и он тут же пал замертво.

Эдвард Топселл. «История Змиев»

Эти индийские змеи летают ночью, роняя капли мочи или пота, вызывающие кожные язвы у незащищенных от этого людей.

Страбон. «География»

Он меч схватил обеими руками и что есть сил ударил монстра снизу. И меч вошел до самого упора. Дракон в ужасных муках извивался, вокруг все кровью с ядом окропая. То зрелище невиданное было. Джатмундр щитом от мерзости закрылся, откуда щит и вовсе не распался, но тут как раз дракон затих, скончавшись.

«The Jatmundr Saga Ljufa»

И тут меч, смоченный//в крови зломерзких,//клинок, как
ледыника,//в руках стал таять —//то было чудо://железо плавил-
лось,//подобно льдинам...

«Беовульф»

— А я из дружины муромского князя Петра. Тяжело болеет
наш князь — весь в язвах. Он своей рукой убил оборотня, змея
летучего, и где обрызгала его кровь змеиная, там и струщья яви-
лись. Искал он лекаря в своем княжестве, многие его лечили,
никто не вылечил.

«Повесть о Петре и Февронии»

Неустанно трудясь, Юй наконец одолел наводнение. Воды уле-
лись, но оставалось еще много других дел. Приближенный Гун-
гуна, изгнанного Юем, был ненасытным чудовищем с змеиным
туловищем и девятью головами. Звали его Сянлю. Девятью голова-
ми он хватал пищу с девяти гор. Самым ужасным было то, что, как
только он чихал, появлялось большое озеро. Вода в нем была непри-
ятной и горькой. Люди, выпившие эту воду, могли умереть, звери и
птицы не могли жить поблизости. После усмирения потопа Юй,
пользуясь своей чудесной силой, убил Сянлю. Народ был избавлен
еще от одного зла. Из трупа огромного девятиглавого чудовища
водопадом полилась вонючая кровь. Там, куда она попала, не могли
расти злаки. Из чудовища вылилось еще много жидкости с таким
неприятным запахом, что поблизости нельзя было жить. Юй за-
бросал воду землей. Он делал это три раза, но все три раза вода снова
просачивалась. Тогда Юй решил оставить там озеро, но соорудил
башню, чтобы придавить нечистую силу. Эта башня находилась на
северном склоне горы Куньлунь.

Юань Кэ. «Мифы Древнего Китая»

Можно перечислить добрую сотню подобных эпизодов, повествующих об
одном и том же — кровь драконов была чудодейственной, или ядовитой, или
разъедающей ткани, или все это сразу.

Это вполне вписывается в теорию Дикинсона. «Как уже показывалось выше,
метаболизм драконов был очень своеобразен, и наличие ядовитого фермента,
служащего для воспламенения газов, указывает на то, что в обмене веществ
участвует масса других веществ, как управляющих реакциями, так и их изме-
няющих, и это — весьма агрессивные вещества и соединения.

Конечно, формулы реальных биохимических процессов весьма сложны. Внут-
ренности дракона были сложным химическим производством, вырабатывав-
шим в качестве конечного продукта не только газ, но и множество других ве-
ществ, подлежащих использованию в организме, либо удалявшихся из него.

Наличием других объясняется “вредоносный” характер даже не воспламе-
ненного дыхания дракона, а третьими — небезызвестный след из слизи, часто
оставляемый драконами на почве и крепко загрязнявший местность близ ло-
гова едва ли не любого из них, однако именно этот след, как можно предпо-
ложить, поможет нам объяснить не менее хорошо известную привычку драко-
нов “вить гнезда” на золоте, то есть спать на грудах сокровищ»³⁵.

На вершине Драконова холма в Беркшире до сих пор показывают поляну, на которой не растет трава. По местному преданию, святой Георгий бился с драконом именно на этом холме, и на его вершине ничего не растет, потому что хлынувшая наземь драконова кровь отравила собой все вокруг.

Драконья кровь, хоть и была ядовитой, использовалась для приготовления лекарств и всяческих волшебных зелий. Восточные мудрецы говорили также, что, коснувшись земли, драконья кровь превращается в драгоценный янтарь.

Не менее известным свойством драконьей крови было даровать понимание языка зверей и птиц, а также делать героя неуязвимым.

45

— Таков отважный Зигфрид, храбрейший из мужей.
Досель еще не видел мир бойца, его сильней.
Могу я и другое порассказать о нем.
Он страшного дракона убил своим мечом,
В крови его омылся и весь ороговел.
С тех пор, чем ни рази его, он остается цел.

«Песнь о Нибелунгах»³⁶

Тогда Регин попросил, чтобы Фафнир поделился с ним золотом, но Фафнир ответил, что он, скорее всего, не станет делить с братом золото, из-за которого он сам убил их отца Грейдмара, и велел Регину убираться, иначе того постигнет судьба отца... Регин обратился в бегство, а Фафнир поднялся на Гнитахейд, соорудил там логово и, превратившись в дракона, возлег на золоте.

«Младшая Эдда»

И вновь прибегнем к помощи Дикинсона:

«Прежде всего мы должны освободиться от мысли о том, будто драконы накапливали золото, поскольку оно обладает ценностью — ценностью в человеческом смысле. У драконов была привычка, которую можно назвать “гнездованием на золоте”.

Помимо ценности для человека золото обладает двумя особыми свойствами: это один из самых мягких металлов на планете, к тому же химически инертный. Конечно, оно считается мягким не в том смысле, в каком мягок пуховый матрац, но оно неспособно образовывать опасные острия, края или грани, способные повредить шкуру дракона. А его химическая инертность имеет два важных следствия: во-первых, обычно золото можно было найти в чистом виде в форме самородков, которые удавалось собрать еще до появления на сцене другого золотоискателя, человека; а во-вторых, с золотом практически не взаимодействовали едкие выделения, постоянно источаемые телами драконов.

Последнее свойство очень важно. Ведь везде, где постоянно обитал дракон, быстро образовывалось своего рода химическое болото, а драконы были вынуждены в течение почти всей жизни обитать в одном и том же месте. Кроме того, поскольку одним из существенных моментов выживания драконов было

уменьшение веса, они не могли позволить себе долго находиться в таком бо-
лоте, поскольку при этом их тела будут покрываться грязью и всякого рода
окислами, и со временем слой такой грязи начинал весить куда больше, чем
мог позволить себе кто-либо из драконов. А каждому полету должна была
предшествовать достаточно длительная процедура очистки тела (факт, помо-
гающий объяснить привычку драконов при недалеких перемещениях чаще
ползать, чем летать).

46

Потому золотое гнездо служило дракону идеальным местом отдыха. По-
добная металлическая подложка был безопасной и вполне комфортной, а
химические выделения стекали между самородками и другими химически
инертными предметами вниз, не образуя грязи и не разрушая гнездо. Все про-
сто и понятно.

Можно предположить, что сначала существовали логова с подстилкой из
довольно гладких и химически инертных гальшей или валунов, позднее сме-
нившихся золотом и драгоценностями, поскольку любые береговые камни
постепенно разрушались кислотами. Логова наследовались из поколения в
поколение, потому со временем в них оставались лишь наиболее устойчивые
предметы из материалов, которые как раз и оказались на инстинктивном уров-
не избраны драконами в качестве самых подходящих для создания гнездовых.
Так могло произойти всего с несколькими самородками, попавшими среди
прочего в смесь, устилавшую дно пещеры»³⁷.

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ

Во всем мире драконы, невзирая на их огненную сущность, связаны с водо-
емами, водными источниками, колодцами и т.п.

К тому времени, когда на планете появился Человек, драконы выработали
собственный жизненный цикл, в пределах которого взрослые самцы могли ле-
тать, юные были еще не достаточно умелы для полноценного полета, а самки
оставались вблизи воды, либо жили, вообще ее не покидая или покидая изредка.

Творчески свидетельствует Дикинсон:

«Территориальное собственничество оформилось на стадии, где места спа-
ривания “узурпировались” наиболее успешными самцами, а их победа в со-
стязании за место под солнцем определялась умениями летать и выдыхать
пламя. Потому, хотя для выживания отдельно взятой особи особой нужды в
полете уже не было, он все еще был необходим для самовоспроизводства вида
в целом. Подобное и сейчас характерно для множества существующих видов:
определенная наиболее отличительная черта самцов — к примеру хвост рай-
ской птицы, ветвистые олени рога — должна быть исключительно привлека-
тельной для самок либо служить достижению превосходства над соперником
в целях продолжения рода.

...Все начинается и заканчивается яйцом. Из пустынной ночи к пруду тяжело приближается дракона. Она пьет, затем ненадолго присаживается на корточки рядом с водоемом и откладывает три яйца, которые присыпает холмиком земли и сухой листвы. Далеко на севере, на фоне звезд над горами на мгновение взметывается язык пламени: это старый дракон все еще отстаивает свое право на водоем для спаривания. Дракона отвечает на этот сигнал каркающим криком и продолжает свой труд. Как только он оказывается завершен, она уходит прочь, предоставив потомству возможность самостоятельного развития.

47

Присыпанное землей яйцо размером с два сжатых кулака. Его скорлупа гладкая и твердая, как прекрасный фарфор, но в ней постепенно, по мере того как внутри пошевеливается и растет жизнь, высвобождаются питательные вещества. Внутренняя поверхность размягчается и поглощается развивающимся в ней теленком, пока скорлупа не окажется ломкой и тонкой. Ощувив свой час, существо внутри яйца напрягается, распрямляясь. Скорлупа трескается.

В лунном свете к пруду, чтоб напиться, приближается небольшое стадо лошадок-эогиппусов. Их вожак чутко вздрагивает от слабого колебания почвы, и все они дружно поворачивают головы, чтобы посмотреть, как лопнул холмик по соседству. Они видят тонкий темный силуэт, извивающийся над землей, а затем мягко соскальзывающий в водоем. Безмятежные, они возвращаются к своему питью.

Схоронившись в воде, наш пока еще крошечный монстр отдыхает, а затем начинает осматриваться в водных зарослях рдеста. На этой стадии у него присутствуют зачатки лап, а по обе стороны шеи топорщатся зачатки будущих крыльев. Он шести дюймов в длину и похож на большого тритона, и лишь характерная драконья голова отличает его от других ящерид. На рассвете он встретится с братом, а следующей ночью — с обитательницей последнего из трех этих яиц: самочкой — более темной по окраске, более широкой в талии и с менее ярко выраженным хвостом.

Юный наследник Лэмбтона поймал ужасное существо и, сняв его со своего крючка, бросил в пруд рядом. С того дня этот пруд и стал зваться Прудом Червя.

Какое-то время о Черве не было ни слуху ни духу, пока он, став, наконец, взрослым, не вылез оттуда. Так он вылез оттуда и перебрался в Виэр. Там он целыми днями лежал, свернувшись на скале посреди потока, а ночью выбирался из реки и совершал набеги на ближние селения.

«Лэмбтон победил»

В течение двух последующих лет трое наших дракошиков живут своей неспешной тритоньей жизнью, становясь все крупнее и крупнее. Их растущему аппетиту уже явно не хватает травы и водорослей, и тут дает о себе знать драконье естество. Самочка греется около поверхности — вытянутое, как у

рыбы, тельце длиною около двух футов — когда без какого-либо сигнала или предупреждения на нее набрасываются оба самца. Вода ненадолго вскипает бурунами: сначала они ее убивают, а затем сражаются за ее тельце. Наш дракон, более сильный из оставшихся двоих, отвоевывает куски побольше и тем самым еще более увеличивает свое превосходство в размере и силе... В общем, спустя несколько недель в водоеме остается только один дракошик.

При других условиях, т.е. на более обширных пространствах размножения, как в море “Беовульфа”, этот этап может быть пропущен, поскольку там драконья молодежь способна легко рассеяться, в силу чего стадия каннибализма наступит намного позже, уже как часть процесса борьбы за территорию.

Теперь у водорослей есть возможность восстановиться, хотя и ненадолго, ведь уже начинает работать метаболизм дракона. Многие путешественники отмечали неподвижность и черноту вод в водоемах с драконами. Вскоре вода становится слишком кислой для растений, а что касается животной жизни, то дракон ведь уже вкусил плоти. В конце концов даже зогиппусы избирают другое место для водопоя.

Эта стадия тоже займет несколько лет, за чем последует еще одна метаморфоза: дракон выйдет из воды, чтобы охотиться на суше. К этому времени в длину он составляет порядка девяти-десяти футов при зеленой пятнисто-илистой расцветке сверху и более светлой снизу. Если бы вам довелось встретиться с ним так, что он вас не заметил, вы увидели бы существо, присевшее на задние лапы и удерживающее равновесие с помощью хвоста. Крылья еще совсем невелики. Но вы, скорее всего, не уделите особого внимания этим деталям, потому что взгляд ваш будет привлечен прежде всего головой — непропорционально большой для такого тела, с большими желтыми фронтально расположенными глазами: представшей вам маской дракона. Как только существо обнаружит ваше присутствие (а его обоняние и слух очень остры), оно прижмется к земле, защищая самую уязвимую — нижнюю — часть тела, и будет следить за вами. Если оно решит, что вы для него опасны, то может начать отступать, стараясь отползти подальше назад. Но если ему взбредет в голову, что вы просто-напросто еда, оно тут же начнет движение к вам: медленно, размеренно, не отрывая от вас своих желтых глаз. И у вас, надо думать, появится сильное желание избавиться от этого пристального взгляда, чтобы больше никогда не видеть эту упорно надвигающуюся на вас голову, принуждающую одним своим взглядом ваши оцепеневшие было конечности к действию: резкому развороту и бегству...

Поступи вы именно так, юный дракон не стал бы вас преследовать.

Фригийская история также свидетельствует, что в длину новорожденные драконы достигают десяти шагов; и у них есть ежедневная... привычка: они выползают из своих пещер и (возле реки Риндакус), припав нижней частью тела к земле и вертикально удерживая верхнюю, с грациозно вытянутой шеей и широко разинутой пастью они привлекают к себе птиц то ли чарами своими, то

ли неким обаянием, так что те из птиц, которые оказались совлечены вниз их вдохом, далее соскальзывают напрямик им в утробу.

Элиан. «О природе животных»

Некоторое время он охотится рядом с родным водоемом, обходясь малой добычей. Вся следующая стадия его развития — настолько, насколько животное вообще способно ощущать такие вещи — это период постоянного чувства тревоги и опасности, если не депрессии: долгий переход от покоя и безопасности в воде к безопасности и покою в воздухе. Этот процесс может занять целые годы, и чтобы пережить их, он должен подыскать себе безопасное логово.

Жидкость давно отошла из пока еще примитивных летных полостей его тела. Крупная камера пониже шеи уже начинает наполняться газом. Наступает время, когда он готов подняться в горы и начать поиск. Он должен найти особую пещеру: достаточно длинную, чтобы вместить его взрослое тело, и достаточно узкую, чтобы ее защищала от вторжений его голова.

Горы нужны ему также, чтобы начать летать, спрыгнув с уступа или со скалы. Ему нужно тренировать мышцы, научиться управлять растущими крыльями, развивать летные камеры. И когда камеры дракона достаточно выросли, каждая способна взять на себя долю общего веса тела, тогда дракон сможет взлететь и с равнины.

Этот период занимает около тридцати лет. Каждую зиму дракон впадает в спячку. А каждое лето в нем мучительно быстро разрастается новая летная камера.

Нелетающий и неогнедышащий дракон еще очень уязвим. Спасает дракона гипнотизирующий взгляд, он использует его не только при охоте, но и для того, чтобы сосредоточить все внимание, а значит, и атаки своих врагов на этой единственной неуязвимой части. Фактически он куда более уязвим для острых клинков, чем для другого твердого, но тупого оружия: его шкура спружинит под ударом дубины или брошенного камня, но может оказаться пробитой клыком или когтем.

Так, подыскав себе логово, то есть найдя узкую длинную расщелину в основании скалы и проглотив тело ее предыдущего, подобного ему обитателя, совсем недавно отползшего туда и погибшего после неудачной попытки загипнотизировать злобного саблезуба, — наш дракон переживает свою долгую мучительную юность. Все время, сколько удастся, он проводит в своей пещере, лишь иногда выползая наружу поохотиться. Одной дикой свиньи ему хватает на целый месяц. В таких вылазках он — ползающий червь, медленный и безобразный. Чтобы поймать добычу, он залезает в засаду, дожидаясь подходящего животного, оказавшегося в пределах его видения и воздействия. Воду он пьет из безопасного водоема.

Безветренными вечерами его, исполненного неопределенной тоски и смутных желаний, влечет наружу даже тогда, когда он не хочет есть. Он встает на задние лапы и с шумом машет отросшими крыльями. Он подпрыгивает и ненадолго взлетает.

Прыжки продолжают и становятся все выше. Инстинкт управляет давлением на мембраны летных камер, открывая и закрывая соединительные клапаны и стабилизируя положение в воздухе. Дракон учится пользоваться крыльями. А затем в один из теплых вечеров благодаря очередному прыжку он попадает в утасующие уже потоки одинокого термала и возносится ввысь, расправив свои огромные крылья. Там ощутимо дает себя знать изрядный объем летных камер — дракона кренит, болтает, раскачивает в нисходящих потоках и бросает вниз, на камни. Страх вынуждает его мощно работать крыльями. Быстрый спуск прекращается, а затем начинается плавный подъем, все выше и выше... Он наконец летит!

Однако дракон ощущает, что камеры его переполнены газом. И вновь срабатывает инстинкт. Открываются клапаны, и струя газа устремляется в глотку, извергаясь меж челюстей наружу. В шести дюймах от разинутой пасти она взывает, и длинный язык пламени испарывает окружающий сумрак. И вот далеко за пределами утеса и скалы этот сигнал видит старый дракон, блуждающий вместе с ночным ветром, и отвечает собственным ревущим всплеском пламени — не приветствием, а вызовом и признанием того, что взлетел новый дракон, конкурент, который скоро явится сразиться за территорию сларивания.

Впервые после того как он оставил водоем, где когда-то встал на ноги, наш дракон вновь защищен и свободен. Он — часть окружающего мира. И он начинает изучать пути ветров и термалей, проходящих над равниной и помогающих ему в охоте на животных из тучных стад, пасущихся там. Он может даже, если пожелает, исследовать горную цепь для поиска более комфортного и безопасного логова. Хотя и на нынешнее жаловаться ему грех, ведь благодаря ему он — один из всего выводка — до сих пор жив.

Первые полеты состоялись на исходе лета, после того как выросла последняя, наиболее важная камера. Всю осень он охотится и ест, а когда на равнине воцаряется зима и стада отходят на юг — залегает в логово. Весною он выйдет, чтобы вновь охотиться, становясь с каждым днем все более сильным и уверенным — с каждым, разумеется, тихим днем. Ведь даже самый старый и опытный дракон не рискнет покинуть пещеру в дни штормов и ураганов, потому что огромные, но хрупкие крылья могут сыграть плохую службу, когда налетает что-нибудь более серьезное, чем ласковый ветерок. Там, где ветра устойчивы и предсказуемы, драконы учатся летать с их помощью, но в штормовых вихрях наших героев кружит, как сорванную листву.

В течение всего этого сезона дракон ощущает новый позыв, влекущий его к центру. С каждой ночью сигналы усиливаются: вызовы вспышками пламени и ответы на них видны за сотни миль вдоль большого откоса.

Сначала они беспорядочны, но вскоре возникает центр. Драконы собираются вместе, кружась в огненном танце. К этому же месту устремляется и наш дракон. Будучи самым молодым, он прибывает сюда последним.

Там, где предгорья переходят в собственно горы, он обнаруживает около двух десятков подобных ему, кружащих над темным каровым озером (кар —

горный цирк). Все, что ниже, — это голые бесплодные скалы, отравленные останками многих поколений драконов. Драконы кружат, образуя спираль, круги которой, становясь все уже и уже, приближаются к точке, находящейся как раз над центром карового озера. Эта вершина спирали — место старого гигантского дракона, «владеющего» каровым озером. Дракон же, находящийся чуть ниже, испытывает его, в то время как те, кто находятся еще ниже, завоевывают свое место в спирали в долгой серии индивидуальных поединков, пока не удостоятся права стать следующим претендентом. Наш дракон покачивается в танец во внешнем круге. Всю ночь он кружит там, выдыхая очень небольшие порции пламени и рискнув пока вступить лишь в две незаконченные стычки с другими молодыми драконами. Но на вершине спирали идет реальное сражение. Там старый гигант и его конкурент, уже не раз опаленные горючими струями из глотки противника, сошлись близко, фыркая своими пятидесятиядровыми языками пламени и маневрируя, чтобы взять верх. «Верх» — практически в буквальном смысле, потому что с каждым всплеском пламени бойцы теряют подъемную силу, и соревнование должно выявить, кто из них сможет воспарить над другим, все еще продолжая выдыхать пламя; кто окажется выше, изрыгая при этом огонь на выдохшегося соперника и вынуждая того снизиться. Именно одержавший верх как раз и станет лучшим среди танцующих в полете. Тем самым он докажет, что его гены наиболее достойны быть переданными следующему поколению драконов. На сей раз побеждает старый гигант, а его претендент соскальзывает на уровень ниже — но он еще может вернуться...

Тремя ночами позже старый гигант побежден. В последнем усилии, чтобы еще раз проявить свою силу, он изрыгает газа больше, чем может себе позволить, теряет подъемную силу и начинает планировать вниз, но по пути оказывается очень близко от нашего дракона. Инстинкт соперничества, призыв карового озера порой оказываются сильнее даже инстинкта выживания. Еще один могучий выброс пламени, и, поскольку наш дракон выдыхает ему слабый ответ, ставшее более стремительным планирование старого гиганта становится гибельным: его швыряет вниз на скалы. Мембраны его камер уже расширены до предела, поэтому внезапный скачок давления — это уже чересчур. Его буквально разносит на куски, в то время как танец в выси продолжается.

Эти огненные танцы длятся всего две недели или до тех пор, пока все драконы не рассеются, оставив одного сильнейшего, чтобы владычествовать на каровом озере. Время для нашего дракона течет однообразно, за исключением того, что каждый год он выращивает еще одну летную камеру, учится летать еще выше, искуснее, и выдыхать все более мощное пламя. Затем зима, и еще один год, и еще один тур танцев-поединков. Так год за годом он растет, ежегодно сражаясь, как умеет, за место повыше в драконьей иерархии, пока наконец не становится претендентом на главное место, кружась уже перед верховным из драконов, все выше и выше. Он выдыхает короткую струю пламени и на мгновение кажется словно бы оступившимся в воздухе, но так как верховный приблизился, он использует импульс этого незначительного падения,

чтобы исполнить переворот через голову с одновременным полным разворотом, подходя так близко, что тонкие крылья бьются друг о друга. Маневр заставляет верховного врасплох, и тут, словно это был отрепетированный танцевальный пируэт, наш дракон внезапно оказывается над противником — его тенью сверху, следующей за каждым его движением, с когтями, готовыми пронзить непрочное тело, парящее ниже, если бывший верховный попытается вновь возвыситься.

52

Ответ верховного — пламя, но уже не направленное на противника, а просто как демонстрация. Струя пламени в ответ на струю конкурента. Внезапно у старого дракона совсем не оказывается газа, чтобы ответить, и он отплывает в сторону, выходя из танца. Сюда он отныне уже никогда не вернется, улетая далеко на север, где найдет себе новое логово и станет одним из угрюмых и коварных старых драконов, частенько встречающихся на горных перевалах.

Теперь верховным становится наш дракон. Он сохраняет завоеванную позицию, пока танцы не завершатся и другие самцы не разлетятся, оставив его владыкой карового озера. Затем он устраивается на сторожевой вершине, восстанавливая растратченную энергию...

Тем временем по всей равнине просыпаются гормоны у самок, принуждая их выбираться из водоемов и — для начала — просто некоторое время полежать, привыкая к новой для них среде. Затем они движутся на север. Их глаза прикованы к танцу огней, мерцающих вдали над скалами. На каждую вспышку пламени они отзываются странными певучими криками.

Странствие это даже для тех из них, кто обитает близко к горам, занимает несколько дней, а для некоторых — почти месяц, а если две из них встретятся где-нибудь около карового озера, они будут сражаться с нешуточной яростью, чтоб определиться с первенством. Всего их, приходящих к каровому озеру, около восьми десятков. Самой молодой — порядка десяти лет, самой старшей — около тридцати, тогда как нашему дракону к этому времени исполнилось по меньшей мере полвека.

Достигшая озера самка ходит между камнями, иногда застывая в ожидании на краю воды. Ее глаза устремлены в звездную тьму над головой. Каровое озеро спокойно. Внезапно между звездами возникает полоса пламени, расширяется, исчезает... Драконесса отвечает криком — это тот же самый певучий отклик, который она издавала в течение всего странствия, но в сотни раз усиленный, поскольку здесь его вибрации отдаются эхом в скалах, — и соскальзывает в воду. Поскольку во время плавания третья часть ее тела, удерживаемая на плаву летными камерами, остается не погруженной, то низвергающийся сверху на призывный крик дракон видит ее как движущееся пятно чистого черного цвета среди колеблющихся отражений звезд. Он вновь изрыгает пламя, она кричит в ответ, и он накрывает ее собою.

Подобно всему остальному в жизни драконов, спаривание их также связано с насилием. Его когти смыкаются на ее шее и бедрах. Его крылья раскинуты, чтобы сохранить равновесие, поскольку она извивается под ним. Пена и брызги вспыхивают в звездном сиянии, превращаясь в пар там, где попадают в пламе-

неющее дыхание дракона. Скалы отзываются на крики любовников своим многократным эхом.

Яростно и быстро. Теперь он тяжело поднимается в воздух и возвращается к своей сторожевой скале, где присаживается отдохнуть, в то время как она покачивается, словно мертвая, на глади вновь успокоившегося озера с темной кровью на разорванных боках, сливаясь с неразличимыми предметами вокруг. Через некоторое время драконесса подплывает к берегу и выбирается на сушу. Рядом с нею новоприбывшая самка, присев на корточки среди камней и абсолютно не обращая внимания ни на что вокруг, пристально всматривается в небо в ожидании сигнала. Наконец оплодотворенная самка неспешно возвращается к собственной, ревниво ею охраняемой территории, где по очереди навещает места своих кладок, оставляя два-три яйца в каждой и тщательно присыпая их песком и укрывая подвинувшей сорной травой. Ее не заботит то, что в большинстве тамошних вод уже обитает какой-нибудь подросший дракошник, жаждущий проглотить едва вылупившееся потомство, стоит лишь тем соскользнуть в воду. Но существуют, возможно, два или три водоема, оставшиеся в прошлом году без обитателей, и этого будет достаточно, чтобы начать новый цикл»³⁸.

53

Есть драконы от рождения и есть черви, превратившиеся в драконов.

Кьяо принадлежит к роду Драконов... он скрывается в потоках, а яйца его обнаруживают в откосах.

The Yuan Kien Lei Han

Т. Апензеллер знакомит нас с теорией, принятой на Востоке. «Согласно различным источникам, большое распространение на Востоке получила гипотеза о том, что драконы совокуплялись в облики небольших змей. Затем самка откладывала на речном берегу яйца, внешне походившие на крупные камни, иногда — драгоценные. Период развития зародыша в яйце, как и процесс взросления вылупившейся особи охватывал целые столетия. Некоторые считали даже, что инкубация драконьих яиц занимала ровно тысячу лет.

Наконец наступал день, когда драконьши должны были вылупиться. Из похожих на камни яиц начинала струиться вода, а драконы-родители издавали громкие крики, попеременно то поднимая, то успокаивая ветер. И вот под небесную музыку грома, посреди полыхания молний и изливающегося с небес дождя скорлупа яиц трескалась, и юные драконы выбирались наружу в виде маленьких змеек. Прежде чем они смогут подняться в небо, их истинный дом, им предстоял долгий период роста и метаморфоз.

Полторы тысячи лет требовалось дракону, чтобы достичь полного роста, еще пятьсот лет, чтобы у него выросли рога, и еще тысяча, чтобы совершенно развились крылья.

В конце концов он превращался в существо, во многом похожее на западных драконов, разве что следили за его развитием с куда большей заботой и вниманием»³⁹.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ

Есть поверье, что тот, кто съест сердце дракона, обретет знание птичьего языка, тот, кто съест язык дракона, сможет победить в любом споре, кровь дракона, втертая в кожу, защищает от ран и любого оружия.

Древние статуи часто изображают бога (Эскулапа) держащим чашу, вокруг которой обвивается священная змея. Но ассоциирование змеи с врачеванием — очень древняя традиция; и стоит отметить, что и по сей день символом профессии врача является змея, обвившаяся вокруг чаши, хотя это и связано скорее с лечением магией, а не с научными средствами медицины.

А. Элфорд. «Боги нового тысячелетия»

Целый раздел у Плиния посвящен лекарствам, изготовляемым из органов дракона. Мы узнаем, что из его глаз, высушенных и растолченных с медом, готовится мазь, помогающая от ночных кошмаров. Жир драконова сердца, обернутый в шкуру газели и привязанный к руке оленьими сухожилиями, приносит успех в тяжбе; зубы дракона, также хранящиеся на теле, обеспечивают благосклонность господ и милость царей. С долей скептицизма Плиний приводит рецепт снадобья, делающего человека непобедимым. Его изготавливают из шкуры льва, из львиного костного мозга, из пены коня, только что победившего в скачках, из когтей собаки и из хвоста и головы дракона.

В минералогии карбункул — от латинского *carbunculus*, «уголек», — это рубин, что ж до карбункула у древних, то, по предположениям, так называли гранат.

Исидор Севильский писал в своей «Этимологии» следующее: «Его добывают из головы дракона, однако он твердеет, становясь драгоценным камнем, лишь тогда, когда голова отсечена у живого чудовища; по сей причине колдуны отрубают голову у дракона спящего. Храбрецы, желающие проникнуть в логово дракона, берут с собою зерна, которые нагоняют на этих чудищ сон, и когда драконы уснут, отсекают им головы и вынимают самоцветы».

Здесь можно вспомнить шекспировскую жабу («Как вам это понравится»), которая, хотя «уродлива и ядовита. Но ценный камень в голове таит...»⁴⁰.

По всей видимости, тела некоторых восточных драконов после смерти воз-

вращались на землю, причем они обладали поистине чудодейственными свойствами даже вне родной облачной или огненной среды. Древнекитайские медицинские энциклопедии изобилуют рецептами различных снадобий, в которых предлагается использовать эти реликвии.

«Ли Ши-чжэнь уделяет костям дракона как лекарственному средству значительное место. Растертые в порошок драконьи кости, особенно позвонки, могли применяться для лечения желчных камней, жара у детей, паралича ног и различных болезней беременных женщин, зубы — для пользования душевнобольных и страдающих головной болью, а мозг и печень особо рекомендовались при дизентерии. Драконьи туши служили людям и в других, не медицинских областях. Кожа их, по утверждению многих, светилась в темноте, а жир горел так ярко, что свет был виден за сотни километров. Мудрецы говорили также, что, коснувшись земли, драконья кровь превращается в драгоценный янтарь. Слюна дракона — отличные чернила для разметки жадеита и золота. Она же используется как основа для самых изысканных духов и благовоний»⁴¹.

«Говорили, например, что один император из династии Сун изготовил из слюны пурпурного дракона чернила, которыми начертил затем имена наиболее ценимых им министров и мудрецов на табличках из нефрита, золота и хрусталя. А чтобы всегда иметь под рукой запас таких чудесных чернил, он поселил дракона прямо во дворце.

Постепенно китайские аптекари в погоне за выгодой стали выдавать за кости дракона любые древние кости, даже кости синантропа и иньские кости с гадательными надписями»⁴².

Драконьи тропы для человека еще более важны, чем лекарства из дракона. Чтобы быть удачливым и счастливым, нужно жить, работать и хоронить умерших вблизи подземных драконьих ходов. Найти драконью тропу — большая удача, но помните: наступать на тропу нельзя! Можно осторожно ходить рядом, но не перебегать дракону дорогу.

В одной из глав составленного в конце XVI в. монументального медицинского трактата «Пан Цао Кан Му» говорится, что «драконьи усы защищают от мух и moskitov и в то же время привлекают рыбу, если их опустить в реку или пруд. Самыми лучшими считаются темно-лиловые усы длиной не менее метра. У восточных драконов 117 чешуек, причем 81 из них пропитана хорошей энергией Ян, а 36 — плохой энергией Инь, что уравнивает характер и формирует личность дракона».

ДРАКОНЫ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

ЗАПАДНЫЕ ДРАКОНЫ

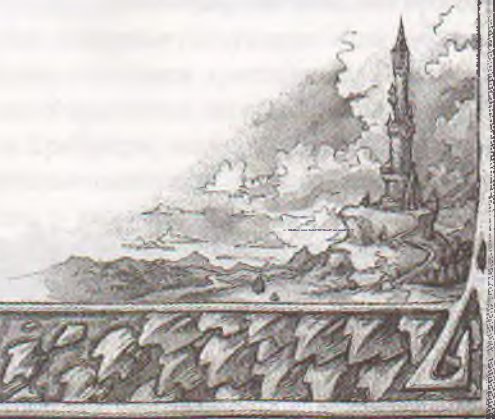

Вообще большинство из нас при упоминании слова «дракон» обычно вспоминают именно о западных драконах, очевидно, это во многом связано с менталитетом людей, принадлежащих западной цивилизации.

Европейские драконы чаще всего представляются злобными, жаждущими убийства и крови тварями. О горах золота и драгоценных камней, спрятанных в их пещерах, ходят легенды, не дающие спокойно спать разного рода любителям приключений и искателям подвигов и славы. Но получить сокровища дракона можно лишь убив их хозяина.

Поэтому любой классический средневековый герой считал своим долгом убить дракона. Этим прославились Геракл, Сигурд, св. Михаил, св. Георгий и многие другие.

Время сильно подорвало престиж дракона. Лев для нас — это и реальность и символ, но мино-

Карта мест
обитания
драконов.
Автор
Мария
Кейман

Рыцарь, побеждающий дракона.
Иллюстрация XV в.

тавр — всего лишь символ, а не реальность. Дракон, вероятно, самое известное, но также самое незадачливое из существ. Он кажется нам каким-то ребяческим и нередко портит истории, в которых появляется. Стоит, однако, вспомнить, что тут мы имеем дело с современным предрассудком, возникшим, вероятно, из-за избытка драконов в сказках.

Но много веков назад люди относились к драконам всерьез. Потому что легкомысленное отношение могло привести к самым печальным последствиям.

В мифах народов мира содержится множество удивительно согласующихся между собой прямых или косвенных сведений о природе, предпочтениях и повадках этих существ, при этом сохраняется преемственность тем, сюжетов и мотивов, причем преемственность может заключаться лишь в самом факте существования того или иного сюжета и применении его лишь в силу традиции в том или ином случае. Сюжеты трансформируются со временем, наполняются новым содержанием, но сохраняют свои основные элементы в течение многих столетий, будучи неоднократно преобразованными в самых различных по форме источниках, таких как письменная художественная литература, устная традиция, фольклор и другие.

ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН

Я был также в королевстве Вавилонском, называемом язычниками Багдад. Большой город Вавилон был окружен стеною на протяжении 25 лье, равняющихся каждое трем итальянским милям. Стена эта имела в высоту 200 шагов, а в ширину — 50. Евфрат течет посередине этого города, ныне разрушенного так, что в нем нет ни одного жилища.

Вавилонская башня отстоит от него в 54 стадиях, по четыре на итальянскую милю. Башня эта, которую можно видеть со всех сторон на расстоянии 10 лье, находится в Аравийской пустыне, на пути, ведущем в королевство Халдею, однако никто не осмеливается подойти к ней по причине змей, драконов и других гадов, которыми кишит указанная пустыня. Башню эту построил король, именуемый язычниками марбут Немврод.

Иоганн Шильдбергер. «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год»⁴³

Предоставим слово С. Плешакову. «Первые упоминания о драконах относятся еще к древней шумерской культуре, возникшей около 5000 лет назад. Тогда драконы описывались как удивительные существа, которые не были

похожи ни на одно животное, но в то же время имели сходство со многими из них; так, например, у дракона могли быть лапы собаки, голова льва и крылья птицы.

Не так давно, приблизительно в 60-е годы XX века в мировой прессе появились сообщения об одном удивительном драконе. Его называют Сирруш. Сообщения о его появлении поступали из различных уголков земного шара: из Шотландии и Ирландии, Норвегии и Швеции, Африки и из других мест. Хотя первые упоминания о нем относятся к более раннему периоду.

Началом этой истории можно считать 1887 год. Именно тогда немецкий профессор Роберт Коддевей прибыл на раскопки Древнего Вавилона. Тогда он и нашел осколок старого кирпича, покрытого ярко-синей глазурью, на одной стороне которого был изображен фрагмент удивительного животного, которое его очень заинтересовало.

Только через 10 лет Коддевей смог вернуться на раскопки и продолжил изучение загадочных кирпичей. Его открытием заинтересовалась Администрация королевского музея в Берлине. Они предложили Коддевею продолжить его исследования. Так в 1899 году начались раскопки Вавилонии под руководством Коддевея. И уже в 1902 году вновь появились на свет врата, возведен-

Врата, посвященные
богине Иштар в Древнем
Вавилоне. 580 г. до н.э.

Мухшуш (Сирруш), украшающий городские ворота, посвященные богине Иштар в Древнем Вавилоне. Мозаичный глазурованный рельеф, 580 г. до н.э., правление Навуходоносора II

ные царем Навуходоносором в честь богини Иштар. Они были построены из таких же кирпичей, покрытых голубой глазурью, как и тот, который нашел Колдевей во время своей первой экспедиции»⁴⁴.

В основании ворот высечена надпись: «Ужасающими рими и дикими сиррушами я украсил стены... чтобы все люди смотрели на них и удивлялись». Царю Навуходоносору удалось достичь цели.

«Барельефы Сирруша имеют очень четкий контур и изображают узкое туловище, покрытое чешуей, длинный и тонкий чешуйчатый хвост и такую же длинную и тонкую чешуйчатую шею со змеиной головой. Пасть закрыта, но из нее высовывается длинный раздвоенный язык. На затылке видны кожистые уши, украшенные прямым рогом, служащим также и оружием. Возможно, что рога там два, поскольку на изображении тура-рими виден тоже лишь один рог. «Очень примечательно, — пишет профессор Роберт Колдевей, — что несмотря на чешую, животное имеет шерсть. Рядом с ушами с головы ниспадают три спиралевидные пряди, а на шее, там, где должен быть гребень ящерицы, тянется длинный ряд выющихся локонов. Но самая примечательная деталь — лапы. Передние похожи на лапы животного из семейства кошачьих (скажем пантеры), а задние — на птичьи. Они очень большие, четырехпалые, покрыты крепкой чешуей. И вопреки сочетанию столь разных деталей Сирруш выглядит как живой, во всяком случае совсем как изображенный рядом с ним рими, если не более естественно...»⁴⁵

Бернар Эйвельманс в книге «По следам неизвестных животных» также упоминает историю Сирруша. Он пишет: «Стены врат Иштар украшены изображениями туров и драконов. Что касается рими, то в Библии их зовут “реем”,

Голова дракона Мухшгуш.
Бронза, VII—VI вв. до н.э.
Париж, Лувр

тут зоологи определили, что речь идет о турах вида *Bos primigenius*, доживших в Европе до Средневековья. Последний был убит близ деревни Янтаровка в Литве в 1627 году. Но с определением Сирруша оказалось сложнее. Он представляет собой покрытое чешуей четвероногое существо с передними лапами, как у льва, задними — как у орла, с головой на длинной шее, есть и язык, имеется грива, как у лошади. Более странной мешанины не придумаешь. У архитекторов ворот явно было задание изобразить реальное животное, а иначе почему рядом фигурирует обычный прозаический тур? Да и львы подле тоже реальны».

Изразцы — лев, декор стены, примыкающей к воротам Иштар.
Начало VI в. до н.э., правление Навуходоносора II. Вавилон

«Если бы портик Иштар откопали на век раньше, — пишет Вилли Лей, — эта мешанина разных конечностей была бы доказательством, что “змеи” — такой же объект мифов, как и летучие быки с человеческой головой ассирийской мифологии. Но за эти сто лет Жорж Кювье успел стать отцом палеонтологии, а профессор О. Марш заслужил честь называться в Америке “отцом динозавров”. И наши представления о возможностях природы резко изменились. Палеонтологи откопали останки таких странных животных, что и самая богатая фантазия не могла вообразить. Они открыли особую группу птицеров, которые ходили на “курих ногах”, держа передние навесу».

Сам Колдевей опубликовал записки по Вавилону в 1913 г. Там он признал, что большинством черт Сирруш соответствует какому-то исчезнувшему животному, но скромно добавил: «Если бы передние лапы не были такими кошачьими, то такое животное могло бы существовать». Во всяком случае, Ветхий Завет четко высказывается за наличие такого животного в Вавилоне.

Чуть позднее, в роскошной книге *«Ворота Иштар в Вавилоне»*, вышедшей в 1918 г., профессор высказался более определенно по поводу отображения рептилий древнейшей эпохи. «Если бы жила на свете такая тварь вроде Сирруша, ее можно бы было поместить в разряд динозавров, а точнее в группу

орнитоподов. Игуанодон мелового периода из Бельгии больше всего походит на нашего Сирруша. Почему не посчитать его просто выдумкой? Сам Колдевей считает это маловероятным, поскольку изображение Сирруша не изменилось за тысячи лет, что несвойственно другим созданиям вавилонян. У Сирруша долгая жизнь, в отличие от мифических животных он появился с первыми образчиками халдейского искусства в 2800 году до нашей эры и жил еще до эры Навуходоносора (1146—1123).

Очевидно, что изображение Сирруша — не точное воспроизведение бегущего живого существа, а отличная стилизация. Оба существа — и тур, и дракон — считались монстрами дальних стран. И облик дракона родился от устной традиции, свидетельств, оставленных путешественниками-халдеями»⁴⁶.

Другое имя этого дракона — Мухшуш, что в переводе с аккадского означает «огненно-красный дракон». Сирруш, он же Мухшуш, был эмблемой бога Мардука.

Чтобы установить порядок мироздания: отделить свет от тьмы, а небеса и землю — от вод, необходимо было победить первых драконов, поскольку они являли собой воплощение хаоса. В те времена драконоборчеством занимались одни лишь боги, ведь гигантские драконы, о которых идет речь, жили задолго до появления человека и сотворения мира.

Об этой грандиозной битве и сотворении мира рассказывает вавилонская космогоническая поэма «Энума элиш».

Познакомимся с поэмой в пересказе А. Меня.

«В стародавние времена, когда все еще было лишено формы, — так записано в табличках, — возникли два первозданных существа. Одно из них, муж-

Вавилонский жрец
перед алтарем
с символами
Мардука —
драконом
и копьем.
Отгиск печати

ского пола, назвалось Апсу и стало править пресными водами и пустотой, другое же, женского пола, по имени Тиамат, стало править солеными водами и хаосом. Тиамат была драконом с челюстями крокодила, львиными клыками, перепончатыми крыльями, как у летучей мыши, лапами ящерицы, орлиными когтями, питоньим телом и воловьими рогами.

Когда наверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали.
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Тростниковых зарослей видно не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено.

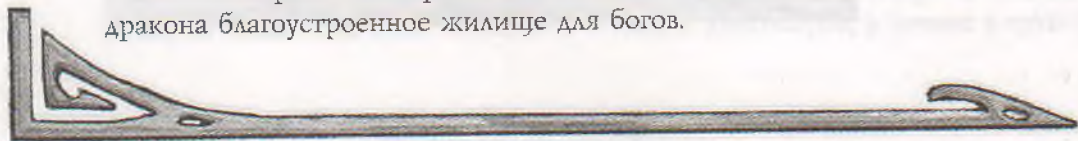
Далее повествуется, как мировой Океан (Апсу и Тиамат, пресные и соленые воды) породил богов. Их шум смутил покой прародителей. И они вняли совету — уничтожить молодых богов. Тогда бог мудрости Эяа усыпил и убил Апсу. Потом он возвел себе чертог, где зачал из вод убитого Апсу бога весеннего солнца Мардука. Бог неба Ану стал тревожить праматерь Тиамат своими ветрами. Она решила отомстить за своего супруга Апсу. Но Мардук обещал богам одолеть ее при условии, если они признают его царем. Получив согласие богов, Мардук вышел на бой с Тиамат.

Когда это услышала Тиамат,
В мыслях помутилась, потеряла рассудок.
Взревела, вверх взвываясь, Тиамат,
От подножья до верха сотряслась ее туша.
Собрала она армию чудовищ.
Острых их зубы, их клыки беспощадны!
Она ядом, как кровью, их тела напитала,
В Ужас драконов свирепых одеда,
Окружила нимбами, к богам приравняла.
Если в битву пойдут, то уже не отступят!

Однако битву выиграть ей не удалось. Мардук опутал ее сетями и наполнил ее водное чрево буйными ветрами.

Ее тело раздулось, ее пасть раскрылась,
Он пустил стрелу и рассек ее чрево,
Он нутро ей взрезал, завладел ее сердцем,
Он ее осилил, ей жизнь оборвал он.
Труп ее бросил, на него наступил он.

Были повержены и соратники Тиамат. А Мардук задумал создать из трупов дракона благоустроенное жилище для богов.

Рассек ее тушу, хитроумное создал,
Разрубил пополам ее, словно ракушку,
Взял половину — покрыл ею небо,
Сделал запоры, поставил стражей,
Пусть следят, чтобы воды не просочились...
Он устроил стоянки богам великим,
Звезды-планеты, подобья богов, он сделал...
Истечение саюны Тиамат
Мардук собрал и согнал ее в тучи,
Сгрудил в облака кучевые...
Он поставил главу Тиамат, он на ней гору насыпал,
Он бездну открыл — устремились потоки.
Тигр и Евфрат пропустил он сквозь ее очи...
Так создавал он небо и землю,
Связь небес и земли скрепил он прочно,
Затем он назначил свои ритуалы, установил свои обряды...

Боги прославляли Мардука за мудрость, и тогда он задумал сделать для них слуг.

«Кровь соберу я, скрепаю костями,
Создам существо, назову человеком,
Воистину я сотворю человеков.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули».

Мардук взял кровь убитого бога Кингуи и сделал из нее человека. Боги воздвигли себе из кирпича величественные жилища-храмы. Такие же храмы должны строить и люди.

Подобье того, что на небе он создал, на земле да сделано будет!
Да помнят люди, да зывают к богу!
По словам уст его да чтят богиню!
Божествам да приносят хлебные жертвы!
Без небреженья богов да содержат!

Перевод В.К. Афанасьевой⁴⁷

Так в представлении первых осмысливших тайну возникновения мироздания людей был сотворен наш мир из первозданного хаоса. Почти такие же сказания о возникновении Вселенной сложились и в других странах, даже весьма удаленных от Вавилона. В самом же Вавилоне история битвы с первым драконом каждый год зачитывалась народу, чтобы люди помнили о своих истоках и о началах мира, в котором живут, и чтили первого драконоборца, победившего исчадие тьмы.

Следующий известный дракон древних хеттов — Иллуянка.

В.Н. Синельченко «В мире мифов и легенд» так описывает события далекой древности: «Для начала следует уточнить, что одни авторы считают Иллуянка именем собственным, а другие полагают, что это имя нарицательное, попросту означающее “дракон” или “змея”. Текст мифа (а вернее — двух его вариантов), с одной стороны, носит все черты волшебной сказки, а с другой — в нем совершенно недвусмысленно указывается на его культовый характер, поскольку зачитывался он во время ежегодного праздника “пурулли”, который устраивался в честь бога грозы (или бури) в городе Нерика (на территории нынешней Палестины).

Этот праздник был установлен дочерью громовержца, Инарой, когда она вручила Царю свой храм водной пучины-стремнины (Подземных вод). Анализ ритуальных текстов позволил сделать вывод о том, что Царь в качестве воплощения бога грозы, убивая своего ритуального противника, вызывает плодородие (в частности дождь) и этим обеспечивает процветание страны.

В первом варианте мифа дракон побеждает бога грозы, который обращается за помощью к иным богам»⁴⁸.

Когда бог грозы и Змей
Схватились в (граде) Кискилусса,
Тогда Змей [одо] лел бога грозы.
Бог грозы ко всем богам
Обратился: «Придите же сюда ко мне!»

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского⁴⁹

«Помочь ему соглашается богиня Инара, которая, в свою очередь, приглашает в помощники смертного человека по имени Хупасия. Хупасия соглашается участвовать в опасном предприятии при условии, что богиня разделит с ним ложе. Инара соглашается на это условие, наполняет множество сосудов вином, прячет человека возле логова дракона и, нарядившись в красивые одежды, выманивает дракона вместе с его детенышами из логова»⁵⁰.

Затем Инара уведла Хупасию
И сделала его невидимым. Инара же
Приукрасилась и Зме[я] наверх

Из норы позвала:
«Смотри-ка, затеваю я праздник.
Приходи-ка поесть да попить!»

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского⁵¹

«Семейство дракона осушает все заготовленное вино, после чего все они уже не в состоянии передвигаться. Из укрытия выходит Хупасия и связывает дракона веревкой. Появляется бог грозы в сопровождении других богов и убивает всех драконов»⁵².

67

И тогда из (норы) Змей со [своими детьми]
Вылезли наружу. Ели они и пили,
Да всяк котел осушили,
И напились допьяна.
Вниз к норе
Спуститься никак не могут. А Хупасия пришел
И Змея веревкой
Связал.
Бог грозы пришел и Змея
Он убил. Боги были вместе с ним.

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского⁵³

«Далее Инара строит себе дом на скале в стране Тарукха и поселяет там Хупасию. Смертный предупрежден о том, что в отсутствие богини не следует выглядывать из окна. Инара отсутствует в течение двадцати дней, и Хупасия, однажды выглянув из окна, видит свою жену и детей. После возвращения Инары он умоляет ее разрешить ему вернуться к семье, и разгневанная богиня убивает его за непослушание, разрушает дом и накладывает проклятье на место, где стоял дом.

Вторая и, как полагают, более поздняя версия этого мифа содержит ряд эпизодов, сильно отличающих ее от версии первой. В этом варианте дракон одерживает победу над богом грозы и при этом уносит его сердце и глаза.

Похожая деталь содержится в египетском мифе о битве Гора и Сета, в результате которой Гор теряет один глаз.

Бог грозы разрабатывает план мести дракону: он берет в жены дочь бедняка, которая рождает ему могучего сына. Сын вырастает и женится на дочери дракона. Отец наказывает сыну при входе в дом невесты попросить отнятые некогда сердце и глаза»⁵⁴.

Бог грозы сына не раз наставлял:
«Когда в дом своей жены пойдешь,
То у них (мои) сердце и глаза
Попроси!»
Когда он пошел, то сердце у них
Попросил, и это ему дали.
Затем он глаза у них

Попросил, и их ему они дали.
Он принес их богу грозы, отцу своему.
Так бог грозы себе сердце и глаза
Вернул.

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского⁵⁵

68

«Исследователи полагают, что за этой просьбой стоит реально существовавший хеттский обычай, в соответствии с которым состоятельный отец мог заполучить для своей дочери мужа, уплатив жениху так называемую «цену невесты». При таком объяснении осмысленным становится подчеркивание бедности матери юноши.

Просьба удовлетворена, бог бури обретает свой первоначальный вид и может снова вступить в бой, который, как сказано в тексте, происходит «снова у моря» (видимо первое сравнение тоже происходило у моря, но это место текста повреждено). Сын бога бури оказывается в двусмысленном положении, поскольку, женившись на дочери дракона, он взял на себя обязательство быть верным своему тестю»⁵⁶.

К небесам, к отцу своему,
Он воззвал:
«Меня к (нему) причислай!
Не щади меня!»
Тогда бог грозы Змея
И сына своего убил.
[Вот каким образом] тот бог грозы [поступил].

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского⁵⁷

«В результате бог бури убивает и дракона и своего собственного сына.

Далее в тексте следует большой пропуск, а когда повествование возобновляется, речь идет о ритуале, в ходе которого устанавливается ранг и старшинство богов. Таким образом, обе версии указывают на связь этого мифа с вавилонским мифом об убиении дракона Тиамат, текст которого зачитывался во время новогоднего празднования и повлиял на хеттские ритуальные мифы праздника «пурулли»»⁵⁸.

Древнешумерский текст «*Lugal ud me-lam-bi nir gal*» гласит, что в подземной стране Кур обитало страшное чудовище, крылатый дракон Асаг. Часто выходил он из преисподней и вихрем носился по земле, распространяя недуги и немощи, отравляя воздух своим тлетворным дыханием.

«Долгое время боги не решались выступить против свирепого дракона. Даже самый смелый из богов, повелитель южного ветра — Нинурта, сын Энлиля, опасался вступить в бой с чудовищем. И вот однажды божественное копье Нинурты по имени Шарур заговорило человеческим голосом и обратилось к своему хозяину:

— О великий Нинурта! Неужели ты боишься подземного демона, насылающего на землю бедствия и скорбь?

Устыдился Нинурта и ринулся в бой против Асага, но тот взглянул на него своими страшными, мертвящими глазами, и великий бог смутился и умчался прочь подобно птице. Вновь обратилось Шарур к своему господину:

— Не бойся и не страшись. Метни меня в свирепого дракона, и я уничтожу его.

Ободрился Нинурта, вернулся на поле битвы и, не раздумывая, метнул во врага свое копье, божественного Шарура. И тот пронзил Асага насквозь, и свалился дракон обратно в Кур.

Но тут произошло самое ужасное. Из распоротого плеча дракона хлынули горько-соленые воды и стали заполнять реки, озера, впадины и овраги. Не осталось на Земле свежей воды. Люди и животные страдали от жажды, нечем было орошать поля и сады.

69

Тогда настал страшный голод.
Ничего не росло в поле.
В источниках никто не мыл руки.
Высокие воды не разливались.
Поля водою не орошались.
Никто не прорывал каналов.
По всей стране не росло ни травинки.
Только сорные травы возрастали.
Тогда владыка напряг свой могучий разум.
Нинурта, Энлиля сын, к великим делам обратил мысли.

Нинурта, сын Энлиля, взялся за великое дело. Он стал хватать камни, нагроможденные у входа в Кур, и швырять их в Тигр. Добрые камни послушно ложились на указанные места и преграждали путь гнилым, горько-соленым водам. Нинурта благословил эти камни и дружественных демонов, обитавших в них. В то же время злые камни отлетали прочь и разрушали все вокруг, и Нинурта проклял эти камни и таящихся в них враждебных духов, верных слуг побежденного чудовища Асага.

Воды, по Куру разлитые, он собрал.
Он их отвел, в Тигр спустил.
Высокие воды излились на поля.
И тогда все и всяк на земле
Деяньем Нинурты, страны владыки, возрадовались,
Поля изобильно заколосились.
Виноградники, сады налились плодами,
Урожай грузили в житницы, громоздили в кучи.
Владыка печаль из страны увел,
Душу богов он взвеселил.

Мать Нинурты, великая Нинмах, не могла уснуть в своей спальне. Она беспокоилась о судьбе своего отважного и мудрого сына, и волнение охватило ее.

Выглянув из окна своего чертога, увидела она, что мир преобразился благодаря деяниям ее сына. И она приветствовала его громким голосом и просила разрешения прийти к нему. И он взглянул на нее своими полными жизни глазами и промолвил:

Госпожа, оттого, что ты дошла до Кура,
Нинмах, оттого, что во вражью страну
Ради меня ты явилась,
Ужасов битвы моей ты не побоялась,
Да будет отныне хоаму, что я, герой, возвожу,
Имя дано — Хурсаг,
И да будешь над ним ты владычицей.

И благословил Нинурта Хурсаг, и хоам произрастил полезные травы и стал доставлять в изобилии вино и мед. И золото, и серебро, и медь таились в его недрах, а его склоны давали пищу скоту.

Нинурта обращается к камням; он проклинает камни, которые были против него в поединке с драконом Асагом, и благословляет те, что сохранили ему верность»⁵⁹.

Лотан — злобный дракон о семи головах из мифологии Древней Месопотамии. В древних текстах упоминания о нем постоянно сопровождаются эпитетами «извивающийся», «вредоносный».

Справиться с Лотаном смогла только богиня Анат. В некоторых вариантах мифа, впрочем, эта победа числится за бесстрашным героем Баалом (Ваалом).

В мифе о богине-воительнице Анат повествуется о ее борьбе против морского бога смерти Ямма и его Дракона. Анат говорит:

Не стубила ли я Ямма, любимца Эла,
Не уничтожила ли бога Реку?
Не поразила ли я Дракона,
Не победила ли гибкого Змея,
Могучее чудовище с семью головами?

Перевод В.К. Афанасьевой⁶⁰

Джалаладдин Руми в своей книге двустийший «Китаб ал-Маснави» приводит «Рассказ о ловце змей», который счел замерзшего дракона мертвым и приволок его в Багдад.

Послушай то, что слышал я стократ,
В чем скрытый смысл и тайный аромат.

Однажды в горы некий змеелов
Пошел, надеясь обрести уаов.

Тот, кто избрал в удел исканий путь,
Отыщет, что искал, когда-нибудь.

Пускай взыскующий найдет, что ищет,
Ибо исканье — для надежды пища.

Охотник змей искал, как ищут клад,
В ту пору был обильный снегопад.

И вот во впадине крутого склона
Ловец увидел мертвого дракона.

Искал диковинок ловитель змей,
Чтоб легковерных удивлять людей.

Хоть мы — цари природы, тем не мене
Ничтожность нас приводит в изумленье.

Сам человек себя не познает,
За что и низвергается с высот,

На нищенское рубище подчас
Меня драгоценный свой атлас.

Мы змеям продолжаем удивляться,
Хоть сами змеи нас, людей, боятся.

Был змеелов своей удаче рад,
Когда тащил диковинку в Багдад.

Хоть было тело этого дракона
Огромно, как дворцовая колонна,

Ловец пыхтел и думал: всех людей
Я удивляю находкою своей,

Скажу, какие претерпел мученья,
Чтоб мне щедрей давали награжденье.

И он с трудом по снегу, без дорог,
Свою добычу страшную волок.

Однако был живым дракон, чье тело
В снегу застыло и окоченело.

Ловец дракона притащил в Багдад,
И каждый был взглянуть на чудо рад.

Во многолюдном городе Багдаде
Все удивялись, на дракона глядя.

Все говорили: «Вот какое чудо
Отважный муж принес бог весть откуда!»

На чудище смотреть со всех концов
Текали к базару сонмища гаупцов.

Чтоб зреть диковинку, валил народ
И змеелову приносил доход.

И чернь, и знать, и все, кому не лень,
Крича, бежали, словно в Судный день,

Туда, где замертво дракон лежал
Под грудой ковров и покрывал.

Ловец, однако, не был простоватым,
Дракона крепким окрутил канатом.

Дракон лежал недвижный и слепой,
Меж тем вставало солнце над толпой.

Оно взошло на небе и пригрело
Огромное диковинное тело.

И шевельнулась, злость в себе тая,
Казавшаяся мертвою змея.

Тут люди, видя, что пришла беда,
Стеная, побежали кто куда.

Все на пути сметали с перепуга,
Топтали и калечили друг друга.

И думал сам охотник, сбитый с ног:
«Что я себе на горе приволок?»

Он был как та овца с незрячим оком,
Что волка разбудила нена роком.

И проглотил дракон живую плоть,
Что так искусно сотворил Господь.

И кости всех, которых проглотил,
Змей, вкрут столба обвившись, измельчил.

Во льду несчастий, как дракона тело,
Тщета души твоей окаменела.

Лед горестей или иное зло
Твоим страстям полезней, чем тепло.

Дракон страстей не страшен, спит покуда,
Покуда спит он, нам не будет худа.

И ты не пробуждай его теплом,
Чтобы весь век не каяться потом⁶¹.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Там [между Нилом и Бриксентом] обитают драконы длинной в 150 локтей, а ширию — с колонну. Из-за изобилия драконов в этих местах никто не может перейти через реку.

*Средневековая рукопись «Чудеса Востока»,
изданная М.Р. Джеймсом в 1929 г.*

73

Образ змея в египетских представлениях не поддается какому-либо единому объяснению, ибо он связан со всеми основополагающими космическими стихиями: первобытными водами (небесными, морскими, речными, озерными; он хранитель источников), огнем (солнцем; будучи по природе поглотителем, он Апоп — извечный враг Ра), землей (как существо хтоническое он связан с плодородием), он хранитель богатств, страж преисподней (собаки-змеи у огненного озера «Книги мертвых»), он опоясывает землю своим телом, отделяв ее от первобытных вод (Са-та).

«Апоп, он же Алофис, Апел, Апепи, Аапеп — египетский дракон тьмы, а также гроз, молний, смерчей. В египетской мифологии огромный змей, олицетворяющий мрак и зло, извечный враг бога солнца Ра. Заклинания против Апопа постоянно встречаются в текстах солярных мифов, в которых он обычно выступает как собирательный образ всех врагов солнца»⁶².

Из сохранившихся мифов самым полным является миф о борьбе бога Ра со змеем подземного мира — драконом Апопом. Вот что рассказывает В.Э. Матье:

«Борьба Ра и Апопа, неизменно оканчивающаяся победой первого, постоянна, и солнечному змееборцу ежедневно приходится преодолевать козни своего противника. Каждый вечер, пройдя дневной путь по небу, лабья Ра подплывает к западным горам, в которых в районе Абидоса, по представлениям египтян, находился вход в подземный мир. При приближении лабьи Ра к этому входу горные павианы запевают свои приветственные песни.

Ра торжественно переходит с дневной лабьи Манджет на ночную ладью Мескетет, и начинается плавание по подземному Нилу, протекающему в преисподней, длинной и узкой долине, разделенной 12 вратами на 12 частей. Все эти врата охраняют огнедышащие змеи. Каждое подразделение подземного мира лабья Ра проплывает в определенный час ночи, и

Змей Апоп.
Рисунок Марии Кейман

по мере того как она плывет по подземному Нилу, души мертвых выходят из своих гробниц, приветствуя солнце и наслаждаясь его сиянием:

74

Слава тебе Ра!
Почитают тебя обитатели Дуата,
Покаляются тебе обитатели преисподней.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире.
...Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма.
И каждый вновь ложится в свой гроб.

Но вот проходит полночь и приближается час еженощного страшного боя Ра с его смертельным врагом — гигантским змеем Апопом, тело которого достигает в длину 450 локтей. Желая воспрепятствовать дальнейшему плаванью Ра и погубить его, Апоп выпивает воду подземного Нила. Однако Ра неизменно побеждает своего противника. С помощью всех богов и своего грозного защитника, змея Мехена, Ра поражает чудовище копьями и ножами и, пронзив каждый изгиб его огромного туловища, заставляет его изрыгнуть всю проглоченную им воду.

Великая змея на челе твоём
Поражает злотворящего дракона
И разрубает позвоночник его,
Раздирает его пламя,
И огонь пожирает его.

Апоп в древнесиципетской живописи. Фрагмент фрески

Побеждает его Исида
И ранит его Нефтида,
Поражает Тот его мечом
И низвергает его.
Великая Девятка сражается с ним,
И ликуют они, когда он повержен.
Дети Гора хватают ножи
И наносят ему раны многие.

75

После победы над Апопом торжественное плавание солнечной ладьи продолжается уже беспрепятственно при общем ликовании окружающих Ра богов:

Обессилены дети восстания,
Ибо стал Ра владыкой над ними,
Пали подлые под ножом его,
И змей изрыгнул поглощенное.
Восстань же, о Ра, в святилище своем!
...Благ Ра,
Мерзки враги!
Силен Ра,
Слабы враги!
Есть Ра,
Нет тебя, Апоп!

В конце своего подземного путешествия ладья Ра проходит сквозь тело огромного змея в 1300 локтей длиной и через отверстия в восточных горах

Змей в Древнем Египте. Барельеф

снова выходит на небо. Распахиваются двери горизонта, солнечный бог умывается в озере полей Иару и, одетый “в свои красные одежды”, переходит Ра на дневную ладью. Вновь начинается плавание по небесному Нилу, а с наступлением вечера снова повторяются все события предшествующей ночи»⁶³.

Другой знаменитый египетский дракон — **Тифон**.

«В главе 42 “Ритуала” (“Книги мертвых”) Тифон описан как “Сет, прежде называвшийся Тотом”»⁶⁴.

76

В тексте религиозной драмы «Сказание о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце» есть такие слова: «Тогда Сет обратился в ревущего змея и вошел в землю в этом городе, и его больше не видели. И Ра сказал: “Бэ превратился в ревущего змея. Поставьте Гора, сына Исиды, в образе жезла на его верхнем конце, чтобы помешать ему выйти вовеки!”. И сказал Тот: “Имя змея этого города будет от сего дня наречено: Ревущий, и Гор, сын Исиды, — это соколо-головое копье на его верхнем конце, и (да пребудет он) в этом месте вместе со своей матерью Исидой!”»⁶⁵.

«**Серапис** — великий солнечный бог, который в народном поклонении заменял Озириса и в честь которого пелись семь гласных. В его изображениях он часто представлен как змий, “Дракон Мудрости”, высочайший бог Египта в течение первых столетий христианства.

Нехепкау (“подающий души”) — в египетской мифологии бог в образе змея. Почитался как бог времени, плодородия и податель пищи. Связан с загробным культом. Считалось, что Нехепкау стоит у входа в подземное царство. Обычно в источниках выступает помощником Ра. В «Текстах пирамид» упоминается, что он был связан Атумом при подавлении последствий мятежа в Гермополе»⁶⁶.

Потерпевший кораблекрушение

Сказал сопровождающий лучший: «Да будет благополучно сердце твое, о князь. Вот достигли мы родных берегов; схвачена колотушка, вбит причальный столб, передний канат отдан на землю; воздаются хвалы, прославляют бога; каждый обнимает товарища своего; команда наша пришла невредимой — нет потерь в войске нашем.

Достигли мы границу конечных Вават, миновали мы Сен-мут. Вот же мы, пришли мы в мире на землю нашу, достигли мы ее. Слушай же меня, о князь. Я свободен от преувеличения. Умойся, омой водой пальцы твои. Тогда ответишь ты, когда спросят тебя, скажешь ты царю — сердце твое в руке твоей. Ответишь ты без запинки — уста человека, спасают они его; речь его, (что) рука его, (ибо) закрывает она лицо. (Однако) поступай по разумению своему, утомление это — говорить тебе. Расскажу же я тебе в соответствии со случившимся со мной самим.

Отправился я к руднику царя, спустился я в море на корабле: 120 локтей в длину его, 40 локтей в ширину его. 120 гребцов на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю, храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они бурю прежде, чем пришла непогода, до того, как случилась она.

Буря вышла, (когда) мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны там в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Начал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не стало ни одного. (А) я был отнесен к острову волной моря. Провел я три дня в одиночестве, (только) сердце мое было в качестве сотоварища моего. Спал я в кроне дерева, обнимал я тень. Пошел я узнать, что можно съесть. Нашел я инжир, виноград там, лук всякий, плоды кау там вместе с некут, огурцы, подобные возделанным, рыбы там вместе с птицами, — нет того, чего не было бы на нем.

Насытился я (и) положил на землю (то) многое, что было в руках моих. Взял я огниво, разжег я огонь, принес я огненную жертву богам. Тогда услышал я раскаты грома. Подумал я — это волны моря. Ломались деревья, земля дрожала. Открыл я лицо мое (и) увидел я — Змей это.

И вот он шел — в нем 30 локтей в длину, борода его, больше она, чем два локтя, тело его покрыто золотом, брови его из лазурита настоящего⁶⁷. Извивался он, (двигаясь) вперед.

Открыл он рот свой ко мне, я же на животе моем перед ним. Сказал он мне: “Кто принес тебя, малый, кто принес тебя? Если промедлишь ты с ответом мне, кто принес тебя на остров этот, сделаю я так, что будешь ты пеплом, исчезнешь ты”⁶⁸. — “Говоришь ты мне, (но) не слышу я этого в твоём присутствии. Не знаю я себя (от страха)”.

Тогда взял он меня в рот свой (и) потащил он меня к месту отдохновения своего. Положил он меня без повреждений. Был я цел (и) невредим. Открыл он рот свой ко мне — я же на животе моем перед ним. Тогда сказал он мне: “Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто принес тебя к острову этому в море, берега которого в волнах?” Тогда ответил я ему это — руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним.

Сказал я ему: “Спустился я к руднику по поручению царя на корабле, у которого 120 локтей в длину, 40 локтей в ширину, гребцов 120 на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю. Храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они непогоду прежде, чем пришла буря, до того, как случилась она. Каждый там — храбро сердце его. Сильнее

Иллюстрация к сказке
«Потерпевший кораблекрушение»

рука его более, чем у товарища его. Не было нерадивых среди них. Буря вышла, (когда) мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Стал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не осталось ни одного, кроме меня. И вот я перед тобой. Принесло меня к острову этому волной моря”.

Сказал тогда он мне: “Не бойся, не бойся, малый, не прячь лицо твое. Достиг ты меня. Вот бог, дал он жизнь тебе, принес он тебя к острову этому Ка. Не существует того, чего не было бы внутри его. Наполнен он вещами всякими прекрасными. Вот проведешь ты месяц за месяцем — всего четыре месяца — на острове этом, (и) придет корабль от родных берегов. Команда там, знакомая тебе. Отправишься ты с ними к родным берегам. Умрешь ты в городе своем. Сколь радостно рассказывать об испытании, (когда) прошло все печальное. Расскажу же я тебе нечто подобное, случившееся на острове этом.

Был я на нем вместе с соплеменниками (и) детьми (т.е. взрослыми и малыми), был среди них. Было нас 75 змей — детей с братьями и сестрами моими. Не напомнил я тебе о дочери меньшей, принесенной мне судьбой. Тогда звезда упала. Стали они огнем в руке ее. Случилось же, (что) не было меня вместе (с ними), (когда) сгорели они, не было меня среди них. Тогда умер я душой из-за них, (когда) нашел я их в виде трупа единого. Если силен ты (и) крепко сердце твое, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, поцелуешь ты жену свою, увидишь ты дом свой — прекрасно это более, чем все. Достигнешь ты родных берегов, будешь ты там среди соотечественников твоих, да будешь ты”.

Распростерся я на животе моем, прикоснулся я к земле перед ним. Сказал же я ему: “Поведаю я о могуществе твоём царю, чтобы узнал он о величии твоём, сделаю я, (что) принесут тебе иби, хекену, иуднеб, хесаит, ладан для храма, — удовлетворит он бога всякого в нем. Расскажу я обо всем случившемся со мной, об увиденном мной могуществе твоём. Будут поклоняться тебе в городе перед Высшим Советом земли всей. Зарежу я для тебя быков для огненной жертвы, совершу я жертвоприношение для тебя птицами. Распоряжусь я, чтобы доставили для тебя корабли, груженные ценностями всякими Египта, как подобает делать это для бога, любящего людей, из страны далекой, (о которой) не знают люди”.

Тогда засмеялся он надо мной, над тем, (что) сказал я глупость в понимании его. Сказал он мне: “Не много у тебя мирры, то, что есть, — это ладан. Я же повелитель Пунта, (и) мирра в нем принадлежит мне. Что же касается хекену, (о котором) ты сказал, что будет принесен мне, то много места для него на острове этом. Случится же (следующее): покинешь ты место это. Никогда не увидишь ты остров этот — станет он волной”.

Корабль тот пришел, как и предсказал он перед (этим). Отправился я, влез на высокое дерево и узнал тех, которые на нем. Тогда отправился я сообщить об этом, (но) понял я, что он уже знает это. Тогда сказал он мне: “Да будешь ты здрав, да будешь ты здрав, малый, в доме твоём. Да увидишь ты детей своих. Сделай имя мое прекрасным в городе твоём — вот это надлежит сделать тебе”. Тогда пал я на живот мой. Руки мои согнуты в благого-

вейном жесте перед ним. Дал он мне груз: мирру, хекену, иуднеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, большой слиток ладана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу — ценности разные прекрасные. Тогда погрузил я это на корабль этот, (и) пал я на живот мой, чтобы восхвалять бога за него.

Тогда сказал он мне: "Вот приблизишься ты к родным берегам через два месяца, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, воскреснешь ты в гробнице твоей". Тогда спустился я к берегу вблизи корабля этого, поднял я лицо (и) призвал воинов, находившихся на корабле этом. Воздал я хвалы на берегу владыке острова этого. Те, кто на нем, сделали подобное же. Плавание это совершили на север, к резиденции царя. Приблизились мы к родным берегам через два месяца, в соответствии со сказанным им. И пошел я к царю. Вот пришел я к нему (и) принес дары эти, доставленные с острова этого. Восхвалял он бога за меня перед Высшим Советом земли всей. Наградил он меня титулом «сопровождающий», получил я людей его.

Посмотри на меня после того, как прикоснулся я к земле, после того, как увидел я испытания. Послушай же меня, (ибо) прекрасно слушать людей. Тогда сказал он мне: "Не преувеличивай, друг мой. Кто дает воду на рассвете птице, которую зарежут утром?" Пришел он (свиток) от начала своего к концу своему, подобно найденному в писании, писца превосходного пальцами его, Имени, сына Именаа. Да будет он жив, благ, здрав»⁶⁹.

АФРИКАНСКИЕ ДРАКОНЫ

«Мало кто из древних героев мог поспорить в стремительности с героем Персеем, сыном Зевса и смертной женщины, гречанки Данаи. Герой этот был любимцем богов-олимпийцев. Хранили его боги от беды, а иные из них к тому же богато одарили. Одним из полученных Персеем даров были крылатые сандалии, позволявшие своему владельцу летать.

Пролетая однажды над Эфиопией, увидал он на берегу Красного моря прикованную к скале деву. Когда же приблизился он, поразила его в самое сердце дивная краса незнакомки. Ласково спросил он ее о причине постигшего ее несчастия. Дева поведала ему свою печальную историю. Звали ее Андромеда, и была она дочерью царя той земли Кефея и его супруги Кассиопеи. По совету оракула оставили ее прикованной на берегу на растерзание морскому чудовищу, ибо было сказано, что, получив такую дань, перестанет он разорять страну.

В мгновение ока перенесся Персей во дворец царя и предложил Кефею такой уговор: он, Персей, убьет морское чудовище, а царь за это отдаст ему в жены Андромеду. Кефей с радостью согласился. К тому времени как вернулся герой на берег моря, появилось уже чудовище. С шумом вырвавшись на поверхность воды, устремилось оно к несчастной деве. Персей подлетел к змею и, порхая над его спиной, принялся наносить ему удары мечом. Дракон попро-

Питер Пауль Рубенс. Персей и Андромеда.
Около 1622 г. Эрмитаж

бывало схватить его, но юноша легко, как оса, уворачивался от его выпадов. Наконец удалось ему прорубить в нескольких местах толстенную кожу чудовища и глубоко вонзить свой меч в его плоть. Морская вода окрасилась кровью. Вскоре дракон, испустив последний вздох, скрылся под водой. Герой же в тот же день взял себе в жены Андромеду»⁷⁰.

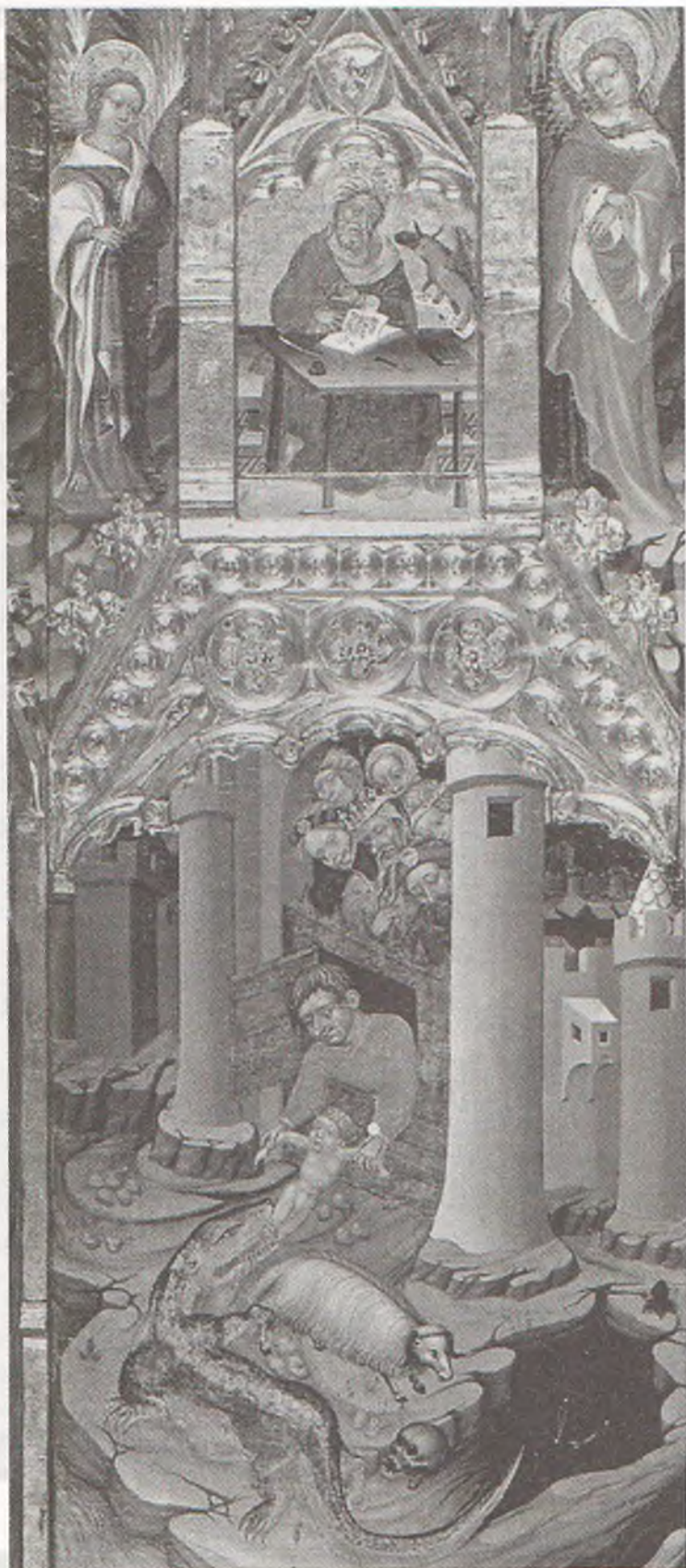
Другой легендарный воин, возведенный в ранг христианских святых, — св. Георгий. О святом воине этом сложено множество легенд. Говорили, например, что он сражался с драконами в Мансфельде, что в Центральной Германии, а также убил одно такое чудовище в Англии, в Беркшире, где до сих пор известно место, называемое «Драконья гора», и трава там не растет до сих пор, так как земля пропиталась ядовитой кровью чудовища.

Но все же более ранние источники говорят о победе Георгия над драконом не в Европе, а в жаркой Африке. И вот как было дело.

В первые века нашей эры Ливия была густонаселенной и вполне цивилизованной частью обширной Римской империи. Столица провинции — город Силен, столь же изобильный, как и вся Ливия. Правившие там царьки добро-

Запрестольная перегородка.
Сюжет о св. Георгии.
Роспись Marsal des Sas, 1236 г.

вольно платили римлянам дань, чтобы те не посылали легионеров разорять их вотчину. Однако у несчастной страны этой сыскался враг пострашнее умиротворенного уже Рима.

«Легенда рассказывает о том, как в окрестностях города Силен поселился в озере страшный дракон, "творей пакость", похищавший и губивший его жителей. Чтобы умиротворить дракона, жители города стали приносить ему в жертву своих детей. Дошла очередь и до царской дочери. Девушку облачи-

ли “в багряницу”, украсили как невесту и отправили на берег озера. Царевна с плачем ожидала ужасного конца. В это время Георгий, возвращаясь с “брани”, проезжал мимо озера и заметил девушку, “бьющую перси и власы терзаще”.

Узнав о ее несчастье, воин спросил, какому богу поклоняются жители города, и выяснил, что они служат языческим богам, а царь преследует христиан. Сама же царевна верует во Христа. Тогда Георгий воздел руки к небу и вознес молитву Троиединому Богу с просьбой показать свою милость и покорить “лютого зверя”. И услышал он глас с неба: “Дерзай, Георгий”»⁷¹.

Яков Ворагинский, автор «Золотой легенды» (XIII в.), описывает этот поединок так: «Георгий вскочил на коня, осенил себя крестным знамением, смело бросился вперед навстречу дракону, взмахнул с силой своим копьём и, посвятив себя Господу, проткнул дракона и поверг его наземь».

«В греческих и поздних латинских текстах говорится, что Георгий усмирил дракона, сотворив крестное знамение и обратившись к змею, который “силою Божию и молитвами святого” пал к его ногам. Георгий велел девушке обвязать ее поясом шею чудовища и вести его в город “как послушнейшего пса”»⁷².

Именно в этой версии предание попало на Русь, где оно известно в переводе XI в.

«Спасенные жители восславили Георгия и уверовали во Христа. Призвав епископа, Георгий повелел крестить царя и всех жителей Ливии. Благодарные горожане воздвигли храм в честь святого воина, а спасенная царевна совлекла с себя царскую одежду и осталась при храме. Георгий же покинул город»⁷³.

Эта легенда уже в X в. существовала в книгах и известна в разных вариантах. В частности, языческий город локализуется иногда в Ливане, иногда в Ливии или в других местах. Георгий то берет царевну в жены, то не берет. Но одно остается неизменным — поверженный дракон.

«KEBRA NAGAST», или «Книга о Славе Царей» [Эфиопии], высоко почиталась по всей Абиссинии уже как минимум тысячу лет назад, и даже ныне каждый образованный человек в этой стране верит, что она содержит истинную историю происхождения эфиопских правителей по Соломоновой линии.

«Весьма любопытная легенда о том, как царь Соломон стал отцом Менъелика, сына царицы Македы, встречается (с рядом незначительных вариаций) у многих племен Северной Абиссинии. Согласно ей, матерью Менъелика была девушка из Тигре по имени Этейе Азёб (т.е. Царица Юга), и народ ее поклонялся дракону или змею, которому каждый из этих людей поочередно должен был принести в жертву старшую дочь и большое количество сладкого пива и молока. Когда настала очередь родителей этой девушки, они привязали ее к дереву, к которому дракон обычно приходил за пищей, но вскоре после того там проходили семеро святых, и они сели под этим деревом, чтобы вос-

Океан. Мозаика из Алхоллы (Сев. Африка). II в. н.э.

пользоваться его тенью. Когда же они так сидели, слезинка девушки капнула на них сверху, и, взглянув туда, они увидели ее, привязанную к дереву. Они спросили ее, кто она есть: существо человеческое или дух? И она ответила им, что она — существо человеческое, и, отвечая дальше на их вопросы, она рассказала, что привязана к дереву, чтобы стать пищей дракона.

Когда же семеро святых увидели самого дракона, один из них, Абба (Авва — Отец — Abba) Тчехама, дернул себя за бороду, другой, Абба Гарима (Garima), воскликнул: “Он напугал меня”, и третий, Абба Меньелит (Menelit), закричал: “Давайте поймаем его”; а четвертый напал на чудище и с помощью своих спутников убил его, разя его крестом. И когда они расправлялись с ним, кровь его брызнула и попала на пятку Этейе Аzeb, и с этой поры ее пятка стала подобна копыту осла. Святые распутали ее узы и отправили ее в деревню, но люди прогнали ее, полагая, что она убежала от дракона, и взобралась она на дерево и провела на нем ночь. На следующий день она привела нескольких людей из деревни и показала им мертвого дракона, и тогда они сделали ее своей предво-

дительницей, и избрала она себе главным советником также девушку. Вскоре после того Этейе Азеб услышала о врачебном искусстве царя Соломона, и решила пойти к нему, чтобы он восстановил изначальную форму ее изуродованной пятки. Она и главный советник ее убрали свои волосы по образу мужскому, опоясали себя мечами и отправились ко двору Соломона в Иерусалим. О ее прибытии было доложено Соломону, тот приказал своим слугам доставить царя Абиссинии в его присутствие, и как только ее изуродованная нога коснулась порога, к ней вернулась ее естественная форма»⁷⁴.

85

Мощь и свирепость драконов были таковы, что в античные времена считалось даже, что они охотятся на других гигантов животного мира — слонов. Сообщалось, что в Эфиопии драконов называют «слонобой». Плиний писал:

Дракон-слонобой. Рис. Ю. Юрченко

«Дракон, свернувшись, затаивается в реке в ожидании часа, когда слоны придут на водопой, а завидев жертву, бросается вперед, обвивается вокруг хобота слона и вцепляется зубами ему в голову за ухом (это единственное место, куда слон не может достать хоботом). Говорят, драконы так велики размерами, что в один присест могут высосать из слона всю кровь. Когда же обескровленный слон без сил валится на землю, опьяненный кровью дракон гибнет вместе с ним, раздавленный его тушей».

Еще мы читаем у Плиния Старшего о том, что африканские драконы пересекали иногда Красное море, чтобы покормиться в Азии: «В Эфиопии рождаются также драконы, похожие на индийских, они достигают 20 локтей длины. Меня удивляет, почему Юба приписывал им гребни... Сообщают, что на берегах этой страны [Эфиопии] они собираются в стаи по четыре-пять и отправляя-

ются таким флотом, с поднятыми над водой головами, в сторону Аравии, чтобы найти там лучшую пищу».

Упомянутый выше Юба был современником Плиния, царем Мавритании, писавшим на греческом языке труды по естественной истории. Плиния удивляет, почему Юба приписывает драконам наличие гривы. Но ведь ничего удивительного здесь нет, так как сам Юба видел в них самых обычных животных, похожих на питонов.

86

В книге, где собраны изречения древних, рассказывается, что существуют домашние драконы, в особенности в Эфиопии. У них очень холодное тело, которое нагревается при полете, отчего драконы нуждаются в крови слонов, которая оказывает охлаждающее действие. Охотятся на дракона следующим образом: производят некие древние заклинания, а затем, как поднимется ветер, бьют перед драконом ветками коралла, отчего возникает звук, похожий на раскаты грома, чтобы он от испуга не мог пошевелиться и подчинился воле охотников. А все потому, что драконы боятся грома и молнии сильнее, чем все остальные животные на свете. И стоит услышать громовой раскат, как дракон тут же прячется в норе или пещере. Неудивительно, что природа позаботилась о том, чтобы защитить свои создания, ибо утверждают, что молния убивает драконов прямо на месте, а согласно Плинию, наоборот, в природе молния никогда не попадает в орла или лавра, этим они выделяются среди птиц и деревьев. Когда же от звуков грома драконами овладевает страх, охотники привязывают себя на их спинах, чтобы за несколько часов добраться до самых отдаленных мест. Однако их надежды оказываются обманутыми, поскольку, перелетая на дальние расстояния, драконы лишаются сил и тонут вместе со своими седоками в море.

Фома из Кантимпрэ. «Книга о природе вещей»

Сказания об источниках, охраняемых змеями, также широко распространены в фольклоре Африки: в существование таких змеев верят и ваньяруанда, и готтентоты нама, и живущие в дельте Нигера ийо.

«Сам фольклор африканцев изобилует намеками на какое-то гигантское существо, живущее в воде. Особенно интересен персонаж зулусских сказок, Кукумадеву, живущий в реке Луланга. Это большой зверь с длинным телом, не имеющий шерсти. Так же как и драконы в других странах, он может вступать в брак с женщинами. Обычно он похищает одежду и украшения купающихся девушек, затем, по их просьбе, возвращает похищенное, а ту девушку, которая из гордости отказывается просить его, берет в плен и делает своей наложницей. Он — не единственный в своем роде; в водоеме много таких же зверей. Он смертен — в нескольких сказках его убивает отец похищенной девушки. По другой, менее распространенной, версии, он глотал девушек живыми.

Трудно сказать, имеет ли связь Кукумадеву с другим персонажем — большим многоголовым зверем, живущим в лесу и едящим людей. Он “владеет всеми вещами”. Герою сказки он дает в подарок целое племя (возможно это намек на то, что племя покланялось зверю).

И подобно тому как в сказаниях о змеях — поглотителях воды — солярный герой, убивая змею — радугу, возвращает похищенную ею воду, так в ряде сказаний о змеях-хранителях источников герой (безразлично, человек, бог или зверь) убивает такого змея и добывает хранимую им воду для своего племени»⁷⁵.

87

«Айдо-Хведо — Радужная змея из Дагомейской мифологии (старинное название Бенина, теперь в составе современной Нигерии).

Согласно мифам, появилась первой, раньше земли и неба. Айдо-Хведо в ранних мифах — демиург. Передвигаясь по земле, она создала поверхность земли. Горы — это ее экскременты. Она поддерживает землю, свернувшись кольцом и закусив свой хвост; когда шевелится, чтобы устроиться поудобнее, происходят землетрясения. Живет в море. Когда Айдо-Хведо всплывает на поверхность воды, то отражается в небе радугой.

В некоторых мифах существуют две Айдо-Хведо (вариант — близнецы): одна из них живет в море, а другая — на небе (радуга).

В древнем государстве Фон (особенно в городе Вида) Айдо-Хведо почитали как предка правящего рода; в Вида существовало святилище Айдо-Хведо. Включенная в пантеон богов государства Фон, Айдо-Хведо уступает свои первоначальные функции демиургу Маву-Лиза, становится его слугой, сопровождает его, носит в пасти и т.п. Айдо-Хведо называют “набедренными повязками Маву, разложенными для просушки”. Громовнику Хевиозо Айдо-Хведо помогает приходить на землю. По другой версии, Хевиозо передал ее своему младшему сыну Гбаде, чтобы она переносила его на землю. Согласно некоторым мифам, Айдо-Хведо — одна из ипостасей Дана, сына близнецов Маву и Лиза, рожденных Нана-Булуку. Дан проявляется в различных формах, в частности в радуге, символом которой является змея, кусающая свой хвост.

Когда создание мира было завершено, оказалось, что мир слишком тяжел и может рухнуть. И тогда Маву попросил Айдо-Хведо свернуться кольцом вокруг мира под морем, чтобы поддерживать мир. И она сделала так, и море вокруг стало горячим. Айдо-Хведо ест железные столбы, которые под морем. И когда столбы кончатся, она съест свой собственный хвост, и море поглотит мир.

Айдо-Хведо присутствует в религии вуду в Суринаме и на Гаити под именем Айдо-Ведо»⁷⁶.

А. Элфорд дополняет: «К востоку от Центральной Америки, на острове Гаити, сохранились легенды о змеях, восходящие ко времени начала творения. Туземные вудуистские племена верят в бога по имени Дамбалла Ведо, который изображается в виде змея. Дамбалла Ведо почитается как Великий Змей, Создатель Вселенной, Неба и Земли. Согласно любопытной легенде вуду о Потопе, Змей залил Землю водой, но затем появилась Радуга, и Змей взял Радугу себе в жены под именем Айида Ведо»⁷⁷.

Хорхе Луис Борхес в *«Книге вымышленных существ»* описывает амфисбену: «В «Фарсалии» перечисляются подлинные и вымышленные змеи, которых воины Катона встретили в африканских пустынях; там есть «парка», что «движется стоймя, как посох», и «якуло», летящая по воздуху, как стрела, и громозкая амфисбена с двумя головами. Почти в таких же словах описывает ее Плиний, добавляя: «...словно одной головы ей мало, чтобы извергнуть свой яд». *«Сокровищница»* Брунетто Латини — энциклопедия, рекомендованная им бывшему его ученику в седьмом кругу ада, — менее сентенциозна и более обстоятельна: «Амфисбена — это змея с двух головах, одна на обычном месте, другая на хвосте; обеими она может ужалить, двигается проворно, и глаза у нее горят, как свечки». В XVII в. сэр Томас Браун, убежденный, что не бывает животного, у которого нет верха и низа, переда и зада, левой и правой стороны, отрицал существование амфисбены, у которой оба конца передние.

По-гречески «амфисбена» означает «двигающаяся в двух направлениях». На Антильских островах и в некоторых регионах Америки это название дают пресмыкающемуся, в просторечии называемому «туда-сюда», «двухголовая змея» и «муравьиная мать». Говорят, что ее кормят муравьи. И еще — что если ее разрезать на две части, то они соединятся. Целебные свойства амфисбены были прославлены еще Плинием.

В наши дни встречается ящерица, названная в честь этого дракона, которая имеет рисунок на хвосте, похожий на голову. Когда возникает угроза, ящерица поднимает хвост и бросается назад и вперед, чтобы спутать нападающего».

«Байда» — западно-африканский дракон, который описан в большой эпосе Доуси. Умиравший король Динга послал за своим старшим сыном, чтобы сообщить ему секрет царствования. Но самый старший сын не захотел прийти, а явился лишь самый младший сын — Лэггарр. И отец сказал ему, чтоб он нашел девять банок воды, которые обладали чудесным свойством: если кто-либо омылся из этих банок, то становился королем. Затем ему надо было пойти в северную пустыню, найти там барабан Тэйбил и постучать в него.

Когда молодой Лэггарр сделал все, как велел ему отец, из песка поднялся город, окруженный драконом Байдой. Это был город Вагаду. И Лэггарр заключил сделку с драконом, чтобы получить возможность войти в город. Каждый год дракону должна быть пожертвована девушка, а дракон, пролетая над городом, должен извергать золото. И это продолжалось на протяжении трех поколений, пока жених одной обреченной девушки не убил Байду. Звали этого храброго юношу Мамади. Когда Байда выходил из своего озера, Мамади отрубил ему голову. Голова дракона осталась лежать на Золотом берегу, и вот почему до сих пор там часто находят золото»⁷⁸.

«Айза-Беа» жил в горах в Африке. Этот дракон выпил всю воду из реки Нигер, что стало причиной сильнейшей засухи. Король Самба собрался на битву с Айза-Беа, взяв с собой только своего певца Тафа. Борьба продолжалась в течение восьми лет, король истратил 800 копий. И убил дракона длинной саблей ударом в сердце, и освободил воды Нигера»⁷⁹.

«Африканская Гидра — водное чудовище с семью головами. Люди обращаются к ней с просьбами, чтобы она не остановила течение реки.

Известна такая легенда о Гидре:

«Когда некая женщина была беременна, она попросила помощи Гидры в обмен на своего ребенка. Ей потребовалась помощь Гидры, потому что ее резервуар для воды стоял пустой и забитый грязью. Гидра согласилась с условиями сделки, очистила резервуар и заполнила его водой. Вскоре родился ребенок, девочка, называли ее Джинди Сайринд. Когда она стала достаточно взрослой, мать стала отплавлять ее на реку за водой. И однажды гидра пришла и забрала девушку.

Джинди попросила Гидру, чтобы та отпустила ее домой попрощаться с родителями. Гидра отпустила ее на один день с условием, что если она не вернется, то Гидра придет за ней в поселение.

Джинди бросилась в родительский дом, но там никто не захотел ей помочь из страха перед Гидрой. И тогда девушка бросилась в дом своего возлюбленного. Храбрый юноша взял саблю и убил чудовище, отрубив все семь голов»⁸⁰.

На этом мы закончим повествование о драконах жаркой Африки и перенесемся в древнюю Европу.

89

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Упоминания о драконах мы встречаем у древних греков за тысячу лет до нашей эры.

...в середине ж одна воздымалася — черная воронь;
Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Серебряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
Три, меж собою сплетясь, от одной воздымались выи.
Шлем возложил на главу изукрашенный, четверобляшный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался,
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба...

Гомер. «Илиада»

ὥς δὲ δράκων ἐπὶ χειρὶ ὀρέστερος ἄνδρα μένησιν,
«Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
βεβρωκὸς καὶ φάρμακ' ἔδω δὲ τὸ μὴ χόλος αἰνός,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполняя злобой,
οὐερδαλέον δὲ δέδορκεν ἐλίσσόμενος περὶ χειρὶ
В стороны страшно глядит, извиваясь вкруг над пещерой».

Гомер. «Илиада»

Почти каждое древнегреческое божество так или иначе было связано с драконами.

«Пандроса — афинская богиня росы, предотвращающая засуху. Одна из трех дочерей основателя Афин Кекропа и его супруги Агравлы (вариант — сестра Герсы и Агравлы). Пандросе и ее сестрам Афина дала на хранение ларец с младенцем Эрихтонием, сыном Гефеста. Любопытные девушки, нарушив запрет богини, открыли ларец и увидели ребенка, вокруг которого обвился дракон. Одни мифы рассказывают, что дракон умертвил сестер, другие утверждают, что Афина наслала на них безумие, и они бросились в пропасть»⁸¹.

«Как дочь Крона и Реи Деметра была сестрой Посейдона, Зевса и Аида. В ее владении находилась земля, и ее имя означало «Мать-Земля».

После того как Аид похитил ее прекрасную дочь Персефону, впала Деметра в отчаяние, и, изменив внешность, побрела она, безутешная, по земле. Оказавшись в Аттике, у родника, где элевсинские девушки черпали кувшинами воду, Деметра бессильно опустилась на камень, — впоследствии его назовут «камнем скорби». Здесь ее, всю в слезах, увидели дочери элевсинского царя. Проникшись сочувствием к незнакомке, они участливо спросили:

— Кто ты и в чем твое горе?

Не открываясь богиня, сказала, будто она родом с Крита и была похищена разбойниками, от которых ей удалось скрыться. Спросила она девушек, нет ли поблизости дома, где бы ей дали кров и где бы она могла ухаживать за ребенком или исполнять другую работу, приличествующую ее возрасту.

Триптолем на колеснице, запряженной драконами.
Фрагмент росписи краснофигурного килика. Нач. IV в. до н.э.
Рим, Ватиканские музеи

Благодарная людям за сочувствие, которым ее окружили в доме царя Элев-
сина, богиня решила обучить их искусству земледелия. Она поручила Трипто-
лему, брату девушек, введших ее в царский дом, рассеять свое божественное
зерно по всем землям, чтобы оно повсюду стало главной пищей человека. Для
этого она вручила юноше двух крылатых драконов и колесницу с плугом. Объез-
жая весь мир, Триптолем вспахивал целину и засеивал борозды зернами Де-
метры.

Радовались смертные новой сытной пище, которая привязала их к земле и
позволяла делать запасы на зимнее время. Они с ликованием славляли богиню
и ее драгоценные дары. Некоторые же сами захотели попробовать засеивать
землю. Когда, утомившись после дневного труда, сеятель уснул, один из царей
Пелопоннеса запряг драконов и взобрался на колесницу. Разъяренные этой
наглостью драконы сбросили его на землю, и он разбился.

Бывало и другое. Где-то между Истром (Дунаем) и Тирасом (Днестром)
вольно бродили по ковыльным степям вместе со своими стадами дикие геты.
Видя, как чужеземец терзает медью их пастбища, они подняли вопль. Взялся
царь гетов за лук и меткой стрелой поразил одного из драконов. Он уже натя-
нул тетиву, чтобы убить Триптолема, как появилась Деметра. Лишив нера-
зумного варвара жизни, она перенесла его и убитого дракона на небесный
свод. И появились там созвездия Стрельца и Дракона. Триптолему же Демет-
ра дала другого дракона, чтобы он продолжил свой труд сеятеля и кормиль-
ца»⁸².

От Зевса, принявшего облик дракона, Персефона рождает первого Диони-
са — Загрея, растерзанного Титанами. Дионис-Загрей сам обладал способно-
стью менять свой облик. Спасаясь от Титанов, он

Превращался в дракона, с рогами, с чешуйчатым телом,
Пастью огромной своей издавая шипящие свисты,
Высунув тонкий язык из зияющего подбородка.
Так он драконом вскочил на угрюмое тело титана,
Крепко связав его шею змеящимся вкрут ожерельем.

Нонн Панополитанский. «Песни о Дионисе»

«Эхидна (Ехидна), з греческой мифологии чудовище, полудева-полузмея, —
как описано в “Теогонии” Гесиода, — дочь Форкия и Кето, внучка земли Геры
и моря Понта. Эхидна прекрасна ликом, но ужасна в своей змеиной сущности,
залегая в пещере под землей, вдали от богов и людей. Эхидна — родоначаль-
ница чудовищ, рожденных ею от Тифона и Гериона; это — собака орф, Кер-
бер, Лернейская гидра, Химера, Сфинкс. Эхидна — хтоническое божество, сила
которого, воплощенная в его потомках, была уничтожена великими героями
Гераклом, Беллерофонтом, Эдипом, знаменуя победу героической мифоло-
гии над теряющими силу старыми богами»⁸³.

Так о рождении Химеры написал Гесиод в «Теогонии»:

Также еще разрешилась она изрыгающей пламя,
 Мощной большой быстроногой Химерой с тремя головами:
 Первою — огнеокого льва, ужасного видом,
 Козьей другою, а третьей — могучего змея-дракона.
 Спереди лев, позади же дракон, а коза в середине;
 Яркое, жгучее пламя все пасти ее извергали.
 Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.

«Химера — в современном речевом обиходе всего лишь символ сказок и поговорок типа: “Все это химера” (несбыточная фантазия).

Первое упоминание о Химере встречается в шестой песне «Илиады» Гомера:

Юноше Беллерофонту убить
 заповедал Химеру
 Аютую, коей порода была
 от богов, не от смертных:
 Лев головою, задом дракон
 и коза серединой,
 Страшно дышала она
 пожирающим пламенем бурным.
 Грозную он поразил,
 чудесами богов ободренный.

“Голова льва, брюхо козы и хвост змеи”, — таково самое естественное ее описание, содержащееся у Гомера, однако “Теогония” Гесиода приписывает ей три головы, и так она представлена в знаменитом бронзовом изваянии из Арцццо, датируемом V в. Посредине хребта у нее козья голова, на одном конце змеиная, на другом — львиная.

Химера.
 Скульптура из Арцццо, V в.

Бой Беллерофонта с Химерой. Рисунок на вазе

Химеры иногда изображаются на средневековых мозаиках и капителях как воплощение сатанинских сил. В античное время это наводящее ужас существо изображалось на гербах многих городов, например Коринфа и Кизика.

В шестой песне “Энеиды” снова появляется “огнедышащая Химера”; комментатор Сервий Гонорат отмечает, что, по мнению всех авторитетных ученых, чудовище это было родом из Ликии, а в этом краю имеется вулкан, носящий такое название. У основания вулкана кишат змеи, на склонах много лугов и козьих пастбищ, из вершины пышет пламя и там же, наверху, логовища львов; вероятно, Химера — метафора этой необычной горы⁸⁴.

А вот «История сражений Александра Великого» (XIII в.), стяжавшая славу драконоборца Александру Великому, пересказанная Дж. Р.Р. Толкином. «[Воины Александра] направились к некоей горе, которая была такой высоты, что они достигли ее вершины только через восемь дней. Наверху набросилось на них огромное множество драконов, змей и львов, так что они подверглись великим опасностям. Однако они избавились от этих нападений и, спустившись с горы, оказались на равнине столь темной, что один с трудом видел другого. Облака там проплывали так низко, что до них можно было дотронуться руками. На этой равнине росли неисчислимые деревья, листва и плоды которых были очень вкусны, и струились наипрозрачайшие ручьи. На протяжении восьми дней они не видели солнца и на исходе восьмого дня добрались до подножия некоей горы, воины начали задыхаться в густом воздухе. Наверху воздух был менее плотным, и выглянуло солнце, так что стало светлее. Через одиннадцать дней они дошли до вершины и увидели на другой стороне сияние чистого дня и, спустившись с горы, оказались на огромной равнине, земля которой была необычайно красная. На этой равнине росли бесчисленные деревья, высотой не более локтя, плоды и листья их были сладкими, словно фиги. И еще

они увидели там множество ручьев, чьи воды были подобны молоку, так что людям никакой иной пищи не требовалось. Блуждая по этой равнине в течение ста семидесяти дней, они подступили к высоким горам, вершины которых, казалось, достигают неба. Эти горы были обтесаны, словно стены, так что никто не мог на них подняться. Однако воины Александра обнаружили два прохода, рассекающие горы посередине. Один путь вел на север, другой — в сторону восточного солнцестояния. Александр задумался, как эти горы были рассечены, и решил, что не руками человеческими, а волнами потопа. И тогда он выбрал путь на восток и в течение восьми дней шел по этому узкому проходу. На восьмой день они повстречали ужасного василиска, птенца древних богов, который был столь ядовитым, что не только зловонием, но даже взглядом, насколько можно рассмотреть, заражал воздух. Одним взглядом он пронзал персов и македонцев так, что они падали замертво. Воины, узнав о подобной опасности, не решались идти дальше, говоря: "Сами боги преградили нам путь и указывают, что дальше идти не следует". Тогда Александр в одиночку стал взбираться на гору, чтобы издалека рассмотреть причину подобной напасти. Когда он оказался наверху, то увидел спящего посреди тропы василиска. Как учует он, что человек или какое животное к нему приближается, открывает глаза, и на кого упадет его взгляд, тот погибает. Увидев это, Александр тут же спустился с горы и очертил границы, за пределы которых никому нельзя было выходить. А еще он приказал изготовить щит шести локтей в длину и четырех в ширину, а на поверхности щита приказал поместить большое зеркало и сделал себе деревянные ходули высотой в один локоть. Надев щит на руку и встав на ходули, он двинулся на василиска, выставив щит, да так, чтобы ни голова, ни бока, ни ноги из-за щита не были видны. А еще повелел воинам своим, чтобы никто установленные рубежи пересекать не смел. Когда он приблизился к василиску, тот открыл глаза и в гневе стал рассматривать зеркало, в котором узрел самого себя и потому погиб. Александр понял, что он мертв, подошел к нему и, позвав воинов своих, сказал: "Идите и посмотрите на вашего губителя". Поспешив к нему, они увидели мертвого василиска, которого тут же по повелению Александра македонцы сожгли, восхваляя мудрость своего царя. Затем вместе с войском он достиг пределов этого пути, ибо перед ним встали горы и скалы, вздымавшиеся подобно стенам. По тропе они возвратились назад на вышеупомянутую равнину, и он решил повернуть на север»⁸⁵.

Стоит особо остановиться на описании такого загадочного существа, каким является **василиск**. «Энциклопедия символов» Ганса Бидермана сообщает следующее: «Что же касается василиска, то с течением веков василиск (известный также под названием "кокатрис") становился все более безобразным и пугающим, а в наше время о нем и вовсе забыли.

“Как василиск является царем змей, так и черт является царем демонов”, — говорится у святого Августина.

По мнению Плиния Старшего, это змея с “белым пятном на голове, похожим на корону или диадему”. В средневековых книгах о животных василиск изображается в виде коронованной змеи, перед которой преклоняются ее верноподданные⁸⁶.

Далее Ганс Бидерман разъясняет сущность кокатриса. «Кокатрис настолько подобен легендарному василиску, что порой трудно выявить различия между ними. Разные источники указывают на следующие сходство и различия между этими существами: существо должно родиться из яйца петуха и затем высиживаться змеей или жабой. В результате получится василиск, и лишь только в некоторых случаях — кокатрис. Только кокатрис наследует гораздо больше признаков петуха, чем змеи (как ящерицеподобный василиск).

В Средние века он становится четырехногим петухом с короной, желтыми перьями, большими колючими крыльями и змеиным хвостом, который завершается крючком или же второй петушиной головой. Изменение облика отразилось в изменении названия. Чосер в *“The Parson’s Tale”* говорит о василикоке: “василикок убивает людей ядом своего взгляда”. Одна из гравюр, иллюстрирующая *“Естественную историю змей и драконов”* Альдрованди, наделяет василиска чешуей вместо перьев и восемью ногами.

Кокатрис не имеет всей разрушительной мощи василиска, но имеет с ним одну общую черту — если человек посмотрит в глаза кокатриса, то превратится в камень».

Глаза горгон обращали живых существ в камень; Лукан рассказывает нам, что из крови одной из них произошли все змеи Ливии — аспид, амфисбена, аммодит и василиск. Приводим соответствующие пассажи из книги IX *«Фарсалии»*:

В теле ее губительный яд впервые природа
Произвела: из горла тогда шипящие змеи
Выползали, жалом своим трепеща с пронзительным свистом,
И по спине у нее разметались, как женские косы,
Плечи хлестали они ликованием полным Медузы.
Встали над хмурым челом, поднявшись дыбом, гадюки,
Яд извивался из них, когда волосы дева чесала.
Что было пользы проткнуть копьём василиска
Мурру несчастному? Яд мгновенно по древку разлился,

Кокатрис

В руку всосался ему; послешно меч обнаживши,
Он ее тотчас отсек, у плеча отделивши от тела.
И, наблюдая пример своей собственной смерти ужасной,
Смотрит, живой, как гибнет рука.

96

Василиск. Эмблема на меди.
В.Х. фон Хохберг, 1675 г.

Василиск обитает в пустыне, или, точнее, он создает пустыню. Птицы падают мертвыми к его ногам, и плоды земные чернеют и гниют; вода источников, в которых он утоляет свою жажду, становится отравленной. О том, что одним своим взглядом он раскалывает скалы и сжигает траву, свидетельствует Плиний. Из всех животных одна лишь ласка не боится этого чудовища и может напасть на него спереди; было также поверье, что василиска повергает в смятение крик петуха. Опытные путешественники, прежде чем углубиться в неизведанные края, благоразумно запасались либо петухом в клетке, либо лаской. Другим оружием было зеркало: василиска убивает его собственное отражение.

В книгах символов периода барокко указывается на то, что василиска можно победить лишь в том случае, если при помощи зеркала направить на него самого его «ядовитый взгляд». «Злой василиск из яркого зеркала высасывает для своей гибели яд своих глаз; кто причиняет зло ближнему, того справедливо настигает собственное злое намерение» (фон Хохберг, 1675).

Исидор Севильский и составители *«Speculum Triplex»* («Тройного зеркала») отвергали легенды Лукана и искали рационального объяснения природы василиска. (Отрицать его существование они не могли, ибо в Вульгате древнееврейское слово «тсефа», название ядовитого пресмыкающегося, переведено как «кокотрис».) Наибольшее признание получила теория об уродливом яйце, снесенном петухом и высиженном змеей или жабой.

О василиске святая Хильдегард Бингенская (1098—1179) писала: «Когда однажды жаба почувствовала себя беременной, она увидела яйцо змеи, села на него для высиживания, ожидая, что на свет появятся ее (собственные) детеныши. Последние погибли; однако она продолжала сидеть на змеином яйце, пока в нем не зашевелилась жизнь, на которую тот же час подействовала сила райского змея... Змееныш разбил скорлупу, вышел из нее, однако сразу же выдохнул как бы сильную струю огня... (он) убивает все, что встречается у него на пути».

В XVII в. сэр Томас Браун считал это объяснение столь же неестественным, как самого василиска. В те же примерно годы Кеведо написал свой романс «Василиск», где говорится:

Si esta vivo quien te vio,
Toda su historia es mentira,
Pues si non murio, te ignora,

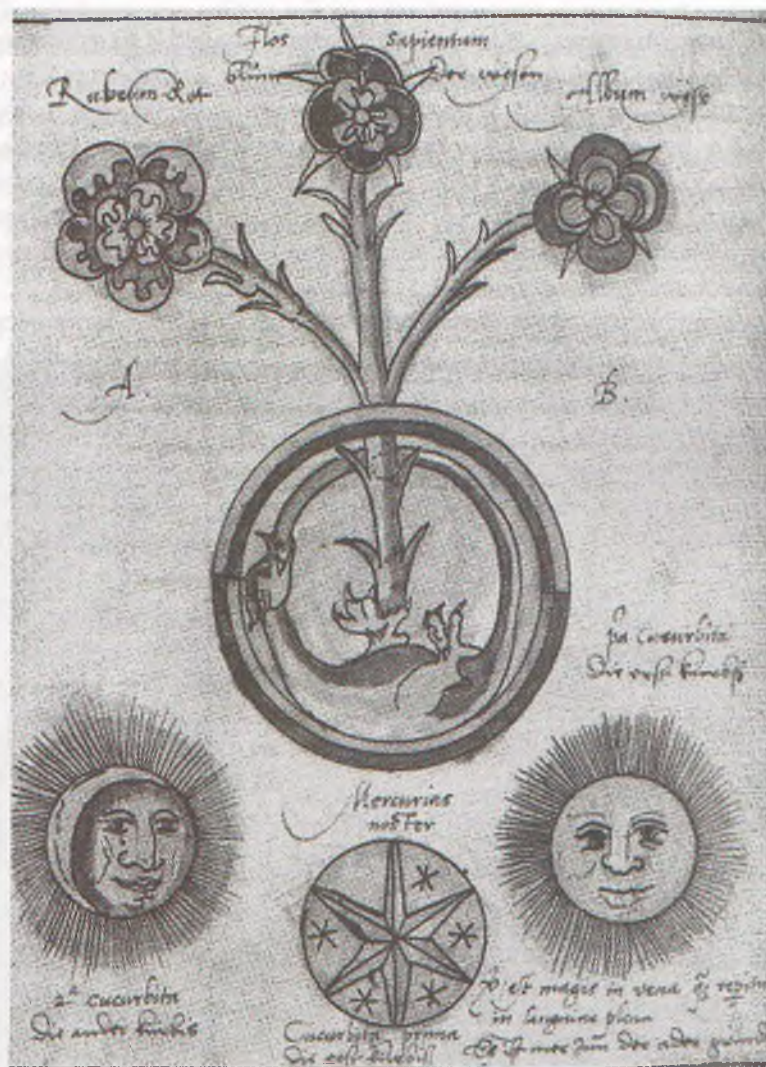
Y si murio no lo afirma
 [Коли жив, кто тебя видел,
 Зря нам сказки говорит.
 Коль не умер, то не видел.
 Ведь кто умер, тот молчит (исп.)]⁸⁷

Уроборос. «Изображение змеи, кусающей собственный хвост, впервые было обнаружено 1600 лет назад в Египте. Позже этот символ стал встречаться у венецианцев и древних греков, которые и дали имя этой змее — Уроборос, что в переводе означает “поглощающая свой хвост”. Альтернативные названия: Ороборус, Оуреборос»⁸⁸.

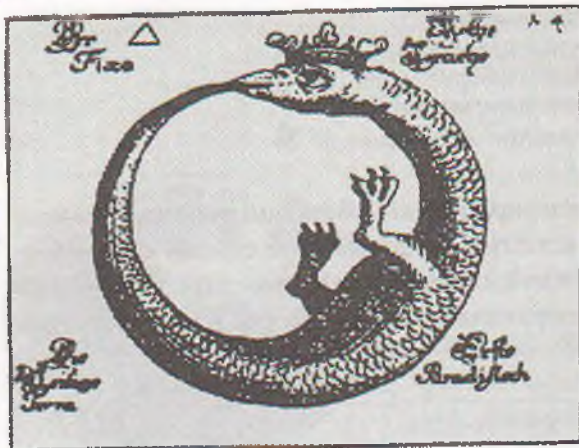
97

Уроборос.

Иллюстрация к латинскому алхимическому трактату «Цветок мудрецов»

Коронованный дракон,
пожирающий собственный хвост.
Из книги Альберта Пуассона
«Теории и символы алхимиков»

Древние греки представляли океан как реку, кольцом окружавшую землю. Все воды земные проистекали из него, и не было у него ни устья, ни истока.

Гераклит сказал, что начало и конец окружности совпадают в одной точке. Хранящийся в Британском музее греческий амулет III в. являет нам образ, прекрасно иллюстрирующий эту бесконечность: змея, кусающая свой хвост, или, по великолепному выражению Мартинеса Эстрады, «начинающаяся с конца своего хвоста», как олицетворение вечного возвращения в циклической форме или вечности вообще.

Змея, кусающая свой хвост, встречается и в других мифах, например в нормандском мифе о змее Йормунгард (Митгара), и в Индии, где дракон обвивает черепаху, на которой стоят четыре слона, несущие мир⁸⁹.

«Пифон — чудовищный дракон, верный слуга Геры. Происхождение Пифона загадочно, но некоторые мифы называют его порождением Геры. Древнегреческий писатель Павсаний (II в. до н.э.) рассказывает, что Пифон сторожил древнее прорицалище Геры в Дельфах. Пифон опустошал окрестности Дельф,

Змей Пифон преследует Латону и ее детей, Аполлона и Артемиду.
Рисунок на античной вазе, прорисовка

пожирая людей и скот. Страшный змей казался неуязвимым. Силой он не уступал Зевсу. Многим смельчакам, которые надеялись победить чудовище, пришлось после битвы с ним переселиться в царство теней Аида.

Величавая Гера была довольна службой Пифона. Однако случилось так, что именно Гера послужила косвенной причиной гибели Пифона. Известно, что ревнивая богиня была безжалостна к своим соперницам. Проведав о любви Зевса к пышнокудрой красавице Латоне, Гера велела змею Пифону повсюду преследовать несчастную. Долгие месяцы скиталась по земле Латона, нигде не находя пристанища. Ни один ручей, ни одна река, по велению Геры, не давали ей утолить жажду. Деревья поднимали ветви, как только она пыталась приблизиться к ним, чтобы укрыться от палящих лучей солнца в прохладной тени. Люди еще издали, увидев темно-синий плащ Латоны, замыкали двери, ибо страшен был гнев Геры. Не было спасения той, что уже носила под сердцем сына Зевса, пока не добралась она до плавучего острова Делос. На него не распространялось повеление Геры, поэтому здесь и нашла приют Латона, здесь и родила она лучезарного бога света Аполлона и его сестру Артемиду.

Прошло немного времени, и юный бог отправился в поход против Пифона. Томимый жаждой мщения, опустился Аполлон у входа в мрачную пещеру, где обитал Пифон. Дракон выполз на свет, изрыгая огонь. Хвост его бил по земле, сметая вековые деревья. Но как ни ярился Пифон, не мог причинить

Аполлон и Пифон. Корнелис де Вос. Ок. 1636—1637 гг.
Музей Прадо, Мадрид

за юному богу света. Улыбаясь, натянул Аполлон тетиву лука, запела золотая стрела — содрогнулось змеиное тело, мглой покрылись глаза дракона, и Пифон испустил дух.

Наступив ногой на поверженное чудовище, Аполлон произнес: «Вот твой достойный конец, Пифон! Больше не будешь ты внушать ужас и нести погиль. Здесь, на склоне Парнаса, твоей кровью омытом, в самом центре земли, будет висеть храм. Здесь будут жертвы мне возносить и испрашивать судьбу у пифий-девы. В этой ложине, где стгнет твое тело, Пифон, юноши станут состязаться в ловкости и силе, и Пифийскими нарекутся те игры!»

Так и случилось, как предсказал бог-прорицатель.

Храм Аполлона, как это часто бывает, возник на месте святилища древнего божества — Пифона. Следы почитания Пифона сохранились в культе Аполлона в Дельфах: Дельфийское святилище называется иногда Пифо, жрицы-прорицательницы дельфийского храма — пифии. Пифийскими назывались состязания, происходившие ежегодно в Дельфах, чтобы вновь ознаменовать победу Аполлона над Пифоном»⁹⁰.

«Тифон — стоглавый дракон, сын Геи. Тело Тифона покрыто перьями, он бородат и волосат. Вместо ног — извивающиеся кольца змей. Сотня драконьих паюток издаст страшный рев, от которого замирает все живое. В этом реве смешалось львиное рычание, лай собак и шипение змей.

Как же появилось на свет это чудовище? Довольно странным образом. Известно, что величаяя супруга Зевса, богиня — хранительница семейного очага Гера, обладала мстительным и, скажем прямо, вздорным характером. Властолюбивая, она ни в чем не хотела уступать своему грозному супругу и ссорилась с ним по любому поводу. А Зевс не упускал случая подразнить Геру.

После рождения богини мудрости Афины (она, как вы помните, появилась на свет без помощи женщины, прямо из головы Зевса — в боевом облачении и с воинственным кличем) Гера пришла в неопишваемую ярость. Она, решив обойтись без мужской помощи (в пику супругу), ударила рукой о землю — и в громе и грохоте на свет появился чудовищный Тифон.

Практичная богиня не бросила на произвол судьбы свое порождение — ведь иметь собственного ручного дракона очень удобно. Тифон был отдан на воспитание мудрому змею Пифону. Пифон верой и правдой служил Гере: он сторожил ее древнее прорицалище в Дельфах и сам заботился о пропитании, пожирая коз и кур у окрестных крестьян. Почтенный змей мог гордиться способным учеником Тифоном: крошка дракон быстро превзошел змеиную науку, он рос не по дням, а по часам и вскоре стал наводить ужас на всю округу. Да что там на округу! Сто его паюток могли одновременно рычать, лаять, выть и шипеть. Сами бессмертные боги-олимпийцы бледнели, когда слышали рев Тифона.

Вид его был ужасен. Громадное, выше самых высоких гор, способное переходить вброд море, существо это было как бы составлено из совершенно не сочетающихся между собой частей, что делало его облик особенно злоецим. Тифон имел сотню драконьих голов с горящими глазами и бессмысленно разинутыми пастью, из которых извергалось пламя и камни, причем каждая из

них то бормотала что-то, то издавала безумные вопли. Тело до бедер у Тифона было человеческое, а ниже бедер вместо ног извивались кольца змей. Истинное порождение хаоса, Тифон нес с собой разрушительную бурю. (Кстати, слово “тайфун” происходит от его имени.) Идя через Эгейское море, он разбросал прежде стоявшие тесной группой Кикладские острова. Огненное дыхание его коснулось прекрасного лесистого острова Фера, и оттого западная часть острова разлетелась на куски, а оставшаяся превратилась в выжженную пустыню (с тех пор остров Фера имеет форму полумесяца). Вызванные этим катаклизмом землетрясения и гигантские волны докатились до Крита, в один день обратив в руины прекрасные дворцы царства Миноса.

Побаивался дракона даже владыка Олимпа — и не без оснований. Тифон гордился своей огромной силой и вскоре стал мечтать о покорении всего мира. А такие мечты обычно ничем хорошим не кончаются.

И однажды Тифон восстал — с грозным воем он метнул в небо свое огромное тело.

Охватил Зевса змеиными кольцами, перерезал ему сухожилия и унес в Киликию, в Корикийскую пещеру, где день и ночь сторожила беспомощного владыку Олимпа драконица Дельфина.

Казалось, уже ничто не поможет Зевсу. Тень Тифона нависла над миром. И тут выход из положения, как всегда, нашел хитроумный Гермес — бог тайных знаний, покровитель воров и торговцев. Перехитрив Дельфину, он выкрал сухожилия Зевса, спрятанные в пещере, и снова вставил их ему. Вскочив на ноги, Зевс бросился к Тифону. Тифон был готов принять новый бой: он знал, что в честном поединке никому с ним не справиться.

Долго бились они, перенесясь в пылу сражения из Греции в Сирию, где сделанные гигантским телом Тифона борозды стали потом руслами рек. Наконец оттеснил Зевс врага на север, в Ионическое море.

И тут на помощь Зевсу пришли богини мойры. Они предложили Тифону отведать плоды страшно ядовитого растения “однодневка” — якобы для увеличения силы. Не подозревая обмана, Тифон разжевал одно зернышко, и упа-

Зевс побеждает Тифона.
Рисунок на вазе

ло чудовище, корчась, на мелководье близ Италийского побережья, изрыгая пастями своими желчь. Тогда молодой бог изверг из моря остров и навалил его на чудовище. Остров тот был Сицилия, и место, где земля выгнулась, натолкнувшись на гигантское тело Тифона, стало горой Этна.

После того как низвергнул перуном его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расселин
Этны, скалистой горы.

Гесиод. "Теогония"

С тех пор чудовище осталось жить под горой. Иногда, придя в ярость, оно извергало из своих ста пастей кипящую желчь на дома и виноградники людей, поселившихся, сами того не ведая, возле его подземной темницы.

Так печально закончились для злополучного дракона его мечты о мировом господстве.

Если вам доведется побывать в Италии на острове Сицилия — остерегайтесь подходить слишком близко к вулкану Этна. Тифон бессмертен. Придавленный скалой, дракон в бессильном гневе скребет когтями землю и изрыгает пламя. И лучше держаться от него подальше»⁹¹.

«После первого подвига Эврисфей послал Геракла убить **Лернейскую гидру**. Это было чудовище с телом змеи и девятью головами дракона. Как и Немейский лев, гидра была порождена Тифоном и Ехидной. Жила гидра в болоте около города Лерны и, выползая из своего логовища, уничтожала целые стада и опустошала все окрестности. Борьба с девятиголовой гидрой была опасна потому, что одна из голов ее была бессмертна. Отправился в путь к Лерне Геракл с сыном Ификла Иолаем. Прибыв к болоту у города Лерны, Геракл оставил Иолая с колесницей в близлежащей роще, а сам отправился искать

Гидра

Геракл сражается
с Лернейской гидрой.
Терракотовый рельеф I—II вв.
Рим. Ватиканские музеи

103

гидру. Он нашел ее в окруженной болотом пещере. Раскалив докрасна свои стрелы, стал Геракла пускать их одну за другой в гидру.

В ярость привели гидру стрелы Геракла. Она выползла, извиваясь покрытым блестящей чешуей телом, из мрака пещеры, грозно поднялась на своем громадном хвосте и хотела уже броситься на героя, но наступил ей сын Зевса ногой на туловище и придавил к земле. Своим хвостом гидра обвилась вокруг ног Геракла и силилась свалить его. Как непоколебимая скала стоял герой и взмахами тяжелой палицы одну за другой сбивал головы гидры. Как вихрь, свистела в воздухе палица; слетали головы гидры, но гидра все-таки была жива. Тут Геракл заметил, что у гидры на месте каждой сбитой головы вырастают две новые. Явилась и помощь гидре. Из болота выполз чудовищный рак и впился своими клешнями в ногу Геракла. Тогда герой призвал на помощь своего друга Иолая. Иолай убил чудовищного рака, зажег часть ближней рощи и горящими стволами деревьев прижигал гидре шею, с которых Геракл сбивал своей палицей головы. Новые головы перестали вырастать у гидры. Все слабее и слабее сопротивлялась она сыну Зевса. Наконец и бессмертная голова слетела у гидры. Чудовищная гидра была побеждена и рухнула мертвой на землю. Глубоко зарыв ее бессмертную голову победитель Геракла и навалил на нее громадную скалу, чтобы не могла она опять выйти на свет. Затем рассек великий герой тело гидры и погрузил в ее ядовитую желчь свои стрелы. С тех пор раны от стрел Геракла стали неизлечимыми. С великим торжеством вернулся Геракла в Тиринф»⁹². 🐉

Ладон — огнедышащий дракон, никогда не смыкающий глаз. У древнегреческого поэта Гесиода в поэме «Теогония» («Происхождение богов») сказано, что Ладон появился на свет от союза морских божеств Форкиса и Кето.

«Далеко-далеко, на самом краю земли, там, где день сходится с ночью, в незапамятные времена обитали прекрасноголосые нимфы Геспериды. Гуляли нимфы в чудесном саду, где росло дерево, склонявшее к земле тяжелые ветви. В темной зелени сверкали золотые плоды. Давали они каждому, кто к ним прикоснется, вечную молодость и бессмертие. Эта яблоня с золотыми яблоками — свадебный подарок Гере от богини Геи.

Яблоки бессмертия охранял посланец Геры Ладон, никогда не смыкавший глаз огнедышащий дракон.

Именно эти волшебные плоды, яблоки Гесперид, и велел царь Эврисфей добыть Гераклу — таков был одиннадцатый (по Аполлодору) подвиг героя. Много трудностей пришлось преодолеть Гераклу, прежде чем добрался он до волшебного сада на краю мира.

Бросился на героя грозный дракон, но запела тетива лука, и упал дракон, пронзенный стрелой Геракла. Ядом Лернейской гидры были пропитаны стрелы героя, и били они без промаха. Погиб грозный страж Ладон, а Геракл отнес золотые яблоки в Микены царю Эврисфею, которому служил»⁹³.

Древнегреческая легенда гласит, что «когда Зевс под видом быка похитил Европу, опечалился ее отец, царь Сидона, Агенор. Ничто не могло его утешить. Он призвал трех сыновей своих — Фойникса, Киликса и Кадма — и послал их отыскивать Европу. Он запретил своим сыновьям под страхом смерти возвращаться домой без сестры. Отправились сыновья Агенора на поиски. Фойникс и Киликс скоро покинули Кадма. Они основали два царства: Фойникс — Финикию, а Киликс — Киликию, и остались в них.

Кадм один отправился дальше искать сестру. Долго странствовал он по свету, всюду расспрашивал о Европе. Разве мог он найти сестру, раз сам Зевс скрыл ее от всех! Наконец, потеряв надежду найти сестру и опасаясь вернуться домой, решил Кадм навсегда остаться на чужбине. Он пошел в священные Дельфы и спросил там оракула стреловержца Аполлона, в какой стране поселиться ему и основать город. Так ответил Кадму оракул Аполлона:

— На уединенной поляне увидишь ты корову, которая никогда не знала ярма. Следуй за ней, и там, где ляжет она на траву, воздвигни стены города, а страну назови Беотия.

Получив такой ответ, покинул Кадм священные Дельфы. Лишь только вышел он за ворота, как увидел белоснежную корову, которая паслась, никем не охраняемая, на поляне. Кадм пошел за ней со своими верными сидонскими слугами, славя великого Аполлона. Уже миновал он долину Кефиса, как вдруг остановилась корова, подняла голову к небу, громко замычала, посмотрела на следовавших за ней воинов и спокойно легла на зеленую траву. Полный благодарности Аполлону, опустился Кадм на колени, поцеловал землю своей новой родины и призывал благословение богов на незнакомые горы и долины. Кадм тотчас сложил из камней жертвенник, чтобы принести жертву эгидодержав-

Голциус Хендрик. Дракон пожирает спутников Кадма. 1588 г.
Эрмитаж

ному Зевсу, но так как не было у него воды для жертвоприношения, то послал он своих верных сидонцев за водой.

Недалеке была вековая роща, которой еще никогда не касался топор дровосека. Среди этой рощи находился глубокий грот, весь заросший кустарником, кругом него лежали нагроможденные в беспорядке громадные камни. Из этого грота вытекал, журча меж камнями, источник с хрустально-прозрачной водой. В гроте же жил громадный змей, посвященный богу войны Аресу. Его глаза сверкали огнем; из пасти, усаженной тройным рядом ядовитых зубов, высовывалось тройное жало; золотой гребень грозно колыхался на голове змея. Когда слуги Кадма подошли к источнику и погрузили уже сосуды в его студеную воду, выполз из грота с грозным шипением змей, извиваясь между камнями своим громадным телом. Побледнели от страха слуги Кадма, выпали у них из рук сосуды, леденящий ужас сковал их члены. Поднялся на хвосте змей; выше вековых деревьев леса его голова с разинутой пастью. Прежде чем кто-нибудь из сидонян мог подумать о бегстве или защите, бросился на них ужасный змей. Погибли слуги Кадма.

Кадм долго ждал возвращения слуг. Уже солнце стало склоняться к западу, длиннее стали тени на земле, а слуг все нет. Дивится сын Агенора, куда же

пропали его сидоняне, чего они медлят. Наконец пошел он по их следам в рощу, прикрывшись, как панцирем, львиной шкурой, опоясанный острым мечом и с копьем в руках, а еще более надежной защитой служило герою его мужество. Кадм вошел в рощу и увидел там растерзанные тела своих верных слуг, на телах их лежал громадный змей. В горе и гневе воскликнул Кадм:

— О верные слуги, я буду вашим мстителем! Или я отомщу за вас, или сойду вместе с вами в мрачное царство теней!

Схватил Кадм камень величиной со скалу и, размахнувшись, бросил его в змея. От удара этого камня опрокинулась бы крепостная башня, но невредимым остался змей — защитила его твердая, как сталь, чешуя, покрывавшая все его тело. Потряс тогда своим копьем сын Агенора и, собрав всю свою силу, вонзил его в спину чудовища. От копья Кадма не защитила змея его стальная чешуя. По самое древко вонзилось копье в тело змея. Извиваясь, схватил змей зубами копье и хотел его вырвать из раны. Напрасны были его усилия: острие копья осталось глубоко в ране, лишь древко обломил змей Ареса. От черного яда и ярости вздулась шея змея, пена хлынула у него из пасти, свирепое шипение разнеслось далеко по всей стране, весь воздух наполнился смрадом его дыхания. То извивается змей громадными кольцами по земле, то, бешено крутясь, высоко вздымается вверх. Он валит деревья, вырывая их с корнем и во все стороны разбрасывает хвостом своим громадные камни. Он хочет схватить своей ядовитой пастью Кадма, но, прикрывшись, как щитом, львиной шкурой, герой отражает нападение змея своим мечом. Грызет змей зубами острый меч, но только тупит зубы о его сталь.

Наконец могучим ударом пронзил сын Агенора шею змея и пригвоздил его к дубу, так силен был удар могучего героя.

Согнулся столетний дуб под тяжестью тела чудовища. С изумлением глядит Кадм на сраженного им змея, дивясь его величине. Вдруг раздался неведомый голос:

— Что стоишь ты, сын Агенора, и дивишься на убитого тобой змея? Скоро и на тебя, обращенного в змея, будут дивиться люди.

Голциус Хендрик.
Кадм убивает Аресова дракона.
1615 г.
Эрмитаж

Смотрит по сторонам Кадм, не знает он, откуда раздался таинственный голос. Содрогнулся герой от ужаса, услышав такое предсказание; волосы поднялись дыбом на его голове. Чуть не лишившись сознания, стоит он перед убитым змеем. Тогда явилась Кадму любимая дочь Зевса Афина-Паллада. Она велела ему вырвать зубы змея и посеять их, как семена, на вспаханном поле.

Кадм сделал, что повелела ему совоокая богиня-воительница. Едва он посеял зубы змея, как — о чудо! — из земли показались сначала острия копий; вот поднялись над пашней гребни шлемов, затем головы воинов, их плечи, закованные в панцири груди, руки со щитами, наконец вырос из зубов дракона целый отряд вооруженных воинов. Увидев нового неведомого врага, схватился за меч Кадм, но один из воинов, рожденных землей, воскликнул:

— Не хватайся за меч! Берегись вмешиваться в междоусобный бой!

Страшная кровавая битва началась между воинами. Они разили друг друга мечами и копьями и падали один за другим на только что породившую их землю. Их оставалось уже только пятеро. Тогда один из них по повелению Афины-Паллады бросил на землю свое оружие в знак мира. Заключили воины тесную братскую дружбу. Эти воины, рожденные землей из зубов дракона, и были помощниками Кадма, когда он строил Кадмею — крепость семивратных Фив.

Кадм основал великий город Фивы, дал гражданам законы и устроил все государство. Боги Олимпа дали в жены Кадму прекрасную дочь Ареса и Афродиты, Гармонию. Великолепен был свадебный пир великого основателя Фив. Все олимпийцы собрались на эту свадьбу и богато одарили новобрачных.

С тех пор Кадм стал одним из могущественнейших царей Греции. Неисчислимы были его богатства. Многочисленно и непобедимо было его войско, во главе которого стояли воины, рожденные землей из зубов змея. Казалось бы, вечная радость и счастье должны были царить в доме сына Агенора, но не одно счастье послали ему олимпийцы. Много горя пришлось испытать ему. Его дочери, Семела и Ино, погибли на глазах у отца. Правда, после смерти они были приняты в сонм олимпийских богов, но все же потерял Кадм своих нежно любимых дочерей. Актеон, внук Кадма, сын его дочери Автонои, пал жертвой гнева Артемиды. Пришлось Кадму оплакивать и внуков своих.

На старости лет, удрученный тяжким горем, Кадм покинул семивратные Фивы. Со своей женой Гармонией долго скитался он на чужбине и пришел наконец в далекую Иллирию. С болью в сердце Кадм вспоминал все несчастья, постигшие его дом, вспомнил он свою борьбу со змеем и те слова, которые произнес неведомый голос.

— Не был ли тот змей, — сказал Кадм, — которого поразил я своим мечом, посвящен богам? Если за его гибель карают меня так тяжело боги, лучше бы мне самому обратиться в змея.

Только промолвил это Кадм, как тело его вытянулось и покрылось чешуей, ноги его срослись и стали длинным извивающимся змеиным хвостом. В ужасе он простирает со слезами на глазах к Гармонии еще сохранившиеся руки и зовет ее:

— О приди ко мне, Гармония! Коснись меня, коснись моей руки, пока не обратился я весь в змея!

Он зовет Гармонию, много еще хочет сказать ей, но язык его раздваивается, и уже колеблется у него во рту змеиное жало, и из уст его вылетает только шипение. Бежит к нему Гармония:

— О Кадм! — восклицает она — Освободись же скорее от этого образа! О, боги, зачем не обратили вы и меня в змею!

Обвился вокруг своей верной жены обращенный в громадного змея Кадм; он лижет ей лицо своим раздвоенным жалом. С печалью гладит Гармония покрытую чешуей спину змея. И Гармонию боги обратили в змею, и вот уже две змеи — Гармония и Кадм.

Под видом змей кончили свою жизнь Кадм и жена его»⁹⁴.

Эта старинная легенда находит подтверждение и у других авторов. У Фомы Сплитского в *«Историях архиепископов Салоны и Сплита»* читаем: «Городом его [Кадма] был Эпидавр, находящийся рядом с Рагузой, где имеется большая пещера. И поныне бытует поверье, что здесь живет дракон, отсюда у поэта: “Почему, как змей эпидаврский, ты так зорко всматриваешься в пороки друзей?” По этой причине [здешний] народ называли змеерожденным. И даже о блаженном Иларионе рассказывается, что он умертвил там большого дракона».

«Культ Кадма и Гармонии был распространен в древности в иллирийских землях (Lisicar P. Legenda o Kadmu // Ziva antika. Skoplje, 1953, god. 3, s. 241—261). Сведения Фомы подтверждают непрерывность некоторых элементов этого культа в окрестностях Дубровника в Средние века. На их существование и в Новое время указывает рассказ английского археолога Артура Эванса, записанный им в 1875 г. По сообщению Эванса, “современные жители Цавтата и Конавае настойчиво следуют традиции”, согласно которой пещера на горе Снежница недалеко от Цавтата является “подземным святилищем, где Кадм и Гармония превратились в змей и где после этого жил Эскулап” (Evans A. J. Kroz Bosnu i Hercegovinu. Sarajevo, 1965, s. 305)»⁹⁵.

Многие читали о приключениях древнего героя Ясона и его соратников-аргонавтов. По настоянию своего дяди Ясон отправился в поход на известном корабле «Арго», чтобы завладеть золотым руном — шкурой волшебного барана, принесенного за несколько лет до того в жертву богам в Колхидском царстве, что на берегах Черного моря. Руно это охранялось никогда не смыкающим глаз драконом Колчисом. Товарищами Ясона в том походе были самые прославленные герои Эллады, в том числе Геракл, Тесей и Орфей.

«Прибыв после долгого плавания в Колхиду, греки столкнулись с нежеланием правившего там царя Эета отдать им сокровище. Расстаться с золотым руном он соглашался лишь в том случае, если Ясон засеет поле зубами дракона (он знал, что из этих зубов земля породит свирепых воинов, которые затем нападут на Ясона).

Афина, Ясон и дракон, охраняющий золотое руно.
Фрагмент росписи краснофигурного килика Дуриса. Ок. 490 г. до н.э.
Рим. Ватиканские музеи

Ясон с драконом, охраняющим золотое руно. Миниатюра из «Историй Орозия».
Париж, Национальная библиотека Франции

Ясон и дракон. Рисунок на вазе.
Рим. Ватиканские музеи

И плохо бы пришлось Ясону, если бы не помогла ему Медея, дочь царя Эета. Наступила ночь. Одевшись в черные одежды, Ясон пошел на берег Фазиса и там в глухую полночь омылся в его быстрых волнах. Затем он вырыл глубокую яму и принес над ней, как велела ему Медея, жертву Гекате. Лишь только жертва была принесена, как содрогнулась земля и появилась великая Геката с дымящимися факелами в руках. Страшные чудовища и изрыгающие огонь драконы окружали Гекату, лаяли и выли вокруг нее ужасные адские псы. Окрестные нимфы с громким криком бежали, увидев Гекату. Ужас объял Ясона, но, помня слова Медеи, не оборачиваясь, шел он к "Арго", где ждали его друзья.

111

Лишь только наступило утро, как послали аргонавты Теламона и Мелеагра за зубами дракона к Эету. Эет дал им зубы убитого Кадмом дракона и стал собираться на поле Ареса, чтобы посмотреть, как выполнит Ясон его поручение. Одел Эет свои доспехи, покрыл голову шлемом, сиявшим, подобно солнцу, взял в руки копье и щит, которые были по своей тяжести только впору Гераклу, и взошел на колесницу; ею правил сын его Абсирт. Собрались и аргонавты отправиться на поле Ареса.

Ясон натер копье, меч и щит волшебной мазью, а затем натерся ею и сам. Страшную силу ощутил он тогда во всем теле. Словно стальными стали его мускулы, тело его стало таким, словно оно было выковано из железа. Когда аргонавты на своем быстром "Арго" приплыли к полю Ареса, Эет уже ждал их, а кругом поля по склонам гор толпились колхидцы. Ясон сошел на берег, сверкая, как лучезарная звезда, своими доспехами. Ясон пошел по полю, нашел на поле железный плуг и медное ярмо и, прикрывшись щитом, пошел отыскивать извергающих огонь быков. Вдруг выскочили оба быка из пещеры и с неистовым ревом бросились на героя. Клубы огня вылетали у них из пастей. Прикрывшись щитом, ждет их герой. Вот налетели на него быки и со страшной силой ударили рогами в щит героя. Ни один человек не выдержал бы этого удара, но неизбежно, словно скала, стоял Ясон. Еще и еще налетают с ревом на него быки, вздымая клубы пыли. Одного за другим схватил Ясон могучими руками быков за рога и привлек их к плугу. Рвутся быки, они палят Ясона огнем, но невредим он, и не могут вырваться из рук его яростные быки. Запряг их в плуг Ясон с помощью Кастора и Полидевка. Погоняя копьем быков, Ясон вспахал все поле Ареса, засеял его зубами дракона. Окончив посев, выпряг быков Ясон, грозно крикнул и ударил их своим копьем. Как бешеные помчались быки и скрылись в глубокой пещере. Окончена была первая половина работы, теперь нужно ждать, когда вырастут на поле воины. Пошел на берег Фазиса Ясон, зачерпнул шлемом воды и утолил жажду.

Но недолго был отдых Ясона. Вот на поле показалось из земли острое копье, за ним другое, еще и еще, и все поле покрылось как бы медной щетиной. Вот словно зашевелилась земля, и из нее показались шлемы и головы воинов. Вот уже покрылось все поле воинами в блестящих доспехах. Помня слова Медеи, схватил Ясон громадный камень; не под силу было бы сдвинуть его четырьмя сильнейшим героям, но Ясон поднял его одной рукой и далеко бросил его в толпу рожденных из зубов дракона воинов. Схватились за оружие воины и на-

чалась между ними кровавая битва. Бросился с мечом на воинов Ясон, одного за другим поражал он их, и вскоре все поле было покрыто убитыми воинами, ни одного из них не осталось в живых, все пали они от могучей руки Ясона.

Все поле покрыли они, подобно срезанным острым серпом колосьям, покрывающим плодотворную землю. Окончен был подвиг. С изумлением глядел на Ясона Эет, дивясь его нечеловеческой силе. Грозно сдвинул царь брови, гнев сверкал в его очах. Не промолвив ни слова, помчался он на своей колеснице в город, думая лишь об одном — как погубить ему дивного чужестранца. Ясон же, вернувшись на “Арго”, отдыхал в кругу друзей своих, славивших его великий подвиг.

Вернувшись во дворец, Эет созвал на совет знатнейших жителей Колхиды. Далеко за полночь советовался с ними царь о том, как погубить аргонавтов. Эет догадывался, что лишь с помощью Медеи мог Ясон совершить подвиг. Чувствовала Медея, что грозит великая опасность и ей, и Ясону. Она не могла найти покоя в своих пышных чертогах. Сон бежал от ее глаз. Встала она ночью со своего ложа и тихо покинула дворец Эета. Тропинками, известными лишь ей одной, идет она к берегу Фасиса, туда, где пылает яркий костер, разведенный аргонавтами. Подойдя к костру, позвала она Ясона и младшего сына Фрикса, Фронгиса. Медея сказала Ясону, какие злые предчувствия тревожат ее, и убедила его немедленно идти с ней за руном. Ясон надел свои доспехи и пошел в священную рощу Ареса. Все кругом окутано было тьмой, лишь в роще сверкало золотым блеском руно, висевшее на священном дереве. Когда Медея с Ясоном вошли в рощу, поднялся страшный дракон, извергая пламя. Три головы дракона, как три скалы, покоились на чешуйчатых лапах. В морщинах его огромного тела гнездились летучие мыши, а зубчатый хвост гигантским кольцом опоясывал рощу. Призвала Медея могучего бога сна Гипноса. Страшные заклинания шепчет она и льет на землю волшебные зелья. Упал на землю дракон, еще поднимает он ослабевшую голову, но окропила его Медея снотворным зельем, закрылась пасть его, сомкнулись сверкающие огнем глаза, и, охваченный сном, растянулся он у дерева, на котором висело золотое руно. Ясон снял руно, он спешил вернуться скорее на “Арго”.

В удивлении толпились герои вокруг Ясона и Медеи, рассматривая золотое руно. Но некогда было медлить, нужно было покинуть Колхиду, прежде чем узнает Эет о похищении руна. Обрубил Ясон канаты, которыми привязан был “Арго” к берегу, схватились за весла герои, и, как стрела, помчался “Арго” вниз по течению Фасиса, к морю. Вот и море. Налегают на весла герои, птицей несется по волнам “Арго”, все дальше и дальше Колхида»⁹⁶.

Не только древние боги так или иначе были связаны с драконами. Так, Кекропус — мифический основатель Афин и первый король Аттики был получеловеком-полудраконом. Считается изобретателем письменности и основателем обычаев брака и похорон.

«Драконт, Дракон (греч. Drakon), древнейший афинский законодатель, составивший в 621 г. до н.э., будучи архонтом, свод законов, отличавшийся крайней жестокостью: смертная казнь назначалась не только за кражу, поджог или умышленное убийство, но также и за незначительные проступки.

Легендарная суровость этих законов лежит в основе распространенных выражений “драконовские меры”, “драконовские законы”.

Поэтому, видимо, и возникло предание, что Драконт писал свои законы не черной краской, а кровью. Плутарх сообщает, что “когда Драконта спросили, почему он за большую часть преступлений назначил смертную казнь, он ответил, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают именно этого наказания, а для серьезных он просто не нашел большего”. Впоследствии были отменены все законы Драконта, кроме законов об убийстве»⁹⁷.

113

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА

Дракона в любой стране можно было задобрить человеческой жертвой, обычно — принцессой-девушкой.

«Мифологическая энциклопедия Лярусса»

Пожалуй, самые замечательные описания драконов дошли до нас благодаря народам древней Европы — бриттам, саксам и кельтам.

..Будь как можно более внимателен, и вот узришь змиев, сражающихся друг с другом в облике двух безобразных животных. Но в конце концов они все же оборотятся драконами, парящими в воздухе, а затем, когда будут уж вовсе измождены этим своим нещадным боем, свалятся наземь в виде двух симпатичных поросят...

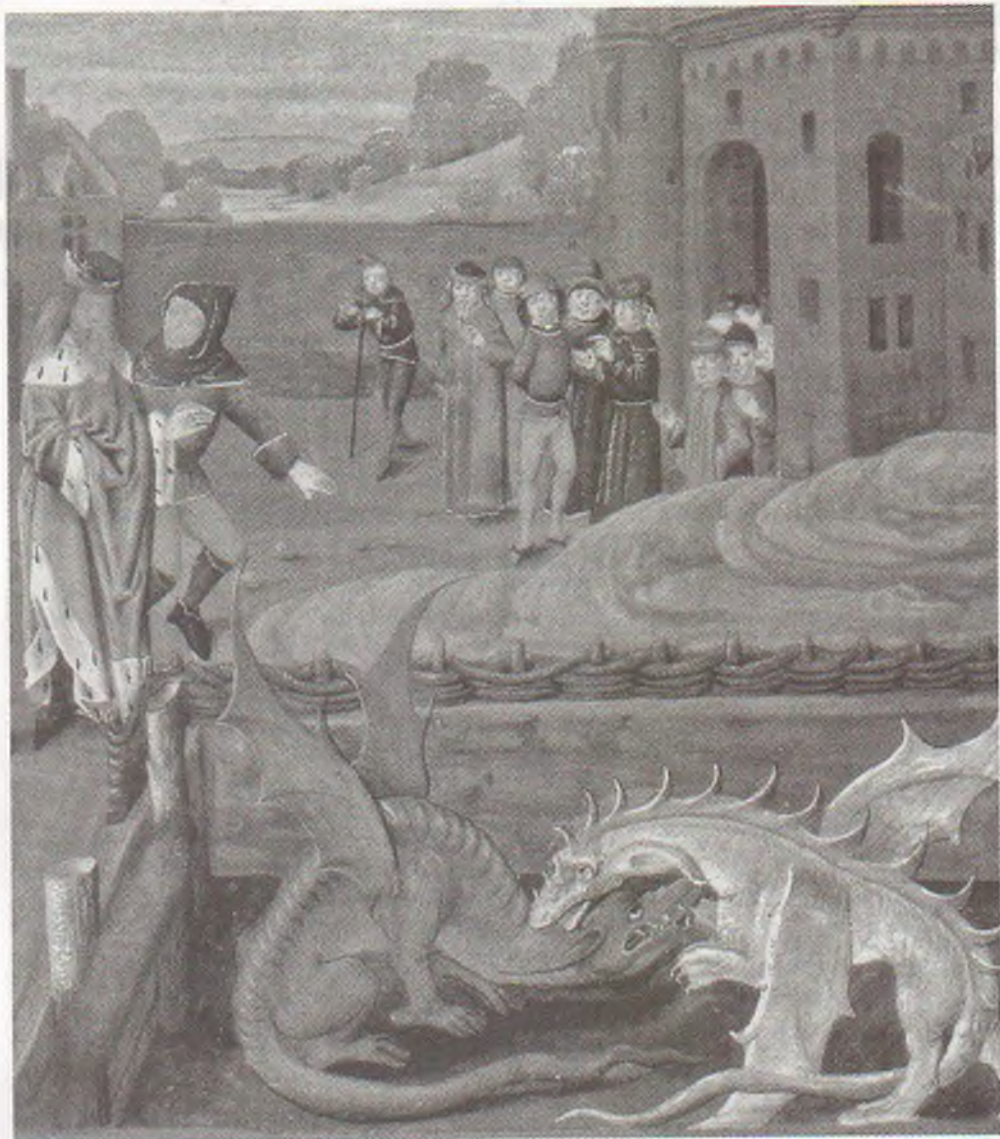
«Мабиногион»

В единственном дошедшем до нас памятнике древневаллийского эпоса «Мабиногион» («То, что должен знать рассказчик») есть история о короле Ллюде и его брате — французском короле Ллевелисе. Вдвоем они избавили Британию от красного и белого драконов, которые постоянно дрались между собой, разрушая окрестности.

Короли приказали выкопать яму и залить туда пьянящий мед. Драконы клюнули на приманку, напились и уснули. Яму засыпали землей, о драконах вскоре позабыли и начали строить на этом месте крепость Динас Эмрис. Однако каждую ночь ее стены почему-то разрушались.

В «Истории бриттов» Гальфрид Монмутский рассказывает о пророчествах Мерлина при дворе короля Вортигерна, которому никак не удавалось построить башню: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не дает башне должной опоры». Когда это было исполнено, под землей действительно оказалось

Средневековая миниатюра из цикла «Пророчества Мерлина» (ок. 1307—1330).
На ней Мерлин показывает королю Вортигерну белого и красного драконов
и пророчит о судьбе Британии.

Королевская коллекция, Британские музеи

озеро, в котором и крылась истинная причина неустойчивости основания башни. “Распорядись, властитель, спустить озеро по канавкам, и ты увидишь на его дне два полых изнутри камня и в них двух спящих драконов”.

Вортигерн, король бриттов, сидел на берегу осушенного озера, из которого вышли внезапно два дракона, один белый, а второй — красный. Сойдясь вплотную друг с другом, они вступили в ожесточенную схватку, извергая из ноздрей языки пламени. Одолевал белый дракон, и он уже прогнал красного до самого

края озера, но тот, раздосадованный, что белый дракон берет над ним верх, бросился на него и заставил противника податься назад. И пока они бились подобным образом, король повелел Мерлину разъяснить, что предвещает эта битва драконов».

Согласно легенде и трактовке Мерлина, белый дракон олицетворяет армию саксов, а красный — людей Вортигерна.

Интересно, что раскопки замка Динас Эмрис, проведенные в 1954 году, показали, что под его стенами действительно была полость, некогда заполненная водой.

Множество интереснейших свидетельств приводит Билл Купер в своей книге «После потопа. Ранняя история Европы».

«Бритты, от которых происходят современные валлийцы, донесли до нас самые древние в Европе описания чудовищных рептилий, одна из которых около 336 г. до Р.Х. уничтожила и проглотила короля Морвида (Моррида). Об этом случае рассказывает Гальфрид Монмутский: «Чудовище накинулось на него и, разверзши пасть во всю ширь, проглотило его, точно малую рыбку». Гальфрид называет это чудище Белау.

Передур — не древнему королю (306—296 гг. до Р.Х.), а жившему гораздо позднее сыну графа Эфрауга — повезло больше, чем Морвиду: ему удалось уничтожить чудовище под названием афанк (*addunc* произносится как *афанк*) в местности Алип Алион в Уэльсе. В некоторых районах Уэльса сохранились воспоминания и о другом виде рептилий: каррог. Афанк дожил до сравнительно недавних времен в таких местах, как Беда-ир-Афанк близ Бринберна, Лин-ир-Афанк над Веттс-и-Коед на реке Конви (убийство одного из чудовищ в этой местности было описано в 1693 г.) и Лин Барфог. Название «каррог» увековечено в топонимах Каррог (близ Корюена) и Дол-и-Каррог (в долине Конви).

Более того: драконы были неотъемлемой чертой валлийского пейзажа вплоть до недавних времен. Не позднее чем в начале XIX столетия старики из Пеналлина, что в Гламоргане, рассказывали о колонии летающих змеев, живших в лесах вокруг замка Пеналлин. Вот что пишет Мари Тревелиан:

«Леса вокруг замка Пеналлин в Гламоргане славилась тем, что туда часто прилетали крылатые змеи, наводившие ужас на всех от мала до велика. Один старожил Пеналлина, умерший всего несколько лет назад, говорил, что в детстве много слышал о том, как красивы эти летучие змеи. Отдыхая, они сворачивались кольцами и «казалось, что они покрыты всевозможными драгоценными камнями. Гребни у некоторых из них сияли всеми цветами радуги». Когда их беспокоили, они стремительно, «сверкая и переливаясь», улетали в свои потайные гнездовья. Когда они злились, то «проносились прямо над людскими головами с распростертыми крыльями и

горящими глазами, яркими, точно павлиний хвост". По словам старика, это не "бабушкины сказки для запугивания детей", но реальные факты. Его отцу и дяде доводилось убивать таких змеев, потому что они, как лисы, крали домашнюю птицу. Старик объяснял вымирание крылатых змеев тем, что их попросту истребили люди, поскольку те были "сущим бедствием для ферм и лесов".

Этот рассказ примечателен во многих отношениях, поскольку он не похож на прочие рассказы о драконах. В нем идет речь не об одиноких чудовищах, а о небольших существах, живших колониями и совсем непохожих, к примеру, на своих более крупных сородичей, которые гнездились на древнем могильном кургане в Треллах-а'-р-Бетвс в графстве Дифед. Но, говоря об Уэльсе, стоит заметить, что в Лланбардан-и-Гаррат («гаррат» — не искаженное ли это «каррог»?) в церкви имеется гравюра местной гигантской рептилии с огромными лопастеобразными плавниками, длинной шеей и маленькой головкой. В Сноудоне есть озеро Глазлин, где афанка видели еще в 1930 г.: два альпиниста, глядя с горы на озеро, наблюдали существо с длинным серым туловищем, которое вынырнуло из глубин озера, высунуло голову, а потом вновь скрылось под водой.

В Англии и Шотландии в относительно недавние времена во многих местах замечали огромных рептилий-чудовищ. В Британии насчитывается около 200 мест, где были замечены драконы. Например, хроника 1405 г. сообщает о драконе в городе Бури в Суффолке:

«Неподалеку от города Бури, что близ Садбери, к великому прискорбию всего народа, недавно появился дракон, огромный телом, с гребнем на голове, с зубами как зубья пилы и хвостом невероятной длины. Он убил пастуха и сожрал множество овец».

Попытка местных лучников уничтожить дракона оказалась безуспешной из-за его непробиваемой шкуры. После этого:

«...чтобы уничтожить его, собрали народ со всей округи. Но, увидев, что к нему снова подступают со стрелами, дракон устремился в болото, скрылся в тростнике, и больше никто его не видел».

Позже, в XV в., в одной из хроник, которая уцелела и хранится в библиотеке Кентерберийской церкви, сообщается о следующем случае. 26 сентября 1449 г., в пятницу, после обеда, на берегу реки Стоур (у деревни Литтл Корнара), расположенной на границе между Суффолком и Эссексом, наблюдали сражение двух огромных рептилий. Одно чудовище было черным, а второе «рыжеватым и пятнистым». Битва, «к удовольствию наблюдавших ее», длилась целый час, после чего черное чудовище сдалось и вернулось в свое логово. Место, где это произошло, с тех пор получило название Шарпфайт Мэдоу (Поляна Жаркой Битвы).

В августе 1614 г. в хронике была самым серьезным образом описана встреча со странной рептилией в лесу Сент-Леонард в Суссексе. Чудище видели около деревни Дрэгонз Грин (Драконья Зелень), получившей свое название задолго до описываемого случая.

«Этот змей (или дракон, как называют некоторые), по свидетельствам очевидцев, имел длину в девять футов [около 3 м], если не больше, а по виду напоминал ось телеги: в середине толще, а по бокам меньше. Передняя часть его, которую он вытягивал наподобие шеи, длиной приблизительно в один эль [3 фута 9 дюймов, или 114 сантиметров], и на ней — белое кольцо, по виду из чешуек. Чешуя на спине у него черного цвета, а на брюхе — красно-го... сообщалось также, что у него огромные лапы, но здесь зрение очевидцев могло и изменить им, поскольку многие полагают, что у змеев нет ног... [Дракон] спасался (как мы это называем) с такой же скоростью, с какой бегают люди. Пишу [кроликов] он, должно быть, большей частью находит в охотничьих угодьях, куда часто наведывается... Еще на боках у него видели два огромных нароста размером с ножной мяч, которые (как думают некоторые) со временем вырастут в крылья; но, я надеюсь, что Бог защитит несчастных людей, живущих в этой округе, и уничтожит его прежде, чем он научится летать».

Этого дракона видели в разных местах в радиусе трех-четырёх миль, и в отчете указаны имена очевидцев, в том числе Джон Стил, Кристофер Холдер, некая «вдова, проживающая близ Фэйгейта» и «возчик из Хоршема, расположившийся на постоялом дворе Уайт Хорс в Саутверке». Один из местных жителей натравил на чудовище двух своих мастифов; он не только лишился собак, но и еле-еле спасся бегством, потому что дракон, как было известно, уже убил мужчину и женщину, изрыгнув на них смертоносный яд. Когда кто-либо неумышленно приближался к нему, дракон, по свидетельству автора памфлета, «...имел вид весьма высокомерный; если он видел людей или скот, или же слышал их голоса, то, вытягивая шею и поднимая голову, прислушивался к ним и глядел на них свысока и с великой надменностью».

Именно таковы, по свидетельствам очевидцев, типичные повадки драконов.

27—28 мая 1669 г. люди неоднократно видели огромную рептилию, о чем сообщается в памфлете «Истинное описание чудовищного змея, виденного в Хенеме (Эссекс) на холме в Саффрон-Уолдон».

Жуткий змей этот оставался в окрестностях города в течение нескольких месяцев, но никаких бедствий никому не причинил⁹⁸.

Накер — дракон, который жил в графстве Эссекс в Англии. Его домом была бездонная, как говорят, нора, которую называли «Накеровой норой». И все логова водных драконов в Англии стали с тех пор называть «Накеровыми норами». Эта нора по сути своей таинственное место. Поток воды извергается из норы, но никто не видел, чтобы вода втекала в отверстие норы. Очевидно, поток воды поддерживался подземным течением. Накер создавал много проблем в области Лайминстера, унося животных и людей. В конечном счете Накер был убит, но этот случай описывают по крайней мере три разных легенды.

В одной версии король Эссекса предлагал свою дочь замуж тому, кто убьет дракона. И, говорят, странствующий рыцарь убил дракона и женился на принцессе.

Вторая версия кончины Накера рассказывает, что Джим Палк, местный мальчишка, сын фермера, перехитрил дракона. Он приготовил для дракона отравленный пирог, который дракон съел, а затем издох. Но даже после смерти Накер сумел отомстить, потому что во время празднования победы над драконом мальчик пал мертвым. Вероятно, он не помыл руки после выпечки отравленного пирога.

Третья версия также рассказывает о местном жителе, перехитрившем дракона с помощью пирога. Этот человек назван Джим Патток, родом из Вика. В этой версии Мэр Арундель предлагал вознаграждение. Но в отличие от Джима Палка Джим Патток не умирает. В Эссекском журнале в 1929 г. был напечатан рассказ об этом случае и даже приведен (возможный) диалог между Джимом и Драконом:

«How do, Man?»
 «How do, Dragon», says Jim.
 «What you got there?» says Dragon, sniffing.

«Pudden», says Jim.
 «Pudden?» says Dragon.
 «What be that?»
 «Just you try», says Jim.

«Как дела, человек?»
 «Как дела, дракон?» — спросил Джим.
 «Что это у тебя там?» — спросил дракон, прихихиваясь.
 «Пудинг», — ответил Джим.
 «Пудинг?» — спросил дракон.
 «Что это такое?»
 «А ты попробуй», — сказал Джим.

Но вернемся к повествованию Б. Купера. «В 1867 году последний раз наблюдали дракона, обитавшего в лесах вокруг Фиттаворта в Суссексе. Этот дракон шипел и плевался в сторону людей, которые случайно приближались к нему, но ни разу не причинил никому вреда.

Можно привести множество подобных примеров. Упоминаний о встречах с драконами в разные века слишком много, и география их слишком широка, чтобы считать их сказками. Например, принято считать, что знаменитое лох-несское чудище из Шотландии выдуманно в местном бюро по туризму, чтобы привлечь любопытных. Но Лох-Несс — не единственное шотландское озеро, где отмечено появление драконов. В последние годы в связи с драконами упоминались Лох-Домонд, Лох-Эйв, Лох-Раннох и находящееся в частном владении озеро Лох-Морар (глубиной более 300 м). Со времени окончания последней войны в одном только Лох-Морар драконов замечали более сорока раз, а в Лох-Несс за тот же период — более тысячи раз. Однако что касается озера Лох-Несс, есть сведения, что огромные рептилии — без сомнения, того же вида, что и знаменитое чудовище, — много раз встречались в озере и вокруг него еще в так называемые темные века; самый выразительный пример тому описан в знаменитой летописи Адамнана *«Жизнь св. Колумбана»* VI в.

Там мы читаем, что в 565 г. от Р.Х. Колумбан во время одного из своих миссионерских путешествий на север, собираясь пересечь реку Несс, увидел похоронную процессию. Расспросив ее участников, он узнал, что хоронят человека, который, плавая в реке, был растерзан чудовищем. Услышав это и ни

на миг не задумавшись о собственной безопасности, отважный святой немедленно приказал одному из своих спутников прыгнуть в ледяную воду, чтобы посмотреть, там ли еще чудовище. Далее Адамнан описывает, как плеск, издаваемый испуганным пловцом по имени Люгне Мокумин, привлек внимание монстра: чудовище внезапно появилось на поверхности и устремилось к несчастному, широко раскрыв пасть и вопя, как баньши (в шотландском фольклоре — дух, вопли которого предвещают смерть). Однако Колумбан не впал в панику, а с берега принялся утешать зверя. Неизвестно, добавил ли к этому пловец собственные утешения, но чудовище, которое к этому моменту уже приблизилось к несчастному на расстояние, меньшее длины лодочного шеста, вдруг развернулось и поплыло прочь.

Естественно, Колумбан был уверен, что заслуга спасения пловца принадлежит ему; но в данном случае самое примечательное — это нежелание чудовища причинять человеку серьезный вред. Оно напало на первого пловца и убило его, но не съело; второй пловец тоже испытал на себе гнев чудовища, но это не привело к фатальным последствиям. Скорее всего, оба человека, сами того не ведая, оказались слишком близко к месту, где самка вскармливала своего детеныша, и она прореагировала на это так же, как самки большинства видов животных. Гориллы, слоны, страусы, многие другие животные в подобной ситуации будут нападать на человека со злобными криками, шипением или ревом, но лишь в очень редких случаях убьют или искалечат его, если он поймет их и удалится. Мы можем быть практически уверены, что спутник Колумбана, не наделенный такой силой воли, как сам святой, просто-напросто адекватно воспринял угрозы чудовища, и оно поняло, что убивать его незачем.

Но случай с Люгне Мокумином — не самый поразительный. В XVIII в., в озере Лин-и-Гэдер в Сноудоне, Уэльс, произошло следующее. Некий человек пошел купаться, и, когда он доплыл до середины водоема, его друзья на берегу заметили, что его преследует "...какое-то длинное существо, которое медленно плыло за ним, извиваясь. Они побоялись поднимать шум, но двинулись навстречу к приятелю, подплывавшему к берегу. Но когда он был уже совсем близко, существо подняло голову и кольцами обвило туловище пловца, прежде чем кто-либо успел прийти на помощь..."

Видимо, тело этого человека так никогда и не было найдено»⁹⁹.

30 ноября 1222 г. в небе над Лондоном видели драконов. Вскоре после этого начались невероятной силы грозы, приведшие к опустошительному наводнению. Некоторые считали, что бедствие это было вызвано именно драконами.

Следующий текст, к примеру, был написан в 1793 г.

«В конце ноября и начале декабря прошлого года многие деревенские жители наблюдали... драконов... которые появлялись с севера и на большой скорости летели к востоку; из этого люди заключали, и их выводы были верны, что... грядет буря».

Этот документ, равно как и летописи 1170, 1177, 1221 и 1222, 1233 и 1532 гг., предполагают, что драконы предчувствуют приближение циклонов с

Атлантики и мигрируют в более теплые регионы, где пережидают плохую погоду. Все это выглядит весьма разумным, если учитывать хрупкость и размеры их крыльев.

Интересен эпизод, документально подтвержденный *«Англосаксонской хроникой»*:

«...В 793 году монахи из монастыря Св. Гутберта, расположенного на скалистом острове Линдисфарн у восточного побережья Англии, услышали громкое шипение... Глазам [святых отцов] представилось поистине необычайное зрелище: в небе играли и резвились множество драконов. Тускло блестела в неясном северном солнце чешуя громадных змеев... Вскоре после того, в шестой день перед январскими идами, несущие насилие и смерть язычники уничтожили церковь Божию на Линдисфарне...»¹⁰⁰

Корк, морской порт и второй по величине город в Ирландии, согласно легенде, был основан святым Файнбарром в конце VI — начале VII в. в честь победы над последним драконом в Ирландии.

По легендам, Тристан Лионесский в XI в. убил в Ирландии дракона. Комментатор Гиральд Камбрэнс, однако, заявил в 1188 г., что земля Ирландии совершенно свободна от драконов благодаря вмешательству святого Патрика (жившего в V в. до н.э.).

Послушаем легенду о Тристане и возлюбленной его, Изольде, и о драконе, с которым Тристану пришлось сразиться. «...Поселился в ирландской земле змей, который опустошал и разорял всю страну. Дважды в неделю появлялся он возле замка, пожирая всех, кого мог схватить, так что никто не решался выйти за ворота из страха перед змеем. И король приказал объявить, что тому, кто сумеет одолеть змея, отдаст он все, что тот ни попросит, половину своего королевства и дочь свою Изольду, если тот пожелает ее взять.

И случилось так, что дракон появился у замка в тот самый день, когда был оглашен королевский указ. И при виде его разбежались с криками и воплями все, кто оказался за воротами.

И Тантрис (таково было имя, под которым скрывался Тристан) спросил, что случилось. Ему рассказали о том, что вы уже знаете, и о королевском указе. Тогда Тантрис тайком вооружился, так что никто об этом не проведал, и вышел из замка через боковые ворота и отправился навстречу змею.

И, едва заметив Тантриса, змей бросился на него, а тот на змея. И вот завязалась между ними жестокая и беспощадная битва. Змей вонзил когти в щит Тантриса и порвал на нем ремни и все, что мог достать. Но Тантрис отпрянул и, выхватив меч, ударил змея. И увидел, что сталь не берет змеиную чешую. Тогда задумал он пойти на хитрость. И когда змей, разинув пасть, бросился на него, чтобы его пожрать, Тантрис, который только того и ждал, всадил меч прямо ему в глотку и вогнал в брюхо, разрубив пополам сердце.

Тут змей издох, а Тантрис отрезал у него язык, спрятал к себе в карман и отправился в замок.

Но, не успев сделать и нескольких шагов, рухнул как подкошенный от яда, что источал змеиный язык, лежавший у него в кармане.

У короля Ангена был сенешаль по имени Агенгеррен Рыжий. Идя в замок, наткнулся он на мертвого змея, отрезал ему голову и решил, что отдаст ее королю, а потом попросит у него дочь его Изольду и половину королевства, ибо задумал он уверить короля, будто змея убил он сам.

И вот приходит сенешаль к королю и приносит змеиную голову. И отвечает ему и говорит:

— Я убил змея, опустошавшего эту страну. Вот его голова. И за это прошу у тебя дочь твою Изольду и половину твоего королевства, как было условлено.

Диву дался король и молвит ему:

— Сенешаль, я поговорю с дочерью моей Изольдой и узнаю, что она об этом думает.

Тут идет король в опочивальню королевы и застает там ее и дочь свою Изольду и рассказывает им, что сенешаль убил змея.

— Он принес мне его голову, теперь надлежит мне исполнить обещание, объявленное через глашатаев.

Весьма разгневались королева и Изольда, услышав эти слова. И сказала Изольда, что вовеки не согласится она на это и что лучше уж ей умереть, чем принадлежать этому рыжему трусу и обманщику.

— Скажите ему, сир, что вы посоветуетесь со своими баронами и через неделю объявите свою волю.

Тогда король пошел к сенешалю и передал ему эти слова, и тот с ним согласился.

А королева молвит дочери своей Изольде:

— Дочь моя, идемте потихоньку взглянем на мертвого змея: не верится мне, чтобы у сенешаля хватило храбрости его убить.

— Охотно, госпожа моя, — молвит Изольда.

И вот вышли они, взяв с собой только двух оруженосцев, Перениса и Матанаэля. И шли до тех пор, пока не отыскиали мертвого змея, и принялись его разглядывать. И, обернувшись в сторону дороги, заметили Тристана, что лежал у обочины, как труп. Они подошли к нему, но не узнали его, ибо он распух, как хорошая бочка. И молвила Изольда:

— Этот человек либо мертв, либо отравлен змеиным ядом. Мнится мне, что он-то и убил змея, а змей погубил его.

И, движимые состраданием, они с помощью обоих оруженосцев перенесли его к себе в опочивальню. И когда стали раздевать, нашли у него в кармане змеиный язык. И, осмотрев этого человека, рассудила Изольда, что он еще жив; она дала ему выпить противоядие и принялась ухаживать за ним столь усердно, что скоро спала его опухоль, и выздоровел он, и вернулась к нему прежняя красота. Тогда они узнали в нем Тантриса, своего рыцаря, и весьма тому обрадовались.

По прошествии семи дней сенешаль приходит к королю за наградой. А король успел испросить совета у своих баронов, и те сказали ему, чтобы он исполнил обещанное.

Проведав об этом, опечалилась Изольда великой печалью и сказала, что скорее даст себя четвертовать, чем отдастся этому трусу. И в разгар ее печали спрашивает у нее Тантрис, что с ней и отчего она так убивается. И та говорит ему, что сенешаль требует ее в жены и просит у ее отца половину королевства, утверждая, что он убил змея.

И, узнав о том, молвит ей Тристан:

— Не тревожьтесь, я избавляю вас от него, ибо он солгал. Скажите мне только, где змеинный язык, что был у меня в кармашке, когда меня сюда принесли?

— Вот он, сир, — говорит Изольда.

И Тристан взял язык, пошел во дворец и объявил во всеуслышанье:

— Где тот сенешаль, который хочет получить Изольду и утверждает, что убил змея? Пусть он выйдет, и я уличу его в обмане, и в доказательство готов сойтись с ним в поединке, если будет в том нужда!

И сенешаль выступил вперед и повторил свою ложь.

Тогда молвит Тантрис королю:

— Взгляните, сир, не вырезан ли язык из пасти змея? И знайте, что убил змея тот, кто его вырезал.

Тут осмотрели змеиную пасть и убедились, что в ней нет языка. И Тантрис достал язык, приложил его туда, откуда он был отрезан, и язык пришелся к месту. Тогда сенешаль был опозорен, и брошен в темницу, и лишен своих имений. А Тантрис удостоился почестей и похвал, ибо все узнали, что он убил змея...»¹⁰¹

Снова обратимся к свидетельствам Б. Купера. «В начале нынешнего века имел место вот какой случай. Он описан некой леди Грегори из Ирландии в 1920 году: "...старик рассказывали мне, что, купаясь там [в ирландском озере Лог-Трейни], видели, как человек вынырнул из воды, и за ним бросилось нечто, напоминающее огромного угля..."

Очевидно, что эти рассказы — не вымысел, но свидетельства очевидцев, настолько близкие к стилю репортажа, насколько это было возможно в Средние века» .

Таковы многочисленные свидетельства, описывающие встречи с драконами в этой части мира.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос представления дракона как геральдического символа в странах Европы.

Согласно Большой советской энциклопедии, «геральдика (позднелатинское *heraldica*, от *heraldus* — глашатай) является системой наследственной идентификации, использующей визуальные символы, например герб, и изначально возникла и применялась в военной области. Вначале армейские геральдиче-

ские атрибуты состояли из целого ряда стандартных обозначений и изображались на щите и гербе средневекового рыцаря. Практиковалась традиция изображения той же эмблемы на верхней одежде рыцаря, для этого служила специальная туника, одеваемая поверх кольчуги или брони, на которой изображались геральдические символы.

Ранние сочинения по геральдике — стихи и поэмы поэтов-геральдов — появились во 2-й половине XIII в. К 1-й половине XIV в. относятся древнейший гербовник “Цюрихский” (“Züricher Wappenrolle”, 1320) и первое изложение правил геральдики итальянского юриста Бартоло.

Использование геральдических символов, которые стали со временем чрезвычайно разнообразными, скоро вышло за пределы военной сферы и стало достоянием отдельных людей, семейств, политических объединений и общественных организаций.

Использование символов идентификации, или знаков различия, — общая особенность простых обществ, где все, или большая часть населения, неграмотны.

В средневековой Европе тем не менее такая эмблематическая идентификация стала очень сложной наукой, корнями уходящей в X в.»¹⁰².

«Дракон — один из наиболее широко распространенных геральдических символов, устойчивыми признаками которого являются: четыре когтистых лапы, сегментированные брюхо, грудь и внутренняя поверхность бедер, длинный прямой хвост со стреловидным окончанием, высунутый язык и перепончатые крылья летучей мыши»¹⁰³.

Ле Гофф в книге *«Другое Средневековье»* касается вопроса эмблематики дракона. В частности, он пишет: «С начала IV века во время христианского политического триумфа военный дракон перешел к новообращенным хозяевам на лабаруме монет Константина, где древко священного знамени попирало дракона. Но дракон-штандарт в XI—XII веках, без сомнения, скорее наследник азиатских штандартов, достигших западного мира с англосаксами и викингами на севере, арабами — на юге. Во второй половине XV века они изображаются на Байонской шпалере, а в *«Песни о Роланде»* они, как видим, оставлены для сарацинских знамен; правда, *«Песнь»* дошла до нас в достаточно оцеровкованном тексте, в котором сатанинская символика служит политикорелигиозной пропаганде. Но дракон-штандарт в течение XII века развивает собственную символику, которая завершается превращением дракона в эмблему военного, а потом и национального сообщества...

...Если отсутствие всякого документального материала о Париже позволяет нам сделать из этой мысли [о выборе парижанами дракона в качестве городской эмблемы] только гипотезу, то один лишь взгляд, отведенный от Парижа и Тараскона, подтверждает нам, что эта гипотеза не абсурдна. Вторая половина XII и XIII века действительно свидетельствуют о развитии в западном мире городской эмблематики дракона. Баттар, изучавший городские общественные сооружения севера Франции и Бельгии, описал тех чудовищ или животных, обычно подвижных и вращающихся вокруг железного стержня,

которые становятся “защитным символом города”. По большей части, подчеркивает он, этим эмблематическим животным был дракон. Это примеры *Турна Мира, Бетона, Брюсселя, где дракон помертвевает с Микаллом, Гента*, где восстановленный Драак еще хранится в Музее дозорной башни. Его рост 3 метра 55 сантиметров, вес 398 килограммов; по легенде, он был привезен крестоносцами из Константинополя в Брюгге, значит, в начале XIII века, и получен гентцами в 1382 году. Этот городской дракон — результат заимствования городом древнего дракона — хранителя сокровищ. С высоты дозорной башни он охранял архив и общественную казну»¹⁰⁴.

Один из самых известных и в наше время драконов — Красный уэльский дракон — древний символ кельтских племен Британии, страж подземных богатств центра угольных копей.

Красный дракон был эмблемой как британских, так и саксонских королей: сначала короля Артура, затем перешел к Тюдорам и к Генриху VII.

«Уэльский дракон — “красный сказочный дракон, нарисованный на бело-зеленом подкладочном шелке” — был одним из флагов, предоставленных Генриху VII в соборе Святого Павла в благодарственном молебне после его победы на Босфоре. Генрих VII, как утверждалось, происходил от Кадваладра, великого уэльского короля, и его называли “последний король Британии”, символ которого — олицетворяющий храбрость и свирепость дракон — был принят позднее уэльскими принцами.

Самое раннее упоминание о красном драконе как о национальной эмблеме Уэльса появляется в “Истории Бриттов”, где рассказывается известная история о сражении красного и белого драконов, которые бушевали ниже участка крепости Вортиджерна в Снойдония, и красный дракон, сначала имеющий худшее положение, в конце концов одолевает белого. Бой был использован для того, чтобы показать в символической форме борьбу между англичанами и саксами. Мерлин предсказал, что англичане после долгих лет притеснения однажды оттеснят саксов за море. С того времени красный дракон символизировал великих уэльских принцев, и вполне определенно он должен был в конечном счете быть выбран королевской эмблемой Уэльса.

Дракон входил в герб династии Тюдоров и найден в тюдоровских рукописях, на тюдоровской печати и даже, согласно Королевскому монетному двору, на лицевой стороне золотых суверенов Генриха VII.

В 1959 году королева объявила, что на флаге современного Уэльса будет изображаться красный дракон на зелено-белом фоне.

Уэльский флаг состоит из двух равных горизонтальных полос, белой над зеленой, поверх которых расположен большой красный дракон, идущий с поднятой правой передней лапой.

На первоначальной версии флага был изображен дракон, стоящий на зеленых холмах. Постепенно это изображение трансформировалось в современную версию.

Изображение красного дракона применялось при чеканке золотых монет Генриха VII, единственного британского монарха, использовавшего дракона

как марку монетного двора. На всех остальных монетах если и присутствовали драконы, то только повергаемые св. Георгием.

Знаменитый красный дракон Уэльса был скопирован Норманом Силманом с рисунка Гербоводческой палаты для воспроизведения на фунтовой монете. Уэльская монета носит надпись по краям "PLEIDOL WYF, I'M — GWLAD", взятую из уэльского государственного гимна и означающую "я верен моей стране". Этот знаменитый дракон появился на фунтовых монетах 1995 и 2000 годов»¹⁰⁵.

В 1408 г., стремясь усилить свое положение на троне, король Венгрии и Чехии Сигизмунд создает Общество Дракона (позднее известное как Орден

125

Флаг Уэльса — красный дракон на зеленом и белом

Уэльская однофунтовая монета 2000 г. выпуска

Герб Ордена Дракона, основанного
Сигизмундом

Герб Большого Лондона

Дракона). Тема дракона, охватывающего щит с гербом, постепенно дошла и до городских гербов. На эмблеме Ордена Дракона — красный Георгиевский крест.

Дракон широко представлен в эмблематике английского королевского двора и города Лондона, где пара драконов держит щит с Георгиевским красным крестом на белом фоне.

Эта статуя дракона стоит
на южной стороне
Лондонского моста

Столица Англии, а затем и Великобритании — Лондон существовал как город Лондиниум со времен римского завоевания Британии в I в. н.э. Еще раньше здесь было большое поселение бриттов — Линдун. С IX в. это резиденция королей Англии. Символом столицы стал (как и всей Англии) Георгиевский крест, потому что святой Георгий Победоносец — покровитель Англии.

Крест дополняет меч апостола Павла — покровителя Лондона. Впервые герб Лондона был утвержден в 1380 г. В XVI—XVII вв. сложился большой герб Лондона — с двумя драконами-щитодержателями, рыцарским шлемом в на вершии и латинским девизом «Domine dirige nos» («Бог ведет нас»).

На геральдическом щите изображен национальный флаг, поддерживаемый четырьмя щитодержателями — духами-хранителями Исландии. Согласно сагам, они охраняют остров от датских королей. Основой для их вхождения в государственный герб послужил отрывок из произведения «Круг земной» известного исландского скальда, историка и политика Снорри Стурлаусона, создавшего свой труд ок. 1230 г.

Сага об Олаве, сыне Трюггви, рассказывает о том, как конунг Дании Харальд, сын Горма, предприняв поход против ярла Норвегии Хакона, решил выступить против Исландии в отместку за хулительные стихи, которые все исландцы сочинили о нем по решению Альтинга. «Харальд конунг велел одному колдуну отправиться в чужом обличье в Исландию на разведку и потом ему донести. Тот отправился в обличье кита. Подплыв к Исландии, он отправился на запад и обогнул страну с севера. Он увидел, что все горы и холмы полны там духами страны, большими и малыми. А когда он проплывал мимо Оружейного фьорда, он заплыл в него и хотел выйти на

Герб Исландии, с 12 февраля 1919 г., когда Исландия стала суверенной

берег. Но тут вышел из долины огромный дракон и за ним — множество дышащих ядом змей, жаб и ящериц. Колдун поплыл прочь и направился на запад вдоль берега к Островному фьорду. Но когда он заплыл в этот фьорд, навстречу ему вылетела птица, такая громадная, что крылья ее задевали горы по обоим берегам, а за ней — множество других птиц, больших и малых. Колдун поплыл оттуда прочь и направился сначала на запад, а затем, огибая страну, на юг к Широкому фьорду и заплыл в него. Но тут навстречу ему вышел огромный бык и пошел вброд по морю со страшным ревом, а за ним шло множество духов страны. Колдун поплыл прочь и направился на юг, огибая Мыс Дымов, и хотел выйти на берег у Викарскейда. Но тут навстречу ему вышел великан с железной палицей в руке. Голова его была выше гор, и много других великанов шло за ним. Оттуда колдун поплыл вдоль берега на восток. Но там, как он сказал, нет ничего, кроме песчаных отмелей, и негде пристать, и сильный прибой, и море такое огромное между странами, что на боевых кораблях туда не переплыть»¹⁰⁶. Таким образом, четыре эти фигуры стали символизировать на гербе духов, охраняющих страну. 🐉

Герб города Пружаны,
Брестская обл.

Старинный
герб Милана,
прорисовка

Еще одна занимательная история объединяет гербы городов Милана и Пружаны, что в Брестской области. «Поселение на месте нынешних Пружан в конце XIII — начале XIV в. занимали спасавшиеся от крестоносцев балтские племена пруссов. Отсюда и название Пруссы, Пруссаны, Пружаны. 3 мая 1588 г. владелица Пружан королева и княгиня Великого княжества Литовского Анна Ягеллонка освободила местечко от земской зависимости, даровав ему Магдебургские привилегии вместе со статусом города, городской печатью и гербом.

Спустя год, 6 мая 1589 г., король польский и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза своей грамотой подтвердил привилегии Пружан: «Для приметности печати этого города Пружаны на его печати будет изображение небольшого извивающегося змея, с чьей пасти протягивает руки и наполовину выступает дитя...» Эта дата является точкой отсчета в истории города.

Грамота короля Сигизмунда III — единственный документ, который разъясняет действительный смысл изображенных на гербе фигур. Из пасти змеи ребенок именно появляется, что символизирует вновь пробуждающуюся вечно юную силу в сочетании с мудростью, способность мира к самоочищению и обновлению. Все другие источники утверждают, что уж глотает младенца.

Дарованный Пружанам герб очень близок по своему содержанию гербу Милана. На его серебряном поле изображен змей, из пасти которого появляется до половины

младенец. Этому сходству герб обязан Анне Ягеллонке, пожаловавшей герб Пружанам в память о своей матери Боне, Королеве Речи Посполитой и дочери герцога миланского Гиано Галеаццо Сфорца.

Согласно древней легенде, в Первом крестовом походе родоначальник рода Висконти (первых герцогов миланских) убил на дуэли предателя и взял себе его щит, на котором был изображен змей, держащий в пасти ребенка. В дальнейшем этот герб стал гербом города Милана, символизируя силу и победы города. В середине XV в. миланский престол вместе с гербом перешел к династии Сфорца. Дочь герцога Галеаццо Сфорца, ставшая после замужества великой княгиней литовской, привезла этот герб в Белоруссию. В настоящее время у Милана другой герб — красный крест на серебряном поле. Изображение змея с ребенком использует в своем символе автомобильная фирма ALFA ROMEO»¹⁰⁷.

Герб города Суффленгейм, небольшого городка во французском Эльзасе: архангел Михаил убивает дракона

Герб города Ментона, Лазурный берег, Франция

Герб папы Григория XIII (1572—1585). Дракон взят с герба города Банкомпании (Италия), откуда папа был родом

Весьма многочисленны драконы на гербах городов Словении.

Герб города Бранкович

Герб города Любляны

Герб города Церноевич

Герб города Зирь
(Ziri)

Герб города Радле об Драви
(Radlje ob Dravi)

Герб города Рогасовцы
(Rogasovci)

Герб города Шенчур при Целью
(Šentjur pri Celju)

Герб города Лютомер
(Ljutomer)

Герб города Крско
(Krsko)

Герб города Камник
(Kamnik)

Герб города Лоска долина
(Loska dolina)

Герб города Крушедол
(Krusodol)

Герб города Козье
(Kozje)

Герб города Постойна
(Postojna)

Герб города Дуплек
(Duplek)

Познакомимся с особенностями изображения дракона в геральдической традиции. Согласно Зоричу, «Дракон главным образом изображается на гербах как “безудержный” (segreant), “стоящий на всех лапах” (statant) и “идущий с поднятой правой передней лапой” (passant).

Геральдический дракон,
изображенный как «безудержный»

Геральдический дракон,
изображенный как «стоящий на всех лапах»

Геральдический дракон,
изображенный как «идущий с поднятой
правой передней лапой»

Германский геральдический дракон

Виверн, Wyvern (англ.) — специфически английский геральдический монстр, в прочих странах не различаемый с драконом; в отличие от дракона в узком смысле этого термина виверн имеет только переднюю пару конечностей, а задняя часть тела плавно переходит в драконий хвост; в остальном виверн полностью аналогичен дракону; виверны входят в герб герцогов Мальборо, изображались на гербе из Португалии XVIII в.

Традиционное изображение виверна
на гербах

Виверн с развернутыми крыльями

Виверн,
стоящий с поднятой правой лапой

Морской виверн;
его отличием служит рыбий хвост

Герб с вивернами. Португалия, XIII в.

Гербовые цвета — зеленый и красный. Красным изображается живот и внутренняя поверхность крыльев.

Кокатрис в геральдическом
исполнении

Кокатрис, Cockatrice (англ.); геральдический монстр — виверн с головой петуха; термин василиск (basilisk) также иногда используется применительно к кокатрис; однако в узком геральдическом смысле basilisk отличается от cockatrice — он имеет хвост, оканчивающийся драконьей (змеиной) головой»¹⁰⁸.

«Разницу между изображениями “дракона” и “змия” усматривал Ю.В. Арсеньев. Имея в виду западноевропейский материал, Арсеньев характеризовал “дракона” как существо двулапое, с хвостом “вместо задних лап”, а “крылатого змея” — как существо о четырех лапах, забыв, видимо, упомянуть хвост.

А.Б. Лакиер, касаясь западноевропейских гербовых фигур, писал о драконе как эмблеме “нечистой силы, язычества, невежества” в виде грифона с лапами, языком-жалом, крыльями

летучей мыши и рыбьим хвостом. Кстати, утверждение о рыбьем хвосте неверно. Рыбий хвост оканчивается хвостовым плавником раздвоенной формы, которого у дракона нет. У дракона — драконий хвост (с одной стреловидной лопастью).

По П.П. Винклеру, “дракон (символ силы и могущества)... изображается с головою и ногами орлиными, туловищем крокодила и крыльями летучей мыши”. “Змий крылатого (символ зла и смуты)” Винклер не описал. Возможно, как и Лакиер, он не видел разницы между изображениями “дракона” и “змия”»¹⁰⁹.

Но вернемся к нашему повествованию. Саксы, датчане и представители других народов в Северной Европе и Скандинавии тоже оставили нам множество интересных свидетельств.

Согласно Дж. Р.Р. Толкину, в «*Деяниях датчан*» Саксона Грамматика король датчан Фроди I «отправляется на остров, расположенный посреди топей дракона, в одиночку (чтоб чудищу было меньше славы, именно так утверждает Саксон Грамматик). Змей, встреча с которым выпала на долю Фроди, был ужасен: язык трезубцем, ядовитое дыхание, извергающееся из пасти, тело, которое кольцами обвивало холм, где находились сокровища. И вот, когда змей возвращался с водопоя обратно в пещеру, Фроди, отбросив страх, предпринял нападение и шархнул дракона под пузо острым железным орудием с шипами. Чудище попыталось освободиться от поранившего предмета, но шипы проникали все глуб-

же и глубже в мягкие ткани утробы. И тогда дракон решил хоть укусить Фроди в отместку, но нарвался на его щит, сделанный из бычьих шкур, о который сломалось жало, расположенное в пасти. Затем чудище стало раз за разом высовывать наружку свой ядовитый язык и постепенно рассталось и с силами, и с жизнью. А вот полученные сокровища сделали Фроди богатым, и он отправился покорять Курляндию и Русь»¹¹⁰.

В *Вольсунгассаге* речь идет о том, как Сигурд Вольсунг уничтожил дракона по имени Фафнир. Фафнир — сын Хрейдмара и брат Регина, обратившийся в дракона и залегший на присвоенных им сокровищах карлика Андвари. Приведем фрагмент, описывающий знаменитую битву.

«Неожиданно кусты ракиты окончились, и Сигурд, который шел впереди, увидев широкую, словно выжженную полосу голой земли, посредине которой тянулась большая, похожая на русло высохшей реки канава.

— Это дорога Фафнира, — тихо проговорил Регин за спиной юноши. Трава вокруг сожжена его ядовитым дыханием, а канава, которую ты видишь, след от его брюха.

— След от его брюха? — недоверчиво спросил Сигурд.

Он подошел поближе. По обе стороны канавы были заметны глубоко врезавшиеся в землю отпечатки гигантских когтистых лап.

— Как велик твой брат, Регин! — сказал юноша, меряя глазами следы чудовища.

— Да, Сигурд, — отвечал гном, бояливо выходя из-за кустов. — Он так велик, что даже Грам не достанет его спереди до сердца. Лучше вырой яму на дне канавы и спрячься в ней. Когда Фафнир проползет над тобой, ты порaziшь его мечом снизу.

Совет Регина показался юноше разумным.

— Хорошо, — сказал он. — Так я и сделаю, а ты пока ступай к Грани и постереги его, чтобы на него не напали волки.

Король Фроди I побеждает дракона.
Барельеф

Гном наклонил голову, чтобы скрыть торжествующую улыбку, и поспешно зашагал к лесу. По дороге он еще раз обернулся и, увидев, что Сигурд роет мечом яму, весело потер руки.

— Золото достанется мне одному, — прошептал он. — Золото Андвари достанется мне одному!

Юноша уже кончал свою работу, когда услышал позади чей-то голос:

— Здравствуй, Сигурд. Что ты здесь делаешь?

Сигурд обернулся и увидел уже хорошо знакомого ему одноглазого старика в широкополой шляпе и синем плаще.

— Привет тебе, Гникар! — воскликнул он. — Я рою яму, чтобы подкараулить в ней дракона Фафнира.

Гникар покачал головой.

— Тот, кто дал тебе такой совет, — твой злейший враг, — сказал он. Ты убьешь Фафнира, но и сам погибнешь вместе с ним, захлебнувшись в крови, которая хлынет из его раны. А после вашей смерти Регин один захватит все сокровища.

— Что же мне делать? — спросил юноша, догадываясь о коварном замысле гнома.

— Вырой несколько таких ям и соедини их между собой, ответил старик, — тогда кровь Фафнира растечется по ним, и ты останешься в живых.

— Спасибо тебе, Гникар, — сказал Сигурд. — Это уже третья услуга, которую ты мне оказываешь, а я не расплатился за две первых.

— Придет время — рассчитаешься, — промолвил старик. — Ты помнишь, что я сказал в прошлый раз? Теперь больше я к тебе не приду, а ты сам придешь ко мне. И придешь навсегда, — добавил он тихо.

Юноша вздрогнул. Только теперь он понял, кто стоял перед ним. “Ты — Один!” — хотел было воскликнуть он, но старик уже исчез так же внезапно, как появился.

“Да, это Один: он помогает мне, как помогал и моему отцу до тех пор, пока не пробил его час”, — подумал Сигурд, снова принимаясь за работу.

Следуя совету Гникара, он выкопал несколько ям, соединил их между собой и прикрыл сверху ветками ракиты. Тем временем солнце скрылось за лесом. Приближалась минута, когда Фафнир должен был спуститься к реке. Сигурд вытащил меч, спрыгнул в одну из ям и присел на ее дне, ожидая появления дракона. Не прошло и получаса, как земля вокруг него задрожала, посыпалось громкое свистящее дыхание чудовища, напоминающее сопение целого стада быков, и тяжелая, шлепающая поступь его лап. Сигурд затаил дыхание. Внезапно на лицо ему упали крупные горячие капли ядовитой слюны, и в следующее мгновение грузное тело дракона плотно закрыло небо над его головой. Юноша быстро приподнялся и по рукоятку вонзил в него меч, а потом также проворно выдернул его снова. Из раны обильным потоком хлынула кровь, растекаясь ручьями по всем вырытым ямам. Фафнир глухо застонал и тяжело упал набок.

“Кажется, я победил”, — подумал Сигурд, поспешно выскакивая из своего убежища.

Бой Сигурда с драконом.
Фрагмент резных церковных дверей. XIII в.
Из церкви Старкирба (Норвегия)

В наступившей тишине Сигурд услышал чьи-то легкие, осторожные шаги. Он оглянулся и при свете взошедшей луны увидел маленькую, чуть сторбленную фигуру Регина. Гном, словно не веря своим глазам, посмотрел на юношу, потом кинул быстрый взгляд на убитого дракона, и его лицо недовольно сморщилось.

— Ты убил моего брата, Сигурд! — сказал он плаксивым голосом. — Какой выкуп я получу от тебя за его смерть?

— Ты хочешь получить выкуп за смерть брата?! — воскликнул возмущенный юноша. — Но разве не ты подстрекал меня его убить? Разве не ты мечтал захватить его золото?

— Ты прав, Сигурд, — согласился гном. — Однако, по нашим обычаям, я все равно должен получить выкуп. Многого я не прошу. Пусть этим выкупом будет сердце Фафнира. Вынь его, зажарь и отдай мне. Тогда ты со мной рассчитаешься.

— Хорошо, — сказал удивленный Сигурд. Он ожидал, что Регин попросит у него часть золота. — Это я могу сделать.

Он пошел в лес, принес оттуда большую охапку хвороста, разложил костер и, вырезав своим мечом сердце дракона, принялся его поджаривать. Гном молча наблюдал за ним, а потом лег у костра и, попросив разбудить его, когда сердце поджарится, заснул.

Постепенно ночной мрак рассеялся, взошло солнце, и в небе над Гнитахейде появились первые птицы.

“Наверное, жаркое уже готово и мне пора будить Регина”, — подумал Сигурд. Он потрогал сердце дракона руками и при этом сильно обжег себе палец. Еле удержавшись от крика, юноша сунул себе палец в рот и в тот же миг услышал, как одна из пролетавших над его головой ласточек прощебетала:

— Вот сидит Сигурд и жарит для Регина сердце дракона. Он бы сделал умнее, если бы съел его сам.

Сигурд жарит сердце дракона Фафнира и сосет палец, смоченный в драконьей крови.

Регин спит у костра. Фрагмент резных церковных дверей. XIII в.

Из церкви Старкирби (Норвегия)

— А вон лежит Регин и, притворяясь спящим, думает лишь о том, как бы ему убить Сигурда, — ответила ей другая ласточка.

— Надо было бы Сигурду сделать его на голову короче! — воскликнула третья.

— Да, мудр был бы Сигурд, если бы он все понял и сделал так, как вы советуете, — сказала четвертая.

— Ах, что вы! Этот Сигурд просто глуп! — возразила пятая. — Он убил одного брата и оставил в живых другого. Не понимаю, как он не может догадаться, что Регин все равно убьет его ради золота.

— Да, ты права: глупо щадить врага, который в мыслях уже трижды тебя предал, — согласилась с ней шестая.

— Ах, Сигурд, Сигурд! О чем ты только думаешь? — промолвила седьмая. — Отруби ему голову: избавься навсегда от врага и распоряжайся всем золотом Фафнира!

Сигурд опустил голову. Он вспомнил коварный совет Регина подкарауливать Фафнира в яме, вспомнил злобные взгляды гнома, и его лицо вспыхнуло от гнева. Недолго думая юноша вскочил на ноги и, выхватив меч, одним ударом отрубил Регину голову. Затем он снял с огня сердце дракона и съел его кусок за куском.

— Он нас послушался, он нас послушался! — радостно защебетали ласточки. — Теперь он будет понимать язык всех зверей и птиц!¹¹¹

Норманнам древних времен, например, Вселенная представлялась в виде гигантского ясеня Иггдрасиль, чьи ветви поддерживали порядок мироздания, а корни проникали в миры, населенные богами и людьми, а также в мир мертвых, корни того мирового дерева неустанно грыз навеки заточенный в них змей Нидхегг (Нитххогг — в переводе «трупоразрыватель»), подтачивая тем самым основу основ мироздания.

«Говорят, в древности люди строили свои дома у подножий могучих деревьев, чтобы крепкие стволы служили опорой. Они хотели устроить свои жилища подобно Вселенной: ведь посередине ее боги вырастили дерево, чтобы оно пронизало собой все девять миров и связало их воедино. Это дерево — ясень, и говорят, что нет равных ему по мощи и красоте. Проросло оно из нижних миров, ствол поддерживает Мидгард, мир людей, а крона — выше небес, и если нужно кому путешествовать между мирами, нет лучшей дороги.

Три корня у дерева, и далеко расходятся эти корни. Один — у Асов на небесах, другой — у инеистых Великанов, там, где прежде была бездна Гинунтагаль. А третий корень тянется к Темному Миру Нифльхейм, и все еще бурлит под ним поток Кипящий Котел. В ядовитом источнике поселился злобный дракон Нидхегг, он грызет корень ясеня, надеясь погубить людей и богов...

Обитает он там не один:

Чертог Вальхаллы и мировой змей.
Иллюстрация к «Младшей Эдде» (1760 г.)

Глупцу не понять,
сколько ползает змей
под ясенем Игдрасиль...
Они постоянно
ясень грызут.

Нидхегт грызет не только древесные корни. Есть у него и другая пища — грешники. Праведники после смерти, если верить древнему мифу, попадают в Гимм, на небеса, или в горы Ущербной Луны, в чертог Синдри, сделанный из красного золота. Клятвопреступников ждет чертог на Берегах Мертвых: он огромен и ужасен, весь свит из змей, как плетень, и текут по чертогу ядовитые реки. Но хуже всех приходится грешникам, попадающим по смерти в воды Кипящего Котла:

Нидхегт там гложет
трупы умерших.

Под тем корнем, что в Иотунхейме, тоже бьет ключ, и всякий, кому доведется испить из него, обретает знание и мудрость. Ведь род исполинов — древнейший. Но самый священный источник бурлит под тем корнем, что оказался на небе. Такова, говорят, его священная сила, что все попавшее в его воду становится белым, как пленка, лежащая под скорлупою яйца. Вот почему все белое называют прекрасным, вот почему светловолосые люди красивее темноволосых.

А еще живут в том источнике прекрасные белые птицы — два лебедя. От них пошел весь лебединый род, ибо таково уж свойство Мирового Древа: хоть и зовут его ясенем, но расцветают на нем все цветы, какие только можно найти на земле, зреют все плоды и все семена, а в ветвях живут все звери и птицы, там их дом, оттуда сходят они наземь, чтобы родиться. Листья ясеня служат им пищей — оленям, козам, коровам и даже волкам, ибо Асгард слишком священен, чтобы там могла быть пролита кровь.

Возле чудесного родника боги судят свой суд. Говорят, там стоит прекрасный чертог, и из него навстречу богам выходят три девы: Урд, Верданди и Скульд. Прошлое, Настоящее и Будущее — вот что значат их имена. Их называют Норнами, провидицами судьбы. Им ведомо все, что произойдет с людьми и с богами. Рождается человек, и тотчас являются к нему Норны — судить судьбу. Урд, Верданди и Скульд — главные Норны, но есть еще много других, добрых и злых. Неравные дают они людям судьбы: у одних вся жизнь в довольстве и почете, у других, сколько ни бейся, ни доли, ни воли; у одних жизнь длинная, у других — короткая. Людям кажется, все дело в том, что за Норны стояли у колыбели: если они добры и из хорошего рода, наделят новорожденного хорошей судьбой. Если же человеку выпали на долю несчастья, так судили злые Норны. Бывает и так, что родители малыша забудут позвать какую-нибудь из Норн или обидят ее на пиру, и в отместку она нагадает такое, что трудно поправить даже богам.

Но достойно прожить доставшуюся жизнь, будь она счастливой или несчастной — дело самого человека, тут никто ему не помощник.

Норны черпают из священного источника воду и поливают ясень, чтобы не засохли и не зачахли его ветви и гниль не завелась на стволе, чтобы крепко стояли девять миров...»¹¹²

Вокруг же мира людей, называемого Митгард, обвилась гигантская змея, Йормундгад, порождение бога, заточенного в бездне от начала времен.

«...Однажды, это было еще до того как великаны начали войну с Асами, бог огня Локи, странствуя по свету, забрел в Йотунхейм и прожил там три года у великанши Ангрбоды. За это время она родила ему трех детей: девочку Хель, змею Йормундгад и волчонка Фенриса. Вернувшись обратно в Асгард, бог огня никому не рассказал о своем пребывании в стране великанов, но всеведущий Один скоро узнал о детях Локи и отправился к источнику Урд, чтобы спросить вещей норн об их дальнейшей судьбе.

— Смотрите, смотрите, сам мудрый отец богов пришел к нам! Но он услышит от нас недобрые вести, — едва увидев его, сказала старшая норна.

— Он пришел услышать от нас то, что надолго лишит его покоя, — добавила средняя норна.

— Да, он пришел услышать от нас о детях Локи и великанши Ангрбоды, — подтвердила младшая из норн.

— Если вы знаете, зачем я к вам пришел, так ответьте мне на тот вопрос, который я хотел вам задать, — сказал Один.

— Да, мы ответим тебе, — вновь заговорила Урд. — Но лучше бы тебе не слышать наших слов. Знай, что те, о ком ты хотел спросить, принесут богам много несчастий.

— Двое из них принесут смерть тебе и твоему старшему сыну, а третья будет царствовать после вас, и ее царство будет царством тьмы и смерти, добавила Верданди.

— Да, волк убьет тебя, а змея — Тора, но и они сами погибнут, а царство третьей будет недолгим: жизнь одержит победу над смертью, а свет над тьмой, — сказала Скульд.

Печальный и озабоченный возвратился владыка мира в Асгард. Здесь он созвал всех богов и поведал им о предсказании норн, а Тора послал в Йотунхейм за детьми Локи. С тревогой выслушали Асы слова Одина, но еще больше испугались они, когда бог грома привез с собой на своей колеснице Хель, Йормундгад и Фенриса.

Еще совсем юная Хель была уже на две головы выше своей исполинской матери. Левая половина ее лица была красной, как сырое мясо, а правая иссиня-черной, как беззвездное небо страны вечной ночи. Змея Йормундгад, вторая дочь Ангрбоды, еще не успела вырасти — в ней было не более пятидесяти шагов, — однако из ее пасти уже сочился смертельный яд, а ее огромные светло-зеленые глаза сверкали беспощадной злобой. По сравнению с обеими сестрами их младший брат, волчонок Фенрис, казался совсем безобидным. Ростом с обычного взрослого волка, веселый и ласковый, он понравился богам, кото-

рые не нашли в нем ничего опасного для себя. Один, сидя на своем троне, внимательно оглядел всех троих.

— Слушай меня, Хель, — произнес он. — Ты так велика и сильна, что мы решили сделать тебя повелительницей целой страны. Эта страна лежит глубоко под землей, и даже под Свартальфахеймом. Ее населяют души умерших, тех, кто не достоин жить с нами в Вагалле. Ступай туда и никогда больше не появляйся на поверхности земли.

— Я согласна, — сказала Хель, наклоня голову.

— Ты, Йормундаг, — продолжил Один, — будешь жить на дне мирового моря. Там для тебя найдется довольно места и пищи.

— Я согласссс-на, — прошипела Йормундаг, сворачиваясь кольцом и глядя на богов жестоким немигающим взглядом.

— А ты, Фенрис, — промолвил Один, обращаясь к волчонку, — будешь жить у нас в Асгарде, и мы воспитаем тебя сами.

Фенрис ничего не ответил: он был так мал и глуп, что еще не умел говорить.

В тот же день Хель отправилась в царство мертвых, где и живет до сих пор, повелевая душами умерших и зорко следя за тем, чтобы ни одна из них не вырвалась на свободу.

Змея Йормундаг опустилась на дно мирового моря. Там она все росла и росла, так, что наконец опоясала кольцом всю земаю и положила голову на собственный хвост. С этого дня ее перестали называть Йормундаг, а прозвали змея Миттард, что означает "Мировая змея".

...Вспоминал Тор слова вещей норн, предрекших ему гибель от этой страшнейшей из дочерей бога Локи. Слишком храбрый, чтобы бояться врага, как бы силен он ни был, Тор приходил в ярость при мысли, что он должен терпеливо ждать, пока тот первый нападет на него. Наконец он решил сам разыскать обившееся вокруг всей земли чудовище и избавить от него мир, хотя бы это стоило ему жизни. Но змея Миттард жила глубоко на дне мирового моря, никогда не показываясь на его берегах, и, чтобы найти ее, бог грома должен был отправиться за помощью к морскому великану Гимиру. И вот однажды утром, не взяв с собой никого и даже не сказав Асам, куда едет, Тор отправился в путь...

...У меня нет лишней рыболовной снасти, — сказал великан.

— Я захватил ее с собой, — отвечал Тор, показывая Гимиру гигантский крюк и канат толщиной с хорошее дерево.

Великан огулнительно захохотал.

— Такой крюк и такой канат выдержат целое стадо китов, — промолвил он, утирая выступившие у него от смеха слезы. — Кого же ты собираешься ловить?

— Это мое дело, — ответил сильнейший из Асов, которому уже надоело спорить с великаном. — Скажи лучше, есть ли у тебя приманка?

— У меня есть приманка, но для себя, — снова нахмурился Гимир. — А достать приманку для тебя не мое дело, доставай ее сам.

— Хорошо, я раздобуду ее и без твоей помощи! — сердито воскликнул бог грома и вышел из пещеры.

Возле нее, на пригорке, паслось стадо исполинских коров Гимира, среди которых был бык, спина которого подымалась над верхушками самых высоких сосен. Недолго думая Тор схватил его за рога и, оторвав ему голову, вернулся с ней в пещеру.

— Вот и приманка для моей удочки, — сказал он...

...Крюк с приманкой опускался все ниже и ниже. Вдруг кто-то дернул его так резко, что сжимавшие канат руки Тора ударились о борт лодки.

— Попадется! — торжествующе закричал он.

Бог грома не ошибся: змея Митгард проглотила приманку, но вытащить эту исполинскую гадину было не так-то легко. Лишь с большим трудом могучему Асу удалось сначала стать на колени, а затем выпрямиться во весь рост. Началась ожесточенная борьба. Не обращая внимания на то, что лодка великана почти до краев погрузилась в воду, Тор изо всех сил тянул канат и постепенно вытягивал чудовище, которое отчаянно сопротивлялось. Прошло немало времени, пока наконец над водой показалась огромная безобразная голова змеи. Оцепенев от ужаса, Гимир смотрел то на выпученные холодные, полные беспощадной ненависти глаза дочери Локи, то на черные, но горящие ярким пламенем глаза Тора и никак не мог решить, какие из них страшнее.

Вдруг раздался громкий треск. Дно лодки, не выдержав, проломилось, и бог грома оказался в воде. На его счастье, в этом месте было неглубоко, и он, погрузившись по горло, стал ногами на отмель, так и не выпустив из рук свою необыкновенную леску, на которой метался его враг.

— Вот мы и встретились с тобой снова, Митгард! — воскликнул Тор, подымая Мйольнир.

Все это время Гимир неподвижно сидел на корме лодки, уцепившись руками за ее борта, но когда вода залила его ноги и великан увидел, что они тонут, он пришел в себя и, схватив нож, быстро провел им по канату, на котором висела змея. Тот лопнул, и чудовище сейчас же погрузилось в море.

— Нет, погоди, ты от меня не уйдешь! — закричал бог грома и метнул ей вслед молот.

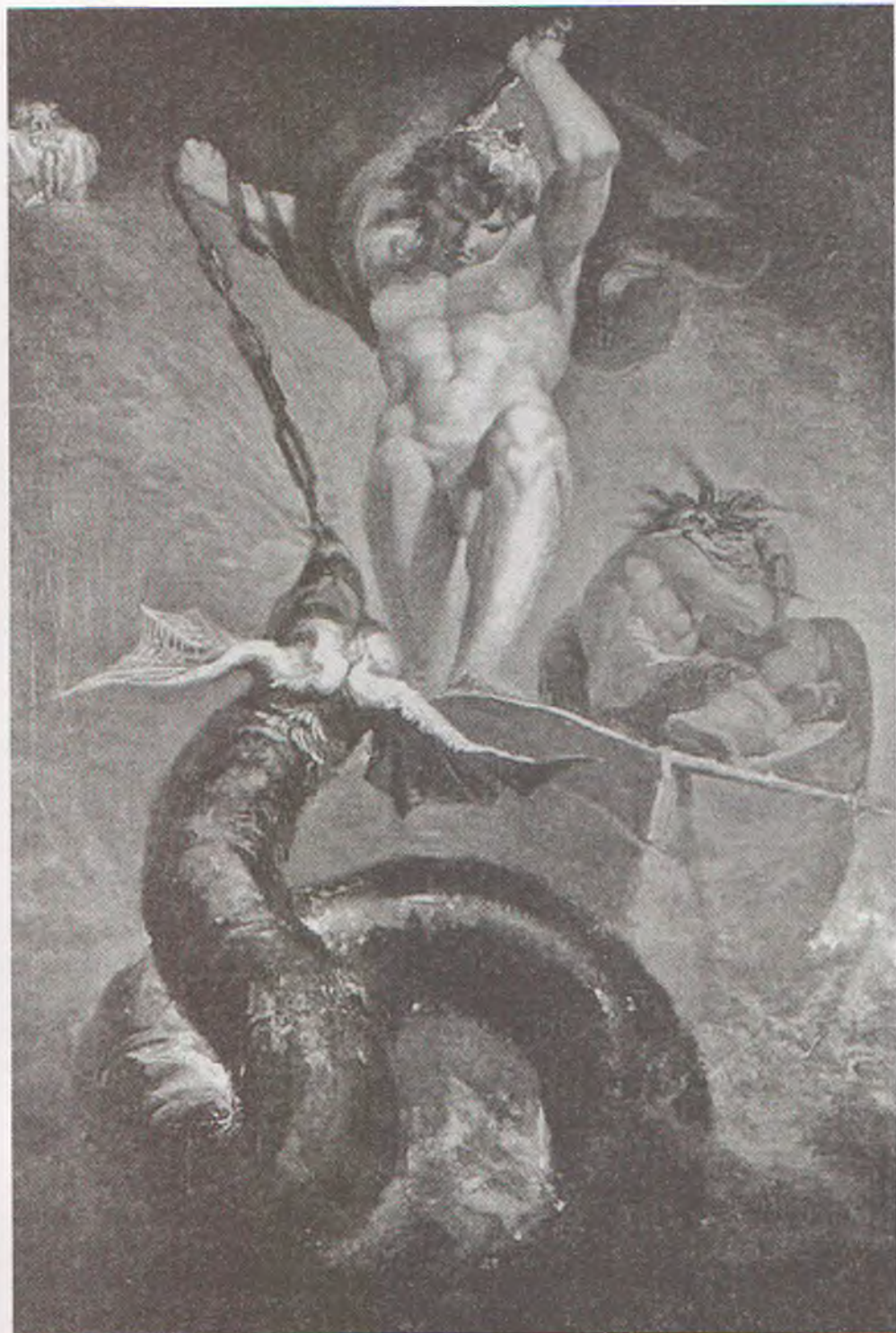
Мйольнир с громким плеском исчез в волнах. Через мгновение он снова вылетел оттуда и прыгнул прямо в руки своего хозяина, а море далеко вокруг окрасилось в красный цвет. Это была кровь змеи Митгард.

Убил или не убил бог грома змею Митгард, никто не знает, но норны уверяют, что она все еще жива и только тяжело ранена.

— Придет день, — говорят вещие девы, — последний и для нее и для Тора, когда они снова встретятся.

Но когда придет этот день, не знают даже норны.

...Прошло много веков, и пришел День последней битвы, предсказанный норнами. Это было войной божества против демонов и человека против чудовищ. Змея Мидгард отпустила кончик своего хвоста и развила свои кольца, чтобы выйти на берег биться с Тором, единственным, кто был достойным противником и мог принять ее вызов. Они встретились на берегу, и Тор немедлен-

Г. Фюссли. Тор в схватке с Йормундгадом. 1790 г.

Тор и Гимир на «рыбалке». Исландский манускрипт 1760 г.

но метнул молнии в чудовище. Миттард попыталась укусить Тора, но сломала об него свои зубы. И тогда Тор нанес смертельный удар по голове чудовища своим молотом Мйольниром. Со страшным ревом умирала змея. Но и Тор сумел отойти всего на девять шагов и пал мертвым, отравившись ядовитым змеиным дыханием...»¹¹³

Саксон Грамматик в «Геста Данорум» рассказывает нам о битве датского короля Фротона с гигантской рептилией. Перед сражением местный житель дает королю совет, пересказывая который Саксон подробно описывает чудо-

вище. По его словам, это был змей, который «...свивался в кольца, а хвост его, изгибаясь, волочился по земле; он потрясал своими витками и изрыгал яд... и при этом саюна его горела огнем... [слова советчика явно должны были скорее воодушевить, чем обескуражить короля]... но помни, что ты должен оставаться неустрашимым; пусть не смутят тебя ни его острые зубы, ни громадность зверя, ни яд... под животом его есть место, куда ты сможешь вонзить свой меч...»

По описанию это чудовище очень напоминает рептилию, которую наблюдали в Хенеме. Вполне вероятно, что эти два животных принадлежали к одному виду. Особенно примечателен их защитный механизм, то есть губительный яд, которым они обрызгивали свои жертвы¹¹⁴.

«Примерно в четверти мили от Соро, в Дании, стоит церковь Альстед, в которой еще можно увидеть картину, изображающую бой быка с драконом. Люди говорят, что на этой картине увековечено событие, случившееся на церковном дворе. Согласно преданию, дракон устроил свое логово под церковными воротами и причинял большой вред людям, которые не могли войти в церковь. Тогда один мудрый человек посоветовал вскормить теленка сладким молоком и, когда тот вырастет, заставить сразиться со змеем. Уже через год молодой бычок стал так силен, что, по общему мнению, мог победить в сражении, однако при виде дракона он перепугался, и решено было кормить его еще год. Теперь он стал не так робок, но все же отказывался вступать в бой до конца третьего года. За это время он стал таким могучим и храбрым, что сразу вступил в бой и убил дракона. Но и бык пострадал от яда, поэтому сочли за лучшее его тоже прикончить и похоронить вместе с драконом»¹¹⁵.

Похожее предание рассказывают о драконе в Лингбю, деревне под Копенгагеном.

«В двух милях от Аальберга есть две горы, называемые Остерберг Баккер, и там много лет назад было логово дракона, который причинял изрядно бед всей округе. Наконец появился человек, который был искусен в делах со змеями. Он взялся уничтожить дракона. Он приказал сложить большой костер и, когда загорелся огонь, сел на отважного коня и поскакал к чудовищу, которое бросилось за ним в погоню. Таким образом он в конце концов подвел дракона к костру. Конь перескочил через огонь, а дракон пополз за ним через самый жар. Тогда человек второй раз перескочил через костер, и так семь раз. Дракон же, седьмой раз переползая сквозь огонь, совсем сторел»¹¹⁶.

В пресных водах и в море у побережья Норвегии, говорят, водятся огромные змеи, различающиеся как величиной, так и видом. По общепринятому поверью, они прежде жили на суше, в лесах и среди каменистых холмов, откуда, когда стали слишком большими, переселились в озера и заливы, а достигнув гигантского роста, — в океан. Они редко показываются на глаза, и их появление считается предвестием важных событий. В большинстве сколько-нибудь крупных озер и рек их видели в старину раз или два, когда они поднимались из глубины. В пресных водоемах их на памяти ныне живущих уже не видели,

но в мертвый штиль они порой показываются во фьордах или «фиртах». После Черной смерти¹¹⁷, по преданию, два больших змея прошли от Форске мимо города к «логу» (баням), где одного, говорят, можно найти и сейчас, а другой примерно через двести лет попытался добраться до устья реки и погиб на порогах. Его вынесло к Дронтхейму, где он стал разлагаться и испускал такую вонь, что никто не мог подойти близко к тому месту.

В Лундеванде, на Листере, есть огромная змея, которая показывается только перед смертью короля или большими переворотами. Некоторые уверяют, что видели ее. Также и в Болларватне жил прежде морской змей с телом толщиной с годовалого теленка и с хвостом шести локтей в длину. Он уничтожал рыбу, а жил под маленьким островком под названием Сванвиско.

Марка почтовая, 1990 г.
Исландия

Но из всех змей, населявших северные воды, ни одна не прославилась так, как змеи Миоса. В старых записях мы читаем рассказ об ужасной змее, которая появилась со стороны островов и двинулась к «землям короля», но тут же исчезла. Подобным образом появлялись день за днем и змеи Миоса. Они причудливо извивались и вздымали воду на значительную высоту. Наконец уже упоминавшаяся гигантская змея появилась второй раз и стремительно поползла вверх, на утес. Глаза у нее были как днища бочек, а с шеи свисала длинная грива. Застрыв на скале, она стала биться об нее головой, и тогда один из слуг епископа, смелый парень, взял стальной лук и стал пускать стрелу за стрелой змее в глаз, так что вода кругом окрасилась ее зеленой кровью. Эта змея, являвшая в себе множество цветов, была ужасна на вид. Она издохла от полученных ран и стала так вонять, что окрестные жители по приказу епископа собрались и сожгли ее. Скелет еще много лет лежал на берегу, и взрослый парень едва ли мог поднять хоть один позвонок.

Также рассказывают о морской змее, обвившейся вокруг большого колокола из Хаммера, который во время Семилетней войны утонул в Акерсвиге и еще виден на дне, когда вода прозрачна. Все попытки вытащить его были тщетны, хотя однажды удалось поднять его до поверхности воды.

С этой миосской змеей шутки плохи, как видно из отчета 1656 г., помещенного в *«Естественной истории Норвегии»* Эрика Понтюпидиана. Такая водяная змея сухим путем добралась от Миоса в Спирилла и, возможно, была той самой, что показывалась в озере в преддверии тяжелых и грозных времен. «Она выглядела как огромная мачта и опрокидывала все на своем пути, будь то дом или дерево. Ее громкое шипение и ужасный рев повергали в трепет всю округу».

Не приходится отрицать, что подобные морские змеи появляются в тихую погоду у побережья Норвегии, поскольку даже в наши дни их видели достойные доверия лица, к свидетельству которых можно добавить рассказ Гибберта; последний пишет: «Существование морского змея, чудовища пятидесяти пяти футов длиной, доказывается животным, выброшенным на берег на Оркнейских островах, его позвонок можно увидеть в Эдинбургском музее».

Среди исследователей старины наиболее плотно занимался морскими змеями Эрик Понтюпидиан, который в своей *«Естественной истории Норвегии»* приводит два описания морских змеев. По его свидетельству, основанному на рассказах моряков Берегена и Нордланда, видевших чудовище своими глазами, живут эти змеи в глубинах океана, и только в тихую погоду в июне и в июле поднимаются к поверхности и снова уходят вглубь, едва ветер начнет рябить зеркало вод. Вот показания командора де Ферриса, данные в 1746 г. перед судом. «Морской змей, которого он видел в окрестностях Мольда, имел голову, напоминающую лошадиную, и держал ее, подняв примерно на локоть от воды. Цвет сероватый, с черным рылом, очень большими черными глазами и длинной белой гривой, свисавшей с шеи в море. Были также видны семь или восемь витков его тела, очень толстого. По приблизительной оценке, между витками было около фатомы». По свидетельству епископа Тухсена из Херо и некоторых священников из той же местности, «эти морские змеи были толщиной в двойной хогсхед (бочка вместимостью до 530 л), с большими ноздрями и голубыми глазами, которые издали напоминали пару блестящих оловянных тарелок. На шее была грива, издали похожая на морские водоросли».

Предания о драконах, летающих ночами по воздуху и извергающих огонь, очень распространены, и по всей Норвегии показывают норы в земле и в горах, откуда они выпускали огненные струи, когда надвигалась война или другое бедствие. Когда драконы возвращались в свои логова — где стерегли груды сокровищ, собранные, по некоторым рассказам, на дне моря, — слышно было, как за ними захлопываются тяжелые железные двери. Они свирепы и изрыгают испепеляющее пламя, так что вступать с ними в бой опасно.

Под церковью в Агерсе, которая стоит на четырех золотых колоннах, стережет огромные богатства дракон. Его видели вскоре после последней войны, когда он вылетал из норы неподалеку от церкви. В прежние времена огнен-

Морской змей нападает на корабль.
Из книги Олауса Магнуса «Морская карта». XVI в.

ных драконов с длинными хвостами видели вылетающими из Драконьей пещеры на Сторе в Аадале, из Драконьего холма на Развоге и во множестве других мест. То же случается и в наши дни.

Драконов можно победить, как доказывает старинная легенда, повествующая о священнике по имени Андерс Мадсен, который, говорят, жил в 1631 году и застрелил дракона, стерегшего грудку серебра в так называемой Драконьей горе близ Тведеванда¹¹⁸.

Еще один отголосок существования драконов в Норвегии — это корабли викингов «драккары». «Найденные на территории Норвегии в местностях Озеберг и Гокштад, два корабля викингов относятся соответственно к IX и X векам и сейчас хранятся в специальном музее Осло. Это боевые корабли, норманны называли их «длинными» (лонгшипы), а также в зависимости от размеров «драккар» (дракон) или «шнеккар» (змея).

Более половины тысячелетия держали Европу в страхе «рыцари открытого моря» викинги. Своей мобильностью и вездесущностью они обязаны драккарам — подлинным шедеврам судостроительного искусства. На этих кораблях викинги совершали далекие морские плавания. Ими открыты Исландия, южный берег Гренландии, задолго до Колумба побывали они в Северной Америке.

Найденные корабли имеют длину около 23 м, один 15, другой — 16 пар весел, клинкерную (кромка на кромку) обшивку и замечательно стройные обводы корпуса, плавно перетекающие в грациозно изогнутые штевни. Ученые утверждают, что строились нередко драккары длиной 30 м и более, а транспортные суда норманнов — кнорры, на которых викинги перевозили захваченный скот и лошадей, достигали 50-метровой длины. Гокштадский корабль не несет никаких украшений, зато озебергский имеет штевни, заканчивающиеся спиралевидными завитками в виде головы и хвоста змеи. По обеим сторонам штевней пущен резной узор из переплетенных змеиных голов, являющийся замеча-

Дракон,
украшавший нос
корабля викингов.

Источник:
«Скандинавская
мифология.
Энциклопедия

тельным произведением декоративно-прикладного искусства древних скандинавов. Старые норвежские саги повествуют о том, что стилизованные изображения мифических драконов и змей были излюбленным украшением штевней кораблей викингов. Головы драконов иногда покрывали позолотой, а резные накладные доски на бортах часто изображали их лапы, крылья и чешую.

Совсем неслучайно скандинавские викинги украшали носы своих драккаров головами морских чудовищ. И не только соперников они хотели запутать страшными мордами. С точки зрения викинга, океан был населен всевозможными злобными существами. Здесь можно встретить каменного великана, выставившего навстречу острые зубы — коварные подводные рифы. К кораблю мог подобраться колдун, обернувшийся китом, громадной акулой или тюленем. Да мало ли еще кто? Как же отделаться от всех этих тварей? Да очень просто — показать им изображение того, кто был их повелителем и кого они смертельно боялись, — Мирового Змея. И драконьи головы, которые украшали ростры кораблей, служили пугалами для морской нечисти, способной накликать беду на отважных мореходов.

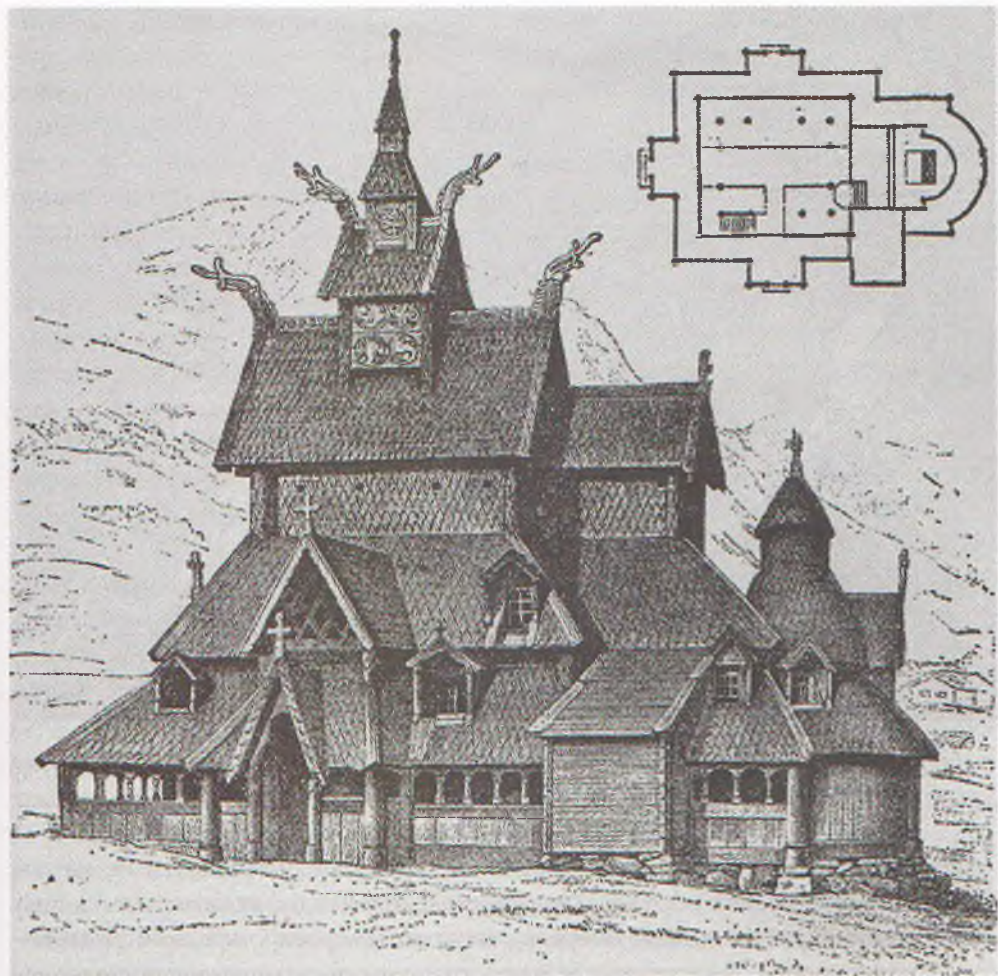
Вид вырастающих в морской дали чудовищ должен был приводить в ужас врагов и, несомненно, наводил панику на мирные прибрежные селения других стран. Известно, что при возвращении к родным берегам норманны зачехляли или даже снимали носовые фигуры, чтобы не испугать своих женщин, детей и стариков»¹¹⁹.

«Скандинавская мифология, героические саги послужили основным источником, питавшим норвежское искусство резьбы по дереву. Четыре драконьих головы украсили церковь в Боргунде. Две из них смотрят на запад, две — на восток. О том, что это драконы, а не иные животные, свидетельствует, например, книга, опубликованная недавно в Норвегии.

Есть и другой источник. В конце прошлого века профессор Дитрихсон и архитектор Мунте издали альбом, посвященный строительному искусству и архитектуре Норвегии. В альбоме приведен рисунок, подписанный словом Drachenkopf.

Драконьи головы, украсившие церковь в Боргунде и грозившие одновременно Востоку и Западу, можно считать памятником былого могущества и воинской славы викингов. Драконы неоднократно тиражировались как в жилой, так и в культовой архитектуре Норвегии. В Средние века здесь было построено более семисот деревянных церквей (до наших дней дошло только 27). Стилизованные изображения драконов украшали капители деревянных колонн, порталы церквей, ковчеги и т.п. И в этом не было ничего удивительного. Здесь, как и на Руси времен “конунга” Ярослава, христианские храмы щедро украшались “языческим” декором. В том числе и головами драконов, которые должны были отвращать нечистую силу и защищать деревянную постройку от пожа-

Церковь в Боргунде (Норвегия). XII в.

Источник: Поляков Е.Н., Рачковский П.Ю. «Дом с драконами: история и мифы»

ров. Например, головы четырех драконов, напоминающие боргундских, венчают церкви Хонперстаде (1135—1150), Голе (1170—1200) и Фантофте (Фортуне) (1160—1180). Шесть аналогичных драконьих голов, судя по проектам реконструкции, возвышались над небольшим храмом Ойе ог Ванг (1190), три — над кирхой Гармо (1030)»¹²⁰.

Просто необходимо сделать отступление и на минуту перенестись в город Томск.

«На томской улице Красноармейской, 68 стоит удивительный дом. Темные бревенчатые стены двухэтажного здания довольно скупо, в лучших традициях модерна, украшены резными деревянными деталями голубоватого оттенка.

В книге «Деревянная архитектура Томска» («Советский художник», 1987) говорится о том, что особняк был построен по проекту томского художника-архитектора В. Оржешко в начале XX века.

«Дом с драконами». Томск, ул. Красноармейская, 68.
 Автор фото: Павел Андриюшенко. Томск, 2005

Примечательно, что эти изобразительные мотивы... черпаются не из античных и классических образцов (маскароны, кариатиды, атланты и т.п.), а из местных традиций (в первую очередь), а также северо-европейской средневековой архитектуры.... Акротерии в виде стилизованных лошадиных голов, завершающих коньки кровли, имеют прямой аналог — широко известную деревянную церковь в Боргунде (Норвегия, около 1150 года)...» Об этих «лошадиных головах» мы и хотим повести речь.

Сначала отметим, что томичи давно уже называют это здание «домом с драконами», а вовсе не «лошадиной фамилией». Семь стилизованных голов загадочного животного украшают крышу и козырек над входом. По две головы глядят на север, запад и юг. На восток обращены седьмая голова и свернутый крючком хвост с раздвоенным «жалом» на конце. Почему же эти головы называли лошадиными? Внешне они несколько не похожи на добродушных коньков, венчавших крыши как русских, так и норвежских построек.

Длинное зубастое рыло, очень узкие глаза, вывернутые наружу губы, далеко высунутый язык с характерным крючком на конце — портрет животного, которое, скорее всего, относится к классу пресмыкающихся, к допотопным рептилиям. Интересны также ряды округлых отверстий и характерный зубчатый гребень, украсившие коньковые завершения кровель. Они совсем не похожи на волнистые кольца конской гривы!

...А может, необычайный узор возник в порыве творческого вдохновения зодчего, когда он решил поразить неприхотливый ум заказчика, пожелавшего непременно «чего-нибудь этакого»? Возможно, художник поддался модным тенденциям эклектики и попросту перенес на сибирскую землю гордый силуэт скандинавской церкви. Существует также версия, что автор «Дома с драконами» взял за основу двухэтажный охотничий замок (Jagdhaus) «Роминтен» (Восточная Пруссия), построенный в 1891 году по приказу германского кайзера Вильгельма II.

155

Совсем не исключено, что томские драконы имеют глубокий символический подтекст, заимствованный из норвежской и древнекитайской культуры, — «повелители моря» должны были принести богатство и удачу обитателям дома, защитить деревянную постройку от пожаров и недобрых глаз. В русском деревянном зодчестве эту функцию выполняли резные коньки и петушки-кокоши.

Есть еще одна любопытная деталь. Томск был основан в год Синего Дракона (1604). Время постройки «Дома с драконами» относят к первому десятилетию XX века. Если предположить теперь, что архитектор, будучи знаком с древнекитайской культурой, стремился завершить постройку к 300-летию города (пять 60-летних циклов восточного календаря), то можно более или менее точно назвать дату окончания строительных работ. Это вновь год Синего Дракона — 1904! Именно поэтому все декоративные детали дома, включая головы драконов, должны были изначально иметь ту же самую голубоватую гамму, что и сейчас. Так это было или иначе — история пока умалчивает.

В любом случае, творческий эксперимент зодчего удался. Он задумал, а народные умельцы воплотили невиданного зверя по своему собственному разумению, щедро наделив его фантастическими чертами.

Стоит в центре Томска удивительный дом и глядит на все стороны света прищуренными глазами своих драконов: «Что же это вы, неразумные двуногие, хотите быть счастливыми и богатыми, а священного дракона кобылой называете?»¹²¹.

«В языческих сагах нет упоминаний о цвете дракона, но в более поздних источниках мы обычно встречаем его под именем Белого змея. Его не следует путать с Белым томт-змеем (*Tomtorn*), которого в южных частях Швеции считают одним из добрых домашних духов и которого все домашние с удовольствием кормят; он снисходит до того, чтобы устраивать свое обиталище под полом в доме. По слухам, Белого змея видят исключительно редко, возможно, раз в сто лет, и то в безлюдных местах. Колдуньи, бывало, специально искали его и варили его кожу вместе с другими магическими компонентами, чтобы достичь полного понимания секретов природы, так как, обитая в самых сокровенных уголках земли, у корней скал и гор, деревьев и растений, он впитыв-

вает в себя их оккультные силы и делится ими с тем человеком, которому разрешает себя найти. При встрече с Белым змеем следует сразу же схватить его посередине туловища, пока он будет выползать из своей старой кожи. Эта кожа, даже если ее просто лизнуть, во много раз увеличивает силы человека и наделяет его мудростью — например, такой человек познает свойства трав и камней, будет знать, как заживать раны и исцелять все болезни.

Маленький мальчик, сбившись с пути, вышел к небольшой хижине в лесу, в которой жила одна из так называемых ведуний. Когда мальчик вошел, ее не было дома, но на огне висел большой котел, в котором варился Белый змей. Мальчик был очень голоден, поэтому, увидев на столе хлеб, а в котле толстый слой жирной пены, которая, как он думал, поднимается от мяса, он обмакнул кусочек хлеба в котел, а потом положил себе в рот. Старая ведьма, которая как раз возвратилась, сразу поняла, что случилось, но, будучи уверенной в том, что ее самую мальчишка мудростью никогда не превзойдет, решила отпустить его и на прощание объяснила юному мудрецу, как ему обходиться с неожиданным даром.

О Свене из Брагнума, что в Западном Готланде, который был настолько знаменит, что к нему приезжал сам Линней, ходит легенда, что он нашел Белого змея и лизнул его шкуру, вследствие чего стал Сведущим (Klok) и постиг свойства всех ползучих тварей, а также растений, которые прилежно собирал вокруг горы Моссеберг. Интересно, что он предвидел, что потеряет все свои знания, как только женится, и действительно, со дня его свадьбы к нему уже не приходил ни один вопрошатель.

Шведы приписывают силу отдельных целебных источников Белым змеям. Так, в 1809 году тысячи людей прибывали из Халланда и Западного Готланда к чудотворному Хельшо (маленькому озерцу недалеко от Рампейерды). Рассказывали, что дети, пасшие коров на его берегах, в том году часто видели прекрасную девушку, сидевшую на берегу и державшую в руке Белого змея. Водная нимфа со змеем появляется лишь раз в сто лет. Согласно немецкой легенде, человек, съевший Белого змея, начинает понимать язык всех животных¹²².

Однако по-настоящему бесценные описания гигантских рептилий, населявших Данию и другие части Европы 1400 лет назад, дает нам англосакская эпическая поэма «Беовульф».

«БЕОВУЛЬФ» И ДАТСКИЕ ЧУДОВИЩА

О. Фомин пишет: «Начнем с того же, с чего обычно начинают исследователи “Беовульфа”: с рукописи. Зачастую эпические поэмы доходят до нас в значительно более позднем, чем время создания оригинала, списке. И тогда приходится с величайшим прискорбием констатировать тот факт, что “поэма была написана не позже...” Так вот, “Беовульф” был написан не позже 1000 года.

Однако ж многие исследователи не без оснований полагают, что эта грандиозная эпическая поэма была написана уже к концу VII или по крайней мере к первой трети VIII века. Итак, единственная дошедшая до наших дней рукопись “Беовульфа” датируется концом X века. Входит эта редакция в то, что учеными принято называть Коттонским собранием. Ныне рукопись хранится в Британском музее»¹²³.

Питер Дикинсон отмечает следующий факт: «Ученые, имеющие дело с “Беовульфом”, методично игнорируют описываемых там чудовищ, хотя любой, знакомящийся с этой поэмой впервые, может заметить, насколько они значимы. Ученые же рассматривают их как посторонние, сказочные добавки и сосредоточиваются на представленной в поэме панораме англосаксонской жизни, а также на связях персонажей эпоса с реальными историческими персонажами.

Эта поэма — замечательный пример того, насколько точно и детально народная память сохраняла, передавая из уст в уста, сведения о драконах, даже когда творцы легенд уже не вполне сознавали, что монстры, которых они описывали, были драконами»¹²⁴.

Билл Купер считает, что «сначала мы должны расстаться с одним заблуждением, которое многие годы путало и сбивало с толку все исследования в данной сфере. С тех пор как поэма была заново открыта в начале XVIII в. (хотя более пристальному вниманию ученых она подверглась в 1815 г., когда впервые была напечатана), исследователи настаивали на том, чтобы название описанных там существ переводилось как тролли. Так, чудовище Гренделя называют троллем, а существо женского пола, которое датчане считали его матерью, — троллихой.

Слово *тролль* — скандинавского происхождения. В волшебных сказках Северной Европы тролли изображаются человекоподобными, покрытыми шерстью злобными гномами, которые по ночам воруют человеческих детей, подменяя их малышами-троллями. Кроме того, иногда троллей изображают великанами — правда, тоже злыми и косматыми, — которые живут под мостами или в пещерах. И все это было бы хорошо, если бы слово *тролль* хоть раз встречалось в оригинальном англосаксонском тексте “Беовульфа”. В поэме содержится огромное множество выражений, которые мы назвали бы зоологическими терминами, и они относятся к самым разным видам живых существ. Но ни один из этих терминов не имеет ничего общего с гномами, великанами, троллями или феями. И раз уж о том зашла речь, чудовище по прозвищу Грендель навело страх на датчан на протяжении долгих двенадцати лет (503—515 гг. от Р.Х.). Неужели мы способны поверить, что неистовые датские викинги, вселявшие страх в сердца соседних народов, целых двенадцать лет цепенели от ужаса перед косматыми гномами — или даже косматыми великанами?

К тому времени как Беовульф в 515 г. от Р.Х. поразил Гренделя, он был уже закаленным борцом с чудовищами. При дворе Хротгара он прославился тем, что очистил море от хищных чудищ, угрожавших открытым судам викингов»¹²⁵.

Со дна морского
нечисть восстала —
в пене ярились
полчища чудищ.
Рубаха-кольчуга
искусной вязки,
железной пряжи
мне послужила,
шитая золотом,
верной защитой,
когда морезитель,
стиснув когтистыми
лапами тело,
варут потащил меня
в глубь океана;
Судьбой хранимый,
я изловчился, —
кинком ужалил
зверя морского, —
канул на дно
обитатель хлябей.

...зато наутро
в прибрежных водах
всплыли распухшие
туши животных,
кинком усыпленных, —
и с этой поры
стал безопасен
путь мореходный
над теми безднами.

«Беовульф»¹²⁶

Но вернемся к исследованию Б. Купера: «По счастью, англосаксонская поэма, воспевшая его подвиги, сохранила для нас не только описания физического строения чудовищ, с которыми сражался Беовульф, но даже названия некоторых видов, известных саксам и датчанам.

Однако чтобы правильно понять все эти имена, необходимо представлять себе природу англосаксонского языка. У англосаксов была очень простая система словообразования (как у современных немцев и датчан); имена — названия предметов в этом языке порою звучат для нас весьма забавно. Так, тело называлось попросту «дом костей» (*banhus*), а сустав — «замок костей» (*banloca*). Когда Беовульф отвечает на вопросы датчанина, сказано буквально, что он «разомкнул свой словесный склад» (*wordhord onleoc*). Само имя *Беовульф* означает *медведь*, использовавшееся по причине табуирования подлинного имени медведя, и образовано оно по следующему принципу. Саксонский элемент *Beo* означает *bee* — пчела; *Беовульф* буквально — «пчелиный волк». У медведя — вытянутая морда (как у собаки или волка); и те, кто наблюдал медведя, благоразумно держась от него на почтительном расстоянии,

наверняка видели, как он разрушает ульи в поисках меда и поедает пчел. Поэтому медведя и прозвали пчелиным волком. Вот еще пример подобного словообразования: солнце на англосаксонском — **worudcandel** — «свеча мира». Таким образом, англосаксонский язык очень точен, буквален, но в то же время глубоко поэтичен и заключает в себе огромный описательный потенциал.

Из всех встреч Беовульфа с драконами самая знаменитая, конечно же, — сражение с Гренделем и победа над ним, и мы рассмотрим, как описано в эпосе это чудовище. Но в логове Гренделя, в большом заболоченном озере, жили и другие виды рептилий, которых саксы знали под общим названием **wyrmcynnes** (букв. — «род червей», т.е. род чудовищ и змеев, а слово «змей» в те времена означало нечто большее, чем змею). Беовульф и его люди наткнулись на них, выслеживая самку из рода.

Среди этих чудовищ были и существа, известные саксам и датчанам как гигантские **saedracan** (морские драконы); люди видели со скал, как они стремительно уходили под воду, видимо, чувствуя присутствие человека. Другие существа грелись на солнце, когда люди Беовульфа увидели их, но, услышав звуки рога, бросились к озеру и скрылись в глубинах.

“Другие существа” вкаючали в себя и вид, который саксы знали под названием **nicor** (мн. ч. **niceras**); это слово впоследствии развилось в слово **knucker** — именно так в среднеанглийском стали называться морские чудища или драконы. Чудовище из Лиминстера, Суссекс, относилось именно к этому виду, как и многие другие существа, о которых сообщают летописи. Озеро, в котором обитал лиминстерский дракон, по нынешний день носит название Накерс-Хоул (**Knucker's Hole** — «Драконья дыра», или Накеровы норы, о которых упоминалось выше). На Оркнейских островах, где жили, что примечательно, викинги, а не шотландцы, тоже были известны чудовища под названием **Nuckelavee**, равно как и на Шетландских островах. А на острове Мэн обитало существо **Nykir**.

Однако среди **wyrmas** (змей) и **wildeor** (диких зверей), обитавших в вышеупомянутом озере, был еще один вид животных — **ythgewinnes**¹²⁷ — судя по названию, существо, которое плавало по поверхности, а не на глубине, как **saedracan**. Заинтригованный Беовульф выпустил в чудовище стрелу, а после его загарпунили помощники Беовульфа с помощью копий, с какими охотились на кабанов. Когда **ythgewinnes** был убит, Беовульф и его люди вытащили его из воды и осмотрели. Безусловно, это был в некотором роде профессиональный интерес — людям было любопытно, как устроены существа, с которыми они сражались.

Более того, о гигантских рептилиях, которых они видели у озера, сказано, что те вылезают на поверхность в середине утра и производят ужасные разрушения среди кораблей на морских путях; одна из бесспорных заслуг Беовульфа заключалась как раз в том, что он очистил узкие морские пути между Данией и Швецией от чудовищ, которых он называл **merefixa** и **niceras**. После этого останки девяти таких существ были выложены на берег для рассмотрения и исследования.

Но давайте обратим внимание на другую гигантскую рептилию, вне сомнения, самую свирепую из всех, с какими доводилось сражаться Беовульфу, — чудовище по имени Грендель.

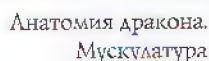
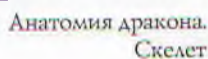
Часто приходится слышать и читать ошибочные заверения в том, что Грендель — это имя собственное, которое датчане дали именно конкретной особи — как собаке, к примеру, дают кличку Фидо, а лошади — Доббин. На самом же деле, Грендель — название, которое наши предки присвоили определенному виду животных. Это подтверждается тем фактом, что в 931 г. от Р.Х. король Уэссекса Ательстан издал грамоту, в которой некое озеро в Уилтшире (Англия) названо (как и в Дании) **grendles mere**. Что интересно, Грендель из «Беовульфа» тоже жил в озере (mere). Другие топонимы, упомянутые в древних документах — например **Grindles bee** и **Grendeles pyt**, — тоже являли собой места обитания этого вида. Гриндевальд (букв. Грендельвуд) в Швейцарии — еще один такой топоним. Однако каково происхождение самого слова «Грендель»?

В англосаксонском языке есть несколько слов того же корня. Например, древнеанглийское слово **grindan**, от которого происходит современное слово **grind** — «размалывать» — означало «разрушитель». Но, скорее всего, Грендель — это звукоподражательное слово, произошедшее от древнескандинавского **grindill** — буря, или **grenja** — реветь. Слово «Грендель» по фонетическому строению действительно напоминает рев огромного животного; в среднеанглийский язык оно вошло как **grindel** — злой, сердитый.

Для бедных датчан, страдавших от нападений хищника, Грендель был не просто животным. Они воспринимали его как демона. Он был для них **godes ansaca** (противник Бога), **synscatha** (творящий зло), **wonsaeli** (проклятый) и даже **feond on helle** (дьявол в аду)! Он был один из **grundwyrgen**, отвратительных и кровожадных монстров, которые, по представлениям датчан, произошли от самого Каина. Уже по этому описанию Гренделя можно понять, что люди в ту эпоху жили в постоянном страхе, каждый день ожидая нападения чудовища»¹²⁸.

Но существует и еще более интересное описание Гренделя — его физического облика, его повадок и географии его появлений. Речь идет об эпизоде в поэме, когда Хротгар, король датчан, рассказывает Беовульфу о Гренделе и еще об одном чудовище:

Я слышал — старейшины
мне поведали,
также и люди,
окрест живущие,
что им случалось
видеть воочию
двух на пустоши
воров крадущихся,
существ крошечных,
и будто бы первой —
так им казалось —

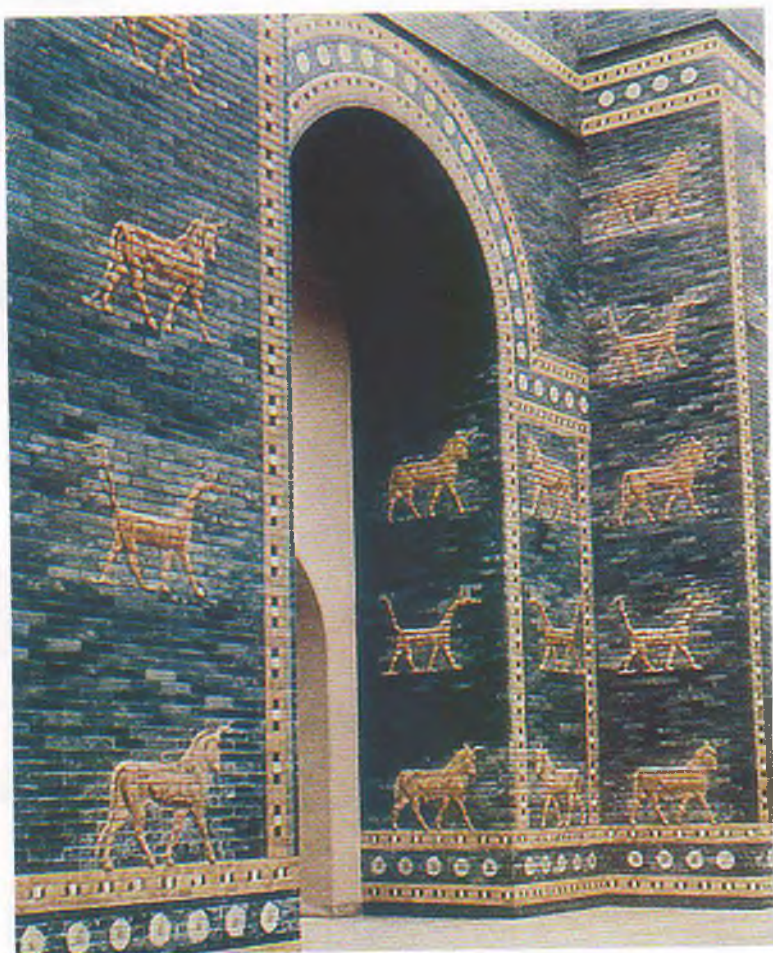

Мухруп, украшающий Ворота Иштар в Вавилоне. 580 г. до н.э.

Сируш, украшающий Ворота Иштар в Вавилоне. 580 г. до н.э.

Ворота Иштар в Вавилоне с изображением фантастических животных. VI в. до н.э.

Св. Георгий. Икона.
Новгород, XIV — начало XV в.

Чудо Георгия о змие. Икона.
Новгород, XV в.

Св. Георгий. Икона. Грузия. Эмаль. XV в.

Г. Моро. Святой Георгий и дракон.
1890 г.

Из жития Св. Георгия.
Роспись запрестольной перегородки. 1236 г.

Святой Георгий, поражающий дракона.
Двусторонняя камея

А. Поинт. Св. Георгий и дракон

Г. ван Арчен. Святой Георгий,
убивающий дракона

Витале да Болонья. Битва Св. Георгия
с драконом. Около 1350 г.

Масо ди Банко. Чудо с драконом папы Сильвестра Слятого. Около 1340 г.

А. Беклин. Анжслика и дракон.
1873 г.

Св. Михаил и ангелы побеждают дракона.
Фламандская миниатюра

Скифская пектораль. IV в. до н.э.

Гривна. Сарматская культура. IV в. до н.э.

Битва драконов и льва.
Поясная пластина из могильника Сидоровка 1

Змей и волк. Поясная пластина.
Сакская культура. VI—V вв. до н.э.

Поясная застёжка.
III—II вв. до н.э.

Наконечник гривны.
Сармато-гуннская культура. IV—V вв.

Драконы перед деревом жизни. Поясная пластина. Сакская культура. V—IV вв. до н.э.

Накладная бляха с изображением дракона.
Великий Новгород. Начало XIV в.

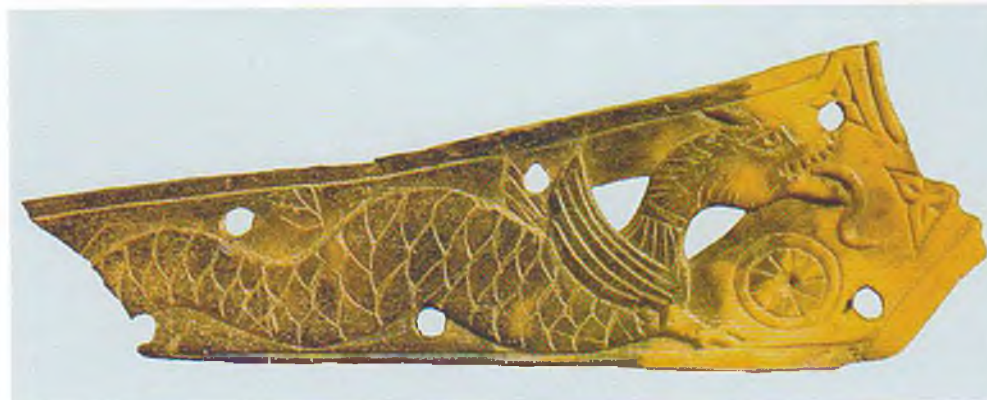

Накладная бляха с изображением дракона.
Великий Новгород. Конец XIII в.

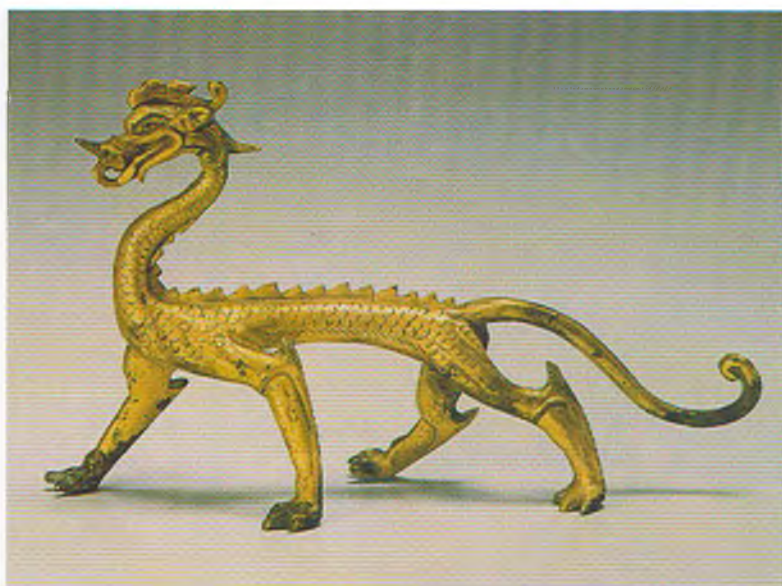
Накладная бляха с изображением дракона.
Великий Новгород. XIII в.

Рукоять ковша в виде головы дракона.
Великий Новгород. Конец XIII в.

Накладная пластина с изображением дракона. Великий Новгород. Вторая половина XIV в.

Дракон. Династия Тан (618—906)

Дракон. Династия Тан (618—906)

Повседневное платье императора с изображением драконов.
Династия Цин (1644—1911)

Вышитое платье из газа. Маньчжурия. Династия Цин

Вышивка с изображением дракона. Династия Цин

Вышивка шеком на одежде знатного чиновника. XVIII в.

Парадное платье императора. XVIII в.

Дракон, играющий с жемчужиной. Вышитый гобелен. XVIII в.

Отличительный знак министра или князя. Фрагмент. Династия Мин. XIV—XVII вв.

Нефритовая пряжка для ремня
с изображением дракона. 431 г.

Храмовая фарфоровая ваза
с изображением драконов
среди облаков. 1351 г.

Императорская печать с изображением
дракона и жемчужины. Династия Мин. XIV в.

Ритуальный нефритовый диск би.
Династия Хань. III в. до н.э. — III в. н.э.

Нефритовое кольцо хуань в форме
свернувшегося дракона. 20—220 гг.

Орнаментальный нефритовый круг с изображением дракона и птицы.
Династия Хань, III в. до н.э. — III в. н.э.

Фарфоровая ваза с изображением
двух драконов и морской пучины.
Вторая половина XVII — начало XVIII вв.

Керамический сосуд со свернувшимся драконом
и фигурной крышкой.
XII—XIII вв.

тварь выступала
в облики женском,
а следом — поганый
шел отверженец
тропой изгнанников,
муж, что огромней
любого смертного, —
народ издревле
нарек его Гренделем, —
но кем зачат он,
и чьи они чада,
и кто был их предком
из темных духов,
и где их жилище —
люди не знают...¹²⁹

161

«Ключевые слова в исходном тексте, а именно те, из которых мы черпаем информацию о внешнем облике Гренделя, — это **idese onlicnes** (о существе женского пола) и **weres waestmum** (о существе мужского пола). Датчане, видевшие этих чудищ, полагали, что самка была старше по возрасту, чем самец, и считали ее матерью Гренделя. Может, они и были правы. Но для нас важно другое, а именно: самка имела вид женщины (**idese onlicnes**), а самец, хоть и был он “весь скрюченный” — вид мужчины (**weres waestmum**). Иными словами, оба чудища ходили на задних конечностях и ростом значительно превосходили людей!

Поэт здесь, видимо, намеренно невнятен, чтобы подчеркнуть ужас и таинственность ситуации, однако позднее он позволит нам несколько подробнее рассмотреть две детали: сначала лапу монстра, вырванную у того из сустава Беовульфом при их безоружном поединке во тьме пиршественного зала, а затем — и голову, которую Беовульф отрезает и приносит в качестве трофея после убийства матери Гренделя в подводном логове.

Дополнительные сведения о внешности Гренделя сообщает нам эпизод, когда Грендель — в последний, как выяснилось, раз — напал на датчан. В живописных деталях повествуется о том, как Беовульф нанес чудовищу смертельную рану, схватив, а затем выворотил ему руку¹³⁰. Далее в поэме говорится:

Неисцелимая
в плече нечистого
кровоточащая
зияла язва —
сустав разъялся,
лопнули жилы...¹³¹

«В течение двенадцати лет датчане пытались уничтожить Гренделя традиционным оружием — ножами, мечами, стрелами и тому подобным. Но шкура его была непробиваема, и чудище безнаказанно нападало на людей. Бео-

вульф обдумал все это и решил, что единственный способ избавиться от монстра — схватиться с ним врукопашную. Передние конечности чудовища, которые саксы называли eotm's (руки) и которые выглядят как "когтистые лапы", были малы и сравнительно слабы. Этим уязвимым местом и воспользовался Беовульф. Он и прежде прославился мощной хваткой, и теперь использовал это качество для того, чтобы в буквальном смысле вырвать одну из конечностей Гренделя.

162

Однако в 2079 строке поэмы Грендель описывается как **muthbona**, т.е. тот, кто убивает с помощью челюстей; а скорость, с которой пожирал свою добычу (людей), многое говорит нам о размере его пасти и зубов (сказано, что он проглотил тело одной из своих жертв "огромными кусками"). Как ни странно, именно размер пасти Гренделя помог Беовульфу исполнить его тщательно продуманный план: он крепко прижался к груди чудовища, как раз между конечностями, на которые должен был прийти удар, и головой снизу сдавил челюсти монстра, укрывшись таким образом от его смертоносных зубов.

Далее сказано, что, когда Беовульф сжал лапы чудовища (а нам следует помнить, что Грендель был всего-навсего "подростком", а не взрослой особью своего вида), потрясенный зверь, вместо того чтобы наброситься на человека, попытался вырваться. Он инстинктивно почуял смертельную опасность и стремился избавиться от хватки того, кто применил столь неожиданный прием и причинил ему столь пугающую боль.

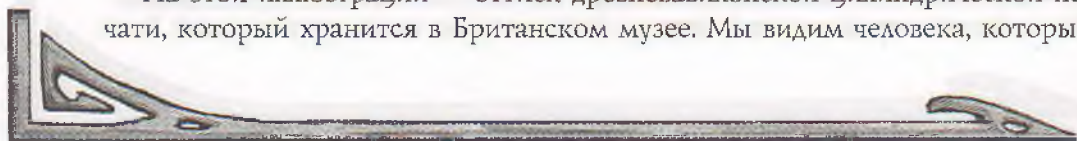
Но именно попытка вырваться сделала Гренделя уязвимым. Беовульф, как наглядно показано в поэме, в ходе борьбы вывернул и оторвал лапу чудовища. Терзаемый ужасной болью, Грендель вернулся в свое логово и умер от потери крови»¹³².

...пока старейшины
дивились жуткой
руке чудовища,
что под стропилами
герой подвесил, —
на каждом пальце
огромной лапы
воителя адского
железный был коготь,
острое жало
мечеподобное...¹³³

«Но действительно ли метод, каким Беовульф умертвил Гренделя, не был прежде известен истории? Не сохранилось ли в летописях описаний подобных случаев? Судя по всему, они есть, и пример тому — рисунок.

Действительно ли способ, каким Беовульф смертельно ранил Гренделя, никогда прежде не применялся, или же это была старая, испытанная стратегия?

На этой иллюстрации — оттиск древневавилонской цилиндрической печати, который хранится в Британском музее. Мы видим человека, который

Оттиск древневавилонской
цилиндрической печати,
который хранится
в Британском музее.

Источник:

Купер Б. «После потоп». *Ранняя история Европы»*

163

собирается оторвать переднюю конечность у двуногого монстра, изображение которого, хотя и стилизованное, вполне соответствует описанию Гренделя и очень напоминает вавилонского Сирруша. Потому мы можем смело допустить, что способ, каким Беовульф расправился с Гренделем, не был абсолютно неизвестен древнему миру. Да и сам Грендель, как явствует из следующего рисунка, тоже не был древнему миру незнаком.

Перед нашим взором открывается поистине замечательная картина. Камень, на котором высечены изображения этих странных животных, сохранился в церкви Св. Марии и Хардульфа в Бридон-он-зе-Хилл, Лестершир. Прежде эта церковь принадлежала англосаксонскому королевскому дому Мерсия. Сам камень — всего лишь часть большого фриза, на котором изображены разнообразные птицы и люди, все легко узнаваемые. Но откуда взялись эти странные звери? Они не похожи ни на один из видов животных, обитающих в современной Англии, но в то же время изображены так же живо и достоверно, как остальные существа.

Мы видим длинношеих четвероногих зверей, один из которых, справа, кусает (или ласкает?) другого. А в центральной части сцены некое двуногое существо нападает на одно из четвероногих. Оно стоит на двух больших задних ногах; передние конечности у него гораздо короче, а на спине — подобие бро-

Саксонская резьба
по камню — двуногий
хищник нападает на стаю
длинношеих четвероногих.

Обратите внимание
на длинные ноги и хилые
передние конечности
хищника.

Источник:

Купер Б. «После потоп». *Ранняя история Европы»*

ни. Его жертва, судя по всему, пытается обороняться, но ноги у нее подогнулись от страха.

Никак нельзя предположить, что данная картина — карикатурное изображение обычных видов животных, обитающих (в наши дни) на Британских островах, поскольку среди современных местных видов не наблюдается ни длинношеих, ни двуногих. Так как же нам относиться к этому изображению? Есть ли в летописи окаменелостей хищник с мощными задними конечностями и относительно слабыми передними? Да, есть; и даже несколько видов. Но как бы мог знать о подобных существах саксонский художник, если бы никогда их не видел? Не изображено ли случайно на этом камне существо, известное саксам и датчанам под именем Грендель? Если учитывать описания, которые мы находим в “Беовульфе”, то положительный ответ напрашивается сам собой,

Что касается излюбленных мест и привычек Гренделя, то “Беовульф” сообщает нам, что охотился он в одиночку; перепуганные жители, которые время от времени наблюдали, как он крадется в лунном свете, среди окутанных туманом болот, называли его *atol angengea* — “одиночка, наводящий ужас”. Он был *mearcstapa* (букв. “ходок по болотам”), или, в экспрессивном переводе Александра, “обитатель моховых топей”. По ночам он выходил на охоту, приближался к человеческому жилью и выжидал во тьме, пока добыча уснет, чтобы наброситься на нее; потому его называли *sceadugenda* (букв. “ночной бродяга”, “ночная тень”). Бесшумно скользя по заброшенным, безлюдным болотным тропам, он внезапно появлялся из крошечной тьмы как “призрак смерти”. У датчан были даже специальные наблюдатели, *eotanweard* (“страж чудищ”), которые должны были стоять в дозоре и предупреждать людей о появлении монстра — но чаще всего их усилия оказывались тщетными. Грендель появлялся из темноты настолько бесшумно, что зачастую сам *eotanweard* становился его добычей. Одной памятной ночью Грендель уничтожил не менее тридцати датских воинов! Немудрено, что расправившегося с ним Беовульфа так щедро наградили и так прославляли.

Теперь вернемся к матери Гренделя. То, что это была самка, а Грендель был ее детенышем, было очевидно даже для древних датчан¹³⁴.

Характерно, что место жительства Гренделя и его матери — пучина морская.

...Была над сыном
родитель Гренделя —
женочудовище,
жившее в море,
в холодных водах,
в мрачной пучине...¹³⁵

Вот что пишет о Гренделе Питер Дикинсон: «Эти детали, сами по себе недостаточные для доказательства того, что Грендель был молодым драконом, тем не менее подводят именно к такой мысли. И даже фрагмент, который,

казалось бы, мысли этой противоречит — пересказанные Хродтаром свидетельства его людей, видевших Гренделя и его мать, о человекоподобии монстров — вполне ей соответствуют.

При отсутствии опасности драконы, подобно человеку, передвигались на задних лапах — способность, унаследованная ими от предков-динозавров.

А зато основой реального события, на котором, возможно, основан следующий эпизод — описание убийства матери Гренделя, — послужил уже поединок именно с самкой, и реальный драконоборец, видимо, ясно представлял себе разницу между самкой и самцом.

Но, приблизившись к эпизоду с матерью Гренделя, мы оказываемся уже на достаточно твердой почве. Самое же удивительное описание в этом эпизоде посвящено не матери, а водоему, в котором она обитает, где плещутся в водах и греются на отмелях молодые монстры»¹³⁶.

...спешившись, конники
тут же заметили
червоподобных
подводных чудищ,
игравших в зыбях,
лежавших на отмели,
морских драконов
из тех, что часто
в час предрассветный
парусу путь
преграждают в море,
ища поживы;
хлынула нечисть
прочь, злобесная,
едва слышала
звуки рога...¹³⁷

«Нам уже дали понять, что это очень опасное место. Даже преследуемый охотниками олень скорее предпочтет здесь отдать жизнь на берегу, нежели попытается переплыть эти воды.

Воин стреляет в одно из этих водных существ, а его люди острыми крючьями выволакивают сраженного им гада на берег. Существо не походит ни на одно из тех, что им доводилось встречать ранее. Похоже, озеро было достаточно большим для нескольких молодых драконов, без излишней тесноты, приводящей в более перенаселенных водах к пожиранию себе подобных.

У водоема же он надевает кольчугу, берет специальный меч и лишь затем погружается в воду»¹³⁸.

...но прынул прямо
в бурлящие хляби
вождь гаутский —

морские воды
над ним сомкнулись.
Ко дну он канул
(был переходу
дневному равен
путь через бездну),
а там злобесная,
вод владычица,
бурь хозяйка
встретила, лютая,
героя, дерзнувшего
проникнуть сверху
в ее пределы;
и, выпустив когти,
в охапку воина
она схватила,
но был в кольчуге,
в наряде ратном
неуязвим он —
не по зубам ей,
кровоавоубой,
сбруя железная,
сеть нагрудника, —
и потащила
пучин волчица
кольцевладельца
в свой дом подводный,
и зря он пытался,
страха не знающий,
достать врагину,
его влекущую,
мечом ужалить;
морские чудища,
клыками лязгая,
грызли железо¹³⁹.

«Его сразу же атакуют водные монстры, но мать Гренделя схватывает его и утаскивает к своему логову, которое оказывается пещерой с подводным входом. И опять критики были озадачены: Беовульф вдруг оказался способен дышать под водой; но именно такая пещера была, видимо, чрезвычайно удобна для земноводного, однако дышащего воздухом существа, подобного самке-драконе.

В пещере сияет загадочный фосфоресцирующий свет, что можно было ожидать, зная о метаболизме драконов. Беовульф нападает на дракону со своим мечом, нанося ей удары по голове, но не причиняя никакого вреда. Он отбрасывает меч и вступает с нею в рукопашный поединок, но она оказывается слишком сильной... Спасает его кольчуга»¹⁴⁰.

И тут среди россыпей сокровищ в пещере он замечает огромный древний меч, выкованный неким гигантом:

...руны ясные,
возвещавшие,
для кого и кем
этот змееукрашенный
меч был выкован
в те века незапамятные
вместе с череном...¹⁴¹

167

И с помощью этого меча ему удастся отсечь голову драконессе. Он исследует пещеру, обнаруживает там умершего Гренделя и отрезает голову и ему. Под действием крови Гренделя клинок меча тает, подобно ледышке, и от него остается только рукоять.

И тут меч, смоченный
в крови замерзших,
клинок, как ледышка,
в руках стал таять —
то было чудо:
железо плавилось,
подобно льдинам,

... (истаила лезвие,
сожгла железо
кровь ядовитая
врагов человеческих)...¹⁴²

Беовульф прихватывает с собой в качестве трофеев эту рукоять и голову Гренделя и всплывает на поверхность.

Обратим внимание на последний эпизод в пещере драконов. Разве известно еще какое-либо существо, от крови которого мог «растаять» меч богатырский?

О последнем чудовище в «Беовульфе» нам поведал Б. Купер. «Последний монстр, которого собирался уничтожить Беовульф (и сам погиб в этой схватке в 583 г. от Р.Х.) — летающий дракон, обитавший на мысу над морем, в Хронеснесе, на южном побережье Швеции. Саксам (и предположительно датчанам) летающие рептилии как таковые были известны под названием *lyfifloga* (“воздухоплаватели”); но данную конкретную особь из Хронеснесса они называли **widfloga**; дословно — “летающий широко (далеко)”. Интересно, что саксы описывали это существо и как **ligdraca** — “огненного дракона”, длиной (или размахом крыльев?) в пятьдесят футов (15,5 метра) и возрастом около 300 лет. И, что особенно любопытно, название **widfloga** указывает на то, что этот вид рептилий существенно отличается от других своей способностью совершать дальние перелеты.

На рисунке мы видим выпуклый орнамент на щите из могильника в Саттон-Ху (Восточная Англия). Здесь в 1939 году было обнаружено захоронение

в ладье знатного лица, датируемое серединой VII века. Погребение было совершено по языческому обряду, вместе с ценными вещами (мерами, шлемами, кольчугами, кубками, знаменем, музыкальными инструментами), которые могли понадобиться королю в ином мире.

Орнамент на щите изображает летучего дракона со сложенными и прижатыми к бокам крыльями; отчетливо видна также длинная зубастая пасть. Этот щит можно увидеть в Британском музее и в наши дни.

168

Орнамент на древнесаксонском щите из могильника в Саттон-Ху (Восточная Англия) — отдыхающая летучая рептилия. Обратите внимание на сложенные и прижатые к бокам крылья и длинную зубастую пасть.

Источник: Купер В. «После потопа. Ранняя история Европы»

Итак, третьим противником Беовульфа был дракон, поэт сам говорит: он летал, он выдыхал пламя, копил золото, обитал в пещере и кровь его была ядовитой»¹⁴³.

Клад незарытый
стал достоянием
старого змея,
гада голого,
гладкочешуйного,
что над горами
парил во мраке
палящим облаком,
ужас вселяя
в людские души...¹⁴⁴

«Отныне Беовульф — правитель собственной страны, пожилой и уважаемый. Один из его подданных натывается на сокровищницу дракона и покидает оттуда кубок. Дракон, обнаруживший потерю, приходит в ярость и начинает опустошать страну, разоряя селения»¹⁴⁵.

Едва дождавшись
вечерних сумерек,

червь огнекрылый
палящим облаком
взлетел с кургана...

Огонь извергая,
жизнекрушитель
зажег жилища;
пламя взметнулось,
путая жителей...¹⁴⁶

169

«Беовульф ведет выковать себе особый “цельножелезный” щит и отправляется на бой с монстром. С ним идут и его воины, но в сражении ему не помогают. Приблизившись к логову, Беовульф издает боевой клич, и дракон, выдыхая пламя, выползает наружу.

Герой безуспешно обрушивает на его голову град ударов и, несмотря на свой щит, оказывается жестоко обожженным дыханием монстра. Тут на помощь ему приходит один из его воинов, Виглаф. Но деревянный щит Виглафа сразу же сгорает, и он укрывается за щитом Беовульфа. Бой возобновляется, хотя теперь после могучего удара меч Беовульфа разламывается на части и дракон вонзает свои клыки ему в шею»¹⁴⁷.

Тут, с третьего раза,
метнувшись на недруга,
червь огнедышащий,
бич смертных,
поверг на землю
вождя державного —
клыки драконьи
вонзились острые,
ядоточащие
воителю в горло,
и кровь потоком
на грудь излилась!

Однако Виглаф тут же поражает дракона.

...в руке опаленной
клинок сжимая,
удеил не в голову
гаду, но ниже
вонзил оружие,
ужалил в горло
змея зломерзкого —
вошло железо
в плоть огненосную,
сникало пламя,
дыханье драконье;
Беовульф свой охотничий нож
...из ножен выхватил
и острым жалом

вспорот утробу
огневержителя, —
сдохло чудище.

Но Беовульф чувствует, что яд от укуса дракона все глубже проникает в его тело.

170

...набухли раны,
следы драконьих
клыков на шее,
горя, смердели,
и грудь покрылась
глубокими язвами —
яд змеиный
въедался в тело¹⁴⁸.

«Опустившись подле него на колени, Виглав снял с Беовульфа золотой шлем и склонился, чтобы выслушать его волю. Следуя приказу повелителя, он отправился в драконово логово и вскоре вернулся с целой охапкой гривен и украшенных драгоценными камнями мечей. Сложив это добро подле короля, он склонился, чтобы выслушать новые приказания Беовульфа. К тому времени к ним прибазились их спутники. Виглав окинул их презрительным взглядом и промолвил, кивнув на дымящийся труп чудовища: “Бросьте это в море”.

И пришлось его малодушным соратникам, согнувшись в три погибели под тяжестью ноши, ругаясь на чем свет стоит, дотащить окровавленную тушу до обрыва и столкнуть ее вниз. Летя с кручи, дракон извивался, как живой, крылья его хлопали, но взмахи их были бессильны и бесцельны. Но вот он ударился о выступ скалы и рухнул в прибойную волну. Вода в том месте почернела, окрасилась черным и омываемые ею утесы, но вскоре неустанно набегающие на берег волны совершенно смыли ту черноту.

Вернувшись к королю, воины еще застали его живым, но только какие-то мгновения. Беовульф умирал, отравленный драконовым ядом.

Перед смертью он снял с себя королевскую гривну, бывшую у гаутов символом власти, и собственноручно надел ее на Виглава. Затем глаза его закрылись навсегда. Князья почтили память почившего короля так, как приказал им Виглав, следуя воле самого Беовульфа; перенесли тело его к месту сожжения на железном щите, разложили громадный костер, развесив на поленьях принадлежащие погибшему шлемы, щиты и кольчуги. Высоко взметнулось пламя погребального костра, обратив тело витязя в пепел.

Следуя предсмертной воле короля, народ сложил подле бывшего драконова обиталища еще один каменный курган, такой высокий, что он издали был виден попадавшим в те края мореходам. Туда перенесли драконов клад, и остались те сокровища лежать под курганом, столь же драгоценные и бесполезные для людей, как прежде были для змея, так как было сокровище проклято¹⁴⁹.

По этому поводу Питер Дикинсон считает: «...похоже, что здесь мы имеем дело с описанием одного из некогда признанных способов убийства дракона,

хотя события тут пошли не совсем так, как задумывалось. Критиков озадачивает стремление Беовульфа сразиться с драконом один на один, хотя позже Виглаф упрекает воинов за неоказание помощи конунгу, находящемуся в смертельной опасности. Однако было бы совершенно бессмысленно являться к логову дракона с целой толпой воинов — дракон никогда не выйдет к толпе. Его нужно было выманить наружу с помощью человека, оснащенного специальными средствами защиты. Отсюда железный щит и боевой клич. Затем дракона следовало атаковать с фланга, сделав это до того, как он выйдет из пещеры настолько, что сумеет взлететь.

171

Когда поэт описывает монстров, в особенности последнего из них: огнедышащего драка, он делает это с чувством глубокого отвращения и гнева. Иногда он прибегает к христианским понятиям — Грендель и его мать предстают как потомки Каина, враги Бога, вечные изгои. Но преобладающее чувство — саднящей раны. Дракон мерзок, ужасен, чудовищен. Для поэта и его аудитории он вовсе не был вымыслом или поэтической фантазией. В воинах, сидевших в зале и внемлющих барду в зыбких огнях и тенях горящих светильников, при этом просыпалось уже, возможно, забытое ощущение кошмара, некогда пережитого их предками, — ужаса, который некогда был и кровав и реален»¹⁵⁰.

Позволим себе согласиться с мнением Б. Купера: «Чудовища, описанные в “Беовульфе”, выглядят весьма правдоподобно. В них нет ничего сверхъестественного, кроме силы; они уязвимы и смертны. В раннем Средневековье читатели воспринимали чудовищ именно как чудовищ, а не как символы чумы и войны, поскольку эти существа, вне сомнения, совершенно реальны»¹⁵¹.

Британские острова — не единственное место, где имеются письменные свидетельства о подобных случаях встреч с драконами. Их можно найти практически в любой части мира.

Кристофер Шорер, префект кантона Солотурн, писал, что в 1619 г. неподалеку от Люцерна в Швейцарии был замечен крылатый дракон «торной разновидности», а в 1654 г. с драконом повстречался охотник, причем дракон тут же уполз, шелестя чешуей, в свое горное логово.

«Драконов над горой Пилатусом, что около Люцерна, наблюдали вплоть до XVIII в. В 1421 г. на горе совершило неудачную посадку крылатое чудовище из отряда Драко Алатус Литогонус. Его кровь попала на камни, и здесь стали находить дракониты, более известные под именем карбункулюсов, камни, способные лечить не только тело, но и душу. Они помогали больным чумой, сращивали кости, избавляли от геморроя и ревматизма, сводили синяки и шишки.

В 1649 г. священник из Люцерна описал увиденного дракона, которого специалисты квалифицировали как Драко Воланс Сцинтиллас Спаргенс, то есть как летающего и огнедышащего.

Я вдруг увидел дракона, вылезавшего из пещеры. Он быстро замахал крыльями, оторвался от земли и полетел к убежищу на другой стороне Пилатуса, — писал священник. — Дракон был гигантских размеров, с длинным хвостом, толстой шеей, змеиной пастью. На лету он брызгал огненной сажей. Сначала я думал, что это метеор, но, приглядевшись, рассмотрел конечности. Вне всякого сомнения, то, что я видел, было драконом»¹⁵².

Иезуит Афанасий Кирхер (XVII в.) полагал, что земля, как сыр, пронизана дырами. Там, во многочисленных пещерах, затаились всевозможные монстры — герои греческих, римских и библейских легенд. Среди них особое место занимают драконы. Выйдя на поверхность из своей пещеры (недаром в мире столько Драконовых пещер и Драконьих нор!), они не всегда могли найти дорогу обратно и блуждали по свету, становясь жертвами благородных рыцарей.

До того как в XI в. была построена крепость, на горе Драхенфельс в Германии жил дракон, питавшийся исключительно молодыми женщинами.

В коллекции итальянского натуралиста Улисса Альдрованти имелся линдворм, убитый в окрестностях Бонна в 1572 г.

А натуралист Эдвард Топсела писал в 1603 г., что Санктогарин опустошает дракон, чьи полеты над городом приводят к возникновению пожаров; нейденбургский же дракон отравляет колодцы, купаясь в них.

Германская мифология также хранит сведения о драконах. Так, тевтонский миф повествует, что Черный червь собрал много золота, и, чтобы защитить его, улегся кольцом вокруг него. Но червь не был достаточно длинным, чтобы полностью замкнуть круг вокруг золота, и пока червь спал, некий человек заметил это и, пробравшись к сокровищу, набил золотом все свои карманы. Но был он слишком жаден, чтобы довольствоваться тем, что уже взял, и позвал свою жену, чтобы унести еще больше золота. Этот крик разбудил дракона, и он, проснувшись, заревел. Люди в панике побросали золото и убежали. Черный червь вместе со своим золотом погрузился в землю, чтоб никто его больше не тревожил.

«Родина выдающегося памятника немецкого героического эпоса “Кудруна” — побережье Балтийского моря (остров Рюгеи и Померания). Как литературное произведение поэма “Кудруна” дошла до нас в списке XVI века, воспроизводящем поэтический текст XIII века. Считается, что поэма написана в Австрии неизвестным автором в 1230—1240 годах. Один из центральных героев этого эпоса — Хаген, внук ирландского короля Гера. Однажды во время праздника происходит трагедия: пока все слушают певца, гриффин уносит маленького Хагена и приносит его на остров. Мальчик убегает от него и встречается трех принцесс, также похищенных гриффином. Найдя оружие на потерпевшем крушение корабле, Хаген убивает гриффинов. Затем он убивает дракона и пьет его кровь, что дает ему мудрость и силу»¹⁵³.

Были, впрочем, и счастливые исключения, как утверждает Ю. Борзов в статье «*Старший брат человека*»: «Город Гейдельберг — свидетельство того, что с драконами вполне можно было поладить. Жители города искали и собирали яйца драконов по берегам реки Неккар. Из них выводили ручных дракончиков, которые охраняли дома как сторожевые собаки. Немалую пользу приносили драконы и внутри дома — они разжигали огонь, аккуратно пыхая на дрова; во времена отсутствия спичек умение более чем ценное. Гейдельбергерцы склонялись к разведению драконов скромных размеров, так как карликовые драконы не занимали много места, да и прокормить их было ненакладно. Почти у каждого жителя славного города Гейдельберга был свой дракон. Кузнецу он помогал раздувать горн, рыбаку — ловить рыбу, фермеру — пасти скот. У самочек не было крыльев, зато они прекрасно плавали, а самцы могли взмывать высоко в небо. Все драконы были невероятно умными, и некоторые могли говорить на языке людей. Местные алхимики, философы и врачи часами вели с ними философские беседы».

173

Вот еще одна запись того времени. Она сделана агентом Английской торговой компании Джеромом Горсеем. В 1589 г. он в очередной раз ехал в Россию и в Польше стал свидетелем невероятного: «Я выехал из Варшавы вечером, переехал через реку, где на берегу лежал ядовитый мертвый крокодил, которому мои люди разорвали брюхо копьями. При этом распространилось такое зловоние, что я был им отравлен и пролежал больной в ближайшей деревне, где встретил такое сочувствие и христианскую помощь, что чудесно поправился»¹⁵⁴.

Кракус (Cracus), позже назвавший в свою честь город Краков (Cracow), убил огромного дракона, обитавшего в упомянутой выше скале. Убил он его, поскольку этот прожорливый монстр выходил из своей пещеры и умерщвлял многих своим ядовитым дыханием, столь же смрадным, как дыхание чумы. И, блуждая по городам и землям, он пожирает всякого, кому довелось с ним встретиться. Потому жители, чтобы избежать подобных нападений, решили ежедневно приводить чудовищу ко входу в его пещеру по три головы крупного рогатого скота.

Тогда Кракус, сжалившийся над несчастными жителями своих городов, дал указание набить шкуру свежезабитой телки селитрой, смолой, серой и тому подобными веществами, после чего приказал разместить такую приманку у входа в пещеру. И голодный монстр, выползши из логова и приняв приманку за настоящую корову, пожрал ее. Тогда вещества, в особенности сера, загоре-

лись в нутре его и вызвали у него такую жажду, что чудовище покинуло пещеру и поспешило к Висле, где выпило так много воды, что чрево его лопнуло и оно издохло.

Улисс Алдровандус. «История Змеев и Драконов»

174

Адам Бременский в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» так описывает северные острова:

«Кроме того, нам говорили, что в означенном море есть еще много других островов, среди которых и крупный остров Эстланд¹⁵⁵, не уступающий по величине предыдущему. Его жители совершенно не знакомы с Богом христиан, они поклоняются крылатым драконам, которым даже приносят в жертву живых людей, приобретая их у купцов; да проверяют весьма тщательно, чтобы на теле у жертвы не было ни единого пятнышка, а иначе, по их словам, драконы ее отвергнут».

Мифологический bestiарий описывает множество прибалтийских драконов.

«Литовского **Вижунаса** трудно заподозрить в мягкосердечии. Но он справедлив. Когда человек умирает, душа его должна явиться на божеский суд — чтобы предстать на этот суд, душе нужно вскарабкаться на высокую-высокую гору Анафиелас, причем не налегке — приходится тащить на себе весь груз богатства, какое было у человека. Если богач был добрым и помогал дру-

Барельеф из города Гент.
Фландрия (современная Бельгия)

гим людям, то души этих людей ему помогают в восхождении на Анафиелас. Но если человек был скуп, ему гору никак не осилить. Тогда Вижунас-дракон отнимает у злой души все богатства, и ветры уносят ее в ад. 🐉

Другой литовский дракон — **Айтварас** — в виде огненного змея, дракона (иногда черной вороны или кошки), приносит людям богатство, особенно деньги, молоко, мед; излюбленное занятие Айтвараса — заплетать лошадям гриву, насылать людям кошмары. По поверьям, Айтвараса можно купить, за чью-то душу получить от дьявола или вывести из яйца от семилетнего петуха (иногда сам Айтварас представляется в виде петуха, извергающего зерно). Айтвараса можно с большим трудом выгнать или даже убить: убийство Айтвараса вызывает пожар. Упоминается уже у Мажвидаса в XVI веке. Типологически близок к славянскому Огненному Змею (ср. особенно Pjenjezny Zmij, “денежный змей” у лужицких сербов). Само название “Айтварас” обычно сопоставляют с литовским *vaugti*, “гнать”; согласно другому объяснению, оно восходит к иранскому *pati-vaga*, как и польское *roczwaga*, “злой дух, кошмар”. 🐉

Пуке, Пукис (жен. род — Пукиене), в латышской мифологии летучий дух, дракон. Упомянут Пуке Эйнгорном (нач. XVII в.). В народных сказках — огнедышащий многоголовый змей, противник героя, обитающий в воде или возле воды. В поверьях латышей Пуке — дух, приносящий в дом богатства (похоже на литовского Айтвараса); хозяева хуторов покупают или закупают его, продав собственную душу и души близких черту. Пуке крадет по ночам у соседей деньги и съестные припасы, переносит их по воздуху хозяину в своем хвосте-мешке, сам принимает вид летящего пламени. Обитает в хозяйственных пристройках»¹⁵⁶.

В своей «Естественной истории» Плиний Старший сообщает, что в правление императора Клавдия (умер в 54 г. н.э.) подле Ватиканского холма был убит дракон, в чреве которого обнаружили ребенка. Столетия спустя, в 1660 г., немец Афанасий Кирхер осмотрел тушу убитого недалеко от города дракона, особо отметив необычное, как бы сетчатое строение лап зверя.

Снова обратимся к свидетельствам Б. Купера. «Например, английский первопечатник Уильям Кэкстон сохранил для нас следующее воспоминание о гигантской рептилии, встреченной в средневековой Италии: “В великой реке [имеется в виду итальянская река По] был найден морской монстр вот какого вида или подобия: он имел форму, или строение, как у рыбы, то есть состоял словно из двух половинок. У него была изрядная борода и два чудесных огромных рога над ушами. Имел он также большие соски и ужасный громадный рот. И на обоих локтях у него были крылья, весьма широкие, и еще были огромные рыбы-плавники, посредством каковых он плавал; а над водой виднелась одна только его голова. Случалось так, что многие женщины стирали и полоскали белье в порту или гавани упомянутой реки, [где] обитало это отвра-

тительное, наводящее страх чудище, [которое] из-за недостатка или нехватки мяса подплывало к вышеозначенным женщинам. И, схватив одну из них за руку, чудище пыталось утащить ее в воду.

Но она оказалась сильной, и заранее знала о монстре, и сопротивлялась ему. И, защищаясь, она громким голосом стала кричать: “На помощь, на помощь!” И на крик ее прибежали пять женщин, и принялись бросать в чудище камни, и убивать, и умертвлять его, ибо оно подплывало слишком близко к ним и не могло вернуться на глубину. И потом, когда к чудовищу вернулось дыхание, оно издало краткий крик. Оно было тучным, тучней любого человека. И все же, говорит Подже [Поджий Братчиолини из Флоренции], будучи в Ферраре, он видел упомянутого монстра, и говорит, что прежде дети часто купались и мылись в означенной реке, но больше они не делают этого. И по той же причине женщины больше не стирают белье в том порту, ибо люди думают и полагают, что чудовище утаскивало на глубину детей и убивало их”.

Кэкстон также оставил нам рассказ о “змее”, который перепугал корову и оставил синяки у нее на теле. В книге Кэкстона имеются одна или две иллюстрации, гравюры на дереве, где изображены эти змеи — двуногие чешуйчатые рептилии с огромными пастями: “...среди болот Италии, на одной поляне, жил змей поразительной величины, ужасный и омерзительный. Во-первых, голова у него была больше, нежели у теленка; во-вторых, шея его была длинной, как у осла, а туловище его было устроено наподобие собачьего. А хвост его был удивительно огромен, толст и долог, не сравним ни с каким другим. Корова... [увидев] такого ужасного зверя, перепугалась, вскочила и побежала прочь. Но змей своим удивительно длинным хвостом обвил ее задние ноги. И затем этот змей принялся сосать коровье вымя, и сосал он его так долго, что добыл молоко. И когда корова смогла вырваться от него, она убежала к другим коровам. А соски ее, и ее задние ноги, и все, чего касался змей, все почернело и оставалось черным еще долгое-долгое время”.

Павел Диякон в “Истории Лангобардов” пишет: “Во время того наводнения воды реки Тибра в Риме также поднялись выше стен города и залили в нем большую часть кварталов. Тогда же появился в русле реки дракон удивительной величины, сопровождаемый множеством змей, который и уплыл в море. Вскоре за этим наводнением последовала тяжкая моровая язва, которую называют *inguinagia*. Она произвела в народе такое опустошение, что из бесчисленного множества остались в живых лишь немногие. Первым она поразила достопочтенного папу Пелагия, и как только прибрала его, распространилась по остальному населению”¹⁵⁷.

Дж. Р.Р. Толкин, пересказывая «Путешествие сэра Джона Мандевиля», рассказывает о следующем. «Говорят, что на острове Ланто до сих пор живет дочь Гиппократа в обличье большого дракона. И как утверждают некоторые, ибо я сам ее не видел, длиной она в сто морских сажений. Те, кто живет на острове, называют ее Госпожою страны.

Она прячется в пещере старого замка и показывается только два или три раза в год, вреда никому не причиняет, если ее не тревожат. Она была закол-

дована и превращена из прекрасной девушки в дракона одной богиней по имени Диана, и останется в таком виде до тех пор, пока не найдется рыцарь столь храбрый, что осмелится поцеловать ее в губы. Но, превратившись снова в женщину, она не проживет долго. Не так давно один рыцарь из Родосской крепости из числа родосских госпитальеров, толковый и храбрый, сказал, что он пойдет и поцелует дракона. Он отправился по широкой дороге, добрался до замка и вошел в пещеру. Тут дракон проснулся и приподнял голову, чтобы рассмотреть пришедшего. Но когда лошадь увидела страшное лицо, она перепугалась, вскочила на вершину высокой скалы и бросилась вместе с всадником в море. Вот так погиб этот рыцарь. Как-то раз один молодой человек, который ничего не знал об этом драконе, сошел с корабля на остров и добрался до самого замка. Он проник в пещеру и спускался в нее до тех пор, пока не обнаружил там комнату, в которой сидела прекрасная девушка, окруженная множеством сокровищ. Она причесывалась перед зеркалом. Юноша решил, что перед ним женщина доступная и в этой комнате она принимает своих дружков. Вышло так, что девушка увидела его отражение в зеркале и, повернувшись к нему, спросила, чего он хочет. Он ответил, что желает быть ее другом. Она спросила, рыцарь ли он, и он ответил, что нет. «Тогда вы не можете быть моим другом, — сказала она. — Но отправляйтесь к своим сотоварищам и становитесь рыцарем. А на завтра, как только наступит рассвет, приходите сюда и поцелуйте меня в губы, ничего не бойтесь, ибо я не причиню вам вреда, хотя мой вид покажется вам страш-

Дочь Ипокразия (Гиппократ), превратившаяся в дракона.
Миниатюра из «Путешествия сэра Джона Мандевилля».
Париж, Национальная библиотека Франции

ным. Это из-за колдовства, ибо я такова, какой вы видите меня сейчас. И если вы поцелуете меня, то получите все эти сокровища и станете моим мужем и правителем этого острова". Он ушел оттуда, отправился к своим спутникам на корабль и попросил у них посвящения в рыцари. На следующее утро он вернулся к девушке, чтобы поцеловать ее. Но, увидев ее в глубине пещеры в столь ужасном обличье, он очень испугался и бросился к своему кораблю. Она последовала за ним. Рыцарь от страха даже не оглянулся, и дракон горько заплакал и побрел назад, к себе в пещеру. В тот же день юноша скончался. И с тех пор ни один рыцарь не мог увидеть ее без того, чтобы не умереть тотчас. Но если придет тот, у кого хватит храбрости подойти и поцеловать ее, он не умрет, наоборот, девушка примет свой истинный облик, а он станет правителем страны. После этого я отправился на остров Родос, которым владеют и управляют госпитальеры, а они некогда отобрали его у императора. Раньше этот остров назывался Колоссом, и многие правители-турки называют его так и по сию пору. Святой Павел обращался к живущим на этом острове с посланием "К колоссянам". Этот остров находится в восьми лье пути по морю от Константинополя»¹⁵⁸.

Драконы не обошли стороной и Францию.

В Провансе весь XIII в. в реке Рона обитал дракон по прозвищу Драк. В его честь был назван город Драгиньян, хотя в гораздо большей степени страдал от него Бокер. В Европе есть и другие города, названные в честь этого дракона: Drakeford, Drakeshill. 🐉

Но, безусловно, самым известным французским драконом был Тараск из Тараскона.

На реке Рона, в лесной чаще, расположенной между городами Арлем и Авиньоном, обитал некий дракон — наполовину зверь, наполовину рыба, толщиной превосходивший быка, длиной — лошадь. Его зубы походили на лезвие меча, заточенного с двух сторон, и были острыми, словно рога. С каждого бока он был вооружен двойными круглыми щитами. Он прятался в реке и убивал всех, следующих мимо, а корабли топил. Прибыл он из моря Галатского в Азии и был порождением Левиафана, свирепого водяного змея, и животного под названием онагр, что водится в галатской земле и преследователей поражает на расстоянии югера своим жалом или пометом, а все, до чего оно дотрагивается, выжигается, словно от огня. Марта по просьбам людей отправилась к нему и обнаружила дракона, который поедал человека, в лесной чаще. Она окропила его святой водой, осенила крестным знамением и показала ему распятие.

Побежденный, он сделался кротким, словно овца, а святая Марта связала его своим поясом, после чего люди забили его копьями и камнями. Жители называли дракона Тараскон, отсюда и место это стало прозываться Тараскона, а прежде оно называлось Нерлук, то есть Черное Озеро, потому что чаща там была темная и тенистая.

*Яков Воразинский. «Золотая легенда»,
глава «О святой Марте»*

179

«Сам город впервые упомянут в древней рукописи, повествующей о жизни святой Марты. Она пришла на берега Роны из города Сан-Мари-де-ла-Мер проповедовать слово Божие. А в те времена на этих берегах обитало чудовище — полурыба-полузверь, которое скрывалось то в густых зарослях деревьев, то в зеленоватой воде — и пожирало всякого, кто неосторожно приближался к нему, будь то человек или зверь.

Бедные местные жители выяснили, что если Тараск сожрет за один присест восьмерых человек, то в течение последующих полугода он совершенно безопасен. И установили очередность на выплату этого кошмарного оброка.

Много смельчаков, в том числе первейших в округе силачей, пытались истребить зловредного Тараска, но все они сложили свои головы в неравной борьбе. Совсем угасшая была надежда избавиться от этой напасти возродилась, однако же, когда к пристани Нерлука причалила свою лодку хрупкая, одетая в белое полотняное платье девушка.

Звали ее святая Марта. Задолго до ее прибытия прослышали жители многострадального Нерлука о свершенных ею в соседнем Арле добрых делах и простых, от сердца идущих проповедях, и, едва святая вступила в город, к ней тут же кинулось множество просителей, умолявших ее избавить округу от ужасного Тараска.

Марта бесстрашно отправилась одна в давно покинутые людьми поля за городской стеной, откуда поднимался столб дыма и слышалось блеянье перепуганных овец. Достигнув некогда зеленой, а теперь выжженной луговины разглядела она сквозь все еще курящийся дым чудовище, которое как раз заканчивало заглатывать, урча от удовольствия, убитую им овцу. Покончив с этим делом, Тараск повернулся к девушке, она же подняла с земли две обгорелые соломинки и, сложив из них крест, двинулась прямо на свирепого зверя, держа перед собой этот хрупкий символ своей веры.

Когда она приблизилась, дракон вдруг издал тяжкий вздох и повалился на землю. Горящие глаза его потухли. Марта же отвязала от пояса фиал со святой водой и окропила ею зверя, чтобы закрепить свою победу.

Дракон оцепенел, и юная победительница, наклонившись, отрезала свои длинные косы одним из клыков чудовища, а потом, связав их, сделала поводок, который накинула на шею зверю. Затем она направилась в Нерлук, ведя за собой дракона, который, совершенно присмирив, волочил по земле свой длинный хвост.

Святая Марта и Тараск

Увидев святую деву и покоренное ею чудовище, собравшиеся на главной площади города люди вначале просто глазам своим не поверили, потом их охватил ужас, сменившийся вскоре радостью и торжеством. Заметив, что многие принялись уже подбирать камни, Марта попросила людей пощадить дракона. Но что она могла поделать одна против вставшей в неистовство толпы? Вначале в покорно все сносящего Тараска полетели плевки, потом камни, потом, осмелев, иные из толпы стали бить его кулаками. Дракон втянул голову, подобно черепахе, и опустился на землю. Вскоре он испустил дух, извергнув напоследок небольшое облачко желтоватого дыма.

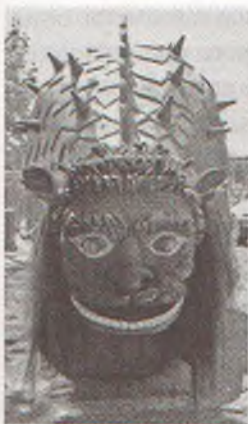
Вскоре после гибели Тараска город Нерлук был торжественно переименован в Тараскон (под этим названием он известен и по сей день). Постановлено было также, что на городской печати впредь будет помещено изображение дракона, чтобы люди помнили, какие тяготы выпали некогда на долю их города. Легенду о святой Марте и Тараске в Тарасконе рассказывает все — скульптуры, выполненные в камне и бронзе, барельефы на церковных дверях, витражи и мозаики, детские рисунки на витринах... Тараск живет и в древнем народном празднике.

“Добрый король Рене” учредил 14 апреля 1474 года орден рыцарей Тараска. Это событие было отпраздновано турниром, играми, театральным представлением и церковной процессией в честь святой Марты. В дальнейшем этот праздник отмечался не в какой-то определенный день года, а когда придется, чаще всего на Вознесение или Благовещение.

Наконец этот праздник приурочили ко дню святой Марты — 29 июля, когда первый урожай винограда уже вызревает, и погода неизменно благоприятствует шествиям. Тараск идет по городу — смиренный, уверовавший в силу креста Господня, он добродушно мота-

Герб города Тараскон

Каждый год в последнее воскресенье июня жители Тараскона проводят фестиваль Тараска

ет своей огромной головой и виляет не менее внушительным хвостиком. А приводят в движение эту изготовленную из папье-маше на металлическом каркасе машину восемь молодых людей, находящихся внутри чучела. Именно восемь — в память об аппетитах Тараска. И называются эти люди тараскирами»¹⁵⁹.

В народе рассказывают, что драконы, приняв человеческий облик, расхаживают по рынкам, не будучи узнаваемыми. Утверждают, что они обитают в подводных пещерах, расположенных на реках, и в образе золотого колечка или золотой чаши, плавающих по воде, привлекают к себе женщин или купающихся детей, которые, желая схватить предмет, устремлялись вслед за ним; драконы внезапно набрасывались на них и тащили под воду. Говорят, что чаще всего это происходит с кормящими матерями, которых драконы похищают, чтобы взрастить своего несчастного отпрыска, и некоторые из них по прошествии семи лет возвращались с подарками в наш мир. Они рассказывали, что вместе с драконами и их женами жили в просторных дворцах в пещерах и у берегов рек. Мы сами встретили одну такую женщину. Как-то раз она вышла на берег Роны стирать пеленки и увидела, что мимо нее плывет деревянная чаша; решив подхватить оную, она зашла поглубже и тут была схвачена драконом, который увлек ее под воду и сделал кормилицей своего дитя. Так вот, через семь лет она возвратилась невредимой, муж и сын едва ее узнали. Она рассказывала удивительные вещи: драконы поедают захваченных людей и принимают человеческий облик. Однажды она готовила для дракона кушанье из мяса угря и пальцы, замазанные в жире, поднесла к лицу, задев ими глаз, отчего стала отчетливо и ясно видеть под водою. Завершив срок своей службы и возвращаясь домой, она повстречала верховного дракона Белликадра и, узнав его, спросила о состоянии госпожи и отпрыска. Дракон спросил. «Каким глазом ты меня увидела?» Она же показала на тот глаз, до которого она дотронулась жирным пальцем. Догадавшись, в чем дело, дракон вонзил женщине в глаз палец, после чего, уже невидимый, отправился в другую сторону.

А еще на реке Роне, у северных ворот города Аряя, у которых расположен дом стражи, есть омут, совсем такой же, как под горой Тарасконой, где во времена святой Марты, сестры Лазаря и Магдалины, оказавшей гостеприимство Христу, прятался, чтобы губить приносимых ему Роной людей, змей Тараск, порождение морского чудовища Левиафана. Утверждают, что в этом бездонном омуте при ночном свете частенько видели драконов в человеческом облике, и прошло не так много лет с тех пор, когда из глубин Роны раздавался голос, который на протяжении трех

дней слышали люди, находившиеся за воротами города. Казалось, будто кто-то бежит по берегу реки и кричит: «Час миновал, а человек не пришел!» И вот когда на третий день, где-то в девятом часу, голос стал совсем походить на человеческий, некоего прибежавшего на берег юношу поглотил омут, и больше этого голоса никто не слышал».

Гервазий Тильсберийский. «Императорские досуги», III, 85¹⁶⁰

183

На острове Св. Маргариты, расположенном у побережья Франции, большую часть Средних веков обитал крупный дракон, которого из-за его свирепости путали даже со знаменитым Тараском. Однако в отличие от Тараска у этого змея имелись крылья.

Интересно, что остров носит имя святой, история которой тоже связана с драконом. Св. Маргарита росла без матери, вдалеке от людей, и, приняв христианство, посвятила себя Богу. Но на красивую набожную девственницу положил глаз управляющий провинции, язычник Олиб. Уговоры ни к чему не привели, и тогда, обозлившись, он бросил Маргариту в тюрьму. Там ее искушал сам дьявол, сначала в обличье красивого юноши, а потом огромного дракона. В темнице на нее напал дракон, который, однако, тут же ретировался, стоило только деве показать ему деревянный крест. В других версиях жития святой говорится, что дракон проглотил-таки ее, однако имевшийся у Маргариты крест стал расти и в конце концов разорвал чрево чудовища, а дева, невредимая, вышла из него. По причине своего чудесного спасения она впоследствии стала святой — покровительницей деторождения.

Но это не спасло ее от смерти, потому что управляющему надоела несговорчивая девушка, и он велел ее обезглавить.

Ле Гофф в книге *«Другое Средневековье»* со ссылкой на Венанция Фортуната пересказывает удивительную историю о св. Марцелле и драконе. Вот эта история. «Одна госпожа, благородная по происхождению, но подлая по репутации, порочающая злым делом сияние своего рождения, окончив свою короткую жизнь, чему рад был свет, отправилась к месту своего погребения, сопровождаемая тщеславной свитой. Едва была она там схоронена, как после погребения случилось происшествие, рассказ о котором наполняет меня ужасом. Вот где о покойной раздастся двойной плач. Дабы пожрать ее труп, исправно стал приходить гигантский змей, а если быть ясным, именно сам дракон стал местом погребения этой женщины, члены которой пожирало чудовище. Таким образом, на этих несчастных похоронах могильщиком был змей, а тело после смерти не могло обрести покоя, ибо, хотя конец жизни предоставил ему место пребывания, наказание предписало ему вечно изменяться. Отвратительная и ужасная судьба! Женщина, которая на этом свете не соблюдала чистоту брака, не заслужила того, чтобы покоиться в могиле, так как змей, вовлекший ее, живую, в преступление, снова терзал ее труп. Тогда члены ее семьи, проживавшие по соседству, услышав шум, прибежали, обгоняя друг друга, и увидели огромное чудовище, которое выходило из моги-

Св. Марцелл и дракон

лы, раскручивая свои кольца, и, висясь по земле своей большой массой, сотрясало воздух своим хвостом. Устрашенные этим зрелищем, люди побросали свои жилища. Узнав про это, святой Марцелл понял, что должен победить кровавого врага. Он собрал население города и пошел во главе, затем, приказав горожанам остановиться, но, оставшись сам на виду у народа, один, ведомый Христом, отправился к месту битвы. Когда змей вышел из леса, чтобы войти в могилу, они встретились. Святой Марцелл принялся молиться, а чудовище, смиренно склонив голову, стало просить о прощении, повиная хвостом. Тогда святой Марцелл ударил его трижды по голове своим посохом, провел епитрахилью вокруг его шеи и явил свою победу на глазах у горожан. Вот таким образом на духовном ристалище, с народом в роли зрителя, он сразился с драконом. Ободренный народ бросился к своему епископу, чтобы увидеть его плененного противника. Тогда с епископом во главе на протяжении почти трех миль все следовали за чудовищем, воздавая хвалу Господу и прославляя поражение врага. Тогда святой Марцелл строго выговорил чудовищу, сказав: "Отныне или оставайся в пустыне, или схоронись в воде". Чудовище вскоре исчезло, и никогда больше не находили его следов.

...Что касается дракона, его природа в той же мере неясна, в какой природа епископа Марцелла кажется определенной. Он трижды назван *bestia* (зверь), что напоминает поединок бестиария, гладиатора, сражающегося со зверями, один раз *belua* (чудовище), что указывает на огромный размер и исключительно дикий нрав животного, четыре раза *serpens* (змей) и один раз *coluber* (червь), что является поэтическим эквивалентом змеи, и только три раза *draco* (дракон). Зато оцениваются некоторые физические особенности чудовища: его величина («змей преогромный» — *serpens immanissimus*, «огромное чу-

довище» — *igentem beluam*, «гигантский исполин» — *vasta mole*) и три части его тела: его извилистые изгибы (*sinuosis anfractibus*) между обеими четко индивидуализированными оконечностями: головой и хвостом, сначала поднятыми и угрожающими, затем опущенными и покорными (*cauda flagellante, capite supplici, blandiente cauda*). Рассказчик даже останавливается на одной определенной точке тела чудовища — темени, так как именно в этом месте проявляется сила чудесной дрессуры: святой укротитель, трижды ударив зверя по голове своим посохом, покоряет животное, проведя своей епитрахилью вокруг темени (*missa in service serpentis oratio*). Знаменательные детали, поскольку они определяют символизм животного, геральдику его тела и заодно обряд и церемонию укрощения»¹⁶¹.

«Вуйвр, в низшей мифологии французов огненный змей со сверкающим камнем во лбу, хранитель поземных сокровищ. Считалось, что его можно увидеть летящим по небу летними ночами. Обиталища вуйвра — заброшенные замки, донжоны и тому подобные места; его изображения часты в скульптурных композициях романских памятников. Почитался в ряде районов Франции.

Кодриллы, в низшей мифологии центральных районов Франции таинственные и опасные для человека летающие змеи, никогда не показывающиеся людям. По поверью, положенная под первое мая в навоз ветка терновника должна была предохранить от отложенных там кодриллами яиц»¹⁶².

«Шаркань, у венгров дракон со змеевидным телом и крыльями. Можно разграничить два слоя представлений о шаркане. Один из них, связанный с европейской традицией, представлен преимущественно в сказках, где шаркань — свирепое чудовище с большим количеством (три, семь, девять, двенадцать) голов, противник героя в битве, часто — обитатель волшебного замка. С другой стороны, известны поверья об одноголовом шаркане как об одном из помощников колдуна (шамана) Талтоша.

Бадняк (сербско-хорватский бадньак, болгарский бѣдник) — в южнославянской мифологии персонаж, воплощаемый «рождественским поленом» (реже деревом), пнем или веткой, сжигаемой в сочельник (у болгар в ночь на Коляду). Бадняк связан (по данным этимологических исследований) с образом змея у корней дерева (сравните родственные ему индоевропейские персонажи — древнеиндийская змея Ахи Будхнья, греческий Пифон, скандинавский Нидхег). Сожжение бадняка в конце старого года эквивалентно, таким образом, поражению огнем змея, воплощения нижнего мира, вредоносного начала, и знаменует начало нового сезонного цикла, гарантирует плодородие и т.п. Ритуал выбивания искр из горящего бадняка сопровождается пожеланием умножения скота по числу искр»¹⁶³.

Хала — болгарский, сербский и македонский дракон, многоголовый (обычно у него три головы и девять языков), шестикрылый, двенадцатихвостый, с лошадиными глазами. Размерами же хала так велики, что головы их находятся в облаках, а хвосты опускаются до земли. Хала обладают огромной силой и отличаются чрезвычайным обжорством, они предводительствуют тучами,

уничтожают посевы и сады. Хала могут пасть на землю в виде густой мглы или тумана, препятствующего созреванию хлеба.

«Хала также дерутся за волшебный жезл и стараются поразить друг друга ледяными пулями, и тогда сверкает молния или бьет град.

Голодный хала может напасть на солнце, пытаясь его пожрать. Следить за битвой можно невооруженным глазом: когда побеждает хала, солнце от укусов дракона обливается кровью и краснеет. Когда солнце берет верх — оно сверкает бледным светом.

186

В канун больших праздников хала водят хороводы, поднимая страшные вихри; человек, попав в такой смерч, обязательно сходит с ума. Хала и по-другому вредят человеку: они заговаривают и охраняют источники, не давая людям напиться. Хала иногда превращаются в людей и животных, при этом видеть их может только шестипалый человек. Чтобы победить хала, нужно быть бесстрашным и сильным, как, например, герой болгарских и сербских сказок богатырь Марко-королевич»¹⁶⁴.

«Огняник» — крылатый южнославянский дракон, живет на скалах, порой в пещерах, а иногда — прямо на облаке. Летая, он изрыгает огонь. Тело огняника покрыто блестящей, отливающей всеми цветами радуги чешуей. Огонь отражается в ней, и полет дракона выглядит как блеск молнии. На землю опускается он с шумом и громом, рассыпаясь искрами.

Предание приписывает дракону богатырскую силу, знание целебных и приворотных трав, обладание несметными богатствами и умение обольщать особ женского пола. Так и хочется предостеречь: «Девушки! Бойтесь любви огняника: она приносит горе, болезнь и смерть».

Как во граде Лукорье
Летел змей по поморью,
Царица им прельщалася,
По нему убивалася,
Белизна ее умалаяся,
Сердце тосковалося,
Одному утешению предавалося:
Как змей прилетит, так ее и обольстит»¹⁶⁵

«Рарог, рарашек (чешское и словацкое), *рариг* (украинское), в славянской мифологии огненный дух, связанный с культом очага. Согласно чешским поверьям, рарог может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей высиживает человек на печи. Рарога представляли в образе птицы (обычно хищной — ср. чеш. *rahoň*, «сокол») или дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря. Возможно, образ рарога генетически связан с древнерусским Сварогом и русским рахом (Страх — рах русских заговоров, воплощение огневого ветра, суховея), а также иранским божеством Веретрагной, одна из инкарнаций которого — сокол. Табуированием и преобразо-

ванием того же имени можно объяснить и кашубское *Twaog* и т.п. По-видимому, образ рарога как огневого духа (ранее, возможно, и божества) был общеславянским»¹⁶⁶.

Но, однако, бывает так, что «Суеверия иногда возводят в ранг всемогущих страшилищ самых безобидных животных. “Ольм, страшный дракон, затеял игру в горах”, — сообщили священнику жители словенской деревни Ситтих. Это было в 1751 г., во время наводнения. Бурные потоки вырывались из входов в карстовые пещеры.

Они-то и вынесли на поверхность виновника всех бед — бледное, похожее на тритона существо с двумя красными пучками жабр по бокам головы и с крохотными лапками. Священник заспиртовал это странное существо и отослал натуралисту Вальбасору, который описал его под именем морского божества Протея, обладавшего способностью превращаться то в дракона, то во льва. С изучения протеев, в XX в. ставших эмблемой словенского карста, и началась наука биоспелеология»¹⁶⁷.

187

АЗИАТСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ ДРАКОНЫ

В развалинах обманчивого мира не была добыта ни одна дивная сокровищница без раны, нанесенной ядовитым драконом.

Ходжа Самандар Термези. «Назидание государям»

У знатока восточных земель и морей, персидского ученого и писателя Х в. Бузурга Ибн-Шахрияра в «Чудесах Индии» читаем: «В море водятся огромные страшные драконы, называются они таннинами. В разгар зимы, когда облака проходят над самой водой, таннин вылезает из моря и заползает в тучу, ибо он не выносит жара морской воды, которая в это время года кипит, как в котле. Таннин сидит неподвижно, охваченный холодом облака; ветры, дующие над водой, поднимают тучу вверх, и таннин поднимается вместе с ней. Туча движется по небу из одного края в другой; но когда вода из нее испаряется, она превращается в тонкую пыль и рассеивается под дуновением ветра; таннин теряет свою опору и падает вниз — иногда в море, иногда на сушу.

Если Аллах Всевышний желает покарать какой-нибудь народ, Он сбрасывает таннина на эту страну. Чудовище пожирает верблюдов и лошадей, поедает крупный и мелкий скот, всячески губит жителей, пока само не подохнет, истребив всю пищу.

Разные люди, часто плававшие по морю, говорили мне, будто не раз видели таннина, пролетавшего в облаке над их головами. Он лежал весь черный, вытянувшись в туче, а если облако рассеивалось, спускался в нижний слой и удерживался там. Часто кончик его хвоста свешивался наружу, но, почувствовав холод воздуха, таннин отодвигался вглубь, уносился в облаке и скрывался от взоров»¹⁶⁸.

«В сочинении арабского путешественника и историка Масуди, датированном 954 годом, мы находим, что tennin (восходящее, по мнению К. Барбье, к библейскому tannin) — рептилия, живущая в глубине океанов; окрепнув с возрастом, она становится грозой рыб, и Бог придает ей форму черного змея, блестящего и длинного; пасть его возвышается над вершинами гор, а свист вырывает с корнем деревья. Другой арабский автор, Ибн Аббас, добавляет: “Эти змеи достигают возраста 500 лет и управляют всеми другими змеями Земли...”»¹⁶⁹ 🐉

Множество источников упоминают драконов, водившихся в этих местах. Так, в средневековой персидской книге «Чудеса мира» (XIII в.) описан дракон Астин: «В длину достигает он нескольких фарсахов, имеет раскраску леопарда и два крыла». Он о шести головах на одной шее, есть у дракона и грива. Если своим огненным дыханием он дохнет на слона, то «слон сразу почернеет». Считалось, что обладателю головы такого дракона сильно повезет в жизни: он сможет с ее помощью определять места кладов.

В описании жития святого Симеона Столпника (356—459 гг., жил в Киликии, на территории современной Южной Турции) читаем: «В это время в северных землях, где даже травы не росло, не очень далеко от тех мест жила необычайной величины дракон, и попало ему в правый глаз дерево. И вот однажды пришел этот окривевший дракон и, доковыляв, расположился у жилища, где проводил время сей человек Божий. Там он свернулся кольцом и, словно прося, начал трясти низко склоненной головой. Когда же блаженный Симеон увидел его, он тотчас же изъял из глаза его палку размером с локоть. Все видевшие это восславили Бога, однако из опасения убежали оттуда. Но зверь сей, свернувшись, лежал недвижно в одном месте, пока все люди не обошли его. После же, поднявшись, он почти два часа кланялся, стоя у входа в монастырь, а затем возвратился в свое жилище, не причинив никому вреда»¹⁷⁰. 🐉

Керамический кувшин.
Иран. 1550 г.

Феодор Стратилат, позднее канонизированный, происходил из города Евхаит, что в Малой Азии, ныне Турция. «Он был наделен многими дарованиями и прекрасной внешностью. Храбрость святого воина стала извест-

Георгий Победоносец и Феодор Стратилат.
Плита из Михайловского Златоверхого собора. Киев. XII в.

на многим, после того как он с помощью Божией убил громадного змея, жившего в пропасти в окрестностях города Евхаита. Змей пожирал множество людей и животных, держа в страхе всю округу. Святой Феодор, вооружившись мечом и молитвой, победил его. За отвагу святой Феодор был назначен военачальником (стратилатом) в городе Гераклее, где нес как бы двойное послушание, сочетая свое ответственное воинское служение с апостольской проповедью Евангелия среди подчиненных ему язычников»¹⁷¹.

В «Тысяче и одной ночи», в рассказе о своем третьем путешествии, Синдбад-мореход сообщает о таком случае: «И мы немного поспали и пробудились от сна, и вдруг дракон огромных размеров с большим телом и широким брюхом преградил нам дорогу и, направившись к одному из нас, проглотил его до плеч, а затем он проглотил остатки его, и мы слышали, как его ребра ломаются у дракона в животе»¹⁷².

«Хом яшт» описывает героя-драконоборца Керсаспу, который убивает рогатого «змея Сэрвару, глотавшего коней, глотавшего людей, ядовитого, желтого, по которому желтый яд протекал толщиною в большой палец»¹⁷³.

Богатырь целый день ездил по пустыне, не видя змея. Когда же он сделал привал и развел костер, кипяток из костра расплескался и земля заколебалась. Оказывается, Керсаспа ездил по спине змея. Чудище взвилось от боли, и богатырь убил его своей бычьеголовой палицей.

Я [Керсаспа] убил рогатого дракона,
...а рог его был как высокая ветвь.

«Риваят». Перевод И.А. Святополка-Четвертынского¹⁷⁴

В «Авесте», собрании священных писаний зороастризма, датируемом первой половиной I тыс. до н.э., рассказывается о трехглавом драконе Ажи-Дахаке.

Ажи-Дахака, по зороастрийским текстам, является «сыном Хрутаспа, потомка Сиямака и Нашак в шестом колене; правнуком Таза, сына Фравака и Фравакиен, а его мать была дочерью Удаи, чьи предки — все до единого — были злейшие дэвы и вели свой род от самого Духа Зла, — вот почему дочь Удаи породила чудовищного змея на погибель миру»¹⁷⁵.

Вот каков был Ажи-Дахака:

Трехпастный, шестиглазый,
Коварный, криводушный...

Перевод И. Стеблина-Каменского

Его жестокость не знала границ, а замыслы были поистине ужасающи. Согласно «Мифологическому bestiарию», об этом рассказывает гимн, посвященный древнеиранской богине Ардви — покровительнице вод и плодородия, любви и деторождения. Дракон пришел на берег океана, принес жертвы Ардвисуре Анахите, моля даровать ему такую удачу, чтобы можно было обезлюдить всю землю.

Жертву богатую приносил ей
Трехпастный, чудовищный
Ажи-Дахака..
Сотню коней отборных пожертвовал,
Тысячу лучших быков пожертвовал,
Десять тысяч овец пожертвовал.
Вот что просил он:
«О, добрая, щедрая
Ардвиги, могучая и непорочная!
Дай, ниспошли мне такую удачу,
Чтобы всех людей сумел истребить я!»
Не даровала подобной удачи
Злому трехпастному Ажи-Дахаке
Ардвиги, могучая и непорочная.

Перевод С. Северцева

Но зато Ангхро Майнья дал великую силу и власть трехглавому змею.

Для дальнейшего повествования предоставим слово Салавату Галлямову. «С помощью предателя Спитьюры, Ажи-Дахака сверг Йиму с престола и завладел властью. Сестер царя, красавиц Арнавак и Сахнавак, он взял в жены. Сам же Йима еще сто лет скрывался от Ажи-Дахаки и Спитьюры. Но злодеи выследили его в стране Чин (Китай), схватили и распилили заживо острозубой пилой.

Убив Йиму, Ажи-Дахака захватил власть и установил тысячелетнее царство Зла, приказав каждый день убивать двух иранских юношей, а из мозга готовить

себе кушанье, которое, как это видно в «Шахнаме», было, собственно говоря, не ему, а змеям, сам же Ажи-Дахака хотел таким путем избавиться от них.

За 40 лет до конца своего правления Ажи-Дахака увидел пророческий сон:

Трех воинов увидел царь во сне,
Одетых, как знатнейшие в стране.
Посередине — младший, светлоликий,
...Алмазный блеск на царском кушаке
И палица булатная в руке.
Он устремился в бой, как мститель правый,
Надел ошейник на царя державы.

Перевод С. Липкина

191

Испутовавшись своего сна, Дахака созвал звездочетов, которые истолковали сновидение и предсказали, что скоро родится Траэтаона, отец которого Атвиа, согласно «Авесте», являлся потомком Йимы в восьмом поколении, кому было предназначено свергнуть тиранию Ажи-Дахаки. В «Авесте» говорится, что рождение сына Траэтаоны в семье Атвии было наградой, ниспосланной свыше за то, что Атвиа был вторым из людей после Вивахванта, который выжал золотистый сок Хаомы и тем самым совершил благодеяние, удобное богам.

Атвиа рассказал юному Траэтаоне, как Ажи-Дахака и Спитьюра убили Йиму, распилив его живого на части. И Траэтаона поклялся убить Ажи-Дахаку, отомстив тем самым за смерть своего предка.

Траэтаона был вскормлен на чудесном лугу молоком волшебной коровы Бермайе, разноцветной, как оперение павлина (позже ее убили слуги Ажи-Дахаки). Когда герою исполнилось пятнадцать лет, он заручился покровительством ахуров и язатов, а с небес к нему слетела Хварна.

В это время кузнец Кава, семнадцать из восемнадцати сыновей которого были схвачены для прокорма змей Ажи-Дахаки, поднимает восстание против Ажи-Дахаки и, собрав людей, приходит к Фаридуну, который возглавил войско и начал войну с ненавистным змеем. Траэтаона победил Ажи-Дахаку, но не убил его, так как Соруш, посланник Ормазда — Ахура-Мазды, говорит Траэтаоне, что еще не настал час смерти Дракона и поэтому, по Божьему промыслу, Ажи-Дахака был прикован цепью к горе Демавенд (Сев. Иран)¹⁷⁶.

В легенде сказано, что на вершине этого вулкана поставили огромный белый камень, белую скалу, которая является печатью для Ажи-Дахаки. Там и поныне Ажи-Дахака ожидает конца света. И когда злодей ревет, вулкан извергает потоки лавы. 🐉

У Фирдоуси в «Шахнаме» об этих событиях говорится литературно-поэтическим языком. В арабизованной форме имя Ажи-Дахака известно как Заххак или Зохак, Траэтаона известен как Фаридун. У Фирдоуси Зохак был аллегорическим символом ассирийской династии царя Дахака (Аз-Дахаки), который правил Азией железной рукой и на знаменах которого был пурпурный знак дракона.

Гора Демаев, где, по легенде, томится Ажи-Дахака

Но как мы увидим ниже, это слово известно практически всем народам, населявшим этот регион в древности.

«Аждарха — в мифологии тюркоязычных народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья и Западной Сибири [эждер, эждерха — у турок, аждархо — у узбеков, аждарха — у туркмен, ажыдаар — у киргизов, аждаха — у казахских татар, азербайджанцев, казахов (у последних также айдагар), аздяка — у татар-мишарей, аждарха — у каракалпаков, аждаха — у башкир, аздага — у ногайцев], а также таджиков (аждаха) — дракон, часто многоголовый. Восходит к иранскому Ажи-Дахаке.

В Аждарха превращается змей, проживший много (как вариант: 100) лет. В наиболее известном мифе об Аждархе (а существует несколько вариантов этого мифа) он угрожает городу или стране гибелью. Чтобы спасти народ, ему регулярно отдают на съедение девушку. Герой побеждает Аждарха, спасая очередную жертву, на которой и женится.

В некоторых азербайджанских мифах Аждарх поселяется в чреве беременной женщины и убивает ребенка.

В мифах татар-мишарей Аждарх — огненный змей; он пробирается в дом к вдове в образе ее умершего мужа и сожительствует с ней. В результате женщина заболевает и умирает.

Согласно мифам казанских татар, башкир, узбеков и туркмен, Аждарх, которому удастся прожить до глубокой старости (до ста или тысячи лет), превращается [в башкирских мифах — если тучи не унесут его в расположенные на краю земли горы Каф (Кухи-Каф)] в демона ювха.

В иранских средневековых легендах драконы-аждахары охраняют подземный клад Каруна.

В таджикском фольклоре Аджархи — драконы, обитающие в горных ущельях, изрыгающие огонь, дым и яд. Человек попадает к ним в пасть со струей вдыхаемого Аджархом воздуха. В некоторых узбекских, туркменских и казахских мифах Аджарх живет под землей в пещерах и, как у иранцев, сторожит сокровища (это отражается в сюжетах на портале мечети в селении Анау близ Ашхабада). Некогда люди спасли жену Аджарха, и в благодарность тот одарил их сокровищами, на которые и была возведена мечеть).

В мифах азербайджанцев, казанских татар и башкир Аджарх связан с водой и дождевыми тучами. В частности, по азербайджанским и башкирским представлениям, он живет в озере. По представлениям казанских татар, Аджарх живет на морском острове, на который его переносит облако. Образ Аджарха известен также в Афганистане. Под турецким влиянием образ Аджарха проник и в мифологию славянских народов Балкан.

Крылатый змей, в свою очередь, является древнетюркским и болгарским символом. "Царь-змей" — мифологическое существо — выступал защитником слабых и символом власти и силы. Неслучайно, видимо, среди татар с давних пор широко распространены поверья о змеях»¹⁷⁷.

О змеях упоминается у С. Галлямова: «До настоящего времени корды-езиды поклоняются змее белого цвета Шахмеру, культ которого зафиксирован и в мифологии башкордов Урала». А арабский миссионер Ибн-Фадлан, посетивший Башкортостан в X в., писал: "...Мы видели, как одна группа [башкордов] поклоняется змеям..." Упоминание священной белой змеи мы встречаем в легенде об образовании Казани. Мы вернемся к ней позднее.

Теперь рассмотрим письменные источники. Так, Мовсес Каланкатуаци в «Истории страны Алуанк» пишет: «В следующем году, после проливных дождей, ливших сорок дней подряд, переполнилось море, вышло из своих берегов и затопило сушу. Из разлившегося моря Каспийского выплыла огромная, как гора, рыба-дракон и, поглощая всех рыб [реки Куры], наполняла [ими] свою утробу, так что рыболовы оставались без улова. Тогда они, собравшись вместе и [подкравшись к ней] со стороны хвоста, разрубили ее мечами на части, пока она не сдохла, и Кура не унесла ее туда, откуда она выплыла. После этого рыболовам легко было ловить рыбу, ибо она шла [косяком], прорвавшись через преграду».

Блез де Виженер в «Описании Польского Королевства» пишет: «Это полуостров [Крымский], почти отрезанный от материка и вдающийся далеко в Меотийское болото, севернее великого [Черного] моря, на протяжении около 24 миль в длину и 15 в ширину. На нем находятся три города: Солхат, Киркея, Каффа и две крепости: Манкуп и Азов. Главный город Солхат, называемый татарами Крым; от него приняли свой титул их государи, которые называются крымскими ханами. Другой город, менее значительный, Киркея, в которой находится замок, сделанный из дерева и дерна на вершине скалы. Рассказывают, что некогда жил там дракон, пожиравший всех и грозивший совсем опустошить страну, если бы некоторые из проживавших там итальянцев, привычных к различным чудовищам, не прибегли с молитвою о помощи к Деве Марии. Вскоре после того они заметили какой-то свет в скале, вырубили в ней ступени и проникли в подземелье, где нашли икону Богородицы, перед которою горела свеча, а у ног ее лежал дракон, пронзенный насквозь. Слух о чуде распространился, и потому хан перекопский Ачи-Гирей, готовясь к войне с братьями, также вручил себя заступничеству чудотворной иконы и надавал множество обетов, если ей угодно будет оказать помощь в этом деле. Ибо сами магометане с большим почетом относятся к Пречистой Деве, призна-

вая, что она без всякого сообщества мужчины и без нарушения девства зачала и родила великого пророка Иисуса Христа (как они называют его). Поэтому хан, получив помощь, которую искал, продал пару самых лучших из своих лошадей, на вырученные деньги купил воск и приказал отлить две свечи, которые день и ночь горели перед иконою, что и поныне поддерживается его премниками»¹⁷⁸.

Фазлаллах Рашид Ад-Дин в «Огузنامه» рассказывает прелюбопытную историю: «В те времена на склонах высокой горы под названием “Див Кайасы” [“Скала Злого Духа”¹⁷⁹] обитал дракон. На склоне этой горы, расположенной на краю очень широкой степи, которая именовалась Эндек, росло три больших дерева. Каждое из них росло у устья источника и под каждым деревом обитало по два голубых дракона. Если кому-либо была доказана его вина в преступлении, то обвиняемому наносили раны и относили его к дракону. Если он действительно был виновен, то дракон его тут же пожирал, но если он был невиновен и чист, то его израненное тело излечивалось. Там становилось сразу ясно — хороший этот человек или вредный.

Бугра-хан пожелал, чтобы вопрос об измене Кору-Текина был разрешен драконами, и приказал выколоть ему глаза. Затем они усадили его на стремительного дикого верблюда и отправили вместе с чернокожим поваром, который должен был охранять своего бывшего господина. Повар взял верблюда за недоуздок и двинулся в двухмесячный путь по этой степи...

Отсюда они двинулись в путь. Наконец длинная дорога стала короткой и однажды через два месяца издалека показались три дерева. Антлык спросил: “К какому из этих трех деревьев мы подъедем?” Кору-Текин ответил: “Так как я средний, давай к среднему!”

В это время показались три горных барана. Антлык подогнал своего коня прямо к дракону. Когда он посмотрел в сторону Кору-Текина, то увидел, что он заснул у истока родника, а дракон направлялся прямо к его груди. Сарыкулбаш испугался этого, вынул свой меч и хотел убить дракона.

Обратившись к дракону, он воскликнул: “Что ты делаешь? Он — падишах! Его оставили в таком трагическом положении, несмотря на то что он невиновен. Я убью тебя, чтобы ты не причинил ему какое-либо зло!”¹⁸⁰

Дракон ответил: “Да не путайся ты! Он невиновен и безгрешен.” А когда он облизал языком оба глаза Кору-Текина, тот тут же прозрел»¹⁸¹.

Вдали от заснеженных полей Европы, в знойной южной земле правили доблестные цари Персии. Не раз приходилось им сталкиваться с драконами.

Тим Апензеллер рассказывает несколько занимательных историй.

«Гуштасп, сын царя Лухраспа, сразил дракона, чтобы помочь другому юноше выдержать тяжкое испытание. Гуштасп взял за себя дочь западного императора. Отец девушки был против этого брака, и пришлось молодоженам отправиться в изгнание. Однако охотничьи подвиги царевича были известны да-

леко за пределами пустоши, где укрылся он со своей возлюбленной. И когда рассерженный император стал назначать всевозможные немислимые испытания поклонникам других своих дочерей, Гуштасп взялся исполнить за них требуемое. Так убил он волка размером со слона, потом шестиногого дракона, которого ослабил сначала градом стрел, а затем вонзил ему в глотку привязанный к древку копьа кинжал со многими лезвиями.

Проведав о том, что подвиги те совершил Гуштасп, вернул ему тесть свое расположение и поставил начальником над императорской армией. А позднее отец витязя, царь Аухрасп, призвал сына к себе и уступил ему персидский престол.

Сын Гуштаспа Исфандияр одолел дракона, встреченного им во время похода на восток, который витязь тот предпринял, чтобы освободить своих сестер, захваченных неприятелем во время набега на Персию. Для этого соорудил хитроумный царевич особую повозку, из которой во все стороны торчали железные крючья и лезвия мечей.

Забравшись в нее, бесстрашно погнался он коней прямо в пасть дракону, где повозка и застряла, поранив зверю гортань. Отпрянул змей, сиюсь освободиться, Исфандияр же выскочил из повозки и разрубил дракону голову мечом.

Подобно могучему Гуштаспу, сын Исфандияра шах Ардашир встретил дракона на горе; подобно Исфандияру, оказался он в самой пасти зверя. Но в отличие от своего отца выбраться обратно ему было не суждено.

Столетия спустя после гибели Ардашира шах Бахрам Гур устроил большую охоту с ручными пантерами и соколами. Приняли участие в этой забаве и видные в персидском царстве стрелки. Несколько дней длилась охота, и наконец совершенно не осталось в округе никакой дичи — ни онаров, ни газелей, ни горных баранов. Родовались охотники богатому улову, Бахрам Гуру все было мало. Отпустив своих спутников, в одиночку отправился он на поиски новой дичи и встретил дракона. Поразив змея двумя стрелами, одной в грудь, другой в голову, принялся он свежевать тушу и к ужасу своему обнаружил в брюхе чудовища тело человека.

Величайшим из героев Персии был Рустам, знатного рода воитель, рожденный в царствование Манучехра, внука Феридуна. Рустам имел известного своей необычайной преданностью хозяину серого в яблоках коня по кличке Рахш, который всегда стоял на страже, когда витязь, устроив привал, ложился отдохнуть. Во время одного такого привала, когда Рустам уснул, к шатру его подкрался свирепый дракон. Конь застучал копытами и заржал, чтобы предупредить хозяина об опасности. Выбежал из шатра воитель, но дракон к тому времени уже скрылся в темноте. Пожурив коня, улегся Рустам опять спать. Потом еще дважды подползал змей к шатру, и дважды будил хозяина верный Рахш. Не видя никакой опасности, все больше сердился витязь на своего коня. Когда же зверь снова подкрался к шатру, подождал Рахш, когда будет он в пределах досягаемости для хозяйского меча, и лишь затем поднял тревогу. Проснувшись, увидел Рустам дракона совсем рядом с собой. Бросился на него змей, обвил тугими кольцами. Казалось, конец приходит прославленному витязю, но снова спас его храбрый Рахш: верный конь что было сил впился зубами в бок чудовищу.

دگر دوها با پر گرم و نه خونی چنانکه دین که نباشد و نه بالا شیند و نه خیا که بر خیزد و نه خونی بوی و نه خرد و نه آید یکبار بر نه خرد و نه باز که با نیک اندیش خاک و نه خرد و نه باز که با نیک اندیش	کراخ شد و نه خرد سوزنا شد و نه خرد ز خاک و نه خرد سوی که نه خرد نهاد و نه خرد که با نیک اندیش	بختی چنانکه با پر و نه خرد چنین که نه خرد باز که نه خرد یکبار و نه خرد باز که نه خرد	باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد	باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد	باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد باز که نه خرد
---	--	---	--	--	--

[illegible]

Бахрам Гур сражается с драконом
Персидская миниатюра, XIV в.

Ослабил свою хватку дракон, и сумел Рустам освободиться от его гибельных объятий. Выхватив ятаган, зарубил витязь чудовище, а потом вознес хвалу Аллаху, не забыв поблагодарить и верность своего коня»¹⁸².

Агулшап — абхазский дракон-людоед. К тому же похититель юных красавиц. Он появляется во многих абхазских сказках. Вот одна из них.

197

«Жили-были три брата: очень умный, очень меткий и очень сильный. И была у них сестра-красавица. Однажды унес ее Агулшап. Братья поклялись спасти сестру. Старший, самый умный, узнал, где она находится, и повел остальных. Шли они, шли, искали сестру... И наконец нашли.

Она была на поляне, посреди большого леса, а возле нее, свернувшись, лежал Агулшап. Братья тайком взяли сестру. Но разве от Агулшапа можно уйти? Он заметил, полетел за ними, быстро догнал, отнял сестру, помчался, как пуля, на небо и сразу очутился около солнца.

Тогда средний брат, самый меткий, выстрелил, убил Агулшапа, и сестра стала падать низ. Младший сейчас же подбежал, поймал на лету сестру, удержал и поставил на землю. Обрадованные братья вместе с сестрой отправились домой.

Тем временем мать спшила бешмет¹⁸³, чтобы наградить того из сыновей, кто отличился особой доблестью, спасая сестру от Агулшапа. Она созвала мудрых советников и сказала:

— Решите, кто из моих сыновей заслужил бешмет!

Судьи сидят, решают, до сих пор ничего не решили»¹⁸⁴.

Бляго — адыгейский дракон. О нем существует много легенд и сказок.

«Одна из них повествует о том, как смелый юноша, странствуя, приехал в аул, где увидел лишь одинокого старика — и больше никого. Юноша спешил-ся, прошел кунацкую — комнату для гостей — и спрашивает:

— Обезлюдел ваш аул. Где же его жители?

— Пришла к нам беда, которую не ждали. Поселился в наших краях страшный Бляго и принялся пожирать людей. Каждый день он съедает трех человек и трех животных.

— Неужели у вас не нашлось смельчака, который расправился бы с чудовищем? — удивился юноша.

— Были и такие, да только убить его непросто — для этого нужно попасть в его единственный глаз.

— Наш отец¹⁸⁵, какая бы опасность мне ни угрожала, я все равно должен убить этого Бляго. Скажи лучше, где найти его? — спросил юноша.

— Есть у меня два коня: один из них подскочет к врагу и с места не тронется, пока ты или не победишь врага, или не потерпишь поражение; другой конь быстро добежит до врага и тут же отпрянет, да так быстро, что тот не успеет достать оружие. Твой конь устал, ему надо отдохнуть. Выбери, на каком из моих коней поедешь к Бляго! — ответил старик.

— Возьму я того коня, который от врага уносит, на нем поеду, — решил юноша и спросил: — А когда лучше к Бляго ехать?

— Сейчас его не найдешь. Утром, перед восходом солнца, он выползает из зарослей камыша, укладывается на песке и спит. Когда солнце поднимается, он просыпается и идет к нам в аул. У меня остались две коровы. Одну из них он завтра утром съест, — ответил старик.

На рассвете юноша оседлал коня хозяина, сел на него и поехал к зарослям. Спрятавшись в укромном месте, он стал наблюдать, не шелохнется ли где камыш, не донесется ли оттуда тревожный шорох. Много ли, мало ли времени прошло, наконец парень увидел выползающего из зарослей Бляго. Тот тоже заметил его.

“Как хорошо, что этот всадник сам приехал ко мне, далеко идти не придется”, — обрадовался дракон.

Юноша вытащил свой меч, нанес коню три удара плетью и поскакал в сторону Бляго. Дракон не успел приготовиться, как к нему подлетел парень и мечом поразил его в заветный глаз. Бляго упал замертво. Конь быстро унес юношу.

Когда он возвратился, старик встретил его у околицы.

— Какие хабары¹⁸⁶, мой сын? — спросил хозяин.

— Если в здешних местах поселилось одно чудовище, то его уже нет, если же их было два, то вновь отправляюсь, — ответил юноша.

— Нет, одно было, одно. Спасибо тебе, ты осчастливил нас, — сказал старик.

Но он ошибался. Много разных Бляго развелось в Адыгее: трехглавых, семиглавых и даже девятиглавых. Выдыхаемый ими воздух продолжал валить наземь всадников и коней; вьюга из их глаз сметала все на своем пути.

Из-за Бляго, считали адыгейцы, происходили затмения: то луну проглотят, то солнце. Приходилось адыгейцам палить из ружей, чтобы испугать дракона, — тогда он выпускал светило обратно.

Но это давным-давно было. Сейчас адыгейцы могут жить спокойно, Бляго больше нет — ни одного. Только в сказках народных сохранились¹⁸⁷.

«В армянских мифах драконы назывались **Вишапы**. Согласно мифам, большой Вишاپ поглощает солнце, отчего происходит затмение. Вишапы живут в высоких горах, в больших озерах, на небе, в облаках. Поднимаясь на небо или спускаясь вниз, особенно на озера, производят грохот, сметают все на своем пути. Доживший до тысячи лет Вишاپ может поглотить весь мир. Часто во время грозы постаревшие Вишапы с высоких гор или озер поднимаются на небо, а небесные Вишапы опускаются на землю»¹⁸⁸.

«С утверждением христианства мифы о Вишапах подверглись модификации, вишапоборца Вахагна вытеснили архангел Гавриил (с которым идентифицировался Габриел Хрештак) и ангелы, они вступают в сражение с Вишапа-

ми, во время грозы пытающимися поглотить солнце (воспламеняющиеся грозовые тучи — огненные тела Вишапов, гром — их крики, а молния — стрела Габриела, посох или прут ангелов). Ангелы вздымают Вишапов к самому солнцу, от лучей которого Вишапы превращаются в пепел и сыплются на землю.

В древней Армении о вишапах знали многие и много; был даже город Вишап у озера Ван, существовал монастырь, носивший имя Вишападзор (Вишапово ущелье). Ни город, ни монастырь не сохранились, но остались древние предания и легенды, из которых можно узнать, кто же они такие — Вишапы.

Считалось, будто Вишап растет всю жизнь [вспомним итеранозавров] и через тысячу лет может стать таким огромным, что пожрет весь мир.

К счастью, до такого почтенного возраста ни один Вишап не дожил. Но и от более молодых Вишапов жди неприятностей. В старину думали, что, когда дракон стрелой взлетает небо, начинаются разрушительные ураганы. Голодный Вишап может проглотить солнце, и наступит затмение. Некоторые Вишапы живут в тучах и вызывают грозы. Другие — в подводных дворцах. Но в любом случае водная стихия подвластна Вишапам, и используют они свою власть не на пользу людям.

Однажды давным-давно, говорит армянская сказка, два богатыря, Сансар и Багдасар, отправились в Зеленый город, славившийся своим богатством и благоденствием. Но, к великому удивлению, нашли на его месте выжженный и безводный край. Попросили они у встречной старухи попить и услышали ответ: «Да, тут были вода и зелень, потому и город называли Зеленым, и теперь на горе еще есть ключ, да к нему Вишап подошел, ключ запрудил, не дает воде к городу течь. Мы боимся его, не смеем туда за водою ходить и в неделю раз на корм ему девушку отдаем, чтобы за это воды хоть немного давал».

Когда настал черед следующей девушке идти в горы к Вишапу, Сансар и Багдасар отправились вместе с ней и стали поджидать дракона.

И внезапно услышали: гром прогрехотал в горах. Посмотрели — огромный подходит дракон, буйвол вровень его высота, и длиною пять буйволов он. Еще издали их увидел Вишап — на съедение трое к нему пришли. Обрадовался дракон, зубами залязгал, хвостом завертел, разинул пасть, зашипел, к лакомой девушке тихо пополз.

Бросились богатыри на Вишапа и убили его.

А Вишап, окровавленный, повернулся и сдох, и открылся потока исток, и родник потек, и все тек и тек, люди шли за водой, и каждый вдоволь брать ее мог»¹⁸⁹.

«Сармак — дракон у чеченцев и ингушей. Обвивая своим телом водные источники, за право пользования водой требует от людей дани, как правило, девушек. Эпический герой открывает свободный доступ к воде и спасает девушек, убив Сармака.

По другим мифам, верховное божество Дяла на цепях спускает с неба на землю нескольких Сармаков, чтобы покарать грешных людей, а затем возвращает их на небо. Существует сюжет, по которому два Сармака отнимают друг у друга солнце. Когда солнце попадает в пасть одного из них, происходит затмение»¹⁹⁰.

У Толкина, со ссылкой на сборник новелл XIII в. «Римские деяния», читаем: «Между двумя горами Армении проходила одна дорога, и долгое время люди пользовались ею часто, а затем случилось так, что из-за отравленного воздуха никто не мог отправиться этим путем, избежав гибели. Царь спросил мудрецов о причине подобной напасти, но ни один не знал истинной причины этого. И тогда призванный Сократ сказал царю, чтобы возвели постройку такой же высоты, что и горы. А когда это было сделано, Сократ велел изготовить зеркало из плоского булата, сверху отполированного и тонкого, чтобы в этом зеркале можно было увидеть отражение любого места в горах»¹⁹¹. Сделав это, Сократ поднялся на верх постройки и увидел двух драконов, одного со стороны гор, другого со стороны долины, которые разевали друг на друга пасти и испепеляли воздух. И пока он смотрел на это, некий юноша верхом на коне, не ведавший об опасности, отправился той дорогой, но тут же упал с коня и испустил дух. Сократ сразу поспешил к царю и рассказал ему обо всем, что увидел. Позднее драконы были с помощью хитрости схвачены и умерщвлены, и так дорога снова стала безопасной для всех проезжающих»¹⁹².

СКИФО-САРМАТСКИЕ ДРАКОНЫ

«Скифо-сарматская культура явилась продуктом жизни двух народов — скифов и сарматов, происходивших от одного, иранской ветви, индоевропейского племени, но в разное время выступивших на историческую арену европейской жизни. Их жизнь текла почти одновременно, но близость скифов к культурным очагам тогдашнего мира раньше ввела их в общую жизнь и приобщила, отчасти, к всеобщей культуре. Скифы быстро прошли свою жизнь и ко времени Рождества Христова только местами сохранили свой облик; сарматы же выступили на их место и не только приняли культуру прежних народов, но и внесли в нее свои специфические оттенки, родственные также и скифам. На изобразительное искусство кочевников сильное влияние оказали традиции Ирана, с одной стороны, и Манчжурии, с другой.

Западные скифы вели оседлый образ жизни и занимались земледелием; восточные же скифы — кочевники. Восточный скиф постоянно на коне (семы в повозках). Конь, меч и лук — его единственные друзья, он полон смело-

сти и отваги, он царит над степью, ее обитателями и, в частности, над своими собратьями земледельцами»¹⁹³.

Скифы были прекрасными ювелирами, и сокровища скифских владык, найденные в погребальных курганах в различных местах, от побережья Крыма до Иртыша, поражают своим великолепием и тонкостью работы.

«Все украшения выполнены в неповторимой, очень реалистичной и динамичной манере. В скифское время они были распространены на территории всего Пояса степей. Скифское искусство названо учеными искусством скифосибирского звериного стиля. Спустя 2000 лет после исчезновения скифских племен их художественное творчество принесло им мировую известность и славу. В среде кочевников звериный стиль играл роль не только простого украшения вещей. Скифы верили, что животные и части их тел — глаза, лапы, клюв, хищно оскаленная пасть, громадные рога, изображенные на оружии или украшающие одежду, передавали этим вещам часть своих свойств. Они усиливали свирепость и бесстрашие воина, быстроту коня, придавали магическую силу оружию и меткость ударам.

Скифский звериный стиль был особым магическим языком, своеобразной безбуквенной письменностью, понятной только ее создателям. Звери в определенных позах являлись олицетворением богов и героев, рассказывали об их мифических подвигах. К сожалению, язык скифских мифов навсегда утерян и мы никогда не сможем полностью расшифровать их. Даже современная наука не всесильна. Нам остается только удивляться и строить предположения и догадки.

Исследователь скифского искусства М. Артамонов пишет: «Это стиль искусства, органически связанного с вещами практического назначения — оружием, конским снаряжением, одеждой... поражающий своей приспособленностью к ограниченным, заранее данным формам этих вещей, изумительной изобретательностью и использованием пространства, компактностью и экономной четкостью контуров.

Вписывая изображение в замкнутый формат бляхи, пряжки, бутероли, мастер стремится максимально заполнить поверхность. Стремление к максимальной плотности приводило к интересному явлению: «загадочным картинкам», в которых контур одного зверя вписывается в другой и продолжается в третьем. В подобных изображениях несколько «сросшихся» зверей могут иметь общие детали — головы, рога, копыта. Разгадать такие изображения довольно трудно»¹⁹⁴.

«В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были», — писал Иван Бунин — и был совершенно прав. «Могила», разбросанные по степи, овеяны бесчисленными преданиями...

Украинские народные легенды говорят о том, как запорожские казаки шапками насыпали могильные холмы над усопшими побратимами. На самом деле, первые курганы выросли над степным горизонтом за много тысяч лет до появления казачества.

Их оставили кочевники, пришедшие из-за Волги и Дона в III тыс. до н.э. Неизвестно, как называли себя эти первобытные скотоводы, охотники и воины, только начинавшие использовать металл, ковкую медь...

Но минуло два тысячелетия, и в украинских степях появился народ, чье имя сохранилось на страницах истории. То были таинственные киммерийцы, успевшие стяжать грозную славу набегами на страны Ближнего Востока.

Некоторое время они владели гигантским степным «коридором» между Центральной Азией и Восточной Европой, но оказались слабее новых завоевателей. Киммерийцев потеснили племена, называвшие себя скототами.

Впрочем, в историю они вошли под именем скифов, которое дали воинственным кочевникам их соседи, причерноморские греки.

Владыкам степной Скифии принадлежат крупнейшие из курганов, подлинные степные пирамиды, скрывающие под своими куполами гробницы самых могущественных царей Причерноморья. Гробницы, наполненные золотом не менее щедро, чем погребальные камеры египетских фараонов...

«Отец истории» Геродот, посетивший Скифское царство в пору его расцвета, в V в. до н.э., очевидно, был свидетелем мрачного и пышного ритуала погребения усопших властителей. Цари уходили в мир иной со свитой из умерщвленных на могиле жен, слуг, коней.

С ними хоронили оружие, драгоценности, посуду и массу бытовых предметов, которые должны были служить хозяевам в загробном мире.

Вопреки сомнениям многих ученых прошлого, эпохальные археологические открытия XIX—XX вв. доказали, что греческий историк ничего не выдумал и не преувеличил. Уже первые раскопки царского кургана Куль-Оба близ Керчи в 1830 г. подарили миру шедевры ювелирного искусства — работы греческих ювелиров, выполненные по заказам скифских царей: великолепную вазу со сценами кочевого быта, серьги с головой богини Афины и много иных сокровищ...¹⁹⁵

Но, пожалуй, величайшая находка подобного рода произошла летом 1971 г. Та, что обессмертила имя археолога и поэта Бориса Мозолевого.

«Звездный час пришел к ученому внезапно. Мозолевский не имел тогда ни степеней, ни званий; был внештатным сотрудником Института археологии АН УССР. Он добровольно согласился возглавить раскопки кургана Толстая Могила — по мнению коллег, бесперспективного. Громадный холм высился на территории горнорудного комбината в Днепропетровской области, изрядно мешая хозяевам комбината, — они и настояли на раскопках...

Мела февральская поземка, когда Борис взялся за дело. Он был романтиком и верил в чудеса...

Изнуряющий труд копателей был вознагражден.

Под восьмиметровой насыпью копателей ждали богатейшие, не потревоженные ни древними, ни нынешними грабителями погребения скифской царицы и мальчика, вероятно, ее сына, лежавшего в алебастровом саркофаге. В полном соответствии с описанием Геродота одежда покойников была усыпана драгоценностями.

Царица лежала в платье, целиком расшитом золотыми пластинками с орнаментами и изображениями животных. Ее шею обнимал массивный обруч-гривна из того же благородного металла, с мастерски выполненными фигурками львов. Высокая шапка также была покрыта золотыми пластинами... Сказка!

Главная камера, место погребения самого царя, увы, оказалась разграбленной. Но при входе в нее археологи, уже завершая свой дневной труд, нашли тайник, не замеченный грабителями.

21 июня 1971 года, в 14 часов 30 минут, близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области, Борисом Мозолевским была найдена золотая пектораль-нагрудное украшение скифского царя IV в. до н.э. — весом 1150 г, 30,6 см в диаметре, выполненная из золота 958 пробы.

Необычайное творение греческого мастера сразу возглавило список ювелирных шедевров, обнаруженных за полтора века исследований курганов Украины, Кубани и других регионов скифской культуры.

Ничего подобного никогда не было найдено! Пектораль состоит из четырех изящно завитых полых трубок, они составляют каркас изделия. На концах — крошечные литые головки львов. Львы держат в пастьях кольца для шнура, с помощью которого царь вешал украшение на шею.

Пектораль.
Фото журнала «Вокруг света»

Пектораль, фрагмент:
Фото журнала «Вокруг света»

Трехъярусное строение пекторали, надо полагать, отражает представление скифов о Вселенной. Внизу — борьба коней с фантастическими хищниками, дикие звери: возможно, это образ мира стихий, дикой природы, мира, чьи корни уходят в подземное царство, во владения мертвых... Средний ярус заполнен большими, украшенными голубой эмалью цветками, изображениями ветвей и птиц.

Он может символизировать древо жизни, атрибут скифской богини-матери Табити. Верхний, основной ярус занят невероятно выразительными, «документальными» сценами из жизни кочевья. Два полуобнаженных бородача, отложив колчаны с луками, шьют одежду из бараньей шкуры; рядом молодой скиф доит овцу, ходят лошади и коровы, взлетают птицы...

Есть мнение, что это не просто бытовые зарисовки, а образ высшего мира, где празднуют торжественный новогодний обряд. И не простые скифы возятся с овчиной, а два легендарных царя в «раю» шьют магическое одеяние из золотого руна...

Больше можно сказать о безымянном авторе золотого чуда. Он, безусловно, был причерноморским эллином — потомком переселенцев из Средиземноморья, осевших на берегах Понта Эвксинского в VII—VI вв. до н.э.

Отлично владел всеми тонкостями античного ювелирного искусства — и не хуже знал жизнь, обычаи, верования соседей-скифов...

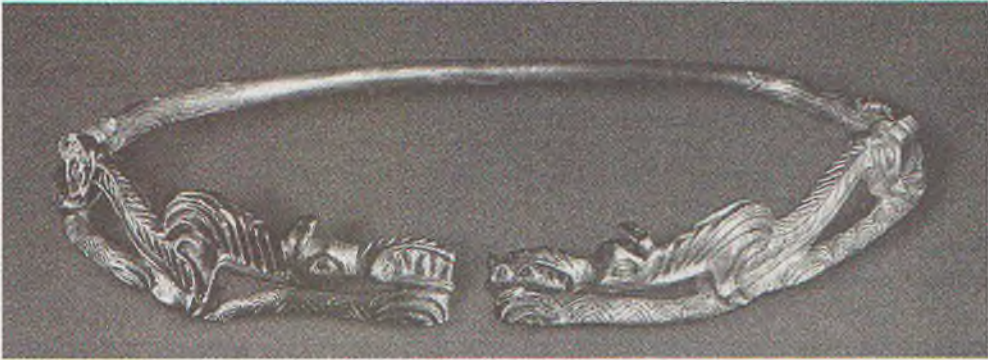
Вообще, точна и совершенна каждая золотая скульптурка — и, очевидно, изваяна с натуры. Даже амфора, куда собирает молоко юный дояр, вполне конкретна. Такие сосуды изготавливали только в Крыму...

Недаром Борис Мозолевский назвал пектораль «развернутой симфонией о жизни и представлениях скифского общества»¹⁹⁶.

Одним из самых распространенных видов изделий у разных народов являются гривны. Как считает большинство исследователей, гривны являлись не просто украшениями, а выступали еще и как символы власти. Обычно они обнаруживаются археологами в богатых или чем-либо выдающихся погребениях.

«Гривны надеты на шеи ряда персидских сановников на рельефах дворца Ксеркса в Персеполе, лишь у немногих лиц свиты Дария и у самого Дария III на помпейской мозаике. Имеются свидетельства греческих авторов, что гривны и браслеты были специфическим украшением мидийской знати. Возможно, мода на подобные украшения распространяется и на северную периферию государства Ахеменидов — на скифский мир. Как раз в V—IV вв. до н.э. гривны появляются и у скифов Причерноморья, у саков, савроматов, в Горном Алтае и других регионах Западной Сибири»¹⁹⁷.

Гривна, IV в. до н.э. Сарматская культура.
Эрмитаж

Гривны носили и на территории Древней Европы, и на Руси. Причем на навершиях гривен изображались самые разные существа, но чаще всего — драконы, змеи, хищники из семейства кошачьих. Змеиные и драконьи головы являются традиционным украшением для гривен Европы и Руси.

«Украшения, завершенные драконьими головами, по сравнению с изделиями со змеиными, как правило, отличаются более сложной и трудоемкой техникой исполнения, тщательной проработкой деталей, большим разнообразием типов самих украшений, на которых они использовались (это не только разнообразные браслеты, но и шейные цепи и гривны, диадемы).

Головы драконов отличаются рядом характерных черт. К ним можно отнести часто встречающуюся миндалевидную форму выпуклых глаз, графическое или чаще объемное выделение носа, как правило, переходящего в брови. У драконов зачастую изображены и уши (обычно они прижаты к голове), выделен переход от головы к шее (иногда отмечена шерстистость или чешуйчатость тела), на некоторых образцах видны и зубы»¹⁹⁸.

Кочевники сармато-гуннского времени. Наконечник гривны.
Ставропольский край. Кон. IV — перв. пол. V в. н.э. Золото, гранат, перламутр. Длина — 8,9 см.
Эрмитаж

На украшениях Передней и Средней Азии, Горного Алтая чаще встречаются другие существа: львиноголовые грифоны (или хищники из семейства кошачьих) и драконы.

«Самые ранние изображения хищников с раскрытой пастью, рогами и очень часто крыльями обнаружены в ассирийском искусстве. И, по-видимому, от этих образцов происходят и подобные мотивы у персов эпохи Ахеменидов, которые затем распространились у ранних кочевников Евразийских степей, и прежде всего в Горном Алтае. Крылатых и рогатых львов современные исследователи очень часто называют львиноголовыми грифонами, львогрифонами, львиными грифонами или просто грифами. Название “грифон” для подобных существ применяется условно. Грифон — это образ, пришедший к нам из греческой мифологии. В античной литературе о грифах-грифонах, стерегущих золото, писал Геродот. Геродот считал, что это чудовища с львиными телами и орлиными крыльями и когтями, живущие на крайнем севере Азии. В более позднее время греки думали, что грифоны живут в Индии или Бактрии. В Бактрии эти существа вырывали из земли золото и делали из него гнезда, а люди подбирали обломки этих гнезд. Как видим, эти существа имели очень большое значение в мифологии народов Евразии, если даже греки восприняли ряд сюжетов, связанных с грифонами.

В этой связи интересно, что в ахеменидский Иран образ крылатого и рогатого льва, возможно, проникает из более раннего месопотамского искусства. Наиболее близкие иранским изображения обнаружены в ассирийском искусстве, например Сирруши или Мухшущи, Карубу, Шеду. Вполне возможно, что в этой связи рассматриваемый образ перекликается с древнемесопотамским богом войны и воинской доблести Нинуртой, который изображался и как крылатый лев — грифон.

Ахемениды, впитывая в свою идеологию различные верования покоренных ими народов, могли воспринять древнемесопотамский образ грифона —

Навершие с фигурой грифона.

Бронза; литье. 15,5 × 10 см.

Скифская культура.

Вторая половина IV в. до н.э.

Александропольский курган,

Приднепровье, правый берег Днепра,

Россия (ныне Украина).

Эрмитаж

207

крылатого льва и использовать его как символ царской власти, символ своих удач и побед. Крылатые львы очень часто изображались на рельефах во дворцах Ахеменидов наряду с символом Ахурамазды.

Образ крылатого и рогатого хищника из семейства кошачьих проникает и на территорию Южной Сибири. Здесь с V в. до н.э. распространяются подобные изображения, особенно много их в захоронениях знати скифского времени в Горном Алтае. Возможно и здесь он выступает как символ могущества, власти и военной мощи царей скифоидных племен, населяющих степи и горы Южной и Западной Сибири.

Но и драконы как символ знати и воинской доблести также присутствуют в искусстве кочевников»¹⁹⁹. 🐉

Вот еще одна интересная находка — навершие гривны в виде головы дракона из могильника Михайловский на Алтае. Это элитарное погребение на юге Кулунды в Михайловском районе.

«Навершие выполнено в виде головы животного с раскрытой пастью. Удлиненная морда, совершенно не характерная для породы кошачьих; широкий нос зверя приподнят и украшен вертикальными волнистыми линиями, имитирующими складки кожи, которые являются отличительной чертой горно-алтайских изображений, спереди двумя кружками обозначены широкие ноздри. Глаза вытянутой формы, четко очерченные, выполненные в типичной для Горного Алтая манере, моделировка поверхности над глазом создает впечатление приподнятой брови.

Гривна и наверхие гривны в виде головы дракона
из могильника Михайловский на Алтае (прорисовка).
Источник: Я.В. Фролов, О.И. Чехрыжова. «Изображение головы
фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI
и его параллели в искусстве народов Азии»

Длинные, остроконечные, выгнутые вперед рога S-образной формы покрыты рельефным орнаментом, передающим фактуру рога. К нижней губе и к основанию шеи зверя припаяны две круглые в сечении проволоочные петли, служившие, вероятно, для крепления каких-то подвесок.

Если рассматривать этот образ в целом, то здесь уже довольно трудно узнать черты хищника из семейства кошачьих.

Круто опущенная шея покрыта чешуйчатой гривой, выполненной в невысоком рельефе. Подобная манера обычно характерна для иконографии дракона в различных культурных традициях»²⁰⁰.

Если вернуться к изображению пекторали, то можно увидеть подобные характерные особенности, не позволяющие однозначно назвать хищников с нижнего яруса грифонами. Достаточно взглянуть на их мощные шеи с гребнем, удлиненные морды, больше характерные для пресмыкающихся.

«Как известно, в сарматском искусстве предпочтение отдавалось хищникам и драконоподобным существам с сильно изогнутыми телами. Здесь древние мастера соединяли наиболее отличительные и динамичные черты разных животных, реальных и фантастических, как бы восполняя их и тем самым создавая образ совершенного и идеального зверя — могущественного, быстрого, грозного, устрашающего и загадочного»²⁰¹.

Из могильника Сидоровка I происходит классическая поясная пластина, где представлена сцена борьбы дракона с хищниками из семейства кошачьих, а также серебряные фалары с драконом, свернувшимся в кольцо.

Рогатые драконы присутствуют в художественных композициях на ряде пластин хуннского времени из Ордоса и Сибирской коллекции Петра I.

Современные исследователи выделяют два сформировавшихся независимо друг от друга источника образа дракона в скифском искусстве — в Месопотамии и Юго-Восточной Азии.

209

Поясная пластина. Драконы перед деревом жизни.

Сакская культура V—IV вв. до н.э. Золото, сердолик, празеолит, черный камень.
Длина — 19,8 (19,2) см, ширина — 10,4 (10,2) см. Сибирская коллекция Петра I.
Звери стоят по бокам древа жизни, воспроизводящего ассиро-вавилонскую схему.

Эрмитаж

Правитель с драконами.
Искусство Бактрии, I тыс. до н.э.
Эрмитаж

Привнесенный из Ирана образ Сируша был характерен для западных скифов, здесь «он был трансформирован, соединен с местными мотивами, и в частности с образом львиноголового грифона»²⁰².

Таким мы видим его на пекторали — крылатым, с кошачьими чертами, но не утратившим типично драконьих черт.

Восточные скифы заимствовали образ дракона у китайцев, и изображения драконов в этих местах типичны для восточных традиций. Именно китайских драконов мы видим на Карталинской диадеме, на фаларе из могильника Сидоровка I.

Для сравнения — сходное по иконографии изображение дракона на черепице эпохи Хань, а также скульптуры драконов той же эпохи.

Концевая черепица с изображениями дракона.
Эпоха Хань, III в. до н.э. — III в. н.э. (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), Керамика

Драконы.

Династия Тан (618—906 гг.). Золото. Высота — 2,8 см; длина — 4 см; вес — 4,7 кг.

Обнаружен в 1970 г. в Хэцзяцунь, южные окрестности г. Сиань, пров. Шаньси.

Исторический музей в Шаньси. Источник: «Позолоченные драконы»

Дракон.

Династия Тан (618—906 гг.). Позолоченная бронза.

Высота — 10,8 см; длина — 18 см; вес — 245,2 г. Обнаружен в 1979 г.

Хранилище реликвий г. Сиань. Источник: «Позолоченные драконы»

«По-видимому, проникновение в искусство ранних кочевников Центральной Азии новых персонажей проходило постепенно. Здесь переплетались черты новых и старых образов, в результате чего очень часто возникали различные полиморфные существа»²⁰³.

212

В 1939 г. в горах Заилийского Алатау на высоте 2300 м в расщелине скалы было обнаружено погребение жрицы, датируемое II в. до н.э. — I в. н.э. По месту находки — ущелью Каргалы — оно получило название «Каргалинский клад».

«Наиболее интересной находкой в погребении жрицы является золотая диадема, служившая украшением ритуального головного убора. Сохранилось два боковых фрагмента диадемы, центральная же часть ее отсутствует.

Ее длина — 35 см, ширина — 4,7 см. Диадема выполнена в зверином стиле. Внутреннее поле пластинки заполнено изображением зверей, птиц, людей в окружении сложного растительного орнамента. Здесь и марал с повернутой назад головой, самка марала, между ними летящая птица, затем крадущийся крылатый тигр, на котором сидит человек, голова человека обращена назад, руками он держится за ветку дерева. Далее на постаменте стоит крылатая лошадь.

На второй половине диадемы изображен бегущий дракон, верхом на нем сидит человек, уцепившись левой рукой за рог дракона. Над всадником летит гусь или утка. Затем вновь изображен крылатый конь на пьедестале. И на-

Каргалинская диадема

Прорисовка фрагмента
каргалинской диадемы

онец, последняя группа изображений состоит из летящей птицы, козерога в быстром беге с человеком на спине, медведя и птицы над ним, и опять человека верхом на архаре. В его руке цветок. Глаза животных выполнены из цветного сердолика и альмандина, туловища инкрустированы бирюзой. При этом характерные черты и повадки животных переданы очень реалистично»²⁰⁴.

«Обнаруженные в погребении Сидоровка (Нижнеомский район, Омская область) два фалара (нагрудники, входившие в парадное убранство коня) являются замечательными памятниками древнего искусства.

Эти изделия представляют собой прекрасный пример неразрывной связи изображения с формой предмета: изогнутое туловище дракона помещено как раз вокруг выпуклой части диска, голова и хвост расположены на самой высокой точке и отмечают центр нагрудника.

Фалар с изображением согнутого в кольцо крылатого дракона.
Из могильника Сидоровка I. Место изготовления — Бактрия, диаметр — 23 см
Эрмитаж

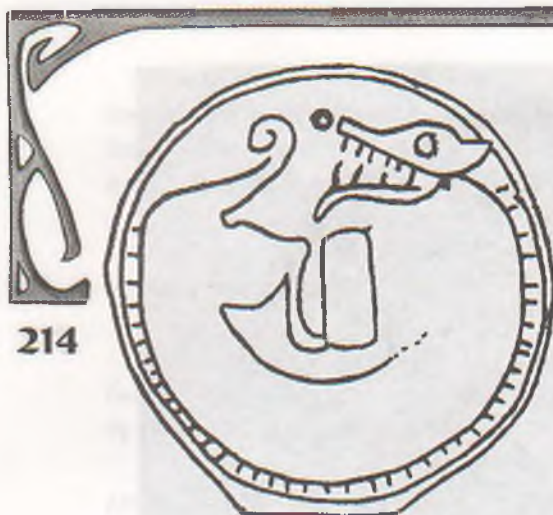
Находки фаларов датируются среднесарматским временем — III—II вв. до н.э.

И если образы драконов на пекторали явно имеют признаки сходства с иранскими драконами, то драконы, изображенные на каргалинской диадеме и на фаларе, — явно восточного происхождения»²⁰⁵.

В статье В.Е. Ларичева, С.А. Комиссарова «Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника)» изложен весьма интересный взгляд на подобного рода предметы искусства. В частности, на примере бронзового зеркала с изображением свернутого кольцом дракона. «Эта уникальная вещь была обнаружена в Синьцзяне (Северо-Западный Китай) и датируется VIII—VI вв. до н.э. В предварительном сообщении, посвященном зеркалу, было высказано предположение о закодированной в сюжете идее солнечного затмения. Детальное изучение числовых последовательностей нацеливалось на раскрытие астрального характера зеркала.

214

Свернутый кольцом дракон.

Таким его изображали на зеркалах, которыми пользовались жрецы для предсказаний времени лунных и солнечных затмений.

Источник:

Ларичев В.Е., Комиссаров С.А.

«Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника)»

Фигура дракона вписана в круг. На теле его от крупа до головы размещается 41 полоска (выступы). [Стоит обратить внимание, что на фаларе из Сидоровки у дракона на спине также 41 полоска.]

Далее, приводя подробные вычисления, авторы доказывают, что свернувшийся дракон — это своеобразный календарь, позволяющий считать годовую драконическую циклу затмений. Драконический год примечателен тем, что в течение последних 11 суток его могло ожидаться лунное затмение, окажись в те дни ночное светило в фазе полнолуния.

«Избежать вселенской катастрофы можно было, лишь предугадав наступление ужасающего события (произвести расчеты времени наступления затмений; на способность жрецов делать это намекают знание ими продолжительности драконического года, умение отслеживать сидерические (звездные) периоды Луны и осведомленность о продолжительности эпохи солнечного затмения, при этом, надо думать, они совершали соответствующие ритуально-обрядовые действия). Это и входило в неперемненные, особо важные обязанности жреческого сословия Китая. Они обязаны были вычислять даты затмений и совершать колдовские действия, ибо знали тайну из тайн — “беспорядки в Небе” зеркально отражаются природными и социальными потрясениями на Земле.

Все это позволяет точно определить семантическую значимость свернутого кольцом существа с широко распахнутой пастью. Это в самом деле дракон, действие которого всегда нацеливалось на одно и то же — на поглощение светила ради погружения Мироздания в желанное ему состояние неупорядоченности, т.е. Хаоса. В качестве символа такого рода светил служит знак, расположенный вблизи носа дракона. Таким образом, прослеживается явное соответствие между образами скифского “свернувшегося в кольцо хищника” и “мирового змия” из космогонических мифов индоевропейских народов.

Этот чрезвычайно выразительный образ, который сам по себе сюжет, устойчиво встречается в пределах всей обширной области распространения памятников скифского культурного круга.

Перед раскрытой пастью зверя расположен маленький кружок, который он заглатывает (или изрыгает). Композиция явно изображает миф о пожирании небесного светила драконом. Само зеркало, край которого оконтуривает свернувшегося зверя, возможно, есть светило в брюхе хищника. Тем самым, как всегда, поразительно экономными средствами жрецы зафиксировали три этапа развития событий: зверь глотает светило (идея смерти) — содержит его у себя в брюхе (временное торжество Хаоса) — и вновь выпускает наружу (идея возрождения)»²⁰⁶.

215

Следует отметить, что дракон не был для скифов существом мифическим и служащим лишь в качестве сюжета для украшений. Скифы были воинствующими племенами и использовали образ дракона для устрашения врагов.

«Античный автор II в. н.э. Флавий Арриан, служивший правителем римской провинции Каппадокии (на территории современной Турции) и лично командовавший римскими войсками, направленными против вторгшихся в Закавказье алан в 135 г. н.э., в своей работе "Тактика" приводит описание скифских военных знамен и значков: "Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соответствующей длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видны только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на этих животных (т.е. драконов), и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но и полезны и для различения атаки, и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой".

В рассказе Флавия Арриана обращает на себя внимание в первую очередь то, что военные знамена скифов и алан, на которые наносились изображения фантастических и полуфантастических животных, сшивались именно из разноцветных лоскутьев...»²⁰⁷

Когда «дракон» вился по ветру, он издавал мрачные звуки, леденящие душу парфянских панцирных кавалеристов.

Идея со знаменами-драконами была столь успешна, что под влиянием скифов и затем алан подобные драконообразные значки и их изображения на знаменах получили распространение в персидском, парфянском и римском войске. Римляне называли эти знамена «драконами», а знаменосцев — «драконарями».

В балладе об Атисе читаем:

Ce souloient Romains porter
Ce nous fait moult a redouter.
(Их римляне несли перед собой,
От страха мы и проиграли бой.)

Войско каролингской эпохи в походе. Впереди — драконарий со знаменем «драконом».

Миниатюра из Золотой Псалтыри (Psalterium Aureum).

Сенкт-Галл, ок. 900 г.

Вот еще одно свидетельство:

Тогда и Август Феодосий повелел великому комиту Аддэ отправиться на помощь Папу со всем греческим войском, не оставляя никого в стороне, даже пешие гарнизоны городов, носившие шелковые (знамена) с изображением драконов...

Так как греческие воины носили золотое и серебряное оружие и кони их были украшены таким же образом, то они выглядели подобно каким-то стенам, причем многие из них своим снаряжением из ремней и кожаной брони создавали впечатление твердых каменных глыб, а над ними колыхались гривы с голов животных, подобно раскидистым кронам деревьев. Извивы же драконов, раздувавшихся при порывах ветра и разевавших ужасные пасти, могу сравнить только с алмазной горой, нависающей над морем, как нависла вся греческая рать над персидским войском. Ибо и последнее было сходно с широко разлившейся по берегам рекой; цвет их защитного снаряжения и впрямь создавал впечатление воды.

Мовсес Хоренаци. «История Армении в трех частях, рассказанная Мовсесом Хоренаци по просьбе Сахака Багратуни»

Таким образом, мы видим, что драконы были известны и в этой, весьма обширной части мира, называемой Поясом Степей.

ДРАКОНЫ И ХРИСТИАНСТВО

Именно христианство сделало драконов символом сил зла. В христианстве дракона считают змеем, «тем еще старым змеем», дьяволом, искушителем, врагом Божиим. Он представляет, кроме того, смерть, тьму, язычество и ересь. В Ветхом Завете «обиталище драконов» ассоциируется с «сенью смертной» (Пс. 44:19) и пучинами водными — местом запустения и гибели. Победители драконов предстают как триумфаторы над силами зла и ереси.

217

Драконъ (Втор. XXXII:33) — трудно решить, какое животное должно разуместь подъ симъ названіемъ. Не невероятно, что это есть родовое названіе, означающее известный классъ животныхъ, различающихся между собою какою-либо общою характеристическою чертою, и однако изъ Кн. Плачъ Иер. (IV:3) и Мих. (I, 8) явствуетъ, что подъ этимъ названіемъ разумеется какое-то особое животное, которое воетъ, подаетъ сосцы и кормитъ своихъ детенышей. Впрочемъ въ последней цитате оно на Русскомъ переводится словомъ *шакаль**. Слово, переведенное у пр. Исаи (XXVII, 1) *левианомъ*, *змеемъ изгибающимся*, *чудовищемъ морскимъ*, переводится въ Кн. Бытія (I, 21) словомъ *большая рыба*, у Іова (VII, 12) — *морскимъ*, въ Кн. Исходъ (VII, 9) — *змеемъ* и въ Кн. Втор. (XXXII, 33) — *дракономъ*. Вообще же здесь должно заметить, что у Грековъ и Римлянъ *подъ дракономъ* разумелась большая и страшная змея, чудовище необыкновенной силы, величины, ядовитости, съ крыльями и пастью изрыгающею пламя и обитающая то въ моряхъ, то на суше, особенно въ пустыняхъ. Въ Н. З. въ Апокалипсисе (XII, 3, XIII, 11) *подъ словомъ большой драконъ*, изображаемый *краснымъ*, *съ 7-ю головами и 10 рогами*, *съ чрезвычайно большимъ хвостомъ*, разумеется *сатана*, *змій древній*, *дьяволъ*, по объясненію самой же этой книги.

Драконовъ источникъ (Неем. II, 13) — источникъ, находившійся вне Іерусалима, между *навозными воротами* и *воротами долины*. По мненію Робинсона, это былъ не иначе какъ источникъ *Піонскій*, въ долине *Енномъ*; также думаютъ Портъе, Льюинъ и др. *Змеинный прудъ*, упоминаемый Іосифомъ (Войны V, 3, 2), вероятно, находился въ соседстве съ нимъ и соответствуетъ настоящему *Биркетъ-Мами*.

* Ис. 35:7. В синодальномъ переводе вместо «драконовъ» — «шакалы», что соответствуетъ еврейскому оригиналу и греческому переводу. Переводчикъ Библии на латынь Иеронимъ спуталъ еврейские слова «таннинъ» (дракон, морское чудовище) и «таннимъ» (шакалы, множ. число отъ «танъ»).

лья (Birket-Mamilla); у отечественного нашего путешественника Норова означенный источник отождествляется съ источникомъ Пресв. Девы.

«Библейская энциклопедія въ 4-хъ выпускахъ», М., 1891.

Тот факт, что именно драконы описаны в Библии, ни у кого не может вызвать сомнения. Здесь уместно еще раз вернуться к вопросу употребления слов «змей» и «дракон».

218

Предоставим слово Г. Королеву: «В библии короля Джеймса (1611 г.) 22 раза использовалось слово “дракон”, 3 раза — слово “змей”, 3 раза — кит, и один раз — морское чудовище.

В Библии 1663 г., воспроизводящей Острожскую Библию Ивана Федорова 1581 г., оба слова передавались “змием”. Так, особенно примечательно, в пророчестве о поражении (“низвержении”) злого существа это существо описано следующим образом: «змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана» (Апок. 12, 9). Тот же оборот содержится в исправленной Библии 1756 г. издания.

В синодальном переводе на русский язык (1876—1878 гг.), употребляемом и в современных переизданиях (например 1988 г.), стоят слова “великий дракон, древний змий”, соответствующие греческому тексту со словами *δράκων* и *ὄφις*. Ясно, что речь идет об одном существе, которое в роли искушителя Евы (Быт. 3, 1) выступает под названием *ὄφις* — змий — змей.

В Библии 1756 г. регулярно употребляется слово “змий”. Есть одно исключение. В рассказе о том, что Господь мечом поразит, словами перевода, «левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское» (Ис. 27, 1), в Библии 1756 г. для всех трех существ употреблено слово “драконт” соответственно греческому тексту. Отметим, что в 12-й главе Апокалипсиса, в которой говорится о том же самом пресмыкающемся, в переводе оно 5 раз названо драконом и 3 раза змием²⁰⁸.

Но драконы в Библии не просто безымянные твари, некоторые из них выделены особо и даже имеют имена.

Так, у Ле Гоффа читаем: «Трое из них выделяются: змей-искуситель Книги Бытия (3:1—15). Бегемот и Левиафан, к которым Исаия, идентифицирующий их как змеев, относится с большей суровостью (27:1), чем это было сделано в Книге Иова (40—41), где им не было дано никакого животного имени. О менее индивидуализированных драконах рассказывается в Псалтыри. Наконец, если Евангелия не знают дракона, то Апокалипсис дает ему полный простор. В этом тексте, который предложит средневековому воображению самый экстраординарный арсенал символов, дракон действительно получает интерпретацию, которая будет принята средневековым миром. Этот дракон есть змей Книги Бытия, старый враг человека, дьявол. Сатана: “Этот великий дракон, древний змий, которого называют Дьяволом и Сатаной” (12:9). Этот же дракон станет церковным драконом. Отодвинув в тень других драконов, существование которых не оспаривается Апокалипсисом, он становится вели-

ким драконом, драконом *par excellence*, главой всех других, — и он есть воплощение всего вселенского зла, он есть Сатана»²⁰⁹.

На одной из знаменитых иллюстраций Гюстава Доре к Библии изображен чудовищный крылатый дракон с разинутой злобной пастью. Это Левиафан (от евр. *lawah* — свертываться, виться).

Г. Доре. Левиафан

Кто может отворить двери лица его? Крут зубов его — ужас.
Крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твер-
дого печатью.

Один к другому прикасается близко, так что и воздух не прохо-
дит между ними.

Один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются.

От его чихания показывается свет; глаза у него — как ресницы
зари...

Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла.

Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя.

На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.

Иов. 41:6—10; 12—26

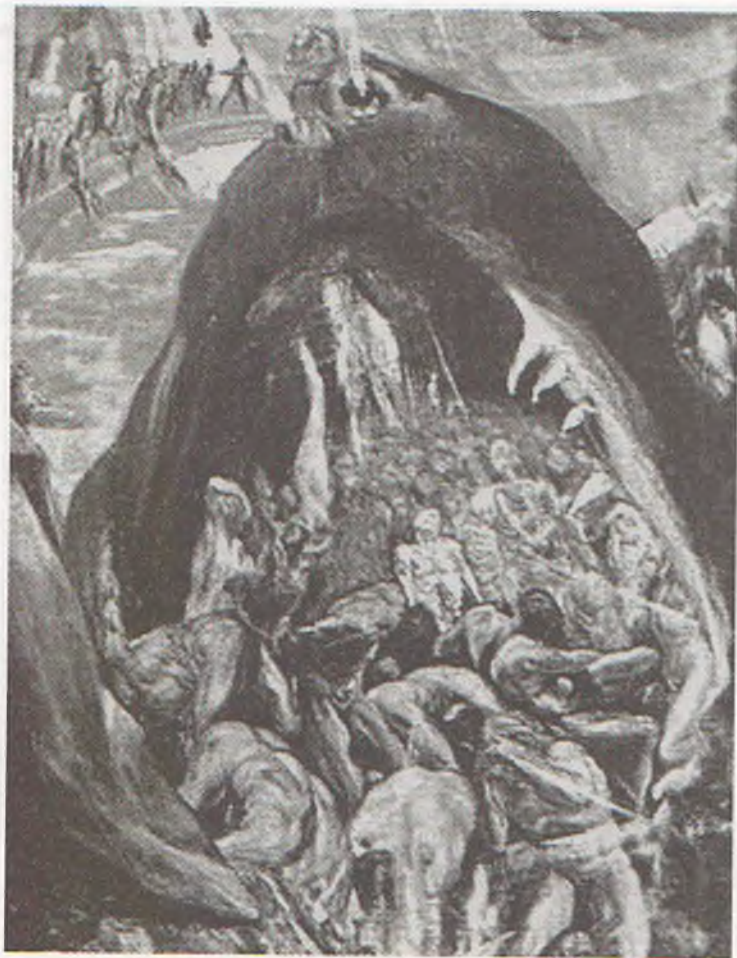
Ле Гофф сообщает, что «в церкви Сен-Марсель в одноименном парижском пригороде под сводами висело чучело животного — змеи, крокодила или гигантского ящера, — привезенное туда, вероятно, путешествующим урожен-
цем этого прихода и, очевидно, предназначенное изображать реалистиче-
ское, научное воплощение дракона»²¹⁰.

В средневековом искусстве врата в ад нередко изображали в виде пасти
дракона Левиафана.

О том, что Левиафан был известен народу Угарита как Лотан задолго до
существования Библии, сообщает в своем исследовании А. Колмогорцев: «В ра-
боте Рубена Кагана указывается: "...в табличках из Рос-шамры (древний Уга-
рит, XIV в. до н.э.) упоминается lth, сходный по названию и по своему месту в
сюжете с библейским Левиафаном. Сюжет угаритского мифа расплывчат, но
в общих чертах таков: пантеону основных богов, прямых потомков и родичей
верховного, но пассивного бога Эа, бросает вызов морской бог Ямм, требую-
щий, чтобы ему выдали Баала — главного бога Угарита, бога грома, молнии,
дождя, плодородия, "ездающего на облаке". Малодушный Эа соглашается, Ямм
становится царем богов; но через некоторое время Баал вступает в сражение
с Яммом и с помощью воинственной богини Анат побеждает его и сопутству-
ющих ему морских чудовищ — lth и Tnn (последнему соответствует библей-
ский Tannin) — т.е. гибкого семиглавого змея и дракона. Этот миф о левиафа-
не существовал за несколько столетий до начала создания корпуса книг, со-
ставивших Танах, и за несколько сот километров от Иерусалима и Самарии.
В древнееврейский фольклор он мог проникнуть под влиянием доеврейского
населения, однако при этом сильно трансформировался и продолжал транс-
формироваться на всем протяжении создания Танаха.

Достаточно близок к "угаритскому прототипу" фрагмент из Книги Исаии
(27:1). Схема мифа сохранилась — Бог, борющийся с теми же самыми чудови-
щами из моря. В псалме 73 миф представлен еще полнее: "Бог царь мой от
века творящий помощь среди земли! Ты сокрушил Море (Ям) мышцею Своею,

Левиафан. Врата
ада в виде пасти
Левиафана.
Фрагмент картины
Эль Греко
Сон Филиппа II.
1579 г.
Эскориал
(Испания)

разбил головы Таннинов на воде. Ты расколол головы Левиафана, чтобы дать пищу народу, жителям пустыни. Ты разбил источник и поток, и Ты иссушил неиссушимую реку”.

Здесь миф сохраняется почти дословно: бог-река — это второе имя Ямма в Угарите. Автор псалма не интерпретирует по-новому старый миф, а использует его целиком, приспосабливая к своей задаче — призвать отмщение на врагов...”.

Встречающиеся в Библии “обыкновенные” змеи (в древнееврейском тексте *нахаш* и *сараф*) тоже далеко не всегда столь уж обыкновенны. Этот змей вступает в беседу с женщиной, из чего явствует, что это не обычная змея. Внешний облик змея напоминает дракона на египетских и вавилонских памятниках: он передвигается с помощью ног (ползать он был осужден лишь впоследствии: Ис. 3,14).

Какое, например, существо могут обозначать летучие змеи (Ис. 30, 6), способные гнездиться, класть яйца, выводить потомство и заботиться о нем (Ис. 34, 15)? В Ис. 14, 29 написано: “ибо из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон”. Кроме того, стих 19 четырнадцатой главы

Второзакония трактуется в традиционных переводах (в том числе и в русском синодальном) как запрет употреблять в пищу всех крылатых пресмыкающихся. Стоит отметить, что никакого разъяснения по этому поводу в тексте нет, очевидно, что современники авторов Библии не нуждались в таких разъяснениях, потому что отлично представляли, о каких существах идет речь»²¹¹.

Особое место в Библии занимает большой красный дракон о семи головах, потому что именно он является олицетворением Сатаны.

И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд.

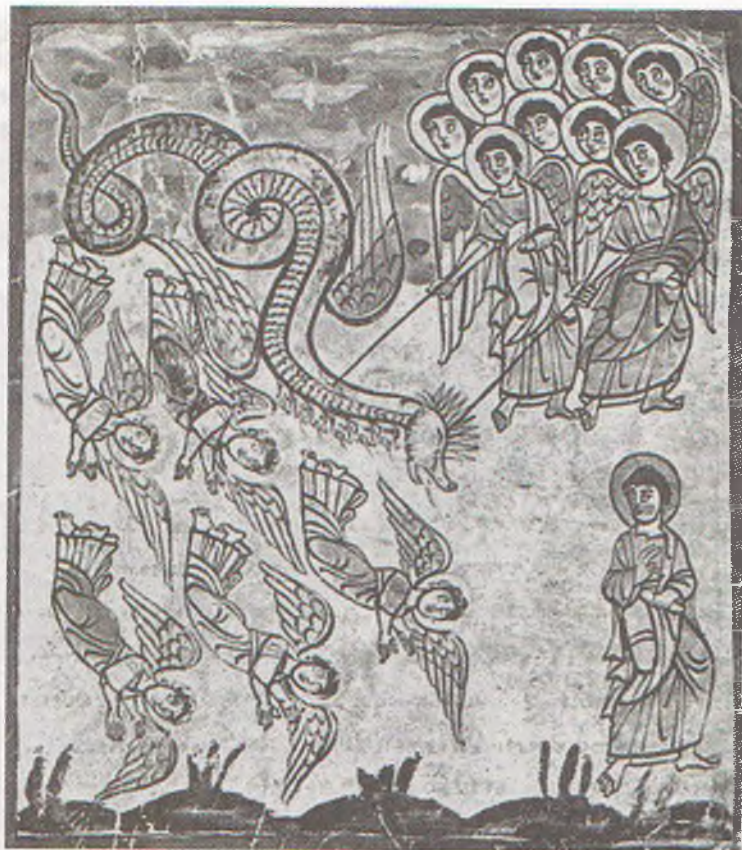
Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения.

И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим;

Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца.

Война Михаила
и ангелов
с драконом
и ангелами его.
Миниатюра
из Трирского
Апокалипсиса.
Ок. 800 г.
Трир,
Городская
библиотека

223

И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его.

А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, дабы питали ее тысячу двести шестьдесят дней.

И произошла на небе война: Михаила и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них.

Но не устояли, и не нашлось для них больше места на небе.

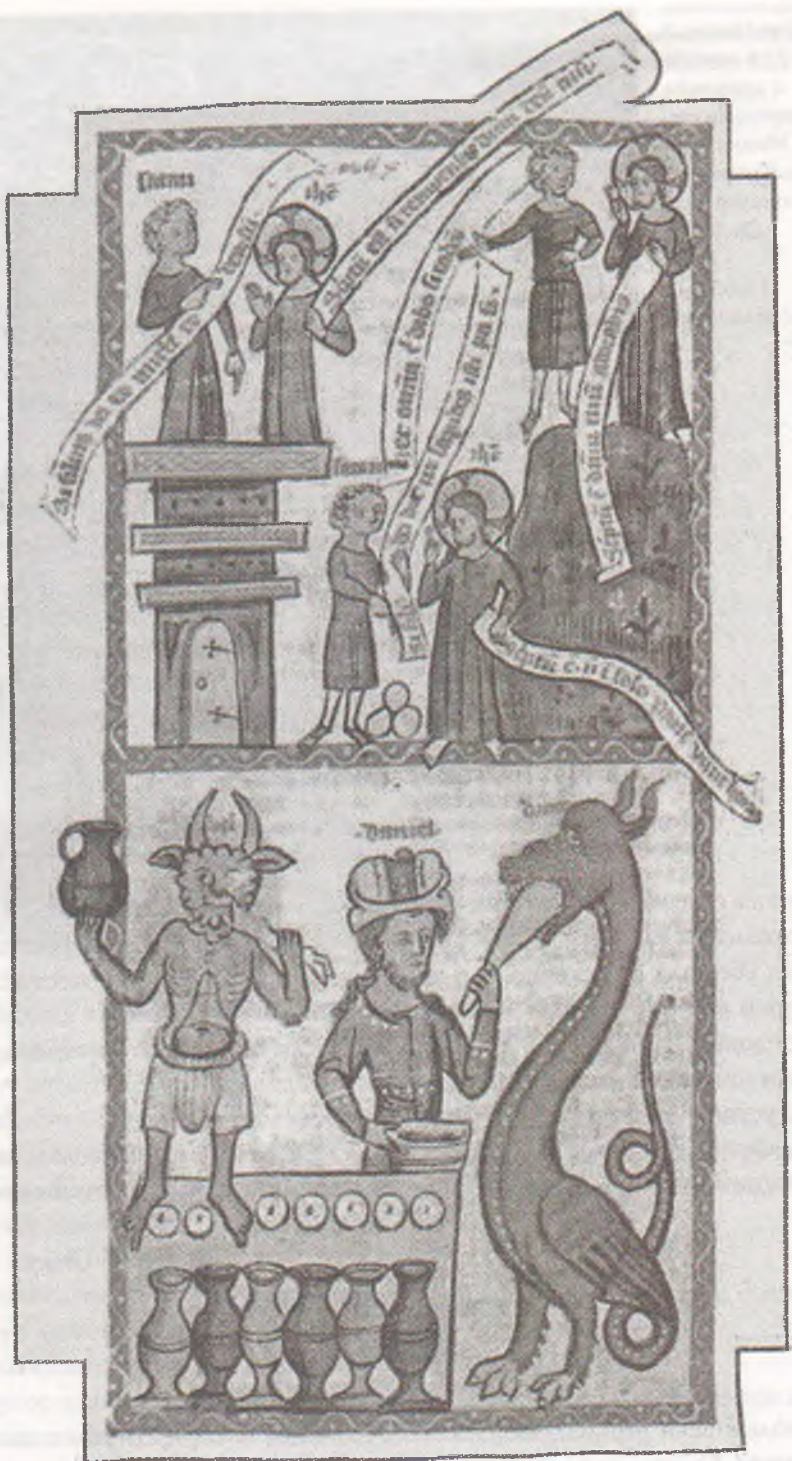
И низвержен был дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Откр. 12—13

В прошлые века весьма любима была народом история о том, как иудейский пророк Даниил одолел дракона. Даниил стал доверенным советником царя вавилонского Астиага, хотя и был иной, нежели тот правитель, веры. С горечью наблюдал он за тем, как народ вавилонский в невежестве своем

Пророк Даниил победил дракона.
Берлин. Архив искусства и истории

поклоняется дракону Вилу: «23 Был на том месте большой дракон, и Вавилоняне чтили его, и наконец решил положить конец этому безобразному идолопоклонству, сказав Астиагу, что сумеет умертвить священного дракона без помощи меча или иного какого оружия.

24 И сказал царь Даниила: не скажешь ли и об этом, что он медь? вот, он живой, и ест и пьет; ты не можешь сказать, что этот бог неживой; итак, поклонись ему.

25 Даниил сказал: Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Он Бог живой.

26 Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла. Царь сказал: даю тебе.

27 Тогда Даниил взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся²¹². И сказал Даниил: вот ваши святыни!»²¹³

В «Апокрифической Книге о Рождестве Блаженнейшей Марии и детстве Спасителя», гл. VIII, читаем: «Когда они пришли к одной пещере и хотели там отдохнуть, Мария сошла с седла и несла Иисуса на руках. И были с Иосифом трое отроков, и с Марией молодая девушка, которые шли той же дорогой.

И вот из пещеры вдруг вышло великое множество драконов, и, увидев их, отроки громко вскричали. Тогда Иисус, сойдя с рук Матери Своей, стал перед драконами; они поклонились Ему, и, когда поклонились, они ушли.

И что сказал пророк, исполнилось: “Хвалите Господа вы, сущие на земле, драконы”.

И Младенец шел перед ними, и Он приказал им не причинять никакого зла людям. Но Мария и Иосиф были в великом ужасе, страшась, чтобы драконы не причинили зла Младенцу. И сказал им Иисус: “Не смотрите на Меня только как на Младенца. Я совершенный Муж, и надлежит всем диким зверям сделаться ручными передо Мной»²¹⁴.

В «Откровениях Варуха» сказано: «И сказал я, Варух: “Се, господин, великое и чудесное показал ты мне. И сейчас покажи мне все ради Господа”. И сказал мне ангел: “Отправимся дальше”. И отправился я с ангелом дальше от места этого примерно на сто восемьдесят пять дней пути, и показал он мне равнину и змея, длиной, как мне показалось, около двух сотен плетров²¹⁵. И показал он мне ад, и вид его был мрачный и непотребный. И сказал я: “Что это за дракон, и что за дикость вокруг него?” И сказал ангел: “Дракон этот есть пожирающий тела живущих несправедной жизнью, ими же он питается, то же, что вокруг него, — ад, который сам подобен ему, где он пьет из моря примерно с локоть, а воды нисколько не убывает”²¹⁶.

...И сказал я, Варух, ангелу: “Спрошу я тебя об одном, господин: когда уж сказал ты мне, что выпивает дракон из моря локоть, скажи мне: какова глубина чрева его?” И сказал ангел: “Чрево его — ад, и сколько пролетает свинец, пущенный тремьями мужами, таково и чрево его. Идем, и я покажу тебе дела еще большие этих”²¹⁷.

ДРАКОНЫ НА РУСИ

226

Начнем, пожалуй, с исторических записей. Ян Стрейс в своем «Третьем путешествии» пишет: «13-го увидели мы Змиеву гору (недалеко от Саратова) и названную так, по нашему мнению, потому, что она вся извивается. Но русские говорят, что гора эта получила название свое от одного змея или дракона неимоверной величины, который будто бы долгое время жил на этой горе, делая бездну вреда, и, наконец, каким-то богатырем разрублен на три части, которые якобы тотчас же обратились в камни. На горе еще и теперь лежат друг подле друга три больших длинных камня, как будто отбитых от одного громадного камня»²¹⁸.

«Ученые пишут, что сказка — это миф, который перестал быть священным для тех, кто его рассказывает и слушает. Это миф, в который уже не очень-то верят. Кстати, в Древней Руси словом “сказка” обозначали достоверный рассказ, притом чаще письменный. А то, что мы теперь называем сказкой, тогда обозначали словом “баснь”. От него произошла современная “басня” и выражение “баснословный” — приукрашенный, фантастический, легендарный»²¹⁹.

Фрагмент обложки серии книг «Русские народные сказки», изданной Экспедицией изготовления государственных бумаг, 1899 г.

В этой главе нам придется прибегать к мнению В.Я. Проппа, в своем фундаментальном исследовании «Исторические корни волшебной сказки» изучившего многочисленные аспекты Змея.

«Каким же представляет себе создатель или слушатель сказки змей? По материалам трехтомника А. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу” можно сделать интересные выводы. Оказывается, что змей в сказке, в подлинной народной русской сказке, никогда не описывается. Мы знаем, как выглядит змей, но знаем это не по сказкам. Если бы мы пожелали нарисовать змея только по материалам сказки, то это было бы затруднительно. Но некоторые черты внешнего облика змея все же могут быть вырисованы.

Змей, прежде всего и всегда — существо многоголовое. Число голов различно, преобладают 3, 6, 9, 12 голов, но попадаются и 5 и 7. Это — основная, постоянная, непрменная черта его.

Все другие черты упоминаются лишь

иногда, иногда они и не приводятся. Так, например, не всегда говорится, что змей — существо летучее. Он летает по воздуху: “Вдруг видят: в версте от них летит змей”. “Прилетел змей, начал виться над царевною”. Но, тем не менее крылья его почти никогда в связи с полетом не упоминаются, можно бы думать, что он витает по воздуху без крыльев. Тело его сказкой также не описывается. Чешуйчатый ли он, или гладкий, или покрытый шкурой — этого мы не знаем. Когтистые лапы и длинный хвост с острием, излюбленная деталь лубочных картинок, в сказках, как правило, отсутствуют. Полет змея иногда напоминает полет яги. “Поднималась сильная буря, гром гремит, земля дрожит, дремучий лес долу преклоняется: летит трехглавый змей”. Во всем афанасьевском сборнике крылья упоминаются только один раз: змей уносит царевну “на своих огненных крыльях”.

Змей — существо огневое. “Летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит”. “Змей пламенем палит, когтями рвет”, “Тут змей испустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича”, “Я твое царство огнем сожгу, пеплом развею”. Это — постоянная формула угрозы змея. В одном случае змеем соответствует огненный царь: “Не доезжая до его царства, верст 30 уж огнем жжет”.

Но есть и другая стихия, с которой связан змей. Эта стихия — вода. Он не только огненный царь, но и водяной царь. Эти две черты вовсе не исключают друг друга, они часто соединяются. Так, например, водяной царь присылает письмо за тремя черными печатями, требует Марфу-царевну, он грозит, что “людей всех прибьет и все царство огнем сожжет”. Таким образом, водяная и огненная стихии не исключают друг друга. Эта водяная природа змея сказывается даже в его имени. Он “змей черноморский”²²⁰.

Царство Черноморского Змея подробно описано в былинах и сказках о Садко. Напрасно считается, что эти рассказы относятся лишь к Балтийскому морю. Новгородские словене только в VII в. н.э. вышли к Балтике, а до этого более тысячелетия жили на побережье Черного моря.

В былинах описаны подводный дворец, несметные богатства Морского царя, рассказано о многих его дочерях, о таинственных слугах. В академическом издании «Новгородских былин» приводится сюжет о путешествии Садко к Морскому царю, отличающаяся любопытными подробностями.

Согласно этой былине, Садко зазывают в подводное царство слуги Морского царя. Садко отправляется в гости к Черномору на некой «огненной лодочке»:

Побежала лодочка по синю морю..
Прибежала к столбу огненну..
Да и вверглась по нему в сине море,
Очутилась у двери хрустальной..

По преданиям славян, именно в царстве Черноморского Змея лежит скончанный Великий Змей, который явится, когда наступит Конец Времен...

Послушаем Проппа: «Змей русских былин живет в воде. Когда он подымается из воды, то за ним и вода подымается. “Тут утка крикнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось, — лезет чуда-юда, мосальская губа”.

“Вдруг змей начал выходить, вода за ним хлынула на три аршина”. В одной сказке он спит на камне в море, он храпит, “и як храпе, да того на семь верст аж волна бье”».

Но змей имеет и другое название — он “Змей Горыныч”. Он живет в горах. Такое местопребывание не мешает ему в то же время быть морским чудовищем. “Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается”. И хотя слова “в гору” и могут означать просто “на берег”, но все же двух типов змея, горного и водяного, установить нельзя. Иногда он живет на горах, но когда герой к нему приближается, он выходит из воды. “Едут год они, едут два, проехали три царства, синенеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого”²²¹.

Похоже на то, что сказки про летающего Змея Горыныча сказками как раз не являются. В доказательство можно привести выдержки из журнала Императорского Русского Географического общества «Живая старина» от 1895 г. (вып. 3 и 4), где, в свою очередь, истории были перепечатаны из старинного дневника неизвестного автора, датированного 1816 г. (орфография сохранена): «Плыща судны по реке Волге, а в котором месте, о том мне было не известно, и летел змей велик зело и нес во рту человека через Волгу со всем одеянием, и обут в катах и каты красным сукном обшты. И слышно было от оного несчастного человека только “их, их” — ихают. И прелетел Волгу и пал с человеком в займище в болота. А видом оной змей огнем ночью; и оный видевшии люди стали сказывать в селениях оное видение, и им сказали, что от нас не вдалеке в такой та деревне человек пропал с вечера с ыгрища»²²².

А вот и вторая история оттуда же: «Коломенского уезда селца Уварова есть пустошь, называемая Каширязива, на рубеже подле Резова. Приехали мы ночевать с лошадьми на Грезвище в осень числом более 20 человек или 30 будет; была часть и девиц чесных, и по обычаю малолетнего возраста играша кто чему горазд: кто в дудку, а кто песни, и мало было ктобы не играл, кроме девиц; а девицы стан особливой имеша о себе. И два часа прошло или болше бесчинного игранья, и внезапно осветилось, яко на четверть поприща, и случишся на оном месте лошади вдруг бросились бегообразно и страшно. Мы ж, я сам взглянул кверху, и видно всем и мне змей огнен в белом огне и извиваяся над самым нашим станом, яко будет высоты две или три колокольни, длиною три аршина он и много боле, да узнать точно с земли нельзя, потому что высоко. И стоял над нами четверть часа, и все в то время исусову молитву творили. А галовую стоял на восток влево, и тако исчезе»²²³.

Обратимся к другому источнику, описывающему мифологию древних славян. «В народной демонологии змей — злой дух. По народным представлениям, змей происходит из змеи, которая семь лет не слышала человеческого голоса, или из рыбы, когда ей исполнится сорок лет. Змеи рождаются также от сношений летающего змея с женщинами и вилами. О нескольких древнеславянских духах речь пойдет ниже.

Планетники у древних славян — демоны облаков. Эти духи пребывают в дождевых тучах, управляют их движением. Они тянут тучи по небу, пасут их, с

помощью радуги толкут лед, превращая его в град. Посылают на землю дожди или сдерживают их, наказывают градом за грехи. Могут предстать в виде орла, змея, дракона.

Птица Юстрица — черная птица со змеиными головами и хвостом, воплощение страшной болезни — холеры. Ночами пролетает над деревнями, и где заденет воду железным крылом, там начинается мор.

Среди духов воздушных стихий древних славян известен Змиулан — змеевидный демон, который живет в дупле древнего дуба. В славянских преданиях Змиулан вступает в брак с женщиной, от брака рождается Змей Огненный Волк. Сын и отец часто сражаются, отчего бывает огненный вихрь. В заговорах Змиулана вызывают как волшебное существо, способное внушить страсть к женщине»²²⁴.

О Змее Огненном Волхе рассказывают Русские Веды, воссозданные А. Асовым.

Русские Веды. Девятый клубок

*— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам об Огненном Змее Волхе,
как родился он, как отца победил, как женился на Леле прекрасной!*

— Ничего не скрою, что ведаю...

Мать Земля ходила по крутым горам, и ступала она по долинушкам. И спадали с небес проливные дожди, ее белую грудь било градом, засыпало снегами белыми.

Соскочила она ненароком с камня белого, с камня горячего, да на лютого Змея Индрика. Уж как вскинулся лютый Индрик Змей, тело обвинил ее, тело обнял ее, опрокинул он матушку на горы, бил ее, злодей, по белу стегну, целовал в уста ее сахарные.

И тогда понесла Мать Сыра Земля от того Змея Индрика лютого, тяжела она стала от гадины. Она год тяжела, она два тяжела, она три тяжела — тридцать лет тяжела. Ходит в тягости Мать Сыра Земля по горам, по долинам широким — все-то ходит, дитя вынашивает.

Срок пришел разрешаться от бремени. Закатилось Красно Солнышко да за горушки за высокие, порассыпались часты звездочки по небесному своду светлому — и родился тогда от Сырой Земли буйный Огненный Змей — Волх сын Змеевич.

От рожденья его богатырского потряслося небесное царство, затряслося и подземное царство, море синее всколебалось. Звери по лесу разбежались, птицы по небу разлетелись, рыбы по морю разметались.

А как стало Волху полтора часа — слово он сказал, будто гром взгремел:

— Ой ты гой еси, Мать Сыра Земля! Не спеленывай меня пеленой своей, не завязывай златым поясом — пеленой меня в латы крепкие, надевай на голову золотой шлем! И сходи, Мать Сыра Земля, в кузницу — ко Сварогу, богу не-

бесному, пусть скует он булатную палицу, да чтоб триста пудов было весу в ней! Зашвырну я ту палицу за горы, разбужу того Змея ползучего, из норы своей пусть Змей выползет. После грянусь о Земаю Сырую, стану Финистом Ясным Соколом, разбросаю я перья железные, упаду на него из подоблачья, раздеру когтями булатными, размечу клочки по Сырой Земле!

Говорила ему Мать Сыра Земля:

— Будет этому пора-времечко, все как сказано — так и станется.

Стал расти Волх, сын Змея могучего, не по дням и годам — по минуточкам. Восхотелось ему много мудрости.

Обучился узлы он завязывать, обучился клубки он прочитывать, обучился славить Сварога, и Семаргла, и Рода небесного.

А потом обучился премудростям — как обертываться Ясным Соколом, как парить птицей легкой в подоблачье, превращаться как в Волка серого, рыскать Волком по лесу дремучему, и как стать зааторогим Туром и скакать горами высокими, обращаться как быстрой щукою и по синему морю разгуливать.

Обернется Финистом Соколом, полетит птицей легкой в подоблачье — по велению Рода небесного, по хотению Волха Змеевича завернет он гусей и лебедушек, станет бить в небесах стаи малых птиц.

Обернется он серым Волком и поскачет по лесу дремучему — по велению Рода небесного, по хотению Волха Змеевича завернет он медведей, и соболей, и куниц, и лис с горностаями.

Станет он зааторогим Туром и поскачет горами крутыми — по велению Рода небесного, по хотению Волха Змеевича завернет он туров с оленями, горных коз с могучими барсами.

Обернется быстрой щукою — завернет он рыбу севрюжину и белужину с осетринкою.

Так охотиться стал Волх сын Змеевич!

***

Не туманушки во поле расстиались, то не буйные ветры разыгрались — то бежали туры зааторогие из-за гор высоких Рипейских, из того ли из Ирия светлого. А навстречу им зааторогий Тур, то сам Волх Огненный Змеевич.

— Ой вы туры мои, туры ярые! Вы ответствуйте по чести, по совести — где вы побывали, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Никакого мы чуда не видели, только видели, как из Ирия выходила девица красная, да в одной рубашке без пояса. Заходила она по колено в воду, а потом погрузилась до пояса, поглубилась до белых грудей. И вставала она на горячий камень, обливалась слезами горячими, тонким кружевом обтиралась, на четыре стороны кланялась.

— Ой вы туры мои, туры ярые! Вышла то не девица красная, выходила то Макошь-матушка. Значит, скоро здесь быть несчастью, значит, снова грозит царство Индрика, собирает силы могучий Змей!

Побежал ярый Тур к царству Индрика, первый раз скакнул — а версту скакнул, раз второй скакнул — уж не видно его. Обернулся он Ясным Соко-

лом, высоко летит по подобию, избивая гусей и лебедушек к завтраку, обе-
ду и ужину.

Прилетел Сокол Волах к царству темному, на окошечко сел косящее.

То не буйные ветры по насту тянут, то беседуют царь с царицею — Индрик
Змей с Пераскеей Змеихою:

Говорит Пераскея-царица:

— Ай ты, Индрик Змей, подземельный царь! Мне ночь спалось, во сне виде-
лось: со далекого крайнего Запада поднималась туча грозная, из-под тучи ле-
тел Финист Сокол Волах, а с Востока летел — Ворон черненький. Солетались
они в чистом полюшке, биться стали между собою. Финист Сокол Ворона вы-
клевал, перья черные Ворона выщипал, пух пустил его по подобию.

Отвечает Змей — подземельный царь:

— Ты спала, Змея, сон ты видела — не видать в синем небушке Сокола!

И еще сказал лютый Индрик Зверь:

— Собираюсь в поход я к Рипейским горам, покорю я царство заоблачное,
разорю я Ирий небесный! И добуду из сада Ирия я себе золотые яблоки. Кто
отведает злато яблочко — тот получит вечную молодость, власть получит над
всею Вселенною!

Отвечала Змеиха Индрику:

— Не возьмешь ты, Змей, царство светлое, не добудешь вечную моло-
дость — золотые яблоки Ирия! Черный Ворон — то ты подземельный царь,
Финист Сокол — могучий Огненный Волах.

Рассердился Змей лютый Индрик, и схватил он царицу-пророчицу, и уда-
рил ее он о каменный пол:

— Не боюсь я Волаха Змеевича, то Земли Сырой и мой выблядок, на отца не
поднимет он ручушку — получу я райские яблоки!

Тут слетал Финист Сокол с окошечка, обернулся он добрым молодцем. Как
Стрибог мощным ветром разносит огонь, так и Волах обронил Змею лютому
слово:

— Ай ты, Индрик Змей, подземельный царь! Не прощу я тебе насилие, не
прощу слова твои дерзкие!

Испугался тогда лютый Индрик Змей, бросился за двери железные, запи-
рался запорами медными. Но ударил сын Змея в те двери ногою — все запоры
медные вылетели и раскрылись двери железные.

Как схватил Волах могучий сын Змеевич и ударил Змея о каменный пол. Как
ударил о пол — гром и звон пошел.

То не Финист Сокол крылом махнул — то махнул Волах могучий саблею и
отсек Змею Индрику голову — и рассыпался Змей на змеенышей, а змеены-
ши в щели спрятались.

* * *

Волах владыкой стал царства темного, также пекеального и подземного. Пра-
вить стал нечистою силою, и возглавил Горынь и Змеевичей, и женился на
Пераскее.

Окружили тут Волха Змеи, и пришел к нему Вий — подземельный князь, сын великого Змея Черного, говорил ему таковы слова:

— Ай ты буйный Волх, Змей великий, царь! Аль не хочешь ты покорить весь мир? Аль не хочешь ты яблоч Ирия?

И сказала ему Пераскея:

— Их нельзя добыть боем-силою, значит — можно хитростью-мудростью, ты добыть их сумеешь, премудрый Волх!

232

Захотелось тут Волху могущества, захотелось ему вечной молодости, захватить он решил царство светлое.

Волх тогда побежал ко Рипейским горам, первый раз скакнул — за версту скакнул, раз второй скакнул — уж не видно его. Обернулся он горностаем, побежал по лесу дремучему, шукою нырнул в море синее, а из моря вспорхнул белым гоголем. Он вскочил потом на лихого коня, соскочил с него Серым Волком. Обернулся затем Ясным Соколом, высоко полетел по подоблачью, избивая гусей и лебедушек к завтраку, обеду и ужину.

Прилетел он к Ирию светлому, сел на веточку райской яблони, хочет злато яблочко выклевать.

Вдруг услышал он — песня сладкая по небесному саду разносится, это Лея — богиня прекрасная по небесному саду похаживает, золотыми кудрями встряхивает и сплетает венок из лилий, напевая песню печальную. Ее тонкий стан тканью легкой скрыт, опоясан цветочной гирляндой, от шагов колеблются перси, и ступает она как лебедушка, голосок ее ручейком журчит.

И заслушался Сокол песнею и забыл про волшебные яблоки. Тут ударили колокольчики, затрубили трубы небесные, набежали, слетелися стражники — и вспорхнул Финист Сокол с яблони, только сизо перышко выронил.

Подняла это перышко Лея:

— Ах какое красивое перышко!

Отнесла перо во дворец к себе. Только перышко Лея выронила, тотчас об пол перо ударилось, обернулось Волхом Змеевичем. Говорил он ей речи сладкие, называл своею любимую:

— Для тебя я не стал покорять белый свет, и оставил я царство подземное и жену Змею Пераскею!

Услыхали шум сестры Леины, прибежали Жива с Мареною — тут же Волх обратился в перышко.

— С кем, сестрица, ты разговаривала?

— Я сама с собой, — отвечает им, а сама выпускает перышко со правого рукава за окошечко: — Полетай, перо, в чистом поляшке, погуляй до поры и до времени.

Улетело перо в чисто поляшко — обернулось перышко Соколом. Днем летал Ясный Сокол по небу, а настало лишь время вечернее, полетел опять к милой Лелюшке.

Позвала Ясна Сокола Лелюшка:

— Разлюбезный мой, Ясный Сокол, ты явись ко мне, ты приди ко мне!

Финист Сокол влетел в окошечко, в пол ударился — стал добрым молодцем. И пошла разговоры веселые.

Услыхали сестрицы Лелины — побежали к Сварогу небесному:

— Ой, Сварог небесный, отец родной! Знай, что Лелюшку гость по ночам навещает!

Встал Сварог и пошел, входит к дочери Леле. Финист Сокол же вновь обернулся в перо.

— Ах вы, дочери, все вам чудится! — тут накинулся на сестер Сварог: — Что напраслину вы возводите? За собою лучше б присматривали!

На другой день Жива с Мареною принимались за хитрости-мудрости, как стемнело — они на окошечке натыкали ножей и иголочек. Коль наколетса гость на иголочку — путь забудет навеки к Лелюшке!

Прилетел Финист Сокол к Леле — бился, бился — не смог пробиться, только крылышки все обрезал и иголки те искровянил.

И вскричал тогда Финист Сокол:

— Ты прости, прощай, Леля милая! Если вздумаешь отыскать меня, то ищи в тридесятом царстве, в темном царстве у гор Кавказских! Башмаков железных три пары истопчешь, обломаешь чугунных три посоха и три каменных хлеба изложешь — тогда лишь ты найдешь меня, ты спасешь меня!

Так уж Родом небесным написано, так уж видно завязано Макошью — разлучаться должны влюбленные. Но порвать нить судьбы возможно ли? Для влюбленных — что расстояние?

И собралась скорешенько Леля, и пошла она по дороженьке, по тропинчке со Рипейских гор, говорила Сварогу небесному:

— Не брани меня, милый батюшка! Отпусти меня в путь-дороженьку! Видно, Родом мне так написано, видно, Макошью так завязано — отправляться мне в царство темное!

Много лет она шла, много зим она шла — все брела полями широкими, пробиралась лесами дремучими и взбиралась на горы высокие. Песни птиц сердце Лелюшки радовали, ручейки лицо омывали, и леса ее привечали, звери лютые к ней сбегались, и жалели ее, и ласкали ее. Башмаков истоптала три пары железных, обломала три посоха тяжких чугунных, и три каменных хлеба она изглодала.

— Отзовись, отзовись, Ясный Сокол мой!

В кровь изранила она ноженьки — там, где падали крови капельки, распустились цветы чудесные.

Вот дошла она до Кавказских гор.

Как у той ли у речки Смородины — видит Леля — стоит избушечка и на куричьих ножках вертится. Вкруг избушечки с черепами тын. Попросилась Леля в избушечку:

— Ой да вы, хозяин с хозяйкою! Буйный Велес с Бурей Ягою! Приютите меня, накормите и укройте от темной ноченьки!

Отвечают Леле хозяева:

— Заходи в гости, милости просим! Куда держишь путь, Леля милая?

— Много лет, много зим я по свету иду — все ищу я Финиста Сокола, прекрасного Волха Змеевича.

— Ох и трудно тебе отыскать его! Финист Сокол живет в царстве пекельном, на Змее Пераскее женился он. Было раньше у Сокола времечко, он легко парил по подблачьку, уж он бил гусей и лебедушек, ну а ныне времечка нету — тяжело в золоченой клеточке, на серебряном, тонком шесточке, будто резвые ножки в опуточках!

234

А наутро прощалась Леляшка с Бурей Виевною и Велесом. И сказала Леле хозяйюшка:

— Вот бери подарочек, Леля, — ты возьми золотое яблочко, вместе с ним и блюдец серебряное. Как покатишь по блюдечку яблочко — все, что хочешь в блюде увидишь! Лишь скажи заветное слово: покатись, золотое яблочко, покажи мне то-то и то-то!

Провожал Леля Велес по лесу — покатил впереди клубочек:

— Ну, ступай, Леляшка, за клубочком, куда катится он — путь туда держи, приведет он к Финисту Соколу.

Вот пришла она в царство темное, горы там в облака упираются, и дворец стоит между черных скал.

У дворца стала Леля похаживать и катать по блюдечку яблочко:

— Покатись, золотое яблочко, покатись по блюдечку серебряному, покажи мне Финиста Сокола!

Покатилось по блюдечку яблочко — показало Финиста Сокола. Увидала то Пераскея — ей понравилось блюдец волшебное.

— Не продашь ли, Леля, забавушку?

— Не продам — это блюдец заветное. А завет мой такой — ночью темную провести с твоим мужем Соколом.

«Не беда! — Пераскея думает. — Опою я Финиста Сокола, он всю ночь будет спать как убитый, ну а блюдец с яичком волшебное станет лучшей моей забавою!»

А в ту пору летал Финист по небу, избивая гусей и лебедушек, птиц небесных к себе заворачивая. Вот слетел и ударился о землю, обернулся вновь Волхом Змеевичем.

Опоила его Пераскея — поднесла ему чашу сонную, и заснул тотчас Финист Сокол.

— Что ж, иди, — прошипела Леляшке. — Финист твой на всю ночь, мой же будет — с рассвета.

Подошла Леля к спящему Финисту:

— Ты проснись-пробудись, Ясный Сокол мой! На меня погляди, к сердцу крепко прижми! Много лет прошло, много зим прошло. Я к тебе, Волх любимый, по свету шла — башмаков истоптала три пары железных, обломала три посоха тяжких чугунных и три каменных хлеба уже изглодала — все тебя, Ясный Сокол, по свету искала!

Целовала в уста его сахарные, прижимала его к своей белой груди. Но не слышал Волх околдованный.

Занималась уже зорька ясная, поднималось Солнце Красное, гасли на небе звезды частые.

Тут упала слезинка жгучая на щеку Волха — Финиста Сокола, пробудился Волх и раскрыл глаза:

— Здравствуй, Леля моя прекрасная!

Сговорились тут Финист с Лелею и бежали из царства пекельного. По утру Пераскея хватилась и подняла вой на все царство, во все трубы трубить приказала:

— От меня сбежал Волх-изменщик!

Тут сбежала к ней нечисть черная — прибежал и Вий, подземельный князь, и Горыня, Усыня с Дубынею, солетелись змеи летучие и сползлись змеи ползучие — и все ринулись в погоню. Из норы ползали — озирались, по песку ползали — извивались:

— Волха мы доведем до погибели и засадим его в темницу!

Финист Сокол тем временем с Лелею добежали до речки Смородины. Как у той ли у речки Смородины повстречались им Велес с Бурею, и сказали они Леле с Финистом:

— Вы бегите скорей в царство светлое ко Рипейским горам, к саду Ирию, — мы задержим погоню у реченьки!

Переправились Финист с Лелею — и погоня приблизилась к реченьке. Как увидели Змеи Велеса с Бурею Виевною у реченьки — тут же все они в норы спрятались, Вий и Виевичи разбежались, лишь Змея Пераскея ощерилась и набросилась на Велеса.

— Финист Сокол — мой! Пропусти меня!

Тут ответил ей буйный Велес, раскатился гром в царстве пекельном:

— Ты, Змея злокаманка, Змея Пераскея! Ты продала Волха за блюдечко, ну а Леля за ним на край света пришла! Башмаков истоптала три пары железных, обломала три посоха тяжких чугуновых!

Тут стряхнул Пераскею Велес и притопнул ее ногою, раздавил змею ядовитую.

Побежали Волх вместе с Лелею ко Рипейским горам, к саду Ирию. Обернулся он ярым Туром, Леля села на буюго Тура, — он скакнул первый раз — за версту скакнул, раз второй скакнул — уж не видно их. Обернулся Волх серым Волком, обернулась Леля Волчицею, побежали они по дремучим лесам, обернулись щуками быстрыми и поплыли по морюшку синему, обернулись птицами светлыми — полетели они по подоблачью.

Прилетел Финист Сокол с Лелею ко Рипейским горам, к саду Ирию, о Сырую Землю ударился, обернулся вновь сизым перышком. Леля спрятала сизо перышко и пришла к Сварогу небесному.

— Где же ты была, дочь любимая?

— Я гуляла по свету белому.

— Говорили мне ветры буйные, как летала ты вместе с Соколом, говорили мне волны синие, как ты плавала вместе со щукою, мне шептали леса дремучие, как бежала ты вместе с Волком, рассказало мне Солнце Красное, как на

буем Туре скакала ты... Покажи-ка мне Волха Змеевича — удалого Финиста Сокола!

Обронила тут Леля перышко — обернулось оно Ясным Соколом.

— Что ж, — сказал Сварог, — видно, Род судил, видно, так завязано Макошью — будет свадьба у нас небесная!

И сыграли свадебку в Ирии, стала Леля женою Волха, удалого Финиста Сокола.

236

На той свадьбе трубили трубы, лился хмель, и плясали звезды. И явились на свадьбу боги — сам Перун Громовержец с Дивой, и Стрибог, Семаргл и Велес, прилетела и Буря Виевна, и пришла Корова небесная. Хорс с Зарей-Зареницей и Месяц, Макошь с Долею и Недолею, и Марена пришла вместе с Живою.

И слетались на эту свадьбу со всего света белого птицы, и сбежались свирепые звери, и сошлись златоторгие туры, и сползлись ползучие змеи.

Веселился тогда весь подсолнечный мир, веселилось и царство подземное, пировало и царство небесное!

Стоит вспомнить и множество сказок про Змея Горыныча, который похищает (или ему отдают в дань) девиц-красавиц и с которым борются богатыри и герои — от былинного Добрыни Никитича до Иванушки-дурачка.

Сказания повествуют, что живет крылатый семиглавый дракон Змей Горыныч на Сорочинских горах в глубокой пещере. Возможно, речь идет о последних отрогах Уральского хребта. Недалеко от Бузулука находится древнее село-крепость Сорочинское. Некогда в этих местах жили волжские булгары, покоренные хазарами. В X в. русские разбили хазар, а до этого платили им дань. Добрыня побил Змея как раз в этих местах.

Хранит он там разные сокровища и похищенных девиц, за которыми летает на Святую Русь. Не раз сходились в битвах с Горынычем богатыри, сам Добрыня встречался с ним.

Однажды — когда повадился дракон прилетать в светлицу к некоей Марине Игнатьевне —

Вынимал Добрыня саблю вострую,
Воздымал выше буйной головы своей:
«А не хочешь ли, я Змей Горыныча
Изрублю на части пирожные,
Разбросаю во чистом во поле?»
А и тут семиглав Змей Горыныч,
Да и хвост поджав, да и вон побежал...
И, бегучи, он, Горыныч, заклиняется:
«Не дай бог мне бывать вновь
к Марине в дом!»

Но не утихомирился дракон и после пережитого страха. Похитил он племянницу князя Владимира Забаву Путятичну.

Случилось ей [Змее] лететь да мимо Киев-града.
Увидала она Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Идучи по улице по широкой.
Тут припадает Змее да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.
Тут уж борьба пошла не на живот, а на смерть.
Тучи нет — а только дождь дождит,
Дождя нет — искры сыпаются:
Летит Змеище Горыныще.
А как бросился Змей Горыныч,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил...

237

Но богатырь опять осилил дракона и на этот раз убил его. Много вытекало крови драконьей, трое суток стоял в ней Добрыня, не знал, как выбраться. На четвертый день услышал Добрыня глас с небес:

И бей копьём да во сыру землю,
Сам копьё да приговаривай:
«Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!»

Добрыня так и сделал. Ушла под землю драконья кровь.

Освободил он из змеиного полона всех царей и царевичей, королей и королевичей и простой люд. С тех пор на Руси жить стало легче.

Интересны сказки, рассказываемые народом. В них Змей Горыныч выступает не как страшное чудище, а как эдакий хитрец и обманщик, которого герой побеждает если не силой, так умом и смекалкой.

Чудесная рубашка

В некотором царстве жил богатый купец. Помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Два старших каждый день ходили на охоту.

В одно время взяли они с собой и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой, а его лишить наследства.

Иван — купеческий сын долгое время бродил по лесу, ел ягоды да коренья; наконец выбрался на равнину и на той равнине увидал дом.

Вошел в комнаты, ходил, ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба. Иван —

купеческий сын откусил от каждого хлеба по маленькому кусочку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетел орел, ударился о землю и сделался молодыцом; за ним прилетел сокол, за соколом — воробей, ударились о землю и оборотились тоже добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб у нас почат! — говорит орел.

— И то правда, — отвечает сокол, — видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

238

Стали гостя искать-вызывать. Говорит орел:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею.

Иван — купеческий сын вышел из-за двери, они его ласково приняли и назвали своим братцем. На другой день стал орел просить Ивана — купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван — купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. Оттого Иван — купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора. Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана — купеческого сына сокол: сослужиде службу еще один год! Иван — купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом. В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. Оттого Иван — купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ивана — купеческого сына: послужи-де службу еще один год! Он согласился.

Братья обратились птицами и улетели. Иван — купеческий сын прожил целый год один-одинехонек и, когда наступил урочный день, накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вышли, поздоровались и пообедали.

239

После обеда говорит старший брат, орел:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всюю сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Средний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее, никто тебя не осилит!

Иван — купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти. Иван — купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван — купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром. Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван — купеческий сын так мудр и силен. Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выпрашивать:

— Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла тот веник, изукрасила разными цветочками и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает:

— Зачем это веник изукрасила?

— А затем, — говорит Елена Прекрасная, — что в нем твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка на рогах.

Она приказала вызолотить быку рога.

На другой день Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем, — отвечает Елена Прекрасная, — что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и снова стала его выпрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

Иван — купеческий сын и выдал ей тайну:

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке.

После того уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, а самого изрубила в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить со Змеем Горынычем. Трое суток лежало тело Ивана — купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетелись клевать его. На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидели мертвого брата.

Бросился сокол вниз, поймал вороненка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мертвой и живой воды.

Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана — купеческого сына, спрыснули сперва мертвою водою, а потом живою. Иван — купеческий сын встал, поблагодарил их, они дали ему золотой перстень. Только Иван — купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь человеческим голосом:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызнет кровь моя наземь, заступи ее своею ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула; красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья.

Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого.

Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться.

Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка обратилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотиться, — увидал золотого селезня. «Дай, — думает, — живьем поймать!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану — купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горы-

ныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил Змея.

После того пришел Иван — купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную прогнал, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

Иван Туртыгин

241

В некотором царстве, в некотором государстве, в одном было королевстве, жил-был царь, и у царя была дочь одна-разъединая. Были у ней няньки и мамки. Раз она выпросилась в сад погулять с няньками и мамками; поднялся вихорь и унес Скипетру-царевну. Няньки и мамки закидались, забросались: «Как мы царю скажем?» Сказали царю; тот в упадок пришел. «Как мне быть? Как ее вернуть?» Кликнул клич — не отыщет ли кто. Приехали короли из иной земли — никто не может. Собрал царь простонародье — не может ли кто отыскать? Тот говорит: «Не могу». Другой: «Не могу. Мы не зна (е) м, где отыскать». Позади людей стоит мастеровой человек, Иван Туртыгин, и говорит: «Если мне царь половину царства отдаст, а ее в жены — я отыщу!» Народ услышал, взяли его, привели к царю: «Вот, ваше царское величество, он обещается, только бы вы исполнили». Тот говорит: «Царское слово свое не изменю». Иван Туртыгин и говорит: «Все, что мне нужно, чтобы все было готово: был бы мне большой корабль, матросы, да в услужение мне старого служащего». У царя все готово. Поплыл Иван Туртыгин. Подъезжает к царству, где этот самый Змей Горыныч живет; оставил корабль, а сам пошел пеший. Подходит к царству — пастухи скотину пасут. «Что, пастухи, чье это царство?» — «Змея Горыныча». — «А что он у вас, женат али холост?» — «Нет, он недавно женился: у белого царя дочь унес». — «А что, мне прийти можно?» — «Можно: у нас ни часовых, ни вестовых».

Всходит Иван Туртыгин в палаты, берет Скипетру-царевну за руку и уводит с собой. Увел на корабль, велел корабельщикам, чтобы на палубу как можно порошу насыпать и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдруг Змей Горыныч узнал и — в погонь. Они зажгли порох, он крылья спалил и отлетел. «Ну, хорошо же! Теперь ты, говорит, Иван Туртыгин, поплывешь: заезжай к моей сестрице, Аютой Змеице, снеси ей от меня поклон». — «Хорошо». Доплывает до этого места, где сестра его, оставляет корабль, а сам идет к Девеице Аютой Змеице. «Здравствуй, говорит, Девеица Аютая Змеица! Тебе Змей Горыныч кланяться велел». Она говорит: «Благодарю. Садись! Гость будешь. Давай со мной в шашки играть». — «Извольте». Сели они. Играли, играли — и видит Иван Туртыгин, что она его обыгрывает: бросил шашки и говорит: «Это что за шашки? У меня вот на корабле — ну так шашки! Я за ними схожу». Она не отпускает его: «Ты, говорит, обманешь!» — «Вот вам, если так, а я старого генерала оставляю, когда не верите; а сам сейчас приду».

Всходит на корабль и велит на две четверти порошу на палубу насыпать. Девеица Аютая Змеица видит, что его нет, собрала своих подданных и — в погонь

за ним. Собралась их туча и полетела. Она вслед кричит: «Топите корабль!» Иван Туртыгин увидал и велел зажечь порох. Те налетели, как дикие камни, — стал корабль качаться. Как порох взорвало, так их и разметало в море. Оставшие полетели к Девике Лютой Змеице назад. Она во второй раз еще больше силы собрала, чтобы этот корабль утопить.

Иван Туртыгин еще больше велел пороху насыпать. Раскидал их опять половинную часть, коали не больше. Они улетели и говорят Девике Лютой Змеице: «Достать его нельзя!» Она вышла и говорит: «Ну, обманул ты Змея Горыныча, обманул меня, Девицу Лютую Змеицу; поедешь мимо — заезжай к дедушке Кривому Богатырю, скажи поклон». — «Хорошо, заеду». Доезжает до места, оставил корабль, а сам ушел к Кривому Богатырю. Кривой Богатырь сидит обедает: жареный бык перед ним да чан воды. «Здравствуй, дедушка Кривой Богатырь!» — «Ах, Иван Туртыгин! Куда тебя это, как Бог занес?» — «К тебе побывать приехал. Девика тебе Лютая Змеица кланяется. Была, говорит, у нашего батюшки обжорлива корова: по стогу сена съедала, по чану воды выпивала». — «Ты еще, Иван Туртыгин, молодехонек надо мной, стариком, смеяться». — «Прости, дедушка Кривой Богатырь, я пошутил». — «Ну, ничего, садись со мной обедать». Сел, поел, делать нечего, и видит — плохо дело: выйти негде ему от него. «А чай, говорит, дедушка, тебе как хочется, чтобы обоими глазами глядеть?» — «Когда бы не хотелось — все бы лучше обоими-то видел». — «Я тебя вылечу: обоими будешь глядеть. Нет ли у вас олова?» — «Когда же нет?» Растопил Иван Туртыгин олово. «Нужно тебя теперь к столбу привязать!» Привязал к столбу середь двора. «Поворотись-ка!» Кривой Богатырь как поворотился, куды все пошло! «Ну нет, тебя надо старыми моржовыми ремнями привязать. Нет ли?» Тот сыскал. Привязал Иван его; велел поворотиться. Старик поворотился — ремни держат. Иван взял олово, растопил и вылил ему в последний глаз. «А, Иван Туртыгин, обманул ты меня, да нет, не обманешь! Двери держи! Калитки держи и заборы держи!» Нет Ивану Туртыгину ходу: ходил, ходил, выйти некуда. У старика овцы были. Вот он взял, к ним зашел да себя барану под брюхо и подвязал. Кривой Богатырь ходит, ищет Ивана Туртыгина, нигде не найдет. Кривой и вскричал: «Барашек, поди сюда!» Барашек один подойдет, он его погладит, а Иван-то своего барана в бок уколает, тот богатыря-то рогами хлысть: «Шалишь, барашек!» А баран-то вдругорядь. Осердился Кривой Богатырь, взял его за рога и выкинул через забор на улицу. Иван Туртыгин ушибся; отвязался, полежал малость, встал и говорит: «Ну, дедушка Кривой Богатырь, прощай!» — «А, обманул Змея Горыныча, обманул Девицу Лютую Змеицу, обманул и меня, Кривого Богатыря! Пойдешь лесом, там есть сабля, возьми ее: годится тебе!»

Подходит Иван Туртыгин к лесу, видит — висит сабля, на дереве качается, и думается ему: «Если мне ее взять, кабы чего не было». Взял, мизинчиком тронул, а дедушка Кривой Богатырь кричит: «Держи!» Мизинчик и пристал. Взял Иван Туртыгин ножик и отрезал себе палец. Шел путем-дорогой; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — и устал. Нашел на него Заплетай Заплетай, сорок рук, сорок ног, и облапил его; и не может он от него отодраться. На себе его долго носил, даже устал; шел и запнулся за мертвую богатырскую

голову. Взял да и толкнул ее ногой. Та и говорит: «Не толкай меня, Иван Туртыгин! Лучше схорони в песок. Я от его рук в землю пошел» (от Заплетая Заплетаяча, стало быть). Присел Иван, вырыл ямку и положил голову в песок. Голова и говорит: «Я тебе скажу, как от него избавиться: пойдешь ты вот этим долом и нападешь на ягоды; одне ягоды сладкие и манные, а другие ягоды — пьяные; сладких сам поешь, а пьяных ему бросай, через плечо; когда он напьется, ты сядь на припоре солнца».

Иван Туртыгин все это сделал. Заплетай Заплетаяч опьянел, уснул: и руки и ноги расплелись. Иван убежал, а его тут оставил. Бег он мало ли, много ли, подходит к другому лесу, и дерутся лев с окаянным. Увидали его — окаянный и говорит: «Ах, Иван Туртыгин! Помоги мне лютого зверя убить!» А лютый зверь говорит: «Эх, Иван Туртыгин! Ужели ты меня на окаянного сменяешь? Помоги мне! Вот тебе ковер-самолет и шапка-невидимка, если мне поможешь».

Он взял саблю и снес с окаянного голову. Лев и говорит: «Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу!» Довез он его до царства, снял с себя и говорит: «Ну, Иван Туртыгин, допьяна не напивайся, а мной, зверем, не похваляйся!» Простились. Лев ушел.

В царстве — звон страшный; народу по улице страсть ходит. Он и спрашивает: «Что у вас за звон?» — «Да у нашего царя свадьба скоро будет. Генералы ездили, царевну привезли; так за одного она выходит. Царевна-то ему при расставанье кольцо именное дала». — «Чай посмотреть можно?» — «Можно. Царевна у нас все из своих рук всякому подносит». Приходит, докладывают, что иностранец с поздравлением пришел. Она выходит и выносит ему стакан вина. Он принимает; она и увидала на нем свое кольцо. Берет его за руку, ведет к отцу в палату. «Вот, батюшка, мой избавитель!» Жених осердился. «Ну, говорят, расскажи, как вы ее достали?» Он и не может.

Генерала повесили, а Ивана Туртыгина в царскую одежду одели. Веселым пирком да за свадьбу. Пили, гуляли долго. Иван напился да и говорит: «Где бы мне к вашей свадьбе поспеть, кабы меня лютый зверь лев не подвез». Лютый зверь услышал и идет, зубами скрипит. «Подайте мне виноватого!» Того высылают, другого. «Нет, не тот. Виноватого давайте!» Иван Туртыгин услышал и говорит: «Ну, батюшка, видно, мне идти надо к лютому зверю». Выходит и говорит: «Виноват! Прости!» — «Нет, не прощу, я тебя похичу». — «Пожалуйста, прости! Тогда меня похить, когда я тебя утосу. Погуляй и ты на моей свадьбе».

Принесли корыто и налили в него разных вин. Лев напился и повалился. Его и сковали: и рот, и ноги — всего. Как он проснулся и говорит: «Эх, Иван Туртыгин, вспомни Бога, отца и мать! Раскуй меня, лютого зверя!» — «Нет, не раскую; а вот выпей еще, тогда раскуем». Еще налили. Лев напился допьяна, его и расковали. Проснулся лев, убег да и говорит: «Кто вино это пьет — недобрый человек. Тут не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!» А Иван Туртыгин женился на Скипетр-царевне и стал жить да поживать.

Записано со слов симбирской мещанки Елены Степановны Смирновой.

Из собрания сказок и преданий Самарского края,
собранных и записанных Д.Н. Садовниковым²²⁵

Царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?» По трое сутки кликал он клич, но никто не являлся. Приходит Борма Ярыжка. «Я, говорит, могу достать, а для этого мне надо снарядить корабль, да тридцать человек дайте мне матросов; корабль чтобы весь был окован жестью, все снасти и мачты, да тридцать бочек в него порошу, да на три года провизии, и если я через три года не ворочусь, значит — меня вживе не будет. А теперь мне с молодцами дайте попить да погулять». Ну вот он шесть недель с ними пьянствовал, пропился весь. Пошли на корабль. Ветер был попутный, подняли паруса и живо затопились. Приезжают к Вавилонскому царству. Он сошел на берег, взял двоих с собой матросов. А Вавилонское царство все было съедено змеями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашел он в ней корону, скипетр, и рук державу, и книжку при них. Матросы говорят: «Ну, теперь добыли — пойдемте на корабль!» А он: «Нет, говорит, надо в город сходить, а то нас будут спрашивать, а мы ничего не знаем». Змеи все пожирали, ничего кругом не осталось, а спали между обедней и заутреней в Светло Христово Воскресенье. В это время Борма и вышел на берег. Царь Вавилонский издал указ, чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах. Бог его и наказал: все эти змеи ожили и поели все живое. Около города вместо стены змея обвивалась. Ну вот Борма Ярыжка, чтобы перелезть стену и змея не задеть, слепил лестницу и перелез. Когда он шел городом, змеи, как мертвые, под ногами лежали. Иная взметнется, как наступят, и опять спит. Он никого живого не нашел и пошел прямо во дворец. Приходит — все комнаты пустые, а в последней царской комнате сидит (сделанная) Царь-Девка — наполовину змея, наполовину девка. Она над всем змеиным царством царствовала. Когда Борма Ярыжка вошел, она увидала и говорит: «А, Борма Ярыжка! Ты шел из Русского царства доставать корону, скипетр, рук державу и книжку, и они у тебя?» — «У меня». — «Достал?» — «Достал». — «Разорву, съем!» — «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мне мяса? Вот я тебе двоих в залог оставляю да и остальных приведу: все одно вместе пропадать. Через час вернусь». Она отпустила его да и говорит: «Ну, ступай, да не обмани!» Не успел он ступить из ее комнаты, Царь-Девка на матроса одной ногой ступила, другой розорвала при нем же. А Борма Ярыжка, как прибыл на корабль, так и закричал: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходит час. Царь-Девка видит — его нет. Посмотрела — ан чуть парус видно. «А, хитер, мудер Борма Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змеи мои, змеи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вот на этот корабль, утопите его!» А Борма сейчас велел три бочки порошу вынуть, разбил их и рассыпал порох по палубе. Змеи налетели, обцепили корабль и все снасти облепили. Царь-Девка прыгает на крыльце, радуется: «А! Попался!»

Он огонь в порох и кинул. Порох взорвало и у змеев все крылья опалило; которых добила, которых пожгла. «А! — сказала Царь-Девка. — Хитер, мудер

Борма Ярыжка!» Потом велел он матросам все бочки выкатить и разбить на палубе, а сам в лодку сел один и уехал. «Когда змеи налетят, вы порох и зажгите!»

Прилетел Змей Горыныч, что около города стеной лежал, и с ним много змиев. Двадцать семь бочек с порохом взорвало, змей многих пожгло, а Змей Горыныч уцелел и начал корабль топить. Корабль и потонул. Царь-Девка на крыльце заплясала. «Ну, Борма Ярыжка! Потонул-таки!» — «Ну, черт, пляши! Я-то здесь, да вот товарищей жаль». Поплакал Борма, да и стал думать: «Что делать мне? Водой ли плавать, сухим ли путем идти? Водой поплаыву — хоть и скорей может (быть), да есть нечего будет. Нет, лучше сухопутьем. Тут хоть корешок найдешь, с голоду не умрешь». Вышел из лодки и пошел. Шел много ли, мало ли, приходит к великолепному дому. Окружен дом каменной стеной, и ворота закрыты. Начал стучаться — отзыву нет, никто не откликается. А любопытство его разбирает: кто тут живет? Разбойники, кто ли? Сел на лавочку и стал ждать. К вечеру идет великан одноглазый, с лесом ровен. «А! Борма Ярыжка! Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты у сестры моей был?» — «Был». — «Корону, скипетр, рук державу и книжку достал?» — «Достал». — «Змеев выжег?» — «Выжег». — «Сестру мою обманул?» — «Обманул». — «Ну, я тебя разорву — съем!» — «Ну, чего есть-то: разве от меня сыт будешь? А вот давай по-братски сделаем: у тебя вот один глаз-то, а я тебе два сделаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда — два. Пойдем! Где у тебя казна и камни драгоценные?» Нашел — посмотрел. «Для глаза, говорит, надо. Станок ладить давай, тебя положить!» Сделал станок да связал великана снастями. «Ну-ка рванись, а то ведь глаз-то испортить можно». Тот как рванулся, так все и перелетело. И второй раз то же. Скрутил Борма великана воловьими жилами и спрашивает: «Ну а теперь не разорвешь?» — «Нет», — говорит.

Он пошел, взял олова, растопил, да и говорит великану: «Растопырь глаз-то, а то ошибешься — не такой сделаешь». Тот раскрыл глаз, а Борма и вылил туда горячего олова. Великан порвал воловьих жилы, все изорвал и поломал. «А, говорит, ты меня обманул! Ну, да постой, найду!» Затворил ворота и камень к ним привалил. Некуда Борме деться. А у одноглазого, вроде товарища, козел громадный жил. Вот Борма-то и подвизался к козлу под брюхо, а то не уйдешь, пожалуй, — и давай его под бока щекотать. А козел-то привык с одноглазым играть, разбежится, разбежится, да и ткнет. А тот говорит: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоел он одноглазому. Тот рассердился, схватил козла за рога, хотел об стену расшибить, да с Бормой вместе через стену и перекинул.

Борма не с пустыми руками ушел. Как только очутился на той стороне, отвязался от козла и крикнул: «А я здесь!» — «А, Борма Ярыжка! — закричал одноглазый. — Хитер ты и мудер! Ну! На от меня на память золотой топорик! Все равно!» Борма Ярыжка думает: «Недаром он кидает». Подошел да мизинцем чуть дотронулся до топорика. Как дотронулся, топорик и закричал: «Хозяин! Здесь! Держу!» Борма Ярыжка схватил ножик и отрезал себе палец. Пока тот отваливал камень, Борма убежал. «Эх! — крикнул топорик. — Не поспел! Вот тебе один палец!» Великан кинулся, весь его сгрыз; а Борма где за дерево спрячется, где камнем лукнет, — ушел.

Долго ли шел, нет ли, недалеко до Русской земли осталось: только через речку перейти. Опять увидал великолепный дворец. «Дай погляжу». Дожидался до вечера — приходит девка. «А, Борма Ярыжка! Здравствуй! Ты в Вавилонском царстве был?» — «Был». — «У моей сестры был?» — «Был». — «Змеев выжег?» — «Выжег». — «А у брата был?» — «Был». — «Глаз ему выжег?» — «Выжег». — «Ну, я тебя разорву — съем! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучаю!»

Эта девка его каждый день смертью стражала и двадцать лет с ним прожила, и прижила сына. Стало сыну двадцать лет. Вот раз она уходит в Вавилонское царство, к сестре, а Борму на цепи оставила и говорит сыну: «Я пойду, целый день не буду. Смотри, с цепи отца не отпускай, а то он хитер и мудер. Самого разорву, колипустишь, а к вечеру я сама вернусь». Она ушла. Борма и подзывает сына: «Сними цепь-то, дай я похожу». Тот снял. Походили. «Чего мы, — говорит Борма, — так-то зря ходим? Пойдем на реку, уток пострелям!» — «Нет, батюшка, ты меня обманешь». — «Нет, зачем? Ты ведь сын мне! Ведь тошно мне: я двадцать лет на цепи сидел!» Пошли уток стрелять на реку, а за эту реку нечисть не перелетала. Убил Борма утку и послал сына за уткой; сам плот сдelaл на реке и поплыл. «Батюшка! — закричал сын. — Что ты дела (е)шь?» А девка уж на берег прибегла, кричит: «А, Борма Ярыжка! Хитер и мудер! На вот тебе твою-то половину, не надо мне!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плот, он и стал тонуть. Борма взял, да ножом ее и вырезал. Плот опять поплыл и переехал в Русь святую.

Девка побесилась, побесилась, а сделать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмеялся над ней и дальше пошел. Приходит в такое место, словно вычищенный сад. Местами выбито, словно ямами, местами на кустах кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взял Борма Ярыжка и взлез на дерево и спрятался в ветвях. Немного посидевши, видит: бежит лев, и в ту же минуту прилетает змей, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабели и упали, а один другого не отпускает. Вот Борма Ярыжка и думат: «Кому помочь? От змеев я много терпел, заступаюсь за льва». Взял, да и выстрелил в змея. Змей раненый ослабел, и лев его задушил. Задушил змея и смотрит, глазами ищет, кто это ему помог. А Борма боится слезть с дерева: кабы его лев-то не съел. Лев увидал Борму и говорит: «Слезь! Я тебя не съем. Тебе еще три года идти, а я тебя в три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя съем!» Борма слез и сел на льва. Тот его мигом довез до города и убежал. Борма пошел прямо во дворец и сказал о себе; а там уж и забыли о нем, потому что тридцать лет назад был отправлен корабль за поиском короны, скипетра, рук державы и книжки при них. «Ну что, чем мне тебя наградить?» — спрашивает Борму Иван Васильевич. «Да что? Дозволь мне три года безданно, беспошлинно пить во всех кабаках!» И вот стал Борма пить-попивать, пьяниц за ним нетолчена труба. Напившись раз, он хвалиться стал: «Мне бы еще три года идти, да меня лев подвез в три часа, за то, что я змея убил». Как эти слова выговорил, и спохватился, да уж поздно. Сейчас же побежал на царский двор и велел врыть в землю три пивных котла и укрепить их как можно крепче. Только что успе-

ли их укрепить и налить в один меду, в другой вина, а в третий самого крепкого спирту, как поднялась буря, и вслед за ней бежит лев и сейчас же к Борме! «А, ты мной похвалился! Так я тебя съем!» — «Это не я». — «А кто же?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему указал на котел с медом. Лев весь котел выпил и выворотил из земли. «Кто мной хвалился?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему указал на котел с вином. Лев его весь выпил и выворотил. «Кто же мной хвалился?» — «Хмель». — «А где он?» Он ему показал на котел со спиртом. Лев выпил котел, выворотил и пьяный тут же растянулся.

247

Борма велел вбить около льва столбы и оковать цепями. Когда лев встряхнулся — хватать, и встать нельзя. Борма подошел и говорит: «Вот видишь, что хмель-то делает? Не я тобой хвалился, а хмель. Я тебе бы теперь мог голову срубить, да не сделал этого». — «Ну, пусть, Борма Ярыжка!» Тот велел его расковать; лев и убежал. После этого Борма недели три пьянствовал и опился в кабаке.

Записано от симбирского мещанина Петра Степановича Полуехтова.

Из собрания сказок и преданий Самарского края,
собранных и записанных Д.Н. Садовниковым²²⁶

Да не только Змей Горыныч был известен на Руси.

Чудо-Юдо — дракон страшный, многоглавый, могучий. И огромный. «Вообще, слово “чудо”, — пишет исследователь и знаток русского фольклора А.Н. Афанасьев в книге “Поэтические воззрения славян на природу”, изданной в 1866 году, — в старину означало великана» — и отсылает нас к словарю церковнославянского языка.

Имя же «Юдо», как считают многие ученые, восходит к древнеиндийскому слову «йадас» — водяное животное. Действительно, Чудо-Юдо связано с водной стихией. Появляется Чудо-Юдо всегда из воды. Вот как это описано в одной сказке: «Утка крикнула, берега звякнули, море всколыхалось — лезет Чудо-Юдо, змей шестиглавый». Он владеет двумя волшебными источниками: если испить из одного — станешь могучим богатырем, из другого — будут волосы золотые.

В другой народной сказке описана встреча на Калиновом мосту, что перекинут через реку Смородину, Чуда-Юда и русского богатыря Ивана Быковича — коровьего сына.

«Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает Чудо-Юдо шестиглавое. Вот сошлись они, поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-Юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаха сшиб ему три головы. Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил Чуду-Юду и последние головы, взял туловище, рассек на мелкие части да побросал в реку Смородину, а шесть голов под Калиновый мост сложил».

На следующий день выехало биться с Иваном Быковичем уже десятиглавое Чудо-Юдо. Тут уж богатырю пришлось трудней.

«Как махнул богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а Чудо-Юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал. Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока Чудо-Юдо протирал свои глазища, богатырь отрубил ему и остальные головы». Так победил Иван Быкович десятиглавое чудище. Но и это еще не конец боя. На другое утро...

«Выезжает Чудо-Юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебристая, хвост и грива — золотые.

— А, ты здесь? Зачем пришел?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать!

— Куда тебе мою крепость пробовать! Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришел с тобой не сказки сказывать, а насмерть воевать!

Размахнулся своим острым мечом и срубил Чуду-Юду три головы. Чудо-Юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, словно с плеч не падали».

И сколько Иван Быкович голов ни рубил — все они волшебным образом прирастали обратно. Совсем плохо пришлось богатырю. Но тут...

«Иван Быкович приловчился и отсек Чуду-Юду огненный палец. После этого давай рубить ему головы, сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину». Тут многоглавым Чудам-Юдам и конец.

Очень известна на Руси была сказка о Еруслане Лазаревиче.

В ее основе — «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — древнерусская переводная повесть, ранние списки которой датированы 1640-ми гг. Еруслан Лазаревич, Руслан, Уруслан Залазарович — герой древнерусской книжной сказочной повести и фольклора. Имя Еруслан Лазаревич и некоторые сюжеты (поиски богатырского коня Араша, бой Еруслана Лазаревича с сыном) восходят к иранскому эпосу о Рустаме («Шахнаме» Фирдоуси).

Сказка о славном могучем богатыре Еруслане Лазаревиче

В некотором государстве жил король Картаус, и было у него на службе двенадцать богатырей. А самым сильным и главным из двенадцати богатырей почитался князь по имени Лазарь Лазаревич. И сколько ни старались другие богатыри, никто из них не мог на поединках победить молодого Лазаря Лазаревича.

И вот исполнилось ему двадцать лет. Стали родители поговаривать:

— Приспело время сыну семьей обзаводиться!

Да и сам Лазарь Лазаревич жениться был не прочь, только невесты выбрать никак не может: то отцу с матерью не по нраву, то жениху не любя.

Так и шло время. И стал Лазарь Лазаревич проситься у родителей:

— Отпустите меня в путь-дорогу. Хочу на белый свет поглядеть, да и себя показать.

Родители перечить не стали. И вот распростился добрый молодец с отцом, с матерью и уехал из Картаусова королевства. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли путь продолжался — приехал Лазарь Лазаревич в иноземное королевство. А в том королевстве весь народ в великой тоске-печали: убиваются-плачут все от мала до велика. Спрашивает он:

— Какая у вас беда-невзгода? О чем весь народ тужит?

— Ох, добрый молодец, не знаешь ты нашего горя, — отвечают ему. — Повадились в наше королевство морской змей летать и велел каждый день по человеку ему на съедение посылать. А коли не послушаемся, грозитя все наши деревни и города спалить — головней покатить. Вот и сегодня провожали одну девицу, отвели на морской берег, на съедение морскому чудовищу.

Богатырь не стал больше ни о чем спрашивать, прищипорил коня и поскакал на морской берег.

В скором времени увидал он — сидит на берегу девица, горько плачет. Подъехал к ней Лазарь Лазаревич:

— Здравствуй, девица-душа!

Подняла девица голову, взглянула на него и промолвила:

— Уезжай-ка, добрый человек, отсюда поскорее. Выйдет сейчас из моря змей, меня съест, и тебе живому не бывать.

— Не к лицу мне, девица-красавица, от змея убегать, а вот отдохнуть охота: притомился в пути-дороге. Я вздремну, а ты, как только змей покажется, тотчас же разбуди меня.

Слез с коня, лег на траву-мураву и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало ли прошло времени, вдруг взволновалось море, зашумело, поднялась большая волна. То змей море всколыхнул. И принялась девица будить чужеземного богатыря. А Лазарь Лазаревич спит, не пробуждается.

В ту пору змей из воды вынырнул, выбрался на берег. Заплакала девица горючими слезами, и упала одна слеза богатырю на лицо. Он проснулся, увидал змея.

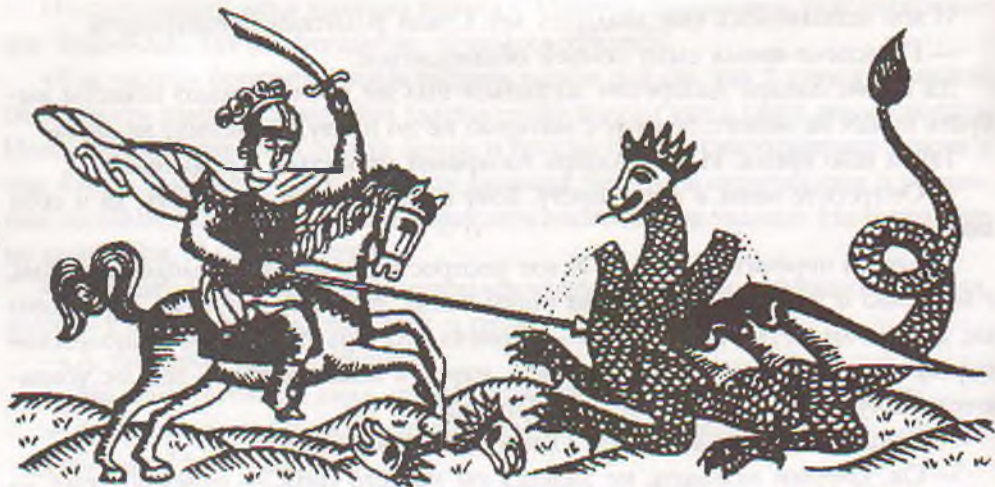
Змей ухмыляется:

— Эко, как сегодня раздобрились: вместо одного человека двоих привели, да еще и коня наприбавок!

— А не подавишься ли одним мной, поганое чудовище? — закричал богатырь и кинулся на змея.

Началась у них смертная схватка, кровавый бой. Долго бились-ратились. И стал Лазарь Лазаревич замечать, что притомился змей, слабеть начал. Тут богатырь изловчился, кинулся на чудовище и с такой силой ударил его булатным мечом, что напрочь отсек змею голову.

Битва Еруслана Лазаревича со Змеем.
Древнерусская дубочная картинка

Подошел потом к девице, а она чуть живая от страха. Окликнул ее. Девица обрадовалась:

— Ой, не чаяла я живой остаться и тебя живым, невредимым увидеть! Спасибо, что избавил меня от лютой смерти, и я прошу тебя, добрый молодец, не знаю, как по имени звать-величать, поедem к моим родителям. Там батюшка наградит тебя!

— Награды мне никакой не надо, а к отцу-матери тебя отвезу.

Сперва девице помог сесть, а потом и сам сел на коня. Приехали в город. Отец с матерью увидели из окна дочь — глазам не верят. Выбежали встречать. Плачут и смеются от радости.

— Неужто лютой змей пощадил тебя, дитятко?! Или сегодня только отпустил еще раз повидаться с нами, погоревать?

— Вот кто избавил меня от лихой смерти, — отвечала девица и указала на Лазаря Лазаревича. — Он убил проклятого змея.

Отец с матерью не знали, как и благодарить богатыря. Под руки ввели его в белокаменные палаты, усадили за стол на самом почетном месте. На стол наставили всяких кушаньев и питья разного. Ешь, пей, чего только душа пожелает.

А после хлеба-соли отец стал спрашивать:

— Скажи, храбрый рыцарь, чем отблагодарить тебя?

Опустил добрый молодец буйну голову, помолчал, потом посмотрел на родителей и на девицу-красавицу:

— Не прогневайтесь на меня за мои слова. Я есть князь из славного Картаусова королевства. Ваша дочь-красавица мне по сердцу пришлась, и если любя ей, так благословите нас под венец идти. То и была бы для меня самая большая награда.

Услышала эти речи девица, потупилась, зарделась как маков цвет.

А отец сказал:

— Ты, любезный Лазарь Лазаревич, мне по душе, по нраву пришелся, а дочь неволить не стану и воли у нее не отнимаю. Как она сама скажет, так тому и быть. Не прими моих слов за обиду. Ну, что скажешь, дочь милая?

Пуще прежнего зарумянилась красавица и тихонько промолвила:

— Уж коль пришла пора мне свое гнездо вить, так, видно, так тому и быть. Люб мне Лазарь Лазаревич, избавитель мой.

— А невеста согласна, так мы с матерью и подавно перечить не станем, — сказал отец. — За нашим благословением дело не станет.

И в скором времени принялись веселым пирком да за свадебку.

Свадьбу сыграли, пир отпировали, а после свадьбы Лазарь Лазаревич увез молодую жену в свое королевство.

На исходе первого года родился у них сын. Назвали его Ерусланом.

Рос Еруслан не по дням, а по часам, будто тесто на опаре подымался. В три года был как десятилетний.

И стал он на царский двор побегивать, с боярскими детьми стал в игры играть. А сила у него была непомерная, и он по молодости да несмышлености шутил с боярскими детьми шутки нехорошие: схватит кого за руку — рука прочь, кого за ногу схватит — ногу оторвет.

Пришли бояре к королю Картаусу, жалуются:

— Мы в великой обиде. Сын Лазаря Лазаревича губит, калечит наших детей. В играх удержу не знает, кому руку, кому ногу оторвал. Осуши наши слезы, государь! Прикажи Еруслана Лазаревича в темницу посадить, либо пусть он уедет из нашего королевства.

Приказал король Картаус позвать Лазаря Лазаревича и сказал ему:

— Приходили ко мне бояре, на твоего Еруслана жаловались. Обижает он, калечит боярских детей. И я тебе велю: либо заключи своего сына в темницу, либо отправь прочь из нашего королевства.

Выслушал Лазарь Лазаревич королевский приказ, опустил буйну голову ниже могучих плеч и пошел домой в большой печали.

— Что это, Лазарь Лазаревич, ты такой кручинный? — встретила его жена. — Или какая беда-невзгода приключилась?

Рассказал Лазарь Лазаревич про королевский приказ и промолвил:

— Это ли не беда-невзгода?

Горько жена заплакала. А Еруслан Лазаревич весь разговор слышал, подошел к родителям, учтиво поклонился и говорит:

— Не гневайтесь на меня, батюшка и матушка, злого умысла я не держал, когда играл с боярскими детьми, а вашей вины в том нету. И коли король Картаус приказал мне уехать из королевства, так, видно, так тому и быть. Да вот еще: достать бы мне меч булатный по моей руке, доспехи ратные и коня.

— Да разве мало у нас коней в конюшне? — сказал Лазарь Лазаревич. — А мечей да доспехов ратных полон оружейный покой, знай выбирай!

— Доспехи-то и меч я подберу в оружейном покое, — ответил Еруслан Лазаревич, — а вот коня по мне у нас в конюшне не нашлось. Всех до одного

испытал. Выведут конюхи какого, брошу на холку руку — сразу на коленки упадет. На таких мне не ездить.

— Ну тогда ступай в заповедные луга. Там Фрол-пастух стережет моих коней. Кони в табунах необъезженные, там и выберешь коня по себе, — проговорил Лазарь Лазаревич.

И стали собирать, снаряжать Еруслана Лазаревича. Подобрал он доспехи богатырские, по руке себе разыскал булатный меч и копье долгомерное, взял седельце черкасское, потничек, войлочек, уздечку наборную да плетку ремennую. Простился с отцом, с матерью и отправился в путь-дорогу.

Вышел из города и шел долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и пришел на заповедные луга. По лугам дорога проторена. В ширину та дорога — коню не перескочить. «Кто же по этой дороге ездит? — подумал Еруслан Лазаревич. — Дай-ка сяду на обочине, подожду».

Много ли, мало ли времени просидел и увидал: бежит по дороге табун коней. Тот табун только что пробежал, а за ним другой, больше прежнего скачет. И вслед табунщик едет. Сравнялся он с Ерусланом Лазаревичем и заговорил:

— Здравствуй, Еруслан Лазаревич! Чего тут сидишь? Кого ожидаешь?

— А ты кто такой? И почему знаешь, как меня зовут?

— Да как мне тебя не знать! Ведь я служу табунщиком у твоего родителя Лазаря Лазаревича.

Обрадовался Еруслан Лазаревич:

— Меня батюшка натакал идти в заповедные луга коня выбрать. У нас на конюшне все конишки не ражие. Которому брошу руку на холку, тот и упадет на коленки. Тем коням не носить меня. Пособи мне, Фролушка, коня достать, век твое добро помнить буду.

— Не тужи, Еруслан Лазаревич, дело обойдется. Есть у меня конь на примете. Конь богатырский. Когда воду пьет, на озере волны будто в бурю вздымаются, с деревьев листья осыпаются. Только не знаю, сможешь ли ты его поймать? Если поймаешь да сумеешь удержать, конь тебе покорится, почует наездника. Вот он — впереди первого табуна с водопоя бежит, гляди!

Промчался табун мимо, а табунщик говорит:

— Пойдем к озеру, я покажу, где конь воду пьет, а ты завтра с утра садись там в засаду и жди.

Наутро притаился Еруслан Лазаревич и стал ждать. Слышит: задрожала земля, послышался конский топ, все ближе и ближе... И вот проскакал мимо к водопою первый табун. Всех впереди — конь-огонь: глазами искры мечет, из ноздрей пламя, из ушей дым кудреват подымается. Забрел по колено в воду и стал пить. В озере волны поднялись, на берегу с деревьев листья посыпались.

Напился конь и только выскочил на берег, как Еруслан Лазаревич ухватил его правой рукой за гриву, а в левой уздечку держит. Взвился конь и так ударил копытами, что земля задрожала, но вырваться из рук богатыря не мог и утихомирился, почуял настоящего хозяина.

— Вот эдак-то лучше, Орош Вещий! — Взнуздав его, взял повод в руки, отвел туда, где седло да доспехи лежали.

Оседлав Еруслан Ороша Вещего, надел на себя доспехи ратные. В это время подъехал к водопою Фрол-пастух:

— Вижу, покоришься тебе конь! Сумел совладать.

— Спасибо, Фролушка! Сослужил ты мне службу. Век буду помнить!

На том они и распростились. Видел табунщик, как добрый молодец на коня садился, а не успел заметить, как он из глаз скрылся, только пыль столбом завилась, будто его и не было.

253

Ехал Еруслан Лазаревич день ли, два ли и выехал на широкое поле. Смотрит: что такое? Все поле усеяно мертвыми телами. Лежит на том поле рать-сила побитая. Громко вскричал Еруслан Лазаревич:

— Есть ли жив хоть один человек?

Отозвался голос:

— Только я один и остался жив из всего нашего войска!

Подъехал Еруслан и спрашивает:

— Скажи, кто побил, повоевал ваше войско?

— Иван, русский богатырь, — отвечает раненый воин.

— А где теперь Иван, русский богатырь?

— Поезжай на полдень, может, его и настигнешь. Он уехал биться с другим нашим войском.

Еруслан Лазаревич повернул коня и поехал. Ехал долго ли, коротко ли и выехал на большое поле — широкое раздолье. И на этом поле лежит побитая рать-сила.

Снова богатырь крикнул громким голосом:

— Коли есть тут кто живой, откликнись!

Приподнялся один человек:

— Чего тебе надо, витязь? Я только один жив и остался из всего нашего войска.

— Чья эта побитая рать и кто вас повоевал?

— Лежит тут войско Феодула Змеулановича. А побил-повоевал нас Иван, русский богатырь.

— А где он сейчас, Иван, русский богатырь?

— Да вот видишь поскоки коня богатырского: целые холмы земли из-под копыт мечет. Держись этой ископыти и, коли конь у тебя резвый, настигнешь его.

Поблагодарил Еруслан Лазаревич воина и поехал вокруг поля в ту сторону, куда вела ископыть. Ехал он и день, и два с утренней зари до вечерней и на третий день увидал на зеленом лугу шатер белополотняный. Возле шатра богатырский конь пшеницу ест. Еруслан Лазаревич расседлав, разнуздав своего коня и пустил его на волю. Орош Вещий тотчас подошел к пшенице и тоже принялся есть.

Вошел Еруслан Лазаревич в шатер и видит: спит в шатре крепким сном Иван, русский богатырь. Ухватился было Еруслан за меч, да подумал: «Нет, не честь мне, а бесчестье на сонного руку подымать, а вот самому с дороги отдохнуть надобно». Подумал так и сам повалился спать.

Первым проснулся Иван, русский богатырь. Проснулся и увидел незваного гостя. Стал его будить:

— Встань, проснись, пробудись, добрый молодец! Еруслан Лазаревич поднялся, а Иван, русский богатырь, говорит:

— Хотя и лег ты спать у меня в шатре незванный, непрошенный, да ведь постоя с собой не возят. По нашему русскому обычаю, коли гость гостит да не пакостит, такому гостю — всегда честь и место. А ты, как видно, худых мыслей не держишь. Садись со мной хлеба-соли отведать да рассказывай, кто ты есть таков? Чьих родов, каких городов, как звать-величать тебя?

— Я из славного королевства Картаусова. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О тебе, Иван, русский богатырь, слышал много, и захотелось с тобой свидеться. Гнал по твоему следу много дней, видал побитые тобой рати Феодула Змеулановича. Мнил я себя самым сильным богатырем, а теперь и без поединка вижу — ты сильнее меня. Будь мне названным старшим братом!

Побратались Иван, русский богатырь, и Еруслан Лазаревич, выпили по чарке зелена вина, поели дорожных припасов и стали беседу продолжать. Спрашивает Еруслан Лазаревич:

— Скажи, брат названный, почему ты бьешься-ратишься с королем Феодулом Змеулановичем? Чего ради извел у него столько войска?

— Да как же, любезный Еруслан Лазаревич, мне было не биться, не ратиться? Полюбили мы друг друга с красной девицей-душой, дочерью Феодула Змеулановича, и приехал я в его королевство честь по чести, по добру делу, по сватовству. А Феодул Змеуланович нанес чести великую поруку, стал браниться, кричать: «Знать-де его, прощельгу, не знаю, ведать не ведаю и на глаза не пушу! Скоро на ваше царство войной пойду, всю Русь повоюю, а русских богатырей в полон возьму». И послал мне навстречу войско. Напало на меня войско, а ведь известное дело: кто меч первый поднял — от меча и погибнет. И побил, повоювал я Змеуланову рать, а он вслед другую послал. И ты сам ведаешь, что с ней случилось. Вот и надумал я сказать ему: «Совсем напрасно ты, Феодул Змеуланович, на свою силу понадеялся! Хвастал, что Русь повоюешь, богатырей русских полонишь. А вышло не по-твоему. Так не лучше ли нам замириться подобру-поздорову? Отдай своей волей дочь за меня, а не то силой возьму». Поедем со мной, Еруслан Лазаревич, мой названный брат, к стольному городу короля Феодула Змеулановича. Коль станем свадьбу играть, так на свадьбе попируешь.

Снарядились богатыри и поехали. Подъехали к городу на полпоприща, и затрубил Иван, русский богатырь, в боевой рог.

Прискакал вершник из пригородной заставы к королю:

— Иван, русский богатырь, всего на полпоприща от города стоит. А с ним приехал какой-то чужестранный богатырь.

Всполошился Феодул Змеуланович:

— Ох, беда какая! Он один две рати побил, а теперь, коли их двое, все наше королевство в разор разорят!

Потом мало-помалу опомнился, слез с теплой лежанки, корону надел, приосанился:

— Эй, слуги! Зовите скорее королеву, пойдем с хлебом-солью встречать, авось замирился. — Послал своих князей да бояр: — Ступайте на заставу, ведите Ивана, русского богатыря, в город, а мы с королевой у ворот встретим.

С почестями да с хлебом-солью встретили названных братьев.

— Что между нами было, то прошло, пусть быльем порастет, — сказал король, — а мы с королевой рады-радехоньки честь по чести гостей принять.

Раздернули во дворце столы, и пошел пир горой. А в скором времени и свадьбу принялись играть.

На свадебном пиру Еруслан Лазаревич улучил время и спросил невесту Ивана, русского богатыря:

— Прекрасная королевна, есть ли на свете кто красивее тебя?

Смутилась королевна от этих слов:

— Про меня идет слава, что я красивая, но вот, слышно, за тридевять земель, в тридесятом государстве живут три сестры, так младшая из трех сестер краше меня.

— А не слыхала ли ты, кто, кроме Ивана, русского богатыря, твоего супруга, сильнее меня?

— Про тебя и про твою силу и храбрость, Еруслан Лазаревич, тоже катится слава по всей земле. А вот слух идет, что в славном Индийском царстве стоит на заставе тридцать лет богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка. Говорят, он богатырь из богатырей, а который из вас двоих сильнее, про то сказать не могу, да и никто не может, покуда вы силами не померитесь.

Поблагодарил он красавицу королевну, и на том их беседа окончилась. А когда свадебный пир отпировали, стал Еруслан Лазаревич прощаться со своим названным братом Иваном, русским богатырем, и его молодой женой. Они его уговаривают:

— Погостил бы еще хоть сколько-нибудь дней!

— Нет, спасибо! Я и так у вас загостился, мой Орош Венций отдохнул, и пора путь продолжать.

Оседлал коня, надел богатырские доспехи и поехал за тридевять земель в тридесятое государство.

Едет Еруслан Лазаревич день с утра до вечера, с красна солнышка до заката. И так много дней путь-дорога продолжалась. Приехал в тридесятое государство, где жили красавицы сестры. Коня привязал к точеному столбу, к золоченому кольцу, задал корму, а сам поднялся на резное крыльцо: стук-стук-стук!

Двери открыла девушка-покоевка, спрашивает:

— Кто ты есть таков? По какому делу пожаловал? Как про тебя называть?

— Скажи: приехал-де витязь из славного Картаусова королевства. А зовут меня Еруслан Лазаревич. Надо мне трех прекрасных сестер повидать.

Убежала сенная девушка, и, не мешкая, вышли к нему три сестры, одна другой краше:

— Милости просим, добрый молодец. Пожалуйте в покои!

Перво-наперво усадили гостя за стол, наставили перед ним всяких кушаньев и напитков. Напоили, накормили.

Встал Еруслан Азаревич из-за стола, учтиво трем девицам поклонился:

— За угощение спасибо! Теперь сам вижу: не зря молва по всему белому свету катится, что никого нет краше вас да приветливее!

Сестры при этих словах глаза опустили, зарделись, зарумянились, потом взглянули друг на друга и ответили гостю:

— Спасибо на ласковом слове, любезный Еруслан Азаревич! Но только напрасно считают нас первыми красавицами. Вот в Вахrameевом царстве царевна, дочь царя Вахrameя, — та настоящая красавица. Всем Марфа Вахrameевна взяла. И ростом, и дородством, и угожеством. Глаза у нее с поволокою, брови черные, соболиные, идет, как лебедушка плывет! Вот уж она из красавиц красавица!

— Про мудрость вашу тоже идет молва. И вот еще хочу спросить вас, прекрасные сестрицы, не слыхали ли вы, кто самый сильный богатырь на свете?

— Слухом земля полнится, — они отвечают. — Идет слава про Ивана, русского богатыря. Говорят о нем, что он самый сильный и храбрый.

— Ивана, русского богатыря, я и сам хорошо знаю. Он мне названный старший брат.

— И о твоей силе да храбрости, наш гость дорогой, — продолжали девицы, — молва докатилась до нас раньше, чем ты сам сюда пожаловал. Да вот еще много говорят о сильном богатыре Ивашке Белой епанче, Сарацинской шапке. Он стоит тридцать лет на заставе в славном Индийском царстве. Ну а видеть нам его не приходилось.

Побеседовал с прекрасными сестрами Еруслан Азаревич, поблагодарил их за хлеб, за соль и распрощался.

Выехал из города и призадумался: «Много времени я странствую и не знаю, что дома творится. Надо домой попадать, отца с матерью проведать. И заодно попрошу благословения жениться. После поеду в Вахrameеево царство да стану сватать Марфу Вахrameевну».

Поворотил Ороша Вещего и поехал в Картаусово королевство.

Едет Еруслан Азаревич и едет: день да ночь — сутки прочь. Как Орош Вещий отощает, тогда расседает, разнуздает коня, покормит и сам отдохнет, а потом с новыми силами путь продолжает. И вот, наконец, стал к родным местам подъезжать. В нетерпенье коня понукает и скоро увидал вдали стольный город Картаусова королевства. Въехал на пригорок, смотрит и глазам не верит. Вокруг города чьих-то войск видимо-невидимо. Город со всех сторон войсками окружен. Конники скачут на борзых конях, а пешие к городским воротам подступают. «Что тут дется?» — подумал он. Только успел с холма спуститься, встретился ему Фрол-табунщик. Прочь от стольного города уезжает.

— Здравствуй, Фролушка!

Табунщик остановил коня, узнал Еруслана Азаревича, поздоровался.

— Не знаешь ли ты, — спрашивает богатырь, — чья это рать-сила столь велика к нашему городу подступает?

— Ох, Еруслан Лазаревич! Поехал я из заповедных лугов в город на подворье к твоему родителю, князю Лазарю Лазаревичу, да чуть было в полон не угодил. Спасибо, конь выручил, ускакал я от неприятеля, и вот гоню прочь от города обратно в заповедные луга. Такая ли то беда-напасть приключилась. Подступил, вишь, к нашему стольному городу князь Данила Белый с несметными полками конного и пешего войска, а у нашего короля Картауса богатырей, кроме князя Лазаря Лазаревича, в городе нет никого. Кто куда разъехались. Заперлись король с боярами, да горожане за городскими стенами отсиживаются. Ни в город, ни из города проезда нет, и грозит Данила Белый все королевство разорить.

257

Видит Еруслан Лазаревич оборонять королевство некому. Да и войска у Данилы Белого нагнано тьма-тьмушная. Разгорелось сердце молодецкое, раззудилось плечо богатырское: хлестнул он плетью Ороша Вещего и поскакал к городу.

Увидали неприятели — скачет прямо на них богатырь. Переполошились, загладели:

— Богатырь едет Картаусу на подмогу! Сам князь Данила Белый повел конников навстречу и кричит:

— Живым его берите, ребяташки!

А Еруслан Лазаревич разогнал коня и как вихрь налетел на Данилиных конников. Рубит мечом и колет копьем направо и налево, а Орош Вещий грудью коней валит, всадников поверженных копытами топчет. И скоро все поле усеялось телами. Остальные конники, кто успел, разбежались.

В ту пору увидал Еруслан Лазаревич самого Данилу Белого, нагнал его, ударил тупым концом копья долгомерного и вышиб из седла... Ступил ему на грудь Орош Вещий. Взмолился князь Данила:

— Оставь меня в живых, храбрый, могучий богатырь! Клятву даю, что ни один мой воин не переступит веки-во-веки границы Картаусова королевства! Детям и внукам своим закажу не воевать с вашим королевством.

— Будь по-твоему, — сказал Еруслан Лазаревич, — но, если когда-нибудь клятву нарушишь, тогда пощады не будет!

— Век твое великодушие буду помнить и клятвы моей не нарушу! — сказал Данила Белый, поднялся на ноги, тотчас приказал снять осаду и повел свои войска прочь от Картаусова королевства.

В городе увидели: уходят вражеские войска. И вдруг закричали:

— Да ведь это Еруслан Лазаревич, сынок князя Лазаря Лазаревича!

Весть эта скоро дошла до Лазаря Лазаревича и до самого короля.

Отец с матерью и король Картаус с ближними боярами вышли из главных ворот и с великими почестями встретили Еруслана Лазаревича. Мать от радости плакала и обнимала сына. Король Картаус прослезился и проговорил:

— Не знаю, чем отблагодарить тебя, Еруслан Лазаревич, за то, что спас ты нас всех и наш стольный город. А за старое, за давнее обиды на меня не держи. То дело прошлое. А теперь гостя желанного надо кормить, поить!.. Выкатите бочки с вином да с медами стоялыми! — король приказал. — Пусть сегодня все угощаются и прославляют силу и удаль славного могучего богатыря Еруслана Лазаревича!

Три дня тот пир продолжался. А на четвертый день Еруслан Лазаревич поблагодарил короля Картауса за угощение, низко отцу с матерью поклонился и сказал:

— Долго мы были в разлуке. Много разных земель и городов я повидал, а все равно не усидеть мне дома. Охота еще на белый свет поглядеть и себя показать. Отпустите меня, любезные батюшка и матушка! А если доведется встретить суженую, дайте родительское благословение.

Отцу с матерью прекословить не стали. Благословили сына и начали собираться в путь-дорогу.

— Не удержишь такого сокола в родительском доме. Сам был молодой, по себе знаю! — сказал Лазарь Лазаревич. — Пусть поедит, потешится!

Оседла Лазаревич своего Ороша Вещего, надел на себя доспехи богатырские, распрощался с домашними и поехал.

Выехал из своего города и подумал: «Сперва я поеду в славное Индийское царство, погляжу, что за богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка. А оттуда в Вахrameево царство заеду. Охота повидать Марфу Вахrameевну».

Ехал Еруслан долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, стал подъезжать к славному Индийскому царству. Смотрит: впереди застава, а возле заставы спит-лежит богатырь. «По всему видать, это и есть богатырь Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка», — подумал Еруслан Лазаревич. Подъехал совсем близко, а богатырь и ухом не ведет, спит, похрапывает.

Перегнулся Еруслан с седла и крепко стегнул его ремненной плетью:

— Этак ли на заставе стоят, царство охраняют? Тут кто хочешь пройдет, проедет, а ты спишь, прохлаждаешься!

Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка вскочил на ноги и сердито закричал:

— Кто ты есть таков? — За палицу схватился. — Мимо меня вот уже скоро тридцать лет тому, как зверь не прорыскивал, птица не пролетала и ни один человек не проезжал! А ты вздумал со мной шутить шуточки нехорошие, плетью бить осмелился! Я ведь тебя на ладонь положу, а другой прихлопну, и останется от тебя мокрое место! Поедем-ка в поле, я тебя проучу!

Оседла коня, надел доспехи, и поехали они в чистое поле в смертную игру играть, силой мериться.

И только первый раз разъехались, как ударил Еруслан Лазаревич противника тупым концом копья, сразу и вышиб из седла. А Орош Вещий ступил ногой на грудь. По-иному заговорил Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка:

— Не предавай меня смерти, славный могучий богатырь! Сам теперь вижу: сила у меня против твоей половинная, и того меньше. Да и годы мои уходят, а ты еще только матереть начинаешь. Давай лучше побратаемся. Будь ты мне старшим братом названным!

— В смерти твоей мне корысти нету, — отвечал Еруслан Лазаревич, — ну а славу про тебя напрасно распустили. Богатырь ты не ражий. Вставай!

И отвел прочь Ороша Вещего. Поднялся Ивашка Белая епанча, Сарацинская шапка, поклонился названому брату в пояс и сказал:

— Заезжай-ка в славное Индийское царство! Для тебя путь туда открытый. Погости у нашего царя!

Еруслан Лазаревич повернул коня, поехал прямо в стольный город и в скором времени въехал на царский двор. Расседлал, разнуздал Ороша Вещего, привязал у столба точеного за золоченое кольцо.

Царь сидел у окошка и увидал, как приехал во двор чужестранный витязь. Вышел на резное крыльцо, встретил богатыря приветливо, ласково и повел речь так:

— Добро пожаловать, любезный гость, не взыщи, не знаю, как тебя звать-величать. Чьих будешь родов, из какого государства?

Богатырь учтиво поздоровался и ответил:

— Я из славного Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич.

С этими словами поднялся на крыльцо. Царь повел его в покои, накормил, напоил, про дорогу расспросил, а потом говорит:

— Вот как славно, что навестил меня. Мы каждому хорошему гостю рады, а такому богатырю, каков ты есть, у меня во дворце честь и место! А теперь с дороги, небось, отдохнуть охота. Эй, кто там есть! — хлопнул царь в ладони.

Прибежали на зов слуги.

— Отведите гостя в опочивальню и приготовьте все так, чтобы он в обиде не остался!

Погостил Еруслан Лазаревич у индийского царя, поблагодарил за угощение и поехал путь продолжать. Едет и думает: «Узнал, каков есть прославленный богатырь Ивашка Белая епанча, Сараџинская шапка, повидался и с ласковым, хлебосольным царем славного Индийского царства, а теперь поеду в Вахрамеево царство. Все равно нет мне и не будет покоя, покуда своими глазами не увижу Марфу Вахрамеевну».

Едет Еруслан путем-дорогой, день, другой и третий. До Вахрамеева царства осталось рукой подать: какой-нибудь день езды.

В ту пору повстречался ему странник, калика переходящая. Снял странник колпак земли греческой, поклонился богатырю:

— Здрав буди, Еруслан Лазаревич!

Удивился богатырь, спрашивает:

— Кто ты есть таков? Видно, знаешь меня, коли по имени называешь!

— Я — калика переходящая. Странствую по всем землям, по всем городам. Бывал в Картаусовом королевстве, заглаживал к твоим родителям, много раз тебя видел. Проходил вот я недавно мимо Картаусова королевства и несу вести нерадостные, печальные.

Богатырь с коня соскочил, от нетерпения ухватил странника за плечо:

— Скорее говори, что творится у нас в королевстве? Видал ли батюшку с матушкой? Живы ли, здоровы ли они?

— погоди, Еруслан Лазаревич, не трясина меня! Эдак и руку оторвешь! Дома вас беда стряслась. Князь Данила Белый уличил время и напал врасплох с неслетным войском. Много народу побил-порешил, а больше того во полон

узнал. Стольный город сжег дотла, разорил, камня на камне не оставил. Короля Картауса, твоего родителя Лазаря Лазаревича да кое-кого из ближних бояре живыми захватил, выколол им глаза. Увез незрячих в свое княжество, в темницу заточил. Там они и поныне томятся.

Выслушал Еруслан Лазаревич все, что рассказал странник, опустил голову и промолвил:

— Эх, совсем напрасно я тогда Данилу Белого в живых оставил! Землю он ел, клялся не воевать с королевством Картауса, я и поверил! А он вон чего натворил! Отплатил за мою доброту. Ну, погоди, рассчитаюсь с тобой! Теперь пощады не будет!

С этими словами вскочил он на коня, простился с каликой перехожей и помчался в княжество Даниила Белого.

Приехал, разыскал темницу, где сидели родители, король Картаус и ближние бояре. Стражу раскидал, расшвырял, замок сорвал и прямо с порога крикнул:

— Здравствуйте, свет сердечные родители, матушка и батюшка! Здравствуйте, ваше величество, король Картаус, и вы, бояре ближние!

Слышит в ответ:

— Голос твой слышим, а кто говорит, не видим! Незрячие мы, темные!

Тут заговорила мать богатыря:

— Хоть и не вижу тебя, а по голосу узнала, и сердце чует — это сын дорогой наш, Еруслан Лазаревич!

— А ведь и правда он, — промолвил Лазарь Лазаревич. — Вот, сын любезный, сколь великое, тяжкое горе нас постигло. Все потеряли и даже свету белого не видим. Ну да не об этом сейчас речь. За горами, за морями, близко ли, далеко ли — сам там не бывал, а от верных людей слышал, — есть царство, и правит тем царством Огненный щит, Пламенное копие. Есть в этом царстве колодезь с живой водой. Сослужи ты службу: съезди к Огненному щиту, Пламенному копию, привези живой воды, sprysни наши раны, и мы прозреем.

— Съездить-то я съезжу к Огненному щиту, Пламенному копию, — отвечал Богатырь, — но сперва надо Данилу Белого разыскать.

С теми словами вышел добрый молодец из темницы.

А в ту пору, покуда Еруслан Лазаревич с пленниками разговаривал, прибежал к Даниле Белому тюремный стражник:

— Беда, князь! Какой-то чужестранный богатырь всю стражу на тюремном дворе побил! Только я один живой остался.

— Не иначе как это сын Лазаря Лазаревича, — сказал Данила Белый. — Скорее подымай тревогу, собирай войска, какие есть в городе!

А про себя подумал: «В темнице-то его легче всего одолеть». Скоро-наскоро надел боевые доспехи, вскочил на коня и повел свое войско.

А Еруслан Лазаревич тем временем выехал из тюремного двора на площадь и увидел княжеское войско. Будто коршун на цыплят, ринулся он на дружину Даниила Белого. Кого мечом достанет — до седельной подушки развалит, а кого копьем из седла вышибает. Орош Вещий грудью вражьих коней опрокидывает, копытами ратников топчет. И скоро побил, повоевал Еруслан

все это войско. Осталось в живых дружинников вовсе мало, и те кинулись наутек.

Тут и приметил Еруслан Лазаревич скачущего прочь Данилу Белого.

— Тебя-то мне и надо! — крикнул он, прищпорил коня и помчался вслед за князем-захватчиком.

И сколько тот своего коня ни нахлестывал, Орош Вещий скоро настиг его.

Еруслан Лазаревич вышиб Данилу Белого из седла и отсек ему голову.

— Худую траву из поля вон! — Поворотил коня, приехал в темницу. — Выходите все на волю, перебирайтесь покуда во дворец Даниилы Белого!..

Затем говорит королю Картаусу:

— Здешнее княжество придется приписать к нашему королевству. А ты становись на престол Даниилы Белого, и живите в этом городе, покуда не привезу живой воды. Наш-то столичный город покуда все равно разрушен, когда еще застроится, — и поехал в царство Огненного щита, Пламенного копья.

Ехал Еруслан, ехал, и раскинулось перед ним широкое поле. А на том поле лежит побитая рать-сила. Зычным голосом крикнул богатырь:

— Эй, есть ли на этом поле хоть один жив человек?

— А чего тебе надобно? — отозвался один воин.

— Скажи, кто побил это войско большое?

— Всю нашу рать-силу побил Росланей-богатырь.

— А где он сам, Росланей-богатырь?

— Проедешь недалеко, увидишь другое поле с побитым войском. Он там лежит убитый.

Миновал богатырь побитое войско, проехал недалеко и наехал на другое поле, которое тоже все было усеяно телами. «Это побоище много больше первого», — подумал он и вдруг увидал большой холм. Подъехал ближе и диву дался — то оказался не холм, а громадная, как сенная копна, голова лежит. Крикнул:

— Есть ли кто живой?

Никто не отозвался. Крикнул еще раз — опять ответа нет. И только когда третий раз закричал, открыла голова глаза, зевнула и проговорила:

— Ты кто такой? И чего тебе надо?

— Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. Хочу узнать, чья эта побитая рать-сила? И где могучий богатырь Росланей?

— Богатырь Росланей я и есть, — голова отвечает, — а войска, что лежат на первом и на этом поле, привел царь Огненный щит, Пламенное копье. Вел он свои дружины против меня, и я их побил, повоевал, да вот и сам, как видишь, лежу побитый.

— Как же это случилось? Ты обе рати побил-порешил и сам пал порубленный?

— Много лет тому назад, когда я был еще совсем малый, — заговорила голова, — царь Огненный щит, Пламенное копье с большим войском напал врасплох на наше царство. А царем у нас был тогда мой отец. Собрал он наскоро небольшую дружину и вышел навстречу. Закипела битва, кровавый бой. У Ог-

енного щита, Пламенного копья войска было много больше, и он победил. Много наших воинов погибло. Моего отца полонили, и царь Огненный щит, Пламенное копье убил его.

А когда я вырос и стал сильным богатырем, надумал отомстить Огненному щиту, Пламенному копью. Проведала об этом волшебница, что жила в нашем царстве, и говорит мне: «Царь Огненный щит, Пламенное копье очень сильный богатырь, да к тому же волшебник, и победить его ты сможешь, если достанешь меч-кладенец. На море-океане, на острове Буяне, на высокой горе под старым дубом есть пещера. В той пещере и замурован еще в давние времена волшебный меч-кладенец. Только с этим мечом и можно победить Огненного щита, Пламенного копья».

Немало трудов положил я и долго странствовал, но волшебный меч-кладенец достал и поехал в царство Огненного щита, Пламенного копья. Он послал против меня рать-силу. А когда я это войско побил-повоевал, он собрал еще рать-силу, больше первой, и сам повел мне навстречу. Сошлись мы вот на этом самом поле. Стал я их бить, как траву косить, а которых конь топчет. И в скором времени мало кто из них жив остался. А сам Огненный щит, Пламенное копье подскочил ко мне, кричит: «Сейчас тебя смерти предам!» Я размахнулся, ударил его своим волшебным мечом, и он тотчас с коня повалился. Тут слуги его вскричали: «Вот как славно Росланей-богатырь угостил его своим мечом. Ну-ка, дай ему еще разик! Тогда и поминки по нему можно править!» Ударил я другой раз. Только меч его задел, как тут же со страшной силой отскочил и мне голову отрубил, а Огненный щит, Пламенное копье сразу же ожил как ни в чем не бывало. В это самое время подоспел мой названный брат. Схватил он меч-кладенец и сунул мне под голову. Потом Огненный щит, Пламенное копье много раз посылал своих богатырей и сам приезжал, но никому не удалось вытащить меч-кладенец из-под головы, как ни старались. Он и сейчас вот тут подо мной.

На том голова Росланей окончила свой рассказ и спросила:

— А ты по какому делу заехал сюда и куда путь держишь?

Еруслан Лазаревич рассказал, зачем он едет в царство Огненного щита, Пламенного копья.

— Это похвально, Еруслан Лазаревич, что ты своих близких в горе-беде не покинул, выручил, а теперь поехал живую воду для них доставать. Но скажу тебе: напрасно ты туда поедешь. Ты еще не знаешь, каков есть этот злодей Огненный щит, Пламенное копье. По-доброму, по-хорошему у него зимой льду не выпросишь. Разве он даст живую воду? И силой тоже ты у него ничего не добьешься, потому что ни стрела, ни копье, ни меч его не берут. Он тебя десять раз успеет убить, пока ты замахиваешься. А вот лучше послушай, что я тебе стану рассказывать, хорошенько запомни и, коли послушаешься, одолеешь его.

Еруслан Лазаревич выслушал все, что ему наказывала Росланейева голова, поблагодарил и на прощание сказал:

— Как только достану живую воду, приеду к тебе и прирашу голову к телу...

После этого сел на своего Ороша Вещего и поспешил в царство Огненного щита, Пламенного копья. Стал подъезжать к городу. Огненный щит, Пламен-

ное копие увидал богатыря, выехал навстречу и издалека стал огненные стрелы метать.

— Воротись, а то сожгу тебя! — закричал.

Еруслан Лазаревич снял шлем, помахал и крикнул:

— Приехал к тебе не биться, не ратиться, а по доброму делу!

— Кто ты таков? И чего тебе надо? Говори!

— Я из славного Картаусова королевства. Зовут меня Еруслан Лазаревич. О твоей силе и славе молва по всей земле идет, и я хочу к тебе на службу поступить!

Отвечает Огненный щит, Пламенное копие:

— Если сумсешь с моими двенадцатью богатырями достать меч из-под Росланевой головы, тогда возьму на службу, а не достанешь, пеняй на себя! Не быть тебе живому!

— Слушай, Огненный щит, Пламенное копие, обойдусь я и без твоих богатырей! Один управлюсь, достану меч!

Подъехал Огненный щит, Пламенное копие поближе и говорит:

— Поезжай скорее, привези меч, тогда будешь у меня старшим над богатырями!

Еруслан Лазаревич поворотил коня. Когда приехал на поле брани, голова Росланея увидала его издали:

— Ну как? Видал Огненного щита, Пламенного копия?

— Все сделал так, как ты говорил. Приехал за мечом-кладенцом.

Голова откатилась в сторону:

— Бери, но помни: ударь только один раз!

Еруслан Лазаревич поднял меч, сел на Ороша Вещего и уехал.

Огненный щит, Пламенное копие, как только дозорный известил, выехал навстречу и спрашивает:

— Достал меч-кладенец?

— Вот он, — поднял меч Еруслан Лазаревич, подскочил к Огненному щиту, Пламенному копию и — раз! — ударил его изо всей силы.

Огненный щит, Пламенное копие как подкошенный упал с коня:

— Бей его еще раз! — закричали слуги Огненного щита, Пламенного копия.

— Не в обычае у добрых молодцев дважды меч подымать. Хватит и одного раза! — крикнул в ответ Еруслан Лазаревич.

Тогда все двенадцать богатырей Огненного щита, Пламенного копия напали на Еруслана с криком:

— Бей его! Изрубим на мелкие куски, добудем меч-кладенец и оживим Огненного щита, Пламенного копия!

Да не тут-то было! Всех их побил-повоевал Еруслан Лазаревич. Затем разыскал заветный колодец, запасся живой водой. Сам немного выпил и Орошу Вещему дал. И сразу всю усталость с них как рукой сняло.

Не успел выехать на поле брани, как голова Росланея тотчас его увидала и заговорила:

— Коли воротился, должно, одолел Огненного щита, Пламенного копия, моего супостата! А живую воду нашел?

— Привез, — отвечает Еруслан Алазаревич, — сейчас ты здоров будешь.

Голова подкатилась к туловищу, стала как надлежит. Еруслан Алазаревич sprиснул живой водой, и голова приросла к телу. Поднялся Росланей, такой большой и матерый — глядеть боязно.

— Ну, Еруслан Алазаревич, великую ты мне службу сослужил, век не забуду! И, если понадобится, жизни для тебя не пожалею!

— Чего об этом говорить, — сказал на то Еруслан Алазаревич. — Разве без твоего меча-кладенца да мудрого совета мог бы я победить Огненного щита, Пламенного копья и живую воду добыть? На вот, возьми! — и подает ему меч.

А Росланей-богатырь отвел его руки и проговорил:

— Нет, Еруслан Алазаревич, мой названный брат, меч тебе еще пригодится.

— А ведь меч-то мне как раз по руке пришелся, — сказал Еруслан Алазаревич, — спасибо, любезный Росланей, названный брат мой. Ну а теперь надо поспешать к родителям.

— И мне надо идти своего коня искать, — промолвил Росланей-богатырь. — Видать, где-нибудь недалеко отсюда пасется. Конь верный, только он и может меня нести.

На том богатыри и распрощались. Росланей пошел своего коня искать, а Еруслан Алазаревич поехал в княжество Данилы Белого. Как только приехал, вбежал во дворец, попрыскал живой водой глаза, и сразу отец с матерью и король Картаус с боярами прозрели и так обрадовались, что от великого счастья даже немножко поплакали.

Король Картаус в честь Еруслана Алазаревича завел большой пир-столование. На том пиру все пили и ели и прославляли геройство и удачу Еруслана Алазаревича.

Пир отпировали. И говорит богатырь своим родителям:

— Надобно мне побывать в Вахрамеевом царстве. Благословите в путь-дорогу!

— Ну что же, — промолвил Алазарь Алазаревич, — хоть и жалко расставаться, да, видно, делать нечего. Мы с матерью теперь, слава Богу, здоровы. Поезжай, коли надо!

Скорым-скоро собрался, снарядился, сел на своего Ороша Вещего, и только пыль завилась за добрым молодцем.

Ехал Еруслан долго ли, коротко и попал наконец в Вахрамеево царство. Подъехал к стольному городу, смотрит, ворота крепко-накрепко заперты. Постучал. На стук отзывались стражники:

— Кто таков? И чего тебе надобно?

— Зовут меня Еруслан Алазаревич, а приехал я к королю Вахрамею по добром делу.

Ворота растворились, и, как только богатырь проехал, опять их крепко закрыли. Он подумал: «Почему город держат на запоре?»

Царь Вахрамей встретил его ласково:

— Милости просим, добрый молодец! Не знаю, как звать-величать.

— Я из Картаусова королевства, сын князя Лазаря Лазаревича, а зовут меня Еруслан Лазаревич. Много по свету ездил, во многих землях побывал, и захотелось ваше государство навестить.

— Ах вот ты кто! — сказал царь Вахрамей. — Слава о твоих подвигах и геройствах, любезный Еруслан Лазаревич, идет по всем землям, по всем городам. Дошла она и до нашего царства. И я рад дорогому гостю, но не могу утаить от тебя, что постигло нас большое горе. Повалился трехглавый морской змей летать, людей поедать. Оттого сидим мы взаперти, да ведь от крылатого чудовища городские стены — не защита.

— Часто ли морской змей прилетает? — спросил Еруслан Лазаревич.

— Через каждые три дня. Сегодня он как раз прилетит и опять кого-нибудь унесет, — отвечал царь Вахрамей и прибавил: — Проходи, гость дорогой, в покои. Надо тебе с дороги поесть, попить и отдохнуть!

— Спасибо! Но сперва надобно мне на морском берегу побывать, а уж потом и отдохну, — сказал Еруслан Лазаревич.

С этими словами он вышел из дворца, вскочил на Ороша Вещего и поехал из города на морской берег. Коня остановил, затрубил в боевой рог раз и другой. После третьего раза поднялась на море большая волна, а вслед за тем показался из воды трехглавый морской змей. Все три пасти разинуты, зубы оскалены, шестеро глаз злобой горят.

Взглянул змей на берег и заговорил:

— В этот раз царь Вахрамей не стал меня дожидаться, сам послал человека на обед, да еще и коня в придачу!

— А ты, проклятое чудовище, погоди раньше времени хвалиться, как бы не подавиться! — крикнул богатырь.

И только успел змей на берег ступить, как Еруслан поскакал, взмахнул мечом-кладенцом и с одного раза огрубил две головы.

Перепугался змей, взмолился:

— Могучий богатырь, не предавай меня смерти, не руби моей остатней головы! В Вахрамеево царство летать никогда не стану, а тебе богатый выкуп дам. Есть у меня драгоценный камень невиданной красоты, такого на белом свете не сыскать.

— Где же твой драгоценный камень?

— Сейчас достану!

С теми словами бросился змей в море и в скором времени воротился, принес и отдал богатырю драгоценный камень неслыханной красоты.

Принял Еруслан Лазаревич подарок и прямо со своего коня перемахнул змею на спину.

— Вези к Вахрамею во дворец и сам ему скажи, что никогда больше не будешь нападать на людей!

Ничего морскому змею не оставалось делать, как только повиноваться. И повез он богатыря в стольный город, а Орош Вещий вслед побежал.

В городе и во дворце начался великий переполох, когда увидели, как чужестранный богатырь приехал на морском чудище.

Еруслан Азаревич сдет на Змее. Металлография, раскраска. 1871 г.

И царь Вахрамей, и весь народ стали просить, уговаривать:

— Еруслан Азаревич, не оставяй проклятого змея в живых. Сколько из-за него, злодея, люди слез пролили. Сейчас-то он смирный, а когда ты уедешь, опять за старое примется. Знаем мы его!

Богатырь перечить не стал, соскочил со змея и отсек у него голову.

На двенадцати подводках вывезли горожане змея из города и закопали в глубоком овраге.

Убрали черные флаги, что возвещали о беде-невзгоде, и весь народ повеселел.

А Вахрамей задал пир на весь мир. Созвал гостей со всех волостей. Рядом с собой, на самое почетное место, посадил Еруслана Азаревича, принялся его потчевать:

— Ешь, пей, гость дорогой! Уж не знаю, чем отблагодарить тебя.

В ту пору из своих покоев вышла к гостям красавица царевна. Взглянул на нее богатырь да так и обмер — до того была прекрасна Марфа Вахрамеевна. «Отродясь не видывал краше, — подумал он, — век бы на нее глядел, любовался».

И у Марфы Вахрамеевны сердце екнуло. Чинно она гостям поклонилась, еще раз глянула на Еруслана Азаревича и глаза опустила — хорош, пригож!

Пированье, столованье окончилось. Поблагодарили гости за хлеб, за соль, распрощались и разошлись, разъехались. Тогда Еруслан Азаревич и повел речь:

— Приехал я к вам, царь-государь, по доброму делу, по сватовству. Если бы ты благословил, а Марфа Вахрамеевна пошла за меня замуж, так лучшей судьбы-доли мне и не надобно!

— Любезный Еруслан Лазаревич, если дочь согласна, так и я рад с тобой породниться. Теперь за тобой дело, Марфа Вахрамеевна, — повернулся он к дочери. — Скажи, люб ли тебе жених?

Зарумянилась девица-красавица, потупила очи ясные и потом промолвила:

— Я твоя и воля твоя, батюшка царь-государь! А коли благословишь, так я согласна.

— Вот и хорошо! — весело сказал царь Вахрамей. — Ай, по сердцу, по душе мне зять сыскался.

В царском житье ни пива варить, ни вина курить — всего вдоволь. В скором времени свадьбу сыграли, пир отпировали.

И стал Еруслан Лазаревич жить-поживать со своей молодой женой Марфой Вахрамеевной у тестя.

День за днем, неделя за неделей — так незаметно почти целый год прошел.

Как-то раз говорит Еруслан Лазаревич Марфе Вахрамеевне:

— Надо съездить проведать родителей, да и тебя показать отцу с матерью.

— Ох, рада бы я радехонька поехать твоих родителей повидать и с тобой не разлучаться, да ведь сам видишь, нельзя мне теперь в дальнюю дорогу ехать, а путь туда не близкий, не легкий. Навести их в этот раз один, только скорее возвращайся. А на тот год уже всей семьей поедem. И помни: как поедешь мимо Девьего царства, станут тебя звать погостить, смотри не заезжай. Если заедешь, околдует тебя Царь-девица.

— Ну что ты! Зачем мне в Девье царство заезжать?

Потом подал ей золотой перстень с тем драгоценным камнем, что от морского змея получил:

— Если сын у нас родится, отдай ему, когда он в возраст придет. И пусть ни днем ни ночью перстня этого с руки не снимает.

Затем собрался, снарядился и отправился в путь-дорогу.

Едет Еруслан Лазаревич да едет. День прошел и другой прошел. На третий день видит — раскинулся перед ним сад, глазом не охватить. В том саду великолепный дворец стоит, золотой крышей на солнышке горит. Окна во дворце хрустальные, наличники замысловатой резьбой изукрашены.

Только поравнялся с садом, как вырыснул кто-то на коне из ворот. Вгляделся Еруслан Лазаревич и увидел: скачет к нему поленица удалая, на коне сидит как влитая. Глаза у поленицы соколиные, брови черного соболя, личико белое, румяное, из-под шлема спадают косы до пояса. Заговорила, словно реченька зажурчала:

— Ведь я тебя, добрый молодец, из окошечка увидала. Чего ради едешь мимо, к нам не заворачиваешь попить-поесть, коня накормить, побеседовать?

— Спасибо, Царь-девица, недосут мне. Еду отца с матерью навестить, — отвечал Еруслан Лазаревич.

Сам глядит на поленицу — глаз оторвать не может.

— Что за недосуг! — молвила Царь-девица. — Не торопись ехать, торопись коня кормить, скорее приедешь куда надо.

И улыбнулась, будто летним ласковым солнышком обогрела.

Сразу позабыл богатырь про женин наказ, повернул коня и стремя в стремя поехал с Царь-девицей в чудесный сад.

В Девьем государстве девицы-красавицы — одна другой краше, а прекраснее всех сама Царь-девица, удалая поленица.

268

Еруслану Лазаревичу тотчас жаркую баню натопили. Намылся он, напарился. Стала Царь-девица угощать его винами заморскими, медами стоялыми, всяких кушаньев на стол наставила.

Напоила, накормила, начала на лютне играть да своим тонким нежным голосом подпевать.

Слушает добрый молодец не наслушается, глядит на Царь-девицу не наглядится. Потом набежало во дворец множество девиц и почали песни петь, хороводы водить.

В песнях, плясках да забавах год прошел и другой прошел. А Еруслану Лазаревичу думается: «Ох, долго загостился! На часок заехал, а прожил два дня». Стал было Царь-девицу благодарить:

— Пора мне ехать!

А она принялась уговаривать, ласковыми словами улащать:

— Свет Еруслан Лазаревич! Не покидай меня, не езд, останься!

— Нет, надо мне родителей повидать!

— Успеешь с отцом, с матерью свидеться! Побудь хоть недельку, утешь меня!

Поддался добрый молодец на уговоры да на ласку. Резвые ноги будто к месту приросли. Остался в Девьем царстве. Ему кажется — неделя прошла, а восьмой год на исходе.

Вскоре после того как уехал Еруслан Лазаревич, Марфа Вахрамеевна родила сына. Дали ему имя Еруслан Ерусланович. Родился Еруслан Ерусланович крепким да сильным и с самых первых дней стал так быстро расти и матереть, что на втором году казался двенадцатилетним подростком. А когда ему исполнилось семь лет, стал он могучим богатырем. Не находилось ему в поединках во всем государстве равного по силе и сноровке. Всех побеждал.

Однажды спрашивает Еруслан Ерусланович у матери:

— Скажи, сударыня матушка, где мой батюшка Еруслан Лазаревич? Говорили, будто уехал он в Картаусово королевство к дедушке с бабушкой. Не приключилось ли в пути-дороге с ним чего? Благослови, я поеду батюшку разыскивать.

Заплакала Марфа Вахрамеевна:

— Ну куда ты поедешь, как опричь своего царства нигде не бывал, ничего не видал. Отец уехал и не иначе как попал в Девье царство. Околдовали, зачаровали там его, и нет оттуда возврата. А ты и вовсе погибнешь!

Не вникает в это Еруслан Ерусланович, знай стоит на своем.

— Все равно поеду, батюшку Еруслана Лазаревича разыщу и привезу домой.

Видит Марфа Вахрамеевна — не уговорить ей сына, и сказала:

— Ну, будь по-твоему, поезжай, только возьми вот этот перстень и не снимай его с руки ни днем ни ночью.

И надела на палец Еруслану Еруслановичу золотой перстень с драгоценным камнем, подарком морского змея.

Король Вахрамей тоже долго отговаривал знука, а под конец рукой махнул:

— Поезжай!

Скорым-скоро Еруслан Ерусланович снарядился и стал прощаться. Царь Вахрамей, Марфа Вахрамеевна и все нянюшки, мамушки, сенные девушки вышли его провожать. Видали, как на коня садился, да не видели, как укатился. Только пыль столбом завилась за добрым молодцем.

Ехал он долго ли, коротко ли — версты тогда были немеренные, и на третий день поутру раскинулся перед ним громадный чудесный сад, а в саду дворец с золоченой крышей и хрустальными окнами. «Это и есть Девье царство», — подумал молодой богатырь. Подъехал к воротам и вскричал громким голосом:

— Посылайте поединщика, а не то ворота порушу! Услышала Царь-девица и спрашивает:

— Кто такой в ворота ломится, поединщика требует?

— Приехал какой-то чужестранный витязь, совсем еще, видать, молодой, — отвечает богатырь, что стоит стражником у ворот.

— Поезжай без промедления да хорошенько проучи его, невежу! — приказала Царь-девица.

Богатырь из ворот выехал и закричал:

— Кто ты такой, молодой невежа? В ворота ломишься, да еще и поединщика требуешь!

— Вот когда съедемся, узнаешь, какой я есть невежа! — крикнул в ответ молодой наездник.

Съехались, и Еруслан Ерусланович легким ударом с первого раза вышиб богатыря из седла.

— Смерти тебя предавать не стану! Ступай скажи Царь-девице: пусть пошлет поединщика. Не к лицу мне с таким, как ты, силами мериться!

Побитый богатырь воротился, рассказал про могучего витязя. Царь-девица пошла будить Еруслана Лазаревича:

— Встань, пробудись, мил сердечный друг! Приехал какой-то чужестранный молодой богатырь и требует поединщика. Жалко будить тебя, да делать нечего. Ведь только на тебя и вся надежда!

Еруслан Лазаревич поднялся, надел боевые доспехи, оседлал Ороша Вещего и выехал в чистое поле, в широкое раздолье.

Съехались они и так сильно сшиблись, что кони сели на задние ноги, а богатыри ни который ни которого не ранили. Повернули коней, разъехались и стали снова съезжаться.

«По виду совсем еще юноша, а никому не уступит силой да боевой сноровкой», — подумал Еруслан Лазаревич.

Когда съехались во второй раз, опять сшиблись мечами, Еруслан Лазаревич ударила с такой силой, что поединщик не удержался в седле и упал с коня на сыру земаю. А Орош Вещий сразу ступил ему на грудь. Глянул Еруслан Лазаревич на богатыря и заметил — что-то блеснуло у юноши на руке. Еще взглянул, узнал свой перстень, и пало ему на ум: «Уж не сын ли мой?» Спрашивает:

— Скажи, какого ты роду-племени, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

— Если бы мой конь ступил тебе на грудь, я не стал бы спрашивать, выпытывать у тебя ни роду, ни племени, ни про отца, ни про мать, а отрубил бы напрочь голову!

— Не хочу я твою молодую жизнь губить, — проговорил Еруслан Лазаревич. — Только скажи, кто твои родители и как тебя зовут?

— Моя мать — Марфа Вахрамеевна, а отец — славный могучий богатырь Еруслан Лазаревич. Меня зовут Еруслан Ерусланович.

Еруслан Лазаревич тотчас с коня на земаю соскочил, поднял молодого витязя, крепко обнял его и говорит:

— Вот как мы встретились, мой сын дорогой! А сколько тебе лет?

— Мне исполнилось семь лет, восьмой пошел. Захотелось тебя разыскать. И вот как привелось встретиться.

«Как же так? — подумал Еруслан Лазаревич. — Гостила я в Девьем царстве всего одну неделю с небольшим, а сыну теперь уж восьмой год пошел?»

Потом сказал:

— Поедем поскорее, сын дорогой, в Вахрамеево царство.

Сели на коней и поехали домой.

Много было радости, когда Марфа Вахрамеевна и царь Вахрамей встретили богатырей. Устроил царь Вахрамей пир на весь мир. А когда отпировали, он сказал:

— Слушай, Еруслан Лазаревич, зять мой любезный, стал я стар, совсем одолели меня недуги да немощи. Становись на престол и правь царством, а я на покое буду век доживать!

— Так-то оно так, — отвечал Еруслан Лазаревич, — по белу свету я наездился, с копьём долгомерным да с мечом-кладенцом натешился и царством править согласен. Только есть у меня забота: про отца с матерью ничего не знаю. Повидаться охота, а от царских дел недосуд туда ехать.

— О том тужить-горевать нечего, — Вахрамей говорит, — есть у тебя теперь замена. Еруслан Ерусланович съездит в Картаусово королевство, поклон отвезет да и в гости их к нам пригласит.

И вот заступил на престол Еруслан Лазаревич, а Еруслан Ерусланович уехал в Картаусово королевство.

Много ли, мало ли времени прошло, воротился Еруслан Ерусланович домой, а с ним приехали и родители Еруслана Лазаревича.

На радости завели пир на весь мир. Я на том пиру был, мед да пиво пил, обо всем этом узнал, да и рассказал²²⁷.

Разнообразен был сонм богов у славян-язычников. М. Семенова поясняет: «Во всех сказках удалой богатырь побеждает коварного Змея. Есть мнение, что это доживший до наших дней отголосок древнего языческого мифа. Мифа о борьбе громовержца Перуна со своим извечным врагом — чудовищным Змеем.

Согласно преданиям, Змей Волос каким-то образом сочетает в своем облике мохнатость и чешую, летает на перепончатых крыльях, умеет выдыхать огонь (хотя сам до смерти боится огня, в первую очередь молнии) и очень любит яичницу и молоко. Поэтому другое имя Волоса — Смок или Цмок, то есть Сосун.

Славяне-язычники поклонялись обоим божественным противникам — и Перуну, и Змею. Только святилища Перуна устраивались по высоким местам, а святилища Волоса — в низинах»²²⁸.

Расскажем еще о нескольких древнеславянских змеях, сведения о которых донесла до нас народная молва.

«Аспид, которого народная фантазия поселила на мрачном, суровом, лесистом севере. Крылатый змей с птичьим носом и двумя хоботами. Этот змей жил, по народному мнению, в Печерских горах, он не садился на землю, но только на камень. Куда полетит, там может опустошить всю землю. Но есть знахари обаянники, которые умеют его заговаривать. Аспид не любит звука труб. Обаянники копают ямы, и садятся в эти ямы с трубами, и покрываются дном железным, и замазываются суглинком, и ставят у себя утолие горящее, да накаляют клещи, и, когда вострубят, тогда Аспид засвищет "ако горы потрясится", и прилетит к яме. Ухо свое приложит к земле,

Цмок

Аспид

а другое заткнет хоботом и, найдя небольшую дыру, начнет биться. Человек же, ухватив его клещами горящими, держит крепко. От ярости сокрушаются не одни клещи и даже не двое или трое, но так, сожженный, Аспид умирает. А видом он пестр разными цветами»²²⁹.

Тут же стоит вспомнить Меч-кладенец, самосек, в русском фольклоре и книжной средневековой традиции — чудесное оружие, обеспечивающее победу над врагами. В сказании о Вавилон-граде меч носит название «Аспид-змей» и наделен чертами оборотня (превращается в змея). Распространен мотив поиска меча, замурованного в стене, скрытого в земле и т.п., сопоставимого с мотивом клада или погребения. 🐉

Сем.

Иллюстрация Бычкова А.А.
«Энциклопедия языческих богов». М.,
2001г.

«Сем — был известен по всему славянскому миру. Изображения Сема встречаются на надгробьях XV века. На надгробье Любицы Влатковицы надпись: «А се лежи любица влатковица. Пише семорад». И изображения Солнца, Луны и Сема. Сем изображался в виде двуногой змеи или двуногой ящерицы. О Семе сообщает Т. Нарбутт: «Сем — покровитель дома и его обитателей. В каждом доме был свой Сем, которому в дар сжигали в печи кур, чтобы никто из дома не убежал, чтобы все держались трезво и почтительно. Сем охранял дом и людей, в его доме живущих»²³⁰. 🐉

«Рыга (Раглак) — В «Слове Христороубца» (по списку XIV в.) находим следующие слова: «...веруют в Перуна, и в Хорса, и в Макош, и в Сима, и ве Рълаа, и в Вилы...» Откроем «Этимологию» за 1991—1993 годы: «Рыга — древний индоевропейский бог Rudlos — «неистовый», «яростный», отсюда индийский Рудра и славянский Рыга в новгородском произношении». Стало быть, Рыга — это славянский Рудра. На одном из

камней из Ней-Штрелитц имеется изображение бога-ящера и надпись венскими рунами: «Б РГЛАК», то есть бог Рыглак. Отсюда легко догадаться, что неистовый Рыга, бог-крокодил, Волховец — одно и то же божество, соответствующее индийскому Рудре, но у славян это божество проявляет свое неистовство особенно сильно во время весеннего ледохода, ибо божество это водное.

Ящер-Рыга был божеством рек и рыболовства. У поляков он считался главным божеством. Поляки считали, что после Потопа именно Ящер восстановил и упорядочил весь подлунный мир, у остальных славян он был всего лишь третьестепенным божеством. Но ему приносили, в том числе и человеческие, жертвы, когда во время весеннего ледохода верующие в экстазе бросались в

реку и топились, оказывая тем самым почет этому божеству. Фольклорная запись о выборе жертвы этому божеству XIX в.: “Сядить Ящер у золотым кресле, у ореховом кусте орешачки луше. — Жанитися хочу! — Возьми себе панну котораю хочеш, котораю любишь”.

В нашем веке эта считалочка звучит несколько иначе: “Сиди-сиди, Яша, под ореховым кустом, Грызи-грызи, Яша, орешки каленные, милою даренные. Чок-чок, пятачок, вставай Яша-дурачок. Где твоя невеста? В чем она одета? Как ее зовут и откуда приведут?”²³¹

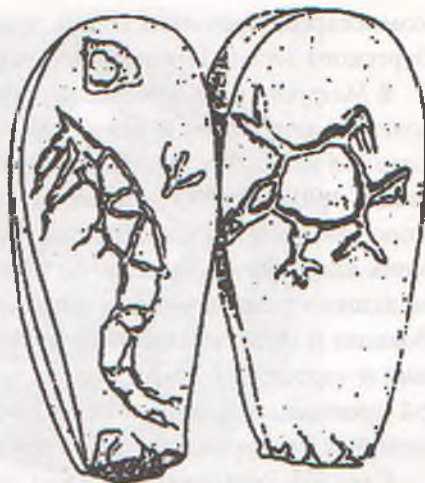
Ящеру были посвящены гусли, слушать игру на которых он очень любил и за хорошую игру щедро награждал. В предании о Садко Ящер за хорошую игру на гуслях даровал маэстро «Рыб Золото перо», то есть золотых рыбок.

Если открыть 30-й том *Полного собрания русских летописей*, там под 1582 г. можно найти удивительную запись: «В лето изыдоша крокодилы лютии звери из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужасошася людие и молиша Бога по всей земле; и паки спряташася, а иных избиша. Того же году представися царевич Иван Иванович, в Слободе, декабря в 14 день...»

Стоит заметить, что свидетельства о ящерах из народных преданий имеют под собой вполне реальную почву.

Нечто, напоминающее крокодилов, встречается в воспоминаниях ватиканского посла в России австрийца Сигизмунда Герберштейна, бывшего на Руси в 1517 и в 1526 г. Вот его слова: «Эта область изобилует рощами и лесами, в которых можно наблюдать страшные явления. Именно там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя дома каких-то змей с четырьмя короткими ногами наподобие ящериц, с черным и жирным телом... с каким-то страхом благоговейно поклоняются им, выползающим к поставленной пище...»

Неведомый крокодил, получивший на этот раз имя «Арзамасский монструз», вновь объявился в России в начале XVIII в. Свидетельство об этом странном событии было обнаружено в архиве города Арзамаса: «Лета 1719 июня 4 дня. Была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Куншткаморе и сбору для ея диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...» Подписана бумага земским

Рыба

Иллюстрация Бычкова А.А.
«Энциклопедия языческих богов».
М., 2001

комиссаром Василием Штыковым. Посылка, очевидно, не дошла до Петербургского музея. Природа «монструза» осталась неразгаданной.

В *Мазуринском летописце*, носящем программное название «*Книга, глаголемая летописец великия земли Росискія, великого языка словенскаго, от коле и в кои лета начаша княжити*», читаем, что «Великий князь Словен поставил град Словенск, ныне называемый Великий Новгород. С того времени новопритшельцы скифы начали называться словенами и реку, в озеро Ильмень впадающую, назвали по имени жены Словена Шелони. Именем же его младшего сына Волховца назвали Оборотною протоку, которая истекает из Волхова и ниже впадает в него вновь. Большой же сын Словена был бесоудодник и чародей и своими бесовскими ухищрениями превращался в лютого зверя крокодила, залегал в реке Волхове путь водный и непокоряющихся ему которых пожирал, которых опрокидывал и топил...»²³²

Следами обитания «русских крокодилов» могут считаться топонимы Северо-Запада России: река Ящера, озеро Ящино, населенные пункты Ящера, Малая Ящера. В окрестностях Москвы имеется село Спас-Крокодилово, расположенное подле одноименного монастыря.

Существует гипотеза, согласно которой «крокодилы лютии звери» вполне могли благополучно дожить до наших дней. Если предположить, что у них сохранились способность впадать в зимнюю спячку и ночной образ жизни, то за остальным — надежно укрытым от естественных врагов ареалом обитания — вопроса не стоит. Это — бескрайние непроходимые болота северо-запада на границе Псковской и Новгородской областей и по южному берегу Ладожского озера, в том месте, где в 1980-х гг. даже хотели устроить заповедник союзного значения «Гадюка». В этих недоступных местах, поросших мхами и камышом, немногочисленная популяция «зверей лютых» может существовать практически вечно.

В альбоме «Древний Новгород: прикладное искусство и археология» читаем: «В работе по кости начиная с древнейших времен — X века — широко употреблялись все известные тогда декоративные виды орнамента — “звериный”, растительный и геометрический. Все эти мотивы очень часто сочетались с излюбленной славянской плетенкой. Наивысшего искусства новгородские резчики по кости достигли в своих чисто декоративных произведениях — украшениях. Примером таких поделок являются костяные пластины-накладки для одежды и сумок. Излюбленным сюжетом на этих накладках являются образы “лют зверя” и грозного чудовища-дракона — охранителей микромира человека. Эти сюжеты хорошо известны в языческом мифотворчестве древних славян. Фантастические драконы всегда изображались со змеевидным туловищем и крыльями. Фигуры барсов и драконов полны жизни и движения. Их изображения традиционны для средневекового искусства. Упругие контуры шагающих чудовищ подчеркивались рельефными валиками, окаймляющими овалы блях»²³³.

Как можно увидеть, на представленных образцах народного творчества изображены не крокодилы, а самые привычные и узнаваемые драконы.

Накладная бляха с изображением дракона.
Конец XIII в. Новгород.

Из альбома «Древний Новгород: прикладное искусство и археология» (М., Искусство, 1985)

Накладная бляха с изображением дракона.
Начало XIV в. Новгород.

Из альбома «Древний Новгород: прикладное искусство и археология» (М., Искусство, 1985)

Не только народ изображал драконов на предметах быта. Русские цари да князья использовали дракона в своих эмблемах.

Вот что говорит по этому поводу Г. Королев. «Согласно В.В. Похлебкину, “в русской эмблематике дракон полностью отождествлялся со змеем как эмблемой сил, противостоящих Руси... Такая теологическая трактовка оказала глубокое влияние на применение эмблемы дракона как в средневековом, так и в современном европейском искусстве... и даже в современных представлениях людей”.

Примечательно, что по поводу пресмыкающегося в русской эмблематике Лакиер хотя и употреблял слово “дракон”, чаще пользовался словом “змея” (и “змий”), не считая цитат. Объяснение символики «змея» по смыслу то же, что и объяснение “дракона”: “орудие злого духа при грехопадении прародителя нашего”. Отдельного описания “змея” у него нет”.

Разницу между изображениями “дракона” и “змия” усматривал Ю.В. Арсеньев. Имея в виду западноевропейский материал, Арсеньев характеризовал “дракона” как существо двулапое, с хвостом “вместо задних лап”, а “крылатого змея” — как существо о четырех лапах, забыв, видимо, упомянуть хвост. Отметим, что, подгоняя под приведенное различие между “драконом” и “змием”, Арсеньев назвал драконом казанское двулапое крылатое пресмыкающееся, в описании 1781 г. названное змием»²³⁴.

Интересен с этой точки зрения московский герб, который происходит от изображений на печатях.

Ранние известные ныне изображения дракона на печатях относятся ко временам сидения князя Ярослава Всеволодовича в Новгороде (1215—1236)

Позолоченный аргировул великого князя
Дмитрия Ивановича Донского.
Лицевая сторона. Прорисовка В. Лобачева

и его сына Александра Невского, сначала новгородского князя, а затем великого князя владимирского (1236—1263). На печати первого св. Феодор Стратилат колет противника копьем, а на печати второго тот же святой еще и держит коня в поводу²³⁵.

«В Московском княжестве образ пешего змееборца впервые встречается на монете князя Ивана II Красного (Красивого) (1353—1359). На печати сына Дмитрия Донского Василия Дмитриевича изображен всадник с копьем, направленным вниз, в то место, где должен быть змей»²³⁶.

И наконец, на монетах того же Василия Дмитриевича, и особенно его сына,

277

Печать А. Невского.

Источник: Лобачев В.В. «Гербы и символы Белгородской области» www.gerb.bel.ru

Герб Руси — всадник, поражающий дракона, держит щит с изображением льва. С печати Юрия Львовича — «Короля Руси», князя Владимирского (Волынского) и Галицкого. Юго-Западная Русь. Начало XIV в.

Источник: Лобачев В.В. «Гербы и символы Белгородской области» www.gerb.bel.ru

Печать Ивана III Васильевича. 1497 г. Лицевая (всадник с копьем, но не святой, т.к. нет характерного нимба) и оборотная стороны (двуглавый орел).

Московская Русь. Конец XV в.

Источник: Лобачев В.В. «Гербы и символы Белгородской области» www.gerb.bel.ru

Василия Васильевича Темного, эмблема приобретает вид, близкий к тому, что позднее утвердился в качестве московского герба. И змея на эмблеме стали изображать регулярно²³⁷.

Окончательное утверждение всадника-змееборца как герба Московского княжества произошло при Иване III (княжил с 1462 по 1505 г.) и совпало по времени с завершением объединения основной части русских земель вокруг Москвы.

278

При сыне Ивана III Василии III эта печать была полностью сохранена, заменено лишь имя князя. Только при Иване Грозном, первом русском князе, принявшем в 1547 году царский титул, на золотой булле 1562 года двуглавый орел занимает главное положение, а всадник, как герб Московского княжества, переходит на грудь орла. Эта композиция сохраняется и на Большой государственной печати 1583 года, и на всех последующих Больших государственных печатях Руси и России.

О том, как объясняли современники значение фигуры всадника-змееборца на печатях и монетах XV—XVII веков, опубликованы письменные свидетельства, позволяющие сделать однозначный вывод — русские источники считали всадника изображением князя или царя, и только иностранцы называли московского всадника святым Георгием. Послы Ивана Грозного на вопрос Александрийского патриарха: «На кони де благоверный царь на сей печати?», отвечали: «Государь на кон». Известна цитата из летописи: «При великом князе Василье Ивановиче бысть знамя на деньгах: князь великий на коне, а имея меч в руке и оттоле произваша деньги копейныя»²³⁸, т.е. копейка.

Изображение герба русского государства рядом с портретом Василия III Ивановича.

Источник: Описание герба Москвы www.heraldry.hobby.ru

Вся Московия или, вернее, вся Россия находится под управлением одного государя, именуемого его царским величеством, который имеет такую полную власть над всеми высокими и низкими, духовными и мирскими чинами, что может на всех смотреть как на своих рабов, и что величайшие вельможи государства принуждены придавать себе уменьшительные названия и называть себя его рабами. Обыкновенно зовется он великим князем и царем, причем последнее имя, как говорят, происходит от слова *Caesar*. Гербом его — как и Римского императора — служит двойной орел, однако с опущенными крыльями; над ним прежде изображались две короны, а теперь — три, в обозначение, кроме Русского государства, еще двух Татарских царств, Астраханского и Казанского. На груди орла висит щит, на котором всадник копьём поражает дракона. Этот герб введен Иваном Васильевичем из честолюбия, так как он хвалился происхождением из рода римских императоров...

Его царское величество имеет свой собственный монетный двор в стране и чеканит в 4-х особых городах своего государства, в Москве, Новгороде, Твери и Пскове, серебряную, а подчас и золотую монету, причем некоторые сорта ее круглы, другие продолговаты. С одной стороны изображен всадник на лошади с копьём, которым он поражает дракона, лежащего под ним, с другой русскими буквами написаны имя великого князя и место, где монета отчеканена...

Бальтазар Койэтт. «Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунраада Фан-Кленка»²³⁹

«Древнерусское напечатное пресмыкающееся изображалось одинаково: с двумя лапами, с крыльями, длинной шеей и длинным извивающимся хвостом без “драконьего” окончания.

Рассматриваемое существо фигурирует в древнерусском искусстве — в иконописи, в книжной миниатюре. Оно изображалось в сюжетах св. Георгия (“чудо Георгия о змие”). В *Радзивилловской летописи*, сохранившейся в списке конца XV в., имеются миниатюры с этим существом, в одном случае участвующим в искушении благочестивого человека (ползущая змея, не то лев, не то барс, и крылатое, двулапое, изрыгающее пламя пресмыкающееся), а в другом — символизирующее половцев, разбитых русскими князьями в 1112 г. (бескрылое, безлапое, извивающееся животное, поражаемое одним из воинов).

В источниках до XVIII в., касающихся эмблем, пресмыкающийся враг всадника называется змием: “Воин вашего пресветлаго царскаго величества седяй на коне и копием змия побеждая” (о государственном гербе), “под конем змия”, “змия с крыльями” (о знаках на пушках в описи Тулы 1676 г.) и др.»²⁴⁰.

«В 1728 году возникла необходимость составить гербы на знамена полков, размещенных по разным городам России. В мае 1729 года они были представлены в военную коллегию и удостоились высочайшего утверждения. Сенат-

Герб Каширы, Тульской губернии. Уездный.
Высочайше утвержден 8 марта 1778 года

ский указ об этом последовал 8 марта 1730 года. Первым в списке утвержденным был государственный герб. Часть его описания посвящена московскому гербу: "...в середине того орла Георгий на коне белом, побеждающий змия, епанча и копье желтые, венец желтый же, змий черный, поле кругом белое, а в середине красное". С этого момента и вплоть до начала XX века всадник на московском гербе официально именуется святым Георгием²⁴¹.

Интересно описание исторического герба Каширы, города в Тульской области: «Щит, разрезанный надвое горизонтальною чертою: в верхней части щита в лазоревом поле золотой крест, а в нижней части в серебряном поле черный с червлеными крыльями и увенчанный золотым венцом дракон, представляющий герб Казанский, для напоминания о том, что этот город при великом князе Василии Иоанновиче был дан в удел Абдыле Летифу, низверженному царю казанскому; а верхняя часть щита показывает, что он и тогда не выходил из-под Российской державы»²⁴². Дата принятия: 8 марта 1778 года.

Ознакомимся подробнее с историей возникновения и развития упомянутого герба города Казани.

«Первые изображения городской эмблемы встречаются на печати Ивана Грозного и с незначительными изменениями в деталях — на других памятниках XVI и первой половины XVII веков. В указе 1766 года об этой эмблеме говорится: "Печать Казанская, на ней в каруне Василиск, крылья золото, конец хвоста золот". Это изображение, помещенное в "Титулярнике", полностью соответствует указу»²⁴³.

Но казанский герб имеет более древнее происхождение.

«Согласно одной из легенд, на месте Казани обитало множество змей, "каждая толщиной с бревно". Предводителем их был двуглавый летающий змей Аджаха, иногда называемый еще и Зилантом. Одну голову он имел змиеву, другую воловью. Одной головой пожирал молодых джигитов и прекрасных девушек, которых свозили к нему со всей округи, а другой ел траву. Люди об-

«Печать царства казанского, приложенная к грамоте кн. Ивана Михайловича Воротынского 1596 года, данной архимандриту Казанского Преображенского монастыря Арсению с братией...»

Герб Казанского наместничества.
18 октября 1781 г.
«Змий черный, под короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле белое»

ходили это место стороной, так как боялись свиста змеиноного. Слуги хана, выбравшие место обитания змия для строительства города, обратились к колдуну, и тот посоветовал, как извести змей. Надо, мол, вырубить лес и кустарник, привезти кучу соломы, а весной, когда все подсохнет и змеи заползут под кучу, облить смолой и серой и поджечь. Так и сделали. Когда в жарком пламени горели бесчисленные змеи, стоял такой лютый смрад, что замертво падали люди, кони и верблюды.

Так уничтожили всех змей, а их предводитель Аджаха вместе с клубами черного дыма взлетел в небо и опустился в озеро Кабан, что лежит ныне посреди Казани. С тех пор он живет на дне озера и мстит казанцам, утаскивая в пучину то их самих, то их детей.

В других вариантах этой легенды Аджаха после погружения в озеро превращается в злого Дива, который основал на дне подводное царство»²⁴⁴.

Впрочем, существует и другая версия событий. Вот что рассказывает В. Сапрыков. «С крылатым змеем связана татарская легенда об основании Казани и ее герба. Казань была построена на месте, где прежде водилось множество змей. Чтобы избавиться от змей, татарский колдун зажег костры и сотворил заклинания. Змеи погибли, а змеиный царь Зилант улетел на находящуюся в окрестностях гору, названную Джилантау.

Джилантау означает «змеиная гора». Змея и змей по-татарски имеют одно и то же наименование — «елан». В некоторых тюркских языках и наречиях «елан» звучит как «джилан», тюркский же звук «дж» в Древней Руси передавался как «з». Выходит, Джилантау имеет еще одно значение: гора крылатого змея — Зиланта.

Герб Казани — современный вариант

Татарского цесаря флаг

На освободившемся месте люди построили город. Однако жить спокойно они не могли, так как поселившийся недалеко змеиный царь наводил на них ужас. К счастью, в городе оказался могущественный волшебник Хаким и Зилант “был умерщвлен посредством заклинаний волшебника Хакима и ханом избран в государственный герб для воспоминания этого происшествия. Вот отчего донныне дракон остается гербом города Казани”.

После взятия Казани русские основали на холме Джилантау монастырь, именуемый в писцовых книгах XVI века Илантовым. В писцовых книгах XVII века он стал значиться Зилантовым. Такое название за ним и сохранилось. Крылатый змей Зилант стал гербом Казани»²⁴⁵.

«Русские геральдисты внесли существенные изменения в образ крылатого змея. Вначале его изображали в виде гуся со змеевидным хвостом на фоне сердца, пронзенного мечом. Затем в 1781 году ему добавили красные крылья и ноги: “Змий черный, под короною золотою Казанскою, крылья красные, поле белое”. А в 1856 году священная “белая змея” превратилась в черного петуха со змеиным хвостом»²⁴⁶.

«Но в других документах этого же змея, а может быть, лишь родственное ему чудовище, стали называть драконом. В XIX веке в заново нарисованном гербе бывшей Казанской губернии древнего змеиного царя Зиланта (позднее именованного Василиском) также назвали драконом»²⁴⁷.

«Другой символический образ дан приписываемому татарским ханам крылатому дракону. Интересное старинное описание этой ханской эмблемы помещено в сочинении Карлуса Алярда (издано в 1705 г. в Амстердаме, в 1709 г. переведено на русский): “Флаг цесаря от Татарии, желтой с черным лежащим и к наружью смотрящим драконом (великим змием) с василисковым хвостом”.

Указание на то, что знаком или эмблемой татарских ханов является дракон, или крылатый змей, можно найти и у русских авторов, но без описания и красочного воспроизведения эмблемы»²⁴⁸.

Гербы городов Казанского наместничества

Многие города Казанского наместничества включили в свой герб знаменитого дракона²⁴⁹. Вот старинные описания этих гербов.

Герб уездного города Чебоксар

Город Чебоксары начало свое берет с 1556 года. Прежде была там срубленная деревянная городовая стена и содержались там военные люди, а потом последовало заселение гражданами. Герб его — в золотом поле пять летящих уток. Пожалован в 781/1781/-м году, перед открытием Казанского наместничества.

283

Герб уездного города Цивильска

Город основан как крепость в 1584 г. Города герб имеет вид — в золотом поле большой кореневатый дуб. Пожалован перед открытием Казанского наместничества в 781/1781/-м году.

Герб уездного города Ядрина

Основан в 1690 г. Герб имеет вид — на красном поле треугольной пирамидой сложенные пушечные ядра. Пожалован в 781/1781/-м году пред открытием Казанского наместничества.

Герб уездного города Козмодемьянска

Построен в 1583 г. как крепость. Описание герба: «В верхней части щита герб Казанский. В нижней — в красном поле золотой лук и на нем положенные того же металла три стрелы в знак, что жители сих мест оное орудие с отменным искусством употребляют».

Пожалован пред открытием Казанского наместничества в 781/1781/-м году.

Герб уездного города Царевококшайска

284

Первый герб Йошкар-Олы (тогда Царевококшайска). 18 октября 1781 года именным указом императрицы Екатерины II по докладу сената об утверждении гербов городам Казанского наместничества был утвержден первый герб города. Герб Царевококшайска имел традиционную форму городских гербов — боевой щит так называемой французской формы, прямоугольный, с овально закругленными нижними углами и с острием в середине нижней части.

В верхней части герба — на белом поле — черный дракон с золотой короной и красными крыльями — символ Казанской губернии и свидетельство вхождения города Царевококшайска в ее состав. В нижней части — серебряный лось в голубом поле в знак того, что «таковых зверей в окрестностях весьма изобильно, в ловле которых обыватели сих мест упражняются».

Герб уездного города Арска

Город был учрежден вновь по высочайшему императорскому повелению при открытии Казанского наместничества в 781/1781/-м году, а до того именовался пригородом с таким же названием. Герб города имеет на серебряном фоне срубленную из дерева крепость с тремя башнями. Пожалован перед открытием Казанского наместничества в 781/1781/-м году.

Герб уездного города Мамадыш

Город был учрежден вновь при открытии Казанского наместничества в 781/1781/-м году из села экономического, имевшего название Мамадыш. Герб ему пожалован перед открытием наместничества Казанского в 781/1781/-м году, имеет на зеленом фоне два серпа серебряных и сноп пшеницы.

Герб уездного города Лаишево

Город сей учрежден в открытие наместничества Казанского в 781/1781/-м году, а до того именовался пригородом сего же названия, и имелось в нем для судопроизводства камисарство. Герб сего города означает на воде большое судно, называемое струг. Пожалован пред открытием наместничества в 781/1781/-м году.

Герб уездного города Спасска

Город был учрежден из села экономического, имевшего название Спасское. в 781/1781/-м году при открытии Казанского наместничества. Герб города в том же году пожалованный, имеет на золотом поле древнюю башню.

285

Герб уездного города Тетюш

Город был учрежден вновь при открытии Казанского наместничества в 781/1781/-м году из пригорода того же названия. Герб пожалован в 781/ 1781/-м году перед открытием Казанского наместничества...

Как видим, змей Зилант оставил о себе долгую память.

Перенесемся теперь в другой регион — Приуралье.

А. Колмогорцев в книге «Аспекты заговора» пишет: «Отечественным аналогом находок в Ике, Акамбаро и Тиауанако являются предметы, относящиеся к искусству металлопластики, условно именуемому «пермским звериным стилем»²⁵⁰.

Подробно этот вопрос исследовал Б. Макридичев в статье «Чудский ящер — реликт мезозоя?». В частности, он пишет: «В Приуралье, главным образом по берегам Камы и ее притоков, издавна находили отлитые из бронзы диковинные бляшки с хорошо различимыми фигурками людей с лосиными и птичьими головами, птиц с человеческими ликами на груди, каких-то фантастических животных... Авторами этих изображений были литейщики легендарного племени чудь, населявшего когда-то север. Весь мир в их представлении делился на три яруса: верхний — небесный, средний — земной и нижний — подземный или подводный. Главным “хозяином” последнего является существо, “могущее жить и двигаться одинаково удобно как в воде, так и на суше”. “Ящер” — так метко окрестил его 100 лет

Дракон — ажурная бляха с изображением ящера, VI—VIII вв. н.э. Найдена на территории Прикамья до 1917 г.

назад Ф. Теплоухов — неперенный участник композиций “шаманской” бронзы. В книге А. Спицына “Шаманские изображения” приведено свыше сотни рисунков “чудских образков” с изображением ящеров. И везде они в движении, у всех открыта пасть, они “дышат”, они “живут”, глаза у всех открыты, зрачие!»²³¹

Интересную характеристику ящеров приводит Д. Анучин: «...среди приуральской чуди было широко распространено представление о каком-то мифическом звере с некоторыми признаками гада с удлиненной головой, вооруженной рогом и напоминающей отчасти крокодиалью или носорожкой, с вытянутым туловищем, покрытым чешуями вдоль спины и оканчивающимся более или менее коротким хвостом. Зверь этот... изображался в виде отдельных фигурок или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур “образков”, как бы заменяя собою земаю; по-видимому, он и представлялся живущим на земле...»²³².

«Согласно чудским верованиям, владыкой нижнего мира был Куль-Отыр. В переводе с коми-пермяцкого языка “куль” — водяной черт, “отыр” — люди, народ.

О легендарном племени чудь известно немного, в основном из преданий, бытующих среди северян, в частности среди народности коми. В этих легендах

Бляха — семеро лосей, идущих по спине ящера.

VI—VIII вв. Бронза. 5,2 × 9,3 см. Эрмитаж.

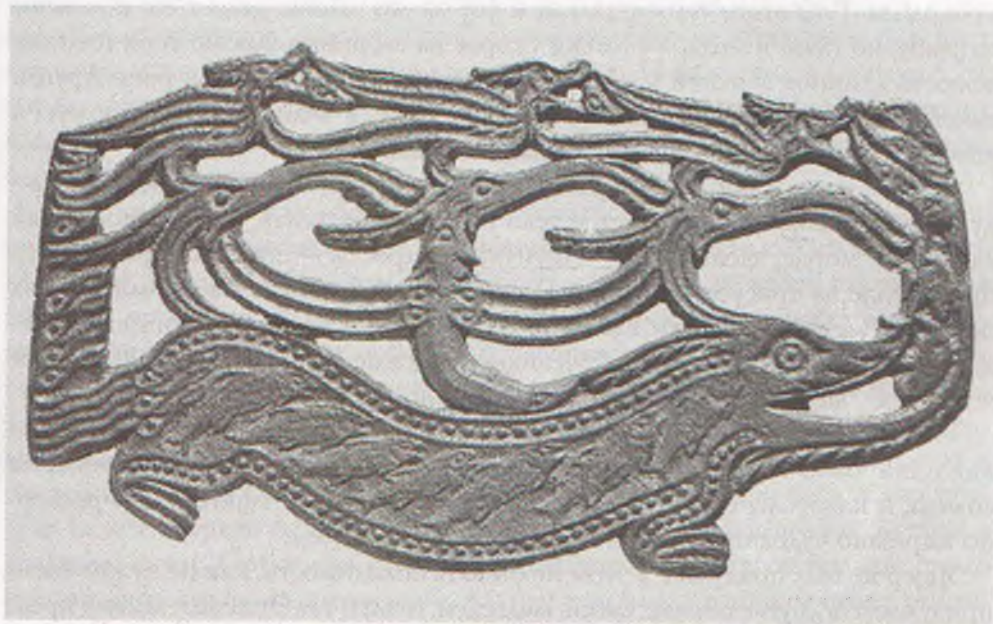
Изображение найдено в деревне Пешиково Пермской области, на левом берегу реки Кондас, притока Камы. VI—IX вв. н.э. Семь абсолютно одинаковых лосей-людей с дупальными руками и с копытцами на ногах идут справа налево по длинному рогатому ящеру. Сюжет образка связан с культом близнецов. Семерка братьев-близнецов — число сакральное

чудь представлена как “прежний”, “иной”, “старый” народ. Племенам чуди обязан своим возникновением “пермский звериный стиль”, об особенностях которого говорилось выше»²⁵³.

В ряде описаний чуди мы встречаем акцент на необычно большом росте представителей этого племени. Слово «чудо» (чоудь, шудь, чудовище = диво, дивище) означало в старину великана, гиганта. Как у сербов див — великан, так, по русским преданиям, великаны суть дивьи народы. «Уже в отдаленной древности со словом “дивы” связывалось понятие о драконах и великанах», — указывает А. Афанасьев.

Характерна и другая особенность преданий о чуди: «Были они не русьски и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. По лесам жили. Одним словом, стары люди. Домишек у них либо обзаведенья какого — банешек там, погребушек — ничего такого и в заводе не было. В горах жили. В Думной горе пещера есть. С реки ход-от был. Теперь его не видно — заваляли. Поди, сажень уж на десять. А самоглавная пещера в Азов-горе

Ажурная бляха.

Удмуртия, деревня Нырғында. VI—VIII вв. Бронза, литье. 10 × 18,2 см. Эрмитаж.

Бляха представляет сложную многофигурную композицию в центре которой помещено сидящее на спине длинного, извивающегося ящера крылатое антропоморфное существо — человеколось в окружении лосиных голов и птиц. Ящер имеет короткий хвост и короткие трехпалые лапы, в его чреве семь рыб. Над антропоморфным существом — кричащие птицы. Композиция обрамлена фризом из голов лосей. Нырғындинская бляха как бы иллюстрирует сохранившуюся в удмуртском фольклоре легенду об устройстве вселенной, состоящей из трех миров: неба, земли, подземного (подводного) мира. Кричащие птицы олицетворяют верхний мир — небо; антропоморфное существо и лоси, символизирующие тотемическое единство человека и зверя, — землю; ящер с рыбами в чреве — подземный мир и водную стихию.

была. Огромнейшая — под всю гору шла. Теперь ход-от есть, только обвалился будто маленько. Ну, там дело тайное»²⁵⁴.

«Как правило, ящер служит подножием человекообразных фигур (суальде), с которыми представляет подчас сложную композицию. На великолепной поделке, найденной на Каме близ деревни Ныртында, изображен «огромный, весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами; на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее волосы, верхняя челюсть иззубрена». На ящере сидит человек с раскинутыми руками-крыльями, голова и руки его переходят в лосиные головы, а те, в свою очередь, в птиц... Это удивительное произведение неизвестного древнего ваятеля относится ко времени рассвета пермского звериного стиля (VIII—IX вв.).

В ряде случаев загадочной рептилии отводится главное место в композиции. Вот два изображения, найденные в дер. Подбобыке Нырбского р-на Пермской обл., на левом берегу реки Колвы. Одно из них красочно описал Ф. Теплоухов: «Животное это представляет собой нечто среднее между зверем и рыбой, в общем же напоминает собою отчасти большую ящерицу или крокодила. Тело этого чудовища, как и форма его головы, делает его похожим на рыбу, но глаза и ноздри похожи скорее на звериные. Кроме того, нижняя челюсть длиннее верхней и ей придана форма загнутого вверх рога. Другой такой рог помещен на затылке. Ноги короткие, в виде человеческих рук, а хвост подобен рыбьему, поставлен вертикально».

...Перед нами изображение удивительных существ, во многом схожих между собой: массивное приземистое тело на коротких лапах, хвост, роговидный выступ на морде, вдоль спины чешуйчатые наросты — признак пресмыкающихся. Ящеры присутствуют не только в сложных религиозных композициях пермской металлопластики, где их образ заметно упрощен и стилизован. Имеются отдельные изображения, очевидно, родовые тотемы, где таинственное животное «выписано» гораздо более детально...

Изображения ящеров встречаются даже на русских прялках. Так, на прялках с широкой ломпаской для привязывания кудели нередко изображения солнца, к которому снизу тянется ящер. Поражает, как тщательно и рельефно вырезано чудовище; тело его извивается, как у змеи.

Ящер не был придуман, в этом не было необходимости, как не нужно было придумывать другие образы: лосей, медведей, птиц и т.п. Это были живые представители фауны, некогда окружавшей человека»²⁵⁵.

Обратимся теперь к преданиям и легендам Якутии.

«Янский район. Озеро Хайыр. Сотрудник биологического отдела Якутского филиала АН СССР Ф. Гладких наблюдал зверя, вылезающего на берег. Кожа серо-синего цвета, на спине вертикальный плавник, шея длинная, голова небольшая, похож на плезиозавра.

Сордонохское плато. Озеро Ворота. Геолог В.А. Твердохлебов и его помощник В. Башкатов наблюдали животное до 10 м длины с вертикальным плавником темно-серого цвета, с огромной пастью, корпусом вроде бочонка, расстояние между глазами около 2 м! Неподалеку расположено озеро Лабинкыр длиной 14 км, глубиной 60 м, где, по заявлению многих, «живет черт»»²⁵⁶.

А теперь послушаем легенду, которую расскажет Виталий Магдюков, учитель школы-гимназии № 26.

289

Легенда о Ленских Столбах

Давно написал я эту легенду, побывав на Столбах несколько десятков раз, в году, наверное, 1974-м. Многие слышали ее, кто путешествовал на теплоходах. Сейчас я решил напомнить о ней, и причина тому — нынешнее положение со стихией. Стала часто она допекать якутян своими наводнениями. Многие жители, наверное, думают о том, каким же образом прогневали они Бога, что такая напасть мучает нас вот уже второй год. И вспомнил я о легенде. Не тот ли дракон «просыпается» и под действием дьявольской силы и воды топит все, что стоит на его пути? Конечно, это серьезная шутка, но откуда-то ведь берутся у природы силы?

Причиной создания легенды был и остается загадочный ландшафт, открывающийся туристам и всем тем, кто побывает на Ленских столбах. Многие знают, что когда теплоход подплывает к стоянке, то взору открывается большая проемина, на дне которой в летнее время бежит тихая и спокойная речушка Лобуя. Но не попадись в нее в весеннее время! Она тут же поглотит все, что лежит на ее спине. Уровень в весеннее время поднимается до 12 метров, а в момент окончательного вскрытия Лены — и еще выше. Теплоход медленно разворачивается для причаливания к берегу. Вот тут-то и надо внимательно смотреть то на левую возвышенность впадины, то на правую. Если смотреть на левую, то можно ясно увидеть одинокую, метров в двадцать, скалу. Стоит она стройно, как одинокая девушка. Больше около нее нет никаких возвышенностей. А справа, прямо у стоянки стоит огромный массив, и от него вот уже много лет отделяется скала. Присмотритесь внимательно — и вы увидите очертания лица красивого человека. Скала очень напоминает изваяния с острова Пасхи. И первое впечатление такое, что эта скала хочет сделать шаг и пойти к той прекрасной скале, что стоит напротив Ленского изваяния. А если посмотреть в даль впадины, на красивые массивы скал, то на одной из них можно увидеть дупло. Когда переходишь на левый берег высохшей речушки, где-то в 800 метрах от стоянки теплохода, то скала с загадочным дуплом смотрит на тебя черным пронзительным взглядом, и в этот момент кажется, что кто-то вылетит из нее сейчас, охотясь за твоей душой.

А теперь — к вершине, в обход правого массива Ленских столбов. Тут перед каждым туристом открывается чудная картина — прекрасный замок из таких же известняковых камней, что и сами столбы. Замок со времени уже обветшал, но округлое отверстие и остатки купола придают ему незабываемую красоту. Кто же жил в этом замке? Вот теперь можно приступить и к легенде.

Было это давным-давно. Когда-то на том месте, где сейчас останавливаются туристические теплоходы, на речке Лобуя жил страшный дракон. Он ежедневно облетал свои замки, которые в то время были золотыми, и не только замки, но и минареты, бойницы, мосты соорудил он своим волшебным велением. В солнечный день они так блестели, что смотреть на них было даже страшно. Этот свет слепил глаза, и поэтому местные жители старались не попадать в эти места. К вечеру, когда солнце пряталось за громадины скал, золотистый цвет превращался в мраморно-фиолетовый, и тогда скалы становились настолько мрачными, что наводили страх и ужас на того, кто все-таки попадал в эти замки.

Дракон держал в страхе всех жителей Приленья, и никто не набирался храбрости порубить его. Все знали, что живет он в пещере, находящейся на высоте около 70 метров, и поэтому недосягаем. Ежегодно в момент большого разлива реки Лены, когда солнечные лучи подогревали ледяные скалы, дракон просыпался и требовал от жителей Приленья в дань скот, птиц, оленей, лошадей. Для якутов это было мучительное бремя. Но они ничего не могли поделать, и им приходилось собирать эту дань и ублажать ненасытную утробу дракона.

Но однажды дракон узнал, что в одном из дальних селений живет красивая девушка Кэрэ Кыыс, дочь знаменитого якутского шамана. Дракон потребовал от якутов отдать ему в жены юную девушку. Жители предложили ему взамен большой выкуп за девушку, но он отказался. Тогда шаман вышел к народу и спросил совета. Все долго молчали. Народ отлично понимал, что шаману очень горько расставаться с любимой дочерью. Все совершенно забыли о родителях молодого юноши Хорсун Уола. Сквозь толпу народа вышел молодой мужчина и рассказал всем, что его сын ушел на охоту месяц назад с несколькими такими же молодыми юношами и через два солнца они должны вернуться и что Кэрэ Кыыс является его невестой. После длительной разлуки они должны были пожениться. Никто не ожидал, что выбор дракона будет таким жестоким.

Наступила глубокая ясная ночь. В летнее время в этих местах ночь что день. Наступали последние минуты молитвы шамана. Перед ним горел высокий костер, а народ стоял вокруг. Вдруг в языках пламени и дыма появилась фигура человека. Было понятно, что это был юноша. В руке он держал большой кинжал. В это время обессиленный шаман упал. Молитва его закончилась. Появившийся образ юноши предвещал освобождение дочери шамана.

На следующий день Кэрэ Кыыс была одета в самое прекрасное якутское платье. Оно было украшено блестящими стеклышками, бусами, а соболиная отделка придавала девушке вид белки. Она действительно была как белка. Изящная, хрупкая и очень подвижная.

Настало время прилета дракона. Солнце померкло. Поднялся сильный ветер. Волны на реке сразу стали такими высокими, что не дай бог какому-нибудь рыбаку оказаться в эту пору на реке. Послышались свист и рев, такие громкие, что жители с трудом выдерживали, но любовь и уважение к своей любимой девушке не давали им силы разбежаться с этого страшного места.

Чудовище приземлилось недалеко от толпы. Все дрожали от страха, и только Кэрэ Кыыс гордо подняла голову и медленно пошла к дракону. Красота этой прекрасной девушки взволновала даже дракона. Он обычно выпускал языки пламени из своей страшной пасти, но на этот раз и он замер. Он забыл выполнить свой устрашающий жест. Кэрэ Кыыс повернулась к народу и отцу, и все поняли по ее спокойному взгляду, что она прощается с ними, но не навсегда. Она ежеминутно помнила о своем возлюбленном, и надежда на скорое свидание с ним придавала ей невообразимые силы. Она ближе подошла к дракону и села на его громадную лапу. Лапа была настолько страшной, покрытой какой-то холодной чешуей, что только в этот момент у девушки промелькнула мысль о страхе. Но в этот момент дракон издал громкий свист — его благодарность народу за такой подарок — и взвился вверх. Через некоторое время он был в своих владениях. А Кэрэ Кыыс в бессознательном состоянии слуги дракона опустили на золотые носилки и отнесли в прекрасный замок. С этой минуты жизнь девушки пошла в страхе и ожидании. В страхе — при появлении дракона. В ожидании — когда же появится ее любимый Хорсун Уол. При появлении дракона девушка забивалась в самый дальний угол замка. Он сам приносил ей пищу и питье. Но она не дотрагивалась до них, пока дракон не улетит. Для дракона это были самые прекрасные минуты наслаждения. Он даже забыл ежедневные налеты на наследи якутов и делал это только тогда, когда заканчивались запасы пищи.

Через некоторое время с охоты возвратился Хорсун Уол со своими сверстниками. Он сразу же кинулся к юрте шамана, но его ждала печальная весть. Большая любовь к прекрасной Кэрэ Кыыс родила в нем такую ярость и презрение к дракону, что он стал готовиться к смертельной схватке. Жизнь без любимой для него была невозможна. Свои намерения он поведал шаману, и тот согласился с юношей. В одну из ночей шаман, собрав старейшин наслег, прочитал молитву, окропил юношу святой водой, придав ему столько силы, чтобы тот смог победить дракона. Хорсун Уол был готов к смертельной схватке.

Тем временем Кэрэ Кыыс освоилась в замке, стала более нежно встречать дракона. Она поняла, что нужно притвориться нежной и любимой, и тогда она сможет разгадать тайну вечной жизни и изумительного волшебства дракона. Она стала разговаривать с ним, рассказала о своем детстве, играх с детворой и постепенно стала рассказывать о молитвах отца-шамана. Но дракон принимал ее рассказы с усмешкой, особенно когда девушка рассказывала о своем отце. Дракон считал себя непревзойденным колдуном.

И вот однажды Кэрэ Кыыс задала вопрос дракону: «Как ты можешь заколдовывать, создавать такие замки, поднимать водную гладь высоко в небо?» Дракон и не подозревал, что это был коварный вопрос. Ему и в голову не при-

ходила мысль, что кто-то осмелится с ним сражаться. И он рассказал девушке, что волшебная сила находится у него в хвосте. Если он потеряет хвост, то потеряет и волшебную силу и тогда погибнет.

Хорсун Уол приближался к Ленским замкам. Когда он оказался в промоине реки Лобуя, стал звать дракона. Тот долго не вылетал из своей пещеры. Ему вот-вот нужно было показаться в замке своей невольницы. Но громкий крик какого-то юноши заставил его любопытствовать, кто же осмелился прийти в его владения и нарушить его покой? Кэрэ Кыыс тоже слышала голос Хорсун Уола. Она с большим волнением стала готовиться покинуть замок, но боялась, что вот-вот появится дракон. Когда она поняла, что дракону не до нее, она спустилась на жилах от бус, которые долго готовила, чтобы когда-нибудь сбежать от чудовища. Девушка что было сил побежала к реке. В это время дракон подлетел к юноше. Из его пасти сверкали языки пламени. Вся листва деревьев загорелась. Вокруг стоял дым, дышать было нечем. Хорсун Уол стал размахивать мечом и пытаться наносить удары дракону. Но силы были неравные. После первого попадания ударом меча в тело гигантского зверя Хорсун Уол почувствовал тяжесть в ногах. Оказалось, что он по колени вошел в землю и, по сути дела, был прикован к тому месту, где стоял. В этот самый момент недалеко раздался нежный и знакомый голос. Он узнал свою возлюбленную. «Попади обязательно в хвост. Это волшебное место дракона», — успела крикнуть девушка, и тут же какие-то силы перебросили ее на другой берег реки. Она окаменела на том месте, где очутилась. Она даже не могла произнести ни слова. Но Хорсун Уол услышал, что крикнула ему возлюбленная и, изловчившись, нанес смертельный удар по хвосту дракона. Дракон от мучительной боли взвился вверх, но не смог даже взмахнуть своими огромными крыльями и рухнул на землю.

Все в небе тут же почернело. Золотистые замки, бойницы, минареты, висячие мосты превратились в огромные базальтовые скалы. Сам Хорсун Уол превратился в огромную скалу, вросшую в землю. Люди, услышав страшной силы взрыв, поняли, что наступила пора освобождения их от волшебных сил дракона, быстро направились к тому месту, где была страшная битва. Но они увидели именно лишь ту картину, которую мы можем видеть и сейчас. Одинокая скала на правом берегу речушки Лобуя и выделяющаяся скала по образу юноши на левом берегу речушки. Люди сняли головные уборы и низко поклонились этим скалам в память о храбром Хорсун Уоле и его любимой Кэрэ Кыыс. Память о них, об их беспристрастной любви будет жить в сердцах якутского народа вечно.

Долго стоял народ в этом распадке. В тишине и безмолвии никто и не заметил, как около них возникло высокое, покрытое густой листвой дерево. Это дерево возникло на том месте, где стоял отец Кэрэ Кыыс, великий шаман. И прозвали люди его Шаман-дерево. А когда стали уходить, то каждый повесил на ветви дерева либо лоскуток материи, либо шкурку зверька. С тех пор в заветных местах обязательно должно расти Шаман-дерево, а якуты обвешивают его всякими украшениями, дабы не вызвать гнев духов. Легенды говорят, что охотник, не оставивший на дереве памятный знак, не будет иметь удачи в охоте и даже может заблудиться, а то и вовсе пропасть²⁵⁷.

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

ЗМЕЙ

Чуть вечернею рососою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

293

И не сводит у окошка
С неба темного очей.
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

А.А. Фет, 1847 г.

М.О. Скрипиль утверждает, что «в славянской мифологии весьма широко представлены сюжеты, связанные с перевоплощениями змея. Одна из главнейших ролей здесь принадлежит огненному, летучему змею. Цикл мифов об Огненном Змее отразился в сербских эпических песнях, древнерусской повести о св. князе Петре и княгине Февронии Муромских, русских былинах и заговорах, а также в древнеславянских преданиях»²³⁸.

Предоставим слово И. Павловичу, самарскому исследователю Огненных Змеев. «Так, например, самарский этнограф К.И. Серебреницкий предполагает, что Огненные Змеи — это искаженный образ дракона. Необходимо отметить, что в поверьях славянских крестьян Огненные Змеи являлись лишь одной из разновидностей “Чудесного змея” — “подземный змей”, “змей полоз” и “змей огненный”. В мифологии других, не славянских народов этого образа практически нет! В некоторой степени возможным аналогом Огненного Змея можно считать: латинский *vivus ignis* — “живой огонь”; японские “Фонари Тэнгу”, также в Европе локально известны такие существа, как Лидерец в венгерской мифологии, Айтварас в литовской мифологии, Огневик — “денежный змей”»²³⁹.

В Болгарии, в селе Змейово, в окрестностях Стара-Загоры, местные жители уверяют, что их предки были «...люди саженого роста (2,13 м), потому как в старину одна женщина из села вышла замуж за Змея. Так и звали ее — Змеиха». Забавно, те же крестьяне уверяли, что дети, родившиеся от женщины и Змея, гораздо «...крепче, ловчее, дольше живут и молодечества в них больше».

Считалось, что легко узнать, когда женщина зачала от Змея. Тогда плод она носит гораздо дольше — не положенные 9 месяцев, а 10—11 месяцев!

Название «Змейово» явилось из-за странного отверстия в земле возле села, где, как поговаривали, и живет таинственное существо. Однако местный энтузиаст и скептик 70-летний Начо Янакиев храбро обследовал дыру и заявил, что «дырку в земле пробил упавший метеорит!»²⁶⁰.

А. Колмогорцев дополняет: «В поверьях змей изображается то как чудовишный зверь, то как великан, что вызывает определенные ассоциации с греческими змееподобными гигантами. Народные поверья приписывают змею демонические свойства, богатырскую силу, знание целебных трав, обладание несметными богатствами и живой водою, наделяют его способностью изменять свой страшный чудовишный образ на увлекательную красоту юноши.

“Есть молодцы зазорливые, говорит устное предание о летучих змеях, которые умеют прикидываться по-змеиному и по-человеческому”. В одной русской сказке змей представляется человеком со змеиной головою: *“с виду змей — богатырь, а голова змеиная”*; то же представление известно и у поляков»²⁶¹.

В.И. Даль в книге *«О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа»* указывает, что единого имени у этого существа нет. На Смоленщине и Рязанщине такой змей именовался — Любак, на Орловщине — Волокита, в Тамбовской губернии — Любостай. По поверьям Ярославщины и Владимирщины, существует Налет, нечистая сила в виде огненной метлы «аршинов в шесть». Он часто посещает людей, тоскующих по покойнику. В Самарском крае сохранилось поверье о Беседующих с Летунами.

В Смоленской губернии, по сведениям Д.Н. Ушакова (*«Этнографическое обозрение»*, 1896. Вып. 2), ходила легенда, как некогда в одном селе пытались убить Огненного Змея. Засыпали его землей, но сколько ни возили — все было мало. Смекнули — возить надо не на лошадях. Привезли на... петухах! Горсть одну лишь бросили, и — земля разрослась и исчез Огненный Змей.

«Двое возвращались домой, видят низко от земли летит в деревню огненный сноп, змей — голова толстая, к хвосту все тоньше, и прямо к дому Ивана Анфимова. На другой день Иван молотил на гумне и в одночасье скончался. В другом доме, куда летал змей, скончалась девица двадцати лет» — так рассказывали в Вологодской губернии.

Во Владимирской губернии Огненного Змея призывали в заговорах, чтобы «присушить» девицу. Когда мылись в бане, наговаривали на воду, что оставалась после мытья. «Идут из меня девять духов, девять огненных, хотят сине море зажигать. Не зажигайте сине море, а зажгите сердце у такой-то (называлось имя и место)».

Фактически считалось, что в облике Огненного Змея летают черти. Летают они или к околдованным, или к колдунам, которые их призывают. А носят им — деньги. О людях странно и неожиданно разбогатевших так неприязненно и говорили: «Имя пара деньги носит». «Парою» называли — змея.

Было хорошо известно, что Огненного Змея привлекало чрезмерное горе вдов.

«Известно всем и каждому на Руси, что такое за диво — Огненный Змей, — пишет И.П. Сахаров. — Все знают, зачем он и куда летает, но вслух об этом никто не решается говорить. Огненный Змей — не свой брат, у него нет пощады: верная смерть от одного удара. Да и чего ждать от нечистой силы! Казалось бы, что ему незачем летать к красным девицам, но поселяне знают, зачем он летает, и говорят, что если Огненный Змей полюбит девушку, то ее зазноба неисцелима во век. Такой зазнобы ни отчитать, ни отговорить никто не берет...»

«Словарь языческой мифологии славян» дополняет: «Всякий видит, как Огненный Змей летает по воздуху и горит огнем неугасимым, а не всякий знает, что он, как скоро спустится в трубу, то очутится в избе молодцом несказанной красоты. Не любя, полюбишь, не хваля, похвалишь, — говорят старушки, — такого молодца. Умеет оморочить он, злодей, душу красной девицы приветами; усладит он, губитель, речью лебединою молоду молодцу; заиграет он, безжалостный, ретивым сердцем девичьим; затомит он, ненасытный, ненаглядную в горючих объятиях; растопит он, варвар, уста алые на меду, на сахаре. От его поцелуев горит красна девица румяной зарей; от его приветов цветет красна девица красным солнышком. Без Змея красна девица сидит во тоске, во кручине; без него она не глядит на Божий свет; без него она сушит, сушит себя! А на самом деле у Огненного Змея голова шаром, спина корытом, и длинный-предлинный хвост — иногда до пяти сажень. Прилетая на свое место, он рассыпается искрами, которые вылетают как бы из решета, а летает он так низко, что бывает виден от земли не свыше сажени. Посещает он таких только женщин, которые долго и сильно тоскуют об отсутствующих или умерших мужьях.

Самого посетителя сторонним людям не видно, но в избе слышен его голос; он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился Змей, непременно начинает худеть и чахнуть (говорят: «Полунощник напущен»); а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством (все случаи женских самоубийств приписываются Огненному Змею).

Есть, впрочем, средства избавиться от посещения Змея. Совестьливая и стыдливая баба спохватится и обратится к колдуньям за советом, а уж те укажут, как узнать, кто по ночам приходит: настоящий ли муж или сам нечистый. Для этого они велят в то время как избранница сидит за столом с Огненным Змеем и угощает всем, что он приносит и выставляет, уронить со стола какую-нибудь вещь и затем, поднимая ее, наклониться и поглядеть: не копытами ли ноги, не видать ли между ними кончика хвоста? Если затем окажется, что прилетевший подлинно нечистый, то, чтобы избавиться от него, надо сесть на порог, очертиться крутом, расчесать волосы и в то же время есть коноплю. Когда же Змей спросит: «Что ешь?» — надо отвечать: «Вши», а на вопрос змея, можно ли есть вшей, она ответит: «А разве змеи живут с женщинами?» Это ему столь не по нутру, что он попихнет в бок или ударит, но с того случая больше летать не станет.

Для девицы, зачарованной Змеем, существует надежный способ избавиться от лютых чар. Надо в безлунную ночь набросать в котел вещей трав: горе-

чавки овечьей, чемерицы, ириса, донника — а под утро окатить себя отваром — и Змей навсегда забудет дорогу к дому. Но следует помнить: травы должны быть собраны только в русальную неделю, не раньше, не позже»²⁶².

И.П. Сахаров поддерживает: «Способы избавиться от Змея впрочем, были испытанные, как от любых болезней, червей, паразитов, — отварами, травами и кореньями. От змея и сухоты втыкали во все щели дома траву мордвинник (чертополох) и начитывали заговор-заклятие:

«Как во граде Лукоморье, летал змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царю убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ея умалалася, сердце тосковалось, одному утешению предавалася — как змей прилетит — так ее и обольстит. Тебя змей не боюся, Господу Богу поклонюся, преподобной Марии Египетской уподоблюся, во узилища заключуся. Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распалать, а сердцу моему не тосковать. Заговором я заговариваюсь, железным замком запираюсь, каменным тыном огораживаюсь, водой ключевой прохлаждаюсь, пеленой Божией Матери покрываюсь. Аминь»²⁶³.

Также на помощь попавшим в беду женщинам и девицам прибегают шатающиеся по деревням странники. Они, от всех подобных проказ нечистой силы во образе Огненных Змеев, пишут на бумажках 40 раз псалом: «Да воскреснет Бог» — и велят надеть на крест и носить, не снимая.

В *«Собрании сказок и преданий Самарского края»*, записанных Д.Н. Садовниковым со слов А.В. Чегодаева, читаем: «Когда змей летает, его остановить можно; только — сказать: “Тпру!” Тут его обо всем спрашивать можно, и он правду скажет; а когда отпускать надо, то следует рубашку от ворота вниз разорвать на себе, а иначе не улетит и будет все говорить: “Отпусти! Отпусти!” Кто этого не знает, того замает змей.

Раз над одной избой, где вдова жила да об муже горевала, змей рассыпался. Вошел, как был при жизни — с ружьем, и зайца в руках принес. Та обрадовалась. Стали они жить; только все она сомневается, муж ли это — заставляла его креститься. Он креститься крестится, да так скоро, что не уследишь. Святцы давала читать — читает, только вместо “Богородица” читает: “Чудородица”, а вместо “Иисус Христос” — “Сус Христос”. Догадалась она, что неладно, пошла к попу. Поп молитву ей дал и пропал змей, не стал больше летать.

В селе Никольском у бабы от змея сын родился, черный, с копытами, и глаза без век, навывкате. Мужики думали, думали, да и убили его, а после в землю зарыли»²⁶⁴.

В некоторых источниках добавляется необходимость перед прилетом Змея предварительно воткнуть в землю определенным образом три железных ножа. После этого Змей попадал в некоторую зависимость от человека, выполнял его просьбы, открывал тайны — Земли и Неба, прошлого и будущего.

Любопытно отметить, что подобные верования сохранились и в наши дни. Так, исследователи на Ярославщине за последние двенадцать лет записали 166 рассказов, затрагивающих образ Огненного Змея.

Вот как рассказывает об этом С. Темняткин, редактор газеты «Кацкая летопись» (Ярославская обл., Мышкинский район):

«— В третий и четвертый классы я ходила в Юрьевскую школу. Осенью пустила меня на квартиру старушка Августа Михайловна. Помню, по вечерам она долго гуляла, а мне страшно без нее...

И вот иду я в Юрьевское, а бабка Надежда останавливает:

— И ты не боишься?

— А чего бояться-то?

— Дак Августа-то с Ужам знается!

— Да как?!

— А ты погляди, у нее на крыльце кринки стоят. Ей Ужи в кринки молоко приносят. А вечером она их в подполье загоняет; сделала там напёсток — оне усядутся и сидят что воронье!

Пришла я, поглядела на крыльцо — и впрямь кринки стоят! А в подполье побоялась заглянуть.

С той поры я боялась бабушку Августу. Она меня и молоком, и преснушкой потчует, а я ни за что не угощаюсь.

— Да что ты, сладкая, наговорил тебе, что ли, кто на меня?

А потом я и вовсе с квартиры съехала, ходила пешком. И вот выхожу как-то из школы, а у ее дома народ собрался.

— Чего такое?

— Августу убили! (Августа богатая была.)

...Подобные истории можно услышать повсюду в Кацком стане: в Мартынове, Хороброве, Юрьевском, Балакиреве, Дьяконовке, Нефине...

Рассказы об огненных ужах (их порой называют палучатами), которые к тому же летают, да еще и богатство в дом приносят, кажутся не только невероятными, но и странными — взбредет же людям такая фантазия! Однако ни о чем так просто не рассказывают...

***

Тысячу лет назад славяне не веровали в Христа. Но бога чтили, и не одного, а нескольких богов. Думали, что живет на небе могучий Перун — бог грозы, огня и молнии; бог сильных духом мужчин, покровитель воинов. И была у него жена: длиннорукая, с большой головой и распущенными волосами богиня по имени Мокошь. Она покровительствовала женским работам, особенно прядению; слала на землю дождь, дарила плодородие. Там же, на небе — на высоком престоле, покрытом шерстью, — восседал крылатый змей Волос, бог подземелий, бог умерших, бог скота и бог богатства.

Каждый славянин прекрасно знал миф о том, как змееподобный Волос соблазнил замужнюю Мокошь, у которой по такому случаю родилось то ли 7, то ли 12 детей. Разгневанный супруг Перун поразил громовыми стрелами любовника змея; досталось и Мокоши: ее он превратил в божью коровку, а 12 внебрачных детишек — в змей, лягушек, мух, комаров и проч., и только последний, двенадцатый, уцелел.

Теперь уже никто такое не расскажет. Уверовав в Христа, славяне отказались от прежних богов, но до конца, видно, так и не позабыли.

***

Итак, летающий Уж-Палучонок и есть славянский бог Волос (не он сам, так его потомок). Свергнутый с неба, он теперь летает по волости Кадка. Не зря же такое чудо видели во всех кацких деревнях. В Дьяконовке, например, нарочно следили: «летит на небе огонёк, летит — и в дом».

298

В Нефине народ поглазастее:

— Да как Уж-то летает? — удивились моему вопросу. — Да как огонь летит, и как хвост сзади. Летит, летит к дому на Прогоне — и в трубу упадет!

Поскольку стародавний Волос — бог богатства, то и Уж-Палучонок не просто так летает — он приносит в дом достаток.

— Жила у нас на Прогоне в маленьком домике бабка Саша, — вспомнили дьяконовские.

— Все говорили, к ней Уж летает. У ней для него и кринки расставлены — он в них молока натаскает. И сундуки раскрыты — туда он рожь принесёт...

Чаще всего Уж-Палучонок добывает молоко или молоснину — молочные продукты: масло, сметану... Добро переносит в собственной глотке и при желании может заняться рэкето:

— Сидели мы под окошком — низенькой такой дом стоял — дак вот, сидели мы: я, брат, кто-то еще. А уже поздно: вечер, нехорошо темнеет.

Глядим — вылетает! Вот что шляпа, и хвост огненный. А по хвосту как рубят — искры летят.

Брат говорит:

— Кричите «Амины!», он и бросит, чего несет.

Мы как закричим! Не помогло... Видать, пустой летел... Кстати сказать, кацкари уверены, что некоторые люди оттого богато живут, что с Ужом знают. Зажиточных крестьян, «кулаков» по-революционному, в Кадке так и звали — «ужи».

— Говорили, что к родителям Уж летает. Мол, вот он им сколько натаскает! — рассуждает собеседница из Мартынова. — А ведь невдомек, что родители-то все своим трудом наживали. Папа мой, вот какой хлебороб был, такую семью кормил — нас у него шесть детей росло. Он и ночи не усypал, осенью и ночевал в риге!

***

Народ считал Ужа-Палучонка нечистой силой: все-то у него не-полюдски, вот и в дом он проникает не через дверь или хотя бы через окно, а исключительно сквозь трубу. Но больше всего его выдает боязнь креста:

— Был в нашей деревне портной, — вспомнили подходящий случай нефинские старожилы. — Жил в постояльцах. И вот приметил он, что, как вечер, оберёт хозяйка кринки и утащит в летнюю избу. Подкрался раз тихонечко, глянул — на полу пустые кринки стоят. Любопытно ему: встал утром чуть свет — а кринки полные молока!

Другой раз ночью взмошел он в летнюю избу да и перекрестил кринки. Утром догадался по хозяйке, что кринки пустые. Знать, Уж не прилетел и молока не принес.

***

Вы обратили внимание, что Ужи прилетают исключительно к представительницам слабого пола? В этом тоже отголосок древнего мифа.

Но за все нужно платить, а за такую преступную связь тем более. Как ни хорошо, ни сытно жилось, имея в помощниках Ужа-Палучонка, смерть придет ужасная (вспомните Августу)...

Впервые я задумался о ней в том же Юрьевском. Ах, как тогда замечательно разговаривались мои собеседники — только успевай записывать.

— Про Кубариху говорили, — вспомнил первый из них, — будто она с Ужом знается.

— Про Кубариху не знаю, — возразил второй, — а вот толковали, бабушка Наталья имела связь с Ужам. Они для нее молоко таскали. И будто бы тайну свою перед смертью обязательно передать надо. А не передашь, будешь умирать, тебя скрючит-скрючит — в печку и закроют! Она в печи и умерла. Так и говорили о ней: “Ужи запрятали в печку бабушку Наталью!”

— Да нет, — перебили его, — она не совсем так умерла. Пришла она как-то к маме: “Таня, я попариться хочу!” А парились тогда в печке и под (т.е. печной пол) соломой выстилали. Но соломы не оказалось — не жали еще; мама ей сена дала.

Постлала старая сена, в печь залезла и устье заслонкой закрыла. Парилась, парилась, да умалела, видать, — голову-то на жаратощник и положила. Вытащили ее еле живую. А через неделю померла бабушка Наталья...

...Слушал я, слушал и думал: печь — это не просто. В ней подыхает огонь — бог Перун вновь карает женщину за ее преступную связь со змееподобным Волосом.

Поверье это потому задержалось в памяти, что истинно бывало, старики умирали в печках. Нет, не ради экзотики туда забирались — дело в том, что вплоть до 50-х годов XX столетия кацкари не знали бань. Мылись в печках (вот почему в Кадке совершенно не развит культ банника и баня считается чистой от разных черных сил постройкой).

Так вот: конечно же, бывали случаи, когда старый человек, забравшись в протопленную печь помыться, там и умирал. “Экак его за знакомство с Ужом”, — качали головами тогда в народе.

***

Смерть может быть другой (правда, реже), но не легче.

В деревне Мартынове, в самом ее центре, на месте теперешнего дома В.А. и М.И. Виноградовых, стояла изба Оксёна Липатова окнами на Прогон. Жила с ним бабка Офимия; в народе говорили, что она колдунья: нелюдима, ни с кем больно-то не разговорится, — маленькие дети ее особенно боялись.

Совсем одряхла бабка Офимия. Пора бы помереть, да никак не может — какая-то сила ее постоянно с кровати скидывала. Подымут ее, на постель уложат, обгнут — глянь, а бабка опять на полу...

Забрался Оксён на чердак и, как ему посоветовали, над тем местом, где старуха лежала, выбил потолочину. Тут же все успокоилось.

Похоронили. Поминки. Вышел Оксён на двор — глазам не верит: стоит овца без... шерсти! Одна кожа, гладкая такая, как коленко. Так овцу и резали.

А по деревне шептались: оттого, мол, чудеса, что бабка Офимия не успела передать свое; с Ужам, мол, она зналася!

Случилось бы то лет на шестьсот-семьсот пораньше, знающие люди обязательно бы добавили: неспроста овца полысела, шерсть ее сам бог Волос забрал — не зря сидит он на троне из шерсти. (Вспомните, кстати: чтобы корова домой ходила, выстригают между рогов шерсть и кидают на двор.)

***

И все-таки — почему уж?

Может, я не прав, но, кажется, здесь произошло объединение двух религий; культ змееподобного летучего бога Волоса слился с почитанием обыкновенной, вполне земной Змеи.

Произошло это так. Кацкари (да будет вам известно) — потомки славянского племени кривичей и финно-угорского племени меря. Славяне верили в Волоса, меряне поклонялись Змее. Причем очень серьезно поклонялись; не однажды я слышал:

— Нельзя убивать змею, заползшую в деревню! Иначе кто-нибудь умрёт из деревенских.

Налицо самая прямая связь Змеи с человеческой жизнью: покуда жива Змея, жив и человек.

По-видимому, меряне считали Змею своею прародительницей; иначе говоря, думали что произошли от Змеи. То-то, а мы наладили — от обезьяны да от обезьяны!

Теперь становится понятно, отчего так много змей в наших наличниках — Змея, покровительница человека, охраняет и его дом.

Но время шло. Теперь кривичи и меряне один народ, а Волос и Змея одно божество. Поэтому, рассказывая о славянском огненном змее, невольно сбиваются на мерянскую Змею (на ужа, конечно, у нас ужи водятся):

— В нашей деревне два дома были, в которые ужи летали, — это в Нефине рассказали. — На прогоне мужик жил, дак все смотрели: летит к нему Уж, летит да упадёт.

Раз была в их доме беседа, дак ведь Уж-то из-под лавки и вылез! А хозяйка — успокаивать: "Да ничего, ничего..."

А умирала — мучилась. У ней весь живот вздуло, хоронили — платком накрыли»²⁶⁵.

Название Змеев — Получата — встречается и в «Сказке о происхождении кикимор» в книге И.П. Сахарова «Русское народное чернокнижие», изданной в 1836 г. в Москве.

А жито когда зацветет, заколосится, тоже непросто!
Лету-то долго еще до жатвы. Всякое приключиться может!
Аль потрава какая, аль засуха, аль буря- ураган...
Так от тех неурядиц дело есть.
В день один, что в народе «духовым днем» зовется²⁶⁶,
В который земли-матушки не бередают, не касаются,
Что в аккурат за семицкой неделей...

Так вот в ночь-то перед этим днем, на поле дальнее,
Что от проезжих дорог в стороне,
Чествовать идут хлебопашцы духа полевого.
Да дары с собой несут, дары не простые:
Два куриных яйца, да старого безголового
Черного петуха, украденного у добрых соседей накануне.
Ай, не смейтесь! Все не просто! Ай, не просто!
Соседям-то от того только польза!
Ведь петух тот черный, что семи лет от роду прожил,
Яйцо снести может, в аккурат на Купалу!
Да! Не смейтесь!
Верьте — не верьте, а яйцо такое у меня припасено!
Вам на погляд принесла!
Вот! Каменное!
Пролежит яйцо это в навозе незамеченным 7 недель,
Из яйца вылупится змей огненный, Получато у нас его звать.

Каменное яйцо.
Фото с сайта газеты «Куть»

Камень с отпечатками Змея.
Фото с сайта газеты: «Кутъ»

Земля-то его не носит, а только камень! Оттого и яйцо каменное!
Да вот еще что, на какой камень змей тот сядет,
На том камне след оставляет!
Но старые-то люди говорят,
Что не только камни от змеев тех страдают,
Но и честной народ,
Что за богатствами и удовольствиями потянулся!
«Но скажу вам по секрету, чтобы сильно то не стращать.
Говорят же люди старые, жизнью мудреные,
Что коли в совести, чести да радости жить будешь,
То тебе и страсти никакие нипочем!
Не потому ль над оконцами светлыми, радостными
Домов наших деревенских, раз от разу,
Змеев летучих, что Получатами звать,
В вырезях увидеть можно,
На счастье, говорят, богатство, да благоденствие,
Да еще на науку!..
А чтобы познать-то ее, науку эту,
Нам целая жизнь, говорят, и дается...»²⁶⁷

Нельзя пропустить пару преданий из «Собрания сказок и преданий Самарского края, собранных и записанных Д.Н. Садовниковым».

«У моей-то тетки, сказать, у мужика-то сестра была. У его-то сестры взяли мужика в армию. Война же была. <..> И она все плакала, все плакала, и осталось трое детей у нее. Душа земли была — исхудала!

А тогда все серпом жали. Она поздно-поздно домой ходила. Этих детей одних оставит. Ну и вот. Идет домой-то и глядит в окно: это что же такое? Яков в избе сидит в простенке. Как же он попал-то, ведь все закрыто?

В избу-то вошла, отперла сени-то — никакого Якова нету, он пропал. А это змей летал к ей... Он пропал. Потом ладно. Она взяла дойницу и пошла корову доить в хлев. Доит корову-то и слышит: по сеннику-то ходит человек! Ладно, она корову подоила, это ведро на гвоздок повесила, взяла фонарь и полезла туда, на сеновал-то. Влезла: только ноги видать, одни сапоги — человек лежит. А деверь был, его-то, значит, брат, на одном дворе жили. Она побежала туда и говорит:

— Иван, Яков домой пришел!

— Да ты что?! Война не кончилась. <..> Что он, на крыльях прилетел? Кто его отпустит? Ты, говорит, че это?

— Да нет, Иван, он на сарае лежит, в сене весь зарытый, только ноги видать в кожаных сапогах! — Он тажно пошел с ней.

Пришли — никого нету. Только место, как человек лежал.

Но ладно. Пошла домой, молока процедила. Стала ужин для детей готовить. Сели поужинали, легли спать. В кладовке спали. И он, значит, к двенадцати часам является. Является, ложится с ней.

Ночь, две — с неделю так все ходил к ней.

Потом она шарит вот эдак, пальцам по голове у него водит да и говорит:

— Ой, Яша, у тебя голова-то вся в шишках!

— Но змей! Волниста же голова-то, не как у человека.

— Ты, говорит, что, Папа, вот как меня взяли на войну, раз всего только в бане и вымылись. Опаршивели мы там, говорит, все, все солдаты.

Но ладно. <..> Она уж потом поняла. А он придет и узел гостинцев ей отдаст. А ей некогда глядеть. Она этот узел возьмет и в ящичек, в сундук, клаала. Ладно.

Потом уж легла в середке к ребятишкам. Он ее стаскиват оттуль, с койки-то. И вот она поняла, что дело неладно. А он с неделю уже ходил. Потом она позвала невестку, братову-то жену:

— Айдайте, — говорит, — Лизавета Максимовна, ко мне спать. Вот какое дело. Ко мне, — говорит, — летат змей, и я никому не говорила.

— А он заказывал:

— Ты никому не говори! Я крадучи ухожу, не надо говорить!

— Ага! Она до этой поры и не говорила.

Вот они и пришли, спать-то легли на печку. Потом он как до дому-то долетел, как рассыпается — искры прямо по всей избе, так и осветило! Ой, говорит, мы думам:

“Изба вся рассыпалась по бревну!”

А потом захохотал как да и говорит:

— Ладно, что догадалась! А то бы тебя сегодня не было! Ты бы задавлена была!

А он ишо потом заставляя ее баню топить, в бане бы ее задавил.

— Ты истопи-ка, Паша, баню про меня, я вымоюсь.

— Ой, да ты что, говорит, Яша, баню-то топить. Я же вон как поздно из поля хожу. Да приду — дома сколько дела! Когда же мне топить?

— Дак вот, когда придешь из поля-то, дома все переделаешь, вот и затопи. — Да ладно она поняла, что неладно. Ага!

А потом дрова были, цела сажень плахам, он эти дрова все <...> перетаскал и двери заваали! Все сени заваали, чтобы отворить нельзя было. Все! Все дрова перетаскал. Они утром-то встали — сени-то не отворяются. Он окошко выставил тогда, Ваня, вылез, да и все стаскал.

И вот они недели две, наверно, к ней ходили спать-то потом. <...>

А потом посмотрела, что же за гостинец, не золото ли? Стала развертывать — лошадино г... Накладено в узлах лошадиного г... Вот и гостинец!

А вот Зоя-то <...> И вот змей тоже летел в деревню-то к нам, к кому-то летал же!

— Ой, мама, говорит, мы все как напугались, присели. Искры-то как летят у него из роту! А он, как коромысло, говорит, летит, выгибается. Вот так все летит. А потом где-то пропал.

И все говорили, что он к Лидке. Когда мать-то умерла, она плакала по ей. И все говорили — к ей. Потом-то он женщиной делатся ведь! Да-а! К ей когда — женщиной! Вот и разговариват, как она разговаривала, Елена-от Федоровна. Аидка-то потом рассказывала <...> Летал. Несколько раз видали, люди. “Ну, к кому-то, говорят, змей летат у нас в деревне”. А к кому, не знают. Он же наказыват: “Не говори, дескать, нельзя говорить-то”.

Записал В.П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой,
1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., в 1979 году²⁶⁸

Стояла у нас на Курмышке (в Симбирском) баня в саду. Осталась после хозяйки умершей дочь — невеста. Все она об матери плакала. И пронесся слух, что мать к ней по ночам змеем летает. Прилетит это к полуночи и над трубой рассыплется. Похудела бедная, иссохла, ни с кем не говорила и все в поддни в баню ходила. Стала за ней ее тетка подсматривать, зачем это Дуняша в баню ходит. Раз досмотрела и услыхала, что она с матерью-покойницей говорит, и обмерла со стаху. Слышит, Дуняша говорит: «Не скажу, мамынька, никому! Я рада, что ты ко мне ходишь». Тетка тихонько отошла от бани, а Дуняша вернулась в горницу такая веселая, только бледная, ни кровинки в лице. «Ты, Дуня, не скрывай, — сказала ей тетка, — что видишься с матерью в бане». Девка-то взглянула на нее и закричала недаровым матом: «Ты, проклятая, меня извести хочешь, задушить хочешь!» — «Ты не сердись, Дунюшка, я тебе с матерью видаться не запрещаю». Уговаривать ее принялась. Дев-

ка вдруг повеселела и все тетке рассказала. Как только она тетке все рассказала, в самую полночь девку в постели мертвой нашли. Пошел слух, что Дуняшу мать убила, и даже сама старуха-обмывальщица говорила, что на груди у Дуняши видела два пятна, словно они нарисованы, точь-в-точь крылья вора, а это значит мать-то в виде змея прилетала и дочь за то убила, что та тетке проговорила. Сам я этого змея видел, как он над Веригиным садом пролетел и над баней рассыпался. После смерти дочери дом и сад остались заброшены; окна в доме заколочены, и никто не покупал, а место было хорошее. Все чего-то боялись. Играли раз в саду днем ребятишки и, раз играючи, распустили слух, что в бане видели чертей, банных *анчуток*, кикиморами что прозываются. Мохнаты, говорят, а голова-то гола, будто у татарчат; стонут... Стон в бане многие соседи слышали, особенно бабы да девки. И пошла про баню дурная молва, и ходить садом ночью бояться (а через сад был ход со второго Курмышка на первый и на Большую улицу, а Кирпичной-то улицей, знаешь, дальше обходить). Прошло с год время; стали о бане забывать. Вдруг оказия случилась: одну девушку выдавали замуж на Курмышке, бедную нищенку за солдатику; на девишник баню истопили, пошли девки с невестой мыться, *размывать ей усы*, да из бани-то все нагишом и вышли в сад на дорогу и давай безобразничать и беситься: котора пляшет да поет, что есть голосу, *похабщину*, которы друг на дружке верхом *ездют*, хоркают по-меренячи... Ну, их смирили, перехватили, отпоили молоком парным с медом. Неделю хворали, все жаловались на головную боль. Думали — девки белены объелись, смотрели — нигде не нашли; порешили, что это анчутки над ними *подыграли*. Баста с тех пор эту баню топить; да на ярманку кто-то и вздумай ей попользоваться. Один печник, слышь, кутила был (Бубловым прозывался), сорви-голова такой — и пошел в нее первый. Поддавал, помотал веник в пару, хватъ — с него дождик льет; взглянул, а он в сосульках! Как бросит веник да с полка и хмыль нагишом домой; прибежал в горницу в чем мать родила, без стыда, без совести. «Теперь верю, говорит, у вас черти в бане-то живут!» — «Это тебе попритчилось, видно?» — «Чего попритчилось? Шут с ней и с баней-то вашей!» И рассказал. Сходили за его рубахой и штанами; принесли, а оне все в лепетки изорваны. Так все и ахнули. С той поры баню забросили, а дом Веригиных кто ни купит, с год поживет — покойник в семье. А как наступит весна, все видят то утром, то в полдни, то вечером бегают по саду здоровенная нагая баба. Бросятся с дубьем ее ловить — она убежит в баню. Ищут, ищут — нет! Так года четыре продолжалось. Купил дом плотник, сломал он и дом, и баню, все перебрал, и с того времени как рукой сняло.

Слышано от симбирского мещанина Ивана Андреевича Извощикова.

Сообщено М.И. Извощиковым²⁶⁹

«Ходят повсеместно слухи о том, что от Огненных Змеев женщины рожают детей, но большей частью недолговечных ("как родился, так и ушел под пол") или прямо мертвых. Но те, кто выживали, становились колдунами.

Рождение уродов точно так же приписывается участию Змея, причем бабки-повитухи, которые ходили принимать таких детей, зачатых от нечистой силы, рассказывают, что дети рождаются "черненькия, легонькия, с коротеньким хвостиком и маленькими рожками": кикиморы²⁷⁰.

Снова обратимся к «Сказке о происхождении кикимор».

Живет на белом свете нечистая сила сама по себе;

Ни с кем-то она, проклятая, не родится;

Нет у ней ни родного брата, ни родной сестры;

Нет у ней ни родимого отца, ни родимой матери;

Нет у ней ни двора, ни поля, а пробивается, бездомовая, где день, где ночь.

Без привету, без радости глядит она, нечистая, на добрых людей:

Все бы ей губить да крушить,

Все бы ей назло идти, все бы миром мутить.

Есть между ними молодые молодцы, ззорливые.

А и те-то, молодые молодцы, прикидываются по-человечьи и по-змеиному.

По поднебесью летят они, молодые молодцы, по-змеиному,

По избе-то ходят они, молодцы, по-человечьи.

По поднебесью летят, на красных девушек глядят;

По избе-то ходят, красных девушек сушат.

Полюбит ли красну девицу-душу,

Загорит он, окаянный, змеем огненным,

Осветит он, нечистый, дубровы дремучие.

По поднебесью летит он, злодей, шаром огненным;

По земле рассыпается горячим огнем,

Во тереме красной девицы становится молодым молодцом несказанной красоты.

Сушит, знобит он красну девицу до истомы.

От той ли силы нечистой зарождается у девицы детище некошное²⁷¹,

Со тоски, со кручины надрывается сердце у отца с матерью,

Что зародилось у красной девицы детище некошное.

Кланут, бранят они детище некошное клятвой великою:

Не жить ему на белом свете, не быть ему в урост человек;

Гореть бы ему век в смоле кипучей, в огне негасимом.

Со той ли клятвы то детище закланное

Без поры, без времени пропадает из утробы матери.

А и сего-то, окаянного, уносят нечистые за тридевять земель в тридесятое царство.
А и там-то дитище закланное ровно чрез семь недель нарекается Кикиморой.
Живет, растет Кикимора у кудесника в каменных горах;
Поит-холит он Кикимору медяной росой,
Парит в бане шелковым веником,
Чешет голову золотым гребнем.

От утра до вечера тешит Кикимору Кот-Баюн,
Говорит ей сказки заморские, про весь род человек.
Со вечера до полуночи заводит кудесник игры молодецкие,
Веселит Кикимору то слепым козлом, то жмурками.
Со полуночи до бела света качают Кикимору во хрустальчатой колыбельке.

Ровно через семь лет вырастает Кикимора.
Тонешенька, чернешенька та Кикимора;
А голова-то у ней маалым-малешенька, со наперсточек,
А туловища не спознать с соломиной.

Далеко видит Кикимора по поднебесью,
Скорей того бегают по сырой земле.
Не стареется Кикимора целый век;
Без одежи, без обуви бродит она лето и зиму.
Никто-то не видит Кикимору
Ни середь дня белого, ни середь темной ночи.

Знает-то она, Кикимора,
Все города с пригородками,
Все деревни с приселочками;
Ведает-то она, Кикимора,
Про весь род человек, про все грехи тяжкие.

Дружит дружбу Кикимора со кудесниками да с ведьмами.
Зло на уме держит на люд честной.
Как минут годы уроченные,
Как придет пора законная,
Выбегает Кикимора из-за каменных гор на белый свет
Ко злым кудесникам во науку.

А и те-то кудесники люди хитрые, злогадливые;
Посылают они Кикимору ко добрым людям на пагубы.
Входит Кикимора во избу никем не знающая,
Поселяется она за печку никем не ведающая.
Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера;

Со вечера до полуночи свистит, шипит Кикимора
По всем углам и по лавочной;
Со полуночи до бела света прядет кудель конопельную,
Сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую.

На заре-то утренней, она, Кикимора,
Собирает столы дубовые,
Ставит скамьи кленовые,
Стелет ручники кумачные
Для пира неряженого, для гостей незваных.

Ничто-то ей, Кикиморе, не по сердцу:
А и та печь не на месте,
А и тот стол не во том углу,
А и та скамья не по стене.
Строит Кикимора печь по-своему,
Ставит стол по нарядному,
Убирает скамью запонами шидяными.
Выживает она, Кикимора, самого хозяина,
Изводит она, окаянная, всяк род человек.

А и после того, она, лукавая,
Мутит миром крещеным:
Идет ли прохожий по улице,
А и тут она ему камень под ноги;
Едет ли посадский на торг торговать,
А и тут она ему камень в голову.

Со той беды великой пустеют дома посадские,
Зарастают дворы травой-муравой.
Во-о! А спроста ли?²⁷²

Бывали, по словам седой старины, и случаи, что родились от такой любви сразу по двенадцати змеенышей, до смерти засасывающих порождавшую их на белый свет красавицу. Сохранил народ в своих сказаниях вещую память и о таких змеиных детях, как, например, Тугарин Змеевич, на которого перенесены были многие черты чудовищного отца.

Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промежу плечей — косая сажень,
Промежу глаз — калена стрела:

Конь под ним — как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Былина «Алеша Попович и Тугарин Змеевич»

Рожденные от змея обладают комплексом особых качеств, одно из которых — оборотничество.

У Алексея Толстого (1860-е гг.) в великолепной балладе «Змей Тугарин» Змей превращается в человека и играет на гуслях.

309

16

«Стой! — молвит, поднявшись, Добрыня. — Не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
Приплавший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночью порой,
Ты часто вкруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впервой
Попотчую я каленою стрелой —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
Зажал от несносного смрада, —
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки пес, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не поет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»²⁷³

Так, богатырь Волх Всеславович, тоже змеиноного роду-племени, с детства учился трем премудростям:

В та поры поучился Волх ко премудростям:

А и первой мудрости учился

Обертываться ясным соколом,

Ко другой-то мудрости учился он Волх

Обертываться серым волком,

Ко третей-то премудрости учился Волх

Обертываться гнедым туром-золотые рога.

Былина «Волх Всеславович»

Древнерусское предание о Всеславе, князе Полоцком (XI в.), рожденном от огненного змея, говорит о том, что тот мог оборачиваться волком и другими животными, в том числе и птицей; совершал подвиги, используя способности превращения себя и своей дружины в животных: «...князьям города рязид, а сам в ночи волком рыскал... Херсоню великому волком путь перерыскивал...»²⁷⁴.

Вещему Олегу также приписывалось происхождение от змея.

Подобные аналоги встречаем и в античной истории.

Так, у Плутарха об Александре Македонском говорится, что он родился от огромной змеи, которую часто находили в спальне его матери и которая тотчас же уползала и скрывалась, как только показывались люди.

Светоний рассказывает, что народ почитал Августа за сына Аполлонова и уточняет, что Аполлон, разделив под видом дракона ложе с Атией, пришедшей в его храм совершить обряд ожидания вещего сна, породил таким образом «божественного» Августа.

В «Повести о Скандербеге»²⁷⁵, *княжати албанском*, русской повести XVII в., переложенной с «Всемирной хроники» Мартина Бельского, говорится: «Ведаю то, великий царю Магомете, что многижды есми побит от малых людей. А не для недостатку которого или глупости моей — толко для несчастья моего. И то мне чинитца не от Скандербега — кажет ми ся, что от бога то стало.

И для того, царю Магомете, пристойит великим судом разсуждати: человек тот явно от бога на то устроен. Есть и знамя у него на теле отменно от людей, что ни у кого такова нет. А ведаю то: коли того Скандербега носила мать его, и она видела во сне так, что родила змея, который турков гонял и кусал. И сказывала то явно всем людям».

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был сам князь. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала обо всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с лстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквям. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения Честного и Животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловердной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышав Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжелой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед

тобой заяц скачет, и слышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимы плакать, про брата же сказала — “сквозь ноги смерти в глаза смотрит”. И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы была в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к домуходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаимы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаимы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в

жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойд и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нисколько не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди.

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благочестивый же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благочестивому князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благочестивый князь Петр, желая ее испытать, повелевал, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять, которым Бог награждал ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержцу: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить Божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, забыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда пришел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвою.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Муром, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распри друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И заветажи, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма Пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не dokonчила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви Пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения Честного и Животворящего креста, говоря, что так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви Святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения Честного и Животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме Пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви Пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества Святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который Бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносился, прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты его уповаю и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после представления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь²⁷⁶.

И. Павлович продолжает тему Огненных Змеев: «В настоящее время встречи с Огненными Змеями довольно маловероятны. Хотя, согласно непроверенной информации, среди альпинистов бывшего СССР бытовало поверье о целом «плоскогорье Огненных змей», расположенном на южной границе Дагестана в районе пика Гутон, главный Кавказский хребет, и менее известном горном урочище Бочохмэр, Богосский хребет.

Согласно другой непроверенной информации, «каждый год в первое полнолуние одиннадцатого лунного месяца, в день, который совпадает с окончанием буддийского поста, сотни красных, розовых и оранжевых огненных шаров взмывают в небо над рекой Меконг (Индокитай). Это зрелище собирает громадные толпы зрителей. Местные жители называют данное явление «огненными шарами Нага».

Местные ученые, не отрицая самого факта подобного явления, для его объяснения задействуют газовую гипотезу. «Поднявшийся из речных отложе-

ний метан порождает огненные шары". Но данная гипотеза неспособна объяснить столь странную регулярность данного явления, в какой-то степени схожего с регулярным схождением "Благодатного огня" в православную Пасху на храмовую гору Иерусалима²⁷⁷.

На протяжении ряда лет самарская группа историков-краеведов пыталась собирать и по возможности проверять рассказы об Огненном Змее. Самих «огненных шаров» им увидеть не удалось, если не считать наблюдение некоего загадочного «роя». 15 августа 1990 г., около 22 часов исследователь современной мифологии И. Павлович с товарищами наблюдал пролет над Жигулями группы огненных шаров. «Впереди группы летел большой одиночный шар с маленьким хвостиком, за ним двигалось девять шаров размером поменьше. Они двигались в ряд по три, "переливаясь" яркими и длинными хвостами». Сообщения о наблюдении этой группы в интервале от 22 до 24 (по местному времени) «поступали» с довольно большой территории, из различных районов Самары — п. Ермаково, п. Новодивичье, г. Сергеевска и из других мест.

Довольно много Огненных Змеев во второй половине XX в. видели в районе поселка Аскулы на Самарской Луке. В 1974 г. в них там даже стреляли из ружей. Из средств массовой информации, например, известно, что 21 июня 2001 г. большой огненный шар видели в окрестностях с. Кинель-Черкассы, 24 мая 2002 г. село Верхние Белозерки «посетила» группа огненных шаров. Они выбивали окна и поджигали деревья (газета «Пульс Поволжья», № 24, (169), 12 июня 2002 г.). Более интересные огненные шары, способные обращаться в людей, такие шары довольно часто видели на северо-востоке Самарской области²⁷⁸.

И. Павлович публиковал в самарской газете «Новый Водолей» отчеты об экспедициях, целью которых был поиск Огненного Змея. Он писал:

«В 1984 году самарская группа историков-краеведов решила проверить одну из историй об огненных шарах, каким-то образом связанных с местной Шихан-горой. (В переводе с мордовского имя Шихан означает «Клятва».)

На той горе — озера. Они никогда, даже в самую великую сушь, не пересыхают. Там обитает древний Дух Воды. Совершив определенный ритуал, его можно упросить вызвать дождь в засушливое лето или разогнать тучи в слишком сырое. До революции многие ходили на те озера — молиться. Место, где обитает Дух, было помечено особым камнем. Вот на нем и оставляли подношения: хлеб, соль, мед. По преданиям, рядом с озерами находились какие-то развалины.

После революции и гражданской войны на гору практически не ходили (достойные плоды просвещения, запретов и культурной революции). Жертвоприношения прекратились, а рассерженный дух разлил озера, превратив их в болота. На горе поселились дикие кабаны, нападающие на человека, тревожащего их владения».

В книге «Легенды, предания, бывальщина» под редакцией известной исследовательницы Н.А. Криничной есть упоминание о поволжской Шихан-горе: «Слышали мы от стариков, что Шихан — гора не природная, а сложена руками человеческими из камня-дикаря. Внутри она полая. Если постучать ломом по ее боку, то Шихан загудит, как пустая бочка или барабан, а внутри зашипит по-змеиному».

«28 мая 1984 года группа моих единомышленников отправилась на поиск этой горы.

...Степь. Бескрайняя степь протянулась от горизонта до горизонта. Мы ехали на машине ГАЗ-66 и километры весело ложились под колеса. Какая гора? Откуда она здесь? — нас мучили сомнения. Но вот куполообразный свод, поросший лесом. Такое ощущение, что перед нами ледниковая морена. Ледяной язык принес сюда тонны камня (много обломков кварца) и растаял. Но ведь, согласно воззрениям специалистов, ледник никогда не достигал этих мест. Защелкал дозиметр — 20—30 мкТ/ч, практически норма. В легендах говорилось, что гору ту Шайтан “запечатал”, пещеры “закрыл”.

Мы пытались исследовать вершину горы. Болото. Густые заросли, следы кабанов и клещи. Все это затрудняло поиск, а мы были ограничены временем. Местные жители (обитатели окрестных деревень) отказались сопровождать нас к горе, ссылаясь на свой (явно преувеличенный) страх перед кабанями. В тот раз нам так и не удалось выполнить всю намеченную программу исследований — выйти к моельному камню и осмотреть развалины. Они все еще ждут своих первооткрывателей.

Опрос местных жителей позволил предположить, что Дух покинул эти места. Нам даже рассказали, как это произошло: “Улетел Шайтан! Улетел! Обликом как человек, голова — вся огонь, а вокруг огненные хвосты”.

По местным преданиям, “огненный шайтан”, вступая в любовную связь с деревенскими женщинами, породил довольно много детей “змеиной породы”. И хотя большинство из этих детей долго не жило (умерло в младенчестве), некоторые дожили до вполне зрелых лет. Согласно одной из версий местных поверий, именно они и изгнали своего “отца” Шайтана, после чего ушли в гору, где и уснули...

Подобные рассказы были характерны и для северо-запада нашей области. Поэтому нашу следующую экспедицию в 1994 году мы направили на северо-запад Самарской области, где также сохранились верования об Огненных Змеях. В этой поездке нас сопровождал представитель Самарской историко-экологической ассоциации “Поволжье” этнограф Кирилл Серебреницкий. Трудно поверить, что в наш промышленный век относительно недалеко от кольца крупных городов сохранился практически не тронутый уголок дикой природы. В народе его любовно называют Волжскими Альпами. Это сумрачно красивые, истинно сказочные места. Неуловимо загадочные и удивительно безмолвные, даже птиц не слышно. Только совы ночью ухают. Да поднимаются к небу над невысокими холмами скалы-останцы, наследие давно минувших эпох.

У местных жителей с этими местами связаны мрачные верования. Даже сегодня они считают, что эти скалы, леса, болота населяют злые духи. И хотя напрямую никто не отваживается в этом признаться, они боятся этих мест и тех существ, которые, они считают, тут обитают. В ближайших населенных поселках осталось всего четыре жилых дома, всего восемь человек, все — чуваша. Известно, что по своей воле в прошлом люди здесь не селились. Хотя непонятно, почему. Дичи полно, земля нетронута, вода — целебная. Кирилл

Серебреницкий, работая с местным населением, выяснил, что почти все, кто из них хоть раз побывал ночью на этих болотах, видели блуждающие огни — летучую нечисть. Они называют ее Пата Кабуса. Другое звучание этого имени, хранимое более старшим поколением, Патавка-бусь — “летучая голова”, или “птица-голова”.

Позднее, вернувшись в Самару, Кирилл Серебреницкий специально проконсультировался с чебоксарскими этнографами и выяснил, что в современном чувашском языке слово “Патавка” совершенно не распространено и малопонятно. Наиболее близкое ему “Пудовка”. Тогда Патавка-бусь некая “летучая голова” в форме старинного пудового ведра. В чувашском языке “Бусь” (Пусь) имеет значение “исток”, “начало”.

По местным поверьям, живет Пата-Кабуса в большом моховом болоте, странным образом сохранившемся реликте давно минувшей ледниковой эпохи. Рассказывают, что если здесь кто-то умирал насильственной смертью и его не хоронили, соблюдая определенный обряд, могла прилететь Пата-Кабуса: “Огненный сноп летит в виде змея, голова толстая, к хвосту все тоньше. Летит прямо в деревню...” Там он якобы экзальтировал мертвеца, а затем, поведя умершего по окрестностям, уводил на свое болото. Больше умершего никто не видел. “Зачем шар это делает, местные не знают...” В 1997 году нам рассказывали, что Патавка-бусь, “охраняя свою территорию”, уничтожил военный вертолет, три члена экипажа погибли (газета “Ведомости Самарской губернии”, № 30 (37), 9 августа 1997 г.). “Ми-24” 3 августа 1997 года словно попал в некое воздушное сито. Машина потеряла горизонтальную составляющую скорости и камнем вертикально упала на землю. Удар был такой силы, что сейсмический толчок фиксировался на расстоянии 30—40 км от места катастрофы. Аналоги подобным авариям во всей мировой практике можно пересчитать по пальцам. Машина была исправна. Системы в норме. Погода хорошая.

Работая в этом районе, нам удалось выяснить ряд любопытных подробностей. Например, хотя обычно огненные шары появлялись ночью, когда летом сухие грозы, они могут появляться и при полуденном солнце. Голубой шар — молодой. Красный шар — старый. Старые не опасны. Шары могут двигать холмы, менять течение рек, пробуждать родники. Тушат лесные пожары. Иногда два шара сходятся и начинают “давить” друг дружку, иногда молниями пуляются.

Как уже говорилось, согласно древним верованиям, от “сожигтия” людей и Огненных Змеев иногда рождаются “дети”. Обычно они долго не живут или... становятся колдунами. И если Пата-Кабуса обитал в болоте, то его “дети”, или “говорящие” со змеями, обитали в “Каменном Доме”. Каменный Дом — предположительно это скала-останец, связанная с разветвленной системой пещер, тянувшихся на десятки километров, выходящих на берег р. Волги. “Гиблое то место. Многие хотели узнать, что там внизу происходит. На вожжах спускались. Кто вернулся страсть напуганный, а какие поглупее в глубину уходили — те совсем не вертались. Этажей в том “Доме” (пещерах) неисчислимо. Провалится человек — и нет ему выхода... Колдуны там жили, а может, и сегодня еще живут. Мы точно не знаем”.

Действительно, путешествуя по останкам этих древних островов, буквально изрешеченных пещерами и обширными подземными пустотами, можно поверить в укрывшихся «до часа сужденного» последних представителей давно исчезнувшего мира. И эти ощущения хорошо сплетались с легендами о «спящих в холмах», которые когда-то управляли этими землями, ныне ставшими болотами. Но в один predetermined день — так повествует предание, они поднимутся из этих холмов и вновь вернут власть над миром»²⁷⁹.

Что касается взглядов современной науки на Огненных Змеев, то она не отрицает самого факта наблюдения странных огней и огненных шаров. Но объясняет их происхождение чисто природными процессами — необычным состоянием атмосферы, люминесценцией, горением болотных газов или свечением радиоактивных «паров», наблюдением пролета шаровой молнии или следов разрушившегося болида. (Колчинский И.Г., Орлов М.Я., Прох А.З., Пугач А.Ф. «Что можно увидеть на небе» (справочник), Киев, «Наукова думка», 1982.)

Несостоятельными оказались попытки объяснить природу Летунов, считая их шаровыми молниями: шаровые молнии не оставляют за собой многометрового хвоста, а потому они, очевидно, имеют иную природу. Кроме того, шаровые молнии, как правило, возникают во время грозы, а Летуны — в любую погоду. Шаровые молнии существуют недолго, несколько минут. Летуны — часами.

Наконец, главное: Летуны летят к конкретному дому каждую ночь в течение недель. Такого поведения шаровые молнии никогда не демонстрировали.

ВОСТОЧНЫЕ ДРАКОНЫ

КИТАЙСКИЕ ДРАКОНЫ

Тигр выпускает когти, не думая о них, но жертва не может скрыться.
Дракон использует силу, не замечая ее, однако гора не может устоять.

Из поучений мастеров

Присмотримся к китайскому календарю: Петух, Коза, Лошадь, Кабан, Обезьяна, Кот, Собака, Тигр, Буйвол, Крыса, Змея и Дракон. Все до боли привычны и узнаваемы — если не во дворе топчутся, так на соседнем дереве висят. Все — из жизни, и только дракон из мифа. Нелогично, казалось бы, — но дело в том, что для китайцев дракон абсолютно реален, он друг и покровитель, он всегда поблизости и не прочь угоститься молоком. При этом стоит обратить внимание, что змея уже заняла свое место в китайском календаре.

Махмуд Кашгарский приводит народное поверье о связи характера циклических годов с образами животных. Например, при наступлении «года Дракона» умножаются осадки и вырастает хороший урожай, так как дракон обитает в воде. В Китае второй день второй луны отмечался как День пробуждения дракона — повелителя вешних вод (Лун-тайтоу).

О том, как по животным счет годам вести стали

323

Рассказывают, будто в старину не знали, как по животным счет годам вести. Этому научил людей сам Юй-ди, Нефритовый владыка. Вот для чего он однажды и призвал в свой Небесный дворец всех зверей и птиц. В те времена кошка с мышью в большой дружбе были и жили вместе, словно сестры. Обрадовались они, что приглашение в Небесный дворец получили, и стоворились идти вместе.

Всем известно, что кошки поспать любят. Знала за собой эту слабость и наша кошка, а потому решила загодя с мышью договориться.

— Ты ведь знаешь, сестрица мышь, как я люблю поспать, — вежливо начала она. — Разбуди меня, пожалуйста, завтра, когда придет время во дворец отправляться.

Ударила себя мышь лапкой в грудь и пообещала:

— Я непременно разбужу тебя! Спи, ни о чем не тревожься!

— Благодарю! — сказала кошка, почистила усы и, ни о чем не тревожась, уснула.

На другое утро мышь поднялась чуть свет. Она и не подумала разбудить кошку. Поела и одна отправилась в Небесный дворец.

А теперь расскажем о драконе, который жил в пучине. Он тоже получил приглашение во дворец.

«Уж кого-кого, а меня непременно заметят», — решил дракон. И верно. Вид у него и впрямь был воинственный: чешуя на теле так и сверкает, под носом усы торчком торчат. Один только был у него недостаток — голова голая, ничего на ней не растет. «Вот бы мне рога раздобыть, тогда никто бы со мной в красоте сравниться не смог!» Подумал так дракон и решил занять у кого-нибудь на неделю рога. Только высунул он голову из воды, глядь — на берегу петух. Грудь выпятил и важно так расхаживает. В те времена у петухов огромные рога были. Обрадовался дракон, подплыл к берегу и говорит петуху:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух, одолжи мне свои рога, я завтра с ними в Небесный дворец пойду.

— Ай-я! Братец дракон! — ответил петух. — Уж ты меня извини, но я тоже завтра в Небесный дворец пойду.

— Тебе, дядюшка петух, такие большие рога совсем не идут, голова у тебя чересчур мала, отдай их лучше мне. Взгляни-ка! Мне они в самый раз!

Случилось так, что в это время из расщелины сороконожка выползла. А сороконожки любят нос в чужие дела совать. Услышала сороконожка слова дракона и говорит:

— Дядюшка петух, а дядюшка петух! Одолжи братцу дракону рога, ну хоть на разок. А если боишься, я готова за него поручиться. Ну что, одолжишь?

Петух согласился: Ведь сороконожка поручилась за дракона. А он, петух, и без рогов собой хорош.

Пожаловали на следующий день все звери да птицы в Небесный дворец. Собралось их великое множество. Вышел к ним Нефритовый владыка и говорит:

— Отныне счет годам вести будем по зверям и птицам. А по каким — вы сами назовите.

И назвали звери вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха и мышь.

Почему именно их выбрали тогда звери — никто не знает. Почему петуха, а не утку? Тигра, а не льва?

Итак, выбрали всего двенадцать зверей. Выбрать-то выбрали. А как их по порядку расставить? Тут-то и пошли споры да пересуды.

— Самый большой из вас вол, пусть он и будет первым, — сказал Нефритовый владыка.

Все согласились, даже тигр. Но тут вдруг мышка-малышка подняла лапу и говорит:

— А я разве не больше вола? Отчего же тогда, заведя меня, все кричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!» Но никто никогда не сказал: «Ай-я! Какой громадный вол!» Выходит, люди считают, что я больше вола!

Удивился Нефритовый владыка:

— А ты правду говоришь? Что-то я не верю!

Тут обезьяна и лошадь в один голос закричали, что мышь просто-напросто врет. Однако мышь как ни в чем не бывало отвечала:

— Не верите? Давайте проверим!

Петух, баран, собака и заяц согласились.

— Давайте проверим, — сказал и Нефритовый владыка.

Отправились звери к людям.

И что бы вы думали? Все случилось точь-в-точь, как говорила мышь.

Когда мимо людей вол проходил, все наперебой хвалили его: «Какой хороший, какой тучный!» Только никто не сказал: «Какой громадный!» А хитрая мышь тем временем взобралась вола на спину, встала на задние лапки. Увидели ее люди и как закричат:

— Ай-я! Какая громадная мышь!

Услыхав это Нефритовый владыка собственными ушами, нахмурил брови и говорит:

— Ладно! Раз люди считают, что мышь больше вола, пусть вол уступит ей первое место. А сам пусть будет вторым.

На том и порешили. Вот отчего и поныне счет ведут с года мыши, а уж потом идет год вола.

Воротилась мышь домой рада-радехонька, что первая среди зверей оказалась, гордится и важничает. А кошка только-только глаза продрала, увидела она мышь и спрашивает:

— Что же ты молчишь, сестрица мышь? Разве не велено нам сегодня во дворец пожаловать?

— Ты все еще почиваешь? А я уже из дворца воротилась. Двенадцать зверей выбрали, чтобы по ним счет годам вести, и я среди них первая!

Удивилась кошка, раскрыла широко глаза и спрашивает:

— Отчего же ты меня не разбудила?

— Забыла! — как ни в чем не бывало ответила мышь.

Разозлилась кошка, усы у нее торчком, да как закричит:

— А я тебе поверила, уснула, ни о чем не тревожась! Не ты ли обещала меня разбудить? Я знаю! Ты хотела навредить мне. Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь!

Мышь вины за собой не признала и говорит:

— Что зря шуметь! Не разбудила — значит, не захотела. Это уж дело мое. Я тебе не служанка!

Кошка так и вскипела: задышала тяжело, оскалила зубы, бросилась на мышь и перегрызла ей горло — мышка только пискнуть успела да дернуть задними лапками.

А теперь расскажем о петухе. Вернулся он домой грустный-прегрустный и думает: «Нефритовый владыка потому дракона впереди меня поставил, что рога у него на голове были мои». И решил петух непременно отобрать у дракона свои рога.

Подошел он к пучине, смотрит — дракон весело резвится в воде. И сказал тогда петух дракону очень вежливо:

— Братец дракон! Верни мне, пожалуйста, мои рога!

Дракон удивился, но ответил с достоинством, не горячась:

— А, это ты, дядюшка петух? Да зачем тебе рога? По правде говоря, ты без них куда красивее. А мне твои рога уж очень кстати!

— Кстати они тебе или некстати — дело не мое, — невесело ответил петух. — Раз взял — надо отдать.

Дракон ничего не ответил. Подумал немного, потом вдруг почтительно поклонился петуху и говорит:

— Ты уж не взыщи, дядюшка петух! Время позднее, пора и отдохнуть. А об этом мы с тобой в другой раз поговорим.

Не успел петух и рта раскрыть, как дракон под водой скрылся. Разъярился тут петух, захлопал крыльями и как закричит во все петушиное горло:

— Братец дракон, отдай мне рога! Братец дракон, отдай мне рога!

Но дракон о ту пору уже крепко спал на самом дне пучины и ничего не слышал.

Долго кричал петух, охрип и совсем из сил выбился. Делать нечего. Решил он отыскать сороконожку. Ведь она тогда за дракона поручилась.

Отыскал петух сороконожку на груде камней, рассказал ей все по порядку и говорит:

— Госпожа сороконожка, вы поручились за дракона и не можете так оставить это дело.

Подняла сороконожка голову, помолчала и наконец медленно проговорила:
— Вернет тебе братец дракон рога. А не вернет — так и будет! Сам посуди!
Не могу же я найти его на дне пучины!

Петух от злости даже покраснел.

— Какой же ты поручитель! Нечего тогда соваться в чужие дела. Беда случилась, а тебе хоть бы что!

— Не возводи, дядюшка петух, на меня напраслину, — стала оправдываться сороконожка. — Ты сам отдал дракону рога. А я просто так за него поручилась. Кто бы мог подумать, что братцу дракону доверять нельзя? Знай я это раньше, не стала бы за него ручаться.

— Что же теперь делать? — спросил петух, смиряя гнев.

— Я ведь сказала, что делать. Признать, что тебе не повезло, если дракон так и не отдаст рогов. Сам виноват. Прежде чем отдавать, надо было хорошенько подумать.

— По-твоему, я сам виноват? — Петух выпучил глаза, выпятил грудь и стал наступать на сороконожку.

— Сам виноват, сам виноват, надо было хорошенько подумать, — ни жива ни мертва твердила сороконожка.

Еще пуще покраснел петух, вытянул шею, клянул сороконожку в голову. Раз-другой мотнула головой, сороконожку живьем проглотил.

С тех пор петухи каждое лето клянут во дворе сороконожек. А по утрам, только начнет светать, кричать во все горло:

— Лун-гэгэ, цзяо хуань во! Братец дракон, отдай мне рога!²⁸⁰

...дракон, попавший в грозовые тучи, уже не тот, что когда-то жил в пруду.

Фан Сюаньлин. «История династии Цзинь»

«Словарь Шоу Вена (200-й год н.э.) утверждает, что среди 369-ти видов чешуйчатых рептилий, таких как рыбы, змеи и ящерицы, дракон занимает ведущее положение; он обладает способностью в зависимости от своего желания становиться видимым или невидимым, а также способен к превращениям. Весной он поднимается в небо, а в августе хоронит себя в толщах воды. Дракон покрывает себя грязью в осеннее равноденствие и появляется весной, своим пробуждением возвещая возрождение природы; из-за этого он и стал символом живительной силы воды, а значит и весны, когда природа обновляется и возвращается к жизни посредством приветливых дождей»²⁸¹.

Лю Бэй успокоился и последовал за Цао Цао в беседку, где уже были расставлены кубки, блюда с черными сливами и сосуд для подогревания вина. Хозяин и гость уселись друг против друга и с наслаждением пили вино.

На небе сгустились тучи. Собирался дождь. Опершись на ограду, Цао Цао и Лю Бэй смотрели на темное небо, где словно повис дракон.

— Вам знакомы превращения дракона? — неожиданно спросил Цао Цао.

— Не знаю подробностей.

— Дракон может увеличиваться и уменьшаться, может взлетать в сиянии и скрываться в поднебесье, — принялся объяснять Цао Цао.

— Увеличиваясь, дракон раздвигает облака и изрыгает туман, уменьшаясь — теряет форму и становится невидимым. Поднимаясь, он носится по вселенной, опускаясь — прячется в глубинах вод. Сейчас весна в разгаре и дракон в поре превращений. Подобно человеку, стремящемуся к цели, он пересекает Поднебесную вдоль и поперек. В мире животных дракона можно сравнить с героем в мире людей.

Ло Гуань-Чжун. «Троецарствие», глава 21

Однажды Чжан Хуа и его друг Лэй Хуань увидели над городом Фэнчэн висящие в воздухе огромные мечи, подпирающие созвездия Быка и Большой Медведицы. Тогда Чжан Хуа послал Лэй Хуаня в Фэнчэн, и тот нашел в городе два драгоценных меча, зарытых под землей в темнице. Чжан Хуа закалил полученные мечи в иле гор Цзиншань, и клинки ослепительно засияли. Один меч Чжан Хуа отдал Лэй Хуаню, а другой носил сам. После его смерти меч Чжан Хуа был передан в цзиньскую оружейную палату. Когда напавшие кочевники подожгли оружейную палату, этот меч пробил крышу и улетел, превратившись в дракона. После того как умер Лэй Хуань, его сын, повесив на пояс меч, преодолевал переправу Яньцзин. Неожиданно меч слетел с перевязи на поясище сына и упал в воду, превратившись в дракона. К этому дракону присоединился еще один, и оба они уплыли.

Юань Чжэнь. «Рассказ о мече» (809 г.)

Было бы крайне любопытно проследить, насколько далеко в древность уходят корни образа китайского дракона. Несмотря на то что большинство искусствоведов относят его окончательное оформление к правлению династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), источники и последние находки памятников изобразительного искусства, а также иероглифы в древнем начертании позволяют говорить о куда более раннем периоде.

А. Терентьев-Катанский в «Иллюстрациях к китайскому бестиарию» сообщает, что «ко времени династии Чжоу (1122—247 гг. до н.э.) относятся изображения дракона, ничем не отличающиеся от более поздних»²⁸².

Первое изображение дракона, сложенное из мелких речных раковин, насчитывает около 7 тысячелетий; оно обнаружено в Китае, в провинции Хэ-

нань, — об этом сообщает Забайкальское информационное агентство со ссылкой на газету «Жэньминь Жибао». Археологи Китая после изучения доисторической фигурки дракона, обнаруженной в центрально-китайской провинции Хэнань, пришли к выводу, что она является древнейшим тотемом.

Фигура дракона, сделанная из бирюзы, обнаружена в могиле на территории древней стоянки Эраитоу (провинция Хэнань), которая считается руинами дворцового комплекса эпохи Ся. После научной экспертизы выяснилось, что фигура дракона была изготовлена 3700 лет назад. По мнению экспертов, похороненный в этой могиле, возможно, при жизни был служителем культа и пользовался жертвенной утварью, украшенной бирюзовым драконом. А фигурка дракона является древнейшим тотемом.

Дракон сделан более чем из 2000 пластинок бирюзы (размером 2 × 9 мм и толщиной лишь 1 мм). Длина туловища бирюзового дракона — 70,2 см, диаметр — 4 см.

«Осенью 1985 г. в Китае при раскопках стоянки Сяошань в аймаке Аохань автономного района Внутренняя Монголия был найден фрагментированный сосуд с изображениями дракона, оленя и птицы, датируемый IV тысячелетием до н.э.»²⁸³

Предоставим слово А. Терентьеву-Катанскому: «Уже в комментариях к триграммам “И цзина”, относимого к легендарным временам (III тыс. до н.э.), упоминания о драконах многочисленны: “нырнувший дракон не действует”; “появившийся дракон находится на поле”; “летающий дракон находится в небе”; “драконы бьются на окраине; их кровь — синяя и желтая”.

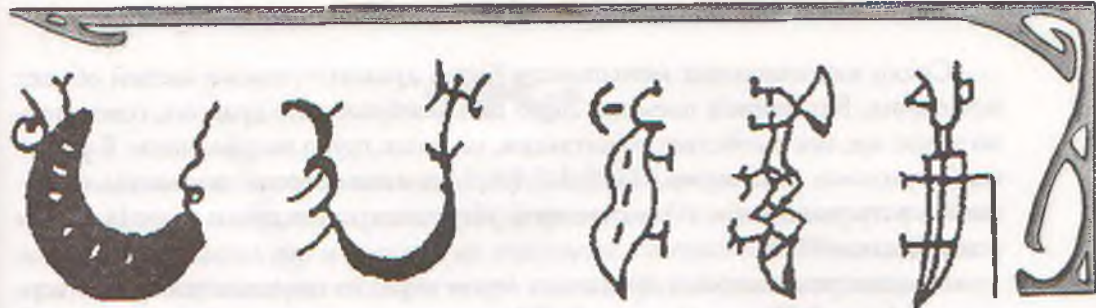

Иероглиф «лун» —
типографское начертание.
Источник: Рифтин Б.А.,
«Историческая эпопея
и фольклорная традиция
в Китае»

В наиболее ранних дошедших до нас письменных памятниках Китая надписи на бараньих костях и черепаших щитах, а также на бронзовых изделиях эпохи Инь (1766—1122 гг. до н.э.) — знак “лун” 龍 (“дракон”) — явная пиктограмма.

Еще в надписях на “иньских костях” мы видим по крайней мере три начертания знака “лун” — “дракон”. Это или безногое рогатое существо, или рогатое животное с извивающимся телом, покрытым чешуей, и с лапами. Пятое начертание изображает, возможно, крылатого дракона.

Как видно на рисунке, знак “дракон” — явная пиктограмма. Сам этот факт отрицает представление о драконе как о простой комбинации черт различных животных. Глубоко ошибочным представляется и мнение о том, что изображение дракона в виде змеи — первоначальное начертание знака “лун”. Приведенные выше древние иероглифы говорят об обратном. В них заложено пред-

Различные начертания иероглифа «лун» на «иньских костях».

Источник: Теректьев-Катанский А.П. «Иллюстрации к китайскому бестиарию»

ставление о четырехлапом чешуйчатом существе с головой, украшенной рогами или гребнем. Речь может идти не об усложнении, а о последующем упрощении некогда сложного слова»²⁸⁴.

Известный китайский поэт, блестящий критик и ученый-филолог Вэнь И-до считает, что дракон был тотемом династии Ся. Согласно легендам, основателем этой династии был дракон Юй.

Далее послушаем Юань Кэ. «Вэнь И-до в своих трудах доказывает, что образ дракона возник как тотемический образ предка у многих народов Китая, отличный в деталях, но единый в своей основе.

Возможно, еще более ранние сведения сообщает нам древний источник, цитируемый у Ли Ши-чжэня: «Род Тао и род Лун ели драконов». Обычай ритуального поедания животного-тотема у всех народов уходит в седую древность.

Это вполне согласуется с текстом о поедании тотема-дракона племенем Лун. Вэнь И-до считал, что «люди дракона» столкнулись с «людьми феникса» — племенем, основавшим династию Инь, долгое время считавшуюся первой династией Китая. Традиция «великой птицы», характерная для южных монголоидов, к которым, по данным иконографии, относились люди Инь, столкнулась с традицией дракона, возможно цзянской, ибо племя Ся, по мнению некоторых исследователей, было родственно цзянам»²⁸⁵.

«Существовал связанный с тотемическими представлениями обычай татуировки в виде Луна у племен юэ на восточном побережье, о котором говорится в «Хуайнань-цзы»: «К югу от горы Девяти пиков дел, связанных с сушей, мало, а с водой — много. Поэтому стригут волосы, татуируют тело, чтобы походить на драконов; носят не штаны, а набедренные повязки, чтобы удобнее было переходить вброд и плавать; коротко засучивают рукава, чтобы удобнее управляться с шестом (на лодке)»»²⁸⁶.

Похожие традиции описывает Марко Поло в своей «Книге чудес»: «Область Кангигу²⁸⁷ — на восток... Здешний народ, мужчины и женщины, разривывают тела, и, скажу вам, вот как: рисуют иглою по телу львов, драконов, птиц и всякие другие образы, и нарисованное не сходит. Рисуют по лицу, на шее, по животу, по рукам, по ногам и по всему телу; делают это ради красоты. Чем больше у кого на теле рисования, тем знатнее он почитается»²⁸⁸.

«Среди национальных меньшинств Китая дракон — также частый объект почитания. В рукописи племени Лоло есть изображение дракона, совершенно такое же, как у собственно китайцев, но более грубо выполненное. В уйгурской рукописи коллекции СПбФ ИВ РАН описана встреча паломника с драконом в пустыне Гоби. В родословной уйгурских ханов среди прочих есть и род дракона»²⁸⁹.

«В раннесредневековых преданиях герои нередко поднимаются в небо верхом на Луне. В “Бэньцао ган му” (“Основные сведения по фармакологии”, XVI в.) Ли Ши-чжэня со ссылкой на Ван Фу (I—II вв.) о Луне говорится: “Голова, как у верблюда, рога, как у оленя, глаза, как у зайца, уши, как у коровы, шея, как у змеи, живот, как у морского зверя шэнь, чешуя, как у карпа, когти, как у ястреба, лапа, как у тигра... На спине 81 шип, полностью девятью девятью, как подобает силе ян... под подбородком светящаяся жемчужина, а на голове гора Бошань” [Бошань, по-видимому, означает некий нарост в центре лба Луны, именуемый также чиму (букв. “плотницкий аршин”) и являющийся магическим знаком Луны, благодаря которому он имеет возможность подниматься в небо.]. В средневековой традиции Лун рассматривался как прародитель всех зверей и птиц, от которого пошла “пернатые, покрытые шерстью, чешуйчатые и панцирные” (“Эръя и” — “Пояснения к словарю Эръя”, XI—XII вв.)»²⁹⁰.

Лун — доброе существо, его появление рассматривается как благоприятный знак, хотя в древних мифах встречаются упоминания о борьбе со злыми Лунами.

Злые драконы губят урожай и насылают болезни. Обычно такое случается, когда смертный человек наносит дракону оскорбление. И тогда месть разгневанного дракона ужасна. Считалось, что если человек побеспокоил дракона и спросил у него совета, то обязательно должен последовать драконовым рекомендациям. Драконы мудры, но тщеславны и обидчивы, как дети. А если оскорбить дракона, то он может наслать засуху, надыхать туч и облаков, которые зальют землю потопом. Существует легенда, что одно из самых катастрофических наводнений в Азии было вызвано разгневанным драконом.

На Востоке верили, что солнечные затмения — тоже дело драконовых лап. Словом, дракону лучше не перечить. В Средние века существовали представления о земных драконах, в наказание за дурные дела лишенных возможности подняться на небо.

Вариации на тему
иероглифа «лун»

Ознакомимся с известными классификациями драконов.

Тин-Аун — небесные драконы — защитники богов и императора. Они живут на вершинах гор и никогда не участвуют в битвах. Обычно они бывают желтого цвета, с огромной золотистой гривой. Тин-Аун является символом власти и могущества. Считается, что изображение небесного дракона на одежде приносит счастье. В древности только император имел право носить одежду с изображением 9 пятипалых драконов Тин-Аун. Такие же драконы изображались и на других вещах, принадлежащих императору. Нарушение этого закона каралось смертью.

Фу-Тсан-Аун — драконы богатства и подземного мира, хранители ценных ископаемых и металлов. Они собирают их под землей повсюду. У каждого из таких драконов имела огромная жемчужина, способная приумножить все, к чему ни прикоснется. Жемчужина эта символизировала еще одно сокровище от глаз сокровище — мудрость. Если такого дракона разозлить или взять слишком много из его сокровищ, то он может пробудить вулканы или вызвать землетрясение.

Шен-Аун — носившиеся в небе, переменчивой голубой масти божественные драконы, управляли ветром, тучами и дождем, от которых всегда зависела жизнь на Земле. У них нет крыльев, а сами они похожи на огромных змей с красными и голубыми полосами. Хотя священный дракон и считается добрым, те, кто посмеет потревожить его, пожалеют об этом. Ярость его может воплотиться в наводнения, тайфуны или засухи.

«Земля соединяется с драконом» — так обычно говорят о дожде. В VI веке Чжань Цынью изобразил в стенной росписи четырех драконов. Зрители стали его осуждать за то, что он сделал их безглазыми. Чжань, осердясь, взялся снова за кисть и дорисовал две из этих извивающихся фигур. И тогда «грянули громы и молнии», стена треснула и драконы унеслись в небо. Но другие два дракона, без глаз, остались на месте»²⁹¹.

Известно имя одного из драконов — Рю, это дракон, способный жить в воздухе, в воде и на земле. Рю символизирует дождь и шторм.

Тай-Аун — драконы земли. Они властвуют над реками и водой на земле. В ярости они посылают шторма и бури.

Чэн-Аун (Чэн-Тан) — великие драконы, повелители рек. Это кроваво-красные змеи, чья грива достигает невероятных размеров. Они любят жемчуг и все, что живет в воде. Эти драконы решали, где протекать рекам, а также быстрым или медленным будет их течение. К тому же именно они ограничивали воды рек берегами. Каждая река в Китае имела своего властелина из числа семи драконов, который правил ее течением из своего подводного дворца.

Пан-Лун — стражники потаенных мест, охраняли сокрытые в земных недрах драгоценные камни и металлы. Они похожи на змей и так же, как змеи, сбрасывают кожу. Эти драконы не любят мяса и едят исключительно овощи и фрукты.

Тун-Ми-Лун — драконы уничтожения, их связывают с разрушительными силами воздуха и воды. Они обитают на морском дне. Если дракон уничтожения выбрал себе жертву, то он не прекратит охоту на нее, и ничто не остановит его.

Цзяо-Лун — чешуйчатое водяное чудовище. Это редкий для Китая злой дракон, пожирающий людей. Кроме того, он любит жареных ласточек, а боится железа и пятицветных ниток. Поэтому, перебираясь через водную преграду в том месте, где может обитать Цзяо-Лун, рекомендуется положить в карман металлическую пластинку и несколько клубков цветных ниток. Но остерегайтесь есть перед этим ласточек — от этого опасность нападения дракона возрастает!

Чтобы не перепутать злобного Цзяо-Луна с кем-нибудь другим, следует твердо запомнить описание, данное в древней книге *«Перечень деревьев и трав»*:

Цзяо относится к драконам. Длиной более чжана (3,2 метра). Похож на змею, но имеет четыре ноги. Маленькая голова и тонкая шея. На горле белое ожерелье. Передняя часть груди красного цвета. На спине темные пятна. На боках как будто узоры. На голове — рога. Зубы выдаются из-за губ. Яйца, которые он откладывает, очень велики²⁹².

При Хань окончательно формируется учение о четырех священных животных — тигре, фениксе, черепахе и драконе.

Древние китайцы, помимо традиционного деления на четыре стороны света: север, юг, восток и запад, выделяли еще одну зону — центр, так что, в сущности, сторон света получалось пять, и каждую из них наделяли особым священным смыслом.

Б.А. Рифтин сообщает: «С распространением (особенно с IV в. до н.э.) учения о пяти первоэлементах и соответствующей пятеричной классификационной системы появилось представление о драконах пяти цветов: Хуанлун — желтые, Цинлун — зеленые, Чилун — красные, Байлун — белые и Сюаньлун — черные. В преданиях фигурируют главным образом Цинлун (символ востока) и Хуанлун, связанный с землей и центром. Луны различались и по внешнему виду: цзяо — чешуйчатые, ин — крылатые, цю — рогатые, чи — безрогие (*“Бо я”*, *“Описание изящного”*, III в. н.э.).

Ван Чун (*“Лунь хэн”*, *“Критические суждения”*, I в.) сообщает, что художники его времени изображали Луна с головой коня и хвостом змеи. В некото-

рых древних преданиях есть упоминание о лунма (“конь-дракон”), живущем в воде, о превращении Луна в коней и быков»²⁹³.

«Больше всего в Древнем Китае почитали юг — символ лета, яркого солнца, плодородия и силы. Неслучайно императоры во время церемоний поворачивались лицом на юг. Для юга был выбран красный цвет. В обыденной жизни его использовали в особо торжественных случаях. Например, на свадьбе невеста надевала красное платье, и ей дарили красные цветы.

Восток означал рождение новой жизни: ведь именно там после ночи появляется солнце. Цветом этой стороны света считался сине-зеленый.

А запад воспринимался как зона смерти и ее спутников — войны, хаоса, враждебных человеку сил природы. Поэтому белый цвет, цвет запада, символизировал траур.

Сложнее обстояло дело с севером. С одной стороны, север ассоциировался с зимой, несущей гибель деревьям и травам. А с другой, и это прекрасно знают земледельцы, зимой в земле лежат зерна, которые загадочным образом про-

Черепицы с изображениями дракона, белого тигра, феникса и черепахи

Зеленый дракон — Цинаун (символ востока).

Рельеф на каменном гробе, найденном у горы Лушань в провинции Сычуань. Рубеж нашей эры.

Источник: Рифтин Б. «Мифы народов мира»

растают с первыми лучами солнца. Так что север в сознании древних китайцев был прочно связан с вещами таинственными, сокровенными. И черный, «северный», цвет был цветом одежды ученых. Кому, как не им, дано постичь загадки природы!

А центр? Это священное место, главная точка в мировом пространстве. Там должны находиться столица и императорский дворец. Центр обозначали желтым цветом, символизовавшим верховную власть.

У каждой стороны света был свой божественный покровитель: у востока — Цинаун (Цанун) — Зеленый Дракон, у юга — Красная Птица Феникс, у запада — Белый Тигр, один из самых опасных для человека зверей, у севера — черепаха, обвитая змеей. У центра — императорский Желтый Дракон с пятью когтями на лапах, он же был символом власти над всем миром»²⁹⁴.

Поскольку Восток ассоциировался с весной, то и символом его была дракон цвета зеленой весенней травы (часто неверно переводится как «синий дракон»). Цинаун — также название созвездия (по некоторым версиям — другое название планеты Тайсуй, Юпитера), имеющего на древних рельефах особое графическое изображение, которое напоминает дракона (звезды обозначались кружками и входили в контур дракона).

Изображение Цинауна с древности имело благопожелательный смысл, появление Цинауна считалось счастливым предзнаменованием.

В китайской астрологии «Белый тигр» — название звезды, служившей у гадалек знаком неблагоприятного события. Упоминание об этих символах встречается и в поэзии:

Белый тигр и Синий дракон
Всегда появляются вместе,
Потому-то сразу и трудно понять,
Где горе, где добрые вести.

Цинлуна изображали в древности на знаменах, при этом во время следования войска знамя с изображением Чжунъю — символом юга несли спереди, Сюань-у — символом севера — сзади, Цинлуна — слева, а Бай-ху — символом запада — справа.

Изображения Цинлуна находят на могильных рельефах рубежа нашей эры (одновременно с символами трех других сторон света). В средние века Цинлун в паре с Бай-ху почитается как дух — страж дверей. Изображения Цинлуна в зооморфном виде встречаются на поздних народных картинах, имеющих закладный (оберегает дом от нечисти) и благопожелательный смысл: извивающийся в разноцветных (благовещих) облаках Цинлун, например, сыплет чудесными, источающими пламя жемчужинами, золотом, серебром, кораллами в «вазу, собирающую сокровища», выступая в данном случае в качестве помощника бога богатства — цайшэня.

Но подобное пятичастное разделение существовало также и для небесной сферы.

Предоставим слово Э. Каурову. «Даосская мифология доносит до нас из глубин древнекитайской истории прекрасные образы животных, олицетворяющих разделение небесной сферы на пять небесных дворцов, заполненных символическими фигурами созвездий. В этом разбиении Южный Дворец Неба символизируется Красной Птицей, ассоциируясь с теплом и Солнцем. Северный Дворец — это холод, тьма, тревожный мрак, и он ассоциируется с Черной Черепахой, обвитой Змеей. Запад — это Белый Тигр. Ну а Дворец Востока на небесной сфере — Зеленый Дракон. Центр же всего мироздания — Центральный Дворец — символизируется Желтым Драконом. Это начало всех начал. История этого Желтого Дракона весьма поучительна.

Изучение астрономической сути символов Небесных Дворцов эпохи древнекитайских императоров династий Хань и Чжоу (последние — предшественники эпохи Хань) показало, что переход к новой символике Центрального Дворца Неба произошел где-то в эпоху Чжоу. Каждому из символов Небесных Дворцов приписывался не просто художественный образ мифологического существа — это был и соответствующий астральный символ, фигура на небесной сфере, созвездие, группа звезд, обрисовывающих контур соответствующей фигуры.

Для Желтого Дракона это, оказывается, фигура известного ныне созвездия Дракона, висящего в самом центре небесной сферы вблизи Полюса Мира и полюса эклиптики. Такая идентификация сразу же объясняет очень многие из мифологических сюжетов Древнего Китая, ранее не поддававшихся никакому разумному осмыслению.

Вот что писал, например, Дерк Бодде, один из видных историков Древнего Китая, об интереснейшей поэме “Тянь Вэнь” (“Вопросы Небу” или “Вопросы Неба”), творении примерно IV века до н.э., явно связанной (даже по названию) с небесными объектами. Характеризуя фрагментарность самой богатой и единственной в своем роде сокровищницы Чжоуского мифологического материала, он выбрал в качестве примера “Тянь Вэнь”: “Ее 185 строк пред-

ставляют собой мифологические намеки, преподнесенные в форме невразумительных загадок. Типичными являются следующие строки: “Где было, чтобы безрогий дракон гулял, посадив на себя медведя?”

Но именно этот эпизод поддается довольно простой и явной астрономической интерпретации. Такое мифопоэтическое описание обязано своим происхождением тесному соседству на небесной сфере двух выдающихся созвездий — Дракона и Большой Медведицы. Их мифологическое живописание в разных формах оказалось широко распространенным во всех частях Евразии. Вот что пишет об этом римский поэт и полководец I в. н.э. Цезарь Германик в своей авторизованной версии поэмы Арата “Феномены” (275 г. до н.э.), также посвященной небесным светилам и созвездиям: “Змей громадный меж них, струящимся водам подобный, в кольца свиваясь, скользит, изгибаясь податливым телом. Всюду извивы его. Над Геликою хвост простирает Чудище, оборотясь к Киносуře чешуйчатым брюхом”.

Змеем здесь, понятно, назван Дракон, символ созвездия Дракона. Киносура — это Малая Медведица, а Гелика — созвездие Большой Медведицы. Из строк Германика явствует, что именно на спине Большой Медведицы и находится Дракон. Созвездие Дракона было особенно важным для древних китайцев. Именно вдоль его хвоста двигался Полюс Мира на небесной сфере в течение около 3 тысяч лет в эпоху легендарных первых императоров Китая и последующих династий. Полюс Мира был для китайцев основой для фиксирования точек начала сезонов на небесной сфере.

Это значит, что появление этих точек (точнее находящихся рядом с ними звезд) в определенный момент года на рассвете или закате возвещало наступление ожидаемого сезона. Важнейшая задача наблюдения таких событий и фиксирования необходимых звезд была обязанностью специальных придворных чиновников императора. Это были историограф, астролог и астроном двора императора, как правило, совмещавшиеся в одной персоне. Только высокообразованному человеку были под силу такие сложные функции, как разработка и ведение гражданского календаря, регулирование разнообразных хозяйственных и политических дат по наблюдениям звездного неба”²⁹⁵.

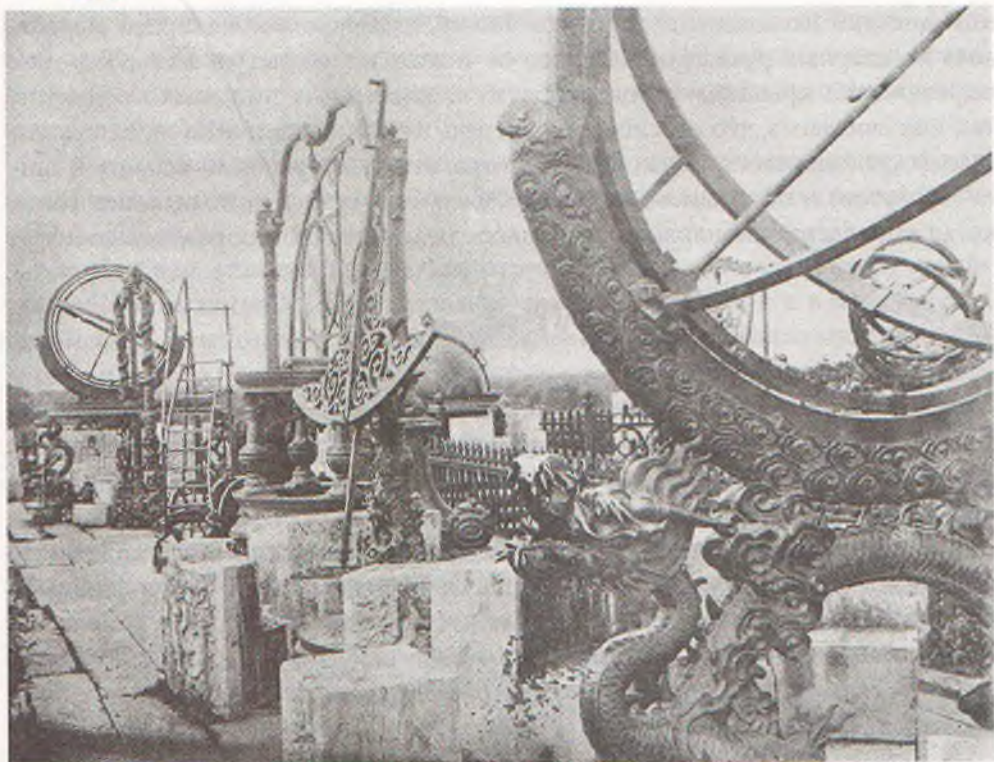

Считается, что существовали несколько вымерших видов «родственников» драконов. Они нуждаются в особой характеристике. «Эти создания, согласно “Чень Чуай Лэй Шу”, принадлежащей перу Чень Ен-си, имели следующие черты:

Пу-лао, вырезанный в верхней части колоколов и гонгов, говорит об его “привычке” громко кричать во время атаки его главного врага — кита;

Чу-ню вырезался на колках скрипки из-за своей любви к музыке;

Пи-си вырезался в верхней части каменных табличек из-за своей любви к литературе. Также он выражал самку и самца черепахи, склоненных к горе, и

Чайлд Томас. «Обсерватория. Пекин». Около 1877 г.

использовался в качестве пьедестала для надгробных камней с головой, направленной во все стороны. Это речной бог, наделенный сверхъестественной силой;

Па-ся вырезался в нижней части каменных памятников, так как считалось, что он способен поднимать огромные тяжести;

Чао-фэн вырезался на карнизах храмов, так как считалось, что дракон всегда настороже, бдителен и готов к встрече с опасностью;

Чи-вэнь вырезался на перилах мостов из-за своей тяги к воде. Также его изображение можно увидеть на крышах домов, так как считалось, что он способен уберечь жилище от пожара. Он стоит настороже с раскрытой пастью и иногда символически изображается в виде фигуры рыбы с поднятым хвостом;

Суань-ни вырезался на троне Будды из-за своей предрасположенности к отдыху. Также его отождествляют с Чи-цу, т.е. с символическим львом;

Яй-цу вырезался на поверхности лезвия сабли в месте, где лезвие соединяется с рукояткой. На сабле он изображался из-за своей тяги к битве и потому, что драконы — искусные мастера в боевых искусствах;

Пи-кань вырезался на воротах тюрьмы, так как имел склонность к суду и спорам и любил использовать свою силу и энергию в состоянии гнева. Имеет чешуйчатую грудь и рог.

Немного отличные собрания разновидностей “родственников” драконов приведены в работе Шэн-Ан Вай-Чи и в других публикациях. Среди этих раз-

новидностей необходимо отметить Чао-ту, изображение которого вырезалось на дверных ручках потому, что он похож на закрытую вещь; Тао-тьех вырезался на крышках и поверхностях емкостей для пищевых продуктов, так как считалось, что он способен уберечь от обжорства; и Ча-ю, имевшего голову дракона, хвост лошади, когти тигра; эти монстры были в длину 4 чанга (40 футов) и обожали человеческое мясо. Эти существа появлялись тогда, когда управление монархов оказывалось недостаточно добродетельным»²⁹⁶.

«Особого внимания заслуживает столь загадочная принадлежность китайских драконов, как жемчужина. Следует учитывать, что символизм подавляющего большинства китайских оберегов и амулетов сводится к благопожеланию здоровья, богатства и отпугиванию злых духов. Круглый красный предмет — жемчужина, почти неотъемлемая принадлежность драконов, трактуется по-разному: как солнце, луна, символ катящегося грома, как эмблема двойственности природы, как зерно силы — потеря которого сопровождается убылью силы, — или “ночная сияющая жемчужина”.

С ней связана одна небольшая история, которая помогает объяснить смысл жемчужицы на индивидуальных амулетах:

Министр государства Чи Аян маркиз Суй, путешествуя за границей, в пути нашел раненую змею. Маркиз оказал ей медицинскую помощь и фактически спас ее жизнь. После этого, опять совершая путешествие, как-то вечером он увидел змею, держащую в пасти великолепную жемчужину. Говорят, что когда маркиз приблизился, змея обратилась к нему со словами: «Я сын Его Величества Дракона. Во время превращения был ранен, и Вам, Господин, я обязан тем, что Вы спасли мне жизнь. В качестве благодарности за Вашу доброту я принес эту жемчужину». Министр принял этот дар и преподнес его своему монарху. Тот положил жемчужину в своем холле, где благодаря ей ночь превращается в день.

The Chinese Repository, Vol. IV, 1835, p. 238

Кроме того, пара драконов, сражающихся за обладание этой жемчужиной, служила символом китайского оружия начиная с императора Хана и вплоть до времен династии Цин. Два таких дракона помещались на лицевой стороне ордена Двух драконов династии манчусов»²⁹⁷.

Позволим себе небольшое отступление и предоставим слово И.В. Всеволодову. «Что интересно, появление наград европейского типа, в первую очередь орденов, в Китае связано с проникновением туда европейцев. Как и во многих иных азиатских государствах, сначала ордена в европейском понимании этого

слова предназначались для награждения только “западных варваров”. Первый орден в Китае — орден Дракона был учрежден в 1865 году после подавления восстания тайпинов и фактической капитуляции цинского императора перед европейскими державами.

Но несколько позже схожая по смыслу “европеизированная” награда возникла вновь и утвердилась надолго. Это был орден Двух драконов, учрежденный в 1882 году.

Орден Двух драконов причудливо отразил симбиоз европейского и китайского понятия награды. Первоначально его знак изготовлялся в виде медали, носимой на красном шнуре, с длинной красной кистью, свисающей вниз. Но вскоре у ордена появилась звезда и он разделился на степени. Сначала степеней было девять. Затем три первые степени разделились на классы. Сколько их было реально — сказать трудно, так как в разные периоды существования орден имел различную систему степеней. Знаки ордена различались по степеням и классам, они могли быть прямоугольными или круглыми золотыми пластинами, а впоследствии знак приобрел форму серебряного цветка с пятью расширяющимися лепестками.

Звезды ордена были как восьмиконечными, так и в некоторых степенях четырехконечными. В центре звезды первой степени первого класса крепился рубин, второй степени — сапфир, третьей — коралл. От иерархической системы китайских наград в орден перешли строгие правила награждения. Так, знаки первой степени первого класса могли вручаться лишь главам государств, второй степени первого класса — принцам крови, третьей степени первого класса — князьям. Первая степень второго класса предназначалась для послов и т.д. Чтобы разница в классе была очевиднее, ленты у каждой степени были различными. Лента первого класса была зеленой со светло-зеленой вышитой каймой и нашитыми золотыми драконами. Второму классу была положена коричневая лента, и драконы на ней были серебряными»²⁹⁸.

Но вернемся к драконьей жемчужине. Замечательную легенду излагает в своей книге Тим Апензеллер.

Орден Двух драконов третьего класса

II степени. Источник:

Всеволодов И.В. (Можейко И.В.) «Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем»

Существовала особая принадлежность драконов, обладавшая поистине невероятной магической силой. То были драконьи жемчужины, сокровище редкое, мало кем виданное, но тем не менее являвшееся предметом всеобщего вожделения. Принадлежали такие жемчужины драконам — стражам сокровищ. Они отличались необыкновенно крупными размерами и блеском. Драконы хранили их в защечных мешках или в складках кожи под подбородком. Перлы те изучали никогда не угасающий свет, да такой яркий, что одной жемчужины хватило бы, чтобы осветить дом с множеством комнат.

Особенно же ценным свойством драконьих жемчужин было то, что они давали своему обладателю власть и отменное здоровье, и все, к чему он прикасался жемчужиной, бурно росло и приумножалось. Попад же в руки людей, сокровище это способно было выказывать и еще более удивительные свойства, как видно из предания, бытовавшего в провинции Чжэузян.

На юге той провинции жил некогда один мальчик. Мать его была бедная крестьянка, вдова. Достатка в доме у них не водилось. Мать с сыном перебивались кое-как, работая на рисовых полях зажиточных соседей, а также на своем небольшом огороде. Каждый день мальчик, взяв коромысло с двумя деревянными ведрами, отправлялся к реке набрать воды. По дороге назад он часто останавливался на небольшой лужайке, чтобы нарезать травы для своей единственной козы. Немного отдохнув, он шел по пыльной дороге к дому, не забыв прихватить траву и коромысло с ведрами.

Постепенно его внимание привлекла странная особенность той лужайки. Каким бы жарким и засушливым ни выдалось лето, как ни лютовали зимой холода, трава там прекрасно росла, всегда оставаясь зеленой и свежей, как весной. Поразмыслив над этим, мальчик взял лопату и вырезал на лужайке пласт дерна, чтобы пересадить его к себе в огород. (Вдруг в соседстве со столь замечательной травой и овощи будут лучше расти.) Когда же он поднял дерн, то откуда-то выкатился белый блестящий шарик. От красоты его и блеска у мальчика аж дыхание занялось. Он поднял жемчужину. Она оказалась теплой на ощупь.

Зная, что такой камень стоит немалых денег, парнишка отнес его домой и надежно припрятал — положил в кувшин, где хранился рис, которого, надо сказать, у них с матерью оставалось совсем немного.

На следующее утро мать послала его на огород собрать овощей, пока роса не высохла. Придя туда, он обнаружил, что посаженная им накануне трава совершенно увяла. Пока он с удивлением ее разглядывал, в доме раздался крик.

Мальчик со всех ног бросился туда. Все еще не оправившись от пережитого потрясения, мать молча показала пальцем на кувшин с рисом. За ночь он до краев наполнился зернами. Рассыпая рис, мальчик запустил руку в кувшин и достал жемчужину. Она излучала такое яркое сияние, что просвечивала даже через его руку, и вся комната тут же наполнилась розовым светом. Женщина от волнения долго не могла вымолвить ни слова: она сразу поняла, какое сокровище нашел ее сын. То была драконья жемчужина. Ни мальчику, ни мате-

ри его никогда не придется узнать, как попало сокровище на лужайку, но это не так уж важно. Важно то, что в руках у них оказался, наконец, источник здоровья и благополучия. Мать тут же показала мальчику, на что способна жемчужина: взяв ее из рук сына, она осторожно поместила драконье сокровище в кувшин с маслом. Масло стало тут же прибывать, пока кувшин не наполнился до краев.

В последовавшие затем несколько дней огород у бедной вдовы разросся на диво, коза стала давать немислимое количество молока, а куры — яиц, утки же приобрели самый что ни на есть справный, откормленный вид. Драгоценную жемчужину они, как могли, скрывали от людских глаз, но результат ее воздействия скрыть было невозможно. В деревне пошли разговоры. Вначале люди просто любопытствовали, потом стали завидовать. А там дело дошло и до откровенной злобы. В конце концов староста этой деревни решил выяснить, в чем причина неожиданного преуспевания этой бедной прежде семьи.

Однажды он, не постучав, зашел в хижину, где жили вдова с сыном (при этом ему пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку). Глазам его представилось удивительное зрелище. Озаренная каким-то неземным светом, комната была сплошь уставлена кувшинами с рисом, пшеницей и просом. Тут же стояла корзина, полная блестящих шелков. Мальчик же с матерью, посмеиваясь, считали рассыпанные по полу блестящие монеты. В руке у парнишки была зажата огромная жемчужина. Староста кинулся к ребенку, схватил его, но тот успел сунуть жемчужину себе в рот и, держа ее за щекой, дерзко глядел на незваного гостя. Староста принялся трясти его, чтобы тот выплюнул жемчужину, но добился лишь, что мальчик, чуть поперхнувшись, проглотил ее.

К тому времени вокруг дома собрались любопытные. К их немалому удивлению, в дверях появился, пятясь задом, бледный, трясущийся от страха староста. Потом из дома вылетел, оттолкнув его с дороги, косматый, богатырский сложения человек с горящими глазами. С громким, мало похожим на человеческую речь ревом протолкался он через толпу сельчан, стремительно кинулся к реке и, упав на колени, принялся жадно глотать речную воду, то и дело издавая громкие стоны. При этом из ноздрей у него повалил дым, волосы же лизали языки пламени.

Потом вдруг все вокруг переменилось: сверкнула молния, послышался удар грома, утреннее небо затянули дождевые тучи. Тело того человека вдруг свело судорогой, причем казалось, что именно небесная музыка грозы задает такт его корчам. Голова его увеличилась в размерах, тело же, будто обессилев, опустилось на землю, а из спины вырастало что-то, пока еще не имеющее формы. Вновь сверкнула молния, осветив ослепительным белым светом берег реки и деревья, и сельчане на мгновение ясно увидели дракона, расправляющего свои широкие крылья, чтобы взмыть в небо. Взлетев, дракон покругил немало у них над головами, потом с громким криком ринулся в реку. В том месте, где он вошел в воду, поднялся высокий столб пара. Так явился на свет новый дракон, единственный достойный обладатель древней жемчужины.

Предание умалчивает о том, что случилось с матерью мальчика. Может быть, соседи воздавали ей почести, может быть, жалели, а возможно, затаили злобу или же вскоре перестали обращать на нее внимание. Но последнее маловероятно, ведь она была матерью человека, сподобившегося быть принятым в сонм космически-могущественных духов природы²⁹⁹.

Еще одна сфера китайской жизни, неразрывно связанная с драконами, — религия.

Один европеец предложил настоятелю буддийского монастыря осушить ближайшее болото, причинявшее монахам много неудобств, тот решительно отказался, мотивируя свой отказ тем, что в таком случае погибнут «насекомые и драконы», обитающие в этом болоте.

Conze E. *«Buddhism: It's essence and development»*, N. Y., 1959

Легенды буддизма и даосизма изобилуют упоминаниями о драконах. Сказания даосизма упоминают об их деяниях. Вот лишь некоторые из них:

Также существуют божества, драконы и прочие сверхъестественные существа, принадлежащие к восьми видам³⁰⁰, люди и не-люди; [существа], не имеющие ног, имеющие две ноги, четыре ноги, много ног; имеющие форму, неимеющие формы; мыслящие и немыслящие, а также те, кто одновременно не мыслит и не не мыслит.

«Аватамсакa сутра»³⁰¹

Я буду проповедовать Дхарму на языке
всех живых существ:
Небожителей, драконов,
Якшасов, кимнар,
А также людей и не-людей.

«Аватамсакa сутра»³⁰²

Затем Почитаемый-в-Мирах сказал стихами:
Если кто-то ищет материальных благ
И добывает их неправедными путями,
Заявляя при этом, что удовлетворен,
Он всегда будет жалок.
Криводушный,
Такой человек обманывает всех,
Его ум в высшей степени нечист.
Боги, драконы, духи,

Обладатели Небесного Ока,
И Просветленные, Почитаемые-в-Мирах,
Все знают и видят это.

«Махаратнакута-сутра»³⁰³

На воде не избегать встречи с драконом — таково мужество рыбака. На суше не избегать встречи с тигром — таково мужество охотника. Выйти навстречу протянутому клинку и встретить смерть, как жизнь, — таково мужество героя. Знать, что неудача происходит от судьбы, знать, что успех зависит от времени, и бесстрашно встретить великую беду — таково мужество мудрого.

Чжу Пинмань учился закалывать драконов у Чжили И. Он лишился всех семейных богатств стоимостью тысячу золотых, но за три года в совершенстве овладел этим искусством. Одно было плохо: мастерству своему он так и не нашел применения.

Из «Чжуан-цзы»³⁰⁴

«Буддисты утверждают, что в их многих концентрических морях драконов не меньше, чем рыб; где-то во Вселенной есть священное число, точно определяющее их количество. Китайский народ верит в дракона больше, чем в другие божества, так как сплошь да рядом видит их в меняющих форму облаках. Вот и Шекспир заметил, что бывают облака, похожие на дракона (Some times we see a cloud that's dragonish)»³⁰⁵.

Железные дороги и огненные телеги беспокоят Дракона Земли и сводят на нет его благое воздействие на почву.

Из листовки членов китайского общества
«Кулак во имя справедливости и согласия», 1900 г.

В.В. Малявин рассказывает о таком загадочном понятии, как «драконьи вены». «В поверхности Земли, этой “парче гор и рек”, китайцам виделось смутное отражение небесного “узора”: прихотливые изгибы холмов, затейливо петляющие ручьи, курчавая поросль на склонах гор, причудливо скрученные камни — все это представляло взору как следы космического вихря энергии, знаки жизненной силы природы. Напротив, прямая как стрела гряда холмов, голые, однообразно-унылые склоны, текущие напрямую реки свидетельствовали о мертвящем веянии, и жить среди них было не только тоскливо, но и небезопасно. Подлинным же фокусом ландшафта считались так называемые “драконьи пещеры” — места, открытые токам энергии, накапливающие их и в то же время достаточно укромные, закрытые для того, чтобы позволить накопленной энергии рассеиваться в про-

странстве. Традиционный для китайской живописи мотив “чудесной пещеры” или “человека, медитирующего в пещере”, отображает это представление о присутствии в физическом пространстве иного, символического мира Вечнотрущего. Очень важно было, помимо прочего, отыскать “счастлирое” место для своего дома и родовых могил: скопление в таких местах животворной энергии должно было благотворно отразиться на судьбе потомков.

Поисками мест, где скапливалась жизненная сила космоса, ведали знатоки особой науки — геомантии, или, как говорили в Китае, науки “ветров и вод” (*фэн-шуй*). С помощью специального компаса, показывавшего соответствия в общей сложности 38 (!) разновидностей “веяний”, геоманты определяли, как в данной местности соотносятся между собой Зеленый Дракон (символ Ян) и Белый Тигр (символ Инь), каковы очертания “тела дракона”, где находятся драконье “сердце” и расходящиеся от него в разные стороны драконьи “вены”³⁰⁶, то есть цепочки холмов. Очертания каждого холма выдавали его соотносительность с одной из пяти фаз мирового цикла, так что приходилось учитывать и то, как эти фазы сочетаются на местности. В любом случае идеальным считалось закрытое пространство, в котором могла скапливаться космическая гармония. С этой целью можно и нужно было совершенствовать естественный ландшафт: изменить русло реки, насадить деревья или построить башню, сгладить или, наоборот, заострить вершину холма и т.д.; следовало также заботиться о том, чтобы не испортить хозяйственными работами “дыхание земли”³⁰⁷.

Как же были, в конце концов, отделены земля и небо, как создавалась вселенная? В китайской мифологии есть ответ на этот вопрос.

Как сообщает Юань Кэ, «единственным сохранившимся до наших дней древним сочинением, содержащим значительное количество материалов по древнекитайским мифам, является Шаньхай-цзин — “Книга гор и морей”»³⁰⁸.

«Сначала не было земли, неба и людей, существовал лишь хаос в форме огромного яйца. В этом космическом яйце спал первый человек — Паньгу. Через 18 тысяч лет он проснулся, выпрямился и разбил скорлупу. И тут же масса, заполнявшая яйцо, разделилась на две части.

Темная и тяжелая (Инь) ушла вниз — из нее образовалась земля, а легкая и светлая (Ян) вознеслась вверх и превратилась в небо. Паньгу встал между небом и землей, изо всех сил стараясь, чтобы они не соединились снова. Потом Паньгу начал расти, и расстояние между небом и землей с каждым тысячелетием увеличивалось. Когда земля и небо стали твердыми, великан взял топор и принялся высекать из каменных глыб звезды, луну, солнце, деревья, травы и животных.

В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вдох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый — луною, туловище с руками и ногами — четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь — реками, жилы — дорогами,

плоть — почвою, волосы на голове и усы — звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле — травами, цветами и деревьями, зубы и кости — блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капельки дождя и росу. Одним словом, Паньгу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным».

Рассказывают еще, что ясная погода бывает тогда, когда Паньгу радуется, а стоит только ему рассердиться, как небо заволакивается тяжелыми дождевыми тучами.

Существует еще одно удивительное сообщение о том, что Паньгу имел голову дракона и туловище змеи. Когда он вдыхал — поднимались ветер и дождь, а когда выдыхал — гремел гром и сверкала молния, открывал глаза — наступал день, закрывал — спускалась ночь, — почти как дух Чжу-лун с горы Чжуншань, описанный в «Книге гор и морей».

Чжу-лун был духом горы с лицом человека, телом змеи, с кожей красного цвета и длиной в тысячу ли³⁰⁹.

У него были необычные глаза, похожие на два вертикально стоящих оливковых дерева, а когда он закрывал их, они были как две прямые вертикальные щели. Стоило ему лишь приоткрыть глаза, как в мире наступал день, а когда он закрывал глаза, на землю спускалась ночь; стоило ему подуть, как появлялась пелена красных облаков, падал хлопьями сильный снег, и наступала зима; дохнет — тотчас красное солнце начинало палить, текли металлы и плавилась камни, и наступало лето. Он лежал, свернувшись, как змея: не ел, не пил, не спал и не дышал, — как только дохнет, подует ветер на десять тысяч ли. Светом свечи, которую Чжу-лун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных воротах на севере, то его еще называли Чжу-инь (чжу значит «свеча», инь — «темнота») — Освещающий мрак³¹⁰.

За воротами Холода
Властвует грозный дракон;
Свечи — вместо зубов,
Пасть откроет — и светится он.
Ни луны и ни солнца
Туда не доходят лучи,
Только северный ветер
Свистит, свирепея в ночи.
Только снежная вьюга
Бушует недели подряд,
И громадные хлопья
На древнюю башню летят.
«Путешествие при северном ветре». Китайская легенда

Но как же появились люди на земле?

Вот что пишет Юань Кэ по этому вопросу. «Вэнь И-до убедительно реконструировал миф о Фу-си и Нюй-ва как повествование о брате и сестре, оставшихся в живых после потопа, ставших мужем и женой и давших продолжение человеческому роду.

Фу-си и Нюй-ва изображаются до пояса в виде людей, а ниже пояса — в виде змеи или дракона, с крепко переплетенными хвостами и лицами, обращенными друг к другу, или, наоборот, спиной друг к другу. Некоторые изображения украшены облаками, среди которых парят крылатые посланцы неба с человеческими головами и змеиными телами.

Первое упоминание о Нюй-ва мы находим в «Вопросах к небу» Цюй Юаня, где говорится: «Кем был тот, кто создал самое Нюй-ва?» Этот вопрос очень странен, потому что если именно Нюй-ва создавала людей, то кто же мог создать ее? Наделена она была исключительной божественной силой и в один день могла совершить семьдесят перевоплощений.

Так, в мифе о «Нюй-ва, починившей небосвод» говорится, что прежде гора Бучжоушань служила опорой, подпиравшей небо, а от удара духа воды Гунгуна она сломалась, и одна из сторон земли разрушилась, а часть небосвода отвалилась, и на небе возникли большие зияющие проемы, а на земле — черные и глубокие ямы.

Во время этих потрясений горы и леса охватил огромный жестокий пожар, воды, хлынувшие из-под земли, затопили сушу, и земля превратилась в сплошной океан, волны которого достигали неба. Люди не могли спастись от настигавшей их воды, а еще им угрожала гибель от различных хищных животных и птиц, которых потоп выгнал из лесов и гор. Это был настоящий ад.

Фу-си и Нюй-ва.

Лоян, IV—VI вв. н.э. Вариация.

Источник: Кэ Юань. «Мифы Древнего Китая»

Нюй-ва, видя, как страдают ее дети, очень опечалилась. Она принялась за тяжелый труд, чтобы починить небо. Прежде всего она собрала множество камней пяти различных цветов, расплавив их на огне в жидкую массу и ею заделала отверстия в небе. Посмотришь внимательно — вроде бы есть некоторая разница в расцветке неба, однако издали оно кажется таким же, как и раньше.

Для того чтобы впредь не опасаться обвала, Нюй-ва убила огромную черепаху, отрубила у нее четыре ноги, поставила их вертикально с четырех сторон земли, как подпорки, которые поддерживали бы небо наподобие шатра. Эти подпорки были очень прочными, и поэтому можно было не бояться, что небо вновь обвалится. Позднее она поймала на Центральной равнине черного дракона, долгое время творившего зло, и убила его. Она изгнала злых и хищных зверей и птиц, чтобы они не пугали людей. Потом она сожгла тростник, сгребла пепел в кучи и преградила дорогу потопу. Великая Нюй-ва избавила от бедствий своих детей и спасла их от гибели.

Закончив свою работу для человечества, Нюй-ва решила наконец отдохнуть. Этот отдых мы называем смертью, но это вовсе не бесследное исчезновение³¹¹.

О том, куда же именно отправилась Нюй-ва, сообщает даосский трактат «Хуайнань-цзы».

Нюйва всходила на громовую колесницу, в коренниках у нее был Откликающийся дракон, а вместо пристяжной — Синезеленый. Она брала в руки скипетр, садилась на циновку Лоту, желтые облака были шнурами ее колесницы, впереди проводником Белый дракон, позади в свите — летящие змеи. Странствовала в смутной дали, на путях духов, поднималась к Девяти небесам, являлась на аудиенцию к Богу ко Вратам Души. Спокойно и мирно отдыхала у ног Великого предка, не обнаруживая своих подвигов, не возвеличивая своей славы.

«Хуайнань-цзы» (II в. до н.э.)³¹²

Но вернемся к мифам Древнего Китая. В них упоминается загадочная страна Лунбо: «В те далекие времена существовала страна Лунбо, страна великанов, которая находилась за десятки тысяч ли к северу от гор Куньлунь. Люди этой страны, по-видимому, происходили от драконов, потому-то их и называли просто “лунбо” — родственники драконов»³¹³.

Древняя легенда гласит, что «в сотнях тысяч ли к северо-западу от Китая была страна, которая называлась Страной рода Хуасюй. В той стране не было ни правителей, ни вождей, люди не были подвержены страстям и потому все жили долго, красиво и весело. Жители этой страны могли ходить по воде и не тонуть, проходить через огонь и не гореть, летать по воздуху так же, как и свободно ходить по земле. Их не пугали раскаты грома, они могли видеть в тумане и в темноте. Это были люди божественные и одновременно земные,

но бессмертные. В этой стране жила девушка. Она не имела имени, а звали ее Хуасюй-ши, что означает урожденная страны Хуасюй. Как-то она пошла погулять к огромному Болоту грома и увидела на берегу следы ног какого-то великана. Шутки ради она наступила на этот след и тут же забеременела и родила Фу-си. Что же это за великан оставил свои следы на Болоте грома? Главным духом Болота грома был Лэй-шэнь — бог грома. Он был получеловек, полуживер с человеческой головой и телом дракона. Кто же, кроме Лэй-шэня, мог оставить следы в тех местах? Кроме того, по легенде, у Фу-си тоже было “лицо человека и тело змеи” или “тело дракона и голова человека”.

Будучи полубожеством? то есть сыном женщины из райской страны и дракона, Фу-си мог спокойно подниматься по небесной лестнице и спускаться на землю. В китайских мифах такая лестница мыслится в образах сказочных деревьев до неба, гор, а также крыльев дракона.

Тем временем людей на земле день ото дня становилось все больше. Тогдашние люди не были похожи на нынешних. В те времена не знали земледелия. С утра и до поздней ночи люди охотились на диких животных, ели их мясо и пили их кровь. Мало убьют зверей — еды им вдоволь не достанется. Совсем никого не убьют — в животах пусто будет.

Фу-си видел все это, и на душе у него было тяжело. “Если так всегда будет, много людей умрет от голода”, — думал он. Прикидывал так, прикидывал так и эдак, думал три дня и три ночи, да так и не придумал, как быть с едой для детей и внуков. На четвертый день пришел он к реке. Бродит по берегу, думает. Ходил, ходил, вдруг поднял голову — глядь, большой жирный карп из воды выпрыгивает, высоко так подпрыгивает. Тут и второй карп выпрыгнул, за ним — третий. Стал Фу-си присматриваться. Подумал: “Большие карпы, жирные, поймай да ешь, чем плохо?” Решил он так и спустился к реке, чтобы схватить рыбку. Много сил не затратил, поймал прямо руками большого жирного карпа. Очень обрадовался Фу-си, унес карпа домой.

Узнали дети и внуки Фу-си, что он рыбу поймал, прибежали обрадованные, стали с расспросами приставать. А Фу-си разорвал рыбу на части и каждому по кусочку раздал. Попробовали — понравилось. “Раз рыба вкусная, давайте теперь ее ловить, вот и будет нам подспорье”, — сказал Фу-си.

Дети и внуки его конечно согласились и тотчас побежали к реке. Пробыв там от полудня до вечера, и почти каждый поймал по рыbine. А были и такие, что по три и даже по четыре исхитрились схватить. Радости людей не было предела. Принесли они рыбу домой и с удовольствием съели. Фу-си тотчас же послал гонцов с письмом к тем своим сыновьям и внукам, которые жили в других местах, советуя им тоже рыбу ловить.

Не прошло и трех дней, как все дети и внуки Фу-си научились рыбу ловить. Только, как говорится, со всяким хорошим делом много мороки. На третий день явился царь драконов Лун-ван со своим первым министром — черепахой и злым голосом говорит Фу-си:

— Кто тебя звал рыбу ловить? Вон сколько вас, людей, так всех моих драконовых сыновей и внуков переловите! Немедея брось это дело!

Но Фу-си не испугался слов Лун-вана, а спокойно так, с достоинством, в свою очередь спросил его:

— Ты не разрешаешь нам ловить рыбу, что же тогда нам есть?

— Что вам есть? А мне какое дело? Я не разрешаю вам рыбу ловить! — сердито сказал Лун-ван.

— Ладно! Не разрешаешь ловить рыбу, не будем. Только смотри, нечего будет есть — станем воду пить, всю воду подчистую выпьем, все твои водяные твари передохнут.

Лун-ван, вообще-то говоря, может только слабых обманывать, а сильных боится. Услышал он слова Фу-си, перепугался. Вдруг Фу-си, его дети и внуки и вправду всю воду выпьют, чего доброго, и сам не спасешься! Вроде бы и согласен разрешить людям рыбу ловить, да трудно назад свои слова взять. Как говорится, и вперед идти тяжело, и назад отступить трудно. Черепаха — его первый министр — подползла к его уху, тихонько так шепчет:

— Смотрите, люди-то эти руками рыб хватают. Поставьте им такое условие: если они всю воду не выпьют, пусть рыбу ловят. Только не разрешайте ловить ее руками. А без рук они ни одной рыбы не поймают. Так и можно будет и драконьих детей и внуков сохранить, и вашу, государь-дракон, жизнь сберечь. Пусть они все глаза у реки проглядят — вот хорошо-то будет!

Выслушал Лун-ван совет черепахи, и понравился он ему. Расхохотался он, повернулся к Фу-си и говорит:

— Если не выпьете воду дочи́ста, то можете рыбу ловить. Но только запомните одно условие: не хватать рыбу руками. Если согласны, на том и порешим, чтобы больше ни у вас, ни у меня никаких обид не было.

Фу-си подумал-подумал и согласился:

— Ладно!

Лун-ван решил, что ему удалось провести Фу-си и, радостный, вместе со своим министром-черепахой отправился обратно. А Фу-си тоже забрал своих детей и внуков и к себе пошел. Вернулся домой, стал думать, как без рук рыбу ловить. Думал весь вечер, на другой день до самого обеда думал — все не мог ничего придумать. После обеда улетел он под деревом, стал в небо глядеть да думать.

Видит, между двумя ветками паук паутину плетет. Слева нить пропустит, справа нить продернет, вот и готова круглая сеть. Закончил паук свое дело, отбежал в уголок, спрятался. Вскоре летавшие поодаль комарики да мухи все в сеть попали. Тогда паук спокойно вылез из своего уголка и принялся за еду.

А Фу-си, когда он глядел, как паук плел свою сеть, вдруг осенило. Он побежал в горы, отыскал лианы и свил из них веревку. Потом, словно паук, плетущий паутину, сделал грубую сеть. После этого он срубил две палки, смастерил из них крестовину, привязал к ней сеть, потом приделал к крестовине длинный шест, и все было готово. Он отнес снасть к реке и забросил в воду. Фу-си стоял на берегу и тихонько ждал. Прошло немного времени, Фу-си потянул сеть вверх — ай-я! — в сети трепыхались и прыгали рыбы. Способ этот и впрямь оказался удачным. Рыбы попало в сети куда больше, чем когда ловишь ее

руками, и людям теперь не нужно было стоять в воде. Фу-си передал секрет плетения сетей своим сыновьям и внукам. И с тех пор все его потомки знали, как ловить сетью рыбу, и не испытывали больше нехватки в еде. И по сей день люди ловят рыбу сетями.

А Лун-ван, увидев, что Фу-си стал ловить рыбу сетью, изощел злобой, потому что люди теперь ловили рыбу не хватая ее руками. Царь драконов раскаялся в своих словах, но брать их назад ему было неловко: еще рассердишь Фу-си и его сыновей и внуков, а те и вправду возьмут да и выпьют всю воду в реке. Сидит Лун-ван в своем дворце, беснуется, глаза его чуть из орбит не вылезают. Потому-то люди и стали рисовать царя драконов с вытаращенными глазами. А его черепаха-министр, увидев, что государь так разволновался, решила еще что-нибудь для него придумать. Разве могла она знать, что только заберется она Лун-вану на плечо, приблизится к его уху да рот раскроет, как Царь драконов ударит ее, и она упадет в тушечницу, что стоит перед Лун-ваном на столе. Перевернулась черепаха в тушечнице два раза и окрасилась в черный цвет. С тех пор черепахи черные-пречерные, это все оттого, что первого министра — черепаху Лун-ван тогда в тушечницу сбросил»³¹⁴.

Легенда о возникновении китайского письма гласит, что однажды, прогуливаясь по берегу реки Хуанхэ, Фу-си увидел дракона, на спине которого просматривались отчетливо некие непонятные знаки. Любопытный Фу-си тут же срисовал их. Потом обратил внимание, что полученные рисунки сходны со следами птичьих лап на песке близлежащей отмели. В результате сопоставлений Фу-си преподнес китайской цивилизации еще один щедрый дар — «на-

Восемь триграмм Фу-си

чертал восемь триграмм, от которых, собственно, и взяла начало китайская письменность. Вот эти триграммы: ☰ цянъ означало небо, ☷ кунь — землю, ☵ кань — воду, ☲ ли — огонь, ☴ гэнъ — горы, ☳ чжэнь — гром, ☱ сюнь — ветер, ☶ дуй — болота.

Однако, пожалуй, самой большой заслугой Фу-си было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли есть вареное мясо и избавиться от более в живот»³¹⁵.

351

Пик божественной девы

Почему люди в Санься из рода в род восхваляют божественную деву и приносят ей жертвы?

Рассказывают, в самые древние времена Владычица Запада Си-ванму родила двадцать третью дочь. Кожа у нее была белая и нежная, как соевый творог, стан тонкий и гибкий, словно ветка ивы. Владычица очень печалась о ней, боялась, как бы порыв ветра ее не сдул, как бы легкий ветерок не переломил. Не позволяла она дочери ни резвиться на небе, ни гулять в мире людей на земле. Она назвала ее Яо-цзи — Нефритовая дева и целыми днями держала взаперти подле Нефритового пруда — Яочи.

Яо-цзи была красивая, умная и от природы бойкая. Могла ли она, словно синие птицы (синие птицы — служанки Си-ванму), сидеть взаперти подле Нефритового пруда? Ей хотелось и в небеса, и на моря и океаны, и она нередко тайком убегала, чтобы порезвиться, потанцевать на плывущих облаках, попеть в красивых садах бессмертных, искупаться в широкой Небесной реке. В общем, побывала она во всех чудесных местах, куда могут попасть бессмертные. Все забавы бессмертных она перепробовала. Только вот на морях-океанах да в мире людей еще не было ее следов.

Когда ее отец, Дун-вангун, узнал о ее похождениях, он тотчас же рассказал все Си-ванму. А та сразу же отправила к Нефритовому пруду своего слугу Хуанмо — Желтого дьявола, чтобы тот привел Яо-цзи.

И вот Яо-цзи предстала перед Си-ванму, и мать стала строго расспрашивать ее:

— Кто разрешил тебе убегать из Яочи?

— Я сама убегала.

— Разве Яочи — плохое место для тебя?

— Яочи — это как клетка, я не хочу, словно птичка, целыми днями сидеть там взаперти, помирать от тоски!

Си-ванму поняла, что у Яо-цзи крепкий характер, что нелегко ее переломить, и сказала Дун-вангуну:

— Давай пошлем ее к какому-нибудь строгому магу-наставнику, пусть поучится у него.

Дун-вангун согласно кивнул, и Си-ванму вмиг запрягла свою облачную колесницу и отвезла Яо-цзи в храм Пурпурной чистоты к владыке бессмертных

Саньюань-сяньцзюню. А Яо-цзи как раз хотелось учиться, и в храме Пурпурной чистоты она охотно за науку принялась. Саньюань-сяньцзюнь так обрадовался ей, словно сокровище нашел, и все свое искусство чудесных превращений без утайки ей передал.

После того как Яо-цзи этим искусством овладела, Си-ванму назначила ее дамой Высшего дворца облачных цветов, повелев ей управлять и обучать бессмертных отроков и нефритовых дев. Да еще послала с ней вместе служанок и верных своих приближенных: Юйюя, Хуанлю, Даи, Гэнчэня и Тунаюя. Яо-цзи обучила чудесному искусству превращений всех своих слуг и служанок, а также подвластных ей бессмертных отроков и нефритовых дев. Все вместе они наслаждались радостной и беспечной жизнью, словно сидели под легким весенним ветерком. Когда Яо-цзи, ее слуги и служанки познали искусство превращений, им не захотелось больше вечно охранять Дворец облачных цветов. Они понаделали целую кучу фигурок и оставили их во дворце, а сами, вскочив на облака и взнуздав туманы, отправились резвиться к Восточному морю — Дунхай, где никогда еще не бывали.

Добрались они до Восточного моря и увидали в огромном безбрежном голубом море красную вечернюю зарю и ее бесчисленные дорожки, услышали, как рокочут морские волны. Превратились они в разноцветных драконов, китов, рыб и устриц и вволю порезвились и попрыгали, а потом, собравшись вместе, отправились в хрустальный дворец царя драконов Восточного моря — Дунхай Аун-вана. Аун-ван принял их как дорогих гостей, и они полюбовались его коралловым тронem, украшенным жемчугом головным убором, агатовым столом, яшмовым ковром. Аун-вана Восточного моря пленила красота Яо-цзи, и он стал просить ее выйти за него замуж.

Но Яо-цзи не понравилось море, ей не хотелось жить у царя драконов. А почему? Да потому, что она увидела, как Аун-ван каждый день подымает сердитые морские волны, насылает бешеный ветер и бурю, разрушает поля и сады, заглатывает плавающие по морям суда и путешественников и приносит людям много бед и несчастий. Поэтому она простилась с Аун-ваном и вместе со своими слугами и служанками, бессмертными отроками и нефритовыми девами вышла из моря. Вскочив на облака, они унеслись на запад.

Перелетели они десять тысяч рек и тысячу гор, подлетели к Горе шаманов — Ушань и увидали двенадцать драконов, которые, выпустив когти, играя, гонялись друг за другом в небесах. Драконы подняли страшный ветер, от его порывов потемнело небо и наступил мрак на земле. Вихрь поднимал в небо людей и скот и бросал их оземь так, что они или разбивались насмерть, или получали увечья. Деревья, дома и посевы — все было побито летящими камнями и песком.

Яо-цзи и в Восточном море была недовольна царем драконов, а сейчас, когда увидела, как бесчинствуют эти двенадцать драконов, тотчас же остановила свое облако, вытянула руку, выставила вперед палец, и на небесах загрохотал гром, от которого затряслось небо и задрожала земля, а двенадцать драконов упали замертво.

Легендарный герой
Фуси и богиня Ньюйва.
Живопись на шелке.
II в. до н.э.

Изображение древнего божества Фуси.
Настенная роспись из гробницы Бучяньцзо.
Династия Хань. III в. до н.э. — III в. н.э.

Белый тигр и зеленый дракон, фансянши.
Настенная роспись из гробницы Бучяньцзо. 206 г. до н.э. — 220 г. н.э.

Свирипый страж Запретного города

Бронзовая фигура крылатого дракона. IV в. до н.э.

Дракон в Запретном городе. Пекин

Концевая черепица с изображением дракона из Храма Неба. Пекин. XV—XVII вв.

Орнаментальное керамическое украшение
крыши. XVI — начало XVII вв.

Колонна Дракона в зале Великих Достижений
в храме Конфуция в Цюйфу. XIV—XVII вв.

Фрагменты керамического декора Стены девяти драконов. Запретный город, Пекин. XVIII в.

Фрагменты керамического декора Стены девяти драконов. Запретный город, Пекин. XVIII в.

Фрагменты керамического декора Стены девяти драконов. Запретный город. Пекин. XVIII в.

Фрагменты керамического декора Стены девяти драконов. Запретный город. Пекин. XVIII в.

Столбы обходной галереи Храма Неба в Пекине. XV—XVI вв.

Резные узоры мраморных лестниц Запретного города. Пекин. XIV—XVII вв.

Рельефы на кирпичах. 221—207 гг. до н.э.

Изображение свернувшейся в кольцо змеи.
Расписная керамика. Культура Таоси-Луншань.
2500—200 гг. до н.э.

Серебряная шкатулка с изображением
драконов и пламенеющей жемчужины.
IX в.

Бронзовый столик с изображением четырех драконов и фениксов. I тыс. до н.э.

Изображение дракона на японской гравюре

Декоративная тарелка. Деталь. Япония. Конец XIX в.

Драконы, играющие пылающей жемчужиной. Бронзовая ваза. Япония. Конец XIX в.

Кувшин периода Мэйдзи. Япония. 1868—1912 гг.

Граненый фаянсовый флакон. Фрагмент. Япония. Период Мэйдзи. 1868—1912 гг.

Граненый фаянсовый флакон. Фрагмент. Япония. Период Мэйдзи. 1868—1912 гг.

Сокол (Оотака) на подставке. Бронзовая скульптура. Япония. Период Мэйдзи.
Конец XIX — начало XX в.

Современный дракон

Прошло немного времени. Небо прояснилось, воздух стал чистым, и в мире людей наступили покой и тишина. Но тела убитых драконов забили русло Ян-цзы и образовали гору Чуншань и хребет Лэнлин. Одна вершина была выше другой, а самая высокая упиралась в небо. Казалось, будто множество острых пик воткнуто в белые облака³¹⁶.

353

Стоит поближе познакомиться со столь знаменитым драконом, как Лун-ван. В этом нам поможет Б.А. Рифтин. «Лун-ван (“царь драконов”», в китайской мифологии хозяин водной стихии, глава драконов лун. Согласно ранним текстам, Лун-ван — существо, выделяющееся среди прочих драконов необычайными размерами — около 1 ли (примерно 0,5 км) в длину. Образ Лун-вана сложился в первых веках нашей эры, по мнению ряда исследователей (французский ученый А. Масперо и др.), под воздействием буддизма (при переводе на китайский язык буддийских сутр слово “Нагараджа”, “царь змей”, было передано как Лун-ван). Из буддийской литературы было заимствовано и число Лун-ванов (в китайском переводе сутры “Садхарма пундарика” их насчитывается восемь, по другим сочинениям, — десять). Однако распространение получила даосская трансформация этой классификации — представление о Лун-ванах четырех морей (в соответствии с древнекитайской космогонией): Гуан-дэ (“увеличивающий добродетель”) — Лун-ван Восточного моря, Гуан-ли (“увеличивающий богатство”) — Южного, Гуан-жун (“увеличивающий благосклонность”) — Западного и Гуан-цзэ (“увеличивающий щедрость”) — также Западного. Все они считаются братьями черепахи Ао, старший из которых Гуан-дэ. В фантастической эпопее “Путешествие на запад” (XVI в.) У Чэн-эня и других произведениях Лун-ваны носят несколько иные имена: Ао Гуан, Ао Цинь, Ао Шунь и Ао Жун. Существовало представление и о Лун-ванах четырех главных рек Китая.

В классическом средневековом романе У Чэн-эня “Путешествие на Запад” рассказывается о том, как царь обезьян Сунь У-кун сражался с Лун-ваном:

Дракон-старик не знает, как тут быть,
От страха у него язык отнялся...
В припадке бьются младшие драконы,
Иные мечутся, что в клетке звери,
Слышны повсюду крики, вопли, стоны,
Разбиты окна, высажены двери,
Поломаны запоры и заслоны...

Перевод А. Эфрон

Битва была долгой и кровавой. Наконец Сунь У-кун изловчился и ударом железного посоха размогил Лун-вану череп. А на месте битвы по велению императора воздвигли монастырь с такой вывеской над воротами: “Учреж-

денный по указу государя монастырь Охраняющий государство и ниспровергающий драконов”.

В народных сказках и преданиях обычно фигурирует просто Лун-ван (без имени) или Дунхай Лун-ван (“царь драконов Восточного моря”). В поздних народных верованиях Лун-ван нередко рассматривается как владыка стихий, которому подчинены бог грома Лэй-гун, богиня молнии Дянь-му, бог ветра Фэн-бо и хозяин дождя Юй-ши. В поздней народной синкретической мифологической системе Лун-ван, как и другие божества, подчинен верховному владыке Юй-ди, в знак уважения Лун-ван является в его дворец (считалось, что в это время и идут сильные дожди). В поздней фольклорной традиции Лун-ван обычно представляется старцем, живущим в хрустальном подводном дворце лунгун (“драконов дворец”, также впервые встречается в переводах буддийских сутр).

Вот как выглядел его подводный дворец, расположенный на дне Восточного моря: “Это огромное сооружение с длинными аркадами, загнутой по углам крышей, причудливыми крытыми переходами и круглыми окнами и дверьми. Все его залы наполнены такими богатствами, о которых на земле и понятия не имеют: золотые резные двери художественной работы, украшенные драгоценными камнями, коралловые решетки, мозаичные картины из редких камней; стены, испещренные жемчугом и бирюзой; яшмовые полы, — всюду соединение блеска, красоты и достатка. В задних комнатах лежали груды драгоценностей, сыпанные прямо на пол; в кладовых — неисчерпаемые запасы чрезвычайно вкусных кушаний и отличных вин”.

Лун-ван. Китайская лубочная картинка.

Конец XIX — начало XX в. Санкт-Петербургский Государственный музей истории религии. Коллекция академика В.М. Алексеева. Источник: Рифтин Б.А., «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае»

Лун-Ван — хранитель несметных сокровищ, у него есть свое морское воинство: черепахи, каракатицы, креветки и другие морские обитатели, имеющие способность к оборотничеству.

Его подготовку к сражению описывает одна из легенд: “По всем направлениям мчались курьеры — самые быстроходные рыбы, — развозя приказанья. Все светящиеся морские рыбы и животные зажгли свои фонари, и при их свете шли приготовления к предстоящему выступлению в поход: мечи- и пилы-рыбы оттачивали свое оружие, молоты-рыбы обновляли обивку на обеих сторонах своих палиц, крабы подновляли бугорки своих клешней...”

Китайские художники нередко рисовали Лун-вана в виде старца с посохом, набалдашник которого украшен

головой дракона. Часто упоминаются и дети Лун-вана — сын, реже дочь. Обычный сюжет этих произведений таков: сын Лун-вана попадает в беду, его спасает юноша. Сын Лун-вана приглашает его в гости во дворец отца и объясняет, какой подарок он должен просить у Лун-вана перед возвращением на землю. Обычно это чудесный предмет, заключающий сокровища, или тыква-горлянка, дающая еду, или даже дочь Лун-вана, которая выходит замуж за героя, но, родив ему детей, по прошествии определенного количества лет возвращается обратно в подводное царство.

355

Культе Лун-вана был чрезвычайно распространен в старом Китае. Его храмы были практически не только в каждом городе и деревне, но и у каждого озера, всякого колодца, хотя у всех этих источников были и свои духи-драконы, рангом пониже. Однако во время засухи все молитвы были обращены к господину драконов — ведь дождями распоряжался он. Если же мольбы не помогали, Лун-вану, несмотря на его богатство и могущество, приходилось

Дракон Хэ-бо — дух реки Хуанхэ. Иллюстрация из «Шаньхай-цзин».
Источник: Терентьев-Катанский А.П. «Иллюстрации к китайскому bestiарию»

худо. Его ругали, ему угрожали, а в начале XIX века император Цзя-Цин даже подверг драконьего владыку суду и приказал выслать его в Илийский округ — дальнюю захолустную провинцию.

Только просьбы перепуганных подданных смягчили императора, и Лун-ван был с дороги “возвращен” в Пекин.

Еще более удивительные события наблюдал этнограф А.М. Яковлев во время большого харбинского наводнения 1932 года. Когда все обращения к Лун-вану оказались бесполезны, его изображения вынесли из храма и торжественно зарыли на полузатопленном островке, так что голова чуть-чуть возвышалась над поверхностью воды; стоило уровню реки лишь немного повыситься, как дракон утонул бы. Лун-вану явно намекали: не хочешь думать о нас, подумай о собственной судьбе! Этнограф отмечает, что наводнение прекратилось³¹⁷.

Ныне в Цзичжоу странствует чета драконов — безрогий Красный и рогатый Сине-зеленый*. Небо ясно, земля покойна, хищные звери не нападают, птицы не угрожают. Драконы гуляют в ореховых чащах, щипают траву, наслаждаются вкусом, смакуют сладость. Бродят в пространстве не более ста му. Угри смотрят на них с презреньем оттого, что не могут с ними сразиться в реке и на море. Чета драконов отправляется в Белый Дворец, что на Черно-красных облаках, где происходит противоборство Инь и Ян. Спускается на быстрый ветер, смешивается с холодным дождем, опершись и раскачавшись, возносится вверх. Величием они потрясают небо и землю, громом колеблют пространство меж четырех морей. Угри заползают в тинистое дно на сто жэней, медведи уходят в горы и ущелья, тигры и барсы скрываются в пещерах, не смея даже рычать, обезьяны сваливаются с деревьев, выпустив от страха ветку. Что уж говорить о разных урях!

Из «Хуайнань-цзы» (II в. до н.э.)³¹⁸

Как божество дождя и плодородия, как благотворительная сила дракон стал символом императорской власти. Исторически проводилась следующая параллель: верховный дракон находится на небе, и все стихии подчинены ему; он может заставить идти дождь, когда пожелает, и поэтому жизнь всех растений зависит от него; император со своего трона также следит за нуждами своих подданных и дарует им материальные и духовные блага, без которых они могут погибнуть.

* Цзичжоу — одна из девяти областей, на которые делилась Поднебесная. Чета драконов — безрогий Красный и рогатый Сине-зеленый — сказочно-мифологические персонажи, безрогий Красный — дракона, рогатый Сине-зеленый — дракон.

Это, конечно, позднее толкование традиции. Начало же этого отождествления теряется во тьме веков, в эпохе легендарных правителей Китая: Хуан-ди внешне походил на дракона; мать Яо зачала его от дракона; Шунь имел во внешности черты дракона, и ему помогал править золотой дракон.

В Древнем Китае даже существовало выражение «драконообразное лицо» (лунянь). Сыма Цянь, описывая внешность первого ханьского императора Гао-цзу, говорит: «Гао-цзу был человеком с высоким носом и драконообразным лицом»³¹⁹. Впоследствии драконообразное лицо, т.е. лицо с выдающимися надбровными дугами, воспринималось как знак того, что в будущем его обладатель станет императором.

Юань Кэ рассказывает: «Хуан-ди был великим духом. Слово “хуан-ди”, записанное в древних книгах, соответствует “хуан-тянь шан-ди” (августейший верховный владыка неба). Иероглиф “ди” мы встречаем в “Книге песен”, “Книге исторических преданий” и “Книге перемен”, а также в надписях на костях и бронзовых колоколах и треножниках в значении “верховный владыка”. “Хуан” в свою очередь является определением к “ди” и подчеркивает блеск и величие императора.

В древности правители княжеств никогда не называли себя ди — императорами. Только в чжоускую эпоху появляется титул ван (князь); начиная с Вэнь-вана, У-вана и вплоть до последнего Нань-вана, погибшего под ударами государства Цинь, все правители были ванами. В конце периода Борющихся царств многие своевольные удельные князья, не удовлетворяясь титулом вана, стали бесцеремонно называть себя ди — императорами. Правитель княжества Цинь стал императором Запада, правитель Чжао — императором Центра, а правитель Янь — императором Севера. Впоследствии Цинь Шихуан, объединив весь Китай и стараясь сделать свой титул более пышным, присвоил себе наименование хуан-ди (августейший император). Последующие поколения восприняли его, и он стал титулом земных правителей.

У Хуан-ди и в самом деле был волшебный дракон по имени Ин-лун, у которого от рождения были два крыла и который жил на южном склоне горы Сюнлитуцзюшань и был искусен в управлении водами и дождем. “Чи-ю может напускать большой туман, а мой Ин-лун может послать сильный ливень, а ведь ливень страшнее большого тумана! К тому же явится Ин-лун, и все призраки и злые духи совсем уж не смогут творить свои козни”. Это потому, что злые духи боятся рева драконов.

Что интересно, Дракон Ин обычно ничем не напоминает древнего крылатого ящера. Но одно из его японских изображений дает нам образ птицы с головой дракона, то есть существа, близкого к птеродактилю.

Его изображение занимает целый разворот книги “Шань-хай цзин”. Он нарисован в виде классического дракона, но с парой перепончатых, как у летучей мыши, крыльев. Так же изображен он и в “Сань-цай ту хуэй”³²⁰.

Иероглиф Ин-лун

Дракон Ин-лун («Шаньхай-цзин»).

Источник: Терентьев-Катанский А.П. «Иллюстрации к китайскому бестиарию»

Хуан-ди, которого называли Желтый император, некоторое время оставался в мире людей, а затем вернулся на небо. И вот как это было.

«В самом разгаре пира вдруг появился волшебный дракон, покрытый блестящим золотым панцирем, высунулся до половины из облаков и спустил свой ус прямо на драгоценный треножник. Хуан-ди понял, что это посланец из небесного дворца зовет его вернуться на небо, и вместе с сошедшими в мир людей богами, которых было более семидесяти, тотчас исчез в облаках, уселся верхом на спину дракона и стал подниматься в небесную высь. Правители маленьких государств и простой народ, видя, что Желтый император оседлал дракона и поднялся ввысь, хотели последовать за ним, да не смогли вскочить на спину дракона, а, только, толкаясь и давя друг друга, уцепились за драконовы усы. Усы не выдержали, оборвались и упали на землю. И даже драгоценный лук Желтого императора, который висел на усах дракона, и тот люди стащили вниз. Князья и простые люди, попадавшие на землю, горько плакали, обняв драгоценный лук и обхватив руками драконов ус. Впоследствии этот лук стали называть ухао — «темный плач», а местность, где все произошло, — Динху, что значит «драконов ус на треножнике». Что же до усов дракона, то говорят, что из них выросла трава, которую теперь называют лунсуйцао — «драконов ус»³²¹.

Возможно именно благодаря этому событию появилось образное выражение «ухватиться за дракона». К.А. Вильямс сообщает, что оно «означает искания честолюбивых людей у сильных мира сего. Когда ханьский император Гуан-у-ди (25—58) взошел на престол, один из наиболее преданных его подданных выступил с такой речью: “Государь, — сказал он, — те, кто пошел за вами, бросив свою насиженную землю и родных и ринувшись за вами среди стрел и камней, — все эти люди рассчитывают ухватиться за чешую дракона или прильнуть к перу феникса ради выполнения своих планов и мечтаний”»³²².

359

Сразу стоит вспомнить еще пару «крылатых выражений», связанных с драконами.

Но сначала познакомимся с легендой. Согласно старинному преданию, «Хэ-бо утонул, переправляясь через реку, и стал богом реки. В другом предании говорится, что, проглотив волшебное лекарство, он попал в воду и сделался бессмертным. Хэ-бо был очень красив: высокого роста, с белым лицом, у него был хвост, как у рыбы линьей из Северного моря. Он любил ездить на одной колеснице, запряженной драконами, с навесом из листьев лотоса и развлекаться с девами Девяти рек. Еще он мог превращаться в белого дракона.

У Хэ-бо было в распоряжении много воинов и чиновников. Об обычных солдатах-креветках и крабах-полководцах не стоит даже и говорить. Можно упомянуть лишь о его главных слугах, таких, как дракон чжупо-лун. Он забавлял музыкой небесного правителя. Люди называли его “посланцем Хэ-бо”.

Однажды Таньтай Цзы-юй с регалией би из белой яшмы, стоившей тысячу цзиней, переправлялся через Хуанхэ в Янь-цзине (к северу от нынешнего уезда Яньцзэ провинции Хэнань). Хэ-бо каким-то образом узнал об этом и решил присвоить себе ценную регалию. Когда лодка была на середине реки, он послал бога волн Ян-хоу, чтобы тот поднял огромные волны. Двум драконам он приказал теснить с двух сторон лодку, опрокинуть ее и схватить регалию. Таньтай Цзы-юй разгадал коварную уловку, но не испугался. Несмотря на волны и ветер, он встал на борту лодки и громким голосом закричал:

— Если кто-нибудь хочет иметь мою регалию, то меня надо как следует попросить об этом. А если кто-нибудь захочет захватить ее силой, то ничего из этого не выйдет!

Он выхватил из-за пояса свой меч и, размахивая направо и налево, стал крушить драконов.

В одно мгновение оба дракона были убиты на середине реки. Ян-хоу, увидев, что ничего не вышло, унял ветер и волны и скрылся. После того как стих ветер и улеглись волны, лодка спокойно пересекла Хуанхэ.

После переправы Таньтай Цзы-юй вытащил драгоценную регалию и с пренебрежением кинул ее в реку со словами:

— Бери!

Ко всеобщему изумлению, регалия, коснувшись поверхности воды, отскочила обратно и упала прямо ему в руки. Он снова сказал:

— Бери! — и опять кинул регалию в реку.

Она снова вернулась к нему. Три раза бросал он яшму, и три раза она возвращалась. Вероятно, Хэ-бо, столкнувшись с таким бескорыстием, стыдился принять дар. Таньтай Цзы-юй, увидев, что Хэ-бо не хочет принимать реталию, положил ее на камень, разбил на мелкие кусочки и разбросал их в знак того, что причиной борьбы для него была не реталия, а что-то более ценное.

Хэ-бо боялся отважного героя И, убившего девять солнц, и не осмеливался появиться перед ним открыто, а превратился в большую рыбу и стал плавать по реке. Но он выдал себя тем, что поднял громадные волны, затопившие оба берега и погубившие невинных людей.

Стрелок И скоро понял, что перед ним сам Хэ-бо. Он рассердился на него за поступок, недостойный правителя водного царства, открыто пустил стрелу и угодил Хэ-бо прямо в левый глаз.

Жалкий Хэ-бо умел оболащывать женщин, но битвы он боялся. Поэтому он заплакал и, широко раскрыв единственный уцелевший глаз, побежал жаловаться небесному правителю:

— Правитель! И всех обижает, убей его!

— Почему И выбил тебе глаз? — спросил небесный правитель.

— Я... я... — стал невнятно бормотать Хэ-бо, — когда я превратился в большую рыбу и резвился на поверхности реки, то И...

Небесный правитель давно уже знал обо всем. Он не испытывал симпатии к недостойному божеству вод и нетерпеливо прервал его речь:

— Не трать зря слов. Кто велел тебе вылезать на поверхность и превращаться в рыбу, вместо того чтобы спокойно жить в водном царстве? Люди имеют право стрелять в рыб, чем же виноват И?!

В дальнейшем выражение «белый дракон в одежде рыбы» приобрело иносказательное значение и стало обозначать знатного человека, выходящего из дома переодетым в чужое платье и тем самым подвергающего себя опасности³²³.

По преданию, «Гора драконовых ворот некогда была большой и соединялась с горой Люйлянь. Она располагалась на границе нынешних провинций Шэньси и Шаньси и преграждала дорогу Хуанхэ, так что река не могла течь дальше и поворачивала вспять. Воспользовавшись случаем, бог вод затопил гору Мын-мыныпань в верхнем течении реки. Юй проложил русло Хуанхэ от Горы каменных куч (в современной провинции Цинхай) и, дойдя до этого места, с помощью своей сверхъестественной силы разделил гору на две части, чтобы река текла между двумя отвесными скалами, напоминавшими створки ворот. Это место и называли Лунмынь, что значит «Драконовые ворота». Теперь вода падала с отвесной скалы и устремлялась потоком. По преданию, морские и речные рыбы собирались под этими скалами и соревновались в прыжках в высоту. Те из них, кому удавалось перескочить пенистый порог (говорили, что таковых каждый год насчитывалось ровно семьдесят одна), попадали в круговерть дождя, ветра и огня, из которой они выходили уже не рыбами, но благородными драконами.

Рыбы, прыгнувшие невысоко, только разбивали себе носы и возвращались ни с чем»³²⁴.

Когда рыба превращается в дракона, она высоко поднимается (вверх по реке). На картинке изображен мальчик с цветком пиона на голове (пион — символ знатности), а за его спиной — рыба, из пасти которой выходит струя воды, постепенно принимающая облик дракона. В картинке зашифровано пожелание сдать экзамены, пройдя «Ворота дракона».

Источник: М.А. Рудова «Китайская народная картинка». СПб., 2003

Из этой истории люди вывели аналогию со своей собственной жизнью. Про выдержавших невероятно трудный экзамен на замещение государственных должностей говорили, что они «проскочили сквозь Драконьи врата».

Но вернемся к мифам. Много времени прошло с тех пор, как Хуан-ди поднялся на небо на драконе.

«Считается, что люди на земле перестали верить в праведный путь, совершали дурные поступки и этим вызвали гнев Небесного правителя. В виде предупреждения небесный правитель наслал на них потоп.

Среди большого числа божеств, пребывавших на небесах, только бог Гунь испытывал глубокую жалость к страданиям людей. Он решил спасти народ от наводнения, чтобы люди, как и раньше, могли наслаждаться спокойной жизнью. И Гунь решил выкрасть у Небесного владыки сижан. Сижан — это кусок земли, который может увеличиваться беспрестанно. Он кажется не больше обычного комка. А если бросить его на землю, этот маленький кусочек сразу же вырастает и образует горы и дамбы. Этой землей можно засыпать воды, и потоп прекратится.

Так и случилось — потоп прекратился, люди снова стали жить счастливо. Но разгневался Хуан-ди и тотчас послал на землю бога огня Чжу-жуна, который на Горе птичьих перьев убил Гуня и забрал сижан. Потоп возобновился, снова стали страдать люди, а Гунь печалился о том, что дело его осталось незавершенным.

У Гуня было большое и любвеобильное сердце, душа его не покидала тела, а тело его не разлагалось три года. В его чреве возникла даже новая жизнь — это был его сын Юй. Гунь взрастил в себе новую жизнь, чтобы сын смог продолжить и завершить его дело. Юй рос в чреве отца, и через три года он уже превосходил Гуня своей чудесной силой.

Верховный владыка узнал о том, что труп Гуня не сгнил даже за три года. Он испугался, что Гунь превратится в оборотня и станет бороться с ним, и послал одного из богов с волшебным ножом у-дао, чтобы тот изрезал тело Гуня на куски. Посланец небес поспешил исполнить приказание, добрался до Горы птичьих перьев и вспорол живот герою.

Но в это время произошло великое чудо. Из распоротого живота Гуня вылез дракон. Это был Юй. На голове у него росла пара крепких острых рогов.

Он винтом взвился вверх, а тело Гуня превратилось в какое-то животное, которое уплыло в Пучину птичьих перьев, расположенную около горы. Следует еще упомянуть о том, что в комментариях к «Книге гор и морей» приводится высказывание из книги «Кайши»: «После смерти тело Гуня сохранялось три года. Его изрезали ножом, и он превратился в желтого дракона». Такие представления существовали в древние времена. Обычно в мифах небесный конь превращается в белого дракона.

Новорожденный дракон Юй не испугался отцовской неудачи. Он обладал чудесной силой, и все его помыслы были направлены на то, чтобы завершить дело отца.

Верховный правитель, сидевший на высоком драгоценном троне, испугался еще больше. Кроме того, Небесный император со временем стал раскаиваться в том зле, которое он совершил. Он решил не наказывать людей так жестоко и утихомирить потоп. А еще ему было известно, что доброе сердце иногда бывает крепче алмаза и, возможно, ему не справиться с Юем. Поэтому когда Юй пришел к Хуан-ди просить сижан, то умудренный опытом верховный владыка сразу же уступил его просьбам. Он дал ему сижан и приказал спуститься на землю, чтобы усмирить потоп. На помощь Юю послал он дракона Ин-луна.

Задолго до этого события Ин-лун участвовал в очень важном сражении. Ему было поручено залить противника потоками дождя. Дракон взлетел ввысь и разложил на специальной подставке дождевые тучи. Но — надо же такому случиться! — подставку установил он косо, и небывалый ливень хлынул на собственное войско. Небесный владыка был очень раздосадован. Но в конце концов он все-таки одержал победу — и не без помощи Ин-луна. Дракон с устрашающим криком «га-га» кидался с небес на врагов; тех, кто не успевал спастись бегством, убивал. Однако Небесный владыка остался недоволен неловким драконом: обессилевшего, потерявшего способность летать Ин-луна оставили на поле битвы — поэтому там, на юге Китая, так часты с тех пор осадки.

А в небесном дворце стало некому управлять дождями. Без Ин-луна они стали нерегулярны. Это очень затрудняло жизнь людей, но через некоторое время они придумали средство против засухи: когда одолевала сушь, несколь-

ко человек, собравшись вместе, одевались Ин-луном и исполняли ритуальный танец дракона. Говорят, это помогло.

Получив повеление верховного правителя, Юй с Ин-луном и другими большими и малыми драконами спустился на землю и начал борьбу с наводнением.

Вот как это происходило, если верить старинному рассказу: "Ин-лун полз, его хвост волочился по земле. По направлению, указанному хвостом Ин-луна, прорывались реки и каналы. Реки доходили до Восточного океана. Они сохранились до сих пор".

Юй прокладывал проход через Гору драконовых ворот и случайно зашел в огромную пещеру. В ней было очень темно; чем дальше шел Юй, тем становилось темнее, и скоро уже нельзя было сделать ни шагу. Юй зажег факел и пошел вперед. Вдруг он увидел мерцающий свет, и это мерцание наполнило всю пещеру. Он внимательно осмотрелся и заметил большую черную змею длиной десять чжанов. На голове у нее были рога, во рту она держала "жемчужину, светящую в ночи". Змея поползла впереди, указывая Юю путь. Юй бросил факел и пошел вслед за черной змеей. Через некоторое время он подошел к освещенному помещению, похожему на зал. Люди, одетые в черные одежды, толпились вокруг божества с человеческим лицом и змеиным туловищем, сидящего в центре. Юй догадался, кто это, и спросил:

— Уж не Фу-си ли вы, сын Хуасюй?

— Да, — ответил бог, — я Фу-си, сын богини девяти рек Хуасюй.

Они почувствовали симпатию друг к другу. При Фу-си тоже был потоп. Поэтому он выразил глубокое уважение Юю, выполнявшему великий труд, и хотел помочь ему. Фу-си вытащил из-за пазухи нефритовую пластинку и подарил ее Юю. Фу-си объяснил, что ею можно измерять небо и землю. После этой встречи Юй всегда носил пластинку при себе, чтобы укреплять землю и умирять воду.

Юй, борясь с наводнением, дошел до Горы шаманов — Ушань и до Тройного ущелья — Санься. Один из драконов, прокладывая водные пути, ошибся, неправильно проложил русло и прорубил ущелье. Оно оказалось совершенно ненужным. Юй рассердился и на горном обрыве казнил бестолкового дракона в назидание другим. До настоящего времени в уезде Ушань сохранились названия Цокайся — "Неправильно проложенное ущелье" и Чжаньлунтай — "Терраса, где был казнен дракон".

Юй стал основателем династии Ся. Трон Юя наследовал его сын Ци, мать которого у подножия горы Сунгаошань превратилась в камень. Внешность его была необычной: с ушей его свисали две зеленые змеи, он ездил на двух драконах и три слоя облаков поддерживали его³²⁵.

Но перейдем теперь к знакомству с историями земных владык Китая.

Юань Кэ со ссылкой на Сыма Цяня рассказывает следующую легенду. «Много-много лет тому назад, когда судьба династии Ся уже была предрешена, неожиданно с неба спустились два дракона — самец и самка. В большом зале во дворце императора у всех на виду они переплели свои хвосты и сказали, что они некогда были князем и княгиней из государства Бао. Правитель и санов-

ники испугались и не знали, что же им делать с этими странными драконами: убить их, или выгнать, или предоставить события их естественному ходу? Погадали на костях, и результат был неблагоприятный. Тогда одному человеку пришла в голову блестящая идея: он предложил попробовать собрать их семя. Погадали, и ответ был: "Великая удача". Тогда перед этими драконами поставили яшму, кожу, коня, нефритовую пластинку гуй, круглую яшму би и шеек, написали свое пожелание на пластинке и, помолясь перед драконами, испросили их согласия. Это имело благоприятный исход.

Драконы сразу же исчезли, а на земле осталось немного семени, которое по приказу Ся-вана собрали в коробочку и спрятали. Коробка перешла от династии Ся к Инь, от Инь к Чжоу. Сменились три династии, но никто еще не осмелился заглянуть в нее. Наконец чжоуский Ли-ван в последние годы своего правления из любопытства открыл коробку, и это повлекло за собой большие бедствия. Семя дракона оставалось в зале, но было грязным и дурно пахло. Когда убрали грязь, Ли-ван приказал голым женщинам громко крикнуть на эти семена и таким образом изгнать нечистую силу. Но как только они крикнули, семя собралось в кучку и превратилось в большую черную ящерицу, которая побежала в задний дворец. Люди во дворце, увидев, что прибежала ящерица, в панике бросились бежать в разные стороны, только одна девочка, лет семи-восьми, у которой менялись зубы, не успела убежать и столкнулась с этой ящерицей. Когда она стала взрослой, она забеременела и в срок родила девочку. Так как ребенок был неизвестного происхождения, то женщина испугалась и выбросила его за дворцовую стену. К этому времени Ли-ван уже умер, и Сюань-ван унаследовал престол. За два года до того как случились эти события, по улицам города ходили мальчишки и пели такую песенку:

Лук из горного тута
И колчан из бобовой ботвы
Принесут беду Чжоу.

Эта детская песенка распространилась повсюду и дошла до дворца. Даже Сюань-ван знал ее. Он был очень удивлен и, стараясь разгадать ее смысл, тайно приказал расследовать причину этой "беды".

И вот однажды какой-то человек из деревни пришел со своей женой продавать луки из тутового дерева и колчаны, сплетенные из бобовой ботвы. Они долго кричали:

— Купите луки из горного тута! Купите колчаны из ботвы!

Тайные шпионы Сюань-вана, услышав эти крики, сразу же побежали и доложили ему обо всем. Сюань-ван приказал схватить супругов и убить их. Кто-то пожалел двух деревенских людей, которых должны были убить, и потихоньку шепнул им, чтобы они бежали из города. Перепутанные супруги быстро собрали непроданные луки и колчаны, подняли свои коромысла и, спотыкаясь и толкая друг друга, побежали из города. Некоторое время они бежали куда глаза глядят. Они хотели только выбраться из столицы, но попали в запретный двор-

цовый парк. Они долго блуждали по парку и не могли из него выйти. Уже начало темнеть, вскоре стало совершенно темно, и затем наступила ночь. Супруги очень торопились, но вдруг слышали где-то неподалеку плач младенца. Они пошли на плач и стали искать ребенка. И вот у стены они нашли несчастную девочку, которую кто-то подбросил. При свете луны и звезд они увидели, что девочка красива. Они очень растрогались и, хотя сами находились в опасности, решили взять на воспитание несчастного ребенка. Они превратили корзинку с коромыслом, на котором несли луки и колчаны, в удобную колыбель для девочки. Она заснула в ней и больше уже не плакала, а на ее детском лице появилась счастливая улыбка. Супруги по очереди несли коромысло. Они еще долго плутали, пока наконец не рассвело, и, смешавшись с толпой у городских ворот, они выбрались из столицы. Они отправились на юго-запад и пришли в княжество Бао (в современной провинции Шэньси, на юго-востоке уезда Баочэн). Им не на что было жить, и они продали себя сановнику по имени Бао Сюй в рабство. Девочка выросла среди рабов и тоже стала рабыней. У нее не было фамилии, и так как она принадлежала хозяину по фамилии Бао, ее стали называть Бао Сы.

365

Потом Бао Сюй переехал в столицу, где занял какой-то чиновничий пост. Случилось так, что он нарушил императорский указ и был посажен в тюрьму. И тут он вспомнил о своей рабыне Бао Сы, которая уже выросла и стала еще красивее, и попросил разрешения откупиться ею от своего преступления. Его просьба была удовлетворена. Бао Сы отправили в императорский дворец, а Бао Сюя выпустили из тюрьмы»³²⁶.

Далее легенда обрастает историческими фактами. Бао Сы стала любимой наложницей Ю-вана. У Бао Сы родился сын Бо-фу, в связи с чем Ю-ван отстранил законного наследника И-цзю и низложил его мать Шэнь-хоу.

Столь загадочным образом кровь китайских императоров смешивалась с кровью драконов.

Еще один известный персонаж китайской мифологии, ведущий свой род от драконов, — Гуань-ди.

«Гуань-ди, Гуань Юй, Гуань Юнь-чан, в китайской народной мифологии и в позднем официальном культе бог войны, а также бог богатства. В основе образа Гуань-ди реальный Гуань Юй (160—219 гг. н.э.), прославившийся бесстрашием и верностью своему правителю Лю Бэю. Слава Гуань Юя впоследствии переросла в настоящий культ религиозного типа. Возникли легенды о его чудесном рождении из крови казненного Нефритовым государем Юй-ди дракона, которую набрал в свою чашу буддийский монах. По другой версии, перед рождением Гуань-ди

Гуань-ди

над домом его родителей кружил дракон. Он обладал настолько буйной, неистовой силой, что родители заперли его в пустом домике в саду, но он сбежал и совершил свой первый подвиг, убив начальника уезда, творившего произвол. Чтобы стража не узнала его и не могла схватить как убийцу, Гуань-ди вымыл лицо водой из источника, и оно сразу же стало темно-красным (по другой версии, лицо его было красным от рождения, так как чашу с кровью дракона, где шло превращение, открыли на день раньше срока)³²⁷.

В китайских исторических записях и хрониках указывается, что рождению великого мудреца или императора обычно предшествовало явление драконов и фениксов. В частности, когда родился Конфуций, два лазурных дракона снизошли с небес к дому его матери. Явление драконов предшествовало и рождению Уди, императора династии Хань (141—87 гг. до н.э.). Мечта ханьского Уди о вознесении на шести драконах на небо, дабы стать бессмертным, стала популярным изобразительным сюжетом.

В эпоху «Праведных ванов» некий Дун, знавший секрет кормления и разведения драконов, получил от императора Шуня (2255—2204 гг. до н.э.) титул «кормящий драконов». В ту же эпоху разводили драконов Кун Шэн и Лю Лэй.

В «Речах царства Чжоу» Сыма Цянъ рассказывает, что при императоре Кун-цзя «добродетели рода Ся-хоу пришли в упадок, и чжухоу восстали против него. Небо ниспослало на землю двух драконов, самку и самца; Кун-цзя не знал, как их кормить и не мог найти для них смотрителя. Однако после того как род Тао-тана пришел в упадок, среди его потомков оказался [некий] Лю Лэй, который учился приручать драконов в семье смотрителя драконов, поэтому он стал служить Кун-цзя. Кун-цзя пожаловал ему фамилию Юйлун — Управляющий драконами, и поставил правителем владения Шивэй»³²⁸.

Несколько подробнее об этом рассказывает Юань Кэ. «Лю Лэй учился этому искусству всего несколько дней, узнал совсем немного, но, будучи человеком хвастливым, вошел в доверие к Кун-цзя. Глупый правитель поверил лжи и назначил Лю Лэя ухаживать за драконами, пожаловав ему титул императорского управителя драконов. Так отпрыск опустившегося знатного рода снова вознесся на вершину.

Нэцке

Так как у Лю Лэя не было ни знаний, ни опыта, то вскоре самка дракона издохла. На его месте любой испугался бы, но Лю Лэй приказал вытащить из пруда мертвого дракона, счистить с него чешую, выпотрошить внутренности, изрубить на мелкие куски и сварить в

огромных котлах-треножниках на пару. Приготовленное кушанье он преподнес Кун-цзя, говоря, что оно изготовлено из убитого им зверя. Кун-цзя, отведав блюдо из “дикого зверя”, которое преподнес ему любимый чиновник, убедился, что оно вкусно. Он попробовал еще раз, и ему понравилось еще больше. Затем он велел показать ему драконов, чтобы полюбоваться и позабавиться с ними, и увидел всего одного дракона-самца. Дракон был чуть живой. Кун-цзя спросил, почему не привели самку, но получил уклончивый ответ.

Так повторялось много раз. В конце концов Кун-цзя, разгневавшись, потребовал, чтобы немедленно привели самку. Но она была уже съедена и, конечно, не могла воскреснуть. Лю Лэй не мог больше морочить голову правителю и, перепугавшись, ночью вместе с семьей бежал в Лусянь (в настоящее время уезд Лушань провинции Хэнань). Там он укрылся и больше не осмеливался показываться на глаза правителю.

Самка издохла, Лю Лэй убежал. Оставался больной и слабый дракон-самец, для которого надо было найти смотрителя. Кун-цзя снова начал искать подходящего человека. Наконец он нашел человека, умеющего ухаживать за драконами, по имени Ши-мэнь. Он был учеником чародея Сяо Фу, питался цветами персика и сливы и мог, подобно древним Чи Сун-цзы и Нин Фэн-цзы, сжечь самого себя в огне и в дыму вознестись на небо. По образу жизни учителя можно было догадаться и о способностях его ученика. Поэтому вскоре после того как Ши-мэнь приступил к своим обязанностям, больной дракон стал опять живым и веселым. Он начал снова резвиться, и люди радовались при виде свернувшегося клубком дракона.

...Вскоре после смерти Кун-цзя на престол взошел его внук, а по другим сведениям, сын Люй-гуй, известный под именем Цзе-вана.

Согласно легенде, знаменитый врач Хуа То вылечил даже речного дракона.

Настенная роспись XV—XVI вв.

Храм белых облаков в Пекине

Одна из наложниц Цзе-вана превратилась в дракона с торчащими зубами и когтями, к которому было страшно приблизиться. Внезапно она снова превратилась в очаровательную женщину; все боялись ее, но Цзе-ван не обращал на это внимания и очень ее любил. Девушка-оборотень каждый день требовала себе в пищу человека, и Цзе-ван выполнял ее просьбу. Он велел звать ее Цзяо-цзе, что значит "Наложница-дракон". По преданию, она могла предсказывать ему, что ожидает его в будущем: счастье или беда»³²⁹.

«В древние времена в реке Миңцзян жил отвратительный дракон. Каждый год, когда созревали хлеба, он вызывал наводнение, заставляя людей бежать, а сам поедая посевы и скот.

У дракона была младшая сестра, добрая и отзывчивая. Она не могла больше смотреть на страдания людей и поплыла вниз по течению в Цзядин. Своей волшебной силой она раздвинула сомкнувшиеся горы, чтобы потоки воды могли пройти сквозь отверстие. Злой дракон узнал про поступок сестры, запер ее на Гору пяти тигров и запер в железной клетке. А сам по-прежнему продолжал бурлить воды и чинить вред людям.

В то время жил молодой охотник по имени Ду-юй. Он видел, как страдали люди от наводнений, и решил непременно помочь людям. Повсюду он всех расспрашивал, как усмирить воды. Как-то в горах ему встретился старик и сказал: "Хочешь утихомирить воды — убей сперва злого дракона, потом пойди в горы и спаси его сестру, и только тогда узнаешь, что делать дальше". Он подарил юноше свой бамбуковый посох и тотчас исчез.

Охотник взял палку и пошел сражаться с драконом. Он так его бил, что чудовище испустило дух и осталось лежать на песчаной отмели. Потом Ду-юй отправился к Горе пяти тигров и освободил сестру дракона. Она обрадовалась его желанию спасти людей и стала помогать усмирять воды. Люди в благодарность за заслуги сделали Ду-юя своим правителем, а сестра дракона стала его женой.

У Ду-юя был один коварный сановник, с которым раньше они охотились вместе. Когда Ду-юй сделался правителем и получил в жены добрую и красивую сестру дракона, он стал завидовать ему и думать, как бы захватить престол и забрать себе красавицу жену.

Как-то этот негодяй отправился в горы на охоту, смотрит, — а перед ним злой дракон, который уполз в горы залечивать раны. Недолго думая, он словился с драконом, вернулся домой и сказал Ду-юю:

— Злой дракон хочет помириться с вами обоими, он зовет вас на несколько дней в горы развлечься.

Сестра дракона понимала, что братец ее что-то замышляет, и всеми силами отговаривала мужа, но тот, человек простодушный, хотел помириться с драконом и отправился один в горы.

Как только охотник появился в горах, дракон тотчас же схватил его и запер в железную клетку. А негодный сановник, когда узнал, что Ду-юй схвачен, тут же завладел престолом и пытался уговорить сестру дракона выйти за него замуж. Но она поклялась, что скорее умрет, чем покорится ему. И он заточил ее в мрачное подземелье.

А Ду-юй в железной клетке думал о людях, вспоминал любимую жену и так и умер с горя. Его душа превратилась в маленькую птичку, выпорхнула из клетки, прилетела в родную страну, стала кружить возле подземелья, где сидела сестра дракона, и печально кричать:

— Гуй Вэнь ян, Гуй Вэнь ян! Вернулся на южный берег реки Вэнь! Вернулся на южный берег реки Вэнь!

“А здесь и есть южный берег Вэнь, — подумала женщина. — Не иначе как мой муж умер, и его душа вернулась в образе птички, — так печально она кричит”. Обернулась она и сказала:

— Коль ты мой любимый, сядь ко мне на голову.

Птичка подлетела к ней и уселась ей на волосы. Сестра дракона поняла, что не ошиблась, и горько заплакала.

Так она горевала и убивалась, что вскоре умерла с горя. Ее душа превратилась в птичку, и обе они улетели вместе»³³⁰.

С эпохи «Весен и Осеней» начинается период сравнительно подробных исторических записей. Эпохе мифов и преданий приходит конец.

В «Истории дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 год» читаем: «Девятое лето Хуан-тун. Четвертого месяца в день Жинь-шень ночью при сильном ветре шел дождь. Громовой удар, разразившись над спальней императорской, зажег оную. Огонь показался из угла покоев и проник во внутренность спальни; загорелись занавеси и перегородки, и государь перешел в другие покои. В день Дин-роу в Ли-чжэу дрались драконы. Поднялся сильный ветер, от коего разрушались дома и здания присутственных мест. Черепицу, деревья, людей и животных уносило оным за десять ли и далее, несколько сот человек при этом лишились жизни»³³¹.

«Хуанлунфу (букв. “Область желтого дракона”) — современный уезд Нунань на северо-востоке Китая. Между прочим, если верить Ляо-ши, название “Область желтого дракона” появилось в связи с легендой о желтом драконе, убившем Абаоцзи.

Возвращаясь из похода против государства Бохай, Абаоцзи заболел вблизи г. Фуюйчэн. Утром в небе появился извивающийся желтый дракон длиной около одного ли, испускавший ослепительный свет. Дракон влетел в юрту Абаоцзи, из которой вырвались темно-багровые пары, затянувшие все небо. В этот же день Абаоцзи скончался. Якобы в связи с этим необыкновенным явлением область Фуюйфу и была переименована в “Область желтого дракона” (Ляо Ши, гл. 2, л. 76, 8а)»³³².

Е Лун-ли, который в 1129 г. выехал послом к чжурчжэням и пробыл среди них пятнадцать лет, в сочинении «Продолжение записей об услышанном в Сунмо» пишет: «Абаоцзи, живший в войлочной юрте в Силоу, встав утром, увидел извивающегося над его головой черного дракона длиной более десяти чжа-

нов³³³. Натянув лук, [Абаоцзи] выпустил в дракона стрелу, вслед за чем дракон сразу же, то сгибаясь, то разгибаясь, взвился вверх, упав затем мертвым к западу от Хуанлунфу, на расстоянии тысячи пятисот ли³³⁴ от места, где его подстрелили. Длина мертвого дракона была всего несколько чи³³⁵. Впоследствии, когда [империя] Ляо была уничтожена нюйчжэнями, последние все еще хранили скелет дракона в придворной кладовой.

Юань, старший сын цзиньского полководца Уши, видел скелет дракона, причем хвост, плавники, конечности и туловище были в полной сохранности, и только два рога были уже отрезаны. По виду дракон в точности походил на рисунков водных драконов, и лишь плавники на спине не походили на рыбы»³³⁶.

Впрочем, у Е Лун-ли в «Истории государства киданей» читаем также: «Тай-цзу выехал на охоту, которая продолжалась десять дней. Во время охоты над войлочной юртой Тай-цзу появился желтый дракон, которого Тай-цзу убил, выпустив одну за другой две стрелы. Убитый дракон упал перед Тай-цзу. Впоследствии наследник престола Дэ-гуан учредил в этом месте область Хуанлунфу»³³⁷.

Хотя остается неясным, какого же цвета был дракон, но его появление было воспринято как хорошее предзнаменование.

Что же касается останков драконов, то множество источников указывают на их наличие на территории Древнего Китая.

Дракон. Династия Тан (618—906 гг.).
Позолоченная бронза. Высота — 34 см;
длина — 28 см; ширина — 10 см; вес — 2,78 кг.
Обнаружен в 1975 г. в Цаочанпо, Сян,
пров. Шаньси. Ист. музей пров. Шаньси.
Источник: «Позолоченные драконы»

«Ли Ши-чжэнь приводит изображение костей — череп с рогами, несколько позвонков, лапу (отчасти мумифицированную). Судя по рисунку, это останки крупного древнего пресмыкающегося. Череп с рогами походит на череп травоядного динозавра, но зубы похожи на зубы хищника. Тут может иметь место ошибка художника, так как сам Ли Ши-чжэнь в тексте указывает: “Зубы несильные” (вероятно, следует понимать: “нехищные”).

Есть сведения и о высохших трупах, и о сброшенной коже дракона.

О костях дракона упоминается и в самом раннем памятнике, содержащем сведения о животных, — Шаньхай-цзинь.

На гравюре, иллюстрирующей одну из новелл Ляо Чжая, люди выкапывают из земли останки дракона.

Ли Ши-чжэнь уделяет костям дракона как лекарственному средству значительное место. Он с пре-

дельной точностью указывает места, где их можно найти: провинция Шань-си — берег реки Яньшуй, гора Тайшань (на обрывах и в пещерах на берегах реки), провинция Сычуань, а также Яньчжоу, Цанчжоу, Тайюань. В Сычуани, около запруд, можно найти позвоночник и череп с рогами и зубами. Кости самца дракона — массивные, покрытые “узорами”. Кости самки — тонкие, желтого цвета. Наилучшими считались “пятицветные” кости (“пятицветные” в старых китайских источниках являются синонимом слова “разноцветные”), худшими — черные»³³⁸.

Видимо, неспроста именно в провинции Шаньси обнаружено так много статуэток драконов.

Венецианский купец и путешественник Марко Поло, много лет проживший в резиденции китайского императора, в своей *«Книге о разнообразии мира»* описывает весьма причудливые вещи.

«Водятся в провинции Караджан [провинция Юньнань] большие ужи и превеликие змеи. Всякий, глядя на них, дивится, и препротивно на них смотреть. Вот они какие, толстые да жирные: иной поистине в длину десять шагов, а в обхват десять пядей; то самые большие. Спереди, у головы, у них две ноги, лапы нет, а есть только когти, как у сокола или как у льва. Голова превеликая, а глаза

Марко Поло пишет, что в провинции Караджан такие огромные ужи и змеи, что один их вид вызывает ужас.

Источник: Марко Поло. *«Книга о разнообразии мира»*

побольше булки. Пасть такая большая, сразу человека может проглотить. Зубы у них большие, и так они велики да крепки, нет ни человека, ни зверя, чтобы их не боялся. Бывают и поменьше, в восемь, в пять шагов и в один.

Ловят их вот как: днем, знаете, от великой жары они под землею, а ночью выходят кормиться и всякого зверя, что попадается, хватают. Пить идут к реке, к озеру или к источнику. Так они велики, тяжелы да толсты, и, когда ночью двигаются по песку кормиться или к пойлу, проводят по песку борозду, словно прокатали тут бочку с вином. Охотники, когда идут их ловить, на той самой дороге, по которой шел змей, ставят снаряда: втыкают в землю толстый да крепкий деревянный кол с железным наконечником, острым, как бритва или как острое копьё, а чтобы змей не заметил его, покрывают кол сверху песком на две пяди. И таких острых кольев наставят они несколько. Поползет змей по той дороге, где колья, и наткнется на них так, что острое всаживается ему в брюхо и разрезает его до пасти; змей тут же издыхает, так-то охотники ловят их»³³⁹.

Стоит также упомянуть некоторые весьма интересные китайские традиции.

Вот что рассказывает Г.В. Куликов: «Одним из самых интересных и ярких летних праздников в Китае был праздник, который проводился в честь состязаний на лодках-драконах в пятый день пятого месяца по лунному календарю на юге Китая. Традиции, связанные с этим праздником, уходят корнями в глубокую древность и имеют уже почти двухтысячелетнюю историю. Проводился этот праздник для того, чтобы вызвать обильные дожди и богатый урожай, а также для того, чтобы «очистить людей от вредных поветрий», «изгнать нечисть», «приветствовать богов и отводить недуги». Обычно строительство лодки, предназначенной для участия в празднике, представляло собой целое ритуальное действо с освящением лодки даосским или другими монахами. Интересно, что женщинам было запрещено появляться в том месте, где строили лодки, потому что считалось, что от женского взгляда лодки могут перевернуться. Непосредственно перед началом состязаний в воду бросали ветки персикового дерева и бамбуковые стволы, заполненные рисом и соевыми бобами. Делалось это для того, чтобы отогнать от лодок нечисть и злых духов»³⁴⁰.

«Вот как описывает эти соревнования очевидец, российский генеральный консул на Филиппинских островах Петр Добель, живший в Китае в тридцатых годах девятнадцатого века: «Пятый месяц именуется унг-юитъ и въ ономъ бываетъ праздникъ въ честь бога Чай-конгъ, истребившаго великаго дракона, называемаго Гокъ-юй, весьма подобнаго крокодилу, и пожравшаго множество людей. Герой, или богъ сей приготовилъ огромный рисовый шаръ для приманки чудовища, а внутрь шара положилъ острые куски железа. Чудовище, проглотивъ оный, издохло. Пятый день сего месяца празднуютъ на воде въ лодках, называемых лонг-чу, т.е. драконовы шлюбки. Каждый из ботовъ сихъ вмещаетъ отъ 40 до 80 человекъ и устроень такимъ образомъ, что только двое

могут сидеть рядом. Снаружи суда сии имеют вид змеи; нос и корма, возвышаясь на 4 или 6 футов над водой, красиво расписаны, вызолочены и разсвечены флагами. В центре находится огромный барабан, по звуку которого весла приводятся в движение. Главная забава состоит в том, чтобы перегонять друг друга на реке в сих судах.

Множество народа собирается на берегу и несчетное число шлюбок и ботов, наполненных зрителями, покрывает поверхность реки, — зрелище удивительное! Для иностранца праздник сей из всех прочих китайских забав есть самый занимательный: ибо здесь можно увидеть всякого рода и всех сословий мужчин и женщин, приезжающих в своих лодках на праздник. Китайским женщинам всех сословий только дважды в году дозволяется являться на публику: в сей день, да еще в праздник, случающийся в феврале, в садах Фанши, на правой стороне выше Кантона. Часто случается, что гребцы драконовых шлюбок, желая обогнать, круто поворачиваются и тотчас опрокидываются, но как почти все китайцы умеют хорошо плавать, то они скоро поднимают шлюбку и, отряхнувшись, продолжают плавание”.

Праздник лодок-драконов заканчивается в полнолуние обрядом проводов лодки, который также проводится очень красочно и при большом стечении народа»³⁴¹.

Нельзя обойти вниманием также столь известное боевое искусство, как у-шу, создателями и хранителями которого выступали шаолиньские монахи. Так, «монах Бай Юйфэн предложил обновить и усовершенствовать традиционные “звериньи” стили и способы ведения боя, получившие распространение почти во всех светских и монастырских школах. Отобранные из многих других, стили Тигра, Дракона, Леопарда (Барса), Змеи и Журавля должны были сосуществовать в рамках единого комплекса из 170 приемов шаолиньского у-шу.

В стиле Дракона, направленном на пробуждение и развитие жизненной энергии, и прежде всего на раскрепощение духа, сила как таковая не играет большой роли. Движения напоминают попеременно то взмахи крыльев, то удары лап дракона, атакующего в воздухе или обороняющегося на земле. В стиле Дракона боец принимает естественную высокую стойку, причем руки с раскрытой ладонью в исходном положении перед грудью на ширине плеч напоминают лапы динозавра. Отсюда и обилие романтических названий приемов в этом стиле, например “дракон спускается с небес” или “дракон виляет хвостом в солнечный день”.

Оборудованная в конце XVII в. галерея шаолиньского монастыря (легендарный “коридор смерти”) не представляла собой ничего сверхъестественного, если, конечно, не принимать во внимание ее специфическую функцию...

Так, монах, выдержавший все предварительные экзамены, вступал в галерею, не будучи защищен ничем, кроме приобретенных за годы учения навыков. Чтобы пройти по галерее, он должен был голыми руками отразить направленные в голову и грудь острия мечей или увернуться от них, что было

еще трудней — ведь неверный шаг приводил в действие новый манекен, а иногда сразу два или три. Пропущенный удар грозил смертью или тяжким увечьем. Далеко не всем удавалось пройти этот путь. Миновав манекены, монах приближался к овальной двери, ведущей во двор. Здесь выход преграждало последнее препятствие — железная урна весом около 200 килограммов с раскаленными углями внутри. Урну следовало отодвинуть, нажав предплечьями, после чего на руках оставались выжженные изображения дракона и тигра — клеймо, а заодно и диплом Шаолиня»³⁴².

В Китае жил человек, любивший драконов и поэтому украсивший свою одежду и мебель изображениями этих существ. Это привлекло внимание драконьего бога, и вот однажды перед окном этого человека появился настоящий дракон. Говорят, он тут же умер от страха. Он был одним из тех, кто смел не на деле, а на словах.

*Ямамото Цунэтомо Хагакурэ.
«Сокрытое в листе. Книга самурая»*

Во всех частях Китая имеются сведения о сокрытых от людей местах обитания драконов, об их ужасном появлении. Их изображения можно увидеть и в домах и в храмах.

Свирепые золотые драконы охраняют вход в Запретный Город, где расположен Императорский дворец, в центре Бейджина. Просто уже давно люди во всем мире называют столицу Китая так, как ее называют сами китайцы: Бейджин, и только японцы и русские помнят его древнее название — Пекин.

Построенный между 1407 и 1421 г., Запретный Город был центром китайской имперской мощи в течение более 500 лет. Сегодня он открыт публике как Дворцовый музей, который содержит великолепную коллекцию китайского искусства.

«В эпоху империи Хань (II в. до н.э. — II в. н.э.) в сохранившемся пятичастном разбиении небесной сферы мы видим в центре так называемый Пурпурный Дворец (Запретный Дворец) — обиталище Небесного владыки, небесного императора, а сам Центральный Дворец Неба живописуется так же, как и земной дворец властителя Поднебесной — императора Древнего Китая.

Это позволяло любому претенденту из правящей династии, вступая на престол, присваивать себе пышный титул «Сына Неба», использующего волю Неба на Земле и вступающего в прямой контакт со своим небесным коллегой и покровителем, фактически второй своей ипостасью, что резко повышало сакральный авторитет имперской власти»³⁴³.

Строго говоря, ситуация была такова (хоть и не предавалась огласке): не дракон был особой, приближенной к императору, напротив, император был особой, приближенной к дракону.

Весьма популярное у туристов место в Пекине, стена Девяти Драконов, что в Байхай парке. И по прошествии сотен лет цвета керамических плиток не изменились. Стена была построена в 1756 г. Ее длина 21 м и высота 15 м, толщина 1,2 м. Стена сложена из 424 керамических секций семи цветов. В центре стены — гигантский дракон, окруженный четырьмя драконами с каждой стороны. Рядом с этими девятью большими драконами по краю стены размещено множество маленьких драконов. Всего их 635

Император Кан Си за столом.
Пекинский музей, Китай

Золотая печать императора Вэньди.
Высота — 3,1 см; длина, ширина — 1,8 см.
Золото, гравировка. Гуанчжоу, Музей
гробницы правителя Наньюэ. Провинция
Гуандун. Верхняя часть печати выполнена
в виде дракона, свернувшегося кольцом.
Эпоха Хань, III в. до н.э. — III в. н.э.

никами, составленными из сыновей и братьев императора, одетых в желтые атласные одежды, вооруженных луками и саблями. Немедленно перед императором вынесли зонтик из желтого атласа с тремя рядами бахромы и с вышитым золотыми нитями изображением дракона. Сотня мужчин "в виде

Со времен вступления на престол императора Као Цу династии Хань, 206 г. до н.э., символом императорской власти был дракон с пятью когтями. На императорском троне, его одежде, предметах домашнего обихода и т.д. изображен дракон. Эту эмблему также должны были использовать его сыновья и принцы первого и второго ранга. Принцам третьего и четвертого ранга было разрешено использование изображений дракона с четырьмя когтями, в то время как принцам пятого ранга и некоторым официальным лицам позволялось использовать в качестве эмблемы изображение змееподобного животного с пятью когтями. Далее следует описание дворцовой церемонии в том виде, в котором она выполнялась в начале XVII столетия. Это послужит иллюстрацией исчезнувшего великолепия прошлого.

«В тот момент, когда император Китая занял свое место на троне дракона, слуги со знаменами, хоругвями и атласными зонтами расположились по его правую и левую руки, и оркестр заиграл в огромном зале, ориентированном на северо-восток. По правую сторону императорского трона стояли военачальники, а по левую — гражданские официальные лица. По данному сигналу все одновременно склонили головы девять раз. Император вышел из дворца следующим образом: он сидел на кедровом кресле, покрытом желтым атласом с тремя рядами бахромы, двенадцатью знаменами и двенадцатью хоругвями. Впереди стояли двенадцать человек с зачехленными копьями, десять, ведущих лошадей под седлами и в полной сбруе, а еще впереди двенадцать лошадей со всад-

Трон с изображением драконов.
XVII—XIX вв. Красный лак, резьба.
Шанхай, Городской музей. Спинка
трона украшена изображениями
драконов, окружающих
пламенеющую жемчужину.
Эпоха Цин, XVII — начало XX в.
(1644—1911 гг.)

377

женщин” (евнухов) окружала императорское кресло. Группа музыкантов, исполняющих музыку в момент входа или выхода императора из дворца, состояла из шести трубачей, двух барабанщиков, скрипача, двух музыкантов с лирой и арфой»³⁴⁴.

Считается, что легендарный правитель Китая Фу-си ввел чины и ранги для чиновников и каждому из классов назначил особого драконьего покровителя. Так, парадные халаты чиновников высшего, седьмого, ранга украшал вышитый золотыми нитками дракон лун, у которого на лапах было по пять когтей. Одеядию менее высокопоставленных лиц приличествовал дракон ман, обладавший всего четырьмя когтями. И так далее.

Вот уже близится торжество —

день рождения.

Все наденут цветные одежды —

примета этого времени.

Нужно халаты драконами увить —

чтоб обычай древний возродить.

И весны приметы не забудь,

и ветвь сосны зеленой изогнуть.

Неизвестный автор

«Из китайской дворцовой поэзии эпохи Цин»

Перевод с китайского О. Степановой³⁴⁵

378

Одному буддийскому монаху настоятель велел изобразить дракона для украшения храма. «Да как же я смогу это сделать, если я никогда не видел драконов?» — спросил монах, но наказ есть наказ, и он взялся за рисунок. Только вместо того чтобы рисовать, все время повторял: «Как же я смогу нарисовать дракона, не видя его».

И вот через несколько дней на окно его комнаты сел дракон и сказал: «Вот он я, рисуй». Но бедный монах так испугался, что упал в обморок, а когда очнулся, дракона уже не было, и как он выглядел монах тоже не запомнил. Так он и не смог выполнить наказ настоятеля. Если мы не видим чего-то сердцем, то даже если встретим это в жизни, не сможем увидеть и запомнить.

ТИБЕТСКИЕ ДРАКОНЫ

Сведения о драконах в Тибете почерпнуты из рассказов путешественников, побывавших в этой загадочной стране.

«В Тибете рассказывают много сказок и историй о драконах. Одна из таких об охотнике, провалившемся в пещеру дракона и не сумевшем выбраться оттуда. Внутри пещеры все было освещено светом, идущим от дракона. Чтобы не умереть от жажды, человек стал тоже слизывать росу с жемчужины, зажатой в драконьих лапах. Он обнаружил, что роса очень питательна и делает его счастливым и здоровым. Когда пришла весна, дракон проснулся и стал взлетать из пещеры, а охотник ухватился за его хвост. Итак, дракон воспарил, и когда он вылетел из пещеры на поверхность, охотник отпустил хвост. Таким образом он спасся.

Очень известный случай произошел в присутствии тысяч людей. Это был знаменитый полет дракона в небеса с холма перед монастырем Нубчен в Гонджо, Кхам. Это произошло во время посещения восьмым Дорзонгом Ринпоче этого места для «интронизации» одного Ринпоче и благословения реконструированного алтаря, разрушенного во время Культурной революции.

Церемония проходила внутри храма 16 июня 1993 года. Но большинство людей не помещалось внутри и разместилось снаружи. Вдруг кто-то увидел дракона, стремительно взлетающего в небеса с вершины холма. Как принято в Тибете, и особенно среди жителей Гонджо в радостные моменты, все закричали: «Кьи... Аха Дже Ло... Кьи... Аха Дже Ло...» Это старинный клич, означающий: «Будьте счастливы! Да будут боги победоносны!»

Свиристый дракон — одно из характерных украшений храмов Тибета, Джокханг.

Источник: сайт www.buddhist.ru

Когда крики достигли храма, сидящие внутри подумали, что те, кто снаружи, “пьяны от счастья” и таким образом выражают радость. Так и сказали Дорзонгу Ринпоче. В этот момент в храм вбежали и сказали, что дракон поднимается прямо в небеса с холма, расположенного рядом с монастырем. Тибетцы верят, что, если загадать желание, когда видишь взлетающего дракона, — обязательно сбудется. Обычно они молятся о мире и счастье всех живых существ, скандируя: “Сем че там че ла га мо сид мо йонгю”.

Кончок Таши, фотограф Дорзонга Ринпоче, вышел посмотреть на это странное явление и увидел дракона, перелетающего с одной вершины на другую, виляя хвостом. Он ринулся в комнату лам, чтобы взять фотоаппарат и сфотографировать это. Но когда он вернулся, дракон уже почти целиком скрылся в облаках. И только часть хвоста была видна³⁴⁶.

ВЬЕТНАМСКИЕ ДРАКОНЫ

Дракон является широко используемым и многозначительным символом в истории вьетнамского искусства.

Его истоки берут свое начало из доисторического времени. Считалось, что вьетнамцы — потомки драконов.

По представлениям древних вьетнамцев, их предком являлся легендарный Правитель — дракон Лак (Лак Лаунг-Куан).

380

Лак Лаунг Куан («государь дракон Лак»), во вьетнамских мифах первопредок и культурный герой. Его происхождение возводилось в позднее время к китайскому богу земледелия Шэнь-нуну и царю драконов. Компонент «лак» в имени связан, очевидно, с этнонимом древних вьетов — лаквьеты. Лак Лаунг Куан обучил народ возделывать рис и разводить шелковичных червей, а также явился основоположником государственных установлений. Цикл мифов о Лак Лаунг Куане носит историзованный характер: в одном из них борьба против китайского завоевания осмысливается как война Лак Лаунг Куана с чужеземцами за красавицу-фею Эу Ко. Лак Лаунг Куан борется с врагами, превратившись во множество чудовищ, духов, драконов, змей, тигров и слонов, что, очевидно, связано с представлениями о духах — покровителях вьетов в шаманизме. Эу Ко в браке с Лак Лаунг Куаном породила мешок, он лопнул, и в нем оказалось сто яиц, из каждого яйца вышло по сыну. Пятьдесят сыновей ушли с Лак Лаунг Куаном к морю, пятьдесят с Эу Ко в горы. Один из них, став государем Хунгом, наследовал Лак Лаунг Куану и правил государством Ванланг.

С древнейших времен цивилизации Донг до современных времен династии Нгуен изображения драконов встречаются в виде многочисленных скульптур и живописи, в архитектуре королевского дворца и религиозных зданий.

Образ дракона не изменялся на протяжении веков, но тем не менее этот мотив развивался через многие формы, и каждая форма отражала культуру эпохи и убеждения населения и общества в то время.

Период Донг Сон (400 г. до н.э. — 200 г. н.э.). «Джао Лонг» — разновидность рептилеподобного дракона, чье изображение можно увидеть выгравированным на оружии и на бронзовой урне Дао-Шин-Ен-Бай.

Период Дай Ла (VIII—X столетия н.э.). Вьетнам находился под китайской колонизацией с I по X столетие, и это оказало глубокое влияние на вьетнамское искусство. В результате Дракон Дай Ла получил сильное сходство со своим китайским собратом, и его изображения встречаются в декоративном искусстве в Ко Лоа.

Династия Ли (X—XI столетия). Правлением династии Ли отмечена первая эра независимости Вьетнама от китайской колонизации. Во время господства этой династии вьетнамское искусство достигло пика своего расцвета. Дракон времен династии Ли имел отчетливые признаки водной змеи, он являл собой символическое представление бога дождя и реки времени. Исключительные особенности дракона династии Ли, которые отличают его от китайского собрата: тонкое и длинное, извилистое тело змеи, небольшая

голова с длинными бакенбардами и гривой, тонкие ноги с небольшими когтями. К примеру, дракон Ли найден вырезанным на камне в башне Чунг Сон (провинция Нам Ха).

Династия Тран (XIII—XIV столетия). Дракон династии Ли передал многие признаки дракону-символу династии Тран, такие как, например, длинное и небольшое тело и похожая голова. Изображение дракона вырезано на внешней стороне двери храма Пхо Мин (Нам Дин). Это свидетельствует о том, что искусство династии Ли оставалось все еще очень влиятельным на протяжении нескольких веков.

Династия Поздая Ле (XVI—XVII столетия). Китайское культурное влияние значительно усилилось тогда, когда последующие правители династии Ле приняли конфуцианство, буддизм и даосизм в качестве национальных религий. Дракон Поздней Ле стал считаться символом императора и его авторитарной мощи, также как это было заведено в Китае.

Изображение дракона широко использовалось как декоративный элемент в императорских могилах и религиозных храмах. Дракон династии Ле перенял многие признаки китайского дракона, такие как, например, угрожающий взгляд, большое тело и голова, крупная прочная чешуя, большие и мускулистые ноги с длинными и острыми когтями, густая грива вдоль тела от головы до хвоста.

Династия Нгуен (XVIII—XX столетия). Дракон во время правления династии Нгуен — это один из Ту-Лунг, один из четырех главных мистических существ Китая: дракона, тигра, черепахи, и феникса. Эти мистические существа встречаются на многочисленных картинах, скульптурах и объектах искусства, а также в архитектуре — в дизайне королевских дворцов и могил в Хюэ.

Туонглаунг, в мифах народа тхай Вьетнама — божество воды. Оно имеет образ змеи или дракона, обитающего в самых глубоких местах водоемов.

Ханой — столица Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). Поселение на месте современного города известно с III в. Город основан, по-видимому, в V в. (по другим данным — в VIII в.). В IX—XI вв. назывался Дайла, в XI в. — 1833 г. — Тханглаунг (Город парящего дракона), или Донгкинх (Восточная столица)»³⁴⁷.

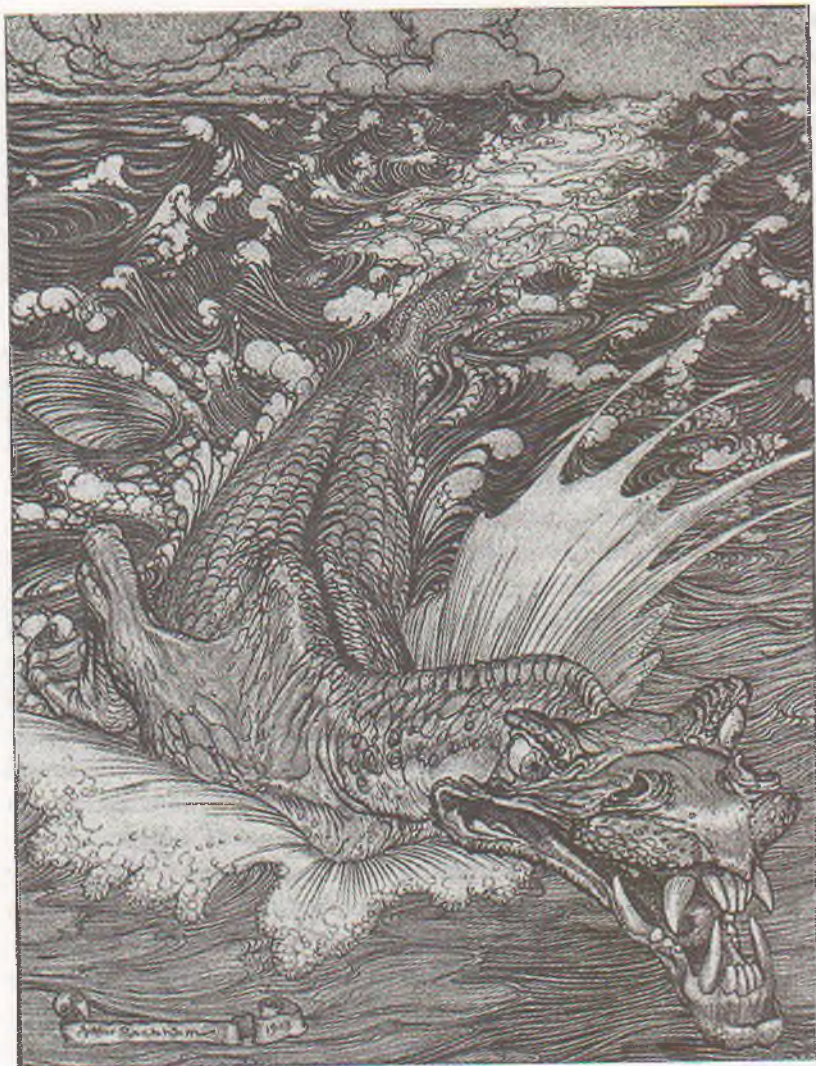
«Изумительная природа Северного Вьетнама притягивает путешественников всего мира. Здесь находится бухта Халонг (ее название переводится с вьетнамского как “снисходящий дракон”), в которой укрылось больше 3 тыс. островов, взмывающих вертикально вверх из изумрудных вод Тонкинского залива.

Согласно легенде, острова бухты Халонг были созданы живущим в горах великим драконом. В одной книге о Вьетнаме рассказывается: “Ударами хвоста мчащийся к побережью [дракон] высекал впадины и расселины, а когда низринулся в море, то впадины заполнились водой, оставив над поверхностью лишь небольшие клочки суши”»³⁴⁸.

Как утверждают рыбаки, в водах залива и поныне живет дракон — вьетнамская разновидность Лохнесского чудовища.

Впрочем, кто поверит вьетнамским рыбакам? Но проигнорировать наблюдения, сделанные офицерами и моряками французского флота, не так просто.

Морской змей.
Иллюстрация
1908 г.

Приведем фрагмент из книги Н.Н. Непомнящего «По следам морского змея. Энциклопедия загадочного и неизвестного».

«12 февраля 1904 года настал черед лейтенанта Перона, командира “Шато-Рено”, встретиться с морским змеем в бухте Алонг [Халонг], чье название в переводе с вьетнамского “Бухта Дракона” наконец стало очевидным для французского флота. Ранним утром этого дня лейтенант отправился на моторной лодке изучать западную часть рейда Крапо. Лодку сопровождал старый рыбац-туземец, который очень точно указывал расположение подводных скал. И как же был удивлен наш капитан, расслышав, как кричит с носа лодки матрос: “Скала впереди справа!” Но предоставим слово ему самому:

“Я поднялся и приказал тормозить, а затем увидел, не очень далеко впереди, сероватую массу в форме черепашной спины, чьи размеры мы оценили метра в 4; почти сразу она исчезла. Я предположил, что мы имеем дело с каша-

лотом. Лодка продолжила ход, мы придвинулись к тому месту, где масса появлялась из воды, и я обнаружил на воде маслянистое пятно.

Я приказал снова застопорить мотор и верно сделал: немного позже мы услышали клокотание воды к востоку от нас и увидели почти у самого берега, который был от нас совсем недалеко (немного к югу от скалы Сретенья), два огромных кольца, которые, как я предположил, принадлежали чудовищному утрю диаметром по меньшей мере 1 метр. Затем, к своему большому удивлению, я обнаружил, что кожа этого зверя и скала на берегу были одного цвета: темно-серого с пятнами грязно-желтого. С расстояния, на котором я был, кожа показалась мне единообразной, без неровностей. Но все длилось недолго, и два кольца исчезли, произведя уже слышанный нами шум.

Мы снова принялись глядеть по сторонам: не было ни малейшего дуновения ветерка, и поверхность воды застыла; наконец нам удалось разглядеть рябь довольно далеко по направлению к Крапо. Видимость была не самая лучшая, но мы разглядели некое возвышение. Однако у меня создалось впечатление, что животное передвигалось почти в уровень с водой вертикальными извивами”.

Офицер приказал развернуть моторку и попытался догнать животное, но все было напрасно, так как его скорость намного превышала скорость лодки и была, вероятно, около 9 узлов.

Заметив также, что “время от времени из его головы вырывалась струя воды”, лейтенант Перон добавляет:

“Во время погони я снова несколько раз видел пятна масла как раз на следе зверя. По его извивам я оцениваю общую длину в 20 метров”.

Лейтенант Перон прибавил, что он, может быть, и забыл бы про эту встречу, если бы через четырнадцать дней не узнал, что лейтенант А'Уосст, командир канонерки “Ла Десиде”, совсем недавно наблюдал похожее животное при выходе из бухты Алонг. Этот офицер даже составил чрезвычайно детальный рапорт контрадмиралу Жонкьеру, командующему 2-м дивизионом дальневосточной эскадры, который, судя по всему, с абсолютной точностью передавал суть дела. Ведь, в конце концов, какой военный станет рисковать навсегда потерять уважение к себе, привирая или просто искажая факты в сообщении о происшествии, свидетелями которого были также и его собственные подчиненные?

“Адмирал, после полудня 25 февраля прошлого года, следуя заданным курсом к выходу из залива Алонг, “Ла Десиде” встретил поблизости от скалы “Орех” странное животное, которое, судя по всему, относилось к тому же виду, что и те, которых наблюдал у тех же берегов в 1897 и 1898 годах лейтенант Лагрессиль с борта “Лавины”, чьи наблюдения были опубликованы в “Бюллетене Зоологического общества Франции” (в 1902 г.) и с которым я познакомился только после своей встречи.

Вот что пишет капитан Лагрессиль:

“В июле прошлого (1897) года с “Лавины” впервые заметили в море в заливе Алонг двух животных странной формы и огромных размеров; их длина до-

стигала 20 метров, а диаметр был от 2 до 3 метров. Особенностью этих животных было то, что их туловище совсем не обладало твердостью известных китообразных, но постоянно извивалось волнообразно, как змеиное, но только вертикально. Была заряжена пушка, и с 600 метров произвели выстрел. Тут же чудовища нырнули, шумно засвистев, а на поверхности пошли бурунчики, как при приливе. Больше они не появились, но, кажется, удалось разглядеть голову одного, которая, видимо, была небольших размеров.

15 февраля этого года (1898) при пересечении бухты Файшилонг я снова заметил похожих зверей. Я тут же решил начать на них охоту и приказал зарядить орудия. Мы выстрелили в одного несколько раз с расстояния от 300 до 400 метров, и по крайней мере два снаряда достигли цели, но, кажется, не причинили ему ни малейшего вреда — снаряды взрывались на поверхности тела. Я также пытался догнать их, но их скорость была гораздо больше, чем у "Лавины". Конечно, каждый раз, когда животное утыкалось в мель, оно разворачивалось, что позволяло его догнать и оценить размеры на взгляд. Оно часто выныривало, и всегда при этом можно было наблюдать волнообразные движения тела. Каждое выныривание предвлялось фонтаном воды, или, скорее, распылением воды, производимым шумным выдохом, в противоположность обычным китам, которые всасывают воду и выбрасывают ее на большую высоту.

Окрас животного был серым со множеством черных пятен. Его было легко отслеживать из-за этого дыхания, которое образовывало на поверхности моря, тогда совершенно спокойного, круги диаметром 4—5 метров. Однажды, мне кажется, почти удалось его загнать. Охота длилась без успеха в течение полутора часов и была оставлена из-за наступления ночи".

Сначала я видел спину животного примерно в 300 метрах впереди по правому борту в форме черноватой округлой массы, которую я по очереди принимал сначала за скалу, а потом, увидев, что она движется, за огромную черепаху диаметром 4—5 метров. Немного позже я увидел, как эта масса удлиняется, и постепенно, серией вертикальных волнообразных извивов, выныривают все части тела животного, которое имело вид уплощенной змеи, общую длину которой я оцениваю в 30 метров, а ширину в 4 или 5 метров.

Животное нырнуло, и я прекратил наблюдать, мое внимание было отвлечено маневром нашего судна.

Наблюдения, которые я даю далее, собраны из показаний разных людей из офицерского состава и команды.

Животное появилось во второй раз примерно в 150 метрах и даже поднырнуло под судно, проплыв под задним трапом. В это второе появление сначала была видна лишь его спина. Его тело было полукруглое в поперечнике и ничем не напоминало тело китообразных (доктор Лоуитц). Его кожа была черной, с редкими желто-мраморными пятнами (рулевой Суриман); по словам помощника старшины рулевых Легуэна, кожа была темно-желтой и совершенно гладкой.

Спина тут же исчезла, оставив широкий кильватер, и теперь лишь голова вынырнула около трапа.

Вот наблюдения старшины механиков Пино, который находился в том месте. (Все его товарищи, бывшие там, подтверждают его слова по всем пунктам.) Услышав шум голосов со сходен, он посмотрел наружу и увидел большие борозды на море, какие бывают, когда вода перехлестывает через скалу на одном уровне или которые производит подлодка при погружении. Он обернулся, чтобы позвать своих товарищей, и все прибежали поглядеть.

Голова и шея уже выступали над водой примерно на 40 метров. Эта голова была цвета скал в заливе (сероватые, они бывают еще с примесью белого и желтого). Она напомнила черепашую; кожа казалась шероховатой, и эта шероховатость представляла скорее чешую, чем волосы.

Диаметр, который указывают свидетели для самой широкой части головы, варьируется от 40 до 80 сантиметров; этот диаметр слегка превышал окружность шеи.

От головы вылетели две струи распыленной воды. Остальная часть туловища появилась на уровне воды. Оно двигалось волнообразно в горизонтальном плане. Животное перемещалось со скоростью, оцененной в восемь узлов (15 км/ч).

Оказавшись вблизи борта, голова погрузилась в воду, и мы увидели, что вдоль тела, которое едва выступало, прошла серия извивов в вертикальном направлении.

Животное возникло опять у правого борта судна. Там находились артиллерист Лекубле и помощник марсового Ле Галл.

Туловище перемещалось вертикальными изгибами. Одновременно были ясно различимы пять или шесть волновых движений по телу. Его длина, по словам этих двоих свидетелей, превышала 10 метров. Они описывают голову как более широкую сзади, чем спереди, и более удлиненную, чем у тюленя.

Деталей головы никто не мог разглядеть.

Когда адмирал Жонкьер получил отчет и понял, что это таинственное животное совсем недавно видел лейтенант Перон, то он приказал тотчас же послать за его показаниями и показаниями его команды.

Стоит добавить, что и другие подразделения французского флота тоже встречали дракона бухты Алонг. В конце декабря 1908 года несколько членов экипажа линкора "Гвидон" видели его в первый раз. Но когда судно (которое находилось под командой капитана Гудо и помощника капитана Фату, будущего адмирала) вернулось в бухту Алонг в марте 1904-го, то уже сотни людей на борту смогли созерцать чудовище.

И стоит ли удивляться, как написал однажды капитан фрегата Э. Плесси, что "в штабе морской дивизии в Индокитае все офицеры верят в его существование!".

Некоторое время животное продолжали видеть в заливе Алонг, на этот раз с мачт старого линкора "Вобан", которым командовали вице-адмирал Бонниньера де Бомонт и капитан Буте. В то время некто Жан-Батист А. был артиллеристом на борту "Вобана" и 11 июля 1898 года стоял на вахте у выхода на трап правого борта:

“Я глядел на море под трапом, и мое внимание привлекло одно странное животное, которое проплыло примерно в 3 метрах от основания лестницы, извиваясь совершенно как змея.

Это животное достигало метров 10—12 в длину и казалось в 40—50 сантиметров толщины в середине туловища. На нем были чешуйки размерами с черепашки; шея была гораздо тоньше тела, а голова — пропорциональна туловищу, как у змеи; хвост заострялся на конце. Глаза, кажется, располагались несколько ниже на голове, чем у обычных змей; две хорошо различимые дыры обозначались немного ближе к задней части морды. Окраска животного, вероятно, была серо-зеленоватая, но этот цвет, без сомнения, создавался под влиянием окраски морской воды и неба. Животное находилось на глубине 1,5—2 метра”.

Впервые речь идет о чешуе на спине у драконов, но ведь и впервые одного из них видят на столь близком расстоянии!

Подводим итог: животные, виденные с “Лавины”, неизвестны науке. Их длина примерно 20 метров (по меньшей мере), окрас серый и черный, голова напоминает тюленю, а туловище способно на очень ярко выраженные волнообразные движения; наконец, их спина покрыта подобием зубчиков пилы, что придает им большое сходство с известными китообразными; как и эти последние, они выдают свое присутствие шумным дыханием, но не выбрасывают фонтаны воды при выдохе, как китообразные; скорее, при их судорожном дыхании вода испаряется и потом сбрасывается не фонтаном или струей, а дождем. Безусловно, именно эти животные, известные аннамита³⁴⁹, которые их очень боятся, были прототипом дракона, который, модифицированный и дополненный легендами, если так можно сказать, “геральдизировался” и стал национальной эмблемой³⁵⁰.

КОРЕЙСКИЕ ДРАКОНЫ

«Всемирная история» утверждает, что «истоки корейской литературы восходят к древнекорейскому фольклору начала нашей эры. До конца XIX в. она была двуязычной и создавалась как на официальном литературном языке ханмуне — корейзированной форме китайского литературного языка вэньяня, так и на корейском языке. Первым произведением на корейском алфавите была “Ода дракону, летящему в небеса” (1445)»³⁵¹.

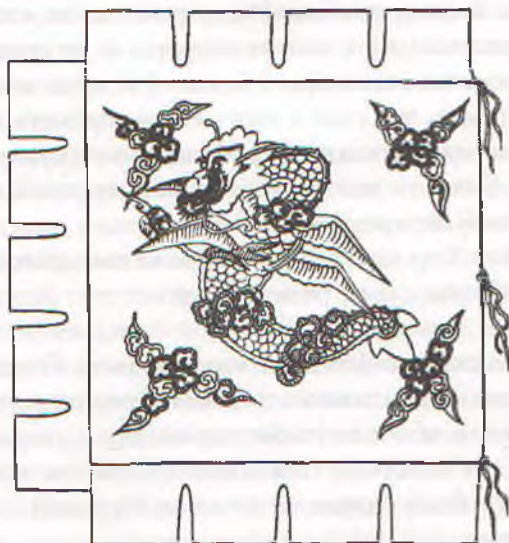
Ёнван, Ёнсин (древнекорейское мири), в корейской мифологии царь драконов, живший в подводном дворце; хозяин водной стихии, главный из муальквизинов³⁵².

Генетически связанный с Лун-ваном, Ёнван обитает не только в глубоких морях, но в реках и прудах. Цари драконов четырех морей (восточного, западного, южного и северного) вместе с женами (енпуин), дочерьми (енгун-агисси), воеводами (енчангун) и сановниками (енгун-тэгам и енгун-тэсин) составляют собственный пантеон духов вод. Возглавляют подводные царства Ёнваны пяти цветов: зеленый дракон (Чхоннен) — страж Востока (Весны), красный (Чоннен) и желтый (Хваннен) — стражи Юга (Лета и Конца Лета), белый (Пэннен) — страж Запада (Осени) и черный (Хыннен) — страж Севера (Зимы). Колесница, запряженная пятицветными драконами, — средство передвижения небожителей. Дракон свободно передвигается и в воде и в небе. Считалось, что, если дракон взлетает на небо, происходит смена династий. В подводном царстве Ёнвана находят приют Солнце и Луна.

Ёнван мог приглашать в свой подводный дворец даже людей. Детеныши Ёнвана могли превращаться в людей и жить в земном мире, общаясь с подводным царством. По народным поверьям, в Ёнвана превращаются большие змеи (Имути) после долгого лежания в воде; найдя драгоценную жемчужину (Ёй поджу. Мани поджу), они взлетают на небо. Государь после смерти мог в образе Ёнвана выступать духом — защитником страны. Считалось, что явление дракона во сне будто бы приносит человеку счастье.

Култ Ёнвана был известен у древнекорейских племен с периода Трех государств (I в. до н.э. — VII в. н.э.) Дракон, видимо под влиянием южной океанической культуры, был тотемом древнекорейских племен. Мать одного из основателей государства, Силла, родилась из левого ребра петушиного дракона (керен); мать правителя Пэкче У-вана (VII в.) забеременела от дракона; дух

Крылатый дракон на корейском военном флаге.
Конец XIX в. Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии.
Источник: А.Р. Концевич. Энциклопедия «Мифы народов мира»

Покровитель Востока в корейской мифологии: Зеленый дракон, именуемый Чхон-нён.
Фрагмент настенной живописи в когурёкской гробнице Тэмё VI в уезде Кансо
(провинция Пхёнан-Намдо, КНДР).

А.Р. Концевич. Энциклопедия «Мифы народов мира»

Чхоена был сыном дракона восточного моря и т.д. Ёнван повелевал тучами и осадками. 15 числа 6-й луны, в день омовения головы и расчесывания волос (Юдуналь), в старину в Корее устраивалось моление с жертвоприношениями Ёнвану о ниспослании дождя и урожайном годе.

В ряде мест Кореи существовало гадание, называемое “драконова вспышка” (ёный паткари). Во время зимнего солнцестояния водоемы покрывались льдом, но подтаявший на солнце лед выглядел как вспаханный сохой. Местные жители считали, что это проделки Ёнвана. Если льдины выстраивались с юга на север, то год обещал быть урожайным; если с запада на восток, то неурожайным; если льдины расходились в разные стороны — то средним.

В корейском народном календаре 5-й день 1-й луны называют «днем дракона» (ённаль); считалось, что если в этот день зачерпнуть воды из колодца, в котором дракон накануне откладывает яйцо, то в течение всего года в доме будет благополучно. Ёнван — распространенный персонаж в корейском фольклоре и средневековой литературе.

В период Корё (нач. X — кон. XIV в.) изображение дракона становится преимущественно атрибутом сана правителя.

Куроньи, в корейской мифологии большая змея. Считалось, что присутствие Куроньи в доме — счастливое предзнаменование: она приносит богатство и долголетие дому, ибо в ее голове зарождается сверкающий драгоценный камень, благодаря которому она живет свыше тысячи лет. У древнекорейских племен змея была одним из тотемов. Куроньи — также персонаж шаманской мифологии.

Канчхори, в корейской мифологии злой дракон, появление которого несет с собой засуху, губящую всю растительность. Существует народное учение: "Куда ни придет Канчхори, там сытая осень становится голодной весной"³⁵³.

ЯПОНСКИЕ ДРАКОНЫ

Восточный дракон не является ужасным монстром, плодом средневекового воображения. На Востоке он является гением и символом силы и доброты. Дракон — это дух изменения, а поэтому дух самой жизни... Он скрывается в пещерах неприступных гор или погружается в недоступные глубины моря, ожидая там времени пробуждения и действия. Он раскрывается в грозowych тучах, он умывается своей гривой во мраке бурлящих водоворотов. Его когти в изгибах молний; его чешуя начнет искриться в коре сосновых деревьев. Его голос слышится в урагане, который катится по ослабевшему лесу, пробуждая его к новой весне.

Okakura. «The awakening of Japan»

«Татс-маки — ужас добрых людей, — писал в середине прошлого века из Японии Эме Гюмбер, швейцарский дипломат. — Это огромный дракон, большей частью скрывающийся в пещерах на дне морском; но иногда он поднимается на поверхность моря и вдруг взлетает в небо; смятение, которое он при этом производит в воздухе, причиняет губительное явление, известное под именем тифона, или смерча».

«Восемь лет подряд дракон Ямата-но ороти наводил ужас на страну Идзумо, что на юго-западе острова Хонсю в Японии, в верховьях реки Хи. А особенно мучил он одну семью, ежегодно отбирая и пожирая у старика и старухи по дочери. Сопротивляться ему не могли, уж больно дракон был страшен.

В древней японской рукописи "Нихонги" имя дракона обозначено идеограммами, которые переводятся как "змей-страшилище, восьмихвостый, восьмиглавый". А сам Ямата-но ороти описан так: "Его глаза подобны ягодам вишни, он имеет тело с восемью головами и восемью хвостами, на нем растут мох и деревья. Тело дракона покрывает собою восемь долин и восемь холмов, а брюхо его кроваво и охвачено пламенем".

И вот, когда последняя, восьмая, дочь стариков должна была отправиться на съедение чудовищу, спустившийся с небес божественный герой Суса-

ноо-но микото взялся помочь несчастному семейству и всем жителям Идзумо. Он приказал сварить побольше сакэ, японской водки, и разлил напиток в восемь больших бочек. Бочки он поставил на возвышения, каждое окружив оградой; в каждой ограде было по одному проему — для каждой из драконьих голов. Ямата-но ороты, учуяв влекущий запах, приполз и начал пить из восьми бочек сразу. Осушив их до дна, он опьянел и уснул, и тогда хитроумный герой бесстрашно подошел к дракону и разрубил его на мелкие части. Так спасенная девушка досталась не дракону, а герою Сусаноо. Мало того, в среднем хвосте чудовища Сусаноо нашел чудесный меч Кусанаги, позднее ставший в Японии одним из священных символов императорской власти»³⁵⁴.

В книге Отакэ Рисукэ «Учение школы Тэнсин Сёдэн Каттори Синто-рю» есть отдельная глава «Японский народ и японский меч», в которой читаем: «Изображениями дракона нередко украшались японские мечи и ножны. Когда воин вступал в битву, он рисковал жизнью. И ничто не давало ему большей уверенности, чем стать под защиту того или иного божества, в которого воин верил больше всего. Поэтому вполне естественно, что воины покрывали свои мечи изображениями могущественных богов. Оружейники тоже, как правило, разделяли те же религиозные чувства, что и самураи, и потому молились, чтобы тот меч, который они выковали и в который вложили все свое сердце и всю свою душу, обеспечил безопасность и успех в бою для своего владельца.

Например, существует меч, который считается национальным достоянием и, как говорят, принадлежавший Дайнанко (Кусуноки Масасигэ, умер в 1336 г.). Он называется Бидзэн-но куни Осафунэ-дзю кагэмицу, или Корю кагэмицу. На его клинке имеются рельефные гравировки — с одной стороны изображен дракон курикара, а с другой — санскритские знаки.

Курикара представляет собой дракона, обвивающего меч, и состоит из главных божеств буддизма секты Сингон Дайнити Нерай (Махавайрочана), Фудомео и морского дракона Курикара-рю-о, которые едины телом и духом и оплетают меч справедливости злобными ликами. Санскритский текст с другой стороны читается как «канман».

Основатель Айкидо Морихэй [Уэсиба] полностью отождествил себя со своим покровителем Царем-Драконом Амэ-но-муракумо-куки-самухара Рю-о.

Амэ-но-муракумо буквально можно перевести как «вздымающиеся облака небес». Аллегорически эта фраза означает сознание Космоса — безбрежный, сверкающий интеллект, который течет сквозь нас и вокруг нас. Выражаясь современным языком, это «высшее сознание».

Как считают адепты Айкидо, Рю-о, Царь-Дракон — это «божество, спускающееся на землю» в случае большой необходимости. Это нечто такое, что они могут увидеть, услышать и потрогать как реальный предмет. Кроме того,

Гарда для меча Dragon.
Япония, XVI—XVII вв. Железо.
Фото с сайта
www.cicadaasianart.com.jpg

391

это символ свободного странствования по всем измерениям. Амэ-но-муракумо-куки-самухара Рю-о явился под видом седовласого мудреца, который посредством техник и устных наставлений передал своим ученикам осязаемое сокровище. Даже не присутствуя больше физически, Амэ-но-муракумо-куки-самухара Рю-о продолжает присматривать за своими учениками как ангел-хранитель Айкидо»³⁵⁵.

Японцы, как китайцы и корейцы, верили в духов-хранителей, защищающих стороны света. Поэтому в устройстве лагерей и постройке городов японцы руководствовались теорией о пяти первоэлементах.

Если на севере есть высокая гора, ее охраняет Черепаха-Змея,
Если на востоке есть ручей, его охраняет Голубой Дракон,
Если на юге есть обработанные поля, их охраняет Красная Ласточка,
Если на западе есть большой тракт, его охраняет Белый Тигр.
Такое место является священным, и его называют «местом,
охраняемым четырьмя богами — ками» («енсин-сюго»)»³⁵⁶.

Интересно, что Токио, Киото, Осака и другие процветающие города и деревни расположены с непогрешимой точностью в местах, которые считаются подходящими с точки зрения покровительства четырех божеств.

МОНГОЛЬСКИЕ ДРАКОНЫ

Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер.
Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными.
Там, в горах Унэгэту, лежат теперь эти останки.
Голова с туловищем упали на полтора уртона
дальше на запад в горах Цзосту-Ундаур-Хара.
Вот каких размеров дракон!

Старая монгольская сказка³⁵⁷

392

И. Ефремов в своей книге «Дорогой ветров» описывает палеонтологические экспедиции Академии наук СССР в Монгольскую Народную Республику, проходившие в 1946—1949 гг. в полупустыне Гоби. «В глубоких межгорных впадинах, огражденных голыми скалистыми хребтами, у подножий этих хребтов, в безводных и почти ненаселенных местностях гобийских районов Монгольской Народной Республики лежат бесценные сокровища науки. Наблюдательные, до тонкости изучившие родную природу сыны Гоби — араты-скотоводы — давно уже знали о гигантских костях, вымытых из горных пород весенними водами и ливнями, там и сям лежащих на склонах обрывов и на дне ущелий. Народ знал, что это именно кости, а не что-либо иное, но, не будучи в силах дать истинного объяснения их появлению здесь, в наиболее мертвых и безводных участках Гоби, принужден был верить религиозным сказаниям лам о существовании драконов — священных животных неба. Так появилось и название ископаемых костей — лууны яс (кости дракона), хотя более проникательные и менее легковверные называли их просто чудутуин яс (каменные кости).

«...Из Советской страны прибыли ученые. Они хотят осмотреть эти кости, выкопать их, изучить и объяснить нашему народу, что это такое. Вот ему и нужны два старика — я и Цевен. Мы оба водили караваны в прежние времена и знаем много мест в Гоби, видели и “кости дракона”...

— “Кости дракона”... ха! ха!... сказки... как же могут ученые из великой Страны Советов искать несуществующее? — откровенно расхохотался молодой арат. Старики нахмурились и поглядели друг на друга.

— Позже выросшие рога длиннее прежде выросших ушей, — тихо и ядовито произнес Цевен. Хорло вспыхнул, умолк и стал смотреть на подъехавшего гостя — невысокого и тонкого, в отличном светло-сером костюме.

Лодой Дамба отряхнул пыль и быстро подошел к старикам, широко улыбаясь.

— Вот мы и увиделись, почтенный Балсандорж! — радостно крикнул он и почтительно поклонился старикам, поспешившим ему навстречу.

— Мы получили твое письмо и еще вчера ждали тебя... Но это ничего... — прервал старик извинения гостя. — Зато мы с Цевеном вспоминали места, где хранятся “кости дракона”. Цевен готов вести туда советскую экспедицию. Мы говорили об этом, когда Цевен увидел тебя, а сосед Хорло нашел смешным наш разговор...

— Вовсе нет, — запротестовал молодой арат, — я только хотел получить разъяснение. Ведь я тоже учился в школе и узнал, что драконы никогда не существовали. Это дамские сказки, и пришли эти сказки к нам из Китая. А теперь и сами китайцы не верят в драконов.

— Такие же слова говорил я Балсандоржу, приехав из школы двадцать пять лет тому назад, — задумчиво сказал Лодой Дамба, — а потом... — Он умолк, глядя на склон ближнего холма. Там, словно большой черный сарлык на ночлеге, вытягивалась закатная тень.

— И потом вы поверили? — опять не удержался Хорло.

Лодой Дамба тихо рассмеялся:

— Придется вам рассказать, иначе получится, что я инструктор ЦК Народно-Революционной партии, стою за религиозные пережитки...

Лодой Дамба потянул вверх свои отлаженные брюки, подогнул под себя ноги и начал размеренным голосом:

— Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Сперва он ударился о землю хвостом и задними лапами, там, в горах Унэгэту ("Цветные горы"), лежат теперь эти остатки. Голова с туловищем упали на полтора уртона дальше на запад, в горах Цзосту-Ундур-Хара ("Охристо-черная высота"). Вот каких размеров дракон!

Так мне рассказывал Балсандорж двадцать пять лет тому назад, — продолжал Лодой Дамба. — Юрты наши стояли у Дзабхана ("Разливающийся"), и до Унэгэту было совсем недалеко. Я, так же как теперь вы, Хорло, отрицал драконов. Тогда пришел отец и подтвердил, что тридцать лет назад он шел здесь с караваном, видел "кости дракона". Мы с Балсандоржем оседлали коней и поехали. Скоро пошли колодезные тропы, вдали показались невысокие красные холмы. Холмов было много, они были круглые и низкие и стояли попарно. Мы долго ездили по ним, я покорно следовал за Балсандоржем, а тот вертел головой, как гриф, и вытирал потный лоб шапкой. Наконец он издал радостный возглас и спрыгнул с коня. Мы подошли к ровной площадке, окруженной пятью очень низкими холмиками. Повсюду лежали гигантские кости такого размера, что не могли принадлежать никакому из живущих с нами животному. Ошибиться было невозможно, кости были такими же белыми, какими становятся у нас в степях всякие кости. Я различал бабки величиной в двадцать бараньих, страшные когти, кривые, заостренные, больше и толще длинного ножа. И дальше, за холмиками, лежали еще десятки костей. Я стоял молча. В голове моей, еще совсем недавно освободившейся от ламской науки, помутилось. Никто никогда не видел драконов. Я твердо знал, что драконы такое же порождение религиозной выдумки, как и все тысячи духов и демонов буддийского неба и ада, но передо мною лежали чудовищные кости! Некоторые казались совсем свежими, как будто мертвый дракон рухнул сюда, в эти красные бугры, всего лишь луну назад. Я осторожно поднял громадный коготь — крепкий, тяжелый и плотный — и молча прыгнул в седло. Балсандорж сжался над моей растерянностью и рассказал, что в Гоби есть много мест, где люди встречали кости драконов. Почему-то всегда кости лежат среди бесплод-

ных обрывов красных глин и песка. Говорят, что дракон при падении уничтожает вокруг все живое...»³⁵⁸

394

В «Мифологическом bestiarii» описаны монгольские драконы Лу. «Лу, в мифах монгольских народов дракон, владыка водной стихии и громовержец. Гром — это его рев (скрежет зубов), а молния возникает тогда, когда он быстро свивает и распрямляет свой хвост. Громовержец Лу причисляется к небесным богам — тенгри (Лу-тенгри).

Средневековый персидский писатель и ученый Рашид ад-Дин сообщает в своем «Сборнике летописей»: «У монголов считается, что молния исходит от некоторого животного, подобного дракону, по имени Лу, и в тех областях жители будто бы видели своими глазами, как оно падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из пасти его извергается пламя».

Очевидно, именно этим сказанием были навеяны следующие стихи:

Он похож на крокодила, когда в бере
играет на небосводе,
Как будто поднимается из моря его
разгневанное темноцветное тело;
Зарычит он, словно дракон, когда разгневается на мир.
Изрыгает огонь и дым из пасти и зубов своих.

Весьма уважаемые монголы, слова которых заслуживают доверия, настойчиво утверждают, что «сами неоднократно видели это».

Иногда монгольский Лу выступает локальным и хтоническим духом; чаще, однако, в этой роли фигурирует лус (первоначально множественное число от лу), но четкое разграничение между этими двумя персонажами отсутствует. Лусы (лусут, или лусат, лусын, лусан, лосон), как правило, — духи-хозяева, прежде всего водоемов, но также и гор, урочищ и других местностей. Представление о связи между Лу и лусом (лусут) и первичности Лу отразилось в монгольском предании, согласно которому первый лусут Луван Луин Джалбо («государь — владыка змей») вылупился из змеиного яйца в виде Лу (дракона), но оставаться им не пожелал и был сделан богами управляющим всеми водами на земле и ханом 77 царств лусутов, которые, родившись от него, заселили все озера, ручьи, колодцы и другие водоемы.

Согласно другим версиям, Лу — лишь ездовые животные громовержца, который ездит на них летом, а зимой отдает их на хранение лусам. Связь между грозой, водоемом, нижним миром прослеживается и в калмыцкой сказке: громовержец Аун-хан, относимый в ней к окружению властелина подземного царства Эрика, поднимается верхом на черной туче из озера, которое при грозе высыхает. У дербетов Аун-ханом называется дух — хозяин местности вокруг Улангома.

Лусы бывают мужского и женского пола, подобно людям, рождаются, женятся, болеют, стареют и умирают. Лусы сказочно богаты. Обычно они не показываются человеку. Считалось, что лусы — это духи, принявшие буддизм, но “черные свирепые” лусы (докшин хара лусут) — духи, “не имеющие веры”.

По представлениям калмыков, «черные лусы» — это вообще духи природы.

В бурятской мифологии лусы связаны исключительно с водоемами. По поверьям западных бурят, владыкой водяных ханов является Уха лусан (Уха лосон, Уха лубсан), седобородый старец в белых одеждах, живущий на дне моря в серебряном дворце.

Иногда лусы выступают как явно хтонические существа: они наделяются эпитетом «нижние», связываются со слоями земли, с царством Эрика, подчеркивается их змееподобие. В монгольском эпосе лусы часто фигурируют как обитатели и хозяева нижнего (подземного, подводного) мира; по большей части они не враждебны герою, являются родственниками его матери или невесты.

Встречается и трансформированный образ луса: хтоническое чудовище, олицетворяющее хаос, источающее яд, грозящее гибелью и разрушениями; обитает в недрах земли или Мирового океана. В одном из мифов Очирвани, приняв облик птицы Гаруды, вытаскивает змея Лосуна из океана, трижды оборачивает его вокруг мировой горы Сумеру, а голову придавливает к вершине камнем, оставив хвост в воде.

На образы Лу и луса оказали влияние представления о лу в тибетской мифологии. Многие особенности Лу объясняются установившимся в центральноазиатском буддизме прямым соответствием между Лу и нагами, отчего “государь лу” (лу-хан, лун-хан, а так же лусын-хан и лусут-хан) иногда адекватен буддийскому Нагарадже (“царю змей”), обитающему в Мировом океане и как его владыка выступающему в качестве мирового змея³⁵⁹.

Там же, в «Мифологическом bestiarii», читаем, что «Гигантский дракон-змея Абарга-могой (Аврага-могой) с 27 головами и 33 хвостами бесчинствовал и по-всякому вредил людям, как утверждается в легендах и сказаниях всех монгольских народов. Многие герои сражались с ним. Но победить дракона удалось только неустрашимому бурятскому воину Гэсэру, о подвигах которого повествует бурятский эпос “Гэсэр”».

Решив навсегда покончить с Абарга-могем, Гэсэр созвал богатырей-баторов. Собрался довольно большой отряд. Тронулись в путь. Ехали долго — несколько недель. Наконец увидели дракона. Он лежал, трижды обвив собою гору Мунгатэ.

Гэсэр пустил коня вскачь и пронзил Копьем, Карающим Зло, самую главную из 27 голов чудовища. Дракон ударил Гэсэра всеми хвостами сразу — так что Гэсэр чуть было не упал с коня, но удержался. Вскоре Абарга-могой обесилел и испустил дух.

После этого Гэсэр разложил костер — на растопку пошли столетние таежные кедры, которые богатырь вырывал из земли с корнями, — сжег змея и пепел развеял осиновою лопатой на север и на юг. Не стало дракона. И увидели баторы, что не просто так обвивал он трижды гору Мунгатэ, а сторожил старинный клад серебра. Зато теперь отважные воины навьючили серебро на

коней: Гэсэр — три тысячи пудов, военачальники — по шестьсот пудов, воины — по триста пудов.

Вернувшись домой, победители отложили луки и стрелы и устроили пир на три дня. Мяса, говорится в бурятском эпосе “Гэсэр”, было “съедено мерой с гору, водки выпито — мерой с озеро”³⁶⁰.

И снова обратимся к «Мифологическому бестиарию». «Мангус, мангад, мантадхай (бурятское) мангас (хаалхаское, ойрат-калымское), манга (хаалхаское), мангэ (дагурское) в мифах монгольских народов — чудища. В отличие от других демонических персонажей (шулмас, чотгор) Мангус — в основном персонажи сказочно-эпической картины мира. Они осмысливаются как участники неких отдаленных событий “эпической эпохи”, впоследствии истребленные или запертые в подземной пещере эпическим героем. По устной бурятской версии Гесериады, Мангусы возникали из сброшенных на землю останков злого восточного тенгри Ата Улана. В ойратском эпосе 75 черных Мангусов родились в виде лягушат от чудовищной черной бабы, возникшей из пены ядовитого желтого моря. Живут Мангусы в труднодоступных областях среднего мира, в пустынных, голых, темных, холодных, смрадных местах) — “на краю земли”, с нижним миром не связаны, хотя иногда появляются там. У Мангусов отсутствуют имена, которые заменяются описательными прозвищами: “пятнадцатоголовый Аттар Желтый мангас”, “двадцатипятиголовый Хотгор Черный мангас”. Судя по прозвищам (Аттар, Хотгор расшифровываются как “изогнутый”, “свернувшийся”, “переплетенный”), Мангусы змееподобны и их отличительный признак — множество голов. Цветовые характеристики Мангуса — преимущественно желтый и черный. Мангусы огромны: пасть от земли до неба, утроба вмещает толпы проглоченных ими людей, стада и пр. Мангусы разоряют родину, семейный очаг героев, похищают их имущество, стада, подданных, но прежде всего — жену (реже сестру или мать); похищение женщин — по-видимому, основная функция Мангусов»³⁶¹.

«Монголы многое переняли от китайцев, в том числе и символику дракона. Этот мотив пришел к монголам от киданей Ляо (916—1234) — государства на северо-востоке от Китая, с XII в. подчиненного монголам. Драконы в монгольской культуре — геральдические символы главы государства Чингисхана и высшей военной элиты — гвардии. Эмблематика “императора” и его гвардии сложилась между 1204—1206 и 1217 гг.

Предметы из драгоценных металлов — пояса, поясные чаши и кубки, украшения коня являлись символом суверенитета кочевой знати. Пояс, один из характерных атрибутов монгольской всаднической культуры, вероятно, изначально состоял из 65—70 деталей. Каждая его деталь означала степень доблести воина, и пояс, таким образом, являлся его своеобразным “послужным списком”. Сохранившиеся 29 предметов гарнитура украшены изображения-

397

Ковш поясной с ручкой в виде протомы дракона.

XIII в. Улус Джучи. Золото, выколотка, полировка, чеканка, гравировка.

Поясные чаши — один из характерных атрибутов монгольской всаднической культуры.

В форме ручки и характере орнамента ковша проявилось влияние искусства Китая.

Ковш отражает стиль искусства раннечингисовской поры первой трети XIII в.

Ковш был найден в Сибири и передан в Кунсткамеру в 1727 г., а затем в Эрмитаж.

Поясной набор с фрагментом ремня.

XIII в. Великое монгольское государство, или Улус Джучи.

Серебро, позолота, литье в жесткую форму, выколотка, чеканка, чернь.

Поясной набор был найден на Красноярском городище в районе Астрахани. Эрмитаж

ми фантастических существ, среди которых выделяются драконы. В изображениях прослеживаются параллели с искусством Китая. На поясе изображены трехпалые драконы.

Пояса такого типа приходится на время становления и расцвета единого монгольского государства. Они принадлежали старшему поколению офицерского корпуса Джучидов, пришедших в европейскую зону степей около середины XIII в. В конце XIV в. пояса такого типа исчезают.

398

Интересно отметить, что пояс был отремонтирован: лицевая пластина пряжки украшена чернью с изображением чудовища (полузверь-полуптица). Этот мотив известен по двустворчатым браслетам-обручам и кольтам домонгольской Руси. Стилистика рисунка и чернение свидетельствуют о работе русского мастера»³⁶².

ИНДИЙСКИЕ ДРАКОНЫ

Агапий Манбиджский (X в.) создал исторический труд — всемирную историю человечества. Его сочинение носит название *«Китаб ал-унван»* (*«Книга заглавий»*). В своем труде Агапий, описывая различные климаты, пишет: «Этот [первый] климат простирается от востока до своих крайних пределов на западе. Долгота его составляет сто восемьдесят градусов. Над ним — половина небесного свода, под ним — другая его половина...

В этом климате имеются крупные животные, большие звери с телами безобразного вида, гадкого сложения, очень страшные. Там есть большие птицы. Среди этих птиц есть имеющие облик животных: наподобие страуса, жирафа, грифона. Есть птица, которую называют асфур ал-фил (буквально «слоновый воробей») и которая бросается на большого слона и уносит его. В этом климате [есть] большие слоны и другие животные, которых никто не видел и о которых никто не слышал. Там имеются все виды огромных змей, большие драконы, обычные змеи и гадкие и страшные рептилии. Люди в этом климате знают колдовство. Они знают лекарственные травы и камни, в природе, в сущности которых заложено лекарство для выздоровления от болезней. Они лечат ими того, кто поражен какой-нибудь из этих страшных, гадких рептилий, и вылечивают»³⁶³.

И хотя Агапия интересуют в основном события церковной истории, весьма примечательно его разделение пресмыкающихся по видам.

Марко Поло в *«Книге о разнообразии мира»* так описывает исследованные им части Индии: «На север от Маабара за тысячу миль — царство Мутифили³⁶⁴, правит тут мудрая царица. ...В этом царстве находят алмазы, и, скажу вам, вот

как много тут гор, где находят, как вы услышите, алмазы³⁶⁵. Пойдет дождь, вода и потечет ручьями по горам да по большим пещерам, а как перестанет и только что вода сойдет, идут люди искать алмазы в тех самых руслах, что вода понадела-ла, и много их находят. А летом, когда тут нет ни капли воды, много алмазов находят в горах; но жара тогда тут нестерпимая. В этих горах, скажу вам, больших да толстых змей многое множество, и ходят туда люди с опасностью, но если могут, так все-таки идут и находят там большие и крупные алмазы. Змеи, скажу вам, злые и очень ядовитые; в те пещеры, где они водятся, люди не осмеливаются ходить, а алмазы добываются оттуда другим способом»³⁶⁶.

399

В «Послании пресвитера Иоанна» читаем: «У индийских правителей заведено иметь драконов на свадьбе и других пиршествах, а без драконов они считают празднество неудавшимся. И подобно тому как обычные пастухи обьезжают жеребят, умирляют и приручают, обучают и укрощают, дают им имена, надевают на них узду и седло и скачут куда пожелают, точно так же и эти, охраняющие и сдерживающие драконов люди, — начальники над драконами — своими заклинаниями и снадобьями этих самых драконов умирляют, приручают, обучают, и укрощают, дают им имена, надевают на них узду и седло и скачут куда хотят.

Царица Мутифили в сопровождении служанки наблюдает за добычей алмазов, которые в большом количестве находили на дне горных рек. Люди, работавшие в горах, «ходят туда... с опасностью», так как эти места кишат ядовитыми змеями, которых художник изобразил в виде драконов, розового и зеленого. Змеи, в свою очередь, становятся добычей «белых орлов», гнездящихся на вершинах и готовых наброситься на сказочных рептилий.

Источник: Марко Поло. «Книга о разнообразии мира»

Этот народ драконов каждый год посылает Нашему Величеству в качестве дани сто человек, управителей драконов, и сто драконов уже усмирённых, так что они среди людей словно овцы и с людьми играют, словно собаки, вилая хвостом. Эти самые люди с драконами служат нашими посыльными, и, когда это угодно нашей милости, мы посылаем их вместе с драконами, летающими по воздуху, во все страны света, желая узнать обо всем новом, что происходит»³⁶⁷.

Совершенно особую роль в древней индийской мифологии играли наги.

Как утверждается в *«Мифах и легендах древней Индии»*, «старшими детьми Кашьяпы, внука Брахмы, были асуры и боги, рожденные его тремя старшими женами. Другие десять его жен дали жизнь различным и многообразным существам, населившим землю, и поднебесье, и подземные миры.

Сураша родила огромных чудовищных драконов, Аришта стала прародительницей ворон и сов, ястребов и коршунов, попугаев и других пернатых, Вината породила гигантских солнечных птиц — супарнов, Сурабхи — коров и лошадей, и еще многие божественные и демонические создания произошли от других жен Кашьяпы, дочерей Дакши. Кадру стала матерью нагов, а Муни — гандхарвов.

Наги, дети Кашьяпы и Кадру, исполинские змеи, поселились в подземном мире Патала, где они воздвигли себе великолепные дворцы, блистающие золотом и драгоценными камнями. Мудрый змей Васуки стал царем нагов и правил в их подземном городе Бхогавати, полном невиданных на земле сокровищ. Некоторые же из нагов поселились в подземных водах, в реках и на дне океана, в царстве Варуны.

Наги обитают и на поверхности земли, где они стерегут сокровища и клады. Царственные змеи, трехглавые, семиглавые и десятиглавые, владеют несметными богатствами; головы их увенчаны драгоценными коронами; они могущественны и мудры; вожди великого племени нагов, они снискали милость и дружбу богов.

Гандхарвы, сыновья Кашьяпы и Муни, жили в поднебесье. Некогда они были стражами сомы и владели ею. Но потом утратили ее. Сарасвати, дочь Дакши, богиня мудрости и красноречия, сумела очаровать гандхарвов и выманила у них сому. Гандхарвы хотели оставить прекрасную Сарасвати у себя взамен сомы, но и она ушла от них к богам, к которым лежало у нее сердце. Подругами гандхарвов стали апсары, прелестные девы, рожденные из вод первоизданного океана; пленяющие взоры богов и смертных, они стали танцовщицами в небесном царстве Индры.

А сами гандхарвы, прекрасные обликом и вечно юные гении небесных пространств, ведающие божественные тайны и направляющие пути звезд, стали певцами и музыкантами в том царстве и услаждали слух богов звуками лют-

ней и чудесными песнопениями. Сладкоголосые и очаровывающие, они поют на горах, где небожители проводят время в беззаботных развлечениях; и голоса гандхарвов слышатся иногда с небес. А в ясную погоду в чистом воздухе предстает иногда взорам смертных призрачный город с высокими дворцами и башнями; это — город гандхарвов, и говорят, что беда ждет того, кто ненароком его увидит.

Некогда гандхарвы во главе со своим царем Вишвавасу напали на своих родичей нагов в их подземном царстве, победили их и отобрали у них драгоценности и сокровища. Наги прибегли к покровительству Вишну; тот спустился в подземный мир, изгнал оттуда гандхарвов и заставил их вернуть нагам награбленное. Тысячеглавый вселенский змей Шеша, прозываемый также Анапта, Бесконечный, брат царя Васуки, самый огромный из змеев, стал другом и спутником Вишну; плавая на поверхности вселенских вод, он служил с той поры опорой и ложем Вишну, когда великий бог отдыхает и спит.

Индийские жрецы говорили, что мир покоится на Шеше, одиннадцатиглавым змее, называемом также Ананта, Бесконечный.

В эзотерических верованиях Шеша представлен в виде тысячеголовой и семиголовой кобры; первая является царем низшего мира (страны нагов), вторая — носителем или опорой Вишну в Океане Пространства.

Шеша, по преданию, передал свое астрономическое знание Гарге, древнейшему астроному Индии, сумевшему умиловить его и потому познавшему все, что касается планет, так же как и способы чтения предзнаменований³⁶⁸.

«И наги и гандхарвы могли менять свой облик по желанию, и часто те и другие являлись среди людей в человеческом образе. Нередко земные цари и герои брали себе в жены нагинь — дев несравненной красоты, которые были по рождению змеями. А сладострастные гандхарвы особенно опасны для смертных женщин; они преследуют их и соблазняют своей искусной игрой на лютнях и чарующим обликом; так же и апсары, их подруги, являются обольщать смертных мужей на земле. Вместе с богами — покровителями свадебного обряда — Агни, богом огня, и Сомой, богом луны, — на каждой человеческой свадьбе присутствуют незримо гандхарвы как тайные соперники жениха, и всегда нужно остерегаться их козней»³⁶⁹.

«В индийских источниках представление о нагах — божественных змеях смешивается с представлением о нагах — исторических племенах, живших на северо-западе Индии еще до прихода туда ариев. С корнем “нага” связано большое число индийских топонимов.

Нагадвила — “страна нагов” — одна из девяти частей Бхаратаварши или нынешней Индии, согласно “Пуранам” (Вишну-пурана II 3, 6). Не осталось никаких доказательств относительно того, кем были Наги (исторические люди!), но преобладающая теория такова, что они были одним из скифских племен, имевшим своим тотемом змею (кобру), и что мифологическая интер-

претация была, таким образом, наложена на историческую основу. Но этому нет доказательств. Когда брамины вторглись в Индию, они “обнаружили племя мудрых людей, полубогов, полудемонов”, гласит легенда; людей, которые были учителями других племен и подобным же образом стали наставниками индусов и самих браминов»³⁷⁰.

Нагпур по праву считается сохранившимся остатком Нагадвиньи. Теперь Нагпур фактически находится в Раджпутане, недалеко от Удейпура, Аджмеры и т.д. И разве не является хорошо известным, что было время, когда брамины отправлялись учиться Тайной Мудрости у раджпуттов? Более того, предание утверждает, что Аполлоний Тианский был обучен магии нагами Кашмира.

«Слово “нага”, “мудрый змий”, стало всемирным, ибо это одно из тех немногих слов, которые пережили крушение первого всеобщего языка. Это слово употребляют туземцы как Южной, так и Центральной и Северной Америки, от Берингова пролива до Уругвая, где оно означает “глава”, “учитель” и “змий”»³⁷¹.

«По одному из мифов “Махабхараты” наги получили бессмертие, отведав амриты, но при этом их языки развоились, ибо им пришлось слизывать амриту с острых стеблей травы куши»³⁷².

«В буддийской мифологии наги — змееподобные полубожества, и во включении их в буддийскую мифологию некоторые буддологи видят даже признак неарийского происхождения буддизма. Описания нагов встречаются во многих канонических текстах, например в “Джатаках”. Наги разделяются на два класса — живущие в воде (в реках и морях) и на суше.

Наги чтутся как мудрецы и маги, способные оживлять мертвых и менять свой внешний облик. В человеческом облике наги часто живут среди людей.

Так, например, дабы предотвратить поголовное истребление змей и исполнение древнего проклятия в полной мере, на совете змей принимается следующее решение:

К царю мы придем как советники, слуги.
Окажем его государству услуги...
...А если он хитрых речей не оценит,
А если сожжения змей не отменит,
То мы позовем остроумного змея,
Который, как бы о владыке радея,
Предстанет как жрец, с ним согласный во взглядах
И сведущий в жертвенных сложных обрядах.
Войдя к властелину в доверье сначала,
Вонзит в Джанамеджаю грозное жало...
...— Мы станем жрецами, — сказали вельможи, —
К владыке придем, с многомудрыми схожи...

Махабхарата
[Сожжение змей]

Нередко наги вступают в любовные отношения как с женщинами, так и с мужчинами; потомки этих связей необычайно нежны, так как имеют “водяную сущность”»³⁷³.

Так, на девушке-нагине женился герой Махабхараты Ашваттхаман, сын Дроны; царевна-нагиня Улаупи была женой Арджуны, а нагиня Кумудвати — женой Куши, сына Рамы.

Наги были прародителями целых кланов. От нагов вели свое происхождение раджи Бхадрава. Мудрецы — риши, и наги были божествами гималайской долины Кулу. Австрийский ученый Вогель отмечал, что риши в Кулу, «странно сказать, считается нагом».

«От небольшого городка Бхадрава храмы и святилища нагов тянулись к Великому Гималайскому Хребту, пересекали его и уходили на восток, туда, где находились древние сапфировые шахты Падара. Веками там добывали синие и голубые сапфиры. Мифы и легенды украшали этими сапфирами короны королей нагов. Те же мифы связывали нагов с мудрецами — риши. Они как бы перетекали друг в друга, сливаясь нередко в одно понятие, в один образ. Наги и риши были божествами Гималайской долины Кулу. Их бронзовые и золотые маски хранились в древних храмах. Тем и другим приписывались великая мудрость, чудесные способности, знание тайн природы и всемогущество. Риши и наги наставляли людей в искусстве и ремеслах, в знаниях и обрядах. Некоторые из них оставляли после себя реальные книги, такие как “Химават пурана” Синего Нага, правителя Кашмирской долины, или книга буддийского реформатора Нагарджуны, в которую вошли знания, сообщенные ему Великим Нагом»³⁷⁴.

«По одному из мифов, основатель кхмерского государства Прах Тхон смог проникнуть в мир нагов, сидя на дереве, которое каждую ночь опускалось под землю. Там он женился на дочери их царя, который дал ему сампот (поясную одежду) с изображением нагов. В старину жених должен был дарить невесте такой сампот.

Прежде во времена брачной церемонии жениху и невесте немного подпиливали передние зубы, чтобы они не смогли превратиться в нагов. Женщина-нагиня — центральный образ кхмерских династийных мифов. Согласно одному из них, кхмерский король должен был проводить ночи вместе в многоглавой нагине, и от этого зависело благосостояние страны»³⁷⁵.

«К буддизму наги относятся благосклонно и часто выступают его горячими приверженцами. Сам Шакьямуни, еще до того как стать буддой, несколько раз перерождался в образе нага»³⁷⁶.

Считается, что и Гаутама Будда происходит от змеиной династии, через род нагов.

«Наги омыли Гаутаму Будду при рождении, оберегали его и охраняли останки его тела, когда он умер. Легенда гласит, что, когда Будда, сидя под смоковницей, предавался медитации, начался сильный дождь с ветром; тут сердобольный наг обвился вокруг него семь раз и прикрыл его семью своими головами, будто крышей. Будда обратил нага в свою веру»³⁷⁷.

Буддийское божество на драконе

В одном буддийском мифе Мучилинде-нагу принадлежит заслуга спасения будды Шакьямуни во время потопа, в другом наг обманным путем стал учеником Шакьямуни и был разоблачен.

В священных сутрах рассказывается, что Будда посещал подводный дворец Царя драконов и проповедовал ему.

В том великом собрании присутствовали также великие шраваки, люди, божества — властелины миров, божества, драконы, якши, гандхарвы, асуры, гаруды, кимнары, махораги, люди и не-люди. Они выслушали то, что сказал Будда, чрезвычайно возрадовались, уверовали, приняли, поклонились и ушли.

«Аватамсака сутра»³⁷⁸

Джатаками назывались народные сказания о жизни Будды и бодхисатв. Одна из них рассказывает о посещении Буддой дворцов нагов и получении им волшебных драгоценностей.

Цинпа-Ценпо, или Великий Милостынедатель, ходивший за море

405

Так было однажды услышано мной. Победоносный пребывал в Раджагрихе, на Коршуньей скале, в окружении монашеской общины, состоявшей из двенадцати с половиной сотен монахов высшего духовного звания. Тогда Победоносный сказал достопочтенному и всезнающему Каундинье:

— Мне нужен прислужник.

Всезнающий Каундинья поднялся со своего места, накинул на одно плечо верхнее монашеское одеяние, обратился в сторону Победоносного, сложив вместе ладони, поклонился и сказал:

— Победоносный! Я сам с радостью стану прислуживать, хранить твою духовную одежду и чашу для сбора подаяния.

— Ты же стар, — ответил Победоносный Каундинье, — тебе самому требуется прислужник, садись на свое место, Каундинья.

Также и Кашьяпа, Шарипутра, великий Маудгальяна и другие пятьсот учеников — все выразили желание прислуживать Победоносному. Однако он не взял никого из них. Тогда достопочтенный Анирудха подумал о том, кого из монахов хочет взять Победоносный в услужение, и понял, что по сердцу Победоносному пришелся Ананда. Очевидность этого была подобна солнечному блику, который неизбежно появляется на западной стене дома, когда луч солнца проходит через оконце в восточной стене. И все ученики [Будды] ясно поняли, что в своих мыслях Победоносный держит Ананду. Тогда достопочтенный Шарипутра и великий Маудгальяна пошли туда, где находился Ананда.

Придя к нему, они обменялись с Анандой многими приветственными словами и расположились напротив него. Расположившись напротив Ананды, Шарипутра и Маудгальяна обратились к нему с такими словами:

— Достопочтенный Ананда, мы радуемся, что ты будешь прислуживать Победоносному. Прислуживание Татхагате обернется для тебя великой пользой.

— Достопочтенный Шарипутра, — ответил на это Ананда, — я не желаю прислуживать Победоносному, и вот почему. Трудно служение Будде Победоносному, и нелегко его терпеть. Подобно тому как трудно обращение с огнем и трудно терпеть огонь, так и трудно служение Будде Победоносному, и трудно терпеть его. Поэтому я не хочу прислуживать Победоносному.

Тогда достопочтенный и великий Маудгальяна сказал Ананде:

— Ананда, Победоносный о тебе помышляет и тебе радуется. Очевидность этого подобна блику, который неизбежно появляется на западной стене дома, когда луч солнца проходит через оконце в восточной стене. Победоносный

хочет видеть только тебя, Ананда, в услужении у себя, так соглашайся же! Прислуживание Татхагате великой пользой для тебя обернется.

— Великий и благородный Маудгальяна, — ответил на это Ананда, — я пойду прислуживать Победоносному, если он согласится с тремя моими желаниями. Первое: не отдавать мне в носку то платье, которое носил Победоносный; второе: не отдавать мне остатков еды, которую ел Победоносный; третье: чтобы и помимо уставного времени Победоносный разрешал мне приходить к нему. В таком случае я с охотой буду прислуживать Победоносному.

После того как достопочтенный Шарипутра и великий Маудгальяна уговорили достопочтенного Ананду прислуживать Победоносному, они пошли туда, где находился Победоносный, и обратились к нему со следующими словами:

— Мы предложили достопочтенному Ананде прислуживать Победоносному. Он сказал, что с охотой будет прислуживать Победоносному, если Победоносный согласится с тремя его желаниями.

— Замечательно, — сказал Победоносный. — Маудгальяна, монах Ананда мудрый и сведущий человек, предвидевший, что те, кто имеет равное право на милости Непорочного, будут говорить слова порицания, которые вызовут ответные слова порицания. Поэтому он сделал так, чтобы имеющие равное право на милости Непорочного не могли сказать, что монах Ананда прислуживает Учителю ради еды и одежды. Маудгальяна, это замечательное качество монаха Ананды. Монах Ананда — мудрый и сведущий человек. Поэтому он знает должное время для посещения Победоносного теми, кто входит в число его окружения. Вместе с тем он знает должное время для посещения Победоносного иноверческими странствующими брахманами. Кроме того, он знает, когда иноверческие брахманы сумеют ответить на слова Победоносного, а когда не сумеют. Знает Ананда и то, какие пища и питье полезны и приятны Победоносному, а какие — нет. Эти знания, Маудгальяна, являются замечательным свойством достопочтенного монаха Ананды.

После того как Шарипутра и Маудгальяна убедили Ананду прислуживать Победоносному, а Победоносный похвалил Ананду, сказав, что он мудрый и сведущий человек, знающий должное время, монахи в недоумении спросили Победоносного:

— В силу каких причинно-следственных связей монах Ананда стал таким сведущим в определении должного времени?

И рассказал Победоносный Шарипутре.

Давным-давно, бесчисленное и бессчетное количество калп назад, в стране Джамбудвипе был великий царь, под рукой которого находилось восемьдесят четыре тысячи вассальных князей. В то время в городе Варуте жил один брахман по имени Ньягротаха, человек многознающий, сведущий в священных книгах, во врачевании и астрологии. За это царь сделал его своим наставником и повелел вассальным князьям чтить брахмана так же, как и самого великого царя. Хотя своим достоянием брахман мог соперничать с Куверой, богом богатства, однако у него не было сына, и он постоянно пребывал в печали.

«Как же обрести сына?» — грустно думал брахман. Он приносил жертвы Брахме, Индре, Махешваре, богам луны, солнца, звезд, вод и лесов, молил их о даровании ему ребенка. И через двенадцать лет старшая жена брахмана понесла. Как только это произошло, сведущие женщины осмотрели ее, чтобы выяснить, кого она зачала — мальчика или девочку. Выяснив, что должен родиться мальчик, они сообщили об этом брахману. Услышав такую новость, тот необычайно обрадовался и с еще большей заботой и уважением стал относиться к своей жене.

407

По истечении девяти месяцев родился мальчик. Был он очень красив, с кожей золотистого цвета, иссиня-черными волосами и отмечен знаками совершенства. После пиршества по случаю рождения [ребенка] приглашенный гадатель осмотрел знаки [на теле мальчика] и дал ему имя Цинпа-ценпо, или «Великий милостыinedатель». Когда Цинпа-ценпо подрос, для него построили летнее и зимнее, осеннее и весеннее жилища, где он пребывал, окруженный роскошью. Смышленный и обладающий острым умом, мальчик был сведущ не только во всех восемнадцати областях знания. Не было также ни одного вида искусства, которое было бы ему неизвестно.

Как-то раз Цинпа-ценпо обратился к родителям с такой просьбой:

— Я хочу совершить загородную прогулку и посмотреть, что творится вокруг.

Услышав, что сын хочет совершить прогулку, родители тут же отдали необходимые распоряжения: подмести улицы, расставить стяги и штандарты, усыпать [путь] цветами, воскурить благовония. Затем Цинпа-ценпо сел на слона, украшенного различными драгоценностями семи родов, и под звон колоколов, гром барабанов, звуки литавр, в окружении ста тысяч сановников отправился за город. Все местные жители забрались на крыши домов, расположенных по обеим сторонам улицы, и широко раскрытыми глазами взирали на Цинпа-ценпо, восклицая:

— Своим великолепием и величием он походит на Брахму!

Когда процессия двигалась по дороге, Цинпа-ценпо слышал, как нищие, одетые в рубища, держа черепки [для сбора подаяния], взывали: «Подайте малость!»

Он спросил их:

— Отчего вы столь горестны и несчастны?

Одни сказали:

— У нас нет ни родителей, ни братьев, ни жен, ни родственников, поэтому мы бедствуем.

— Мы долгое время болеем и не можем поправиться, — ответили другие, — поэтому так несчастны.

— Ограбленные разбойниками, мы потеряли все, что имели, поэтому просим подаяние, — сказали третьи.

Услышав их речи Цинпа-ценпо, заплакал и двинулся дальше.

Проехав немного, он увидал мясников, которые забивали животных, сдирали с них шкуры и рубили на куски.

— Ой! Зачем вы творите такое? — спросил их Цинпа-ценпо.

— Убой животных — наше наследственное ремесло, — отвечали те, — если им не заниматься, то жить будет не на что.

Удивился Цинпа-ценпо и, не в силах взирать [на это], двинулся дальше.

По дороге он увидал, как крестьяне пахут землю, а множество птиц и змей собирают и пожирают червяков, в изобилии выползавших из вспаханной земли.

— Зачем вы это делаете? — спросил он крестьян.

— Мы пашем и во вспаханную землю бросаем семена, которые затем родят много других семян. Ими мы живем, их же подносим царю.

Опять удивился Цинпа-ценпо и двинулся дальше.

Проехав немного, он заметил охотников, раскинувших сети и настороживших силки. Животные и птицы, попавшие в сети и силки, билась в них, испуская жалобные крики, и старались вырваться, но напрасно.

— Зачем вы это делаете? — спросил Цинпа-ценпо.

— Убийство животных — наше исконное ремесло, и мы занимаемся им, чтобы иметь средства к жизни.

Услышав эти слова, Цинпа-ценпо очень опечалился и направился дальше.

По дороге ему встретились рыбаки, которые, поставив сети, наловили много рыбы. Они сложили ее, еще бившуюся, в кучу на берегу. Видя, это, Цинпа-ценпо спросил:

— Зачем вы делаете это?

— Кроме этого наследственного ремесла мы другого не знаем, — отвечали рыбаки. — Вот ловим рыбу и тем живем.

Цинпа-ценпо, видя подобное, подумал: «Эти существа из-за своей бедности и нищеты, ради одежды и пропитания вершат такие греховные деяния, которые связаны со смертоубийством. После своей смерти они тотчас же обрекаются на путь трех дурных рождений. Они идут от мрака к мраку, и не настанет для них время спасения».

Вернувшись домой, он день и ночь размышлял об этом, а затем, опечаленный, пришел к отцу и сказал:

— Отец, у меня есть к тебе одна просьба, исполни ее.

— Все сделаю, что ты ни попросишь, сын мой, — отвечал тот.

— Отец, — продолжал юноша, — когда я выезжал за город на прогулку, то видел, как многие люди, страдая от нехватки одежды и пищи, один другого убивают, лгут, клеветают и другие неблагие дела творят. Я хочу сотворить им подаяние и прошу разрешения вдосталь оделить бедняков из твоей великой казны.

— Все сокровища и драгоценности, собранные во множестве, — отвечал отец, — предназначены только для тебя. Так почему же мне не выполнить твоей просьбы!

Получив разрешение, Цинпа-ценпо объявил всем жителям страны:

— Цинпа-ценпо раздаст великие дары. Собирайтесь все и приходите!

И тогда монахи и брахманы, незащитные бедняки и увечные калеки заполнили все дороги, ведущие в город. Одни проделали путь в сто, двести, триста, тысячу йоджан. Другие же прошли две тысячи, три, четыре, пять и даже

десять тысяч йоджан. Они клубились, подобно облакам, и все получали те дары, которых желали. Желавшие одежды получали одежду. Желавшие еды — получали еду. Желавшим драгоценностей, золота, серебра, аяпис-лазури, ездовых животных, колесниц, паланкинов, садов, полей, скота — всем были сделаны дары, согласно их желаниям. Долгое время раздавались так дары, и одна треть сокровищ была истрачена.

Тогда хранитель сокровищ пришел к брахману и сказал:

— Ваш сын, делая подарки из сокровищницы, истратил уже одну треть сокровищ, осталось только две трети. Подумайте при этом о расходах на подарки гостям и на торговые дела.

— Я очень люблю своего сына, — отвечал брахман, — и не буду препятствовать ему. Пусть лучше опустеет сокровищница!

Прошло еще некоторое время, и две трети сокровищ было истрачено, осталась только одна треть. Хранитель сокровищ снова обратился к брахману и сказал:

— Две трети сокровищ истрачено, осталась только одна треть. Откуда брать средства на поднесение подарков нашим гостям и на торговые дела?

— Я очень люблю своего сына и не могу запретить ему, — оказал брахман, — ты сам придумай способ, чтобы состояние мое не расточилось.

Хранитель сокровищ, получив от брахмана такое указание, запер двери сокровищницы и отправился по своим делам. С тех пор просители, приходившие к Цинпа-ценпо, либо не заставляли на месте хранителя казны, а сокровищница оказывалась на замке, либо хранитель сокровищ приходил, но не давал желаемого.

Поэтому Цинпа-ценпо подумал: «Дело так обернулось не в силу самоуправства хранителя казны, а по распоряжению родителей. Да и не должно сыну опустошать родительскую сокровищницу. Но что же мне сделать, чтобы обрести вдосталь драгоценностей на пользу живым существам?»

И, подумав так, он стал спрашивать людей:

— Чем заняться в мире, чтобы богатства вдосталь обрести, обрести его так много, чтобы оно никогда не иссякало?

Одни говорили: «Больше земли обрабатываешь, больше богатств имеешь».

Другие говорили: «Если скот разводить и прибыль из этого извлекать, то большое богатство обретешь».

Третьи советовали: «Если прибыльную торговлю в дальних странах вести, то богатства умножишь».

Некоторые считали: «Отправившись в море и добыв чинтамани — волшебную драгоценность, исполняющую желания, станешь очень богатым».

Вслушал все эти речи Цинпа-ценпо и решил: «Не мой удел заниматься земледелием, разводить скот, вести прибыльную торговлю в дальних странах. Мой удел — отправиться в море».

И, решив отправиться в море, он сказал родителям:

— Я отправлюсь в море, добуду там много драгоценностей и вдосталь одею ими бедняков. Разрешите мне отправиться в море за драгоценностями!

Услышав эти слова, родители чуть не упали в обморок.

— Бедность и нищета в этом мире — вещь обыденная, — сказали они, обращаясь к сыну, — чего тебе не хватает? Почему ты хочешь отравиться в дальний путь, рискуя собственной жизнью? Если хочешь совершать даяния, то раздай все наши богатства, но за море не ходи. В море огромные волны и водовороты, страшные чудовища, ядовитые змеи, ракшасины, подводные скалы и много другого, сулящего верную гибель. Поэтому оттуда трудно вернуться живым. Чего тебе не хватает? Зачем ты хочешь жизнью своей рисковать? Нет тебе на это нашего согласия, и не думай куда-либо отправляться!

Выслушав такое повеление родителей, Цинпа-ценпо решил: «Поскольку не вышло, как я задумал, дам-ка я [себе] клятву: лягу на землю перед родителями и не встану до тех пор, пока не выйдет по-моему», — подумав так, он сказал родителям: «Отец и мать, знайте! До тех пор, пока мое намерение не исполнится, я буду лежать здесь ниц, не вставая».

Опечаленные родители, посоветовавшись с родственниками, снова описали сыну множество гибельных опасностей, таящихся в море.

— На протяжении двенадцати лет, — сказали затем они ему, — мы в отчаянии приносили жертвы всем богам. Наконец одно божество в тебе, сыне нашем, возродилось. Так сейчас не оставляй нас, прими пищу!

Прошли один, два, шесть дней, но сын не внимал никаким уговорам и не отступался от своих слов. Тогда отец подумал: «С самого рождения мой сын никогда не бросал начатого дела, не доведя его до конца. Если я отпущу его в море, то еще есть какая-то надежда на его возвращение. Если же не отпущу, то не позже чем через неделю мы расстанемся с ним. Надо отпустить его!». Подумав так, он подошел к сыну, взял его за руку и сказал:

— Вставай и поешь! Разрешаю отправиться, куда задумал.

Тогда Цинпа-ценпо встал, поел, попил и, выйдя из дома, обратился к многочисленному люду с таким призывом:

— Я отправляюсь в море за сокровищами. Кто хочет идти со мной, присоединяйтесь! Я приготоваю все необходимое [в дорогу] и буду вашим предводителем.

Пятьсот человек [купцов] изъявили желание отправиться с юношей. Они собрали все необходимое [для путешествия]; был установлен срок отправления, и в назначенное время все двинулись в путь. На проводы пришли родители юноши, царь, царевич, советник царя и все жители той местности.

Много дней шел [караван] после прощания с провожавшими, которые не могли удержаться от слез. Но однажды ночью в пустынной, безлюдной местности на него напали разбойники и разграбили все [караванное] имущество.

Продолжая свой путь, юноша и его товарищи дошли до города Нгашувар, где жил брахман по имени Кадили. Они пришли в дом брахмана, и Цинпа-ценпо попросил у брахмана [в долг] тысячу золотых. У того брахмана была дочь с кожей золотистого цвета и иссиня-черными волосами. Сыновья восьмидесяти четырех тысяч вассальных князей сватались к ней, но ни один не получил ее в жены. Случилось так, что когда Цинпа-ценпо подошел к дому брахмана и спросил, дома ли он, то девушка, услышав голос Цинпа-ценпо, сказала:

— Тот, чей голос прозвучал за дверью, и есть мой суженый.

Брахман вышел за дверь и, увидав юношу, подумал: «Этот юноша, бесспорно, превосходит других своим благородством». И когда юноша попросил в долг золото, брахман преподнес ему еще и дар: он взял в одну руку золото, а другой подвел к юноше дочь.

— Эту девушку, — сказал он, — отдаю тебе в жены, бери!

— Я иду в море за драгоценностями, — отвечал на это юноша, — в море множество опасностей, и как знать, вернусь я или нет. Поэтому сейчас не могу решиться взять твою дочь в жены.

— Если благополучно вернешься, — сказал брахман, — то возьмешь эту девушку в жены.

— Если вернусь, то так и сделаю, — ответил Цинпа-ценпо.

После этого брахман дал ему еще три тысячи золотых, снабдил всем необходимым [в дорогу], и они пришли на берег моря. Затем был построен корабль, и все вошли на него. Семь канатов удерживали корабль у берега. На корабле Цинпа-ценпо обратился к товарищам с такими словами:

— В море нам встретится много опасностей. Это страшные штормы и ракшасы, водовороты и ядовитые змеи, подводные рифы и морские чудовища, а также много других, хотя и не столь страшных. У кого нет охоты идти [со мной], пусть лучше возвращается, чтобы потом не пожалеть. Пусть идет тот, кто презирает жизнь и не боится навсегда расстаться с родителями, женой, братьями, родственниками. Если благополучно вернемся, то обретем такое богатство в виде всевозможных драгоценностей, что хватит на семь поколений и будет оно неисчерпаемо.

С этими словами юноша обрубил один канат. И так в течение семи дней повторял он эти слова, каждый раз обрубая один канат. Но вот все канаты были обрублены, поставлены паруса, и попутный ветер помчал корабль с быстрой стрелой.

Цинпа-ценпо был юноша много знающий и весьма сведущий в драгоценных камнях. Когда они достигли острова драгоценных камней, он научил купцов отличать хорошие камни от плохих, оценивать их стоимость в зависимости от веса и качества.

— Драгоценные камни такого цвета, — говорил он, — хотя и меньше весом, но ценятся дорого. Эти драгоценные камни хотя и тяжелые, но стоят дешевле, поэтому их не берите. Если их набрать слишком много, то корабль затонет под их тяжестью. Если набрать слишком мало, то вы будете недовольны, дескать, странствовали, странствовали, а толку нет. А вот такие [камни] как раз подходят.

Исходя из таких объяснений и оценок, купцы наполнили корабль, не перегрузив его.

— Теперь в обратный путь, — сказал Цинпа-ценпо, но сам на корабль не поднялся.

— Пока я не добуду во дворце царя драконов чинтамани — волшебный драгоценный камень, исполняющий все желания, — сказал он купцам, — домой не вернусь.

Тут купцы заплакали, впад в отчаяние, и сказали юноше:

— Мы, купцы, служили тебе как нашему предводителю. Сейчас ты нас бросаешь, а если с нами не пойдешь, то мы назад до дому не доберемся, дороги не найдем.

— Купцы, — ответил им на это Цинпа-ценпо, — ничего с вами не случится, я произнесу закланение, чтобы вы благополучно вернулись на родину.

С этими словами юноша взял в руку курительницу с благовониями, совершил жертвоприношение на все четыре стороны и произнес:

— Я добыл эти драгоценности только на пользу бедным живым существам. Благая заслуга, порожденная совершением этого деяния, да позволит мне стать буддой! Если правдивы мои слова, если исполнится мое моление, то пусть купцы с собранными ими драгоценностями без ущерба и благополучно достигнут Джамбудвипы. — С этими словами он перерезал [корабельную] веревку, паруса поднялись, и купцы благополучно достигли Джамбудвипы.

Цинпа-ценпо же вступил в воды [моря], шел семь дней, и была ему вода по колено. Шел он еще семь дней, и вода достигла его бедер. Шел он еще семь дней, и вода была по поясницу. И еще семь дней шел он, и вода достигла его плеч. Затем он плыл семь дней и приплыл к горе. Ухватившись за ветви дерева, юноша вылез на берег и через семь дней достиг вершины горы. Он перевалил через гору и еще через семь дней достиг берега реки. Подойдя к берегу, юноша увидал в воде лотосы золотистого цвета, стебли которых обвивали ядовитые змеи. Скрестив ноги и сосредоточив мысли свои в одной точке, сел тогда бодхисатва на лотос в позе Майтрейя-самадхи и подумал: «Гневливость и завистливость в прежних бытиях обусловили рождения в столь безобразных телах ядовитых змей». И в силу великого сострадания, порожденного бодхисатвой, ярость ядовитых змей успокоилась. Тогда он сошел с лотоса и за семь дней пересек [страну] ядовитых змей.

Следуя далее, бодхисатва встретился с ракшасами, которых привлек человеческий запах. Но помыслы бодхисатвы, сосредоточенные на любви и милосердии, смирили ракшасов, и те лишь кротко спросили:

— Человек, ты откуда пришел и куда идешь?

— Я пришел, чтобы найти чинтамани, — отвечал им Цинпа-ценпо.

Обрадовались ракшасы и подумали: «Он великой благой заслугой обладает. Однако отсюда до дворца царя нагов так далеко, что ему туда не дойти, и он будет из-за этого страдать. Поэтому доставим-ка мы его во дворец с помощью нашей силы». И, подумав так, они перенесли его по воздуху на расстояние в четыреста йоджан и опустили на землю.

Цинпа-ценпо пошел дальше и вскоре увидал серебряный замок. «Это жилище царя нагов», — решил он. Тот замок был окружен семью рвами, полными страшных ядовитых змей. Глядя на них, Цинпа-ценпо подумал: «Эти, змеями пребывающие, обречены на бытие в столь страшных телах из-за яростности великой в прежних рождениях». И, подумав так, он помыслил о них с любовью и милосердием, как помышляют о собственном сыне. В силу столь милосердного помысла успокоились ядовитые змеи, и, ступая по ним, Цинпа-

ценно подошел к замку царя нагов. У ворот замка свернулись две большие змеи, преграждая вход. Заметив Цинпа-ценпо, они подняли головы и высунули ядовитые жаала. Но Цинпа-ценпо породил о тех змеях милосердный помысел, отчего утихла их ярость, и они склонили головы к земле. Тогда, ступая по змеиным головам, Цинпа-ценпо вошел в замок.

В замке, в одном из покоев с бесчисленными драгоценностями семи родов, он увидал нага. Тот наг, заметив бодхисатву, в страхе подумал: «Мое жилище окружено семью рвами, полными ядовитых змей. Кроме нагов и якшей, никто сюда не отважится прийти. Кто же это такой?»

И, подумав так, он встал навстречу Цинпа-ценпо, почтительно поприветствовал его, усадил на трон, сделанный из драгоценностей, и угостил разнообразными яствами. После еды наг спросил:

— Ты зачем пришел и как сюда добрался?

— Люди Джамбудвипы, — отвечал бодхисатва, — из-за бедности своей ради имущества, еды и одежды творят один другому всяческий вред. После своей смерти они тут же попадают на стезю трех дурных рождений. Сжалившись над ними и желая взять их под свою защиту, я, не страшась лишений, издалека пришел к великому царю, чтобы попросить чинтамани — волшебную драгоценность, исполняющую желания. Не откажи в моей просьбе и подари мне эту драгоценность, чтобы в силу благой заслуги, за пользу, принесенную всем живым существам, я достиг состояния Будды.

— Волшебную драгоценность заполучить очень трудно, — отвечал царь нагов. — Если ты пришел за ней, то оставайся здесь в течение месяца, принимай мои пожертвования³⁷⁹, а меня наставляй в Учении, тогда дам тебе чинтамани!

— Да будет так, — согласился бодхисатва.

После этого царь нагов ежедневно приготавливал различные вкусные яства и подносил их бодхисатве, сопровождая жертвоприношение музыкой. Бодхисатва же в течение месяца наставлял его в тех частях Учения, которые легко укладываются в памяти, а затем сказал, что ему надо уходить.

Тогда довольный царь нагов вынул из своего головного украшения драгоценный камень — чинтамани и вручил его со словами:

— Ты, великий муж, радеющий о благе всех живущих, непременно станешь Буддой. А когда обретишь полное просветление, да сделаюсь я твоим лучшим учеником!

— Какова сила чинтамани? — спросил бодхисатва царя нагов.

— Силой этой драгоценности все необходимое ниспадает дождем на пребывающих в окружности двух тысяч йоджан, — отвечал тот.

«Сила этой чинтамани хотя и большая, — подумал бодхисатва, — однако она недостаточна для свершения моих великих помыслов».

С этими мыслями он двинулся в путь, а царь нагов со своей свитой проводил его.

Шел бодхисатва шел и наконец увидал вдалеке замок, сооруженный из япис-лазури. Приблизился он к замку, а тот замок окружали семь рядов рвов,

полных ядовитыми змеями. Помыслил бодхисатва с любовью и милосердием о тех ядовитых змеях, и они успокоились, а он прошел, ступая по ним. Приблизился к воротам замка, а около ворот лежали две огромные змеи. В силу милосердного помысла бодхисатвы успокоились и те ядовитые змеи, а он, ступая по их головам, вошел в замок.

В одной из комнат замка, украшенной множеством драгоценностей семи родов, находился царь нагов. Заметив издалека бодхисатву, он подумал: «Мое жилище окружено семью рядами рвов, во рвах полным-полно ядовитых змей; кроме нагов и якшей, никто не отважится сюда прийти. Кто таков этот человек и откуда он прибыл?»

Удивившись, он встретил бодхисатву, поприветствовал его и усадил на драгоценный трон, после чего угостил различными вкусными яствами. Когда бодхисатва поел, царь нагов спросил:

— Ты откуда и зачем пришел?

— Я пришел, — отвечал бодхисатва, — чтобы попросить у тебя, царь нагов, чинтамани.

— Эту драгоценность обрести трудно, — отвечал царь нагов. — Если ты действительно ее желаешь, то исполни мою просьбу: в течение двух месяцев оставайся здесь, покажи нам поведение бодхисатвы, а затем прими мое пожертвование, тогда подарю тебе чинтамани.

— Да будет так, — согласился бодхисатва.

Затем в течение двух месяцев царь нагов готовила различные вкусные яства и подносил их бодхисатве, сопровождая жертвоприношение звуками музыки. Бодхисатва же в течение двух месяцев наставляла его в четырех основах сверхъестественных сил.

Когда же он подумал об уходе, то царь нагов снял со своего головного украшения волшебную драгоценность и вручил ее со словами:

— Великий муж, твердый в своем обете, ты обязательно станешь Буддой. Когда же полное просветление обретишь, да стану я твоим учеником!

— Да будет так, — сказал бодхисатва и спросил: — Какова сила этой чинтамани?

— Силой этой драгоценности, — отвечал царь нагов, — все желаемое ниспадает дождем на пребывающих в округе четырех тысяч йоджан.

«Хотя сила этой чинтамани и велика, — подумал бодхисатва, — однако она еще недостаточна для свершения моих помыслов». Царь нагов проводил его за ворота замка, и он двинулся в путь и шел до тех пор, пока вдалеке не заметил сверкающий золотой замок.

Подошел к нему бодхисатва и увидал, что замок тот окружен семью рядами рвов, а во рвах полным-полно ядовитых змей. И опять помыслил бодхисатва с любовью [о змеях], ядовитые змеи успокоились, и он пошел, ступая по ним. У замка также лежали, свернувшись, две огромные змеи, головами касаясь ворот. Увидя бодхисатву, они подняли головы и выпустили ядовитые жааа. Но в силу милосердного помысла бодхисатвы успокоилась их ярость, и он, ступая по головам [змей], вошел в замок.

Царь нагов, пребывавший в палате замка, украшенной бесчисленными драгоценностями, увидал бодхисатву и с удивлением подумал: «Мое жилище окружено семью рядами рвов, во рвах полно ядовитых змей, поэтому никто, кроме нагов и якшей, сюда не отважится прийти. Кто этот человек и откуда он пришел?»

Царь встал навстречу бодхисатве, почтительно поклонился ему и усадил на драгоценный трон. Затем он угостил его различными вкусными яствами, а когда тот поел, спросил:

— Кто ты и откуда пришел?

— Я пришел из Джамбудвипы, — отвечал бодхисатва. — Духовные заслуги живых существ Джамбудвипы ничтожны, и в результате этого они всячески вредят друг другу, убивают одного другого за имущество, еду и питье, полностью привержены десяти неблагим деяниям. После смерти своей они тут же попадают на стезю трех дурных рождений и подвергаются многим мучениям. Поэтому, сжалившись над ними и желая взять их под свою защиту, я пришел, чтобы попросить у тебя, великий царь, волшебную драгоценность — чинтамани.

— Эту драгоценность обрести трудно, — отвечал царь нагов. — Если ты действительно ее желаешь, то исполни мою просьбу: в течение четырех месяцев оставайся здесь, покажи нам поведение бодхисатвы, а затем прими мое пожертвование, тогда подарю тебе чинтамани.

— Так и сделаю, — согласился бодхисатва.

Царь нагов на протяжении четырех месяцев угощал его различными вкусными яствами, сопровождая подношения музыкой. А бодхисатва раскрыл перед ним Учение во всей его полноте. И за это обрадованный царь нагов, невзирая на [недовольство] других нагов и якшей, предоставлял ему все, что только он пожелает.

После того как подобным образом прошло четыре месяца и бодхисатва собрался уходить, царь драконов вынул из своего головного украшения волшебный драгоценный камень и вручил его бодхисатве, произнеся такое моление: «Великий муж, твердый в своем обете, [ты] непременно станешь буддой. Когда же полное просветление обретешь, да сделаюсь я твоим лучшим учеником, да стану прислуживать тебе!»

— Да будет так, — ответил на это бодхисатва и спросил: — Какова сила этой чинтамани?

— Эта чинтамани такова, что все желаемое ниспадает дождем в округе восьми тысяч йоджан, — отвечал царь нагов.

Обрадованный бодхисатва подумал: «Протяженность Джамбудвипы — не более семи тысяч йоджан. Эта драгоценность поможет осуществить мое желание».

Подумав так, он завернул три чинтамани, добытые им, в полу одежды, вышел за ворота замка, провожаемый царем нагов со свитой, и отправился в [обратный] путь.

Пройдя немного, бодхисатва взял волшебные драгоценности в руку и произнес такое моление: «Если эти драгоценности действительно являются чин-

тамани, исполняющими желания, то пусть я полечу по небу». И как только прозвучали эти слова, он взмыл в небо и перенесся через море на другой берег. Здесь, немного усталый, он заснул.

Тем временем простые морские наги держали такой совет.

— В этом море, — говорили они, — есть только три драгоценности, исполняющие желания. Все три драгоценности унес этот человек. Раз эти драгоценности обладают такими достоинствами, то украдем их ради наших нужд.

И пока бодхисатва спал, наги украли у него драгоценности, исполняющие желания. Проснувшись, бодхисатва глянул и, не найдя чинтамани, подумал: «Их, конечно, украли морские наги. Я, сколько достанет моих сил, вычерпаю море и осушу его».

И, подумав так, он сказал себе: «Пока не возвращу чинтамани, не уйду».

И, подойдя к берегу моря, он взял черепаховый панцирь и стал вычерпывать им море. Морское божество, зная замысел бодхисатвы, сказала ему:

— Море это глубокое и широкое, простирается оно на тысячу триста тридцать йоджан. Пусть сюда придут даже все жители Джамбудвипы, они не смогут осушить море. Что уж говорить о тебе одном! Это бессмысленная затея!

— Если один человек выполняет работу от всего сердца, то нет такого, что он не смог бы свершить, — ответил ему на это бодхисатва. — Своими волшебными драгоценностями я хотел всем людям сотворить пользу и благо и за эту благую заслугу стать воистину Буддой. Если не падать духом, то почему же нельзя осушить это море?

Тем временем Вишну и другие боги увидали, как бодхисатва в одиночестве вычерпывает воды моря, предавшись всем телом и духом этой трудной работе во имя блага многих живых существ. И они подумали: «Надо помочь бодхисатве». Позвав один другого, божества приблизились к бодхисатве и увидали, как он вычерпывает воду. Тогда все божества сняли с себя небесные одежды и погрузились в воду. Когда они вышли из воды, то морские воды сократились на сорок йоджан. Вторично погрузились они в воду, и море сократилось на семьдесят йоджан. И в третий раз они погрузились в воду, и море сократилось на двести йоджан.

Тут наги перепутались и подошли к бодхисатве со словами:

— Остановись, прекрати осушать море.

Бодхисатва остановился, и наги спросили его:

— Зачем тебе нужны эти волшебные драгоценности?

— Они нужны для блага живых существ, — ответил тот.

— Они нужны для блага живых существ, но ведь в море также много живых существ, зачем же нам [отдавать] [волшебные драгоценности]? — возразили наги.

— Хотя в море и обитает много живых существ, — ответил им бодхисатва, — им неведомы страдания бедности. Живые же существа Джамбудвипы, ради богатства один другому зло и вред причиняя, десять неблагих деяний широко творят, за что после смерти все возрождаются в аду живых существ. Из сострадания к ним я и нуждаюсь в этих чинтамани.

Тогда наги достали волшебные драгоценности и вернули их бодхисатве. Морское божество, видя подобное усердие бодхисатвы, подумало: «Он непременно станет Буддой» — и произнесло такое моление: «Когда он обретет полное просветление, да сделаюсь я его лучшим учеником!»

Бодхисатва же, получив назад волшебные драгоценности, [силой их] взмыл в небо и прибыл в свою земаю.

— Вернулись ли мои сотоварищи — купцы, и благополучно ли они прибыли? — спросил он там.

Обрадовались и удивились, увидав его, купцы, которые благополучно достигли дома. Они пошли к брахману Каццале, и тот, когда услышал о возвращении из-за моря бодхисатвы, устроил большой пир для него и его сотоварищей — купцов.

Тут бодхисатва взял в руку чинтамани и, войдя в дом брахмана, наполнил богатствами все его сокровищницы. После этого брахман поднес бодхисатве воду в драгоценном сосуде. Тот омыл свое тело и ноги, а брахман украсил дочь различными драгоценностями, взял ее за руку и вручил бодхисатве, который принял ее, доставив брахману огромную радость. Брахман дал дочери пятьсот юных рабынь и пятьсот богато разукрашенных слонов, и под звуки музыки бодхисатва и его свита двинулись в путь.

Родители же Цинпа-ценпо, расставшись с сыном, не осушали слез, отчего оба ослепли. Вернувшись из-за моря и встретившись с родителями, Цинпа-ценпо поприветствовал их, а те, обняв его, узнали в нем своего сына.

— Цинпа-ценпо, когда ты оставил нас и ушел, наши глаза ослепли. Что же ты достал за морем? — спросили родители сына.

— Я достал вот это, — ответил сын и вложил в руку отца волшебные драгоценности.

Тот сжал руку и сказал:

— Подобных камней в моей кладовой и раньше много было. Стоило ли из-за этого идти на такие лишения!

Тогда бодхисатва взял чинтамани, потерял ими глаза родителей, и тут же, подобно тому, как сильным ветром разгоняются тучи, была развеяна слепота отца с матерью, и они стали видеть лучше, чем прежде.

— Это действительно волшебные драгоценности, — сказали обрадованные родители. — Похоже, что с их помощью можно избавиться от всех бед.

Тогда Цинпа-ценпо поднял чинтамани и произнес такое моление: «Если вы настоящие чинтамани, исполняющие все желания, то пусть появится трон для моих родителей, сделанный из семи различных драгоценностей, и над тем троном пусть будет драгоценный багдахин». И не успел он произнести это моление, как все тут же свершилось. И наполнились также все царские сокровищницы.

Затем царь послал гонца на слоне, проходящем восемь тысяч йоджан, объявить всем жителям Джамбудвипы следующее: «Цинпа-ценпо достал за морем волшебные драгоценности. Эти чинтамани, обладающие замечательными свойствами, через семь дней дождем ниспошлют на всех различные ценности: одежду, еду и все необходимое. Да возьмет каждый все то, что будет ему во благо».

И вот Цинпа-ценпо совершил омовение, надел новые одежды, поставил на равнине штандарт, на верхушке которого прикрепил чинтамани. Затем он взял в руку курительницу и произнес такое моление: «Все люди Джамбудвиры бедны, и необходимо их избавить от лишений. Поэтому если драгоценности, исполняющие желания, в действительности являются таковыми, то пусть ниспадет дождем все, что требуется каждому!»

И тут же со всех четырех сторон подул сильный ветер, который сразу же дочиста вымел всю грязь и нечистоты, выпал мелкий дождичек, который прибил пыль, дождем ниспали всевозможные кушанья и напитки, а затем дождем ниспали зерна разных злаков, потом дождем ниспали одежды, и, наконец, дождем ниспали драгоценности, так что Джамбудвира покрылась кучами драгоценных камней и стало драгоценностей как щебня и черепков.

И, удовлетворив таким образом всех, бодхисатва обратился к людям Джамбудвиры со следующими словами:

— Живые существа Джамбудвиры! Вы ради одежды, пищи и богатства один другого убивали, один другому чинили вред и творили лишь неблагие дела, за что после смерти попадали на стезю трех дурных рождений и шли от мрака к мраку. Из милосердия к вам я презрел морские опасности и многие страдания, ради вашего блага достал за морем волшебные драгоценности, и вы стали пребывать в довольстве, обладая всем. Поэтому телом, словом и помыслом следуйте пути десяти правил нравственного поведения и прилежайте на этом пути!

Так бодхисатва всячески наставлял и уговаривал жителей Джамбудвиры. И в результате таких наставлений и уговоров все они твердо вступили на путь десяти правил нравственного поведения, в силу чего после своей смерти возрождались в высшей сфере богов.

— В то время, в той жизни, — сказал затем Победоносный, — брахманом Ньягрома был мой нынешний отец Шудходана. Матерью Цинпа-ценпо была моя мать Махамая. Цинпа-ценпо же — это ныне я сам. Наг, пребывавший в серебряном замке, — это нынешний Шарипутра. Наг, пребывавший в ляпислазуревом замке, — это нынешний Маудальяна. Наг, пребывавший в золотом замке, — это Ананда, а морское божество — Анирудха. Ананда, в бытность свою царем нагов, также прислуживал мне и знал всему время. Поскольку он вплоть до сего дня время всему знает, я охотно согласился с тремя его желаниями.

Когда Победоносный произнес эти слова, возрадовался Ананда, преклонил колени и сказал:

— Вплоть до конца своей жизни я буду прислуживать Татхагате.

Выслушав рассказ Победоносного, некоторые из его многочисленного окружения обрели духовные плоды: от вступления в поток до обретения архатства. Некоторые стали пратьекабуддами. Некоторые породили помысел о наивысшем духовном пробуждении. Некоторые стали пребывать на стадии анагаминов. И радость их была безмерна³⁸⁰.

«В мифологии махаяны распространены легенды, повествующие о том, как философ Нагарджуна добыл у нагов сутру “*Праджняпарамиту*”, которая ими охранялась до тех пор, пока люди не созрели до ее понимания»³⁸¹.

Вне Индии наги сопоставлялись с местными змееподобными божествами (как, например, с лу в Тибете).

Можно предположить, что наги были известны и древним китайцам, о чем свидетельствуют находки в провинции Ганьсу.

Вот легенда, записанная в Индии паломником Фа Шенем в начале V в.:

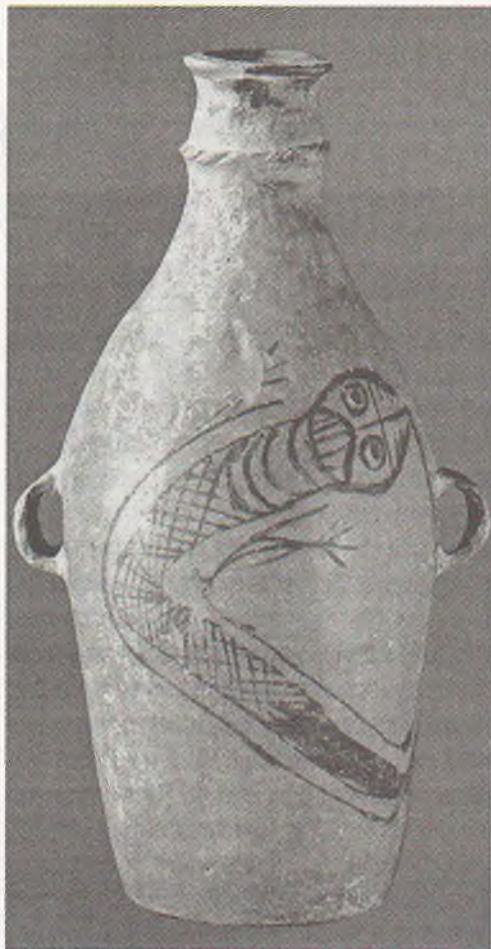
«Царь Ашока пришел к озеру, близ которого стояла башня. Он пожелал разрушить ее, чтобы возвести другую, более высокую. Некий брахман уговорил его войти в башню, и когда царь вошел, брахман сказал: “Человеческий мой облик — это мнимость, на самом деле я — наг. За грехи мои я обречен жить в этом ужасном теле, но я соблюдаю закон, заповеданный Буддой, и надеюсь на искупление. Можешь разрушить это святилище, если полагаешь, что способен воздвигнуть лучшее”.

Брахман показал царю ритуальные сосуды. Царь взглянул на них и ужаснулся, ибо они были совсем не похожи на те, которые изготовляют люди, и отказался от своего намерения»³⁸².

«**Ниланагу, или Синему нагу**, приписывается авторство реально существовавшей книги “*Ниламатпурана*”. Эта книга, по утверждению ученых, была написана (записана) в VI—VII веках н.э. Из нее можно узнать, как после осушения богом Вишну древнего озера Сатисара возникла Кашмирская долина, покровителем и королем которой был назначен Ниланаг. Он жил в под-

Глиняная бутылка типа Яншао
с изображением полузмеи-получеловека.
V—III тысячелетие до н.э.
Эпоха Ся, XXI—XVII вв. до н.э.
Найдена в провинции Ганьсу

земном дворце в Гималаях, носил сверкающую корону и одежду, шитую драгоценными камнями. Над его короной поднимался змеиный капюшон. Покровитель Долины был мудр, владел тайными знаниями и искусством магии. Свои первые наставления жителям вверенной ему долины наг передал через брамина Чандрадеву. По особым дням, установленным Ниланагом, жители Долины молились в святилищах и алтарях боже-ству архитектуры Васту, узорам, вышитым искусными ремесленниками, актерам, дававшим представления, музыкальным инструментам и кни-гам»³⁸³.

В записках некоего греческого путеше-ственника читаем: «Вся Индия кишит драконами огромного разме-ра; они обитают в горах, на болотах, и нет ни одной горы, в которой бы ни жил дракон».

В «Вендидаде» укусы Змея превра-тили прекрасную вечную весну Айрь-яна Вазджо в зиму, порождающую болезни и смерть.

«Апалала — водный дракон из буддийских легенд. Он живет в источ-нике реки Сват. Согласно легенде, превратился в Будду.

Ахи Бухнья — (“змей глубин”), персонаж ведийской мифологии, об-

ладающий змеиной природой. В Ригведе упоминается 12 раз в гимнах «Всем богам», обычно в связи с Аджа Экападом, Апам напатом, Савитаром, океа-ном, потоком. Он связан с низом и водами, рожден в водах и сидит в глубине рек, имеет отношение к морю. Вместе с тем Ахи Бухнья в какой-то мере причастен к небу и земле, солнцу и месяцу, горам, растениям, животным. В сво-их истоках Ахи Бухнья идентичен с Вритрой (Вритра тоже “змей”, лежащий на дне) и некогда считался вредоносным. Еще позже Ахи Бухнья — имя Руд-ры и эпитет Шивы. Эпитет Бухнья родствен древнегреческому имени Пифон и сербохорватскому Бадняк»³⁸⁴.

В индийской мифологии **Вритра** (Витра) — исполинский многоглавый дра-кон «Всепоглонитель».

Так пересказывает эту легенду Н.Р. Гусева: «Из священного напитка сомы и огня сотворил его божественный кузнец, демон-асур Тваштар.

...Когда индийский бог-творец Тваштар устроил грандиозный пир, бог грозы Индра остался без приглашения. Индра-громовержец оказался на редкость наглым и самоуверенным богом — он явился незванным и выпил все имевшееся на столах священное зелье — сому. Тваштар разгневался и создал орудие мести — гигантского дракона Вритру.

Свернувшись в девяносто девять колец, разлегся Вритра на вершинах гор, перекрыл течение рек и поглотил их воды. И он становился все больше и больше, пожирая все живое: людей, птиц, скот...

— Он съест весь мир! — перепугались боги. — А потом и за нас примется!

И воззвали они о помощи к самому царю богов — громовержцу Индре. Надел Индра волшебные непробиваемые доспехи, взял меч, копье Амогха, разящее без промаха, и устремился на дракона Вритру.

Злобно зашипев, дохнул дракон на богов пламенем. Устрашились боги. Бежали, оставив Индру один на один с чудовищем. И вновь неустрашимый царь богов ринулся на дракона. Тогда открыл Вритра свою пасть и в мгновение ока проглотил Индру, а после заснул, сытый и довольный победой.

Тогда один из трех богов — создателей Вселенной — многорукий, трехглазый Шива, наблюдавший за сражением, подослал к дракону Вритре зевоту. Широко раскрыв пасть, зевнул Вритра, и царь богов выскочил оттуда целый и невредимый. Отсек Индра своим волшебным мечом все головы дракона»³⁸⁵.

421

Трехголовый змей мрака захватил солнце.
Наступила полярная ночь.

Источник: Б.Г. Тилак «Арктическая родина
в Ведах»

Индра победил змея,
освободив солнце.

Источник: Б.Г. Тилак «Арктическая родина
в Ведах»

Он убил змея, он просверлил (русла) вод,
Он рассек недра гор
Он убил змея, покоившегося на горе.

Когда ты, Индра, убил перворожденного из змеев
И перехитрил хитрости хитрецов,
И породил солнце, небо, утреннюю зарю,
С тех пор ты уже в самом деле не находил противника.
Как [ствол дерева], ветви [которого] топором обрубленные,
Змей лежит, прильнув к земле.

Ригведа

Перевод И.А. Святополка-Четвертынского³⁸⁶

Н.Р. Гусева продолжает: «Из черепа самой большой головы сделал он чашу и украсил драгоценными камнями, а туловище рассек надвое. Та часть, что божественный кузнец Тваштар сотворил из сомы, поднялась в небо и стала Луной, а та, что сотворена была из огня, осталась на земле...

Здесь поневоле вспомнишь о том, что в «славянских мифах с образом Индры сближается упоминаемый в «Голубиной книге», имевшей в Средние века хождение на Руси, зверь по имени Индрик, который «всем зверям отец» и «прочищает все ключи источные» (его же там упоминают и как Индру и как Индрока).

У нас Индрик-зверь, всем царям зверь,
И он ходит, зверь, по подземелью,
Яко солнышко по поднебесью.
Он проходит все горы белокаменные,
Прочищает ручьи и проточины,
Пропуцает реки в кладези студеные...³⁸⁷

Это прямо совпадает с верой арьев в то, что Индра бьется с черными демонами, ненавидящими свет, побеждает их и возвращает к жизни воды, превращенные ими в камень, после чего реки снова бегут к морю»³⁸⁸.

В индийской мифологии Вишварупа — гигантский дракон с тремя головами. Вот как он описывается в древнем индийском эпосе Махабхарата: «Один лик его подобен солнцу, другой — луне, третий — пламени».

«Равана (древнеиндийский «ревущий»), в индуистской мифологии царь ракшасов и антагонист Рамы, главного героя эпоса Рамаяна. Он наделен чертами дракона: имеет десять голов, способен передвигаться по воздуху на своей колеснице Пушпаке, живет среди вод на острове Ланка, разоряет земли,

пожирает живые существа, похищает женщин. Согласно Рамаяне, Равана десять тысяч лет предавался суровому подвижничеству, чтобы умили-вить Брахму, и за это Брахма наградила его даром неуязвимости для богов и демонов. В силу этого дара Равана получил власть над трилокой; он изгнал своего сводного брата Куберу с Ланки и основал там царство ракшасов, победил Индру, заставил богов прислуживать себе в его доме (Агни был его поваром, Варуна доставлял ему воду, Ваю мел пол и т.д.). Чтобы избавиться от тирании Раваны, боги попросили Вишну родиться в облике смертного человека — Рамы. Рама убил Равану в битве под Ланкой, поразив его в сердце стрелой Брахмы (до этого Рама тщетно отсекал у Раваны голову за головой, но они мгновенно вырастали снова). Этимологию имени Равана раскрывает миф о его соперничестве с Шивой (Рам. VII 16): однажды Равана попытался сокрушить гору Кайласа, на которой покоились Шива и Парвати, но Шива прижал к земле гору (а вместе с ней и Равану) большим пальцем своей ноги; от боли Равана издал рев, сотрясший миры, и Шива, спустя некоторое время отпустивший Равану, назвал его “ревуший”. Главной супругой Раваны была Мандодари. Она вместе с другими его женами сожгла себя по обычаю сати на погребальном костре мужа³⁸⁹.

«Ри-Тлен» — буквальный перевод “содержание змей”. Страшная разновидность колдовства, практикуемая в Черрагунджи в Кхаси-Хилз. Первая является древней столицей последней. Как повествует легенда, века тому назад тлен (змей-дракон), обитавший в пещере и пожиравший людей и домашних животных, был убит местным св. Георгием и расчленен, причем каждая часть была послана в свой округ для сожжения. Но кхасы свою часть сохранили и сделали ее своего рода домашним богом, а их потомки сделались ри-тленами, или “содержателями змей”, так как часть, ими сохраненная, превратилась в дракона (тлен), и с тех пор определенные семьи браминов этого округа постоянно находятся под его содержанием. Чтобы приобрести расположение своего тлена и сохранить собственные жизни, эти “содержатели” часто должны убивать женщин и детей, которым они отрезают ногти рук и ног, предаваясь таким образом многочисленным деяниям черной магии, связанным с колдовством и некромантией.

До сих пор в Индии почитают и самих змей, и места их обитания. Существуют святилища змей и культовые праздники. Один из самых популярных змеиных праздников — Нага-панчами. В этот день и закланители змей, и простые жители селений идут в лес и возвращаются оттуда с полными корзинами змей. Их выпускают во дворах и на улицах, угощают молоком, набрасывают на шею, обертывают вокруг рук. Змеи терпеливо сносят поклонение, а к ночи уползают в свои норы³⁹⁰.

ДРАКОНЫ В ЛАОСЕ

«У лаосцев особенно выражена функция нагов как духов — защитников страны. Так, считалось, что столицу Лаоса Луангпрабанг охраняют двенадцать нагов во главе с Тхао Бунсонгом и Тхао Тонгкхуангом. По указанию нагов был построен Вьентьян. Наги в дождливый сезон обитают в прудах и на рисовых полях, залитых водой, а в сухой — плавают в реках и тогда бывают злы.

424

Наги часто гnevаются; считается, что их дыхание ядовито, а взгляд может принести смерть.

С наступлением сезона дождей устраиваются обряды с целью облегчить нагам переход из рек во внутренние водоемы для обеспечения плодородия полей. Наги обитают также в скалах. По средневековым лаосским манускриптам, существуют пятнадцать царей нагов (прайя наг). Они живут у сливной рек, на порогах. Согласно этим данным, наиболее могучие наги — Пха Сьа, охраняющий север страны, и Паксопроп»³⁹¹.

ДРАКОНЫ В БУТАНЕ

Как пишет А. Сафронов, «одно из мест, где можно повстречать драконов — тинстинное королевство Бутан, зажатое между Индией и Китаем. Оно так иногда и называется: “Друк Юл” — страна Громового Дракона. Доминирующая этническая группа в Бутане составляет около 60 процентов населения и называет себя не иначе как Drukpas (“люди дракона”). Глава Бутана является наследственным королем и именуется Druk Gyalpo (“Король дракона”). Для гостей здесь организуется тур к высокогорным буддистским крепостям-монастырям — “дзонгам”. Именно в окрестностях монастырей может изредка появиться Бутанский Дракон. Его, как говорят местные жители, привлекают туда молитвы монахов.

Бутанский Громовой Дракон, по отзывам монастырских служителей, — животное миролюбивое и даже мудрое: на людей он не бросается и даже не рычит на них. Да и вообще, дракон этот — не плотоядный и питается лишь горным снегом. Впрочем, по-другому и быть не могло. Ведь в Бутане все располагает к спокойствию и умиротворению. Народ в горном королевстве свои древние традиции тщательно оберегает. А потому дракону здесь, в общем, буйствовать не из-за чего. “Каковы в стране люди, таковы в ней и драконы” — гласит бутанская пословица.

Громовой Дракон, увидеть которого хотели бы многие, водится в предгорьях. А лучший обзор предполагаемых мест обитания дракона открывается

Флаг Королевства Бутан — страны Громого Дракона

из монастыря “Тигриное гнездо”, расположенного на вырубленном в скале пологом уступе. К монастырю еще сотни лет назад в скалах были прорублены удобные проходы с перилами и площадками для отдыха. Как монахи поднимали вверх булыжники, бревна и кирпичи для строительства — совершенно непонятно.

Путь к “Тигриному гнезду” начинается из цветущей долины неподалеку от городка Паро. Четыре-пять часов ходьбы по ступенькам, и вы у стен монастыря.

Смотровая площадка расположена у самого края пропасти. Площадка эта даже не имеет ограждений, над ней с клекотом вьются орлы и грифы. Смотреть не только вниз, но и вбок — жутковато. Отсюда видны сияющий пик Джомолхари и несколько вершин поменьше. Именно там, среди вечных снегов и тишины, обитает Громовай Дракон. В “Тигрином гнезде” убеждены, что, если гость не заметил там дракона, это совсем не значит, будто Дракона нет в природе. Просто гость плохо смотрел.

Монах, сопровождающий гостей, заметив их недоумение, протянет руку, укажет куда-то вдаль и скажет на ломаном английском: “Да вот же он — сидит, щурится от солнца.” А когда гости загадают: “Где же? Где?! Там ведь, кроме льда, ничего нет!” — монах лишь пожмет плечами и отвернется. Гид, желая разрядить ситуацию, скажет: “Я и сам его не вижу, но монахи уверены — дракон всегда где-то рядом. Надо только смотреть получше”.

И гостям ничего не остается, как, напрягая глаза, скользить взглядом по белым отвесным кручам — вдруг где-нибудь покажется хвост Громого Дракона. Или хотя бы раздастся шуршание его крыльев³⁹².

ОСТРОВНЫЕ ДРАКОНЫ

Берар Эйвельманс пишет: «Только Австралия сохранила до наших дней такое количество животных, которым давно полагалось бы превратиться в окаменелости.

426

Прежде всего хочется назвать колоссальных размеров змей Центральной Австралии, которых называют воллунква, а вместе с ними их сородичей по имени минди, иначе говоря, радужных змей. Цвет последних изумительно красив, но замороженное созерцание этой радуги может оказаться последним в вашей жизни. К счастью, пресмыкающееся выделяет тошнотворный запах, который предупреждает о его появлении. Минди приписывают также другие несчастья: считается, что змея сеет за собой эпидемию сифилиса.

Эти змеи, живущие в прибрежной полосе, практически неизвестны во внутренних районах, где за год во многих местах едва выпадает 500 миллиметров осадков. Поэтому для местных племен эти змеи — один из источников сведений для фантастических историй и легенд»³⁹³.

Аборигены Австралии бережно хранят легенды о змеях в своих мифах Сновидений, где рассказывается о сотворении мира. В центральных районах Австралии можно найти изображения Змеи-Радуги, которая проходила легендарным маршрутом от северного побережья и по пути создавала реки, горы и людей.

«Джата в мифах нгаджу острова Калимантан (Малайзия) — змееобразное женское существо. Джата извечна, обитает в нижнем подводном мире, вход в который находится в глубоком омуте на мировой реке. Подданные Джаты, когда находятся в нижнем мире, человекоподобны, поднимаясь в средний мир (земля), принимают облик крокодила.

Земля, созданная Махаталой, лежит в Мировом океане между хвостом и головой Джаты и опирается на ее горб. По другим версиям, Джата обвила землю и кусает собственный хвост. Джата составляет двойственное единство с Махаталой (это нашло отражение и в изображениях пернатой змеи и змееобразной птицы-носорога, распространенных в прикладном искусстве даяков Калимантана, в т.ч. нгаджу)»³⁹⁴.

«Кахауси-Бваре, в мифах меланезийцев Соломоновых островов дух в облике змеи, предводительница всего живого, родоначальница ремесел, дарительница и хозяйка пищи. Живет в пещерах на склоне горы. Создает первых людей бессмертными. Но однажды Кахауси-Бваре, оставшись стеречь ребенка первой женщины, приходит в раздражение от его крика и плача и душит его своими кольцами, — так люди познают смерть.

Лагулагу, То Лагулагу, в мифах гуантуна (остров Новая Британия) дух-змей, demiург. Создал все живое, людей из глины, песка, земли (по другой версии, из собственных экскрементов, крови). Лагулагу — хозяин грома, молнии, дождя и радуги. Покровитель обрядов инициации.

Макалидунг, в мифах манобо (остров Минданао, Филиппины) бог, создатель земли. Макалидунг поставил землю на железных сваях и поселился с уда-

вом в центральной из них. Будучи недоволен людьми, трясет сваю, вызывая землетрясение. Макалидунгу присущи змееобразные черты божества нижнего мира.

Нденгеи, в мифах меланезийцев острова Фиджи, дух (божество) гигантский змей. Нденгеи — либо нетварное существо, либо родился из камня. Живет в пещере, скрытой в горе на острове Вити-леву. Нденгеи — demiург, культурный герой. Создает день и ночь, рельеф островов Фиджи (вариант: Нденгеи посылает в странствие по островам одного из своих сыновей, за которым волочится его одежда, — так возникают горы и камни), водяные потоки; творит первых людей. Нденгеи устанавливает миропорядок, людей разделяет на родственные группы. Обучает людей плотницкому ремеслу (назначая сына мастером-плотником), навигации, воинскому делу (наделяя их оружием). Нденгеи — хозяин грома, молнии, дождя, землетрясения; насылает на людей потоп в наказание за убийство священной птицы Туру-кава. Согласно поверьям, дух умершего человека должен предстать перед Нденгеи, чтобы пройти “очищение”.

Пане на Болон, в мифах батаков (остров Суматра, Западная Индонезия) — рогатый змей, повелитель нижнего мира и морской стихии. Иногда отождествляется с Нага Падоха. За год оборачивается вокруг земного диска, насылая в пути на земаю войны, эпидемии и другие несчастья.

Согласно древним представлениям малагасийцев о посмертном существовании (фанаки), из трупной жидкости зарождается червяк, превращающийся затем в угря, крокодила, змею или семиглавого змея Фанампитулуху, т.е. в обитателя водного мира. Фанампитулуху (персонаж аналогичный морскому змею, повелителю нижнего мира в мифах Индонезии) занимает в водном царстве Рафары особое место, являясь перевоплощением убитого героя. Мстя за убийство, он обвивается вокруг обидчика, его деревни или всего мира, пожирая своих недругов. По одному из мифов, герой Андриамбахуака добровольно отдает себя и свою семью на съедение Фанампитулуху.

Радужный Змей, Змей-радуга, у австралийских племен распространенный мифический персонаж (типа евразийского дракона). В образе Радужного Змея объединяются представления о духе воды, змее-чудовище, магическом кристалле (в котором отражается радужный спектр), который используется колдунами; радуга ассоциируется с дождем и магией плодородия. В мифах Радужный Змей часто выступает как могучий предок, «отец». Например, у племени муринбата Радужный Змей Кунмангур — отец отца одной и отец матери другой «половины» (фратрии) племени. У юенгоров в мифах цикла “Кунапипи” Радужный Змей сопровождает Кунапипи в ее странствиях, участвует в делах творения, проглатывает и выплевывает сестер-прародительниц и их детей; мотив проглатывания Радужным Змеем и выплевывания им сестер одновременно отражает символику инициации (временная смерть и новое рождение) и эротическую символику магии плодородия.

Ряд мифов выявляет демонический аспект Радужного Змея — Радужный Змей или его сын совершает деструктивные деяния, нарушает строгие табу, например, сын Кунмангура смертельно ранит отца, совершает инцестуальное насилие над сестрами³⁹⁵.

ДРАКОНЫ В НОВОМ СВЕТЕ

428

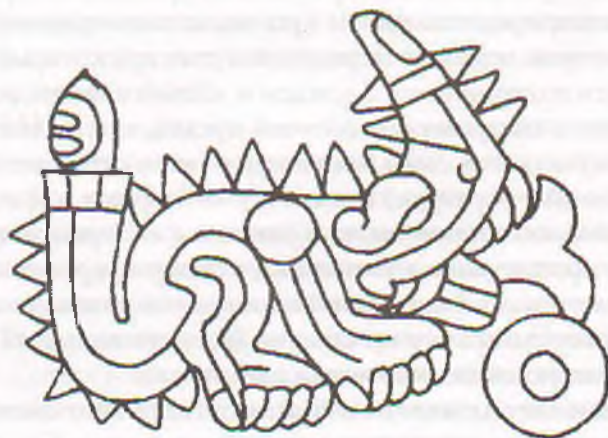
Обратив взгляд на другую сторону Атлантики, мы неизбежно столкнемся с целой плеядой Змеев: Виракоча, Кецалькоатль, Вотан, Гукумац, Кукулькан, Ицамана, Сипактли.

«Огромное чудовище Сипактли, некогда обитавшее в космическом пространстве, было разделено богами на несколько частей. Голова превратилась в тринадцать небес, центральная часть — в земаю, а из хвоста получилось девять преисподних. Так возникла Вселенная»³⁹⁶.

В мифах, которые приводятся в сборнике древних религиозных текстов майя “Книге Чилам — Балама”, сообщается, что первыми жителями Юкатана были “Люди Змеи”. Они приплыли на лодках с востока во главе со своим вождем Ицаманой, “Змеей Востока” — великим лекарем, который мог лечить наложением рук и оживлял мертвых.

Так, прародительница муисков Бачуе является в образе змеи. Змея считалась прародительницей рода у хопи. Более того, сами хопи непосредственно идентифицировали себя с этим пресмыкающимся и даже называли себя змеями. Примечательно, что даже маленькие дети безбоязненно играли с ядовитыми змеями, а те не кусали их. Женщины хопи считали, что они вступают в связь со змеями и рожают от них детей.

Индейцы кечуа в Центральной Америке утверждают, что их предки из исчезнувшей земли “были змеями”, покрытыми волосами; такой же культ змей как своих предков мы видим в Африке, причем прародина этих людей также

Дракон Сипактли с хвостом в виде каменного ножа. Древнемексиканский календарь.
Источник: Бидерман Г. «Энциклопедия символов»

считается “съеденной морем”. Аналогичные этим представления о Змеедеве-прародительнице встречаются у скифов, а позднее и русских.

Согласно мифам индейцев Восточной Боливии, небо некогда упало на землю, но Змей, обвинившийся вокруг них, вновь разъединил их и продолжает держать разъединенными.

Племена алгонкинов (оджибве, могикиане, делавары, наскапи и др.) поклонялись Пиасе. Это был дракон с человеческой головой и гривой льва, он жил в долине Миссисипи и не беспокоил людей. Но однажды Пиаса нашел тело мертвого индейца и решил отведать его мяса. С тех пор люди потеряли покой и обрели смерть — Пиаса начал охотиться, утаскивая жертвы в свою берлогу³⁹⁷.

«Оннионт, в мифах гурунов — гигантский змей с рогом на голове, обладавшим способностью пробивать горы. Рог Оннионта считался талисманом, обеспечивающим удачу на войне и охоте.

Сиуакоатль (“женщина-змея”), Тонацин (“наша мать”), Киластли (“орлица”), Иламатекутли, одно из древнейших божеств у индейцев Центральной Америки, у ацтеков богиня земли, деторождения и войны, мать Мишкоатля.

Мишкоатль (“облачный змей”), Истак Мишкоатль (“белый облачный змей”), Кашаштли, в мифах ацтеков — бог звезд и туч, сын Сиуакоатля, отец Уицилопочтли, Кецалькоатля, Теноча. Первоначально у чичимеков Мишкоатль был божеством охоты, почитавшимся в виде оленя. Позднее у ацтеков связывается с культами Уицилопочтли и Кецалькоатля и рассматривается как прародитель племен науа.

Чималькан, Цоциха-Чималькан (“прекрасная змея” или “прекрасная змея рода летучих мышей”), в мифах какчикелей — божество, первоначально почитавшееся под видом летучей мыши. Позднее его образ слился с Кецалькоатлем, привнесенным тольтеками, и уже представлялся в виде пернатой змеи. К началу XVI века Чималькан почти слился с Тохилем³⁹⁸.

Так вспыхивает свет и создается мир —
Его по-своему образовать желает
Кецалькоатль — Перо на чешуе,
Орел-Змея, Паренье в небесах
и Станье по земле.

*Хосе Лопес Портильо. «Сказание о Кецалькоатле»
Перевод М. Былинкиной³⁹⁹*

«Кецалькоатль (эзмея, покрытая зелеными перьями), в мифологии индейцев Центральной Америки — одно из трех главных божеств, бог — творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий, бог утренней звезды, близнецов, покровитель жречества и науки, правитель столицы тольтеков — Толлана. Имел много ипостасей, из которых наиболее важные: Экаталь (бог ветра), Тлауискальпантекутли (бог планеты Венера), Шолотль (бог близнецов и чудовищ), Се-Акатль и др.

Кецалькоатль — сын Мишкоатля и Чимальмат. Первые изображения Кецалькоатля, обнаруженные в скульптуре ольмеков, относятся к VIII—V вв. до н.э.

Кецалькоатль.

Галич М. «История доколумбовых цивилизаций»

В этот период Кецалькоатль был олицетворением ветров с Атлантики, приносивших влагу на поля, и культурным героем, давшим людям маис. В I—VI вв. н.э. культ Кецалькоатля распространился по всей Центральной Америке. Он стал верховным богом, творцом мира, создателем людей и основателем культуры»⁴⁰¹.

«Подобно своему задолго до того исчезнувшему близнецу, белому и бородатому андскому богу Виракоче, Кецалькоатль, как говорят, принес в Мексику все ремесла и науки, необходимые для перехода к цивилизованной жизни... Верили, что он принес в Центральную Америку письменность, изобрел календарь и был блестящим строителем, который научил людей секретам каменной кладки и архитектуры. Он был отцом математики, металлургии и астрономии; про него говорили, что он «измерил землю». Он также явился родоначальником продуктивного земледелия, открыл и внедрил кукурузу — основу жизни в этих краях. Великий врачеватель, он был покровителем лекарей и чародеев, «открыл людям загадочные свойства растений». Кроме того, он был почитаем как законодатель, покровитель ремесел и искусств...

Кецалькоатль добывает людям пищу: превратившись в муравья, он проникает в муравейник, где спрятаны зерна маиса, выкрадывает их и передает людям. Кецалькоатль научил людей находить и обрабатывать драгоценные камни, строить, создавать мозаики из перьев, следить за движением звезд и вычислять даты по календарю. В этот же период у Кецалькоатля появляются и функции покровителя жречества: по мифу, он является установителем жертвоприношений, постов и молитв»⁴⁰¹.

«В последующий период Кецалькоатль вступает в борьбу со своим антиподом Тескатилокой. Тескатилока соблазняет старого Кецалькоатля, и тот нарушает свои же запреты: пьянствует, вступает в общение с сестрой. С его подданными — тольтеками происходят несчастья, вызванные тем же Тескатилокой. Огорченный Кецалькоатль покидает Толлан и удаляется в добровольное изгнание в страну Востока, где умирает, а тело его сжигают. По одному из мифов ацтеков, Кецалькоатль после поражения в Толлане удалился на

плоте из змей в восточную заморскую страну Тлилан-Тлапаллан, обещав через некоторое время вернуться из-за океана.

Перед этим он собрал вокруг себя ближайших своих учеников и уведомил их, что вернется в определенный день со стороны востока. Предсказанный им срок был уже близок, когда Эрнан Кортес, испанский завоеватель, со стороны востока прибыл в Мексику. Верховный правитель ацтеков Монтесума II не решился напасть на испанцев, опасаясь, что это будет война против бога. Простые ацтеки тоже не знали, как встречать пришельцев: то ли оказывать им вооруженное сопротивление, то ли почитать как богов»⁴⁰².

Берналь Диас Дель Кастильо в «*Правдивой истории завоевания Новой Испании*» пишет: «Кортес принял ее [девушку] с радостью, но заявил, что прежде всего и девушки, и весь народ должны отказаться от идолов и стать христианами. Все их мерзости, сказал Кортес, должны быть немедленно прекращены; тогда только мы с ними породнимся и впоследствии наградим их многими новыми землями. Но касики, *raras* и знатные с ужасом возопили, что им невозможно остаться без своих идолов и жертвоприношений, ибо то их божества, которые по сие время давали им и урожаи, и мир, и все необходимое.

Столь неподходящий ответ произвел на всех нас тяжелое впечатление, ибо мы знали и даже видели, как изо дня в день резали людей перед алтарями. Кортес немедленно стал с ними совещаться, и мы решили во славу Бога уничтожить жертвоприношения и идолов, хотя бы это стоило нам жизни, так как туземцы несомненно будут сопротивляться. Мы выстроились в боевой порядок с нашим вооружением, и Кортес объявил касикам, что поход наш направлен против их идолов. Затем толстый касик и другие их предводители стали призывать множество воинов для защиты своих идолов, а мы стали подниматься по бесконечным ступенькам самого большого их сиез [пирамиды храма]. И еще раз толстый касик с другими знатными стали умолять Кортеса и угрожать: не губить их божеств, не позорить Семпоалы, иначе погибнем и мы, и они. Но тут не выдержал и Кортес; громовым голосом стал он поносить их за ложь, варварство и глупое упрямство. А донья Марина умело вернула слово об угрозе со стороны Мотекусомы, и они одумались, отказались от сопротивления, но согласия все же не решались дать. Мы же, человек 50, наконец забрались наверх, где стояли их идолы. Свалили мы их, разбили и осколки бросили вниз, по ступеням. И были те идолы страшны лицом и уродливы телом, не то люди, не то драконы, величиной то с годовалого быка, то с человека, то не более собаки. Вышла процессия *raras* в черных накидках, с нечесаными волосами, которые, как и лицо, измазаны были кровью, так что от них шел отвратительный смрад. Вышли они медленным шествием, шатаясь, стали собирать осколки своих демонов и убрали их»⁴⁰³.

«Кецалькоатль изображался в виде бородатого человека в маске, с огромными губами, или в виде змеи, покрытой перьями.

У индейцев майя Кецалькоатль назывался Кукульканом. Изображался он в виде пернатого змея с человеческой головой. Впрочем, число изображений Кецалькоатля огромно, самое раннее относится к VIII — V векам до нашей эры»⁴⁰⁴.

«В центральноамериканских культурах доколумбовой эпохи змея (по-ацтекски коатль) обозначала пятый день календаря. Для всех родившихся под этим знаком она была по преимуществу негативным предзнаменованием, так как считалась бездомным и бедным существом. Люди, зависящие от этого знака, становятся разбродными торговцами и воинами, вынужденными кочевать с места на место»⁴⁰⁵.

«...Коацекоалькос означает “Святынище Змеи”. Именно здесь в далекой древности высиделся на берег Кецаалькоатль со своими спутниками, прибыв в Мексику из-за моря на судах, борта которых блестели подобно змеиной коже»⁴⁰⁶.

«Ранее отмечалось, что об этом человеке и божестве сохранилось мало исторических сведений, но много легенд. Кецаалькоатлю поклонялись в разные времена. Великий миф всегда сплетает “небесное” и “земное” в общую картину, а события исторические и легендарные, когда они возвысились до символа, по своему духовному влиянию равносильны. В этом смысле Кецаалькоатль вполне сопоставим с Христом, который внешне отверг ветхую веру, но сохранил и утвердил мистическое ядро священного Закона Божьего в учении новозаветном. Кецаалькоатль тоже преобразовал древний культ. Сохранив привычные ритуалы, он возродил эзотерический календарь и вознес поклонение “Пернатому Змею” превыше Луны и Солнца; обновленное божество обрело космический масштаб.

Полагают, что произошло это на рубеже X и XI столетий, когда Кецаалькоатль, подобно Моисею, возглавил великий исход. Он увел своих приверженцев из Тулы (Толлана), что в Центральной Мексике, в далекий Юкатан»⁴⁰⁷.

Предания сообщают, что вождь по имени Кукулькан захватил город Чичен-Ицу на севере полуострова. Жители Чичен-Ицы признали его власть и вскоре стали поклоняться как богу. В честь нового властелина было построено главное здание города, воздвигнуты пирамиды. Характерно, что разные имена вождя и жреца имели общий смысл: Кукулькан и Кецаалькоатль означают «Пернатый Змей».

Теотиуакан — город богов, место, где люди становились богами; обитель тех, кто знает дорогу к богам. Легенда говорит о том, что пирамиды были построены великанами для того, чтобы превращать людей в богов.

Храм Кецаалькоатля — шестиступенчатая пирамида высотой 22 м.

На нем сохранились остатки многоцветья красок, покрывавших его в древности. В оформлении преобладал скульптурный мотив в виде огромных змеиных голов, которые выпядывали из облицовочных плит и красовались по бокам массивной центральной лестницы. Удлиненные челюсти были отягощены клыками, на толстой шее у каждой змеи — венчик из перьев.

В Чичен-Ице Кецаалькоатль, или «Пернатый Змей», в первую очередь построил святилище богу, имя которого он принял. Но высшее божество — это бог времени, видимо, поэтому новое сооружение воплотило все календарные и мистические пропорции. «Пирамида Кукулькана, несомненно, была сердцем майянского-тольтекской столицы. Девятиступенчатая пирамида имеет квадратное основание. На вершину ведут четыре лестницы, окаймленные ба-

Голова змея на стенах храма Кецалькоатля в Теотиуакане

люстрадой, которая в первом этаже начинается с прекрасно выполненной змеиной головы и в виде змеиного тела продолжается до верхнего этажа.

На каждой лестнице 91 ступень. 91 умножить на 4 — это 364. Где же 365-я ступень — последний день года? Она находится на самой вершине пирамиды, перед святилищем Кукулькана-Кецалькоатля.

Однако подсчетом дней года пирамида-календарь не ограничивается. Люди Пернатого Змея обозначили на ее стенах и месяцы. Каждая из четырех стен пирамиды разделена лестницей на две половины. Если учесть, что в пирамиде 9 уступов, то 9 половин, помноженные на 2, дают число 18. Да, 365-дневный год, воплощенный в этой пирамиде, имеет 18 месяцев. Таким образом, пирамида Пернатого Змея показывает год индейского календаря.

Скорее всего, это грандиозное сооружение, подобно Календарю Солнца, воспроизводит символическую картину Мироздания. Об этом свидетельствуют восходящие к небу ступени — $91 \times 4 = 364$, что равно четверти Господствующего Числа 1456^{409} .

«Среди самых запоминающихся достопримечательностей Тулы — сорокаметровая Стена змей: на ней изображены гигантские змеи, заглатывающие человеческие скелеты. На вершине пирамиды в центре города стоит храм бога Кецалькоатля. Некоторые из вождей тольтеков отождествляли себя с этим божеством»⁴⁰⁹.

Г. Хэнкок пишет следующее: «В Андах Виракоча путешествовал под разными именами. То же делал и Кецалькоатль. В некоторых районах Центральной

Америки (особенно у майя-киче) его называли Гукумац. В других местах, например в Чичен-Ица, его знали как Кукулькана. Когда оба эти имени перевели с местных наречий, оказалось, что они означают в точности одно и то же: Пернатый Змей. Кстати, также переводится и Кецалькоатль.

Были и другие боги, особенно у майя, чье описание очень близко к описанию облика Кецалькоатля. Один из них, великий просветитель Вотан, был, по описаниям, тоже светлокожим, бородатым и носил длинную рубаху. Ученые не смогли перевести его имя, но его символом, как и у Кецалькоатля, была змея. Другим родственным божеством был Ицамана, бог врачевания майя, тоже бородатая личность в длинной рубахе; его символом была гремучая змея»⁴¹⁰.

«Змей вообще занимал ключевое положение в пантеоне американских богов. Майя называли свою державу “Королевством Великого Змея”. Первосвященника, руководившего у майя отправлением религиозных обрядов в каждом из городов-государств исследователь Диссельгоф называет “князем змей”. Князь змей следил также за воспитанием детей высшей знати и “читал лекции” подчиненным жрецам, т.е. был высшим теологом. Помимо религиозных знаний он преподавал жрецам основы иероглифического письма, астрологию, астрономию и т.д. Степень почитания змея, с которой мы сталкиваемся на Американском континенте, возможно сравнить разве что с аналогичным почитанием дракона в Китае или же почитанием нагов в неариизированной Индии»⁴¹¹.

ДРАКОНОБОРЧЕСТВО

По правде говоря, у нас в наличии немало героев, а вот драконы — наперечет.

Из лекции Дж. Р.Р. Толкина
«Беовульф: чудовища и литературоведы»

ИСТОКИ ДРАКОНОБОРЧЕСТВА

Мировой Змей Шеша, представления о котором уходят в доиндоевропейскую древность, объемлет собою весь мир. Он бесконечен и потому имеет эпитет Ананта (Бесконечный)... Космос под воздействием Мирового Змея периодически умирает, для того чтобы тотчас же родиться и расцвести вновь.

В. Демин. «Тайны Вселенной»

В мифах ацтеков в Центральной Америке описываются сцены сотворения человека богом в виде пернатого змея Кецалькоатля, а помогает ему женщина-змея Чихуакоатль.

А. Элфорд. «Боги нового тысячелетия»

В мифах, рассказывающих о временах, когда «была только пустота», божественная сила драконов была настолько велика, что они участвовали в сотворении мира. Позже эту роль стали приписывать человекоподобным богам. Но и в этом случае мир создавался из поверженного дракона.

Во многих мифологиях змей-дракон участвует не только в сотворении мира, но и непосредственно в создании самого человека. Мудрые драконы-созидатели дали человечеству необходимые знания, помогали осваивать мир. Драконы — «владыки земли», являлись хранителями сокровищ и доступа к тайному знанию.

В.Я. Пропп писал: «Благой змей, змей-податель есть первая ступень змея, обрастающая потом в свою противоположность. Европа и Азия здесь ни при чем... от змея (из змея)... в обряде выходит охотник, в мифе — великий охотник, великий шаман. Оттуда же приносится первый огонь, а при появлении земледелия — первые плоды земли, отсюда же идет и гончарное искусство. Далее отсюда же будет следовать и великий вождь... Такой благой змей (податель магического знания и могущества) в репертуаре сказки уживается с врагом рода человеческого, чудовищем, которое надо уничтожить... Штернберг неоднократно говорит о дуализме в представлениях о змее. Этот “дуализм” получился в процессе развития представлений о змее. Есть не два разных змея, а две ступени его развития. Первоначально благой змей превращается затем в свою противоположность. И только тогда возникает представление о змее-чудовище, злом змее, которого надлежит убить, и образуется тот сюжет змееборства, который развивается в истории не сам по себе, не эволюционно, не имманентно, а вследствие противоречия своих первоначальных смысловых форм новым формам общества и его культуры»⁴¹².

А. Складаров замечает, «что в описанной трансформации роли дракона в мифологии обнаруживается интересная закономерность: чем меньше возраст мифа, тем более “нехорошими” становятся драконы и тем хуже становятся их отношения как с людьми, так и с человекоподобными богами.

Наиболее ранние мифы, уходящие корнями в седую старину, не разделяют плохого и хорошего, добра и зла в привычном для нас понимании. Боги в этих мифах обладают одновременно всеми качествами: могут быть как добрыми, так и злыми, менять настроение, свое отношение к людям и вести себя непредсказуемо. В этих же мифах дракон — прежде всего символ мудрости и знания, несущий явно положительный оттенок.

В поздних мифах боги разделяются на “плохих” и “хороших”, добро отделилось от зла, и драконы в большинстве случаев предстают жестокими первозданными существами, которых приходится одолевать богам»⁴¹³.

Причем В.Я. Пропп утверждает, «что змееборство в развитом виде встречается во всех древних государственных религиях: в Египте, Вавилонии, в античной Греции, в Индии, в Китае. Оттуда оно перешло в христианство. Но мотива змееборства нет у народов, еще не образовавших государства»⁴¹⁴.

Предоставим слово Ле Гоффу: «В греко-римской традиции нам кажутся существенными два аспекта феномена дракона и героической битвы с ним. Первый проявляется посредством обрядов, верований и легенд, связанных с практикой проведения ночи в храме в надежде увидеть вещий сон. Известно значение, придаваемое в эллинистическую эпоху этому обычаю, великим центром которого был Асклепион в Эпидавре и который происходит из римского

мира, собственно из его восточной части. Это ожидание в священном месте видения или сна, несущих ответ на вопрос, задаваемый богу страждущим или обеспокоенным, было только продолжением традиции сверхъестественных сексуальных отношений между женщиной и богом, которые порождают героя. Традиционный облик оплодотворяющего бога был обликом змея-дракона. Самый знаменитый из детей этих священных браков — Александр. Но Светоний сообщает, что Аполлон, разделив под видом дракона ложе с Атией, пришедшей в его храм совершить обряд ожидания вещающего сна, породил таким образом Августа. Вокруг Асклепия, принявшего облик дракона, и предания о Гиппократе развилась легенда о драконе острова Кос.

437

Второй аспект — это смысла расчистки места, который несет греко-римский миф о боге и убивающем змея герое. Даже если водворение Аполлона в Дельфах после победы над змеем Пифоном выходит за локальные рамки, если бой Персея с драконом, держащим в плену Андромеду, не связан напрямую с основанием Микен, то миф о Кадме, например, подчеркивает значение победы над драконом. Она делает возможным и означает основание в определенном месте поселения, она является ритуалом образования города и освоения земли. Дракон здесь символ природных сил, которые нужно покорить. Если его смерть необходима, то она является не только устранением препятствия, но и оплодотворяет. Кадм сеет в землю будущих Фив зубы убитого дракона.

...В “Житии св. Илария” Фортунат рассказывает, как святой, проходя вблизи острова Галлинария напротив Лигурийского побережья, был встревожен жалобами жителей на невозможность обосноваться на острове из-за огромных змеев, которые его одолевают. Как и Марцелл, Иларий смело вступает в бой с дикой нелюдью. При виде его змеи устремляются прочь, и епископский посох служит на сей раз межевым столбом, разграничивающим остров на две части: одну, куда змеям запрещено проникать, другую — где они могут пользоваться свободой. Здесь сказано определеннее, чем в случае со св. Марцеллом, что опасное чудовище, символ враждебной природы, обуздано, усмирено, не уничтожено. К тому же змеям тут также было сказано, что если они не желают соблюдать установленное святым разделение, им остается море...

Сие деяние делает Илария, бесспорно, “героем-устроителем”: “Он расширил землю людей, так как человек начал обосновываться на земле нелюди”...

За греко-римским наследием проступает воздействие восточных культур, обогативших его. Эволюция же символики дракона может быть прослежена в Вавилоне, Малой Азии, Египте. Изложил ее в фундаментальном исследовании Элиот Смит. Дракон в азиатско-египетском культурном пространстве был первоначально олицетворением водных сил, одновременно орошающих и разрушающих. Существенный элемент могущества драконов — управление водой: доброжелательные драконы давали дожди и орошающие речные разливы; враждебные — вызывали потопа и опустошительные наводнения. Вначале именно положительная их роль преобладала, драконы были существами прежде всего благодетельными, символом и олицетворением оплодотворяющих богов и героев или царей-основателей; например, дракон,

воплощающий Тиамат, одну из форм Богини-Матери, и морской дракон, связанный с рождением Афродиты, которая сама является одной из форм Богини-Матери. Затем дракон теряет связь со своей средой и становится в конце концов символом зла. В Египте он отождествлен с Сетом, врагом Осириса и Гора, субстанцией Осириса и жертвой сына Осириса, Гора. Таким образом, египетская рационализация предшествует христианской рационализации. В Египте к тому же можно заметить переход Гора в Христа, с одной стороны, Сета — в Сатану, с другой. Но что здесь для нас важно, так это то, что, несмотря на сходство со змеем, в полном смысле хтоническим животным, дракон существенно связан с силами вод.

Дальний Восток — другой великий источник символики дракона. Она, как представляется, непосредственно достигает христианского западного мира только позже, в XIII веке, согласно Юргису Балтрушайтису. В Китае дракон, кажется, особым образом связан с ураническим миром, с солярным мифом, он крылат. Но, двигаясь степными дорогами, этот небесный дракон сливается более или менее с хтоническим змеем и драконом, тоже хтоническим, охраняющим сокровище, и близок к грифону, которому перевоплощения животного символического синкретизма тоже дадут крылья. Важно то, что эти дальневосточные драконы, идущие степными дорогами, достигают западного мира меровингской эпохи. Эдуард Сален, развивая мысль Форре, выявил путем анализа эстетических форм меровингского искусства западное воплощение азиатского дракона и особенно подчеркнул обе существенные черты его символики: с одной стороны, его многозначность, с другой стороны — его амбивалентность: “Формы меровингского дракона очень разнообразны; его символика — не меньше; действительно, он, весьма вероятно, отражает равным образом разные верования так же, как воспроизводит самые различные божества”. И еще: “Чаще всего солярного характера, когда они сближаются с грифоном, и хтонического характера, когда они происходят от змея; то благоприятные, то пагубные, изображения дракона предстают в конце концов наследием верований почти таких же древних, как мир, и распространенных в Евразии от Востока до Запада”⁴¹⁵.

А. Колмогорцев также подтверждает эту теорию: «В какой-то момент развития мира первозданные чудовища должны были быть устранены из системы мироздания, дабы позволить ей правильно функционировать.

Эта роль — чистильщика — традиционно закреплена за Героем. Убийство чудовища (змея-дракона), означает изъятие “элемента”, представляющего постоянную угрозу живому творению. Очищение — вот ключевое понятие в отношении действий и сущности Героя.

Фигура Змея изначально связана с Героем. Между ними есть связь от рождения. Особенно часто этот мотив “супротивника” присутствует в русских сказках. Змей еще никогда не видел героя, но каким-то образом не только знает о его существовании, но и то, что погибнет от его руки. Можно выразиться еще точнее: ни от какой другой руки змей погибнуть не может, он бессмертен и непобедим.

Между героем и змеем в традиционном повествовании есть связь, начавшаяся за пределами рассказа. Согласно Гесиоду, “отец богов и людей другое замышляя в своем уме, как породить защитника от зла для богов и людей, которые питаются хлебом” (Hesiod, *Aspis*, 27—30). Зевс соединяется с Алкменой не в силу “желания любви, как с другими женщинами, но главным образом с целью порождения” (Bibl. his., IV, 9, 3). Рождение Геракла, таким образом, происходит с определенной целью: он должен стать «защитником от зла для богов и людей». Герой изначально является носителем особого качества, позволяющего ему выиграть схватку с чудовищем. Более того, наличие данного качества у героя предопределяет исход схватки. Змей, таким образом, воспринимает не героя как такового, но качество, неизбежность реализации которого вытекает из самого факта его воплощения героя.

Так Гера мстит младенцу Гераклу не потому, что он убил, но потому, что он должен будет убить вскормленных ею чудовищ.

Обратимся теперь к моменту противостояния героя и чудовища. Змея можно уничтожить, только срубив все его головы. Но они вновь чудесно отрастают. Только после того как срублен огненный палец или когда герой прижигает огнем шеи чудовища, герою удается срубить все головы. Бой заканчивается победой героя. Но после боя нужно выполнить еще одно условие: змея нужно окончательно уничтожить. Змея или его головы нужно сжечь. Иногда они бросаются в море, кладутся под мост, закапываются, и на них кладется камень или целая гора.

В связи с этим можно вспомнить о знаменитой Лернейской гидре, считавшейся непобедимой, т.к. на месте отрубаемых голов у нее вырастали новые, которая все же была побеждена Гераклом, прижигавшим шеи обезглавленного чудовища горящей головней.

Всякий контакт с хтонической сферой, как правило, не проходит бесследно. Непосредственно соприкасаясь с “остаточной” хтонической стихией, герой “заражается” ею, принимая в себя нечто от ее скверны.

Чего стоит умение понимать язык зверей и птиц, которое приобретает герой, отведав какую-либо часть дракона — кровь, печень или сердце. Человек, наделенный такими способностями, становится на ступень выше обычных смертных.

В ряде мифологических и сказочных сюжетов герой, убивая змея, сам превращается в него, попав под власть охраняемого драконом сокровища, которое есть не что иное, как символически изображенное знание. С наиболее откровенной формой данного представления мы встречаемся в Азии, где обличье дракона давалось вместе с “божественным” разумом и могуществом⁴¹⁶.

Например, в скандинавских сагах — Фафнир — сын Хрейдмара и брат Регина, обратившийся в дракона и залегший на присвоенных им сокровищах карлика Андвари.

А. Колмогорцев продолжает: «В ряде случаев змей выступает в роли хранителя некоего особого оружия: “Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем лежит семипу-

довый ключ" от богатырской сбруи (вооружения). "В той сбруе, говорит ратник, не убьют меня ни пищаль, ни стрелы", и слово заклания направлено на то, чтобы добыть ее из-под огненного змея. Герои-богатыри совершают сверхъестественные подвиги силою именно этого чудесного оружия.

Выше говорилось о герое как о божественном орудии, посредством которого устраняется пагубный дисбаланс между организованной мировой сферой и сферой хтонической. Теперь обратимся к принципиально иному типу, который на первый взгляд сохраняет в себе основной признак героя-чистильщика (драконоубийство), но на деле является таковым лишь внешне, выполняя диаметрально противоположную задачу — посредника между хтонической сферой и внешним миром. Данный тип представлен двумя основными сюжетными линиями.

Герой убивает чудовище и вслед за этим получает особое "знание" (посредством поглощения некоторой части змея или же через камень, который герой находит внутри него). Или же — чудовище предлагает герою умертвить себя, дабы тот мог получить "знание" (опять-таки указанным путем).

Обратившись к обстоятельствам рождения героя, мы найдем, что порою одним из родителей героя является само чудовище. Так, в цикле славянских мифов об Огненном Змее тот вступает в связь с женщиной, после чего рождается существо змеиной породы. Впоследствии сын Огненного Змея вступает в единоборство с отцом и побеждает его. Отсюда возникает еще одна трактовка причины, по которой чудовищу известен его победитель: он рожден от него же, от змея, именно он и есть его главный "супротивник".

Таким образом, схватка героя с чудовищем, вследствие которой первый становится обладателем особого "знания", принимает откровенно инициатический характер, где в качестве иницилирующей стороны выступает носитель хтонического начала. Если в случае с героем-чистильщиком хтонизация является побочным продуктом змееборчества, который должен быть преодолен, то в рассматриваемом нами случае хтонизация героя есть основное следствие, к которому стремится чудовище с одной стороны и герой (возможно неосознанно) с другой.

Змей как представитель хтонической сферы лишен полноценного действия в условиях внешнего мира, для этого ему необходим посредник, который мог бы действовать в условиях внешнего мира, не дезавуируя своей истинной природы. Это хорошо объясняет "самоотверженность", с которой чудовище отдается "на заклание" герою.

Герой египетской сказки "Змеиный остров", потерпев кораблекрушение, попадает на некий остров Ка, где происходит его встреча с "последним" змеем, хозяином острова. Змей, что характерно, проявляет особенную осведомленность о дальнейшей судьбе героя. Всячески располагая к себе героя, он предлагает ему историю гибели своих собратьев. Герой обещает довести эту историю до сведения государя и воздать змею пышные почести. На что змей сообщает ему, что "после того как ты удалишься отсюда, ты никогда больше не увидишь этот остров, который превратится в волны"...

В тексте сказки присутствует ряд элементов (проведение ночи в одиночестве, “открытие лица”, перенесение в пасти змея — мотив “поглощения” и др.), предполагающих инициатический характер пребывания героя на острове. После возвращения с острова герой получил титул “сопровождающий фараона”.

В такой перспективе не так уж безумно выглядит версия, согласно которой похищение красавицы змеем, ставшее в ряде случаев поводом к активизации героя, есть не что иное, как подбор оптимальной пары для него. Возникновение подобного “псевдогероя” можно рассматривать как определенную стратегию имплантации хтонического элемента непосредственно в структуру человеческого социума»⁴¹⁷.

Однако все это справедливо для дохристианского мира. С появлением и развитием христианства драконоборчество приобрело и иную трактовку, и совсем иные масштабы.

В осаде ты, хотя твой враг
Пока не затевал атак.
Дракон лежит, передыхая,
Бросает взгляд, смиряет прыть:
Засыпша глас, напасть лихая
Должна пред небом отступить.

Теодор Агриппа д'Обинье. «Трагические поэмы».
Перевод А. Ревича

Sed et Serpens (Однако змей)... Какой капитал нажила на этом Церковь!.. Когда христианские народы, разрушая учебные заведения и языческие храмы, утратили ключ к истинному значению этого символа и древним драконическим структурам, их духовенство захотело видеть дьявольские рога и копыта, которые выплывали бы [из-под] основания всякого величественного храма, любого древнего нехристианского святилища.

Истинное философское значение легенд и аллегорий о священном змее ныне совершенно утрачено. Причина того, почему древние египтяне находили в драконе и его многочисленных разновидностях-офидиях (змеях) нечто «божественное», объяснялась самыми разными способами, но никогда не была истолкована удовлетворительно.

«Дракон, хотя и будучи священным и достойным почитания, имеет в сущности своей нечто еще большее от божественного естества, о котором лучше оставаться в неведении (*divinius quodque praestet ignorari*)», — говорит Элиан в своей “Природе животных” (*De Natura Animalium*, кн. 11, гл. 17); и он добавляет как бы мимоходом, что истинная цель, ради которой афиняне вскармливали больших змей в своих храмах, заключалась в том, что «они хотели всегда иметь у себя пророков». Но то же самое по

сей день делают не только «язычники»-индусы, но также и теистические мусульмане-унитарии Каира и других исламских центров, чьи мудрецы дают точно такие же объяснения этому, как и мудрецы древности. Священный дракон жителей Эпидавра, который, согласно легенде, сам пришел на зов людей из этого города, потребовал, чтобы ему был сооружен храм на Тибре, у подножия горы Палатин; где изменил свой вид, «чтобы они никогда не перестали советоваться с ним как с пророком» (Val. Мак. кн. 1, 8, п. 2).

Е.П. Блаватская. «Нэбо Бирс-Нимруда»

«Христианская символика в духе толкования Апокалипсиса старается идентифицировать дракона-змея с дьяволом и придать победе святого епископа смысла триумфа над злом, то есть смысла решающего эпизода в победе христианства над язычеством в одном крае, преимущественно в городах. Например, победа папы св. Сильвестра времени крещения Константина. Здесь просматривается политическая интерпретация — символ победы над язычеством»⁴¹⁸.

«Житие святого Сильвестра» рассказывает, что рядом с городом Римом в яме жил дракон, который каждый день своим дыханием убивал более трехсот человек. Святой Сильвестр вызывает помочь и спускается в яму, преодолев 150 ступеней. По совету явившегося ему в видении святого Петра, Сильвестр прочитал молитву, связал пасть дракона нитью, которую запечатал печатью, на которой был символ креста. Он приказал дракону сидеть в яме до пришествия Спасителя. Далее говорится, что люди, которые сопровождали святого Сильвестра и ждали его около ямы, куда тот спустился, чтобы связать дракона, «были полумертвы от зловония, которое дракон распространял». Когда же святой вернулся в Рим, то все приняли крещение, и таким образом «город был избавлен от двух зол: от яда дракона и от яда ложных богов».

Яков Воронинский. «Золотая легенда», XIII в.

Перевод. В. Климовой⁴¹⁹

«Житие святого апостола Филиппа» гласит, что страшный и ядовитый дракон жил под идолом по имени Марс и отравлял воздух вокруг так, что все люди болели, а некоторые и умирали. Когда его и его спутников язычники стали принуждать принести Марсу жертву, то он предложил избавить их от дракона и таким образом исцелить всех. Люди согласились принять веру в Иисуса Христа, после чего Филипп приказал дракону отправиться в пустыню и никому не вредить.

Святому Донатусу пришлось столкнуться с драконом, который жил в источнике и отравлял воду так, что все, кто ее пил, умирали. Святой, когда дракон выполз к нему и хотел его убить, уда-

рил дракона своей палкой (а по другим источникам — плюнул ему в пасть), после чего дракон издох, а источник очистился. Восемь пар быков с трудом дотащили труп дракона до костра, в котором он был сожжен.

Апостол Матфей встретил колдунов с двумя драконами, выдыхающими пламя, которые питались людьми. Апостол перекрестился и пошел к драконам. Когда те его увидели, то легли к его ногам, и их хозяева-колдуны ничего не смогли сделать. Тогда Матфей приказал драконам уйти и никому не вредить, и те ушли».

*Яков Воразинский. «Золотая легенда», XIII в.
Перевод В. Климовой⁴²⁰*

443

Ле Гофф отмечает: «Вездесущность зла в романском мире порождает драконов на каждой странице рукописи, в каждом углу изваянного камня, на кончике каждой вещи из кованого металла.

Романский мир — это мир... борьбы добродетели и порока, добра и скверны, добрых и злых. Навстречу Сатане и его приспешникам, навстречу драконам встают индивиды и общественные классы, являющиеся божьими ратниками. В христианской мифологии спасения, где в каролингскую эпоху св. Михаил, верховный боец, поражает дракона, отныне именно рыцари наряду с духовенством борются с чудовищем. Начиная с XI века св. Георгий, пришедший с Востока еще до Крестовых походов, чтобы идеологически поддержать социальное восхождение военной аристократии, беспрестанно побеждает все новых и новых драконов от имени всех рыцарей... Среди этих бесстрашных воинов, как и в героические времена евангельской проповеди, но теперь в скрытой символике, выделяется епископ. Редки епископские посохи, которые не венчались бы побежденным драконом, демонстрирующим своим извитым телом блестящее искусство золотых дел мастера и символизирующим власть прелата⁴²¹.

Подъем искусства надгробий на рубеже романской эры и готики открывает побежденному дракону другую роль. Он укладывается в ногах своих победителей, чья победа увековечена в камне. Он служит также символической подушкой епископам, как, например, Гуго Фуйуа в Шартре, или иногда даже светским сенъорам, например Эмону, графу де Корбей.

Св. Михаил. Фрагмент фрески

Навершие посоха.
Музей Клони, Париж

Однако в эту же эпоху, без сомнения, совсем другой дракон св. Марцелла обретается в окрестностях собора Парижской Богоматери. Во время процессий Вознесенского молебна большой ивовый дракон, в открытую пасть которого народ бросал фрукты и печенье, с великой радостью проносился парижанами.

Это один из многочисленных засвидетельствованных и известных прецессионных драконов Вознесенского молебна. Среди наиболее знаменитых на западе Франции назовем Grand Cueule из Пуатье, дракона-крокодила из Ниора, Cargouille из Руана; во Фландрии — Эно — драконов из Дуэ и Монса; в Шампани — дракона из Труа, названного Chair-Salee, дракона из Провена и Kraulla, или Grand Bailla, из Реймса; в Лотарингии драконов из Тула, Вердена и особенно из Меца с его знаменитым Crawly, который не ускользнул от такого великого потребителя фольклора и любителя гигантских существ, каким был Рабле. Юг Франции не менее богат драконами, хотя, если оставить в стороне Нимского крокодила, единственным знамени-

тым драконом будет Tarasque из Тараскона.

Тщательный обзор обнаруживает драконов почти в каждом городе (или местности): в Сен-Боме, Арле, Марселе, Эксе, Драгиньяне, Кавайоне, Воклюзе, на острове Лерен, в Авиньоне.

...Большинство этих прецессионных драконов обязаны своим существованием только процессиям Вознесенского молебна, где они занимали, как мы увидим, вполне официальное место.

Несомненно, впрочем, что эти прецессионные драконы врастают в фольклорные обряды. Приношения натурой, к которым они обязывают то ли в свою пользу, то ли в пользу организаторов или исполнителей процессии (кюре, пономари, участники процессии), являются искупительным ритуалом, связанным с церемониями, еще в глубокой Античности вызывающими благосклонность сил плодородия. У римлян юные девушки приносили весной пироги в гроты, где жили змеи (драконы), Юноны Ланувийской, богини земледелия, от которой ожидали богатого урожая. Платон поместил эти пожертвования выпечкой и фруктами в контекст вечного плодородия Золотого века (Законы, VI, 782 СЕ).

Мы знаем, что процессии Вознесенского молебна были введены св. Мамертом, вьенским епископом, умершим около 470 года, и что они получили бы-

строе распространение, как свидетельствует о том св. Авит, тоже вьеннский епископ, между 494 и 518 годами. Утверждалось, что эти христианские праздники были призваны заменить галло-римские *ambarvalia* — весенние празднования в честь Цереры — и переняли от них многочисленные обряды, в том числе обряд переодевания животными. Однако некоторые сведения, не относящиеся к Вознесенскому молебну, содержащиеся в текстах раннего Средневековья, свидетельствуют, насколько строго Церковь запрещала эти переодевания. Если некий текст утверждает, что лангобарды в середине VII века в царствование Гримоальда поклонялись изображению змеи, то Цезарий Арелатский в проповеди запрещает обычай обходить дома, переодевшись оленем, коровой или любым необычайным животным, а собор в Оксерре в 578 году издал сходное запрещение.

445

Все, однако, показывает, что Церковь раннего Средневековья преследовала главным образом цель запретить языческие обряды, особенно фольклорные, либо устраняя их, либо искажая, либо, если она это могла, — а могла она тогда много, — подавляя и разрушая их.

Арнольд ван Гённеп высказал несколько гипотез о появлении прецессионных великанов, в том числе и драконов, во Фландрии и Эно. Согласно ему, хотя драконы и входят в прецессионные кортежи, именуемые на фламандском языке *renzentrein* (поезд великанов), а на валлонском — *menagerie* (зверинец), они инородного происхождения. Животные, первыми появившиеся в этих зверинцах, были дракон, слон, верблюд, лев, кит, «иными словами звери, о которых говорится в Библии и Апокалипсисе и которые были знакомы по иллюстрациям рукописей или первых печатных изданий. Позже появляются также все виды чужих животных: страусы, крокодилы, пеликаны и т.д.». Таким образом, А. ван Гённеп полагает, что эти зверинцы образовались в XV веке, скорее в конце его, что они не связаны с циклом поста и карнавала и что их происхождение «было скорее литургическим и наполовину ученым, чем народным». Зато он уверен, что чудовищные драконы ранее появлялись в кортежах и что именно они определили моду на гигантскую форму, которую затем получили другие животные, а потом и человеческие фигуры. Он отмечает этих драконов в Анвере в 1394 году, в Сьерре в 1417-м, в Алосте в 1418-м, в Фюрне в 1429-м, в Оденаarde в 1433-м, в Малине в 1436-м. Эта хронология может быть начата еще ранее. Записи собора Св. Эме в Дуэ отмечают расходы, понесенные в 1361 году, «чтобы сделать дракону, которого понесут на процессии, *native keuwe* из алого сандала».

«Все церкви в Галлии, — пишет Дюлор, — имели в XIII веке своего дракона. Дюран в "Rational" говорит об этом как о всеобщем обычае. Эти драконы, согласно ему, означали дьявола»... Тексты сообщают нам, что в некоторых местах во время Вознесения процессии проходили в течение трех дней и что в этих процессиях фигурировал дракон. Первые два дня дракон шествует во главе кортежа, опережая кресты и хоругви, со своим длинным хвостом, задранным вверх. На третий день он следует позади с опущенным хвостом. Этот дракон изображает дьявола, три дня обозначают три эпохи истории — до Слова Божия, в царствование Слова Божия и благословенные времена.

Ко времени Революции дракона больше нет и аналогичный дракон св. Лу из Труа, называемый Chair-Salee, исчезает по суровому слову епископа, который запрещает эту “непристойную фигуру” 25 апреля 1728 года, “дабы прекратить на будущее столь вредное оскорбление святости нашей религии”.

Заметим, что у духовенства эмблемой является епископ в его функции убийцы дракона, хотя у народа это именно сам дракон в его разного рода взаимоотношениях с прелатом. С другой стороны, если церковный дракон без всяких двусмысленностей выбран в качестве символа зла, которое необходимо уничтожить, то народный дракон — это объект более смешанных чувств: прежде всего приношениями стараются его задобрить, угодить ему, прежде чем посмеяться над его поражением, не желая его смерти.

Естественно, прецессионный дракон входит в христианскую церемонию, и литургисты дали ортодоксальную теологическую интерпретацию его поведения, а заодно и поведения зрителей во время трехдневной процессии. Также нельзя исключить гипотезы ученого церковного происхождения прецессионного дракона, которую затем народ исказит в соответствии со своими традициями.

Тем не менее эта контаминация клерикальной мысли и народного верования... оставляет различие и даже противостояние двух ментальностей и двух восприятий.

С одной стороны, клерикальной культуры, имеющей все средства для того, чтобы закрепить триумф добра над злом и навязать четкие различия. С другой стороны, культуры фольклорной, традиционно осторожной в выборе предпочтений сил, у которых не отнимается их амбивалентность; неоднозначных, коварных, готовых благодаря удачным приношениям обернуться не только безвредными, но и благотворными природными силами, воплощенными в драконе»⁴²².

КАК ЭТО БЫЛО

У П. Дикинсона есть своя теория драконоборчества: «Так или иначе, драконы выживали, пусть и не в больших количествах и всегда лишь в особых регионах, то есть там, где встречались подходящие для них логова. Вероятно, в биосфере планеты происходило много изменений, и несомненно, что не раз число дающих потомство драконов сокращалось до критического уровня; но им всегда удавалось восстановиться, пока не произошло окончательное фатальное изменение. И это был вовсе не поворот земной оси, не наступление ледников, не изменение солнечной активности — все это драконы видели и пережили... Нет, это было появление нового врага — свирепой обезьяны, охотящейся в стае, хитрой и бесстрашной. Свое быстрое завоевание мира начинал Человек.

Верные своей природе, драконы отступили. Кое-где они были уничтожены, но в удаленных районах им все же удавалось выжить. Фактически в самом начале каменного века человек был не слишком опасен для драконов. Дубины

и западни были им нестрашны, и в любом случае они гнездились в местах, не представлявших особого интереса для новых завоевателей. Уничтожение популяций драконов, скорее всего, начиналось с водоемов размножения. И особенно там, где самки и молодняк населяли плодородные равнины, их основная масса должна была погибнуть в первую очередь. А как только Человек перешел от "чистой" охоты к оседлому существованию и стал нуждаться в водоемах как местах водопоя рогатого скота или для полива сельскохозяйственных культур, процесс ускорился вплоть до того, что появились огромные области мира, куда драконы больше уже и не залетали.

447

Но в других местах, на границах гор и пустынь, могли установиться всевозможные виды сосуществования. Став оседлым, человек насаждал растения, и там, где культивировались зерновые, он оказывался зависим от погоды, а погода зависела... кто знает, от чего или от кого? Кое-что, конечно, всегда оставалось вне пределов понимания человека, но кое-что из того, что, казалось, чувствовало себя в небесах как дома... Летающий бог. Везде, где драконы ассоциируются с богами, они связаны преимущественно с дождем, облаками и громом, что выглядит совершенно естественным, даже если драконов представлять существами исключительно мифическими.

Но насколько более естественным оказывается все это, если считать, что они были реальными!

Люди нуждались в богах, способных защитить их посевы. Они были даже готовы приносить им тщательно подготовленные жертвы, обычно — животными, но по особым праздникам или во время засухи — человеческие, к примеру, молодую девушку, украшенную цветами и драгоценными камнями. В подобных обществах дочери-девушки зачастую полагаются чем-то обременительным»⁴²³.

К примеру, в Китае самую красивую девушку венчали с Хуанхэ, бросая в воду; в Древнем Египте перед посевом бросали в Нил девушку, наряженную в свадебные одежды, чтобы обеспечить разлив Нила, без которого урожай был невозможен; у майя девушек бросали в священный водоем Чичен-Ицы.

Вернемся к повествованию Дикинсона. «Совсем другое дело, если бы для принесения в жертву требовались молодые мужчины — и не только с точки зрения самих этих мужчин. Дракону тоже вряд ли пришла бы по вкусу жертва, которая, скорее всего, будет активно сопротивляться. Ну в самом деле, он мог легко отклонить подобное подношение, к ужасу всех поклоняющихся. Так установилась традиция, согласно которой избранная жертва должна идти к своей гибели спокойно и благородно, то есть должна вести себя, по сути, подобно принцессе, и даже не помышлять о том, чтобы брыкаться и царапаться, — что сочла бы вполне разумным крестьянская дочь. Отсюда и стойкость принцесс во всех этих историях.

Таким образом, у дракона, при всех его потребностях, удовлетворяемых почитателями, теперь уже не было никакой нужды совершать набеги, нападать из тьмы, сжигать соломенные хижины и деревянные строения, разгоняя их защитников. Ведь жертву он получал безо всякого риска.

Положение, подобное этому, могло быть совершенно устойчивым, сохраняясь в течение многих поколений людей и драконов. Ведь сельские жители были не в состоянии как-то отличить старого дракона от нового, так или иначе унаследовавшего то же логово. Дракон при этом, конечно, оказывался в значительной степени паразитом, нахлебником, хотя одни только слухи о его присутствии могли гарантировать его почитателям определенную защиту от врагов. Во всяком случае, подобного сочетания традиции, почтения, благоговейного страха и определенных сложностей было бы вполне достаточно, чтобы предотвратить какие-либо попытки изменить такое положение вещей, а если аборигены забывали о своих обязанностях, изголодавшийся дракон мог рискнуть вновь совершить набег, жители осознавали гнев бога, и традиция естественно восстанавливалась.

Но рано или поздно являлся избавитель, пришелец с мечом.

В те времена человек с мечом в бою имел явное преимущество. Примерно как конкистадор с мушкетом во времена покорения инков людьми Писарро или как боец со скорострельным многоствольным орудием системы Гантлинга, когда неодолимая, казалось, рать воинов Аллаха мчалась с победоносными криками навстречу собственной гибели в Омдурмане... Потому бродяга с мечом странствовал по миру, попросту ища приключений.

История же к тому времени, когда она уже стала легендой, выглядела примерно так: странствующий рыцарь прибывает в город и обнаруживает, что городские башни увенчаны черными стягами, колокола исходят тревожным звоном, а все граждане града сего сокрылись за стенами. Да и вся округа, казалось, погружена в траур, поскольку добывающийся исполнения своих требований дракон испепелил все соседние поля и фермы. И теперь отцы города бросают жребий, чтоб избрать девственницу для принесения в жертву чудовищу, и на этот раз такою оказывается дочь короля. Городские ворота распахиваются, и вот под завывающую музыку по черной равнине бредет, извиваясь, понурая сумеречная процессия. И лишь одна фигурка во всей этой сцене светится белизной — несчастная принцесса. Бледная, с огромными глазами, рыдая, движется она в подвенечном платье навстречу собственной гибели. Ее подводят к жертвенному дереву и приковывают к нему золотой цепью, после чего все удаляются в город. К жертвенному дереву приближается рыцарь и предлагает принцессе помощь, но принцесса просит оставить ее в покое, потому что одна только смерть ее способна спасти ее подданных. Он говорит, что готов сразиться с драконом. В ответ она рассказывает ему, сколько храбрых рыцарей уже погибло, пытаясь одолеть монстра. Услышанное не устрашает пришельца, однако в ожидании появления дракона он все же скрывается в укрытии. Когда же появившийся наконец монстр приближается к дереву, рыцарь устремляется к нему со своим волшебным мечом, доставшимся ему неким чудесным образом ранее, и одним-единственным ударом этого меча обращает свирепого дракона в совершенно ручное существо. Принцесса связывает чудище своим поясом, и они ведут его в город, где среди всеобщего ликования рыцарь отрубает усмиренному голову. Дракон издыхает, испуская

мерзкое зловоние. Посланные же к его пещере повозки возвращаются с горами сокровищ. Рыцарь женится на принцессе, а позднее, когда отец ее уходит в мир иной, становится еще и королем.

Мы знаем эту историю как предание о св. Георгии и Змие/Драконе, но она известна под самыми разными названиями едва ли не в любой стране мира, где сохранились хоть какие-нибудь сведения о драконах. Большинство деталей в вариантах этого предания совпадают, а те, которые отличаются, обычно выглядят как более поздние добавки с целью адаптировать историю к историческому и культурному контексту той или иной конкретной страны»⁴²⁴.

Мифологический словарь гласит следующее: «Георгий Победоносец (греч. Γεώργιος Τροπαιοφόρος, в русском фольклоре Егорий Храбрый, мусульманском — Джирджис), в христианских и мусульманских преданиях воин-мученик, с именем которого фольклорная традиция связала реликтовую языческую обрядность весенних скотоводческих и отчасти земледельческих культов и мотив драконоборчества.

Ортодоксальная христианская житийная литература говорит о Георгии как о современнике римского императора Диоклетиана (284—305), уроженце восточной Малой Азии (Каппадокии) или сопредельных ливано-палестинских земель, принадлежавшем к местной знати и дослужившемся до высокого военного чина; во время гонения на христиан его пытались принудить истязаниями к отречению от веры и в конце концов убили»⁴²⁵.

По этому поводу С.С. Аверинцев пишет следующее: «Это ставит Георгия в один ряд с другими христианскими мучениками из военного сословия (Дмитрий Солунский, Федор Стратилат, Федор Тирон, Маврикий и др.), которые после превращения христианства в государственную религию стали рассматриваться как небесные покровители “христолюбивого воинства” и восприниматься как идеальные воины (хотя их подвиг связан с мужеством не на поле брани, а перед лицом палача).

Черты блестящего аристократа (“комита”) сделали Георгия образцом словной чести: в Византии — для военной знати, в славянских землях — для князей, в Западной Европе — для рыцарей.

Иные мотивы акцентируются народным почитанием Георгия, вышедшим за пределы христианского круга (византийская легенда повествует о грозном чуде, научившем арабских завоевателей с почтением относиться к Георгию). Георгий выступает как олицетворение животворящей весны (“Зелени Юрай” хорватской обрядности), в связи с чем мусульманские легенды особо подчеркивают его трехкратное умирание и оживание во время пыток.

Весенний праздник Георгия — 23 апреля отмечался в восточноевропейском и ближневосточном ареалах как сезонный рубеж скотоводческого календаря: в этот день впервые выгоняли скот на пастбища, закалывали первого весеннего ягненка, пели особые песни (как, например, в костромской песне: “Мы вокруг поля ходили, Егорья окликали... Егорий ты наш храбрый... ты спаси нашу скотину в поле и за полем, в лесу и за лесом, под светлым месяцем, под красным солнышком, от вола хищного, от медведя лютого, от зверя лукаво-

М. Коломб. «Св. Георгий, поражающий дракона». Барельеф

го»); ритуальный выгон коней султана на пастбище назначался на этот день дворцовым укладом османской Турции. По-видимому, славянские народы перенесли на Георгия некоторые черты весенних божеств плодородия вроде Ярилы и Яровита, с чем, возможно, связаны народные варианты его имени типа Юрий, Юры, Юр (украинское), Еры (белорусское). Русский крестьянин называл Георгия «загонщиком скота» и даже «скотным богом».

Эта линия почитания Георгия перекрещивалась с воинской, княжеско-рыцарской линией на мотиве особой связи Георгия с конями (в подвиге драконоборчества он обычно изображается как всадник). Он отвращает от человека и домашних животных также змей, что связано с его ролью змееборца (драконоборца).

Особой популярностью эпизод драконоборчества стал пользоваться со времен Крестовых походов в Западной Европе.

Крестоносцы, побывавшие в местах легендарной родины Георгия, разносили его славу на Западе, рассказывая о том, что во время штурма Иерусалима в 1099 году он участвовал в сражении, явившись как рыцарь с красным крестом на белом плаще.

После этого Георгий был провозглашен покровителем британской армии, а спустя 100 лет — при короле Ричарде I (Львиное Сердце) — его статус воен-

ного защитника был закреплен официально. Именно с тех пор на военной форме появился красный крест на белом фоне — будущий флаг Англии.

“Приключение” битвы со змеем, бесстрашно принятое на себя ради защиты дамы, вносило в религиозно-назидательную литературу и живопись дух рыцарского романа; эта специфическая окраска легенды о Георгии приобрела особое значение на исходе западного Средневековья, когда приходящий в упадок институт рыцарства делается предметом нарочитого культивирования (созданный именно с этой целью около 1348 года английский орден Подвязки был поставлен под особое покровительство Георгия).

Тема драконоборчества вытесняет все другие мотивы иконографии Георгия, ложится в основу многочисленных произведений искусства.

451

«Чудо Георгия о змие».

Икона, вторая половина XV в. Новгород.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Двусторонняя камея «Святой Георгий, поражающий дракона»,
 вокруг на перевязи девиз ордена Подвязки:
 «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает».
 Англия или Нидерланды. XVII в. Сардоникс. Эрмитаж

С ростом английского влияния в Африке, Азии и Америке культ святого Георгия обрел новую жизнь, поскольку в этих регионах мира по древним представлениям жили драконы и прочая нечисть. Святой Георгий был «призван» на службу священниками для распространения влияния англиканской церкви на других континентах»⁴²⁶.

«Эдмунд Спенсер в своей поэме «Королева фей» ввел святого Георгия в круг сказаний о короле Артуре под именем Рыцаря Красного Креста. В старинной немецкой поэме «Битва святого Георгия с драконом» король предлагает Георгию руку своей дочери и свои земли, от чего тот отказывается. То же происходит и в скандинавской балладе. Но в английском рыцарском романе и балладе святой Георгий (английский рыцарь-крестоносец) женится на спасенной им египетской принцессе Сабре.

На Руси в то время баллад не знали. Вместо них были песни о святых и вере, которые распевались бродячими нищими певцами. Такие певцы назывались калеками (в южнорусском варианте — каликами) перехожими, а сами песни — духовными стихами. Святой Георгий нередко, хотя и не всегда, именуется в них Егорием Храбрым. Духовные стихи о нем можно разделить на две группы: первая основана на Чуде о Змии и Девице, вторая — на мучениях святого»⁴²⁷.

Во втором издании духовных стихов, сборнике В. Варенцова («Сборник русских духовных стихов», 1860 г.), присутствует традиционный драконоборческий сюжет.

Во граде было во Антоние,
При царе было при Агее при Евсеиче,
При царице Оксинии,
Когда веровали веру истинную христианскую,
Тогда не бывало на Антоний-град
Никакой беды, ни погибели.
Когда бросили они веру истинную христианскую,
Начали веровать латинскую бусурманскую,
Тогда Господи на них прогневался:
Напустил на них змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Выедает змей лютый
Все царство Агея Евсеича.
Тогда князья-бояра
На соймище собирались,
Соборы они соборовали,
И жеребьи закладывали:
Кому наперед зверю достанутся
На съедение, на смертное истребление?
И царя они Агея Евсеича
На совет призывали,
Называли его товарищем,
И жеребий за него закладывали.
Доставался ему резвый жеребий
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное употребление.
Тогда царь Агей Евсеевич
Пошел на свой на царский двор
Невесел и нерадостен,
Припечалимши, прикручинимши.
Его резвые ноги подгибаются,
Белья руки опустилися,
Буйная головушка с плеча свалилася,
Ясны очи погубилися,
Сахарны уста помрачилися,
Белое лицо его приусмеркнулось,
На буйной главе его власы щетом стали.
Тогда увидела его молодая царица Оксинья,
Возговорила она ему таковые словеса:
«О сударь ты мой, царь Агей Евсеевич!
Когда ты, сударь, таков бывал?
Что ты идешь не по-старому,

Не по-старому, не по-прежнему,
Припечалимши и прикручинимши?»
Отвечал ей царь Агей Евсеевич:
«Ой ты еси, моя царица Оксиния!
Не знаешь ты ничего, не ведаешь, —
За наше великое согрешение,
За многое беззаконие
Наслал на нас Господи змея лютого,
Змея лютого, поедучего;
Выедает лютый зверь все мое царство,
Царя Агея Евсеевича.
То со той поры царя-бояре
На соймище собиралися,
Соборы они соборовали,
И жеребья закладывали,
Кому наперед достанется
К змею на съедение
И на смертное потребление.
И меня они, царя, на совет призывали,
Называли они меня товарищем,
И жеребье за меня закладывали;
Доставался мой резвый жеребей
Наперед мне идти
К лютому зверю на съедение!»
Отвечала ему царица Оксиния:
«Не кручинься, мой друг, не печалься!
Есть у нас с тобой чадо милое,
Молодая прекрасная Лисафета, —
Она нашей-то веры не верует
И трапезу не трапезует,
Она верует веру истинную христианскую,
По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму.
Предадим мы ее ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребление».
Тогда же царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиниею
Приходили в палату в белокаменную,
Да где же пребывает молодая Елисафета.
Возговорили они к ней такая словеса:
«Ой ты гой еси, наше чадо милое,
Молодая прекрасная Елисафета!
Умывайся ты, наряжайся во цветное платье,
Подпояшъ свой шелков пояс сорока падень, —

Уж замуж мы тебя просватали». Молодая прекрасная Елисафета догадалась, Отвечала им таковые словеса:
«Осударь ты мой родной батюшка,
Осударыня родна матушка!
Слышит мое сердце, —
Не замуж вы меня собираете,
На смертный час вы меня соряжаете,
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребление,
Предаете вы меня к смерти скорой!»
Тогда царь Агей Евсеевич
Берет ее за ручку правую,
Ведет ее во чисто поле.
Постановил ее близ синя моря
На крутым на бережочке,
На сыпучеем на песочке,
И сам он грядет во Антоний-град.
Тогда молодая прекрасная Лисафета
Оставалась единая близ синя моря,
На крутом берегу, на песке сыпучем;
Она плакала, зело рыдала,
Взирала очами на небо,
Призывала Бога на помочь,
И Матерь Божию Богородицу,
И святого свет Егория Храброго.
Из чистого далеча поля
Приезжал к ней Егорий Храбрый
На своем на осле на белье.
Возговорил он ей таковые словеса:
«Ой ты гой еси, молодая прекрасная Лисафета!
Что ты единая стоишь близ синя моря?
О чем ты плачешь, зело рыдаешь,
Взираешь ты на небо,
Призываешь Бога на помочь,
И Матерь Божию Богородицу,
И святого Егория Храброго?»
Тогда молодая прекрасная Лисафета
Не узнала святого Егория Храброго,
Называла его добрым молодцем:
«Вывел меня батюшка
Ко лютому зверю на съедение,
На смертное потребление,
Предают они меня смерти скорой!»

Речет святой Егорий Храбрый:
«Ой ты гой еси, молодая прекрасная Лисафета!
Садись ты, смотри в моей буйной главе пороха,
А очми взирай на синее море.
Когда синее море восколебнется,
Тогда лютый змей подымется, —
Ты скажи мне: «Егорий Храбрый!»
Тогда молодая прекрасная Елисафета
Садилась, смотрела в буйной главе пороха
У святого Егория Храброго,
А сама взирала очми на синее море.
Синее море разливалось,
Тогда лютый змей поднимается,
Переплывает змей через синее море
Ко копытчику ко ослу белому.
Тогда молодая прекрасная
Змея лютого испугалась,
Не посмела разбудить Егория Храброго;
Она плакала, зело рыдала,
Обронила свою слезу святому на бело лицо, —
От того святой просыпается.
Сохватал он свое скипетро вострое,
Садился на осла на белого;
Он и бьет змея буйного,
В голову, во проклятые его челюсти,
И сам речет Елисафете прекрасной:
«Ой ты гой еси, молодая прекрасная Лисафета,
Распояшь ты свой шелков пояс,
Свой шелков пояс сорока пядень,
Провздевай ты его в ноздри в змеевья,
И веди змея во Антоний-град!»
Тогда молодая прекрасная Лисафета
Змея лютого убоялась:
Не распоясала свой шелков пояс
Свой шелков пояс сорока пядень.
Тогда святой Егорий Храбрый
Распоясал сам шелков пояс,
Провздекает он его в ноздри змеевья,
Он вручил змея молодой прекрасной Лисафете.
Тогда молодая прекрасная Лисафета
Повела змея во Антоний-град.
Приводила его на царский двор,
Воскричала она громким голосом:

«Ой ты гой еси, царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиньею!
Ой вы гой еси, князья-бояре,
Христиане православные!
Бросьте вы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуйте вы веру истинную христианскую,
По-старому и по-прежнему,
И святому Егорию Храброму!
Если вы не бросите,
Вы веру латынскую, бусурманскую,
Напущу я на вас змея лютого;
Поест он вас всех до единого,
И со старого до малого,
И царя Агея Евсеича
Со царицею со Оксиньею!»
Тогда же царь со царицею
И все князья-бояре православные
Воскричали громким голосом,
Проливались горячи слезы:
«Осударыня ты наша, матушка,
Прекрасная Елисафета!
Не пушай ты на нас змея лютого,
Змея лютого поедучего.
Бросим мы веру латынскую, бусурманскую,
Поверуем веру истинную христианскую,
По-старому и по-прежнему,
Егорию Храброму!»
Тогда молодая прекрасная Лисафета
Повела змея на гору на каменную,
Поставила змея на камне,
Проклинать стала змея с камнем;
А сама грядет во Антоний-град.
Тогда царь Агей Евсеевич
Со царицею со Оксиньею
Воскричали громким голосом:
«Ой вы гой еси, бояре, христиане,
Ой вы гой еси, священники наши!
Слушайте гласы колокольные,
Подымайте иконы местные,
Служите молебны честные,
За Лисафетино моление,
За Егория Храброго страдание!»
Славен наш Бог, прославился!

Далее предоставим слово С.С. Аверинцеву: «Интересное исключение представляют русские духовные стихи и легенды о “Егории Храбром”, игнорирующие тему змееборчества. В них Георгий оказывается сыном царицы Софии Премудрой, царствующей “во граде Иерусалиме”, “на Святой Руси”, его облик наделен сказочными чертами (“Голова у Егория вся жемчужная, по всем Егорие часты звезды”); от “царица Демьянища”, т.е. Диоклетиана, он терпит за веру заточение в подземной темнице в продолжение 30 лет, затем чудесно выходит на свет и идет по русской земле для утверждения на ней христианства»⁴²⁸.

«В сборнике русских легенд, записанном А.Н. Афанасьевым, есть рассказ «Егорий Храбрый». В нем повествуется о времени татарского нашествия: «набежал злой татарин, заполнил всю землю мещерскую, выстроил себе город Касимов и начал забирать красных девок себе в прислугу, обращал их в веру поганую. А был в то время в Касимове хан Брагим, и прозвал его народ Змеем Горынычем: так он был зол и хитер!».

Егорий Храбрый был сыном «доброго мужичка Антипа» и «жены его, красавицы Марьи», которых захватил в плен хан Брагим и «Антипа тут же предал злой смерти».

Как подросток Егорий, вздумал пойти в Касимов-град, чтобы избавить мать свою от злой неволи. Далее следует описание чудесной неуязвимости Егория. Затем повелел хан посадить его в глубокий погреб; тридцать лет сидел там Егорий, а после освободился чудесным образом и победил хана, а мать свою от злой неволи освободил.

А после того выстроил святой Егорий соборную церковь, завел монастырь и сам захотел потрудиться Богу. И много пошло в тот монастырь православных, и создались вокруг него кельи и посад, который и поныне слышет Егорьевским.

И повсюду он проходит, «святую веру утверждая, бусурманскую веру побеждая». Как видно, в этом сюжете святой предстает и как христианский просветитель Русской земли, и как сказочный устроитель всего ее облика — ее ландшафта, животного мира и т.д. В одном из вариантов легенды об этом говорится очень красиво и поэтично:

По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Рассыпались горы высокия
По всей земле Светлорусской,
Становилися холмы широкие
По степям, полям зеленым <...>.
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Заселялися звери могучие
По всей земле Светлорусской.
Плодились звери могучие
По степям, полям без числа;
Они пьют, едят повеленное,
Повеленное, заповеданное
От его, Георгия Храброго⁴²⁹.

«Вообще говоря, не одним лишь принцам да воителям вроде Георгия Победоносца случалось убивать драконов. В Англии, в графстве Сомерсет, например, рассказывали такую историю, происшедшую якобы в Шервудском лесу. Один дровосек, работая в лесу, присел отдохнуть на валявшееся там бревно. Бревно вдруг зашевелилось под ним, и человек тот, не раздумывая, разрубил его топором. Потом оказалось, что то не валежина вовсе была, а дракон, но дровосек тот обнаружил это лишь после того, как порешил зверя. (Возможно, байку эту выдумали крестьяне, охочие пошутить над своими надменными господами. Дальше говорилось обычно, что две половинки дракона несколько дней носились по всему графству и все никак не могли соединиться.)

Однако в те дни простонародье в битвах обычно не участвовало. Война была делом чести, и большинство драконов все же погибли от боевого оружия, копий и мечей людей, с младых ногтей готовившихся к ратным подвигам. А это, как правило, было доступно одним лишь дворянам»⁴³⁰.

СПОСОБЫ УБИЕНИЯ ДРАКОНОВ

П. Дикинсон весьма детально изучил данный вопрос.

«Прямая лобовая атака на дракона очень редко завершалась успешно. Наиболее распространенной тактикой была засада с последующим нападением с фланга, когда все обычно обостренные чувства дракона были сосредоточены на предложенной ему жертве.

В мире викингов главное в противостоянии с драконом — умудриться проткнуть мягкие ткани его туши, защищаясь щитом, покрытым бычьими шкурами. Даже Сигурд нападает на Фафнира из засады. Благородный Вельсунг протыкает змею мечом сердце, Фроди — живот, Фридлев — вообще пах, дракон Беовульфа гибнет от двух ударов: первый наносит верный дружинник, протыкающий мечом горло дракону, а затем сам герой вскрывает ножом утробу чудовища.

Выпустить наружу внутренности и при этом избежать жала и ядовитого дыхания дракона — задача, которая стоит перед каждым.

Нападение снизу требовало, безусловно, высочайшего мастерства. Приземлившиеся в силу усталости или недостатка газа драконы имели обыкновение следовать по своим протоптанным следам: так для них было меньше риска случайно повредить собственное тело. Воин отыскивал эти следы и выкапывал на тропе, ими образованной, несколько специальных ям-ловушек, которые маскировал листвой и ветвями. А далее все сводилось к тому, что, когда монстр проползал над ним, драконоборец наносил ему снизу удар так, чтобы хлынувшая из чрева дракона жидкость не заливала самого нападающего, а стекала в еще более глубокую яму. Именно так легендарный Сигурд некогда убил дракона Фафнира.

Старик сказал: “Ты собираешься последовать совету того, кто желает тебе зла. Регин хотел бы устроить все так, чтобы ты убил дракона, но сам погиб в этой битве, и тогда он получил бы все сокровища. Но ты вырой глубокую яму с неглубоким рвом, отходящим в сторону из ямы, чтобы сам ты потом смог укрыться в этом рву, а кровь, вытекшая из дракона после того, как ты поразишь его в сердце добрым мечом Грамом, попала бы только в яму”.

Сказав это, старик исчез, и Сигурд понял, что говорил с ним не кто иной, как Один, Бог Богов Асгарда.

*“Сигурд, убийца дракона” (“Младшая Эдда”),
в пересказе Роджера Лэнслина Грина⁴³¹*

Применялись и всевозможные приспособления с шипами. Мо из Мо Холла убил дракона из Уэнтли, превратив себя в своего рода приманку и надев при этом шипованные доспехи, а дракон из Кори Лай (Corrie Lia) из-под Гленко (Glencoe) наткнулся на плаот с шипами, спущенный по течению реки.

Чайльд поклялся, как того требовала Колдунья, и проследовал в кузницу. Там он получил латы, все усеянные шипами. Затем отслужил всенощную в Бруджфордской часовне и на рассвете затаился на Скале Червя в изгибе реки.

Едва рассвело, Червь, спавший обвившись вокруг холма, направился к своей скале, возвышающейся посреди реки. Ощувив присутствие ожидающего его Чайльда, он стал в ярости стегать воду хвостом, а затем обвился кольцами вокруг Чайльда... но чем сильнее он сжимал свои объятия, тем глубже в бока ему впивались острия шипов... пока вся вода вокруг не стала багровой от его крови. Тогда Червь ослабил хватку, тем самым позволив Чайльду обнажить клинок. И тогда Чайльд одним взмахом меча разрубил Червя надвое.

“Лэмбтонский Червь”, в пересказе Джозефа Джекобса⁴³²

Наконец, имеется ряд упоминаний об убийствах драконов химическими средствами.

В библейской Книге Пророка Даниила пророк Даниил уничтожает дракона, скормив ему ком из смолы, жира и волос. Дракон проглотил приманку и был «разорван на части». Смола и жир были необходимы, потому что они горят очень активно. А волосы — просто для создания основы сгустка. Дракон, проглотивший такой ком, буквально взорвется. Та же технология использовалась и при уничтожении Мэйстор-Стаурского Червя (Maister Stour Worm) в шотландском Оркни (Orkneys)⁴³³.

«Существует еще один способ поимки драконов: берут теленка, вынимают у него внутренности, наполняют его утробу негашеной известью и, подперев жердями, устанавливают в том месте, где часто появляется дракон. Едва показавшись, он заглатывает приманку. Вскоре негашеная известь пропитывается

влагой и сжигает дракона изнутри. Он отправляется к источнику, чтобы напиться, но чем больше пьет, тем сильнее становится жар. Так страна избавляется от разорителя»⁴³⁴.

Китайский вариант ловли дракона описал Марко Поло в *«Книге о разнообразии мира»*: «Ловят их вот как: днем, знаете, от великой жары они под землею, а ночью выходят кормиться и всякого зверя, что попадается, хватают. Пить идут к реке, к озеру или к источнику. Так они велики, тяжелы да толсты, и, когда ночью двигаются по песку кормиться или к пойлу, проводят по песку борозду, словно прокатали тут бочку с вином. Охотники, когда идут их ловить, на той самой дороге, по которой шел змей, ставят снаряда: втыкают в землю толстый да крепкий деревянный кол с железным наконечником, острым, как бритва или как острие копья, а чтобы змей не заметил его, покрывают кол сверху песком на две пяди. И таких острых кольев наставят они несколько. Поползет змей по той дороге, где колья, и натывается на них так, что острие всаживается ему в брюхо и разрезает его до пасти; змей тут же издыхает, так-то охотники ловят их».

Японский божественный герой Сусаноо-но микото приказал сварить побольше саке, японской водки, и разлил напиток в восемь больших бочек. Бочки он поставил на возвышения, каждое окружив оградой; в каждой ограде было по одному проему — для каждой из драконьих голов. Ямата-но ороги, учуяв влекущий запах, приполз и начал пить из восьми бочек сразу. Осушив их до дна, он опьянел и уснул, и тогда хитроумный герой бесстрашно подошел к дракону и разрубил его на мелкие части.

Аналогичный способ ловли дракона, предварительно опоив его, был известен и в Древнем Вавилоне, так был пойман и умерщвлен дракон Иллуанка.

Дикинсон резюмирует: «Драконы исчезали, теснимые обретшим уже немалую мощь человеческим родом. На горных перевалах обращались в прах громадные тела могучих некогда зверей, на далеких скалистых островках белели на солнце гигантские остовы, на дне морском кости драконов обрастали кораллами.

Наконец люди расселились настолько, что для драконов на земле просто не осталось места. Однако память о чудовищах и людях, не побоявшихся бросить им вызов, осталась. Со временем некоторые честолюбцы стали приписывать своим предкам какие-то драконоборческие подвиги, но делалось это только безответственными людьми, которые ради красного словца готовы были пойти на фальсификацию исторических фактов.

В рассказах же подлинных драконы постепенно уменьшались в размерах, пока не превратились просто в зверей, обычных, хоть и могучих, животных, которых, похоже, человеку было всегда под силу одолеть»⁴³⁵.

СОВРЕМЕННЫЕ ДРАКОНЫ

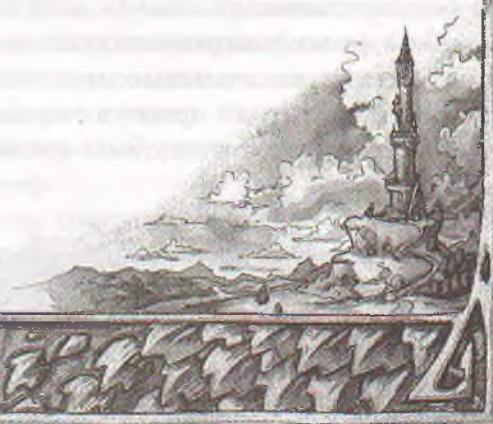

Царство Черноморского Змея подробно охарактеризовано в былинах и сказках о Садко.

В былинах описаны подводный дворец, несметные богатства Морского царя, рассказано о многих его дочерях, о таинственных слугах. В академическом издании «Новгородских былин» приводится легенда о путешествии Садко к Морскому царю, отличающаяся любопытными подробностями.

В этой былине Садко заывают в подводное царство слуги Морского царя. Садко отправляется в гости к Черноморцу на некой «огненной лодочке»:

Побежала лодочка по синю морю...
Прибежала к столбу огненну...
Да и вверглась по нему в сине море,
Очутилась у двери хрустальной...

Согласно преданиям славян, именно в царстве Черноморского Змея лежит скованный Великий Змей, который явится, когда наступит Конец Времен... В связи с этим вспоминаются сцены из Апокалипсиса, повествующего о том, как в Конце Времен будет освобожден и выйдет из моря дракон, бывший тысячу лет скованным в бездне. А потом он будет брошен в «озеро огненное, горящее серою» (Откр. 19:20). В море появятся «огненные столпы» (Откр. 10:1—2), похожие на выбросы горящего сероводорода. Люди станут погибать от трех язв — «огня, дыма и серы» (Откр. 9:18).

«Тверской областной еженедельник *“Караван”* был первым, кто начал писать о чудовище — древнем динозавре, скрывающемся в водах самого глубокого озера Европы — озера Бросно Андреапольского района Тверской области. Информацию “Каравана” подхватило агентство Рейтер, которое никак нельзя упрекнуть в погоне за дешевыми сенсациями. Оно опубликовало такое сообщение: “Россия. Жители окрестностей озера Бросно (запад Тверской области) были свидетелями появления неизвестного науке существа, похожего на знаменитого монстра из шотландского озера Лох-Несс”.

Отечественные криптозоологи — специалисты по загадочным тварям — уверены: в толще озерной воды преспокойно обитает живое ископаемое, прожорливое, но чрезвычайно скрытное. Правда, они не могут договориться о том, как именно выглядит Бросси (так, по аналогии с Несси, окрестили динозавра из озера Бросно): то ли это зубастая рептилия с гребенчатым хребтом, то ли длинношей плезиозавр...

Очевидцы утверждают: над поверхностью озера Бросно, что в Тверской области, они видели огромную голову и торчащий из воды длинный тонкий хвост. По описаниям, существо чешуйчатое, как рептилия, размером не менее пяти метров. Местные жители прозвали своего дракона ласково — Бросней.

Говорят, что странное существо гигантских размеров обитает в озере Бросно не одно столетие. Одна из легенд гласит, что озерный монстр в XIII веке до смерти напугал монголо-татарское войско, шедшее на Новгород. Хан Батый якобы остановил войско, чтобы передохнуть на берегу. Лошадей отпустили на водопой. А когда они спустились к озеру, из водной глади вынырнуло огромное чудовище и с ревом стало поедать коней, не побрезговав и воинами. Войско Батыя настолько было напугано, что повернуло обратно, а Великий Новгород был спасен.

А еще в летописях говорится о “песчаной горе”, которая время от времени показывалась над озером. Когда здесь проходил знаменитый путь “из варяг в греки”, вражеское войско задумало спрятать там награбленное добро. Но в тот момент, как варяги стали подплывать к островку, из воды якобы вынырнул дракон и, раздвинув свою гигантскую пасть, проглотил остров.

Уже ко временам Великой Отечественной войны относят загадочную историю о том, как чудовище проглотило на лету немецкий самолет. Местный житель Савелий Иванович Каалмыков, которому в ту пору было 12 лет, рассказывает, что видел чудо-юдо своими глазами. “Самолет, видно, был подбит и летел очень низко к воде, — говорит он. — Фашист хотел дотянуть до суши, и

только выправил машину, как вдруг из воды появилась огромная зубастая пасть, ткнулась в железный бок самолета, тот потерял управление и грохнулся прямо в воду. Пилот ничего сделать не успел, а мы, мальчишки, сидели в кустах и долго восхищались Бросней, который потопил гада”.

Да и в наше время немало очевидцев, наблюдавших водные прогулки Бросни. С ним связывают опрокидывание лодок, пропажу людей и собак. Многие верят в существование подводного зверя безоговорочно.

Но есть и скептики. Они считают, что никакого чудовища в тверском озере быть не может. По их мнению, все это проделки бобров или гигантской столетней щуки. А может, легковверные туристы увидели плывущего через озеро кабана или лося? Другие полагают, что все имеет простое физическое объяснение. Например, из-за преломления света большая стая корюшки, отраженная над поверхностью воды, может показаться головой чудовищной рептилии. Как говорят физики, любой мираж может возникнуть только в жаркую погоду. Чешуйчатого дракона наблюдали как раз летом.

Однако все не так просто. Озеро Бросно — доледникового происхождения, глубина его достигает 120—160 метров. Это одно из самых глубоких озер в Европе. Дно его неоднородно, изобилует глубокими впадинами, пещерами. На этом месте пересекаются крупные геологические разломы. Так что с точки зрения геофизики — место весьма загадочное и требующее изучения.

Озеро Бросно — тихое, окаймленное песчаными, поросшими соснами берегами, с виду не похоже на логово доисторического монстра. Деревня Бенек (с десятков домов) прямо на берегу.

— Писали, что тут девочка пропала, люди тонут... Я здесь родился и могу сказать: ничего жуткого здесь не происходит, — рассказывает местный житель Иван Николаевич Николаев. — Правда, в соседней деревне Рахново, помню, говорили: когда скот подходил на водопой, были случаи, что теленка утянуло, собаки пропадали. Со мной тоже произошел один случай. Года три назад мы — я и моя соседка Женя — ездили за черникой. И вдруг видим: на плесе, посреди озера, поднимаются четыре водяных столба, на одинаковом расстоянии. Вроде не смерч, погода была тихая...»

«Наши приборы зафиксировали на дне Бросно аномалию, — рассказывает руководитель экспедиции “Космопоиск” Вадим Чернобров. — В пяти метрах от дна “висела” большая, размером с железнодорожный вагон, студенистая масса. Мы немного подождали, а потом решили спровоцировать ее: бросили подводную петарду — взрывное устройство небольшой мощности. Когда рвануло, “чудовище” стало медленно подниматься. Я, не отрываясь, смотрел на экран эхолота... Когда до нашей лодки оставалось два метра, огромная мягкая масса приостановилась. Мы во все глаза таращились на воду — она была прозрачной. Не было никакого монстра, но при этом там находилось нечто, не похожее на обычную озерную воду. Я опустил туда весло. И в этот момент “чудовище” начало пускать пузыри. Мы почувствовали запах сероводорода и сразу поняли, что пора скорее уплыть».

Члены экспедиции, наблюдавшие за происходящим с холма, видели жуткую картину: плывет лодка, остановилась, потом ни с того ни с сего рванула в сторону, и потом на этом месте будто открылась пасть из-под воды. Побулькила, видимо, жалела, что не съела лодку, а после успокоилась.

Разгадка тайны Бросно пришла мгновенно, поясняет Чернобров: «На его дне под большим давлением находятся скопления газа. Это так называемые газовые гидраты — соединения газов с водой, напоминающие спрессованный снег. При резком механическом воздействии возникает эффект спускаемого курка: газ начинает пузыриться и вырываться на поверхность. “Чудовище” озера Бросно, по всей видимости, — это огромное скопление сероводорода и других газов под водой. Что само по себе не менее опасно, чем подводный хищник».

«В зонах геологических разломов очень активна газообразующая среда, — считает главный научный сотрудник Института физики земли им. О.Ю. Шмидта доктор физико-математических наук Валерий Рудаков. — Так называемые “газовые аномалии” можно обнаружить во многих местах земного шара. Мало кто знает, что одна из самых опасных в этом отношении зон находится в центре Москвы, в районе Кремля. Геофизики называют это образование “водородной бомбой”. Этот газ крайне взрывоопасен. В истории отмечены случаи, когда из-за больших объемов вырвавшегося наружу водорода начинались тектонические деформации и землетрясения. А сероводород, “адский газ”, может провоцировать крупные пожары.

Казалось бы, все ясно. Чудовище оказалось фантомом, зато открылся удивительный, хотя и опасный природный феномен. Но... не спешите с выводами: экспедиция петербургских гидрологов в 2004 году сероводорода в озере не обнаружила вообще! Зато исследователь из группы “Космопоиск-Смоленск” Сергей Шилов обнаружил на дне озера отверстие диаметром около трех метров...»⁴³⁶

О современных драконах рассказывает известный «очарованный странник» В. Песков: «Земля человеком обшарена основательно. Все живое на ней замечено, описано, зарисовано, сфотографировано, поймано для зоопарков. Казалось, ничего нового обнаружить уже невозможно, не считая разве что насекомых — их каждый год продолжают открывать сотнями. Однако время от времени мир зоологов потрясает сенсации.

Маленький Комодо расположен на границе двух океанов — Тихого и Индийского, в стороне от морских магистралей. В 1911 году в этот район бурей забросило маленький самолет голландского авиатора. Пилот приводнился вблизи островка и спасся, хотя утопил самолет. Когда он с острова выбрался, то стал рассказывать о чуде, которое видел на Комодо, — де там живут “сухопутные крокодилы”, как две капли воды похожие на древних ящеров. Летчику мало кто верил — бедняга, мол, столько всего пережил, что, видно, с головой у него не в порядке. Летчик, однако, настаивал на увиденном, и нашелся

Дракон с острова Комодо

биолог, который пилоту поверил. Он поручил моряку, ходившему иногда к Комодо, все как следует разузнать. Вернувшись, моряк подтвердил: да, на острове обитают “огромной величины ящерицы”.

Новость о находке “чудовища” дошла до газет и, как пожар, распространилась по миру в 1915 году. На маленький островок непрестанно снаряжаются экспедиции научные и “газетные”. Чтобы приманить ящеров к фото- и кинокамерам, устраиваются привады из убитых буйволов, оленей и кабанов. Драконы принимают угощения как должное и, не страшась людей, “пожирают мясо огромными порциями, глотая также копыта и кости”. За короткое время ящеры так привыкли к подачкам, что стали собираться на выстрел, демонстрируя, таким образом, некоторые способности к обучению.

Азарт любопытствующих на несколько лет отодвинул серьезные изучения феномена живой природы. Рассказы газетчиков довели размеры дракона до десяти метров. Немедленно зашевелилась коммерция, прикидывая, сколько дамских сумочек можно сделать из кожи чудовища, а восточные лекари заговорили о целительном жире дракона. К счастью, кожа древнежителей острова, густо покрытая костяными чешуйками, оказалась непригодной для обработки, а власть Индонезии вовремя поняла, какая редкость обитает на маленьком острове, и запретила охоту на ящеров и бесконтрольную ловлю животных для зоопарков⁴³⁷.

«Позднее выяснилось, что этот громадный дракон встречается не только на Комодо, но и на крохотных островках Ритя и Падар, лежащих к западу от

Дракон с острова Комодо

Флореса. Наконец стало известно, что об этом звере упоминалось еще в Бимских архивах, относящихся примерно к 1840 году.

С конца XIX века и до сих пор многие очевидцы из восточной, папуасской, части Новой Гвинеи, а также из Нового Южного Уэльса и Квинсленда в Австралии, описывают огромных, напоминающих драконов существ с продолговатым телом и длинным плоским хвостом. Они похожи на ящериц-варанов, но длина их, по рассказам, около 8 метров.

Долгие годы в эти сообщения зоологи не верили, однако в 1980 году научная экспедиция под руководством подполковника Джона Блэшфорда-Снелла провела операцию “Дракон” и поймала живого папуасского дракона, которого здесь называют артреллия. Хотя это был еще совсем молодой экземпляр длиной всего 1,87 метра, он раскрыл загадку того, что такое артреллия. Оказалось, что он принадлежит к виду, который уже известен науке, — *Varanus salvadorii*⁴³⁸.

Представляют особый интерес встречи с морскими змеями, свидетельства о которых весьма многочисленны вплоть до нынешнего времени.

Предоставим слово В. Плешакову: «Морские змеи на протяжении многих веков вызвали восхищение, ужас и — бесконечные насмешки. Прочная связь этих существ с мифом, религиозным символизмом, сенсационностью и наивным легковерием обрекли их на “научную ссылку”. Однако XVIII век, век Просвещения, интеллектуальный взрыв, торговая активность,

путешествия и открытия внесли свежие коррективы в застойную среду Средневековья.

Вероятнее всего, одним из самых достоверных свидетелей был скандинавский миссионер Ханс Эгед, известный под именем Гренландского апостола. Уважаемый и респектабельный чиновник, он обладал собственным взглядом на вещи, интересовался естественной историей и был, кроме того, превосходным наблюдателем.

468

Эгед сообщил, что видел морского змея во время путешествия в Гренландию в 1734 г., и его рассказ отличается трезвостью и взвешенностью информации. Обрисованное Эгед в его «Описании Гренландии» существо было, конечно, очень большим и необычным, но не сказочным огнедышащим чудовищем-людоедом. Голова его могла достать до верхушки мачты, но не возвышалась над кораблем и не собиралась сожрать его. Тело было толщиной с судно и в 3 раза длиннее. Исследователь прилежно описал похожие на весла плавники и длинную пятнистую морду и добавил, что она «выбрасывает воду, как кит». Тело покрыто щитом из ракушек, но не чешуей; задняя часть змеиная по форме, «с хвостом, отстоящим от самой толстой части тела на расстояние длины корабля». Во всяком случае, эта информация была познавательной, но никак не предназначенной для запугивания⁴³⁹.

Первые попытки понять, что же это такое, были предприняты учеными еще в начале XIX столетия. Но эти гипотезы оказались неубедительными, а между тем известия о новых встречах с «морским змеем» все множились и множились. Так, в первой половине XX в. начали появляться новые версии, объясняющие природу таинственного существа. А вместе с ними — и новые свидетельства. Описаниям морских змеев и гипотезам об истинной сущности этих чудовищ посвящены целые книги, как, например, «По следам морского змея» Н. Непомнящего. Одни змеи оказываются диковинными морскими обитателями, уже известными науке, другие подозрительно похожи на якобы вымерших динозавров, а третьи не похожи ни на кого и не хотят быть пойманными и исследованными.

«По мере того как паровые суда вытесняли парусники, сообщения о неизвестных или непонятных животных, виденных в открытом море, становились все реже и реже. Капитанам судов больше не нужно было по прихоти капризных волн и морских течений удаляться от проторенных океанских путей, и в этом, считают некоторые криптозоологи, причина того, что свидетельств стало меньше. Шум двигателей наверняка предупреждал животных о приближающейся опасности. По словам известного норвежского исследователя Тура Хейердала, «мы чаще всего бороздим моря с вклученными движками, стучащими поршнями, и вода пенится у наших бортов; потом же мы возвращаемся той же дорогой и заявляем, что кругом в океане ничего не видно!» Поэтому нет ничего удивительного в том, что в наши дни морского змея чаще видят с берега или с небольших суденышек, курсирующих вдоль береговой линии»⁴⁴⁰.

С. Плешаков раскрывает тайны и «сухопутных» монстров: «В 1912 году немецкий ученый Шомбургк получил новое подтверждение того, что, воз-

можно, существует вид ящеров, который сохранился до настоящего времени. Во время экспедиции в Африку аборигены рассказали ему, что на болотах есть зверь, который, уступая по размерам бегемотам, тем не менее убивает и поедает их. Возможно, это животное — амфибия, так как оно не оставляет следов. Некоторые ученые предположили, что это — ящер.

Была послана экспедиция на озеро Бангвеулу, где наблюдали этого загадочного зверя, но она даже не сумела отыскать это озеро. Несмотря на это, Шомбургк по-прежнему был уверен, что рептилия существует и представляет огромный интерес для науки. Основываясь на своих личных наблюдениях и на рассказах аборигенов, он сумел заинтересовать своим открытием членов германского Восточного общества, и они решили подробнее исследовать районы Центральной Африки, которая в то время являлась колонией Германии, с целью изучения животного мира этих загадочных мест.

Уже в 1913 году германское правительство отправило экспедицию в Камерун под руководством капитана Фрайера фон Штайна с заданием провести общее обследование колонии. Вскоре он привез сведения о существе, которого очень боялись туземцы в некоторых районах на территории реки Конго. Рассказы о нем исходили не только от суеверных аборигенов, но от опытных проводников, даже знакомых друг с другом.

Из их рассказов можно было сделать вывод, что существует несколько особей данного животного, которое обитает только на больших глубинах (животное показывалось только в тех районах, где глубина Конго достигала примерно 10 метров), не живет в маленьких реках.

По описанию местных жителей, животное имеет серо-бурую окраску, гладкую кожу, у него маленькая голова на очень длинной шее, украшенная длинным рогом, хотя некоторые утверждали, что это зуб. Еще у животного был длинный хвост как у аллигатора. По размерам оно приблизительно как слон, во всяком случае, не уступает гиппопотаму.

В поисках пищи существо иногда выходит на берег, питается исключительно растительностью. Показали растение, которое животное употребляет в пищу, и даже тропу, которую оно проложило в поисках еды, однако вокруг было слишком много троп, протоптанных слонами и носорогами, поэтому не было никакой возможности выделить следы этого загадочного существа.

Аборигены доложили, что животное видели на несудоходном участке реки Санга, но этот участок реки не мог быть исследован из-за малого срока экспедиции. Если бы не это обстоятельство, то барон фон Штайн, возможно, смог бы отыскать удивительное животное.

В 1923 году вышла книга известного писателя-натуралиста и антрополога Франка Мелланда. В ней автор упоминает о ранее не изученном животном, которое обитало в некоторых районах реки Конго, вызывая суеверный ужас у местных жителей. Автор собрал различные слухи о загадочном существе, именуемом “конгомато”.

По рассказам аборигенов, оно похоже на огромную ящерицу с перепончатыми крыльями как у летучей мыши. Размах крыльев достигает от 120 до 215 см.

Кожа гладкая, без перьев и шерсти, клюв оснащен острыми зубами. По словам туземцев, “конгомато” — злой дух. Он переворачивает лодки, лучше встретиться с голодным львом, чем увидеть его, и каждый человек, который увидит “конгомато”, в тот же день должен умереть.

Жители говорили о том, что животное очень похоже на летучую мышь, но даже самые крупные летучие мыши этого района не достигали таких размеров. Ученый предположил, что это один из видов птерозавров.

Мысль о том, что один из птерозавров мог просуществовать вплоть до недавнего времени, не противоречит современной палеонтологии, так как раскопки показали, что останки большинства этих летающих ящеров обнаружены в юрских, реже — в меловых отложениях, хотя, по официальной версии, они вымерли 70 миллионов лет назад.

Мелланд был не единственным, кто слышал о птеродактиле во плоти.

В начале 20-х годов путешественник Стейни также исследовал болота Джиунду и тоже слышал от местных жителей рассказы про “конгомато”.

Их рассказы почти полностью повторяли описание, которое дали аборигены с реки Конго. По их описанию, “конгомато” похож на летучую мышь, только с клювом как у птицы и зубами как у животного. Тело без перьев и чешуи, кожа гладкая, красноватого цвета и слегка поблескивала. Зверь издавал глухие отрывистые звуки.

Единственным различием в этих историях является цвет животного. Хотя, возможно, некоторые аборигены, считая его агрессивным и опасным существом, подсознательно пытаются придать ему более страшный вид. Темнокожие считали “конгомато” нормальным животным, только намного более опасным, чем удав или носорог.

Приведем еще один пример появления похожего животного. На этот раз его видели в Камеруне, Западная Африка. Ученый-исследователь Айвен Сандерсон разбил лагерь в горах Алзумбо. Во время охоты ему удалось подстрелить довольно крупную летучую мышь, которая упала в реку. Пытаясь достать ее из воды, он услышал крик своего помощника, который предупреждал его об опасности.

Тут Сандерсон увидел животное, похожее на летучую мышь, черного цвета и размером с орла, которое пикировало прямо на него. Еще он успел разглядеть отвисшую нижнюю челюсть с полукружьем острых зубов. Ученый скрылся под водой, а когда он вынырнул, животное уже удалилось.

На следующий день это непонятное существо вернулось вновь. Но нападало оно уже на помощника ученого. Заинтересовавшись загадочным животным, исследователи начали расспрашивать о нем у местных жителей. Туземцы неохотно рассказывали об этом существе, называя его “олиньяу”, а когда узнали, что его видели недалеко от лагеря, в ужасе помчались в свою деревню.

Сандерсон никак не прокомментировал эти события. Он только отметил, что животное по виду напоминает летучую мышь, но совершенно ясно, что оно не относится ни к одному из видов, так как отличается от них и по размеру, и по окраске, и по поведению. К тому же обычные летучие мыши — суще-

ства мирные, питаются фруктами, поэтому невозможно объяснить панический страх аборигенов перед “олиятью”.

Если сопоставить все факты, то, вероятно, эти истории описывают одно и то же существо. Единственное отличие — цвет животного, но его аборигены могли сознательно изменить, чтобы придать животному более злобещий вид.

Кстати, если предположить, что конгомато и олиятью относятся к одному виду, то, возможно, станет понятным, почему эти животные пикируют на людей, пересекающих их территорию, и опрокидывают лодки, хотя это и несвойственно летучим мышам.

Еще одним подтверждением того, что динозавр еще существует, можно считать книгу, которую написал в 1942 году полковник Питман. В ней он рассказывает о мифическом животном, которому приписывают мистическую силу, но самым интересным в этой истории можно считать то, что описание этого животного странным образом похоже на описание доисторического птеродактиля. Заинтересовавшись этим вопросом, Питман предложил аборигенам рисунок, изображающий птеродактиля, и они с уверенностью сказали, что это изображение является точной копией животного, которого они видели на болотах.

Даже наши современники наблюдали удивительное животное. В 1981 году во внутренние районы Заира была отправлена экспедиция с целью подтвердить или опровергнуть события 1876 года, когда учеными был замечен зверь, который своим видом напоминал травоядного динозавра.

К сожалению, исследователи не получили никаких документальных доказательств существования ящера. Но они почувствовали, как их каное раскачивалось на волнах, идущих от какого-то крупного зверя, который только что ушел под воду. Это не мог быть ни слон, потому что обычно слоны не уходят полностью под воду, ни крокодил, так как волна от него была бы незначительной. Но это только догадка. Однако один из членов этой экспедиции, Марсельнин Аньяня, заинтересовавшись этим явлением, в 1983 году прибыл в Заир с собственной экспедицией, которая принесла плоды.

Несколько дней прошли в безрезультатных поисках, но однажды на глазах путешественников из воды поднялось существо с широкой спиной, длинной шеей и маленькой головой. Оно явно не относилось ни к одному из изученных ранее видов. К сожалению, от неожиданности ученые не успели сделать документальных подтверждений этого явления, и животное вновь скрылось в воде.

Есть еще много свидетельств того, что существуют такие виды животных, которые или не изучены, или считаются уже исчезнувшими, причем некоторые доказательства относятся к настоящему времени. Так что, возможно, мы еще услышим о динозаврах, живущих и в XXI веке⁴⁴¹.

«С историей о том, что длинношеее чудовище с нежным именем Несси якобы водится в шотландском озере Лох-Несс, пожалуй, знаком каждый школьник. Но мало кто знает, что в Китае есть своя версия “Несси”. Ходят упорные слухи о монстре, живущем в глубоководном (373 метра) вулканическом озере Тяньчи на северо-востоке страны, в провинции Цзилинь.

Как сообщает официальная китайская газета “Чайна дейли”, за последние несколько недель искатели приключений стали видеть чудище все чаще и чаще. Шеф местного туристического агентства утверждает, что во время последнего сеанса появления на публике существо, напоминающее гигантского тюленя, выпрыгнуло из воды и тут же скрылось в пучине.

Легенды о монстре, живущем в окруженном горами озере, передаются из поколения в поколение вот уже сто лет. Местные энтузиасты создали даже “Общество поклонников монстра озера Тяньчи”. Они регулярно фиксируют описания этого чудища. Кому-то оно являлось в виде огромной черепахи, но чаще очевидцы свидетельствуют, что лицезрели черное 20-метровое животное с маленькой головой, напоминающей лошадиную.

В клубе любителей Лох-несского чудовища существует теория о том, что это, скорее всего, современная неизвестная науке разновидность плезиозавров, которые, правда, как считалось до сих пор, вымерли 60 миллионов лет назад.

Среди поклонников монстра озера Тяньчи тоже есть свои теоретики: не скрывается ли в пучине дракон Лун?»⁴⁴²

«В 6 часов вечера 6 августа 2005 года двое студентов, выходя из библиотеки Чжилиньского университета, случайно взглянули вверх. “Смотри! В небе летающий дракон!” — воскликнула девушка. Ли достал мобильный телефон и сделал снимок встроенной камерой. “Когда я выходил из библиотеки, увидел яркий объект в форме животного, летящий на юго-восток, — рассказал он позже журналистам. — Он был невероятно ярко и выглядел точь-в-точь, как гигантский дракон. Я тут же сделал снимок столь необычного явления своим мобильником”.

По словам Ли, объект был более 10 м в длину и находился на высоте самолета, но был намного больше и летел очень быстро. Сначала он блестел, как металлический, а потом становился все более и более ослепительным. Две минуты спустя дракон скрылся на юго-востоке. Ли и его подруга не были единственными, кто видел дракона. Студенты-правоведы Ли Бинь и Чжао тоже его видели.

“Выходя из библиотеки, я услышал, как девушка воскликнула: “Смотри! В облаках летит дракон”, — рассказывает Бинь. — Я посмотрел вверх и увидел красное тело в форме дракона, летящего на юго-восток. Не прошло и минуты, как оно улетело”. “В тот момент все небо было освещено им”, — добавил Чжао.

Не все студенты думают, что Ли сфотографировал именно дракона. Кто-то считает, что это НАО или игра света в облаках, освещенных заходящим солнцем. Один из студентов предположил, что Ли запечатлел свет, отраженный от летящего объекта вроде самолета»⁴⁴³.

Это уже не первый случай за последнее время, когда китайцам удалось сфотографировать драконов. 22 июня 2004 года фотограф, который присутствовал на церемонии закладки железной дороги Цинхай-Ксиэян, отправившись с церемонии из Ахасы обратно домой. Пролетая над Гималаями, он случайно увидел двух драконов и сфотографировал их в иллюминатор. На снимках

Драконы над Тибетом, снятые с самолета.

Источник: «The Epoch Times»

видны чешуйчатые тела, что-то вроде шипов, торчащих из спины, и утончающийся хвост. Хотя кадр захватил не всю сцену, его достаточно, чтобы получить представление о двух драконах среди облаков.

«Действительно ли существуют такие твари, по-прежнему остается загадкой, — пишет «The Epoch Times». — Во времена прежних царских династий были сделаны многочисленные анализы рассказов людей, видевших волшебных драконов. Наиболее удивительными были истории про «падающих драконов», когда они внезапно падали на землю при странных обстоятельствах, и это видело много людей. Сравнительно недавняя история произошла при марионеточном режиме Манчжоу-Го в августе 1944 года. Черный дракон рухнул на землю в поселке Вейнцзы на землях семьи Чен, что в 9,4 мили к северо-западу от округа Жаоянь на южном берегу реки Мудень (так раньше называлась часть реки Сонгхва), в провинции Хэйлунцзянь. Черный дракон был на грани смерти. Свидетели говорят, что у него был рог на лбу, чешуйчатое тело, и от него исходил сильный запах рыбы, привлекий много мух»⁴⁴⁴.

СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ДРАКОНОВ

Предоставим возможность свидетельствовать Питеру Дикинсону.

«Когда появился человек, драконы стали вымирать. Но, хотя период контактов между людьми и драконами был очень кратким — по сравнению с теми огромными промежутками времени, в течение которых определенный вид существ созревает, расцветает и угасает, — они оставили свой след в нашем сознании. Метаболические процессы в телах драконов сделали крайне маловероятным обнаружение поддающихся однозначной интерпретации окаменевших драконьих костей, хотя находки окаменелостей, принадлежащих другим видам, вполне обычны. Однако образы их хранятся в нашей памяти и с легкостью опознаются, если вы, конечно, знаете, как эти реликты отыскивать и как выглядит реальная окаменелость на срезе горных пород.

В книге “Драконы Рая” профессор Карл Саган (Carl Sagan) попытался объяснить всепланетное распространение и согласованность легенд о драконах тем, что основой этих легенд послужили реликтовые воспоминания о временах динозавров, дошедшие до нас через общую генетическую память от ранних млекопитающих — от наших предков, некогда конкурировавших на планете с крупными хищными ящерами. При этом корни нашей реликтовой памяти оказываются куда глубже, чем можно предположить, но знаменателен даже сам факт того, что такое предположение вообще может рассматриваться всерьез.

Многое в нашем мышлении и поведении подчиняется реликтовой памяти, хотя замечаем мы это редко. Например, пробудившись ночью от кошмара, мы обычно некоторое время продолжаем лежать в темноте с окаменевшими от напряжения мышцами. Требуется громадное усилие воли, чтобы пошевелить хотя бы пальцем и начать освобождаться от мистического страха. Корни такой реакции на опасность уходят во времена, когда каждый раз, выходя на охоту, охотник сам рисковал оказаться в роли жертвы, и потому полная неподвижность в определенные моменты была настолько необходима для его выживания, что это стало инстинктом, передаваемым на генетическом уровне. Истоки других воспоминаний, проявляющихся в нашем сознании, установить гораздо сложнее.

В дискуссии о драконах такие реликтовые воспоминания — это больше, чем просто часть некоего общего свидетельства. Если бы все их назначение сводилось к созданию эфемерных образов гигантских летающих ящеров, они ничего не стоили бы как свидетельства. Но реликтовая память имеет значение много большее — благодаря ей мы узнаем, что является верным в изображениях дракона, а что — нет. Потому, встречая в беллетристике описание дракона, мы либо с удивительной по своей глубине убежденностью безоговорочно принимаем рассказанное нам автором, либо с не меньшим раздражением отклоняем его как неверное. Мы чувствуем, что знаем правду.

Зачастую дети изображают дракона правильнее, чем обученный художник, потому что их реликтовые воспоминания еще не замутнены уроками анатомии художественных школ; но, несмотря на это, воображение художника — все же лучшее из всех свидетельство, которыми мы располагаем. А то, как воздействуют на нас эти художественные образы, по-своему столь же интересно, как и анатомия драконов. Ведь даже самые причудливые из своих творений художники и литераторы создают не на пустом месте. Они используют элементы общего внешнего и личного внутреннего мира, сочетанием которых и творится образ, содержащий в себе кое-что безусловно новое. Тем не менее, воспринимая созданное ими, мы испытываем ощущение узнавания — ощущение правильности изображенного, хотя итоговая форма получившегося при этом дракона может быть достаточно странной. Это может означать только то, что элементы, использованные художником, доступны и нам. А все, чего нам при этом недостает, — это умения сочетать их между собой. Но эти элементы мы опознаем — подсознательно — даже в измененных формах.

Большинство описаний драконов встречается в произведениях, стоящих очень близко к истокам образного творчества. То есть либо в жанре “примитивных” легенд, либо в книгах для детей. И авторы прибегают к одному из древнейших приемов — просто рассказывают историю и снабжают ее любыми деталями, представляющимися им подходящими для этой истории. И если им удастся, их аудитория признает истинность рассказанного ими, пережив состояние узнавания.

476

Сама по себе, взятая в отдельности, ни одна из приведенных здесь цитат не представляет никакой особой ценности, но все вместе, в совокупности они создают целостную и совершенно замечательную в своей последовательности картину не только там, где согласуются друг с другом, но и в тех избыточных или странных деталях, над которыми раньше никто не задумывался, хотя они, безусловно, вписываются в это чудесное полотно.

Без сомнения, читателю известны множественные примеры других описаний драконов и свидетельств о них, либо он, так или иначе, встретится с подобными свидетельствами в будущем. И если читателя заинтересует, насколько этот новый материал вписывается в предложенную теорию, для этого ему будет необходимо постоянно, в каждом новом повествовании исследовать сочетание странного и истинного, служащее свидетельством чего-то более властного и древнего, чем прихоть рассказчика.

Помните. Драконы — живы. Внутри нас»⁴⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гульд Ч. Мифические чудовища. СПб., 1902.

² Andrew L. Sihler (Badger). Furwords / Пер. на русский О. Алферова. www.furwords.secoh.ru.

³ Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ», 1998, № 27.

⁴ Киплинг Р. Маугли. М.: АСТ, 2004.

⁵ «12-летний календарный цикл — древнейшая система исчисления времени народов Центральной Азии». Сайт «Тюркология»: www.turk.freenet.kz.

⁶ Конан Дойль А. Затерянный мир. М.: Белый город, 2003.

⁷ Скаляров А. Введение в «Драконографию». www.piranyd.express.ru.

⁸ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

⁹ Кузина С. В Юрском периоде люди летали в космос? «Комсомольская правда» от 14.09.2005.

¹⁰ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

¹¹ Компьюлента. www.compulenta.ru.

¹² Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

¹³ Опыт был описан Б. Медниковым в журнале «Знание — сила» № 1 за 1979 год.

¹⁴ Головин С.А. Всемирный потоп: миф или реальность. М.: Паломник, 1998.

¹⁵ Бутюгин А., Лагожина Л. О динозаврах.

www.internet2.ru/-anomalzone.

¹⁶ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.

¹⁷ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

¹⁸ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

¹⁹ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

²⁰ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

²¹ Сычев А.П., Сычев В.А. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.

²² Вологодская областная универсальная научная библиотека on-line.

www.booksite.ru.

²³ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

²⁴ «BBCRussian.com». www.news.bbc.co.uk.

²⁵ Энциклопедия «Кругосвет». www.krugosvet.ru.

²⁶ SpaceDaily. www.spacedaily.com/news/life-04zd.html.

²⁷ Компьютерра. www.computerra.ru.

²⁸ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

²⁹ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁰ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³¹ Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье / Пер. с англ. Л.А. Яхнина. ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

³² Книга царей, или Шахнаме: эпические предания народов Ирана / Пересказ Кондыревой. М.: Рипол Классик, 2002.

³³ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁴ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁵ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁶ Песнь о Нибелунгах / Пер. песни со средневерхненемецкого и примечания Ю.Б. Корнеева. Л.: Наука, 1972.

³⁷ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁸ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

³⁹ Аппенцеллер Т. Драконы / Серия «Зачарованный мир» / Пер. на русск. 1996.

⁴⁰ Хорхе Луис Борхес. Книга вымышленных существ. Азбука-классика, 2005.

⁴¹ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

⁴² Терентьев-Катанский А. П. Китайская легенда о драконе / В сб.: Страны и народы Востока. В. 11. М., 1971.

⁴³ Шильтбергер Иоган. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Изд. З. Буниятова. Баку: 1984.

⁴⁴ Плеспаков С.А. Тайны бермудских треугольников. М.: Рипол Классик, 2001.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Эйвельманс Бернар. По следам неизвестных животных.
www.ufo.metrocom.ru.

⁴⁷ Мень А. Исагогика / Перевод стихов В.К. Афанасьевой.
www.bible-center.ru

⁴⁸ Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

⁴⁹ Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллауянке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только»: www.devanagary.ru.

⁵⁰ Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

⁵¹ Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллауянке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только»: www.devanagary.ru.

⁵² Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

⁵³ Святополк-Четвертынский И.А. Указ. соч.

⁵⁴ Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

⁵⁵ Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллауянке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только». www.devanagary.ru.

⁵⁶ Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

⁵⁷ Святополк-Четвертынский И.А. Указ. соч.

- ⁵⁸ Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.
- ⁵⁹ Абдурагимов Г.А., Абдурагимова Д.Г. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии. Экономика, 1998.
- ⁶⁰ Мень А. Исагогика / Пер. В.К. Афанасьевой. www.bible-center.ru.
- ⁶¹ Руми Джалааладин. Книга двустий. www.sufism.ru.
- ⁶² Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ⁶³ Матве М.Э. Древнеегипетские мифы. М.: АН СССР, 1956.
- ⁶⁴ Указатель (теософских) понятий к «Тайной Доктрине» / Сост. Дж. Мидом. Пер. с английского А.П. Хейдока.
- ⁶⁵ Матве М.Э.
- ⁶⁶ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ⁶⁷ Это описание переключается с внешним обликом змея из главы 108 «Книги мертвых», где он также 30 локтей в длину, а тело его покрыто блестящими металлическими пластинками. Живет он на холме, и умершему Осирису-Ну он нестрашен, так как тому известно его имя — «Обитатель в своем огне».
- ⁶⁸ Потерпевший кораблекрушение должен держать ответ; подобно тому как делает это правогасный в загробном мире перед богами, снабженный свитком «Книги мертвых». «Если промедлишь ты с ответом, — говорит Змей, то есть если не скажет правогасный слов оправдания («уста человека, спасают они его» — эта фраза имеет то же значение), то уничтожат его собаки-змеи, спалят его, превратят в пепел». Этим же устрашает героя сказки Змей.
- ⁶⁹ Белова Г.А., Шеркова Т.А. Сказки Древнего Египта. М.: Алетея, 1998.
- ⁷⁰ Аппензеллер Т. Драконы / Серия «Зачарованный мир» / Пер. на русск. 1996.
- ⁷¹ Кирпичников А.И. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.
- ⁷² Вилинбахов Г., Вилинбахова Т. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1991.
- ⁷³ Вилинбахов Г., Вилинбахова Т. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1991.
- ⁷⁴ Книга о славе царей Кебра Нагаст / Текст переведен по сетевому изданию: *The Deeds of Robert Guiscard, by William of Apulia*. www.sacred-texts.com/chr/kn/index.htm. www.vostlitinfo.ru.
- ⁷⁵ Сказки зулу *izinganekwane*. М.—Л., 1937.
- ⁷⁶ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.
- ⁷⁷ Элфорд А. Боги нового тысячелетия. М.: Вече, 1998.
- ⁷⁸ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁸² Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁸³ Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁸⁴ Хорхе Луис Борхес. Книга вымышленных существ. Азбука-классика, 2005.
- ⁸⁵ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

- ⁸⁶ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
- ⁸⁷ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ⁹¹ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ⁹² Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁹³ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ⁹⁴ Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁹⁵ Сплитский Фома. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик. 1997
- ⁹⁶ Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
- ⁹⁷ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1995.
- ⁹⁸ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ⁹⁹ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁰⁰ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁰¹ Тристан и Изольда. Библиотека всемирной литературы. Т. 22 / Пер. с фр. Ю. Стефанова. Художественная литература, 1974.
- ¹⁰² Большая советская энциклопедия (БСЭ). Новый диск, 2002 г.
- ¹⁰³ Зорич А. Проект «Art Pragmatica. Галереи хороших изображений». www.zorich.enjoy.ru.
- ¹⁰⁴ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
- ¹⁰⁵ Сайт «Драконьи пещеры»: www.dragon.ur.ru/vbb.
- ¹⁰⁶ Снорри Стурлуссон. Круг Земной. (Snorri Sturlusson «Heimskringla»). М.: Наука, 1980.
- ¹⁰⁷ Сайт Брестской области: www.brestobl.com.
- ¹⁰⁸ Зорич А. Проект «Art Pragmatica. Галереи хороших изображений». www.zorich.enjoy.ru.
- ¹⁰⁹ Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ». 1998, № 27.
- ¹¹⁰ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- ¹¹¹ Младшая Эдда. М.: Наука, 2005.
- ¹¹² Девять миров. Скандинавские мифы. www.knigki.ru.
- ¹¹³ Девять миров. Скандинавские мифы. www.knigki.ru.
- ¹¹⁴ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹¹⁵ Королев К. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.

- ¹¹⁶ Королев К. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.
- ¹¹⁷ Черная смерть — эпидемия чумы, поразившая Европу в середине XIV в. Рассказывают, что погибло две трети населения Норвегии.
- ¹¹⁸ Королев К. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.
- ¹¹⁹ Сайт «Вся Норвегия на русском».
<http://www.norge.ru/history/vikingspships.html>.
- ¹²⁰ Поляков Е.Н., Рачковский П.Ю. Дом с драконами: история и мифы. «Сибирская старина [on-line]». Томский краеведческий альманах.
www.starina.tomsk.ru.
- ¹²¹ Поляков Е.Н., Рачковский П.Ю. Дом с драконами: история и мифы. «Сибирская старина [on-line]». Томский краеведческий альманах.
www.starina.tomsk.ru.
- ¹²² Королев К. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.
- ¹²³ Фомин О. «Беовульф» в аспекте традиционализма. www.vekovka.h1.ru.
- ¹²⁴ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ¹²⁵ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹²⁶ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова. 9. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹²⁷ Ythgewinnes — дословно — «молящий по волнам». Это существо плавало по поверхности воды, и потому люди с легкостью поразили его копьем с берега. Существо, подобное ythgewinnes, часто изображали на носу своих кораблей викинги. Есть основания полагать, что они делали это не из суеверия, а с практической целью — отпугнуть настоящих «молящих по волнам». — *Примеч. Б. Купера*.
- ¹²⁸ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹²⁹ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹³⁰ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹³¹ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹³² Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹³³ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹³⁴ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹³⁵ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹³⁶ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

- ¹³⁷ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹³⁸ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ¹³⁹ Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999, Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ¹⁴⁰ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ¹⁴¹ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹⁴² Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹⁴³ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁴⁴ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹⁴⁵ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁴⁶ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹⁴⁷ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁴⁸ Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.
- ¹⁴⁹ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁵⁰ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ¹⁵¹ Купер Б. После потопа: Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁵² Вокруг света. www.vokrugsveta.ru.
- ¹⁵³ Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна» // «Кудруна». М., 1984.
- ¹⁵⁴ Аномалия. Газета о непознанном. www.pressa.spb.ru/newspapers/anomal/.
- ¹⁵⁵ Территория современной Эстонии; Адам ошибочно принимает ее за остров.
- ¹⁵⁶ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ¹⁵⁷ Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.
- ¹⁵⁸ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- ¹⁵⁹ Сайт «Мегатис»: www.history.megatis.ru.
- ¹⁶⁰ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

¹⁶¹ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

¹⁶² Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

¹⁶³ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

¹⁶⁴ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

¹⁶⁵ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

¹⁶⁶ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

¹⁶⁷ Дублянский В.Н. Занимательная спелеология. Урал LTD, 2000.

¹⁶⁸ Бузург Ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1959.

¹⁶⁹ Непомнящий Н.Н. По следам морского змея. Энциклопедия загадочного и неведомого. М.: Олимп, АСТ, 2001.

¹⁷⁰ Житие святого Симеона Столпника, написанное Антонием, его учеником. Пер. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега, 1996, № 4.

¹⁷¹ Православный календарь. www.days.pravoslavie.ru.

¹⁷² Книга тысячи и одной ночи. Часть 5. М.: Новости, 1992.

¹⁷³ Залеман К.Г. Очерк истории древнеперсидской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1880.

¹⁷⁴ Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллауянке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только»: www.devanagary.ru.

¹⁷⁵ Рак И.В. Зороастрийская мифология. СПб., 1998.

¹⁷⁶ Галлямов С. Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры. Башкортостан, Уфа, РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999.

¹⁷⁷ Галлямов С. Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры. Башкортостан, Уфа, РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999.

¹⁷⁸ Де Виженер Б. Описание польского королевства. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси / Пер. К. Мельбика. Выпуск I (XVI ст.). Киев, 1890.

¹⁷⁹ «Скала Злого духа» может находиться на расстоянии двухмесячного пути от резиденции Бугра-хана в бассейне р. Чу, т.е. где-то в Якутии или даже в пределах Индии. — *Примеч. авт.*

¹⁸⁰ Как видно, Сары Кулбаш, как и Туман-хан, знал язык зверей. — *Примеч. авт.*

¹⁸¹ Фазлаллах Рашид Ад-Дин. Огузуаме / Пер. Р.М. Шукюровой. Баку, 1987

¹⁸² Аппензеллер Т. Драконы. Серия «Зачарованный мир» / Пер. на русск. 1996, Издательский центр «Терра».

¹⁸³ Мужская верхняя одежда кавказских народов. — *Примеч. авт.*

¹⁸⁴ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

- ¹⁸⁵ Так у адыгейцев принято обращаться к старикам. — *Примеч. авт.*
- ¹⁸⁶ Новости. — *Примеч. авт.*
- ¹⁸⁷ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.
- ¹⁸⁸ Большая советская энциклопедия (БСЭ). Новый диск, 2002 г.
- ¹⁸⁹ Галлямов С. Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры. Башкортостан, Уфа, РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ Собственно говоря, поднявшись на башню и сгибая тонкий лист железа, Сократ пользуется параболическим зеркалом, для того чтобы увидеть в нем отражение драконов.
- ¹⁹² Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- ¹⁹³ Сайт Фонда «Москва — Крым»: www.moscow-crimea.ru.
- ¹⁹⁴ Скифский мир. Неславянская Россия. Популярная энциклопедия. www.sib.net.
- ¹⁹⁵ Золотая симфония пекторали // «Вокруг света». www.vokrugsveta.com.
- ¹⁹⁶ Золотая симфония пекторали // «Вокруг света». www.vokrugsveta.com.
- ¹⁹⁷ Хабаров В. Ужасный змей древнерусских лесов. www.pages.com.ua.
- ¹⁹⁸ Скифский квадрат // STRATUM plus, 1999, № 3. www.stratum.ant.md.
- ¹⁹⁹ Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии. Алтайский государственный университет. www.new.hist.asu.ru.
- ²⁰⁰ Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии. Алтайский государственный университет. www.new.hist.asu.ru.
- ²⁰¹ Жетписбай Н.И. Об одном образе сарматской торевтики // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Материалы ХLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 2001.
- ²⁰² Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии. Алтайский государственный университет. www.new.hist.asu.ru.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагайке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.—Л., 1940.
- ²⁰⁵ Омский государственный университет. www.omgis.omskreg.ru/amp/tolpeko/.
- ²⁰⁶ Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника). Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

²⁰⁷ Гаглойти Ю. О национальных символах осетинского народа. www.iriston.ru.

²⁰⁸ Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ», 1998, № 27.

²⁰⁹ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

²¹⁰ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

²¹¹ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.

²¹² Так в русском каноническом переводе. Видимо, это древняя описка/опечатка, ибо по смыслу должно быть что-нибудь вроде «рассеялся», так как в английском варианте этого библейского стиха буквально сказано: «and the dragon burst in sunder», т.е. «и дракон был разорван на части». — *Примеч. Ю. Канчукова.*

²¹³ Сайт «Гнездо драконов»: www.dragons-nest.ru.

²¹⁴ Апокрифические Евангелия. Серия «Личная библиотека Борхеса». СПб.: Амфора, 2000.

²¹⁵ Плетр — мера длины, равная 29,6 м.

²¹⁶ Можно понять, что змей и ад, хотя и не отождествляются, тем не менее находятся в какой-то труднообъяснимой связи друг с другом, что справедливо было отмечено Джеймсом в его комментарии, так как ниже, в гл. 5, сказано: «чрево его (дракона) — ад». — *Примеч. авт.*

²¹⁷ Апокрифические апокалипсисы / Пер., сост., вступ. статья: М.Г. Витковская, В.Е. Витковский. СПб.: Алетейя, 2001.

²¹⁸ Морозов А. Ян Стрейс. Три путешествия. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.

²¹⁹ Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука-классика, 2001.

²²⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

²²¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

²²² Аномалия. Газета о непознанном.

www.pressa.spb.ru/newspapers/anomal/.

²²³ Там же.

²²⁴ Калашников В. Славянская мифология. М.: Белый город, 2001.

²²⁵ Полное собрание русских сказок. Т. 10 // Сказки и предания Самарского края: Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тропа Троянова, 2003.

²²⁶ Полное собрание русских сказок. Т. 10 // Сказки и предания Самарского края: Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тропа Троянова, 2003.

²²⁷ Повесть о Еруслане Лазаревиче // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987.

²²⁸ Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука-классика, 2001.

²²⁹ Бычков А.А. Энциклопедия языческих богов // Мифы древних славян. М., 2001.

²³⁰ Там же.

²³¹ Бычков А.А. Энциклопедия языческих богов // Мифы древних славян. М., 2001.

- ²³² Аномалия. Газета о непознанном. www.pressa.spb.ru/newspapers/anomal/.
- ²³³ Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985.
- ²³⁴ Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ», 1998, № 27.
- ²³⁵ Лобачев В.В. Сайт: «Гербы и символы Белгородской области». www.gerb.bel.ru.
- ²³⁶ Описание герба Москвы. www.heraldry.hobby.ru/gub/mosc.php.
- ²³⁷ Лобачев В.В. Сайт: Гербы и символы Белгородской области. www.gerb.bel.ru.
- ²³⁸ Морозов И. Гербы городов Российской Федерации. www.heraldry.hobby.ru.
- ²³⁹ Койэт Б. Исторический рассказ, Или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фон-Кленка, чрезвычайного посла высокомогущественных генеральных штатов и его высочества принца Оранского к Его Величеству царю Московии. [Отрывки] / Примеч. и пер. А.М. Ловягина // Русская старина, 1893. Т. 80. № 12. Под загл.: Москва при смерти тишайшего государя. (Выдержки из записок иностранца-современника). М.: Вознесенский, 2006.
- ²⁴⁰ Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ», 1998, № 27.
- ²⁴¹ Морозов И. Гербы городов Российской Федерации. www.heraldry.hobby.ru.
- ²⁴² Сайт «Геральдика». www.geraldika.ru.
- ²⁴³ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII—XIX веков. М.: Сов. Россия, 1974.
- ²⁴⁴ Мустафин Р. Тайны озера Кабан. Казань, 1993.
- ²⁴⁵ Сапрыков В. Крылатый барс Татарстана // Наука и жизнь. № 10, 1994.
- ²⁴⁶ Сапрыков В. Крылатый барс Татарстана // Наука и жизнь. № 10, 1994.
- ²⁴⁷ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII—XIX веков. М.: Сов. Россия, 1974.
- ²⁴⁸ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII—XIX веков. М.: Сов. Россия, 1974.
- ²⁴⁹ Официальный сайт города Казани: www.kazan.org.ru.
- ²⁵⁰ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.
- ²⁵¹ Макридричев Б. Чудский ящер — реликт мезозоя? // Техника — молодежи, 1984, № 7.
- ²⁵² Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человеках, неизвестных в восточной стране». Археолого-этнографический этюд. М., 1890.
- ²⁵³ Макридричев Б. Чудский ящер — реликт мезозоя? // Техника — молодежи, № 7, 1984.
- ²⁵⁴ Бажов П.П. Собр. соч. в 3 т. Т. 1 / Под общей редакцией В.А. Бажовой, А.А. Суркова, Е.А. Пермяка. Государственное издательство художественной литературы. М., 1952.
- ²⁵⁵ Макридричев Б. Чудский ящер — реликт мезозоя? // Техника — молодежи, 1984, № 7.

- ²⁵⁶ Макридичев Б. Чудский ящер — реликт мезозоя? // Техника — молодежи, 1984, № 7.
- ²⁵⁷ Магдюков В. Легенда о Ленских столбах // Газета «Якутия». www.yass.yakutia.su.
- ²⁵⁸ Скрипиль М.О. «Повесть о Петре и Февронии» и эпические песни южных славян об огненном змее // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, 1946, № 11—12.
- ²⁵⁹ Павлович И. Миражи над Жигулями. www.awesta.sibirjak.ru.
- ²⁶⁰ Журнал «Болгария», 1989, № 3.
- ²⁶¹ Колмогоровцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.
- ²⁶² Словарь языческой мифологии славян. www.pagan.ru.
- ²⁶³ Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие. Сказка о происхождении кикимор. М., 1836.
- ²⁶⁴ Полное собрание русских сказок. Т. 10 // Сказки и предания Самарского края: Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тропа Троянова, 2003.
- ²⁶⁵ Темняткин С.Н. Уж-Палучато, Змея и Аягушка // «Кацкая летопись», 1999. № 9—10. www.kl-21.narod.ru.
- ²⁶⁶ Первый день после Троицы, понедельник.
- ²⁶⁷ Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие. Сказка о происхождении кикимор. М., 1836.
- ²⁶⁸ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- ²⁶⁹ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- ²⁷⁰ Словарь языческой мифологии славян. www.pagan.ru.
- ²⁷¹ «Детище некошное», то есть без судьбы («кошь» — судьба, «Макошь» — несущая судьбу, рожающая судьбу, мать-судьба). (Прим.: Чужая Д. Разбор «Сказки о происхождении кикимор» из книги И.П. Сахарова «Русское народное чернокнижие», www.kuut.narod.ru).
- ²⁷² Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие. Сказка о происхождении кикимор. М., 1836.
- ²⁷³ Толстой А.К. Полное собрание стихотворений в 2 т. // Библиотека поэта. Большая серия. А.: Советский писатель, 1984.
- ²⁷⁴ Слово о полку Игореве.
- ²⁷⁵ Скандербек — настоящее имя Георг Кастриоти (ок. 1405—1468), национальный герой Албании; возглавив народное восстание в 1443 году, освободил от османского господства часть территории страны.
- ²⁷⁶ Еразм Е. Повесть о Петре и Февронии Муромских. Перевод с древнерусского Дмитриева Р. www.rusinst.ru.
- ²⁷⁷ Павлович И. Огненные змеи — кто они? www.awesta.narod.ru.
- ²⁷⁸ Павлович И. Миражи над Жигулями. www.awesta.sibirjak.ru.
- ²⁷⁹ Павлович И. Огненные змеи — кто они? www.awesta.narod.ru.

- ²⁸⁰ Сайт «Сказки народов мира»: www.skazka.com.ru.
- ²⁸¹ Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов / Восточный символизм. Изд-во В.П. Царева, М., 2000.
- ²⁸² Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. ФормаТ, 2004.
- ²⁸³ Варенов А.В. К вопросу об истоках изобразительной традиции оленных камней монголо-забайкальского стиля в истории и культуре Востока Азии / Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9—11 декабря 2002 г.) / Отв. ред. С.В. Алкин. Т. 2. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002.
- ²⁸⁴ Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. ФормаТ, 2004.
- ²⁸⁵ Кэ Ю. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
- ²⁸⁶ Рифтин Б.А. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
- ²⁸⁷ Некоторые комментаторы отождествляют это название с Цзяочжи-цзюем, китайским названием Тонкина; другие полагают, что здесь описывается часть верхнего Лаоса.
- ²⁸⁸ Поло М. Книга о разнообразии мира / Пер. с фр. Е.Ю. Золотовой. Текст Марко Поло в пер. И.П. Минаева. М.: Белый город.
- ²⁸⁹ Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. ФормаТ, 2004.
- ²⁹⁰ Рифтин Б.А. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
- ²⁹¹ Сайт «Гнездо драконов»: www.dragons-nest.ru.
- ²⁹² Сайт «Гнездо драконов»: www.dragons-nest.ru.
- ²⁹³ Рифтин Б.А. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.
- ²⁹⁴ Хачатурян В. Древний Китай. История, быт, нравы. М., 2001.
- ²⁹⁵ Кауров Э. Под сенью созвездия Дракона. Астрономическая интерпретация древнекитайских представлений об устройстве Вселенной. Независимая газета, 2000.
- ²⁹⁶ Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов / Восточный символизм. Изд-во В.П. Царева, М., 2000.
- ²⁹⁷ Greif Peter. Из ответов на вопросы по поводу толкования символов. www.apress.ru/pages/greif/site-otv/o-004.htm.
- ²⁹⁸ Всеволодов И.В. (Можейко И.В.) Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М., 1990.
- ²⁹⁹ Аппензеллер Т. Драконы // Серия «Зачарованный мир». Пер. на русск. 1996.
- ³⁰⁰ Восемь видов [сверхъестественных существ] (кит. тянь лун бабу) — небожители (кит. тянь; санскр. дэва); драконы (кит. лун, санскр. наги); якши, или якшасы — демоны, составляющие свиту Вайшраваны, небесного царя, покровителя Севера; гандхарвы — небесные музыканты; асуры — титаны, противники богов; гаруды — гигантские божественные птицы, истребляющие нагов; киннары — музыканты из свиты бога Индры, которые, в отличие от гандхарвов, исполняют не светскую музыку, а религиозные гимны; махараги — демоны, имеющие большие животы.

³⁰¹ Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с китайск. Д.В. Поповцева. СПб., 1999.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: Астрель, 2000.

³⁰⁵ Хорхе Луис Борхес. Книга вымышленных существ. М.: Азбука-классика, 2005.

490

³⁰⁶ Драконьи вены называют также драконьими жилами.

Что примечательно, подобное понятие об энергетических каналах Земли существовало и у друидов. Европейские исследователи используют название ley-lines (ley-линии). Так, пещера друидов — Глен Элмонд (Glen Almond) — один из важнейших элементов теллурической системы, которая покрывает большую часть Шотландии. Циклическая ley-энергия, входя в эту рукотворную пещеру, меняет свою частоту и длину, что, при умелом использовании резонирующих свойств пещеры, придает ley-энергии новые интересные свойства. (Дэвид Р. Коуэн. Ley-линии, Земные Энергии, Вертикально Стоящие Камни, Камни, Помеченные Вмятинами, Лозоходство и другие необычные земные явления и артефакты / Пер. Ю. Канчукова, оригинальная публикация. www.leyman.demon.co.uk.)

³⁰⁷ Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: Астрель, 2000.

³⁰⁸ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³⁰⁹ Ли — мера длины, примерно 0,5 км (в древности ок. 400 м).

³¹⁰ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹¹ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹² Лукьянов А.Е. Чжун юн: конфуцианское учение о середине // Конфуцианский трактат «Чжун юн». М., 2003.

³¹³ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹⁴ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹⁵ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹⁶ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³¹⁷ Рифтин Б.А. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970.

³¹⁸ Лукьянов А.Е. Чжун юн: конфуцианское учение о середине. // Конфуцианский трактат «Чжун юн». М., 2003.

³¹⁹ Цянь Сыма. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. М.: Восточная литература, 1972.

³²⁰ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³²¹ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³²² Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов / Восточный символизм. Изд-во В.П. Царева, М., 2000.

³²³ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³²⁴ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³²⁵ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

³²⁶ Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

- ³²⁷ Алексеев В.М. Китайский культ бога Гуаня. А., 1926.
- ³²⁸ Таскин В.С. Го юй (Речи царств). М.: Наука. 1987.
- ³²⁹ Кэ Ю. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
- ³³⁰ Кэ Ю. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
- ³³¹ Розов Г.М. История золотой империи / Пер. Г.М. Розова. Российская академия наук. Сибирское отделение. Новосибирск, 1998.
- ³³² Е Лун-ли. История государства киданей / Пер. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979.
- ³³³ Чжан — мера длины, в современном исчислении 3,2 м (в древности 1,9—3,4 м). Там же.
- ³³⁴ Ли — мера длины, примерно 0,5 км (в древности ок. 400 м). Там же.
- ³³⁵ Чи — мера длины, равная 32 см (в древности 24—27 см).
- ³³⁶ Е Лун-ли. История государства киданей / Пер. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979.
- ³³⁷ Там же.
- ³³⁸ Терентьев-Катанский А.П. Китайская легенда о драконе // Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971.
- ³³⁹ Поло М. Книга о разнообразии мира / Пер. с фр. Е.Ю. Золотовой. Текст Марко Поло в пер. И.П. Минаева. М.: Белый город.
- ³⁴⁰ Куликов Г.В. Китайская гимнастика ушу // Информационный бюллетень. Вып. № 2. М., 1989.
- ³⁴¹ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., Наука, 1989.
- ³⁴² Долин А.А., Маслов А.А. Истоки ушу. М., 1990.
- ³⁴³ Кауров Э. Под сенью созвездия дракона. Астрономическая интерпретация древнекитайских представлений об устройстве Вселенной. Независимая газета, 2000.
- ³⁴⁴ Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов / Восточный символизм. Изд-во В.П. Царева, М., 2000.
- ³⁴⁵ Степанова О. Переводы с китайского. www.spintongues.msk.ru.
- ³⁴⁶ Diane Barker. Перевод: PampKin Head, Tashi Jong, 2002. www.buddhist.ru.
- ³⁴⁷ Сайт «Гнездо драконов»: www.dragons-nest.ru.
- ³⁴⁸ The Lonely Planet Guidebook on Vietnam.
- ³⁴⁹ АННАМ. 1) название, данное китайскими императорами территории современного Северного и частично Центрального Вьетнама, находившейся под их господством в VII—X вв. Позже употреблялось в европейской и китайской литературе как название всей страны (отсюда устаревшее название населения страны — аннамиты). 2) административное название Центрального Вьетнама (Чунбо) в 1884—1945 гг. при французском колониальном господстве.
- ³⁵⁰ Непомнящий Н.Н. По следам морского змея. Энциклопедия загадочно-го и неведомого. М.: Олимп, АСТ, 2001.
- ³⁵¹ Энциклопедический словарь «Всемирная история». Эксмо, 2003.
- ³⁵² Мульквисин, сусин, в корейской мифологии общее название водяных духов. Считалось, что душа утопленника становилась мульквисином. В разных

местах Кореи приносились жертвы духам четырех морей — Тонхэсину (духу восточного моря) в Янгъаде, Сохэсину (духу западного моря) в Пхунчхоне, Намхэсину (духу южного моря) в Наджу и Пукхэсину (духу северного моря) в Кенсоне. Кроме того, весной и осенью во избежание наводнений и для спокойствия в стране совершались жертвоприношения духам семи водоемов (Чхильдоксин) в виде пятицветных ритуальных денег, которые бросали в реки и бухты.

³⁵³ Концевич А.Р. Энциклопедия «Мифы народов мира» в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980.

³⁵⁴ Галлямов С. Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры. Башкортостан, Уфа, РИО РУНИЦ Госкомнауки РБ, 1999.

³⁵⁵ Отакэ Рисукэ. Учение школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю / Пер. на русск. яз. А. Горбылева, www.jiu-jitsu.kiev.ua.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Ефремов И. Дорога ветров. Молодая гвардия, 1980.

³⁵⁸ Ефремов И. Дорога ветров. Молодая гвардия, 1980.

³⁵⁹ Мифологический bestiарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

³⁶⁰ Мифологический bestiарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Эрмитаж. www.hermitage.museum.ru.

³⁶³ Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1 // Арабские источники VII—X вв. М.-Л.: АН СССР. 1960, пер. Л.Е. Куббея, В.В. Матвеева.

³⁶⁴ Вероятно, Телингана, область в восточной части полуострова Индостан со столицей Варангол (ныне в восточной части штата Хайдарабад).

³⁶⁵ Речь идет о прославленных алмазных россыпях Голконды в Телингане.

³⁶⁶ Поло М. Книга о разнообразии мира / Пер. с фр. Е.Ю. Золотовой. Текст Марко Поло в пер. И.П. Минаева. М.: Белый город.

³⁶⁷ Горелова Н. Послания из вымышленного царства / Пер. с лат., сост., вступ. ст., комм. Горелова Н.; пер. с др.-греч. Горшановой О., Захаровой Д., Лагутиной Е.), СПб: Азбука-классика, 2004.

³⁶⁸ Скаляров А. Введение в «Драконографию». www.piramyd.express.ru.

³⁶⁹ Мифы и легенды древней Индии. www.russianboston.com.

³⁷⁰ Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М.: Наука, 1974.

³⁷¹ Указатель (теософских) понятий к «Тайной Доктрине». Сост. Дж. Мида. Пер. с англ. А.П. Хейдока.

³⁷² Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М.: Наука, 1974.

³⁷³ Мьяль А.Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

³⁷⁴ Шапошникова Л.В. Утренняя Звезда // Альманах МЦР 1, Учителя, 1993.

³⁷⁵ Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

³⁷⁶ Мьяль А.Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

³⁷⁷ Указатель (теософских) понятий к «Тайной Доктрине» / Сост. Дж. Мида. Пер. с англ. А.П. Хейдока.

³⁷⁸ Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с китайск. Д.В. Поповцева. СПб., 1999.

³⁷⁹ Святой или духовное лицо, приняв пожертвование, обеспечивают тем самым дарителю благу заслугу.

³⁸⁰ Джатаки. Сайт www.oum.ru.

³⁸¹ Мьяль А.Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

³⁸² Хорхе Луис Борхес. Книга вымышленных существ. М.: Азбука-классика, 2005.

³⁸³ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.

³⁸⁴ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

³⁸⁵ Гусева Н.Р. Русские сквозь столетия / Арктическая теория. М., 1998.

³⁸⁶ Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллуанке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только»: www.devanagary.ru.

³⁸⁷ Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 2. М.: Эксмо, 2002.

³⁸⁸ Гусева Н.Р. Русские сквозь столетия / Арктическая теория. М.: 1998.

³⁸⁹ Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. Большая Российская энциклопедия, 2003.

³⁹⁰ Указатель (теософских) понятий к «Тайной доктрине» / Сост. Дж. Мида. Пер. с англ. А.П. Хейдока.

³⁹¹ Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

³⁹² Сафронов А. Иностранец № 03 от 28.01.98.

³⁹³ Эйвельманс Бернар. По следам неизвестных животных.

www.ufo.metrosom.ru.

³⁹⁴ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

³⁹⁵ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

³⁹⁶ Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.

³⁹⁷ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры.

www.metakultura.ru.

³⁹⁸ Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

³⁹⁹ Бидерман Г. Энциклопедия символов. М. Республика, 1996.

⁴⁰⁰ Кинжалов Р.В. Энциклопедия «Мифы народов мира» в 2 т.

⁴⁰¹ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.

⁴⁰² Кинжалов Р.В. Энциклопедия «Мифы народов мира» в 2 т.

⁴⁰³ Берналь Диас де Кастильо. Правдивая история завоевания Новой Испании / Пер. Д.Н. Егорова; А.Р. Захарьяна. М.: Форум. 2000.

⁴⁰⁴ Мифологический бестиарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

⁴⁰⁵ Хэнкок Г. Следы Богов. М.: Вече, 1997.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Зиновьев А.В. и Зиновьев А.А. Мировые часы. Владимир, 1998.

- ⁴⁰⁸ Зиновьев А.В. и Зиновьев А.А. Мировые часы. Владимир, 1998.
- ⁴⁰⁹ Атлас чудес света. М.: БММ АО, 1995.
- ⁴¹⁰ Хэнкок Г. Следы Богов. М.: Вече, 1997.
- ⁴¹¹ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.
- ⁴¹² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- ⁴¹³ Складов А. Введение в «Драконографию». www.piramyd.express.ru.
- ⁴¹⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- ⁴¹⁵ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
- ⁴¹⁶ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.
- ⁴¹⁷ Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.
- ⁴¹⁸ Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2000.
- ⁴¹⁹ Климова В. Святой против дракона: святые драконоборцы средневековой Европы. www.dragons-nest.ru.
- ⁴²⁰ Климова В. Святой против дракона: святые драконоборцы средневековой Европы. Сайт www.dragons-nest.ru.
- ⁴²¹ В Византии такие пастырские посохи употреблялись в XIII в. Значение их видно из Мф. 10, 16: «будьте мудры, как змии» (Дьяченко Г., протоиерей, «Полный церковно-славянский словарь», 1898 / репр. М., 1998).
- ⁴²² Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Издательство Уральского университета, 2000.
- ⁴²³ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ⁴²⁴ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ⁴²⁵ Мифологический словарь. Советская Энциклопедия, 1990.
- ⁴²⁶ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. Азбука-классика, 2004.
- ⁴²⁷ Шешунова С.В. Святой Георгий Победоносец в русской поэзии / Доклад на вечере, посвященном празднику Ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия // Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 9 декабря 2004 года.
- ⁴²⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. Азбука-классика, 2004.
- ⁴²⁹ Печерская Т.И. Изучение фольклора в 5 классе. Народные легенды и духовные стихи. Книжный развал, www.rassvet.websib.ru.
- ⁴³⁰ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.
- ⁴³¹ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика.
- ⁴³² Там же..

⁴³³ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

⁴³⁴ Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

⁴³⁵ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

⁴³⁶ Газета www.eTver.ru от 28.07.2005.

⁴³⁷ Песков В. Драконы острова Комодо // «Комсомольская правда» от 11.01.2002 г.

⁴³⁸ Эйвельманс Бернар. По следам неизвестных животных.
www.ufo.metrocom.ru.

⁴³⁹ Плешаков С.А. Тайны бермудских треугольников. М.: Рипол Классик, 2001.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Плешаков С.А. Тайны бермудских треугольников. М.: Рипол Классик, 2001.

⁴⁴² Мир путешествий и приключений // От 12.11.2002.
http://www.outdoors.ru/news/2002/11/12_1.php.

⁴⁴³ The Epoch Times // 12 сентября 2005 г. www.english.epochtimes.com.

⁴⁴⁴ The Epoch Times // 7 августа 2005 г. www.theepochtimes.com.

⁴⁴⁵ Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

12-летний календарный цикл — древнейшая система исчисления времени у народов Центральной Азии. Сайт «Тюркология»: www.turk.freenet.kz.

Andrew L. Sibler (Badger). Furwords. Перевод на русский О. Алферова.

Сайт www.furwords.secoh.ru.

BBCRussian.com.

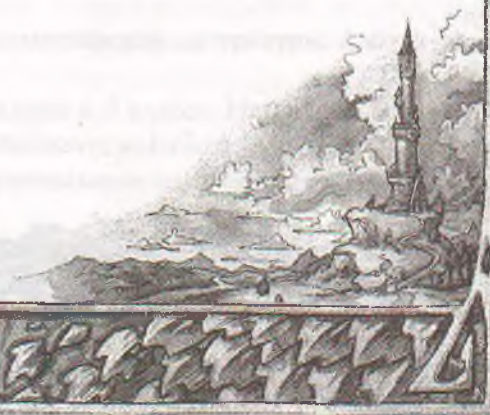
www.news.bbc.co.uk/hi/russian/.

BBCRussian.com», www.news.bbc.co.uk.

Diane Barker. Перевод: PampKin Head, Tashi Jong, 2002, www.buddhist.ru.

Greif Peter. Из ответов на вопросы по поводу толкования символов.

www.apress.ru/pages/greif/site-otv/o-004.htm.

SpaceDaily. www.spacedaily.com.

The Epoch Times от 12 сентября 2005 г.

www.english.epochtimes.com.

The Epoch Times от 7 августа 2005 г. www.theepochtimes.com.

The Lonely Planet Guidebook on Vietnam.

Абдурагимов Г. А., Абдурагимова Д. Г. Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии. М.: Экономика, 1998.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Азбука-классика, 2004.

497

Авеста в русских переводах, (1861—1996). СПб., 1998.

Авеста. Душанбе: Адиб, 1990.

Акимович И. Причуды природы. М.: Мысль, 1981.

Алексеев В. М. Китайский культ бога Гуаня. А., 1926.

Аномалия. Газета о непознанном.

www.pressa.spb.ru/newspapers/anomal/.

Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране». Археолого-этнографический этюд, М., 1890.

Апокрифические апокалипсисы / Пер., сост., вступ. статья: М. Г. Витковская, В. Е. Витковский, СПб.: Алетейя, 2001.

Апокрифические Евангелия // Серия «Личная библиотека Борхеса». СПб.: Амфора, 2000.

Аппенцеллер Т. Драконы / Серия «Зачарованный мир». Пер. на русск. М.: Терра, 1996.

Атлас чудес света. М.: БММ АО, 1995.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу (в трех томах). М., 1994.

Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян». Т. 2. М.: Эксмо, 2002.

Афанасьева В. К. Мардук // Мифы народов мира.

Бажов П. П. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1 / Под общей ред. В. А. Бажовой, А. А. Суркова, Е. А. Пермяка. Государственное Издательство художественной литературы. М., 1952.

Белова Г. А., Шеркова Т. А. Сказки Древнего Египта. М.: Алетейя, 1998.

Беовульф. Библиотека всемирной литературы. Т. 9 / Пер. с древнеангл. В. Тихомирова. М.: Художественная литература, 1975.

Берналь Диас де Кастильо. Правдивая история завоевания Новой Испании / Пер. Д. Н. Егорова, А. Р. Захарьяна. М.: Форум, 2000.

Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карага-линке. В сб. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.—А., 1940.

Библейская энциклопедия в 4-х выпусках. М., 1891.

- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.
- Блаватская Е. Тайная Доктрина. ЭКСМО, 2003.
- Большая советская энциклопедия (БСЭ). Новый диск, 2002.
- Большой китайско-русский словарь в 4 т. М., 1984.
- Бузург Ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1959.
- Бутюгин А., Лагожина Л. О динозаврах. www.internet2.ru/~anomalzone.
- Бычков А.А. Энциклопедия языческих богов (Мифы древних славян). М., 2001.
- Варенов А.В. К вопросу об истоках изобразительной традиции оленных камней монголо-забайкальского стиля в История и культура Востока Азии / Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9—11 декабря 2002 г.) / Отв. ред. С.В. Алкин. Т. 2. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002.
- Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. 1860.
- Вилинбахов Г., Вилинбахова Т. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1991.
- Вильямс К.А. Энциклопедия китайских символов / Восточный символизм. М.: Изда-во В.П. Царева, 2000.
- Вокруг света. www.vokrugsveta.ru.
- Волкова А.М., Волкова З.Н. Беовульф. Англосаксонский эпос. М., 2000.
- Вологодская областная универсальная научная библиотека on-line. www.booksite.ru.
- Всеволодов И.В. (Можейко И.В.). Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М., 1990.
- Гаглойти Ю. О национальных символах осетинского народа. www.iriston.ru.
- Газета www.eTvet.ru от 28.07.2005.
- Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990.
- Галлямов С. Башкорды от Гильгамеша до Заратуштры. Башкортостан, Уфа, РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 1999.
- Гербы городов Словении, «Форумы лирика». <http://forum.lirik.ru/forum/viewtopic.php?t=527>.
- Головин С.А. Всемирный потоп: миф или реальность. М.: Паломник, 1998.
- Горелова Н. Послания из вымышленного царства / Пер. с лат., сост., вступ. ст., комм. Горелова Н.; пер. с др.-греч. Горшановой О., Захаровой Д., Лагутиной Е. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К.П. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992.
- Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М.: Наука, 1974.
- Гульд Ч. Мифические чудовища. СПб., 1902.
- Гусева Н.Р. Русские сквозь столетия / Арктическая теория. М., 1998.

Де Виженер Б. Описание польского королевства / Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Пер. К. Мельника. Киев, 1890.

Девять миров. Скандинавские мифы. Сайт: www.knigki.ru.

Джатаки. Сайт: www.oim.ru.

Дикинсон П. Полет драконов. Оригинальное издание. Paper Tiger, 1999 / Пер. с англ. Ю. Канчуков, 2003.

Долин А.А., Маслов А.А. Истоки ушу. М., 1990.

Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII—X вв. / Пер. А.Е. Куббеля, В.В. Матвеева. М.—Л.: АН СССР, 1960.

Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985.

Дублянский В.Н. Занимательная спелеология. Научно-популярная книга. Урал LTD, 2000.

Дуров В.А. Русские награды. М.: Просвещение, 1997.

Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. 1898. Репр. М., 1998.

Дэвид Р. Коуэн. Ley-линии, Земные Энергии, Вертикально Стоящие Камни, Камни, Помеченные Вмятинами, Лозоходство и другие необычные земные явления и артефакты / Перевод Ю. Канчукова, оригинальная публикация. www.leyman.demon.co.uk.

Е Лун-ли. История государства киданей / Пер. В.С.Таскина. М.: Наука, 1979.

Еразм Е. Повесть о Петре и Февронии муромских / Пер. с древнерусск. Р. Дмитриева. www.rusinst.ru.

Ефремов И. Дорога ветров. М.: Молодая гвардия, 1980.

Жетписбай Н.И. Об одном образе сарматской торевтики. Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции). Барнаул, 2001.

Житие святого Симеона Столпника, написанное Антонием, его учеником. Пер. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега, 1996, № 4.

Журнал «Болгария», 1989 № 3.

Забайкальское информационное агентство, 07 Июня, 2005 г. www.zabinfo.ru.

Залеман К.Г. Очерк истории древнеперсидской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1880.

Зиновьев А.В., Зиновьев А.А. Мировые часы. Владимир, 1998.

Золотая симфония пекторали // Журнал «Вокруг света». www.vokrugsveta.com.

Зорич А. Проект «Art Pragmatica. Галереи хороших изображений». www.zorich.enjoy.ru.

Из ранней истории шведского государства. М., 1999.

Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с китайского Д.В. Поповцевым. СПб., 1999.

Известия. www.izvestia.ru.

Иллюстрированный гадательный «И Цзин». М.: Астрель, 2001.

Интересная газета // Рубрика «Мир непознанного» от 11 ноября 2005 г.

Искусство Китая (CD-ROM). Directmedia Publishing, 2005.

500

Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. В 3 кн. / Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна. Институт древних рукописей им. Маштоца — Матенадаран. Ереван, 1984.

Калашиников В. «Славянская мифология» М.: Белый Город, 2001.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука, 1989 г.

Кауров Э. Под сенью созвездия дракона. Астрономическая интерпретация древнекитайских представлений об устройстве Вселенной / «Независимая газета», 2000.

Кинжалов Р.В. Энциклопедия «Мифы народов мира» в 2 т.

Киплинг Р. Маугли. М.: АСТ, 2004.

Кирпичников А.И. Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.

Киселев С. В. Древние города Монголии. Советская археология, 1957, № 2.

Климова В. Святой против дракона: святые драконоборцы средневековой Европы. www.dragons-nest.ru.

Книга о славе царей Кебра Нарагаст / Текст переведен по сетевому изданию: The Deeds of Robert Guiscard, by William of Apulia.

www.sacred-texts.com/chr/kn/index.htm. www.vostlitinfo.ru.

Книга тысячи и одной ночи. Ч. 5. М.: Новости, 1992.

Книга царей, или Шахнаме: эпические предания народов Ирана / Пересказ Кондыревой. М.: Рипол классик, 2002.

Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии / Сост. и общ. ред. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. М.: Алетея, 2000.

Койэт Б. Исторический рассказ, Или описание путешествия, совершенного в свите господина Кунраада фон-Кленка, чрезвычайного посла высокомогущественных генеральных штатов и его высочества принца Оранского к Его Величеству царю Московии. [Отрывки] / Примеч. и пер. А.М. Ловягина // Русская старина, 1893. Т. 80. № 12. Под загл.: Москва при смерти тишайшего государя. (Выдержки из записок иностранца-современника.) Сетевая версия: М. Вознесенский, 2006.

Колмогорцев А. Малахитовая шкатулка Пандоры. www.metakultura.ru.

Компьюлента. www.compulenta.ru.

Компьютерра. www.computerra.ru.

Конан Дойль А. Затерянный мир. М.: Белый Город, 2003.

Концевич А.Р. Энциклопедия «Мифы народов мира». В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980.

Королев Г.И. Змий или Дракон? // «Гербоведъ», 1998, № 27.

Королев К. Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.

Кузина С. В Юрском периоде люди летали в космос? // «Комсомольская правда» от 14.09.2005.

Кулик С.Ф. Когда духи отступают. М.: Мысль, 1981.

Куликов Г.В. Китайская гимнастика ушу. Информационный бюллетень. Вып. № 2. М., 1989.

Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Купер Б. После потопа. Ранняя история Европы. Христианский апологетический центр. Симферополь, 1997.

Кэ Ю. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1965.

Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье / Пер. с англ. А.А. Яхнина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника). Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII вв. / Пер. В.В. Рыбакова и М.Б. Свердлова. М.—А., 1989.

Ле Гофф Жак. Другое Средневековье. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.

Лобачев В.В. Гербы и символы Белгородской области. www.gerb.bel.ru.

Лукиянов А.Е. Чжун юн: конфуцианское учение о середине. В кн.: Конфуцианский трактат «Чжун юн». М., 2003.

Магдюков В. Легенда о Ленских столбах. Газета «Якутия». www.yacc.yakutia.su.

Макриджичев Б. Чудский ящер — реликт мезозоя? // Техника — молодежи. 1984, № 7.

Малявин В.В. Сумерки Дао. М.: Астрель, 2000.

Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. М.: Наука, 1983.

Матвеев К., Сазонов А. Земля Древнего Двуречья. М.: Молодая гвардия, 1986.

Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. АН СССР, 1956.

Махабхарата // Рамаана. М., 1974.

Мень А. Исагогика / Пер. В.К. Афанасьевой. www.bible-center.ru.

Мир путешествий и приключений от 12.11.2002.

http://www.outdoors.ru/news/2002/11/12_1.php.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Мифологический bestiарий от Алконоста до Ягила. Калининград: Янтарный сказ, 1999.

Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990.

Мифы и легенды древней Индии. www.russianboston.com.

Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. Большая Российская энциклопедия, 2003.

Михайлова А.К. Строение птиц. www.morgans.ru.

Младшая Эдда. М.: Наука, 2005.

Монмутский Гальфрид. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. А.С. Бовича. М., 1984.

502

Морозов А. Ян Стрейс. Три путешествия. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.

Морозов И. Гербы городов Российской Федерации.
www.heraldry.hobby.ru.

Мустафин Р. Тайны озера Кабан. Казань, 1993.

Мяль А.Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

Научно-познавательная газета Музея мифов и суеверий русского народа «Куть». www.kuut.narod.ru.

Непомнящий Н.Н. По следам морского змея. Энциклопедия загадочного и неведомого. М.: Олимп, АСТ, 2001.

Омский государственный университет. www.omgis.omskreg.ru/amp/tolpeko/.

Описание герба Москвы. www.heraldry.hobby.ru/gub/mosc.php.

Отакэ Рисукэ. Учение школы Тэнсин Сёдэн Катори Синто-рю / Пер. на русск. яз. А. Горбылев. www.jiu-jitsu.kiev.ua.

Павлович И. Миражи над Жигулями. www.awesta.sibirjak.ru.

Павлович И. Огненные змеи — кто они? www.awesta.narod.ru.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века / Коммент. Р.П. Дмитриевой. Пер. А.А. Алексеева. М., 1984.

Песков В. Драконы острова Комодо // «Комсомольская правда» от 11.01.2002 г.

Песнь о Нибелунгах / Пер. песни со средневерхненем. и прим. Ю.Б. Корнеева. А.: Наука, 1972.

Печерская Т.И. Изучение фольклора в 5 классе. Народные легенды и духовные стихи. Книжный развал. www.rassvet.websib.ru.

Плешаков С.А. Тайны бермудских треугольников. М.: Рипол Классик, 2001.

Повесть о Еруслане Лазаревиче. Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987.

Повесть о Петре и Февронии / Перевод Б.А. Аарина. www.humans.ru.

Погребенные царства Китая. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.

Позолоченные драконы. Потраченные сокровища Золотых веков китайской истории / Сост. Кэрол Михалсон (Carol Michaelson), Лондон, 1999 (The Trustees of The British Museum, First published in 1999 by British Museum Press).

Полное собрание русских сказок: Т. 10. Сказки и предания Самарского края: Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тропа Троянова, 2003.

Поло М. Книга о разнообразии мира / Пер. с фр. о Е.Ю. Золотовой. Текст Марко Поло в переводе И.П. Минаева. Белый город.

Поляков Е.Н., Рачковский П.Ю. Дом с драконами: история и мифы. «Сибирская старина [on-line]». Томский краеведческий альманах.
www.starina.tomsk.ru.

Попов П.С. Китайский пантеон. В кн.: Сборник Музея по антропологии и этнографии. Вып. 6. СПб., 1907.

Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Пер. А. Ловягина. СПб., 1900.

Православный календарь. Сайт: www.days.pravoslavie.ru.

Пропи В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Рак И.В. Зароастрийская мифология. СПб., 1998.

Ригведа. Мандалы I—IV / Пер. с др.-инд. Т.Я. Елизаренковой. М., 1989.

Римские деяния (Gesta Romanorum) // ПЛАДР: XVII век. М., 1989.

Рифтин Б.А. Статьи в кн.: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

Рифтин Б.А. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970.

Розов Г.М. История золотой империи / Пер. Г.М. Розова. Российская академия наук. Сибирское отделение. Новосибирск. 1998.

Рудова М.Л. Китайская народная картинка. СПб., 2003.

Руми Джалаладдин. Книга двустыший. www.sufism.ru.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.

Сайт «Вся Норвегия на русском»:

<http://www.norge.ru/history/vikingspships.html>.

Сайт «Геральдика»: www.geraldika.ru.

Сайт «Гнездо драконов»: www.dragons-nest.ru.

Сайт «Драконы пещеры»: www.dragon.ur.ru.

Сайт «Мегатис»: www.history.megatis.ru.

Сайт «Сказки народов мира»: www.skazka.com.ru.

Сайт «Средневековые исторические источники востока и запада»:

www.vostlit.info.

Сайт Jennifer Walker; <http://www.draconian.com>.

Сайт; simbolarium.ru.

Сайт; www.heraldique-europeenne.org.

Сайт; Брестской области. www.brestobl.com.

Сайт города Казани; www.kazan.org.ru.

Сайт: г. Йошкар-Ола. www.capital.mari-el.ru.

Сапрыков В. Крылатый барс Татарстана // Наука и жизнь, 1994, № 10.

Сафронов А. Иностранец. № 03 28/01/98.

Сахаров И.П. Русское народное чернокнижие. Сказка о происхождении кикимор. М., 1836.

Святополк-Четвертынский И.А. Змееборческие концепты в Авесте, среднеперсидских текстах, Шахнаме, Ригведе, в хеттском мифе об Иллуянке, в древнегреческой традиции и шумерском мифе Lugal ud Me-Lam-bi. Реконструкция индоевропейской змееборческой модели. «Сайт о санскрите и не только»: www.devanagary.ru.

Свято-Русские Веды. Книга Велеса. М.: Фаир-Пресс, 2005.

Семенова М. Быт и верования древних славян. СПб.: Азбука-классика, 2001.

Синельченко В.Н. В мире мифов и легенд. СПб.: Золотой век, 2001.

Сказки Древнего Египта. Составление и общая редакция Г.А. Беловой и Т.А. Шерковой. М.: Алетея, 1998.

Сказки зулу. М.-А., 1937. www.izinganekwane.

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 10.

Сказки народов мира. Тысяча и одна ночь. М.: Детская литература, 1987.

Скифский квадрат // STRATUM plus. 1999, № 3.

www.stratum.ant.md.

Скифский мир. Неславянская Россия. Популярная энциклопедия. Сайт: www.sib.net.

Скляр А. Введение в «Драконографию». www.piramyd.express.ru.

Скрипиль М.О. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, 1946. № 11—12.

Словарь языческой мифологии славян. www.pagan.ru.

Снорри Стурлуссон. Круг Земной. (Snorri Sturluson «Heimskringla») / Издание подготовили: А.Я.Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980.

Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965.

Соколов В.С. Плиний Младший. М.: МГУ, 1956.

Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII—XIX веков. М.: Сов. Россия, 1974.

Сплитский Фома. История архиепископов Салоны и Сплита. Пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 1997.

Степанова О. Переводы с китайского. www.spintongues.msk.ru.

Стингл М. Индейцы без томагавков. М.: Прогресс, 1984.

Струве В.В., Редер Д.Г. Хрестоматия по истории Древнего Востока. МИВЛ, 1963.

Сычев А.П., Сычев В.А. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.

Таскин В.С. Го юй (Речи царств). М.: Наука, 1987.

Темняткин С.Н. «Уж-Палучато, Змея и Лягушка», «Кацкая летопись», 1999. № 9—10. www.kl-21.narod.ru.

Терентьев-Катанский А. П. Китайская легенда о драконе. В сб.: Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971.

Терентьев-Катанский А. П. Иллюстрации к китайскому бестиарию. Формат, 2004.

Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М.: Гранд-Фаир, 2002.

Толкин Дж. Р.Р. Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений в 2 т. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, 1984.

Тристан и Изольда. Библиотека Всемирной Литературы. Т. 22 / Пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: Художественная литература, 1974.

Указатель (теософских) понятий к «Тайной Доктрине» / Сост. Дж. Мида. Пер. с англ. А.П. Хейдока.

Фазлаллах Рашид Ад-Дин. Огузنامه / Пер. Р.М. Шукюровой. Баку, 1987.

Фомин О. «Беовульф» в аспекте традиционализма. www.vekovka.h1.ru.

Фонд «Москва-Крым». www.moscow-cityea.ru.

Форумы Лирика. www.forum.lirik.ru.

Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна» // «Кудруна». М., 1984.

Фролов Я. В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии. Горно-Алтайск: Алтайский государственный университет. www.new.hist.asu.ru.

Хабаров В. Ужасный змей древнерусских лесов. www.pages.com.ua.

Хачатурян В. Древний Китай. История, быт, нравы. М., 2001.

Хорхе Луис Борхес. Книга вымышленных существ. М.: Азбука-классика, 2005.

Хэнкок Г. Следы Богов. М.: Вече, 1997.

Цянь Сыма. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. М.: Восточная литература, 1972.

Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1995.

Чеснов Я.В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.

Чужая Д. Разбор «Сказки о происхождении кикимор» из книги И.П. Сахарова «Русское народное чернокнижие». www.kuut.narod.ru.

Шапошникова Л.В. «Утренняя Звезда». Альманах МЦР 1, Учителя, 1993.

Шешунова С.В. Святой Георгий Победоносец в русской поэзии. / Доклад на вечере, посвященном празднику ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 9 декабря 2004 года.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Изд. З. Буниятова. Баку, 1984.

Шуцкий Ю.К. Китайская классическая Книга перемен. М., 1993.

Эйвельманс Б. По следам неизвестных животных.

www.ufo.metrocom.ru.

Элфорд А. Боги нового тысячелетия. М.: Вече, 1998.

Энциклопедический словарь «Всемирная история». М.: Эксмо, 2003.

Энциклопедия «Кругосвет». www.krugosvet.ru.

Эрмитаж. www.hermitage.museum.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «ДРАКОН»	5
---------------------------------	---

ОПИСАНИЕ РАСЫ	12
---------------------	----

ЭВОЛЮЦИЯ	12
----------------	----

КАКИМИ БЫЛИ ДРАКОНЫ?	22
----------------------------	----

ПОЛЕТ ДРАКОНОВ	33
----------------------	----

Летные полости	38
----------------------	----

Каким газом были заполнены летные полости?	38
---	----

ОГНЕННОЕ ДЫХАНИЕ	40
КРОВЬ ДРАКОНОВ	43
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ	46
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ	54

508 ДРАКОНЫ РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ СВЕТА .....

ЗАПАДНЫЕ ДРАКОНЫ	56
Древний Вавилон	58
Древний Египет	73
<i>Потерпевший кораблекрушение</i>	76
Африканские драконы	79
Древняя Греция	89
Древняя Европа	113
«Беовульф» и датские чудовища	156
АЗИАТСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ ДРАКОНЫ	187
СКИФО-САРМАТСКИЕ ДРАКОНЫ	200
ДРАКОНЫ И ХРИСТИАНСТВО	217
ДРАКОНЫ НА РУСИ	226
<i>Русские Веды. Девятый клубок</i>	229
<i>Чудесная рубашка</i>	237
<i>Иван Туртыгин</i>	241
<i>Борма Ярыжка</i>	244
<i>Сказка о славном могучем богатыре</i>	
<i>Еруслане Лазаревиче</i>	248
<i>Гербы городов Казанского наместничества</i>	283
<i>Легенда о Ленских Столбах</i>	289

Огненный Змей	293
Былички и бывальщины о змее	303
Повесть о Петре и Февронии	311
ВОСТОЧНЫЕ ДРАКОНЫ	322
Китайские драконы	322
О том, как по животным счет годам вести стали	323
Легенда о драконьей жемчужине	340
Пик божественной девы	351
Тибетские драконы	378
Вьетнамские драконы	380
Корейские драконы	386
Японские драконы	389
Монгольские драконы	392
Индийские драконы	398
Цинпа-Ценпо, или Великий Милостынедатель, ходивший за море	405
Драконы в Лаосе	424
Драконы в Бутане	424
Островные драконы	426
ДРАКОНЫ В НОВОМ СВЕТЕ	428
ДРАКОНОБОРЧЕСТВО	435
Истоки драконоборчества	435
Как это было	446
Егорий и змей	453
Способы убиения драконов	459

СОВРЕМЕННЫЕ ДРАКОНЫ..... 462

СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ДРАКОНОВ..... 474

ПРИМЕЧАНИЯ..... 477

510

ЛИТЕРАТУРА..... 496

Научно-популярное издание

Копычева Татьяна Анатольевна

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ДРАКОНОВЕДЕНИЕ

Генеральный директор **А.А. Палько**
Ответственный за выпуск **В.П. Еленский**
Главный редактор **С.Н. Дмитриев**
Корректор **С.В. Козлова**
Дизайн обложки **Д.В. Грушин**
Верстка **М.А. Виноградов**

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.12.2006. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Гарнитура «LazutskiC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 32. Тираж 3000 экз. Заказ С-8.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Верите ли вы в драконов? Не в персонажей мифов и легенд, а в реальных, из плоти и крови, живых существ? Автор этой книги, суммируя едва ли не все известные людям сведения о драконах (порой диаметрально противоположные), не заставляет читателя делать какие-то определенные выводы. Однако, узнав в деталях, как выглядят драконы, как они учатся летать; постигнув тонкости драконьей анатомии и их повадки; изучив историю их весьма непростых отношений с людьми, внимательный читатель, несомненно, приобретет уникальные познания в области драконоведения. Даже если не во всем поверит автору...

ISBN 978-5-9533-1824-2

